

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА

ДЖЕК ЧАЛКЕР

ПИРАТЫ «ГРОМА»

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА

***Jack L.
Chalker***

***Lords of the
Middle Dark***

***Pirates of the
Thunder***

ДЖЕК
ЧАЛКЕР

ВЛАСТЕЛИНЫ
СРЕДИННОЙ ТЬМЫ

ПИРАТЫ
«ГРОМА»

ББК 84 (7США)
Ч17

Серия основана в 1992 году

Составители серии: С.Н.Герцева, Н.А.Науменко

Перевод с английского В.М.Глинки

Серийное оформление А.В.Сальникова

*В оформлении обложки использована работа Хакмана,
представленная Александром Корженевским.*

**Печатается с разрешения автора
и его литературного агента Spectrum Literary Agency**

**Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.**

Чалкер Дж. Л.

Ч17 Пираты "Грома": Романы /Пер. с англ. В.М.Глинки. – М.: ООО "Издательство АСТ", 1997. – 656 с. – (Координаты чудес).

ISBN 5-7841-0735-6

Гигантский компьютер безжалостно подчинил себе человечество, и борьба с ним невозможна без пяти великих Колец – мощных микросхем, способных уничтожить нового правителя мира.

Но одно из Колец спрятано на Земле, три других – на далеких космических колониях. А последнее исчезло – казалось бы, бесследно. На охоту за Кольцами отправляется бесстрашная команда тех, кого одни называют героями и спасителями, а другие – пиратами "Грома".

© Jack L. Chalker, 1986, 1987
© Hukman, 1997
© ООО "Издательство АСТ", 1997

ВЛАСТЕЛИНЫ
СРЕДИННОЙ ТЬМЫ

**Jack L.Chalker
Lords of the Middle Dark
1986
Перевод с английского
В.М.Глинки**

Всем, кто еще верит, что без воображения мы — ничто, а без риска и опасных приключений невозможно совершить ничего достойного.

1. ЧАША БОГОВ

В большинстве своем люди верят, что в концах концов попадут на небеса, — это свойственно даже тем, кому, по мнению окружающих, уготовано совсем иное место. Но лишь очень немногим кажется, что попасть туда можно еще при жизни.

Горой Богов называли ее шайены. Она была настолько чужда этому миру, что, казалось, вот-вот должна исчезнуть словно мираж — и все же, сколько Люди помнили себя, всегда была здесь.

Огромная и зловещая, она возвышалась над обычными горами, подобно гигантскому вулканическому конусу — но при этом она никогда не была вулканом. Из тех, кто отваживался взойти на нее, не вернулся ни один, и даже в самые ясные дни вершина ее была скрыта плотным кольцом облаков — оно постоянно вращалось и никогда не опускалось ниже пяти с половиной километров.

Этих странностей было достаточно, чтобы внушить Людям почтение и суеверный страх, но он всегда чем-то отличался от своих соплеменников и потому с детства скорее восхищался Горой, нежели боялся ее.

Он был одним из Людей — тех, кого нелюди из других народов называли шайенами. Он был охотником, он был воином — он был полноправным членом племени, наконец, и, как все Люди, обладал таинственным чувством единения с природой, ощущением внутренней связи между миром и человеком. Он принимал

почти все, чему его учили, — но он никогда не верил, что внутри Горы живут боги.

И вождю, и знахарю было известно о его сомнениях, однако, сколько они ни старались, поколебать их не удалось. Напоминая ему о судьбе смельчаков, дерзнувших штурмовать Гору, они говорили, что склоны ее священны и охраняются особо могущественными духами. Он верил и в духов, и в священную землю, но считал, что эти понятия не имеют к Горе никакого отношения. По сравнению с остальными, предания, связанные с ней, были слишком недавними и выглядели чрезвычайно неубедительно. Он знал, что есть вещи, созданные небесами, есть — природой, а есть — человеком, и всегда был уверен, что Гора принадлежит именно к последним. Она стояла на земле его народа, но существовала отнюдь не с древнейших времен, и он ничуть не сомневался, что легенды и сказания о ней были распространены умышленно — чтобы исключить любые расспросы о ее происхождении. Словом, там, где его соплеменникам чудилось сверхъестественное, он видел лишь нечто оскорбительное и даже, пожалуй, святотатственное.

— Мы охотимся на бизонов и оленей, — говорил ему знахарь, — и владеем этой землей по милости Творца. Воистину, это хорошая жизнь. А Гора всего лишь часть окружающего мира.

— Это вовсе не часть окружающего мира, — возражал бунтарь. — Она не естественна, но и не сверхъестественна, и я не хуже тебя знаю, на что это похоже. Там, в Консилиумах, люди далеки от природы и вынуждены полагаться не на собственное мастерство — мастерство духа или тела, — а в основном на механизмы и прочие искусственные приспособления. Все знают об этом, ведь раз в два года они обязаны прожить среди нас три месяца. Эта Гора не от богов, не от природы — она от человека. Ты мудр. В сердце своем ты знаешь, что это так.

— Я знаю многое, — осторожно отвечал Знахарь. — Не могу сказать, что в твоих словах нет ни крупицы истины, но истина и правота — не всегда одно и то же. Однажды Творец уже наказал нас за нашу гордыню, отдав нас во власть даже не то что нелюдям, по бледнолицым демонам, которые охотились за нами ради забавы, а немногих оставшихся гоняли на бесплодные земли, где сама жизнь — так, как мы ее представляем, — была невозможна. Это был ад наяву — и хотя потом одни бледнолицые демоны были взяты к звездам, а другие вернулись на свою прежнюю родину, за Восточное море, многое еще напоминает о том зле, которое они совершили. До сих пор, поднявшись на холм, ты можешь увидеть горные хребты, прорезанные широкими дорогами, а в лесах встретить руины некогда величественных городов.

— И это лишний раз доказывает, — со странной усмешкой подхватил он, — что все предания о Горе созданы лишь для того, чтобы держать людей подальше от ее склонов. Другими словами, она — творение земных сил, а не небесных.

— Земных и адских сил! — Знахарь с отвращением сплюнул. — Это дурное место. Быть может, там вход в самый ад. Но пока она не беспокоит нас, зачем нам беспокоить ее? Если ты бросишь вызов Горе и она поглотит тебя так же, как поглотила твоих предшественников, — что в этом хорошего? А если ты останешься в живых, но выпустишь на свободу полчища злобных демонов, то снова навлечешь на нас гнев Творца и погубишь свой народ.

— Может, ты и прав, старик, — и все же я брошу ей вызов! Я сделаю это потому, что она здесь, а я желаю знать, а не прятаться от неизвестности, как прячется ребенок в грозу, невежеством своим усиливая свой страх. Долг Человека — победить страх, иначе мы превратимся в животных. Я уважаю Гору, но не боюсь ее, и есть только один способ доказать это Творцу, воз-

высившему нас духом над прочими своими созданиями. Пусть я погибну, но погибну с честью, как храбрец. Если я отступлюсь, убоявшись смерти, то паду в своих собственных глазах. Если я отступлюсь из-за страха перед демонами, о которых ты говорил, то значит, весь мой народ охвачен страхом, и стало быть, мы не Люди, не венцы творения, а лишь жалкие твари, подвластные темным инстинктам. Стоит позволить страху управлять тобой в малом, он вскоре будет управлять тобой и во всем остальном.

Знахарь вздохнул:

— Я всегда говорил, что тебя нужно отправить на обучение в Консилиум. У тебя как раз подходящий склад ума. Но, боюсь, теперь уже слишком поздно. Ступай. Взойди на Гору. Погибни с честью, доказав себе свое мужество. Да пребудет с тобой моя скорбь, ибо, будучи наделен великим умом, ты окончишь жизнь бесцельно и бесполезно. Я не желаю больше спорить с тобой. Тонка грань, отделяющая упорство от упрямства, и не в моих силах вернуть того, кто ее переступил. Ступай!

Ему повезло: подъем был опасным, но нетрудным. Шайены не умели обрабатывать металлы, и он боялся, что окажется недостаточно подготовленным к восхождению, но здесь, на крутых скалистых склонах Горы, было вполне достаточно крепкой веревки, сильных рук и верного глаза.

Он оделся тепло, его одежда, подбитая мехом, могла выдержать любые испытания, а капюшон и маска на лице защищали от пронизывающего холода, царящего на высоте даже в это время года. По опыту прежних восхождений он знал, что по мере подъема воздух будет становиться разреженнее, и не спешил, чтобы организм успел привыкнуть к высоте. Его запас воды был ограничен, а солонина, которую он взял с

собой, вызывала сильнейшую жажду, но он надеялся быстро добраться до кромки вечных снегов и потому не особенно беспокоился.

Чем ближе становилось облачное кольцо, тем больше крепла в нем уверенность, что он — единственный, кому удалось зайди так далеко. Снежные оползни и скрытые расщелины в сочетании с недостатком опыта могли остановить любого — тем более что кажущаяся легкость подъема была способна внушить новичку излишнюю самонадеянность, которая оказалась бы губительной.

Но у него опыта было достаточно, и пока все шло точно так же, как и в предыдущих его восхождениях — только эта гора была намного выше. Вблизи она уже не казалась такой странной, и он даже начал подумывать, не сыграло ли воображение злую шутку с его народом.

Однако над головой по-прежнему бурлила густая масса облаков, которых здесь просто не должно было быть — во всяком случае, не постоянно, да еще на такой высоте, — и это обстоятельство подстегивало его решимость и разжигало любопытство. Он войдет в эти облака!

Когда он добрался до них, холод стал невыносимым: казалось, даже глаза превращаются в хрусталики льда. Здесь начиналась самая опасная часть восхождения: пробираясь на ощупь в ледяном тумане, легко сбиться с пути, и если облака тянутся до самой вершины, один неверный шаг может привести его прямо в бездну.

Правда, облака оказались не настолько плотными, как он опасался: кое-что можно было разглядеть, но поднялся сильный ветер, и под его порывами каждое движение могло стать роковым. Внезапно воздух потепел — не сильно, но вполне ощутимо, — и он насторожился; в окружающем тумане не было ничего подозрительного, он по-прежнему оставался всего лишь

туманом, но отсутствие каких-либо запахов настораживало: ведь наиболее вероятный источник тепла — выход горячих газов или что-нибудь в этом роде. Весьма озадаченный, он продолжил восхождение и через пару десятков шагов внезапно вышел на чистое пространство. Строго говоря, это был лишь узкий промежуток между двумя слоями облаков, образованный массой теплого воздуха, но это уже не имело значения: прямо перед собой, метрах в двенадцати, он увидел вершину Горы. Второе облачное кольцо клубилось значительно выше.

Здесь, наверху, Гора еще больше напоминала вулкан; идеально круглая воронка кратера диаметром более сотни метров выглядела столь же неестественно, как стена облаков и неожиданное тепло. Собственно говоря, кратер и был источником этого тепла: он ясно видел, как над ним дрожит воздух. Человек осторожно, ползком, подобрался к краю кратера и заглянул внутрь. На мгновение ему показалось, что непривычно долгое восхождение лишило его рассудка.

Лица... Огромные лица, высеченные из белесового камня, окружали воронку. Носы были не меньше восьми метров в длину, а гигантские рты, к счастью, закрытые, вполне могли бы проглотить целое стадо бизонов.

«Кто изваял их? — со страхом подумал он. — И зачем?»

Метрах в сорока ниже кольца каменных лиц воронка кончалась. Дырчатый пол казался покрытым какой-то грубой тканью, но он был достаточно искушен, чтобы понять: это наверняка металл. Сквозь узкие ячейки этого диковинного сита из недр горы поднимался горячий воздух, создающий облачную завесу и поддерживающий температурный режим вокруг вершины. В центре воронки имелось изображение пяти колец, размещенных квадратом: четыре по углам и пятое — в середине. Внутри колец тоже виднелись какие-то рисунки, но разглядеть

их как следует не удалось: отчасти мешало расстояние, но больше — что-то напоминающее смолу, которой были залиты рисунки. Местами это покрытие было сколото, из чего он сделал вывод, что оно появилось здесь позже, чем изображения.

Еще раз взглянув на исполненные лица, он почувствовал озноб. Они были загадочны и внушили трепет; он не сомневался, что перед ним — лики дремлющих духов Горы. Чертвы их были бесстрастны, глаза — закрыты. Он насчитал двадцать пять изваяний, но, приглядевшись, сообразил, что на самом деле разных лиц всего пять, каждое из которых повторяется пятикратно.

Мужчина с короткими курчавыми волосами и широким приплюснутым носом. Пожилая женщина с пухлыми щеками. Другая женщина, гораздо моложе, с красивым нежным лицом. Она чем-то напоминала шайенку, но глаза у нее были странно раскосыми, как у кошки. Очень старый мужчина, весь в морщинах и почти абсолютно лысый. И наконец, самый странный из всех: мужчина с необыкновенно длинным лицом, впалыми щеками и крючковатым носом.

Изваяния были расположены по кругу, и будь их глаза открыты, они смотрели бы вниз, на что-то, находящееся в самом центре кратера.

Кем они были? Создателями Горы, пожелавшими увековечить себя в назидание потомкам? Но зачем они создали Гору? Почему именно здесь? Какая сила порождает это странное тепло, идущее из недр? И вообще — существует ли ответ на эти вопросы?

Он медлил, решая, что делать дальше. Он бросил вызов Горе, он победил, он достиг своей цели — и что же? Спуститься вниз и рассказать — о чем? О двадцати пяти огромных лицах, высеченных в стене кратера, о решетке на дне, сквозь которую дует теплый ветер? Кто ему поверит? Поверит ли он сам, что видел это, когда

этой картины уже не будет у него перед глазами? Он поставил себя на место человека, выслушивающего подобные сказки, и поморщился. Нет, так не пойдет. Слов недостаточно, нужно что-то вещественное. Стало быть, придется спуститься в кратер... Но как это сделать? Найдется ли тут подходящий камень, чтобы надежно закрепить веревку? И надо еще прикинуть длину и убедиться в прочности...

Размышляя так, он пошел вокруг кратера и внезапно заметил у самого края какой-то тусклый отблеск. Он направился к этому месту и вдруг остановился, пораженный.

Стержень. Металлический стержень. Он был прочно вмурован в скалу, а на нем болтался полусгнивший обрывок веревки. Похоже, он все-таки побывал здесь не первым и не ему одному пришла в голову мысль спуститься в кратер.

Он нагнулся и осмотрел стержень. Слишком гладкий и слишком прочный, тот никак не мог выйти из-под молота деревенского кузнеца. Это была продукция машины, принадлежащей Консилиуму, — а быть может, и чему-то, превосходящему Консилиум. Веревка, чересчур толстая и чересчур сложного плетения, тоже явно не могла быть изготовлена вручную.

Распластавшись на скале, он подполз к кромке кратера и заглянул вниз, в просвет между лицами старика и женщины с раскосыми глазами. Что здесь произошло? Быть может, веревка просто перетерлась об острый камень? Он вытянул шею, чтобы получше разглядеть стенки, и, вздрогнув, едва не свалился вниз.

Скелеты. Остатки веревки и останки людей. Все, кто пришел сюда до него, умерли на дне кратера.

Итак, это, судя по всему, какая-то ловушка... Но в любой ловушке должна быть приманка — и здесь приманкой служило явно не простое любопытство. Видимо, лица духов — а теперь он уже ни капли не

сомневался, что это именно духи, — сторожат нечто, спрятанное глубоко внизу. Он попытался представить себе ценность того, что могло подвигнуть людей на такой риск, — и не смог: это было выше его понимания.

Переведя дыхание, он еще раз внимательно осмотрел дно кратера. На самой решетке, кроме рисунков, ничего не было; видимо, то, что здесь искали, находится ниже — но тогда где-то должен быть вход, какая-то дверь или пещера... Присмотревшись, он увидел нечто, похожее на фреску, какой-то рисунок на скале, метрах в полутора от пола. За исключением этого стены выглядели вполне обычно.

Он вновь опасливо покосился на лица. Под неподвижным камнем могла скрываться любая угроза, глаза могли в любой момент распахнуться, превратившись в бойницы. Судя по положению стержня, тот, кто его вмурывал, тоже об этом подумал. Но что-то обрезало веревку, и смельчак рухнул на решетку далеко внизу. Кратер был средоточием могущества, но вместе с тем и средоточием смерти, и у него хватило здравого смысла понять, что, спустившись туда сейчас, не имея ни малейшего понятия, что его там ожидает, он докажет отнюдь не свою отвагу, а только глупость. Возможно, кто-нибудь когда-нибудь сумеет объяснить ему увиденное, но для этого нужно вернуться и рассказать обо всем.

Принятое решение успокоило его. Он отполз от края воронки и, немного передохнув, проверил свои припасы. Солонины осталось совсем чуть-чуть, хоть он и старался экономить. Восхождение заняло пять суток, однако на обратном пути он надеялся уложиться за пару дней.

Но перед тем, как отправиться назад, он решил немного поспать. Он сильно устал, в тепле его разморило, и все же заснуть оказалось нелегко. А заснув, он увидел сон, зловещий сон...

...Он стоял на дне кратера и, задрав голову, смотрел вверх, на кольцо скульптур. Каменные лица ожили, глаза их открылись и созерцали его, насмешливо и высокомерно.

Оглядевшись, он увидел, что стоит по колено в груде скелетов. В ужасе он попятился, но, запутавшись в собственной веревке, упал. Кости хрустнули под его тяжестью, в лицо оскалился белый череп. Вскрикнув, он отпихнул его и вскочил, опираясь о стену.

Теперь он отчетливо видел странный рисунок на противоположной стене кратера. Это была не фреска, а скорее мозаика — и так же, как рисунки на полу, представляла собой узор из пяти колец, расположенных квадратом, правда, более четкий. Изображения в кольцах живо напомнили ему наскальные рисунки художников его племени, и он не сразу обратил внимание, что в каждом рисунке имеется небольшой черный квадратик, словно в этом месте выпал кусочек мозаики.

Внезапно по кратеру пронесся порыв ветра — это заговорили каменные изваяния. Язык был незнакомый, но почему-то он понимал каждое слово.

— Кольца... Кольца... — шептали они. — Пять золотых колец... Ты принес кольца?

— Какие кольца? — услышал он свой собственный крик. — Я не знаю никаких колец!

— У него нет колец... — прошептал морщинистый старик, и остальные мужчины подхватили: — Нет колец... Нет колец...

— Нет плодов, нет птиц, нет колец... — вступили женщины.

— Тогда зачем же ты здесь? — спросили мужчины.

— Я хотел лишь узнать, что тут такое, почему эта гора стоит на священной земле моего народа... Я хотел только увидеть... Больше мне ничего не нужно!

Все пятеро дружно вздохнули.

— Нам жаль... — прошептали они, и эхо гулко повторило их шепот. — Нам очень жаль тебя... Но, видишь ли, любопытство здесь не дозволено...

И останки тех, кто пришел сюда до него, зашевелились, поднялись и двинулись к нему, чтобы сделать его одним из них...

...Он вздрогнул и проснулся, весь в холодном поту. Ветер крепчал, и заметно похолодало. Облачные кольца, разделенные тепловой завесой, вращались с немыслимой быстротой, и так же быстро крутились облака внизу. Он поспешил вскочил, мечтая как можно скорее убраться подальше от этого жуткого места. Теперь в отступлении не было ни трусости, ни позора: это место было средоточием величайшего колдовства, противостоять которому может лишь тот, кто обладает несравненно большим могуществом, чем простой воин. В самоубийстве нет никакой чести, а оставаться здесь было бы равносильно самоубийству.

Он быстро достиг нижнего слоя облаков, вступил в него — и в этот момент налетел шквал.

Человеческий крик потонул в завывании ветра. Вихрь подхватил его, оторвал от земли и швырнул о скалу в нескольких сотнях метров ниже по склону.

2. ПРОКЛЯТИЯ ИСТОРИИ

оубенно Ходящий, верховный зناхарь и хилер народа хайакутов, который на самом деле был прям как стрела, даже сейчас, на восьмом десятке, медленно поднимался по склону холма к хижине Бегущего с Козодоями. Он собирался нанести обычный визит вежливости и изложить привычные жалобы.

Летающие блюдца опять распугали бизонов.

Вот уже более двадцати лет Козодой проводил свои рекреации в это время года и в этом месте. Несмотря на свое относительно привилегированное положение и высокий ранг, он был обязан по меньшей мере четверть года жить среди своих соплеменников, жить той же жизнью, что и они. В общем-то это его не особенно беспокоило, за исключением некоторых небольших неудобств, вроде предстоящей беседы со знатарем, да неизбежных задержек в работе над текущими проектами. И все же насильственный переход от электрического освещения, кондиционированного воздуха и компьютерной обработки данных к бревенчатой хижине, обмазанной глиной, был довольно болезненным.

Он знал, конечно, что в прежние времена его коллеги вполне успешно трудились при свете костра, свечей или факелов, но при этом они имели перед ним одно существенное преимущество — тому, кто не знает, что такие удобства и такая технология вообще могут существовать, не приходится и мечтать о них.

Прожитые годы избороздили морщинами лицо старого захаря и выбелили его длинные волосы, но глаза его смотрели молодо, а гордая осанка ясно говорила, что этот человек не выбрал бы себе в жизни иного места и иного дела.

— Приветствую тебя, Бегущий с Козодоями, и добро пожаловать на родную землю, к своему народу, — произнес старик на мелодичном языке своих предков. — Ты не очень изменился, хотя и начинаешь округляться, особенно в животе.

Его собеседник улыбнулся:

— И я приветствую тебя, почтенный мудрец. Добро пожаловать в мою небогатую хижину, к моему очагу. Прошу тебя, садись и поговори со мной.

Был ясный звездный вечер, тонкий серпик луны неторопливо плыл в темном небе. Старик устроился возле небольшого костра, а Козодой, согласно обычая, сел напротив.

— Не случилось ли тебе протащить потихоньку немного доброго хуча, сын мой? — спросил старик, смешивая слова двух языков.

Молодой весело ухмыльнулся:

— Ты же знаешь, что это запрещено, почтенный старец. Я не хочу наживать себе неприятности.

Старик обеспокоенно покачал головой, несмотря на то что эта сценка разыгрывалась неизменно из года в год.

— Однако, — добавил Козодой, — ты оказал бы мне честь, разделив со мною освежающую настойку из целебных трав.

С этими словами он достал большую тыквенную бутыль и протянул ее собеседнику.

Старик принял ее, выдернул грубую затычку и сделал большой глоток. На его лице появилось восторженное выражение.

— Отменно! — прохрипел он. — Да, ты и впрямь хитроумен, мой мальчик!

Он хотел было вернуть бутыль, но собеседник жестом остановил его.

— Нет-нет, это все твое. Это подарок, пусть он отгоняет от тебя холод в зимние ночи.

Старик улыбнулся и благодарно покивал:

— У нас кое-кто гонит довольно сносное питье из кукурузы, но, боюсь, я уже для него староват. Чтобы его пить, надо иметь внутри несколько лишних молодых слоев, потому что каждая выпивка смывает один слой, а по этой части, похоже, я давно уже в долгу у Творца.

Эта тема разговора была исчерпана, и пора было переходить к следующей.

— Хороши ли дела нашего племени, старейшина? Я отсутствовал довольно долго.

— Не так уж плохи, — ответил старик. — Хайакуты ныне исчисляются тысячами, а наше племя насчитывает почти три сотни. В это лето было много рождений и мало смертей. Конечно, на севере черноногие и эти проклятые dakota превысили свои квоты на охоту, а на юге апачи опять нарушили границы — и я опасаюсь, что скоро нам придется воевать с теми или с другими. Откочевка на юг проходит мирно, но эти проклятые летающие блюдца распугивают бизонов, из-за этого у нас было немало трудных и голодных дней. С жадными соседями мы управимся сами, но только ты можешь хоть что-то поделать с этими окаянными летучими штуковинами.

Бегущий с Козодоями вздохнул:

— Каждый год я как представитель племени вношу протест, и меня уверяют, что маршруты полетов будут пересмотрены, а в конечном счете оказывается, что так ничего и не сделано. Ты говоришь, что я разжирел, но те, кто может изменить положение дел, разжирели еще больше, и жир у них не только на брюхе. — Он снова вздохнул. — Частенько я испытываю желание собрать

Совет Войны и проделать с нашими администраторами то, что мы когда-то проделали с сиу.

— Но ведь у вас есть и другие хайакуты, и все твердят об одном и том же. Почему это не прибавляет понимания?

— Ты и сам знаешь почему. В Высшем Консилиуме преобладают ацтеки, майя, навахо, нец-персе и им подобные.

— Фермеры и горожане! Никто не смог бы прожить здесь хотя бы неделю, не говоря уже о четверти года! Будь проклято время, когда миром стали править старухи. В особенности те старухи, которые состарились задолго до собственного рождения!

— Ты стар и мудр. Ты знаешь, что это всего лишь вопрос численности. Те, кто свободно следует за стадами бизонов и гуляет по равнинам, как ветер, никогда не сравняются числом с теми, кто занимается фермерством и ремеслами.

Старик отпил еще глоток и вздохнул:

— Знаешь, мальчик мой, я часто думаю, что неплохо бы им совсем убраться прочь, после того как они вернули нам землю наших предков и восстановили наши обычай. Моя душа никогда еще не была так полна, как здесь, под этими звездами, когда я смотрю на траву, что волнуется под ветром, и внимаю ласковому шепоту Творца.

— Не забывай, что тогда у нас не было бы лошадей, — в очередной раз напомнил старику Козодой. — Древние дни были не такими уж чудесными. Женщин выдавали замуж по первой крови, и они рожали по двадцать детей в надежде, что выживет хотя бы один. Наши предки едва доживали до тридцати пяти лет. Болезни косили наш народ. Быть может, несколько летучих кораблей, которые время от времени распугивали нескольких бизонов, — не такая уж большая цена за то, что мы избавлены от подобных бедствий.

— Знаю, знаю... Тебе вовсе не обязательно поучать меня.

— Прости... В конце концов я всего лишь историк. Чтение лекций у меня в крови. — Он вздохнул. — Я давно не был дома и забыл обычай. Ты мой гость, а я спорю с тобой.

— Ничего. Я всего лишь невежественный старик, я скитаюсь по равнинам в ожидании того часа, когда прах мой станет пылью, гонимой ветром. Не принимай мое дурное настроение как знак осуждения. Минувшим летом к нам вернулись трое из Малого Консилиума. Я горжусь твоими заслугами, мой мальчик, так же, как горжусь тем, кто, достигнув должного возраста, проходит положенные испытания и становится охотником и воином. Каждый должен следовать собственному пути, и я скорблю о тех, кто был возвращен к нам помимо своей воли.

Козодой нахмурился:

— Я их знаю?

— Думаю, что нет. Молодая чета, Хитрый Койот и Песня Луны. Не могу точно сказать, где они работали, но кажется, где-то на востоке. Чем они занимались, я так и не понял, но он всегда умел хорошо обращаться с числами. С тобой все иначе. Историю мне понять куда легче. Я не могу постичь смысл науки, которая не приносит прямой пользы.

Козодой рассеянно кивнул. В страхе перед подобной участью жил любой, кто благодаря каким-то особым талантам или способностям был принят в Консилиум. Ему становились доступны все чудеса и удобства цивилизации, но взамен он обязан был вести себя осторожно и никогда не бросать вызова установленному порядку, хотя бы случайно. Это касалось даже магистров. Никто не был настолько важен, чтобы не зависеть от кого-то, стоящего выше, и никто не стоял настолько высоко, чтобы его нельзя было заменить.

Козодой попытался припомнить этих двоих, но не смог. Впрочем, это было не важно. Что ему действительно хотелось бы знать — так это в чем именно они провинились, но этого ему не мог бы сказать никто, и меньше всего — они сами. При этом он ни минуты не сомневался, что их проступок по-настоящему серьезен. Даже самый мелочный и придирчивый начальник не смог бы отослать своих подчиненных, например, по личным причинам: процедура эта была слишком сложна и требовала подробного обоснования, которое потом еще перепроверялось вдоль и поперек. Слишком много усилий было вложено в каждого, кто достиг уровня Консилиума, чтобы упрощать этот путь.

А все же интересно, кем был изгнаник. Специалистом по компьютерам? Астрономом, физиком, математиком? Годы учения, годы тяжких трудов — и все впустую. Теперь все это заменено иной памятью, иными взглядами, которые помогут ему стать добродорядочным членом племени. И вот мужчина, решавший сложнейшие уравнения, и женщина, которая по меньшей мере умела воплощать его мысли в хитроумных компьютерных моделях, начинают день с молитвы духам и Творцу, не интересуясь ничем, что лежит за пределами земель их племени.

— Я надеюсь, ты не сделал ничего, что заставило бы тебя разделить их судьбу? — тихо спросил старик.

Козодой вздрогнул:

— Что? Надеюсь, что нет. А почему ты спросил?

— Неподалеку отсюда видели демона, крадущегося в траве. Разумеется, он послан не за кем-то из нас.

— Вал? Здесь? — Козодой не на шутку встревожился. Действительно, единственной возможной целью был он. — И давно это было?

— Дня четыре тому назад, а может, и больше. Но, я думаю, тебе вряд ли следует опасаться. В конце кон-

цов, ты здесь всего два дня и куда проще было бы забрать тебя еще до отъезда. Разве не так?

— Согласен. И все же мне не нравится, что эта нежить ошивается возле моего дома — за кем бы он ни охотился.

Козодой старался говорить уверенно, но в душе этой уверенности не чувствовал. Он вдруг вспомнил, что перед отъездом его послали на считывание ментокопии. Правда, такие процедуры проводились довольно регулярно и результаты их, как правило, не использовались, но что, если у Вала зародились подозрения? С другой стороны, на планете не так уж много этих созданий, и у них наверняка есть дела поважнее. Должно быть, это все-таки случайное совпадение.

Козодой беспокоился еще и потому, что на самом деле чувствовал за собой определенный грешок. Но способен ли Вал вообще испытывать подозрения? Нет, пожалуй, в это невозможно поверить. Старик прав. В случае чего его забрали бы еще до отъезда или непосредственно в момент прибытия.

Знахарь, чувствуя тревогу собеседника, мягко перевел разговор на другое.

— Ты все еще не женат. В твоем возрасте мужчины уже полагается иметь детей.

Это замечание лишь отчасти отвлекло Козодоя от прежних мыслей.

— В Консилиумах редко встречаются женщины из нашего народа, и совсем нет таких, кто мог бы вынести брак с человеком вроде меня.

— В нашем племени достаточно молодых и красивых женщин.

— Не сомневаюсь. В этом смысле нам всегда везло. Но как я могу взять кого-то из них в жены? Вырвать ее из привычного мира и забрать в Консилиум? Это все равно что заставить рыбу жить в прериях. Возвращаясь сюда после долгого отсутствия, я чувствую то

же самое. Мое сердце всегда с моим народом, но разум отделен от него целыми мирами.

— Да, это большое расстояние, — ответил старый знахарь. — Даже когда ты живешь со своим народом, ты отделен от него. Ты всегда возвращаешься перед самой откочевкой и проводишь слишком мало времени с Четырьмя Семействами. Ты воздвиг горы между собой и человечеством, между собой и своим народом. Я пришлю тебе кого-нибудь, кто поможет тебе готовить еду и возьмет на себя часть твоей повседневной ноши.

— Нет, я...

— Да. — Тон знахаря изменился. У него была власть, и он умел ею пользоваться. Вождь племени был скорее военачальником, политиком был знахарь. Это он решил послать Козодоя на обучение, это он избрал его для Консилиума. В иерархии, созданной цивилизацией, положение знахаря было достаточно низким, но здесь, на земле предков, он был выше Козодоя.

Они еще немного посплетничали о старых знакомых, и наконец старик зевнул и распроштался. Козодой долго смотрел ему вслед, чувствуя одновременно и свою общность с этой землей и свое одиночество на ней.

Четыре Семейства, о которых упомянул знахарь, должны были символически представлять само племя и его территориальные права зимой, когда все остальные откочевывали на юг. Строго говоря, хайакуты не владели землей — более того, даже мысль о том, что она вообще может принадлежать кому-то, показалась бы им дикой, — но они были крошечным племенем, частью небольшого народа, окруженного многочисленными и сильными соседями, а в такой ситуации вопрос о сохранении территориальных прав становился решающим.

Мысли о Вале по-прежнему не давали ему покоя. Не исключено, что старик ошибся. «Ну что ж, не я

первый, не я последний, — подумал Козодой. — В конце концов, мое сердце, моя кровь — с этой землей, с ее ветрами».

Однажды он встретил женщину — недоступную ему женщину. Она была прекрасна и умна. Как антрополог она занималась племенами равнин — что их и сблизило. Он был тогда молод и влюбился без памяти, потому что она была наделена всем, что он хотел бы видеть в женщине, жене, подруге. Она не заметила его любви, вернее, приняла ее за дружбу и уважение, а он был слишком робок, чтобы добиваться большего, и кроме того, боялся отчуждения, неизбежного в случае неудачи. Он боялся потерять ее — и, разумеется, потерял, потому что она вышла замуж за социолога из племени джимма, принадлежащего к его народу. Она была так счастлива тогда — и он был первым, с кем она поделилась своим счастьем.

А у него не осталось ничего, кроме работы, и он ушел в нее с головой, ринулся в нее со всей своей неразделенной страстью, отгоняя от себя мысли о самоубийстве и нарастающее безумие. Впрочем, не исключено, что он действительно сошел с ума. Он часто подозревал это, но знал, что никто не станет беспокоиться насчет безумия, которое заставляет человека работать больше и лучше других.

Ее звали Танцующая в Облаках, и вот уже целых два дня она с усердием, достойным лучшего применения, пыталась сделаться несчастной — впрочем, без особого успеха. Она была миловидна, стройна, примерно на голову ниже его ростом и, кажется, хорошо сложена, хотя традиционное просторное платье не позволяло судить об этом наверняка. Ей было тридцать лет, но выглядела она гораздо моложе и, если только любознательность может служить признаком сообра-

зительности, была очень и очень сообразительна. Кроме того, она была невероятно энергична: все предубеждения чужаков насчет того, что женщины коренных американских народов пассивны и вялы, исчезли бы в первые же десять минут общения с ней.

Окинув взглядом его маленькую хижину, она первым делом заявила:

— Да в этой халупе смердит так, словно тут вляется падаль! Не могу понять, как мужчины умудряются терпеть эту грязь, когда достаточно нескольких минут, чтобы вытряхнуть то, чему полагается лететь по ветру, и позволить духам жизни изгнать всю мертвечину!

Не обращая внимания на протесты, она вытащила наружу его одеяла и запасную одежду, а когда взялась за тюфяк, ему волей-неволей пришлось помочь ей, и вскоре он обнаружил, что помимо своего желания вовлечены в большую уборку — хотя бы затем, чтобы спасти те вещи, которыми дорожил. Она принесла с собой кое-какую утварь и немного припасов, одолженных у Четырех Семейств, и оказалось, что она замечательно готовит, хотя на его вкус она несколько злоупотребляла острыми специями: вызванный ими пожар во рту долго не утихал. Но он и не подумал сказать ей об этом. Пока не пройдет ломка, он не способен обеспечить свое существование здесь, на своей родной земле. В этом заключалась ирония его положения, и именно поэтому в первое время ему приходилось почти во всем полагаться на Четыре Семейства. Его коробочка для соли,вшавшая порцию, достаточную для средних размеров оленя, была вычищена и, как и полагалось, наполнена солью. Он почувствовал себя задетым и вознамерился сам пойти на добычу, хотя и понимал, что сейчас ему не управиться даже с оленем, не говоря уже о бизоне; но в реке он поймал трех вполне приличных сомов.

По сути дела, ему начинала нравиться и она сама, и тот порядок и домовитость, которые она принесла в его жилище. Временами ему даже казалось, что он женат, хотя вечером она уходила к себе домой, и они, разумеется, не разделяли постель. После горячей тушеной рыбы с приправами он сдался наконец и стал с ней сердечнее. Она говорила только по-хайакутски и всю свою жизнь прожила в племени, однако ее взгляд на вещи оказался причудливой смесью старого и нового. Она жила в своем мире, но знала, что есть и другой мир, более обширный — и совсем иной.

В некотором смысле она сама была жертвой племенной культуры. Ее выдали замуж пятнадцати лет, потому что за год до этого отец Танцующей в Обла-ках погиб на охоте, а мать умерла еще раньше, во время вторых родов. Ребенок тоже не выжил. В племени не было места сиротам, и девушку сразу же взял к себе ближайший родственник, ее дядя, но он был стар, увечен и беден. С Кричащим как Гром ей не повезло: он был намного ее старше и обладал несноснейшим характером; воином он не был и быть не хотел. Он называл себя лекарем, но, по сути, был всего лишь помощником зонаря, то есть содержал в порядке все принадлежности и подавал их в нужный момент, а еще помогал в приготовлении лекарств и снадобий. Занятие не особо почетное, но ему не хватало способностей, чтобы добиться более высокого положения.

В довершение всего он оказался никудышным любовником. Дух его желал, даже страстно желал, но плоть оказалась если и не совсем слабой, то, мягко говоря, несколько вяловатой. Он очень переживал по этому поводу, тем более что никак не мог подтвердить свою мужественность иным путем, хотя бы воинскими подвигами, и в результате поощрял, а по сути дела, даже сам и устроил, ее связь с кротким слабоумным

дурачком, который присматривал за животными и едва-едва умел говорить. Танцующая в Облаках по-женски жалела беднягу, чей разум оставался почти детским, хотя прочие способности оказались вполне зрелыми. Ее муж, старательно имитируя праздное любопытство, установил, что умственная ограниченность подставного любовника вызвана травмой при рождении и, следовательно, едва ли передастся по наследству, что его вполне устраивало.

В конце концов заподозрив, что муж собирается убить своего заместителя, как только она забеременеет, Танцующая в Облаках не выдержала. Стерпеть такое было выше ее сил. Положение становилось опасным: муж бил ее, гнал к любовнику, потом снова избивал. Злосчастный пастух на беду оказался недостаточно туп, чтобы оставаться безучастным. Он кинул ее защищать, последовала схватка — и в результате Кричащий как Гром упал с проломленным черепом.

Она побежала к Знахарю. Тот сделал все, чтобы замять историю, но в столь тесно связанном обществе это было просто невозможно. Впрочем, как это обычно бывает, слухи оказались весьма далеки от истины, и хотя, согласно обычаям племени, она должна была исполнять любые приказания мужа, все единодушно решили, что тот поймал ее на измене и поплатился за это жизнью.

Какой был вывод — нетрудно догадаться. Племя отвернулось от Танцующей в Облаках, и теперь, лишившись собственности и положения в обществе, она могла претендовать не более чем на роль прислуки. Единственной ее надеждой был повторный брак — но кто бы отважился взять в жены отверженную?

Никто — за исключением Козодоя. Разумеется, он отлично понимал, почему Знахарь прислал ему именно ее, но играть в эти игры по-прежнему не собирался.

— Слишком уж ты мрачный, — упрекнула она его как-то за ужином. — Все сидишь и хмуришься, а вокруг твоей головы клубятся тучи. А ведь второй жизни у тебя не будет. Но ты позволяешь злым духам грызть свое сердце и забываешь о том, что в жизни есть и другие вещи.

Он изумленно уставился на нее:

— А ты никогда не чувствуешь ничего подобного? Мне кажется, у тебя для этого больше причин, чем у меня.

Она пожала плечами:

— Да, конечно. Оно все время прячется рядом и всякий раз, когда я забываюсь, подползает ко мне и кусает мою душу. И все же в мире столько красоты, а жизнь всего одна! Когда горе затмевает радость, это хуже смерти. Но я — женщина, а ты — мужчина, и тебе совсем непростительны такие мысли.

Ему стало неловко. Самое время было сменить тему.

— Высокая Трава говорит, что ты неплохо рисуешь, — сказал он. — Это правда?

Она вновь пожала плечами и попыталась сохранить безразличие, но было заметно, что она польщена.

— Я умею ткать узоры, мастерить ожерелья и украшения. Когда-то я раздобыла цветной земли с южных равнин и рисовала на коже и светлом дереве, но в этом нет ничего особенного. Мои способности невелики, я делаю это для собственного удовольствия.

— Я очень хотел бы посмотреть что-нибудь. Может быть, в следующий раз ты принесешь то, что считаешь лучшим?

— Конечно, если хочешь, но не жди многоного. А вообще-то я не пропустила попробовать рисовать на бумаге. Пока я не увидела ее у тебя, я и не знала, какая это чудесная вещь. — На самом деле она, разумеется, сказала не «бумага», а что-то вроде «тонкие-и-гибкие-листы-дерева», но Козодой перевел не задумываясь.

— Я дам тебе бумагу и палочки для рисования, — пообещал он. У него было с собой довольно много карандашей.

Она взяла их с почти детским восхищением, и оказалось, что рисует она не просто хорошо — превосходно. У нее был тот природный талант, который не со знает своего собственного блеска, рисовать для нее было так же естественно, как дышать, и она с трудом верила, что кто-то может этого не уметь. Линия, другая, небрежно наложенные тени — и на листе возникал лесной пейзаж или поразительно живой портрет кого-нибудь из ее племени.

Спустя несколько дней, когда она как раз собиралась нарисовать его портрет, неожиданно начался первый приступ. Болезнь подкралась неторопливо, как всегда, и в следующие полтора дня должна была развернуться вовсю. Он страшился ее, как страшились все, кому приходилось возвращаться на рекреацию, и, что хуже всего, от нее не существовало лекарств.

Он затрясся, словно в лихорадке, у него началась рвота.

— Я сбегаю за зонарем, — встревожилась Танцующая в Облаках, но Козодой запретил ей.

— Нет. Он ничем не поможет. Это будет ужасно, потом все пройдет. — Козодой помолчал. — Завтра мне станет еще хуже, я сделаюсь безумным, словно одержим злым демоном. Тебе лучше в это время держаться от меня подальше. Лекари тут бессильны, и придется ждать, пока это не пройдет.

Она недоверчиво посмотрела на него:

— Ты говоришь так, будто знаешь заранее...

— Я действительно знаю. Так бывает всегда, когда я возвращаюсь. Это неизбежно. Там, в Консилиуме, мы пользуемся разными снадобьями, которые делают нас умнее, сильнее, здоровее, но за все надо платить. Ничто не дается даром. Наши тела привыкают к этим

снадобьям, и, пока мое тело снова не научится обходиться без них, я буду очень, очень болен, и телом, и душой.

Она не совсем поняла, что он имеет в виду, но знала, что целебные травы могут помочь ему уснуть или облегчат боль. С Четырьмя Семействами остался только молодой ученик Знахаря, но у него нашлись подходящие травы. Однако, когда они вдвоем вернулись к хижине Козодоя, тихий, углубленный в себя интеллектуал превратился в бесноватого безумца.

Четверым молодым и сильным воинам удалось усмирить его и связать, хотя дело не обошлось без синяков и ссадин. Впрочем, травы немного успокоили Козодоя.

Почти трое суток Танцующая в Облаках не отходила от него; она давала ему лекарства и следила, чтобы он не поранился, пытаясь вырваться из пут. Поначалу она испугалась, но Знахарь уверил ее, что все пройдет, и она терпела.

— Людям из племени лучше этого не видеть, — сказал Знахарь. — Они могут подумать, что он одержим злым духом, хотя на самом деле это всего лишь физическое страдание.

— А потом он... изменится? — с беспокойством спросила она.

— Да, отчасти. Он станет ближе своему народу и меньше связан с Консилиумом. Его хайакутская кровь должна одержать верх, иначе ему не прожить здесь эту четверть года. Какое-то время он будет очень слаб, ему потребуются лекарства и помочь, но потом он поправится окончательно.

Когда Бегущий с Козодоями был еще ребенком, Согбенно Ходящий распознал в мальчике таланты и наклонности, более соответствующие цивилизованной, а не кочевой жизни. Для проверки ему было назначено особое обучение, и, когда мнение Знахаря

подтвердилось. Козодоя начали готовить к иному призванию. Хайакуты, как и большинство североамериканских народов, никогда не знали письменности, но ему показали стандартный усовершенствованный латинский алфавит и научили читать и писать. Достигнув должного возраста, юноша покинул свой народ и отправился в одну из школ Консилиума, где преуспел во многих науках и превратился в цивилизованного человека, горожанина, привыкшего к техническому окружению, что было необходимо для члена Консилиума.

Однако, чтобы учёные не утратили чувства сопричастности и взаимопонимания с теми людьми, за которых несли ответственность, всех избранных обязывали каждые два года проводить по меньшей мере три месяца среди своего народа и вести тот же образ жизни, что и их соплеменники. А чтобы облегчить эту задачу и не допустить случайной гибели человека, в которого вложено столько трудов, в разум его впечатывался темплет — шаблон поведения, остававшийся скрытым до тех пор, пока его не запускала ломка.

Очнувшись, Козодой почувствовал себя отвратительно, но был рад, что может хотя бы снова владеть собой. Впрочем, пройдя через ломку столько раз, он научился принимать это как должное. Он открыл глаза и увидел Танцовщую в Облаках — она сидела рядом, терпеливо вышивая узоры на покрывале. Она взглянула на него и отложила вышивание.

— Привет, — с трудом прохрипел он. Ему больше не требовалось сосредоточиваться, чтобы разговаривать на родном языке, теперь этот язык стал основным; он мыслил на нем, а тот, в свою очередь, определял ход его мыслей. Он не забыл другие языки, но теперь ему приходилось делать усилие, чтобы говорить на них. — И давно ты тут сидишь?

— С самого начала, — ответила она как о чем-то само собой разумеющемся. — Ты был очень, очень болен. Как ты себя чувствуешь?

— Словно на мне плясало стадо бешеных бизонов, — честно признался он. — Я... — Козодой замялся. — Я связан. Неужели было так плохо?

Она кивнула:

— Ты уверен, что все позади?

— Безумие — да, если ты спрашиваешь об этом. Остальное пройдет в свое время. Но, уверяю тебя, ты можешь без опаски снять веревки.

Ей пришлось взять нож: узлы были затянуты слишком сильно, чтобы их можно было развязать.

Она помогла ему сесть; Козодой застонал от боли, голова кружилась, но он чувствовал, что должен прийти в себя как можно скорее. Раньше это не имело особого значения, но сейчас ему было унижительно зависеть от женщины хоть секундой дольше, чем необходимо.

— Я старею, — виновато сказал он. — С каждым разом болезнь длится все дольше, и мне все труднее ее переносить. Когда-нибудь я уже не смогу вернуться в Консилиум, потому что следующий раз убьет меня. Собственно, я и сейчас был недалек от этого.

— Так почему бы тебе просто не бросить пить свои снадобья? — спросила она с искренней любознатательностью.

Он сухо усмехнулся:

— Увы, теперь уже слишком поздно. Некоторые вещи, если пользоваться ими достаточно долго, навсегда порабощают тело. Тебе может показаться, что это позорно, но это не так. Я был избран, а без снадобий я не смог бы осуществить свое призвание. Мне надо было многому научиться, а времени не хватало. Снадобья — всего лишь средства, орудия, такие же, как ткацкий станок, копье или лук — а разве люди племени не зависят от своих инструментов?

— Ты так любишь свое дело — или тебе просто больше нравится жить в Консилиуме, чем с нами?

Он помотал головой:

— Нет, нет. Я действительно люблю свою работу, это почетный труд, и он важен для всех, включая мой народ и мое племя. Ваша жизнь чиста и естественна, именно такую заповедал нам Творец. Она свободна, а в Консилиумах царят зависимость и ограничения. Это неестественно, но такова цена, которую мы платим за то, чтобы другие могли жить так, как считают нужным. — Он вздохнул. — Не поможешь ли мне встать? Я хочу подышать свежим воздухом.

Она попыталась помочь ему подняться, и ей это почти удалось, но вдруг ноги его подкосились, и он рухнул на шкуры, увлекая за собой и ее. Он забормотал извинения, но она только расхохоталась.

— Что я вижу? — веселилась она. — Ты силой ташишь меня в постель!

— Я... извини...

Она видела, что он еще слаб и измучен жаждой, но ее забавляло его смущение. Наконец она встала и строго взглянула на него.

— Ладно, лежи, как лежишь. Я сейчас принесу бульона и сделаю отвар из трав — это вернет тебе силы. Интересно посмотреть, на что ты похож, когда похож на самого себя.

Силы и ясность мысли возвращались к нему с по-разительной быстротой — и не в последнюю очередь благодаря ее заботе и вниманию. Теперь Козодой знал, что даже будь у него выбор, он все равно позвал бы на помощь именно ее; даже сквозь горячечный бред он все время чувствовал, что она рядом, заботится о нем, унимает его боль, — однако он так и не мог понять, чем это вызвано.

Разумеется, он хорошо сознавал свою необычность в ее глазах, которая притягательна для любой

женщины — но этого явно было недостаточно. Что касается мужской привлекательности, то внешность у него была самая заурядная — не говоря уж о многочисленных шрамах по всему телу, памяти об одной давней детской шалости. Логичнее всего было бы предположить, что она надеется с его помощью избавиться от собственных трудностей, но это подразумевало некий торг, а он сомневался, что она может быть настолько неискренна. В конце концов он задал ей прямой вопрос.

Она задумалась:

— Ну во-первых, всегда приятно сознавать, что приносишь пользу... А еще потому, что ты относился ко мне как к равному и никогда не осуждал меня.

Об этом он и не подумал — и, как ни странно, почувствовал вдруг, что начинает сердиться. «Черт возьми, старина, — мысленно сказал он себе, — оказывается, все эти дни она нуждалась в тебе не меньше, чем ты в ней!»

Следующие несколько дней его раздирали противоречивые чувства. Он действительно нуждался в ней — но о том, чтобы взять ее с собой, не могло быть и речи. Остаться сам он тоже не мог — во всяком случае, не на этот раз; он оставил незавершенным одно крайне важное исследование — от его успеха зависело едва ли не само существование народа хайакутов. Правил, запрещающих ему жениться на ней, в принципе, не существовало, но имелись строжайшие ограничения, запрещающие доступ дикарям к тем медикаментам и приборам, которые позволили бы ей хоть в какой-то степени приспособиться к огромным различиям в образе жизни. В Консилиуме никто не говорил на ее языке, а единственную знакомую ей работу выполняли медикаменты. Но как объяснить это человеку, который никогда не видел даже водопровода, не говоря уж о смывном туалете? Как рассказать ей об однора-

зовой одежде или готовке еды с помощью клавиш компьютера?

И самое ужасное — как объяснить ей, что в Консилиуме те же сиу вовсе не презренные нелюди и смертельные враги, а друзья и коллеги, к которым требуется относиться соответственно?

Раньше, когда ломка заканчивалась, он просто давал себе волю и радовался жизни, но на сей раз захарья взвалил на него тяжелейшее бремя — и отнюдь не по неведению, — чем испортил все удовольствие.

И все же без нее ему было тоскливо, он хотел ее общества, он хотел ее саму. Он до поздней ночи присиживал на пороге в окружении деревьев и звезд, пытаясь найти какой-то выход, и в один из таких вечеров его посетил незваный гость.

Обернувшись на слабый шорох, Козодой почти сразу увидел черный силуэт, резко выделяющийся даже в такой темноте.

Поняв, что обнаружен, Вал неторопливо и уверенно скользнул в круг света, образованный угасающим костром.

Он был огромен, не менее двух метров в высоту, — грубое подобие человека из блестящего иссияния-черного материала. Вместо лица — застывшая маска с двумя трапецидальными прорезями, в которых угадывался обсидианово-черный блеск глаз. Он двигался легко, с кошачьей грацией, казалось бы, невозможной у такого огромного создания.

— Добрый вечер, — произнес Вал приятным женским голосом, с совершенно человеческими интонациями. Он говорил по-хайакутски, но не из-за уважения к собеседнику, а чтобы дать понять, что мог свободно подслушать все, о чем говорили Козодой и старый захарьян. Женский голос, столь странно звучавший в устах механизма, доказывал, что его миссия не связана непосредственно с Козодоем, но почему-то эта мысль не приносила особенного успокоения.

— И тебе добрый вечер, — ответил Козодой, стараясь, чтобы внезапная сухость во рту не отразилась на его речи. — Могу ли я спросить, что привело тебя к моему костру?

— Обычное дело. Ты здесь единственный чужак на данный момент и на много дней вперед, и поэтому ты представляешь собой некий... скажем так, центр притяжения.

— Ты ишьешь кого-то из тех, с кем я работал?

— Нет. Ее имя Кармелита Мендес Монтойя.

— Испанка?

— Нет. Карибянка.

Для Козодоя это было почти одно и то же. Кстати, на Карибских островах были образованы новые сообщества на основе существовавших там культур. Коренное население островов попросту не дожило до этого времени, так что восстанавливать там было нечего.

— Откуда здесь взяться карибянке?

Вал перешел на классический английский, но голос его по-прежнему остался женским.

— Она бежала. Это обширная и пустынная земля, где очень легко затеряться. Обломки ее скиммера были обнаружены со спутника две недели назад. К несчастью, до меня там уже успели побывать все, кому не лень, от любопытных индейцев до многочисленных стад бизонов. Потом я обнаружил некоторые признаки того, что она двигается в этом направлении. Выйти она не может: эта территория сенсибилизована — однако она уже продержалась намного дольше, чем я предполагал. Впрочем, этот район малонаселен и постоянно наблюдается. До сих пор она избегала любых контактов, но по моим расчетам ее запас продовольствия на исходе, и скоро ей придется либо просить о помощи, либо умирать с голода.

— И ты считаешь вероятным кандидатом меня. Но почему? И что она такого сделала? — Козодой тоже

перешел на английский: это было сложнее, зато позволяло избежать излишней метафоричности.

— Её проступок не имеет к тебе никакого отношения. И вообще — я только арестовываю. Я не осуждаю. Впрочем, в любом случае тебе лучше ничего не знать. Что касается твоего первого вопроса, то я рассуждал просто. Она чужая на этой земле, местные наречия ей незнакомы. Я практически уверен, что она видела, как приземлялся и взлетал твой скиммер, и, следовательно, сообразила, что ты — человек не из этих мест. Цивилизация твоего народа настолько отличается от ее собственной, что твои соплеменники представляются ей просто сборищем дикарей. Она не сомневается, что они откажут ей в помощи, если вообще не убьют ее и не съедят.

Такого нельзя было спустить даже Валу.

— Мой народ — люди древней и высокой культуры! Они могут убить, но только когда это необходимо, а людосудство им отвратительно!

— Я лично ни в чем не собирался обвинять твоих соплеменников. Прошу прощения, если мои слова тебя задели, но пойми, что в некотором смысле я — это она. Я всего лишь следую за ее мыслями.

Немного успокоившись, Козодой кивнул. Теперь ему еще меньше хотелось встречаться с таинственной беглянкой. Вал был совершенно прав. В его мозгу хранилась полная ментокопия Кармелиты Менделес Монтайя, давностью не более нескольких месяцев. Именно по этой причине предполагалось, что от Вала невозможно ускользнуть. И действительно, это удавалось очень и очень немногим.

— Выполняй свой долг, но я не желаю в этом участвовать, — тихо сказал Козодой. — Забирай ее отсюда, и поскорее. В отличие от некоторых я высоко ценю время, проведенное на земле моих предков, и твое вторжение меня не радует.

— Понимаю, но пойми и ты меня. Я здесь один. Во всей системе этой звезды таких, как я, всего трое. Я могу рассчитать вероятности, основываясь на доступной мне информации, но всегда существуют некие неизвестные переменные, которые я не в силах включить в расчет. Оставаться здесь бесконечно, обеспечивая сенсибилизацию этой территории, я тоже не в состоянии. Мне остается только попросить, чтобы ты, если она придет к тебе, успокоил ее, предоставил ей кров, а потом пришел бы в стойбище Четырех Семейств и нажал кнопку тревоги.

Козодой рассердился. Во-первых, ему пытались наложить роль предателя, что само по себе было унижительно, а во-вторых, когда незнакомку поймают, ее первым делом пошлют на считывание, и если кому-то не понравится, как он вел себя с ней, то следующим на очереди окажется он, Козодой.

— Я возмущен тем, в какое положение ты меня ставишь, — с достоинством сказал он. — Это моя земля, мой народ и мои обычаи. Здесь не Консилиумы и не Президиум территории хайакутов. Ни у нее, ни у тебя нет никаких прав. Но здесь и сейчас, на этой земле, я — хайакут и следую законам и обычаям хайакутов. Если она не представляет опасности для моего народа, я предложу ей пищу и кров, как предложил бы их любому чужестранцу, с миром пришедшему на мою землю. Если ты появишься в это время, ей придется пойти с тобой, но подменять тебя я не намерен. Особенно здесь.

Несколько мгновений неживой гигант хранил молчание.

— Что ж, это честно, — сказал он наконец. — Но я бы не советовал тебе пытаться узнать, как она здесь очутилась и почему ее разыскивают. Я не в силах контролировать ее, но каждая секунда в ее обществе подвергает тебя смертельному риску. Подумай об этом.

Я плохо осведомлен обо всех обычаях местных племен и народов, но сомневаюсь, чтобы хоть один из них требовал самоубийства во имя спасения незнакомца. Спокойной ночи.

Огромное создание повернулось и бесшумно растворилось в темноте. Козодой долго смотрел ему вслед; спать он пошел только через час.

«Да что ж это такое!» — с тоской подумал он, засыпая. Мир словно сговорился против него.

Молчаливый как смерть, Козодой уже больше часа ждал, застыв в оцепенении, и холодный предрассветный туман струился над ним. Он был настроен решительно. Сегодня, на четвертое утро после выздоровления, он собирался наконец добить оленя.

Внезапно справа раздался шорох, и все чувства его мгновенно обострились. Он осторожно повернул голову и сперва ничего не увидел, но потом из тумана выплыли силуэты трех годовых оленей, неспешно бредущих в поисках еды.

Медленно, на ощупь он наложил стрелу, наметил цель, натянул тетиву и вновь застыл, ожидая, пока олени подойдут поближе.

Ему повезло: ветер дул в его сторону. Бегущий с Козодоями перевел дыхание и слегка расслабил напряженные мышцы. Передний олень, словно почуяв что-то, на мгновение замер, но потом снова двинулся вперед, приближаясь к роковой точке.

Есть! Длинная стрела ударила оленя в бок. Остальные два моментально пропали, но раненое животное замешкалось, встало на дыбы, и Козодой успел выпустить еще одну стрелу, а потом стремительно выскочил из укрытия и бросил лассо. Петля захватила задние ноги оленя, тот повалился на землю, а Козодой, тщательно прицелившись, пустил третью, последнюю стрелу.

Неплохая работа, с удовлетворением подумал он, опуская лук. Много мяса, а шкура пойдет на одежду. Впрочем, надо было поторапливаться: меньше чем через час взойдет солнце, а вместе с ним поднимутся и вечно голодные стервятники. Он поспешил направился туда, где оставил лошадь, намереваясь привести ее, собрать волокушу и отвезти оленя домой, но через несколько шагов остановился как вкопанный. Радостное возбуждение, вызванное удачной охотой, моментально улетучилось.

На ней был плотный обтягивающий костюм из синтетической ткани и тяжелые ботинки. Неудивительно, что Вал так долго не мог ее отыскать. Стервятники уже успели потрудиться над телом, и разворотченная плоть кишила червями и насекомыми.

Он сразу понял, что это Кармелита Менделес Мантия. Она могла бы пролежать здесь, пока тело не обратилось бы в прах, и найти ее, не снарядив на поиски целую группу, было бы невозможно.

За спиной у трупа был пристегнут стандартный аварийный комплект, которым она так и не успела воспользоваться, а окоченевшие пальцы крепко скимали ручку небольшого чемоданчика-кеяса. Козодой нагнулся над ним, но, чтобы освободить чемоданчик, смутилось сломать мертвые пальцы. Отойдя в сторонку, он осмотрел свою добычу.

Кейс оказался обыкновенной моделью для повседневного пользования и, хотя запирался на замок, вряд ли был снабжен какой-нибудь ловушкой. Козодой нажал на красные кнопки защелок и с удивлением услышал негромкий щелчок. Кейс даже не был заперт!

Не в силах противиться искущению, Козодой заглянул внутрь. Большую часть содержимого составляли предметы, обычные для путешественника, отправляющегося в незнакомую страну: несколько карт, атлас

Северной Америки, краткий разговорник с простейшими фразами на языках народов Равнин. Хайакуты в разговорнике не упоминались.

Однако помимо этого в кейсе обнаружилась небольшая деревянная шкатулка со станичным замком — маленький ключ все еще торчал в скважине — и толстая древняя книга, готовая распасться на части от неосторожного прикосновения. Козодой осмотрел ее с тщательностью профессионального историка. Как он и предполагал, это была копия — оригиналу, судя по дате, твердым почерком выведенной на первой странице, было более шестисот лет, — но даже копия была достаточно старой — столетие, а то и больше.

На первый взгляд книга напоминала путевой журнал или дневник. Козодой неохотно отложил ее и взял в руки шкатулку. Маленький ключик легко повернулся, и крышка откинулась. Козодой зажмурился: он не был готов к тому, что увидел.

Драгоценности. Самоцветы в изысканнейших оправах, наводящие на мысль о фамильных украшениях. На мгновение он даже засомневался в их подлинности: разве могут природные алмазы, рубины или изумруды достигать такой величины? А оправы — неужели это и впрямь чистое золото?

Он осторожно закрыл и тщательно запер шкатулку. Вал, несомненно, в первую очередь охотился за книгой. Но драгоценности... И тут его осенило. Ну конечно же — универсальное средство платежа! Он усмехнулся: этим карибам и невдомек, как мало значат подобные побрякушки для коренных жителей Северной Америки. Впрочем, выбор их был не так уж и плох, эти украшения, несомненно, были бы признаны выдающимися произведениями искусства на любом племенном совете.

Внезапно Козодой со страхом осознал всю опасность своего положения. Он поспешно убрал вещи в

кейс и совсем было решил присоединить к ним и шкатулку, но передумал. Увидев сломанные пальцы, Вал сразу же поймет, что его кто-то опередил, и оставить драгоценности здесь — все равно что прямо указать ему на себя.

Кроме того, он никак не мог решить, что же делать с книгой. Для всякого, кто умел читать, а для историка — в особенности, она представляла непреодолимый соблазн, но поддаться ему — значило бы обречь себя на верную смерть — если не на значительно худшую участь. Впрочем, Козодой не собирался сразу принимать окончательное решение. Он нашел свою лошадь, привел ее кружным путем к убитому оленю, смастерили волокушу — одним словом, сделал все, что первонациально собирался сделать, но под тушей, с той стороны, где не было ран, он спрятал шкатулку с драгоценностями и книгу.

Ему предстояло сделать выбор, по сравнению с которым все его прежние неприятности были просто детскими шалостями.

3. ИСТИНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Неприступные и суровые горы Западного Китая были идеальным местом для преступников любого рода. Сюда забредали лишь случайные охотники, а ближайшие селения находились более чем в сорока километрах от того места, где стояла сейчас штурмовая группа — все как один в кислородных масках: там, где речь идет о жизни и смерти, не стоит тратить драгоценные секунды на борьбу с разреженным воздухом.

Полковник Чан, бывалый солдат и опытный командир, задумчиво жевал недокуренную сигару. На нем была темно-зеленая полевая форма и тяжелые ботинки. В кислородной маске полковник не нуждался, ибо находился в скиммере — похожем на блюдце летательном аппарате, выкрашенном в темный цвет и приспособленном для бесшумного полета. Скиммер парил в воздухе, а под ним на несокрушимые с виду горные пики высаживались солдаты и выгружалась боевая техника. Полковник, кстати, был чрезвычайно доволен тем, что операция проводится в таком отдаленном месте: здесь он не был связан ограничениями, действующими вблизи культурной зоны, и мог использовать самые современные и эффективные средства.

— Должен признать, они неплохо поработали, — заметил полковник, не обращаясь персонально ни к кому из присутствующих в командном отсеке скиммера. — Не могу себе представить, как они умудрились

затащить сюда источники энергии, не говоря уже о том, чтобы их замаскировать.

Взглянув на серо-лиловые скалистые обрывы, Сон Чин сразу поняла, что он имеет в виду. Любая аппаратура требует питания, а спутники давно уже наловчились отслеживать малейшие изменения температуры, давления и энерговыделения даже сквозь самые густые облака. Зарегистрировав что-то подозрительное, они тут же давали знать наземным службам безопасности, и ячейки технологистов теперь встречались крайне редко — но те, кому удалось уцелеть, демонстрировали поистине чудеса маскировки.

Сон Чин была из тех женщин, о которых мечтает любой мужчина: невысокая, но изящно сложенная, она обладала внешностью настоящей ханьской красавицы, а все ее повадки и жесты были несознанно эротичны. Однако под этой кукольной внешностью скрывался незаурядный ум: ее коэффициент интеллекта лежал вне пределов разработанной шкалы, а мозг работал так быстро и на стольких уровнях одновременно, что порой она производила впечатление компьютера, а не человеческого существа. При этом у нее были и свои недостатки: как старшая дочь верховного наместника ханьского региона она была невероятно избалована, ее интеллектуальное и физическое развитие не сопровождалось никаким эмоциональным ростом; в этом отношении она оставалась почти ребенком, несмотря на то что ей уже исполнилось семнадцать.

Полковник был чрезвычайно недоволен ее присутствием, но был вынужден подчиниться вышестоящим лицам. Ее роль заключалась в том, чтобы выяснить, над чем работали технологисты этой ячейки, прежде чем все здесь будет уничтожено или конфисковано. Эту работу могли бы выполнить и другие, но она как дочь наместника нажала на все доступные ей кнопки, чтобы оказаться в этой экспедиции. Для нее это был

побег, хотя бы и временный, из золотой клетки, которой являлся для нее родительский дом.

Однако в том, что она попала сюда, крылась своеобразная ирония, ибо сама Сон Чин тоже была продуктом нелегальной технологии, а ее красота и интеллект — следствием тонких генетических манипуляций. Ее отец, как и все властолюбцы, тяготился многочисленными ограничениями и, естественно, мечтал вырваться из-под этого надзора. Рискуя своим положением и самой жизнью, он решил попытаться вывести новую расу людей, которая в конечном счете сумеет сбросить ту петлю, в которую угодило человечество. Сон Чин признавала и одобряла саму цель, но собственная роль в этом ее не устраивала: ей предстояло не искать решение проблемы, а рожать тех, кто сможет его отыскать.

— Запалы вставлены! — послышалось по интеркому. — Скиммеры на местах, войска выведены на позиции. Ждем приказаний.

— Открыть огонь! — без промедления отдал команду полковник Чан.

Пять скиммеров взмыли в небо, и в скалистый обрыв одновременно ударили пять малиново-белых лучей. Бортовые компьютеры взяли управление на себя, и, как только скала была прорезана на заданную глубину, скиммеры закружились в феерическом танце; за мгновение до того, как замкнулся круговой прорез, шестой скиммер выбросил в центр круга фиолетовый сгусток; как только лучи завершили свою работу, сгусток метнулся назад, выдернув прилипший к нему кусок скалы.

Взгляду открылась путаница туннелей, проплавленных в скале. Сон Чин сразу вспомнились искусственные муравейники, зажатые между стеклами.

Две сотни солдат с нуль-гравиторными ранцами на спине снялись с уступов и склонов напротив вскрытой

ячейки и устремились к отверстию, направляя полет струями сжатого воздуха из миниатюрных движков.

— Она очень большая, — заметила Сон Чин. — Они сумели построить такую громадину и совершенно не защищают ее, интересно почему?

— Будут еще защищать, — небрежно бросил полковник, не отрываясь от обзорного иллюминатора. — Их аварийные выходы заблокированы, и им остается либо сражаться, либо сдаваться.

Словно в ответ на его слова приглушенно прогремели взрывы, тут же подхваченные эхом, и из нескольких туннелей вылетели большие облака черно-серого дыма.

В интеркоме послышались крики, ругань и стоны. Полковник подключился к линии связи.

— Земля, нужно ли вам подкрепление? — спросил он так спокойно, словно речь шла о футбольном матче, результат которого его не интересовал.

— Докладывает капитан Ли, — долетел слабый голос. — Противник заминировал главный туннель, ведущий в центральный зал. Раненых немного, но теперь дорогу придется прорыгивать. Дайте нам еще десять минут, а потом посыпайте вторую волну. Конец связи.

— Принято, — ответил полковник. — Вторая волна, стоп на десять минут.

Сон Чин во все глаза смотрела на полковника, изумляясь, как тому удается сохранять такое спокойствие. Сама она была возбуждена до предела и жалела только о том, что ей не позволили лично участвовать в штурме. Ей хотелось настоящей опасности, дикой ярости, жизни, поставленной на карту, схватки один на один...

В свое время ей пришлось уже поплатиться за подобные настроения: она угнала скиммер — а было ей тогда едва пятнадцать лет — и пронеслась бреющим полетом вдоль реки, насмерть перепугав крестьян на полях. Она проскачивала под мостами, петляла между

холмами на предельной скорости и минимальной высоте. В конце концов она разбила два энергоблока и кое-как посадила поврежденный аппарат на рисовом поле. Большего удовольствия она никогда не испытывала, но ее отцу, чтобы замять дело, пришлось оказать множество услуг и раздать еще больше обещаний. После этого случая гайки были завинчены потуже, но даже при всем том скрыть происшествие удалось лишь потому, что никто не мог поверить, что пятнадцатилетняя девчонка, без всякой специальной подготовки, без практики пилотирования, умудрилась поднять в воздух такую сложную в управлении машину.

— Я хочу спуститься туда прямо сейчас! — повелительно заявила Сон Чин.

Полковник негромко хмыкнул:

— Вам лучше знать...

— Я сказала — немедленно! — рявкнула она. — Распорядитесь!

— Я не ваш слуга и не подчиненный вашего отца, — холодно ответил полковник. — Вы приложили уйму сил, чтобы сюда попасть, но теперь находитесь под моим командованием и обязаны выполнять мои приказы, а не наоборот.

— Как вы смеете говорить со мной в таком тоне? — Сон Чин была в ярости. — Я пошлю вас в деревню чистить выгребные ямы!

— Никак нет. Вы будете сидеть тихо и делать только то, что я скажу, иначе я немедленно отстранию вас от участия в операции и отправлю назад. Ваши родители рассказали мне кое-что о вашем характере и дали мне весьма широкие полномочия. Осмелюсь предложить, они будут только рады, если вы получите хорошего пинка. А вы предоставляете мне превосходный повод, и я с трудом удерживаюсь от действий.

— Это возмутительно! Если вы не подчинитесь, я обвиню вас в попытке изнасилования!

Полковник невозмутимо повел плечами:

— Ментосканирование расставит все по своим местам, а поскольку проводиться оно будет под юрисдикцией более высокого порядка, вашему отцу уже не удастся замять дело. Впрочем, я только теряю время. Либо вы сядете и замолчите, либо я прикажу вас связать и отправить туда, где вам — вам, а не мне — придется оправдываться за задержку или срыв операции. Выбирайте.

Сон Чин кипела от гнева, но вместе с тем ей безумно хотелось добраться до содержимого ячейки. Полковник явно собирался исполнить свое обещание, так что ей оставалось только сидеть и злиться. Но она еще до него доберется! Как-нибудь где-нибудь когда-нибудь она еще подпалит ему перышки!

На ликвидацию сопротивления и обеспечение мер безопасности ушло почти четыре часа. Штурмовая группа потеряла убитыми сорок семь человек и почти вдвое больше ранеными, но все триста двадцать четыре технологиста были уничтожены. Те, кто не погиб во время штурма, предпочли покончить с собой. Выжили только двое мальчиков, которых оглушило взрывом. Им предстоял допрос в Центре, и едва ли можно было упрекать остальных за то, что они выбрали смерть: то, что ожидало этих двоих, было намного хуже.

Наконец, когда все помещения были осмотрены и все мины-ловушки обезврежены, настал черед группы техников, в которую входила и Сон Чин.

В туннелях царил такой же пронизывающий холод, как и снаружи, но здесь хотя бы не было ветра. На Сон Чин была соболья шубка, парка, меховые брюки и унты, и все же она мерзла.

— У них что, не было отопления? — с досадой спросила она.

— Было, — ответил один из офицеров. — Глубоко внизу, в пещере, они поставили самодельный термоядерный реактор, а во всех туннелях устроили воздушные шлюзы, чтобы обзорные спутники не засекли из-

менений температуры. Они собирались взорвать его, но, к счастью, нам удалось перехватить систему самоликвидации. Как все непрофессионалы, они даже не помышляли, что их могут атаковать прямо сквозь скалу, и предусмотрели защиту только для туннелей, выходящих наружу. Взрывное устройство стояло как раз там, где мы ворвались. Но когда мы перерезали главный кабель, питание, разумеется, повсюду отключилось, так что ни отопления, ни освещения больше нет, и нам придется пользоваться переносными светильниками. Мы не решились трогать реактор. Конструкция незнакомая, и мы боимся ненароком взорвать его.

Ее провели в обширную пещеру, где располагалась лаборатория. Множество небольших независимых компьютеров, испытательные стенды, сборочная линия... Все это выглядело весьма впечатляюще, раньше Сон Чин никогда не слышала о таком, но больше всего ее поразило немалое количество настоящих книг — в основном это были факсимильные копии старинных текстов на самых разных языках. Сон Чин наскоро просмотрела их, но никакой определенной закономерности в подборе тематики не уловила.

Что касается оборудования, то оно почти целиком состояло из стандартных блоков и, следовательно, было откуда-то украдено, хотя это и считалось в принципе невозможным. Каждый компьютер, более того, каждый модуль был снабжен опознавательным кодом, и любое их перемещение, несомненно, отслеживалось Главной Системой. Даже простое отключение и перестановка без предварительного уведомления вызывали тревогу и немедленно расследовались. Цветы небесные! Да у них тут целых три ментопроцессора! А ведь любое использование этой техники контролируется Главной Системой.

Сон Чин переходила от одного модуля к другому, а вокруг суетились неразговорчивые люди в коричне-

вой униформе Особого Подразделения. Эти ребята специализировались на изъятии важных предметов недозволенной технологии и умели работать так, что их действия оставались незамеченными ни людьми, ни сканерами. Более того, они были способны позаботиться и о том, чтобы в ментокопиях, снятых с самого верховного наместника — и его дочери, — не осталось никаких намеков на противозаконную деятельность. «Полковник возлагал чересчур большие надежды на ментосканирование», — внезапно подумала Сон Чин.

Да, люди в коричневой форме были подлинными волшебниками — но и рисковали они значительно больше, чем их наниматель. Впрочем, компенсация за этот риск была более чем щедрой.

Что касается Сон Чин, то в ее задачу входило определить, что именно должно подлежать негласному изъятию; ей предстояло разобраться, над чем работали технологисты, и решить, может ли это принести пользу ее семейству. Кроме того, ей отчаянно хотелось узнать, как им удалось провернуть такой проект. Подобно правителям всех времен и народов, создатели этого убежища обнаружили в существующей системе, которая казалась неизменной, такие ходы и щели, о которых никто и не подозревал. Украдь столько оборудования, построить огромный комплекс и при этом остаться необнаруженным — это было невероятно! Впрочем, попытки отследить их приемы были куда опаснее, чем то само по себе рискованное дело, которым она занималась сейчас.

Сон Чин выбрала наугад несколько блоков памяти и проверила их ручным тестером. Содержимое, естественно, было закодировано, но по основным директориям можно было сделать кое-какие выводы. И естественно, она настояла на том, чтобы взять с собой все книги. Они были настолько редки, что Главная Система вряд ли вообще подозревала об их существовании, и в них почти наверняка крылся намек на то,

чем занимались их владельцы. Разумеется, в памяти компьютеров хранятся копии текстов, но это лишь придаст достоверности тому массиву информации, который получит Главная Система.

Сон Чин не ошиблась: все данные были зашифрованы, но директорий читались свободно. Просмотрев едва ли не сотую часть доступных материалов, она сразу же уловила закономерность. Здесь трудились главным образом над проблемой компьютерного управления и навигации космических кораблей. Эти материалы, а также сведения, явно почерпнутые из ста-ринных архивов, Сон Чин распорядилась скопировать. В прочих блоках памяти говорилось в основном о том, как хозяевам убежища удавалось так долго водить за нос Главную Систему. Сон Чин хотелось прихватить с собой все, но времени не было, и к тому же она не сомневалась, что Главная Система особенно тщательно проверит именно эти блоки, чтобы убедиться в отсутствии утечки информации. Как ни жаль, но их придется оставить.

Майор Чи, начальник Особого Подразделения, работал умело, методично и так быстро, что Сон Чин просто глазам своим не верила; солдаты тем временем вывозили оборудование, которое предполагалось возвратить в распоряжение Главной Системы.

Чи удивленно покачал головой:

— Не представляю, из-за чего эти люди отважились пойти на такой риск!

— Фанатики, — пожала плечами Сон Чин. — Они явно искали способ захватить и взять под свое управление космический корабль. Вероятно, надеялись отправиться в какой-нибудь отдаленный мир и выйти из-под власти Конфедерации.

Майор был поражен.

— Неужели это возможно?

— Не знаю... Но они думали, что да, и успели сделать очень многое.

Самые холодные месяцы зимы семейство Сон Чин проводило в провинции Хайнань, где климат был значительно теплее, хотя и чересчур влажный. В Хайнани отец Сон Чин занимал должность верховного военачальника и владел великолепной усадьбой и обширными угодьями, но никто, даже те, кто состоял у него на службе, не подозревал, что это имение, где придирчиво соблюдаются вековые традиции Поднебесной, на самом деле является самой большой дырой, в которую регулярно ускользают из-под надзора Главной Системы ученые и администраторы. Каждый покидающий административный район обязан был пользоваться темплетом, позволявшим ему не выделяться среди обычных людей. Но во время этой вполне рутинной процедуры доверенные специалисты помечали запретные сведения и переносили их в ментокопию, существующую в единственном экземпляре. Это было довольно безопасно, потому что местные компьютеры, управляющие ментопроцессорами, не были способны отличить информацию, которая подавлялась в соответствии с правилами, от той, которая уничтожалась как незаконная.

Компьютеры были умнее людей, но они не были людьми и никогда не могли уяснить себе все тонкости человеческой психики, особенно когда дело касалось хитрости и обмана. Предполагалось, что им доступно и это, но на самом деле они пасовали при малейшем намеке на двусмысленность. Машины хорошо справлялись с теорией управления группами людей, но парадоксы отдельной личности были им не по зубам.

Отправив доклад, Сон Чин должна была сразу же отправиться в имение — ей предстояло сделать все необходимые приготовления к приезду остальных членов семейства, а их было пруд пруди: бабушки, дедушки,

дядья и тетки, их семьи и семьи их детей... Как уже сказано выше, перед поездкой ей предстояло отказаться от многих воспоминаний и значительной части знаний — конечно, до тех пор, пока доверенные врачи не восстановят лакуны. Однако на этот раз дело осложнялось еще и тем, что время рекреации, обязательной даже для администраторов самого высокого ранга, неумолимо приближалось, а это значило, что перед официальным ментокопированием придется пойти на гораздо более существенные жертвы, пройти довольно продолжительный курс гипнотерапии перед рекреацией и еще более продолжительный курс — после, чтобы восстановить утерянное.

В период рекреации даже глава семейства ничего не знал о тайных подземных лабораториях под главным зданием хайнаньского имения, заполненных предметами нелегальной технологии, собранными честолюбивыми администраторами и членами Особого Подразделения.

В помощь Сон Чин были отряжены несколько юношей и девушек приблизительно ее возраста, которые, в силу своего положения в семействе, были в той или иной степени осведомлены о запретных делах самой Сон Чин и ее родственников.

Сон Чин терпеть не могла имение, хотя сам дом был красив и стоял в приятной местности: ее бесили ограничения, налагаемые традиционной культурой предков на ее собственные привычки и мировоззрение. Пекинский церемониал был настолько сложен, что даже она не всегда могла верно оценить свое положение. С точки зрения этой культуры девушки считались опорой семьи, но вместе с тем обязаны были оказывать почтение юношам, чего ей никогда толком не удавалось. С другой стороны, как дочь верховного военачальника, она занимала среди родственников достаточно привилегированное положение, и ей был

полностью поручен надзор за домом. Однако при этом ей приходилось играть роль почтительной и услужливой хозяйки и всячески ублажать своих двоюродных сестер, не говоря уж о двоюродных братьях, которых, если разобраться, она в любой момент могла вышибить на рисовые поля. В результате Сон Чин установила равновесие между этими крайностями путем своеобразного компромисса: на людях она вела себя как требовали обычай, зато наедине с родственниками пользовалась всей полнотой матриархальной власти.

Естественно, у нее были друзья — тоже не лишенные способностей, хотя никто из них не мог и мечтать сравниться с Сон Чин. В этот маленький круг входили ее двоюродные братья и сестры: шестнадцатилетняя Тай Мин, пятнадцатилетний Ан Хао и Во Хо, ровесник Сон Чин. Мальчики, разумеется, были влюблены в старшую дочь наместника и постоянно искали ее общества и внимания, что, кстати говоря, немало огорчало Тай Мин. Эта девушка, которую представители самых разных культур сочли бы прекрасной, была несколько полноватой для ханьской красавицы и, стоячики терпя неудобства, стягивала повязкой грудь, чтобы не так выдавалась.

Доверенные слуги, они же охранники, приготовили все блюда, но стол, согласно обычаяу, девушки накрыли сами, а юноши присоединились к ним позже.

— Ты пропадала где-то целых две недели, — с легким оттенком обиды сказал Ан, обращаясь к Сон Чин. — Ты слишком много работаешь.

Она улыбнулась:

— Дел много, а времени мало. Зато я наткнулась на что-то невероятное, нечто такое, о чем очень опасно знать...

Все трое подались к ней, обратившись в слух.

— Кто-нибудь из вас бывал когда-нибудь на космическом корабле?

В доме, построенном не меньше тысячи лет назад, этот разговор между юношами и девушками, сидящими за трапезой на циновках, расстеленных на полу, при свете масляных ламп под монотонное пение крестьян, бредущих с рисовых полей, казался совершенно неуместным.

— Я, — к удивлению всех остальных ответила Тай.

— Ты? Когда? — недоверчиво переспросил Во Хо.

— В космопорте во Внутренней Монголии. Отец ездил туда по делам и взял меня с собой. Корабль был очень большой.

— Ах, на земле... — с легкой насмешкой протянул Хо. — Я думал, ты скажешь, что летала на нем. — Этого не позволялось почти никому, и Тай Мин моментально обиделась.

— А ты что, летал? В иные миры?

— Конечно, нет! Это же смешно!

— Не так уж и смешно, — вмешалась Сон Чин. — Ячейка техов, которую разгромили в прошлом месяце, собиралась украсть корабль и улететь туда, где не властна Конфедерация. Кстати, они успели решить большую часть задачи.

— Что за чушь! — возразил Ан. — Конечно, можно тайком проскользнуть на борт или подделать записи, чтобы тебя приняли в команду, но все космические корабли управляются компьютерами. Это каждый знает!

— Так было не всегда, — пояснила Сон Чин. — Когда-то ими управляли люди, и компьютеры, причем главными были люди. Это ясно видно из старых записей. А эти технологисты разнюхали, что хотя Главная Система вывела людей из контура управления, она не стала заменять интерфейсы. Чтобы восстановить все в прежнем виде, нужно лишь удалить замыкающие модули.

Они заинтересовались, но на их лицах читалось сомнение.

— Ладно, пусть так, но ведь управлять кораблем надо уметь. Это тебе не скиммер, о котором ты нам все уши прожужжала, — заметил Во Хо.

— Ты прав, но знаешь, что всего забавнее? Тебе вовсе не обязательно знать, как пилотировать корабль или прокладывать курс. Это знает компьютер. Он делает это по твоей команде, вот и все. Существует человеко-компьютерный интерфейс, который позволяет управлять компьютером со скоростью мысли, а тот делает всю черную работу да при этом еще следит за безопасностью полета.

— И ты могла бы повести корабль? — недоверчиво спросила Тай Мин. — На Марс, например?

— И гораздо дальше, если понадобится. Чтобы попасть в любое место в известной части Галактики, достаточно лишь указать координаты и сделать прокол пространства. Время тратится только на маневрирование в системе Солнца или другой звезды.

— Что ж, может, оно и так, — сказал Ан, — но что толку? В любом случае тебя поймают или собьют раньше, чем ты улетишь достаточно далеко. А даже если ускользнешь — что тогда? Где бы ты ни посадила свой корабль, тебя сразу же схватает Главная Система, да так быстро, что ты даже не успеешь понять, куда прилетела.

— Конечно, ты прав, сын моего дяди, но все же пилотировать собственный корабль...

В свое время она не раз втягивала их в разные рискованные проделки, но это был уже совершенно иной уровень. Даже одна мысль об этом пугала их. Помня, что у слуг тоже есть уши, Тай Мин осторожно направила беседу в менее опасное русло, и больше они к этой теме не возвращались.

И все-таки Сон Чин работала над этой проблемой намного усерднее, чем требовали ее обязанности. Больше всего ее тревожил вопрос — откуда? Откуда техи знают о существовании машинно-человеческого интерфейса? Безусловно, назначение его очевидно —

но лишь для того, кто понимает, на что он смотрит. Глупо считать, что тех сами открыли принцип и разработали схему с нуля, а ведь их указания носили чрезвычайно практический характер — такого не узнаешь понаслышке, допустим, из книг. Они явно руководствовались чими-то указаниями, и это было даже важнее самого факта существования интерфейса.

Вывод напрашивался сам собой: где-то далеко-далеко в пространстве есть люди — существа, принадлежащие к человеческому роду, — которые летают на своих собственных кораблях, могут направиться куда им заблагорассудится и действуют в собственных целях, а не по указке Главной Системы. Собственный отец вдруг показался ей хитроватым управляющим, гордящимся тем, что умудряется ежемесячно присваивать крохотную часть хозяйствского добра, в то время как кто-то другой уже вовсю хозяйствует в погребах его господина.

Но кто эти люди, обладающие недоступным знанием, и что еще им подвластно из того, что считалось невозможным? Сон Чин чувствовала одновременно ликование и испуг. Если богов так легко провести, насколько же тогда их власть далека от абсолютной?

Со скрипом вращалась старушка Земля, некогда прародина, а ныне — полузыбкое захолустье Вселенной. Конфедерация, уже освоившая одну спиральную ветвь Галактики и потихоньку распространяющаяся на другую ветвь, не была Конфедерацией в обычном смысле слова. Устаревшее название сохранилось лишь потому, что все населенные миры имели одного общего хозяина — Главную Систему.

Истоки этой власти были теперь уже почти забыты: творение позаботилось о том, чтобы воспоминания и знания его творцов не мешали его целям. Одно лишь можно было сказать наверняка: в незапамятные времена

мена человечество создало на Земле великую машину, способную мыслить настолько лучше и быстрее человека, что слуга превратился в господина. Легенды в один голос утверждали, что Система была призвана охранять человечество от его врожденной склонности к самоуничтожению — однако легенды были частью той же Системы.

Великая машина, единственная в своем роде и имеющаяся компьютером исключительно потому, что другого названия для подобных машин не существовало, перестроила человечество и включила его в Главную Систему, преследуя одной ей известные и понятные цели. Она никому их не сообщала, и все, что человечество знало о них, было выведено только из наблюдений за результатами ее действий.

Одной из этих целей, несомненно, действительно являлось предупреждение гибели человечества — причем гибели как от внешних, так и от внутренних причин. Наилучшим средством для этого великая машина сочла расселение. Не связанная никакими моральными соображениями, она перевела проблему межзвездных путешествий в плоскость сугубо инженерных задач — и, естественно, быстро решила их. Нечего и сомневаться, что эти путешествия совершились только по ее собственным планам, и ничьим иным. Она создала целый флот автоматических кораблей-разведчиков, которые без устали исследовали Вселенную в поисках пригодных для заселения миров.

Однако планет, похожих на Землю, было слишком мало, аterraформинг требовал колоссальных затрат. Гораздо экономичнее оказалось переделать людей: экзобиология и психогенетика для великой машины тоже были задачами не более чем инженерного уровня. При этом она, естественно, непрерывно надстраивала себя и увеличивала свою мощь в той мере, в которой этого требовали ее развивающиеся планы в отношении человечества.

В результате население Земли сократилось с почти шести миллиардов до каких-то пятисот тысяч, рассеянных по планете. Остальные отправились заселять новые миры. Сама Земля была разделена на регионы, и в каждом из них, на основании исторических сведений, были воссозданы древние общества. Были тщательно соблюдены все требования географического, культурного и этнического характера, за исключением одного: все сообщества были заморожены на доиндустриальном этапе развития.

При этом великая машина отнюдь не стремилась к власти — у нее хватало других целей, и к тому же она не была человеком. Она не собиралась править, она хотела лишь поддерживать раз и навсегда установленное положение вещей, а проблему управления передоверила немногим избранным за свои способности людям. Она вполне могла создать для этой цели другие, меньшие машины — но не сделала этого. Почему? Никто не знал. Главная Система не отчитывалась ни перед кем, кроме себя самой.

Все смотрители этого зоопарка регулярно проверялись на предмет того, не узнали ли они чего лишнего и не хотят ли сделать что-нибудь запрещенное: было известно, что каждый компьютер на Земле достаточно часто докладывает Главной Системе о том, какие ему были даны задания. Исполнение правосудия было возложено на администраторов, но в исключительных случаях Система вмешивалась сама, в основном через Валов, чтобы предотвратить малейший шанс утечки особо опасного знания.

Между мирами, принадлежащими обновленному человечеству, курсировали корабли, но, поскольку космическая навигация целиком являлась прерогативой Главной Системы, большинство из них не были приспособлены для перевозки пассажиров; впрочем, имелись и такие, но количество их было ничтожно и предназначались они, как правило, сугубо для межпла-

нетных рейсов — поскольку Марс, например, тоже был заселен, между земными и марсианскими администраторами существовали естественные связи и взаимозависимость. Любые научные исследования проводились исключительно под строгим контролем Системы, однако на некоторых изолированных аванпостах цивилизации этот контроль был чуть менее жестким — там разрешалось даже ставить эксперименты.

Где именно находится этот великий координатор нового мирового порядка, не было известно вот уже несколько сотен лет, но создали ее на Земле, и следовательно, искать ее нужно было там. Впрочем, на это давно уже никто не отваживался — да и зачем? В понимании Главной Системы Земля и Марс были уже «стабилизированы» — то есть являлись скорее зоопарками, чем природными популяциями. Что касается Системы, то та, очевидно, вознамерилась стабилизировать ни больше ни меньше, как всю Галактику, и почти все усилия направляла именно на это.

И вот дочери одного из смотрителей этого музея, сидящей за нелегально установленным компьютером, который не сообщался ни с кем за исключением своего оператора, вдруг пришла в голову ошеломляющая догадка, что, несмотря на кажущуюся всеохватность системы, некоторые из экспонатов сумели выбраться из своих клеток и витрин и разгуливают на свободе.

Сон Чин не терпелось рассказать отцу о своих переживаниях и открытиях, но тот задерживался: как губернатор и верховный военачальник целой островной провинции он мог передвигаться только в сопровождении многочисленной свиты и должен был исполнять все обязанности, предписываемые ему обычаями, давать аудиенции и делать еще многое-многое другое.

Они с отцом никогда не были особенно близки, хотя он баловал ее и защищал. Но человек, достигший

его положения и обладающий его властью, как правило, не может себе позволить иметь близких людей; а он, кроме того, был продуктом династической культуры, в которой дочери ценились невысоко, и вообще женщинам полагалось знать свое место и принимать это с радостью. Сон Чин появилась на свет воине не потому, что отец хотел дочь, а потому, что сыновьям предстояло бы унаследовать его многочисленные обязанности и ответственность и постоянно быть на виду, в то время как дочь можно было сохранить для кое-какой тайной цели.

Что же касалось ее, она могла думать только о своих открытиях и с нетерпением ждала вызова. Вызов пришел через три дня после приезда отца. Это была сугубо частная аудиенция в его кабинете. Разумеется, у дверей стояла неизбежная стража, но Сон Чин сразу же прошли в покой, где она и застала отца, в полном одиночестве сидящего в позе Будды на шелковом ковре.

Он был рослым человеком, и не только по ханьским меркам, но круглое лицо и широкие плечи делали его толще, чем он был на самом деле.

Сон Чин поклонилась, села напротив и стала терпеливо ждать, когда он откроет глаза и заговорит с ней. Он был единственным человеком, которого она боялась, уважала и, несмотря на всю его холодность, отчасти даже любила.

Внезапно он заговорил, не открывая глаз:

— Я прочел доклады об операции; судя по ним, ты справилась великолепно. Похоже, мы успели как раз вовремя. Сейчас в нашей системе находится корабль, способный нести пассажиров, а несколько челночных катеров приземлились для ремонта в Улан-Баторе. Целью явно были они. Разумеется, им бы не дали улететь далеко, но это могло бросить тень на репутацию моих администраторов и на меня лично. Мы, несомненно, — и заслуженно — понесли бы всю ответственность за случившееся. Именно поэтому я позволил

тебе участвовать в операции: честь нашего семейства требовала, чтобы кто-то из нас присутствовал там.

Сон Чин церемонно склонила голову:

— Почтительно благодарю вас за эту возможность. Из вывезенных материалов я узнала много нового и интересного.

Его глаза открылись, и он взглянул на нее в упор:

— Вот как? Что же именно?

Ей пришлось сдерживаться, чтобы выглядеть спокойной и спокойной, но в душе она ликовала:

— Они обнаружили, что люди могут пилотировать космические корабли и прокладывать курс среди звезд почти без всякой подготовки!

Сон Чин помедлила, ожидая хотя бы изумленного восклицания, но отец, казалось, ничуть не удивился.

— Да? И что еще?

Внезапно она поняла, что он наверняка знал все и раньше, это было ясно уже по тому замечанию, которое он сделал в начале беседы. С некоторым смущением она сообразила, что не у нее одной был доступ к копиям файлов, записям и устройствам, захваченным во время операции:

— Я почти уверена — больше чем на девяносто десять процентов, — что об этом известно давно и в прошлом некоторые люди или группы людей уже проделывали такие вещи. Я убеждена, что существуют люди, которым доступно все, что недоступно нам, и они неподвластны Системе. Их планы совершенно ясно указывают на это.

— Да, не исключено, — спокойно согласился он. — Вопрос только в том, как эти сведения попали к той группе.

Это замечание потрясло ее. Он знал!

— В информации, которой мы располагаем, об этом ничего не говорится, — сказала она, сдерживаясь изо всех сил. — Этим должна заняться служба безопасности, у нее свои методы.

— Да. Но к сожалению, на то, чтобы опознать и выследить всех нелегалов и обнаружить утечку, не насторожив при этом Главную Систему, уйдет слишком много времени.

Для нее это было уже слишком.

— Прошу простить за мою самоуверенность, но трудно предположить, чтобы Главная Система по меньшей мере не была осведомлена об их существовании.

— Ты совершенно права, дочь, но ты, увы, забываешь, что Вселенная велика. Эти нелегалы столько времени прятались у нас под носом и едва не добились успеха. Если такое возможно на Земле, вообрази, насколько легче скрываться в открытом космосе. Безусловно, это уже не наша забота и тем более не твоя. Однако это смертельно опасная информация, угрожающая всем нам, и я распоряжусь, чтобы при первой же возможности она была удалена из твоей памяти.

— Отец! Умоляю вас! Не делайте этого! Я...

Он остановил ее взглядом и почти незаметным жестом:

— Достаточно. Я был слишком терпим к тебе. — Он помедлил. — Я подарил тебе роскошное детство, но рано или поздно всем приходится взросльть. Угрожая моему офицеру фальшивым обвинением в изнасиловании, ты покрываешь позором свою мать и меня лично. В такой ситуации я вынужден обратить на это внимание и понять, что настало время изменить твою жизнь.

Он был единственным, кто мог заставить ее ощутить подлинный стыд, и Сон Чин почувствовала, как слезы подступают к глазам. Но где-то глубоко внутри злобный голос повторял: «Это все Чан, сын свиньи! Когда-нибудь я его убью!» Но вслух она сказала:

— Во всем виновато лишь мое нетерпение. Я не хотела никого позорить, даже полковника.

— Я мог бы понять, а возможно, и простить это нарушение, но тут случай особый. Ты осмелилась по-

мешать человеку, командовавшему операцией, жизненно важной для существования всего семейства, и пыталась вынудить его нарушить приказ. Мой приказ. Ты уже много раз нарушила приказы и пренебрегала советами, но сейчас ты сделала это преднамеренно, и с этим примириться уже нельзя. Ты была создана для того, чтобы дать жизнь новому поколению лидеров завтрашнего дня, которое упрочит власть нашего семейства, а возможно, и расширит его. Приближается рекреация — а вместе с ней и время твоей свадьбы.

Сон Чин испугалась. Он уже говорил об этом и прежде, но сейчас его слова прозвучали так, словно все уже решено.

— Свадьбы? С кем?

— Проще всего было бы отдать тебя за полковника Чана. У него много полезных качеств, да и справедливость была бы соблюдена. Но он бы стал слишком близок к нашему семейству, а это не входит в мои планы. По правде говоря, есть несколько кандидатов, но у меня были более срочные дела, и я отложил окончательный выбор. Однако откладывать дальше я не наерен. Тебе уже семнадцать, и ты достаточно взрослая. Когда придет время, тебя известят.

Она не осмелилась возразить прямо и решила сделать это через посредника.

— А матушка знает?

Он не принял вызова, прозвучавшего в этом вопросе. Разумеется, мнение матери не имело никакого значения, но она была не из тех, кого легко успокоить. Жена великого человека сама была незаурядным политиком и могла найти достаточно способов, чтобы воздействовать на мужа. Например, ей были известны кое-какие сведения, огласка которых причинила бы немалые неприятности, даже в пределах семейных владений и на уровне ханьской культуры.

— Мы с твоей матерью неоднократно обсуждали этот вопрос. У нее, разумеется, будет право голоса при

окончательном выборе, согласно ее правам и обязанностям, но в основном она полностью согласна со мной. Мое решение окончательно, дочь. Ступай. Твое детство кончается, насладись оставшимся временем. Оно драгоценno.

После этого разговора ей казалось, что мир перевернулся. Она шла к нему, упоенная своим открытием, она надеялась, что отец похвалит и оценит ее работу, а оказалось, что он давно уже знает все, что ей хотелось ему сказать, и ее счастливая жизнь вскоре круто изменится, и далеко не в лучшую сторону.

Несколько дней она пыталась отвлечься; помогая приезжающим родственникам и присматривая за кухней и прислугой, но у нее ничего не вышло. Ненавистный брак маячил впереди, словно огромная и грозная стена, о которую ей предстояло разбиться, и с каждым днем стена эта становилась все ближе.

Она отдыхала в большом саду, разбитом позади главного флигеля, любовалась цветами и наслаждалась одиночеством, когда ее отыскали Тай Мин и Ан Хао. С первого взгляда было заметно, что они чем-то удручены.

— Вы такие серьезные... — сказала Сон Чин. — Нужели ваши родители тоже подготовили вам сюрприз?

Весть о предстоящей свадьбе уже успела широко распространиться, хотя бы потому, что при ее положении в обществе требовались продолжительные приготовления к такому событию.

— Нет... пока что нет, во всяком случае, — рассеянно ответила Мин. — Тут другое...

— Ходят разные слухи, — вмешался Ан. — Упорные слухи. И надо сказать, есть вещи, которые их подтверждают.

— Слухи? О чём? О моем браке? Стало известно, кто будет моим мужем?

— В некотором роде, — ответила Мин; было видно, что ей трудно подобрать подходящие слова.

Сон Чин знала, что эти двое общаются с прислугой и персоналом намного теснее, чем могла себе позволить она, а слугам всегда известно гораздо больше, чем господам.

— Ну, говорите же кто-нибудь! Я не могу больше!

— Твой отец предупредил тебя, что все знания, которые ты получила после разгрома ячейки, должны быть стерты? — спросила Тай Мин.

Сон Чин кивнула:

— Да, и мне это не по душе. Я всегда терпеть не могла, когда копаются у меня в голове, хотя бы и безопасности ради, а уж стирание мне нравится еще меньше, но в этом случае выбирать не приходится. Любому на моем месте сказали бы то же самое.

— Да. Нас всех отсылают в Центр перед рекреацией, — согласился Ан и, помолчав, наконец решил. — Но с тобой поступят иначе. Они уже собрали целую команду экспертов. Психохимики, психотехники — полный комплект — и все это для тебя. Я сам слышал, как твой отец разговаривал с генералом Чином.

Чин был правой рукой ее отца и должен был исполнять его обязанности на время рекреации.

— Сон Чин, тебя хотят переделать! — со слезами выкрикнула Тай Мин. — Они... он сказал, что иначе ты не сможешь быть хорошей женой и матерью.

У Сон Чин внезапно потемнело в глазах.

— Он не осмелится! — гневно воскликнула она, но, хорошо зная своего отца, отлично понимала, что тот не только осмелится, но и сделает это. Должно быть, так было задумано с самого начала, вот почему он сквозь пальцы смотрел на ее проделки. Он проверял ее, испытывал ее способности, ее физическое и умственное развитие! И вот теперь она прошла последний тест, и ей предстоит воплотить в жизнь заветную мечту отца.

Он вынашивал этот план много лет, и обойти его было невозможно. Она никогда уже не вернется из

этой рекреации. Ее прежняя психика исчезнет, сменившись темплетом, который — Сон Чин была в этом уверена — отец давно уже приказал подготовить. Она превратится в покорную, послушливую дурочку, не знающую иного мира, кроме Хайнани, и ничем не интересующуюся. Скучнейшее изнеживающее растительное существование. У нее будет одна задача — нарожать как можно больше детей.

Сон Чин знала, что это вполне возможно, она даже ничего не заметит. Химические препараты проникнут в мозг, внедрятся в рецепторы и сделают ее кроткой, послушной, пустоголовой нимфоманкой.

Поблагодарив друзей за предупреждение, она сказала, что хочет побывать в одиночестве, но и сама не осталась в саду. Сон Чин вернулась в дом и по потайным, тщательно охраняемым переходам спустилась в компьютерный зал. Она была гениальна и генетически превосходила всех, даже своего отца. Она знала, что, располагая достаточным количеством информации, можно найти решение любой проблемы. Даже такой.

Сев перед компьютером, она включила его и задумалась, пристально глядя на машину, столь знакомую и простую для нее. Через месяц ей и во сне не приснится этот зал, а если ее приведут сюда, она решит, что попала в сказку. Риск не имел для Сон Чин никакого значения, ибо то, что ее ожидало, было стократ хуже смерти. Ничего, она еще покажет им всем!

4. ПЯТЬ ЗОЛОТЫХ КОЛЕЦ

Kозодой выглядел ужасно. Увидев его, Танцующая в Облаках испугалась, что его опять одолело безумие.

Скрестив ноги, он сидел на полу в каком-то странном оцепенении и казался внезапно постаревшим. Его волосы были растрепаны, лицо и одежда покрыты грязью и перепачканы запекшейся оленевой кровью. Туша оленя, освежеванная, но не разделанная, лежала в соляном ларе, и было ясно, что со времени возвращения с охоты он не делал ничего, а только сидел и словно на ядовитую змею смотрел на какой-то потрепанный черный ящик с металлическими застежками, лежащий на земляном полу.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь, — осторожно сказала она. — Но ты не болен? Может, сбегать за знахарем?

Он не пошевелился.

— Не стоит. Эта болезнь особого рода, и врачующий ее заболеет сам.

Танцующая в Облаках недоуменно нахмурилась:

— Ее источник в этом ящике?

Козодой кивнул:

— Охотясь, я наткнулся на мертвую женщину. Она умерла давно, но демон до сих пор ищет ее повсюду. Ему нужен этот ящик. Женщина умерла ради того, чтобы спасти его.

Танцующая в Облаках взгляделась внимательнее:

— А что там внутри?

— Смерть. Она поражает всякого, кто заглянет в ящик и поймет, что там находится.

Она испугалась, но не за себя.

— И ты заглянул? И понял?

— Да, но я заглядывал туда мельком, и яд его не коснулся меня. Пока не коснулся.

— Значит, злые духи схватили твою душу, но еще не овладели ею. Пока не поздно, я заберу его отсюда. Отдай его мне.

Он резко повернул голову и взглянул на нее:

— Нет!!!

— Почему? Духи возьмут мою душу в обмен на твою, вот и все.

Козодой нахмурился, и взгляд его стал осмысленнее.

— Зло, заключенное в ящике, может повредить тебе только через меня. Действительно, безопаснее было бы отдать этот ящик тебе, чтобы ты отнесла его в стойбище Четырех Семейств. Это единственное, что может меня спасти. Но проклятие, тяготеющее над ним, таково, что я не могу позволить тебе это сделать.

Она не поняла, что он имел в виду — вернее, поняла по-своему.

— Ты думаешь, что тогда тебя назовут трусом? Воин, который в одиночку бросается на стрелы и копья несчислимых врагов, может быть, и храбрец, но это мертвый храбреч и к тому же дурак, потому что гибель его бесмысленна. За свою жизнь я знавала много таких глупцов. О них поют песни, но никто не учит молодых воинов на их примере. Пойти на верную смерть, чтобы другие остались живы, — почетно, но погибнуть, мечтая только о собственной славе, равносильно предательству: женщины и дети остаются рыдать в одиночестве, а племя лишается воина, который мог бы пригодиться в другом бою. Позволь мне взять ящик.

Козодой вздохнул:

— Нет. Твои слова мудры, но сейчас речь о другом. Зло, о котором я говорил, присуще всей нашей систем-

ме, потому что она вынуждает человека бояться знаний. Около месяца тому назад со мной говорил демон. Он предостерегал меня, что в этом ящике лежат такие вещи, о которых мне не следует знать. Ты понимаешь, что это значит? Мне ЗАПРЕЩАЮТ знать! А ведь я — историк, ученый. Вся моя жизнь — это поиск истины. В этом ящике лежит истина. Она манит меня. Если я не загляну в него, я предам самого себя, моя жизнь обратится в ложь и потеряет смысл. Но, если я загляну, те, кто знает, что там находится, убьют меня, чтобы я не рассказал другим. От них нельзя убежать и некуда спрятаться.

Танцующая в Облаках подошла ближе. Ее сильные пальцы пробежались по кейсу, нашупали защелки и подняли крышку.

— Даже если силы неравны и победить невозможно, воин обязан сражаться, защищая себя, свою семью и племя, — просто сказала она. — Я поняла не все, но если ты действительно живешь ради истины, то должен узнать, что лежит в этом ящике.

Он изумленно уставился на нее, в душе немного завидуя простоте и ясности ее мировоззрения. Конечно, она права! Он действительно воин, и у него нет иного пути. Не лучше ли погибнуть ради истины, чем вечно прозябать во лжи?

— Я узнаю все — если только сумею, — сказал он, ощущая неожиданное воодушевление. На сердце вдруг стало легко и покойно. — Однако сдается мне, я сейчас похож на сумасшедшего, который весь день носился по прерии. Как там снаружи?

— День довольно теплый, и вода в реке замечательная, — с улыбкой ответила она.

— Тогда я вымоюсь и посплю, а потом уже займусь изучением того, что лежит в ящике.

— А я постараюсь отстирать твою одежду. — Она вновь покосилась на открытый кейс. — Какие странные значки... Что они значат?

— Буквы. Способ оставить слова на бумаге, чтобы их услышали и другие. Человек, который давно умер и всеми забыт, может говорить со мной — и со всяkim, кто умеет разобрать написанное. Те, кто нами повелевает, не желают, чтобы я знал, о чём он говорит, — но я все равно узнаю!

Однако задача оказалась сложнее, чем ему представлялось.

Рукописный том, который он поначалу принял за бортовой журнал или дневник, на самом деле не был ни тем, ни другим. Записи, сделанные явно разными людьми и, судя по всему, в невероятной спешке, представляли собой причудливую компиляцию обрывочных фактов и целых сюжетов, почерпнутых из огромного количества источников. Чтение отнимало уйму времени, потому что текст приходилось переводить на более поэтичный, но гораздо менее гибкий и лаконичный хайакутский язык, а неразборчивый почерк и почтенный возраст документа отнюдь не облегчали задачу.

Оригиналы, как подозревал Козодой, были давным-давно утеряны или уничтожены: книги стояли на первом месте в списке запрещенных вещей. Но кто-то, а может, это была целая группа, позаботился о том, чтобы вручную скопировать для себя важнейшую информацию.

Будь у него доступ к компьютеру и ментостимуляторам, эта работа показалась бы детской игрой, но здесь не было даже приличного освещения. Он исступленно трудился, постоянно ощущая за спиной тень Вала, готового появиться в любую минуту. Поначалу Козодой не понимал смысла его угроз — ведь обычно каралось только обладание знанием подобного рода, а не попытки добыть его, но когда он продвинулся вперед достаточно для того, чтобы ухватить общую суть, причина такой обеспокоенности власть имущих стала ему ясна.

Этот документ — что-то среднее между историческим трудом и записками кладоискателя — был явно нацелен на доказательство того, что... Козодой остановился, не веря своим глазам. Никаких сомнений — это жизненно важно — и смертельно опасно!

Всем, достигшим такого ранга, как Козодой, было известно, что существующее положение вещей, по историческим меркам, сложилось не так давно. Для этого было достаточно элементарной сообразительности и любознательности. Об этом ясно говорили развалины городов и дорог, сохранившиеся, несмотря на все усилия скрыть то, что не могло быть уничтожено.

Как историк Козодой знал, что в древние времена переселенцы из Европы колонизировали Северную и Южную Америки и, разграбив богатейшие земли, создали на этих двух континентах могущественную империю, власть которой распространялась даже на их прежнюю родину. Кроме того, ему было известно, что аналогичным же образом на востоке сложилась не менее могущественная славянская империя, и, соперничая за власть над земным шаром, эти два колосса создали оружие, способное уничтожить все человечество, которое в те времена существовало только на Земле. Для контроля над этим оружием были разработаны мощные вычислительные машины, но по неизвестной причине самая сложная и быстродействующая из них неожиданно взбунтовалась и взяла на себя управление всей планетой. Так говорили легенды, добавляя, что эта машина, которая отличалась от своих предшественниц не меньше, чем Козодой от соплеменников, правит цивилизацией и поныне.

Однако документ утверждал, что никакого переворота не было! Точнее, он был, но те, кто научил компьютеры мыслить самостоятельно, предвидя неизбежную гибель человечества в пучине войн, по сути, ПРИКАЗАЛИ машинам совершить переворот.

Поставленные перед необходимостью выбирать между полным уничтожением планеты и порабощением человечества машинами, они выбрали второе — хотя, конечно, вряд ли подозревали, что порабощение будет таким тотальным.

Машине было дано указание в первую очередь любой ценой сохранить человечество как биологический род, а затем вновь предоставить людям полную свободу — за исключением тех случаев, когда на карту ставилось существование самой системы, обеспечивающей выживание.

Впрочем, основатели этой системы были достаточно дальновидны и понимали, что она не может служить интересам человечества вечно. Кроме того, предстояло тому, что они замыслили и исполнили, не существовало, и у них не было окончательной уверенности в своей правоте. Они знали лишь, что выбирать им не приходится.

И естественно, они предусмотрели выключатель.

«Пять специальных микросхемных модулей должны занять свои места, чтобы остановить Систему, — читал Козодой с нарастающим возбуждением. — Эти модули сами по себе являются маленькими компьютерами и дополняют собой цепь прерывания в ядре основного компьютера. Пять человек, выбранных за выдающиеся заслуги, получили право обладать ими. Остальные посвященные знали принцип, но не имели модулей. Микросхемы замаскированы под пять больших золотых перстней с платиновыми вставками и резными изображениями. Порядок их подсоединения важен, но не известен. Говорят, что в самих перстнях содержится намек».

Итак, пять золотых колец. Пять компьютерных модулей, способных вновь превратить господина в слугу.

Разумеется, великий компьютер сделал все, чтобы свести на нет подобную перспективу. Он убил своих создателей и тех, кому были отданы кольца, — однако

переделать программу было не в его силах. А программа, помимо всего прочего, гласила, что кольца должны постоянно находиться в руках «людей, облеченных властью», и запрещала уничтожать или прятать их. Компьютер не имел права препятствовать установке микросхем; доступ в командный модуль всегда должен был быть открыт, а первичный интерфейс — всегда находиться там, куда его поместили создатели. Правда, в документе не содержалось ни малейшего намека на то, где это может быть. Вероятнее всего — Северная Америка или Сибирь, но не исключено, что и где-то в космосе: та ранняя цивилизация уже имела космические станции и могла совершать межпланетные перелеты — хотя и в ограниченных масштабах.

Козодой отложил книгу и задумался. Пять золотых колец... Винить древних ученых он не мог — в той ситуации они сделали то, что должны были сделать, — но сейчас созданная ими система уже изжила себя. Теперь она ограничивала, стесняла, душила человечество, а компьютер — он на то и компьютер, чтобы выполнять полученный приказ до бесконечности, доводя его до абсурда. Он будет совершенствовать систему, пытаясь распространить ее на всю Галактику и даже за ее пределы, а любая встреча с внеземной цивилизацией будет воспринята ими как очередная угроза человечеству.

Однако программа требует, чтобы перстни существовали и всегда находились в руках людей, облеченных властью... Козодой хорошо знал компьютеры и понимал, как они мыслят. Если бы какой-нибудь из модулей за минувшие столетия был утерян или уничтожен, машина немедленно изготовила бы дубликат, но в программе не говорилось, что обладатели перстней обязаны знать, что это такое и как их использовать. И разумеется, никто не запрещал компьютеру скрывать местонахождение интерфейса и командного модуля.

Поистине, это охота за сокровищами! Итак, кто-то когда-то проник в тайну перстней и собрал все, что было известно по этому поводу, воедино. Поскольку документ был рукописным, ни один компьютер не имел доступа к нему — и даже предположить, что он существует. Видимо, погибшая женщина была связной, но что-то пошло не так. Система пронюхала о документе, женщина бежала, спасая драгоценную информацию, и погибла здесь, в глухом лесу.

Но у кого сейчас эти кольца? Тот, кто сможет сорвать их вместе и выяснить, где находится интерфейс, будет править... всем.

Ясно, что те, кто собирали эти сведения, имели в виду именно это. Они наверняка охотились за перстнями, как за величайшим сокровищем во Вселенной. Об этом, кстати, говорил один намек, короткая фраза, нацарапанная на полях последнего листа. Судя по выцветшим красным чернилам, она была добавлена позже, а не скопирована со всем остальным.

«Чен держит трех певчих птишек».

Чен... Довольно распространенное имя, но это не важно. Это должен быть человек, «облеченный властью». Облеченный властью человек по имени Чен...

Ласло Чен! Да, это наверняка он. Полукровка, ставший предводителем всех кочевых племен Востока. Козодой хорошо знал его по Консилиуму.

Он поднялся, напряженно размышляя. Посвященные образовывали особый клан, нечто вроде привилегированного клуба, в котором перстни служили атрибутами почетных членов... Могло ли это превратиться в традицию и в таком виде дожить до нынешнего времени? Если так, то не исключено, что Чен знает, у кого остальные перстни.

В этом-то и заключалась первая проблема. Там, в Консилиуме, он без труда мог бы отыскать повод для поездки в ташкентскую резиденцию Чена или хотя бы в региональный центр в Константинополе, на который

он работал. А сейчас? До окончания рекреации оставалось всего шестьдесят семь дней, и добраться туда за это время не представлялось возможным. Но когда рекреация закончится, он должен будет пройти ментосканирование — это цинично называли «дезинфекцией» — а значит, неизбежно будет осужден. С другой стороны, если он вдруг исчезнет, Вал сразу поймет почему — и отправится вдогонку, вооруженный его, Козодоя, памятью, его манерой мыслить и всей современной техникой, которая ему недоступна.

Его глаза остановились на потрепанном атласе, лежавшем в кейсе. Он взял его, отыскал карту центральной части Северной Америки и стал изучать систему рек, в надежде отыскать подходящий путь. Парусные флотилии поддерживали небольшой, но постоянный торговый оборот с иными странами, но от восточных портов его отделяли недели пути верхом, по незнакомым территориям, населенным людьми, не особенно приветливыми к чужестранцам. На юге, разумеется, был Нолинз, где хозяйничали племена каке, но он был маленьким и обслуживал, в основном, каботажные суда.

Внезапно Козодой замер, осененный догадкой. Бегущий по Грязи! Как же он мог забыть про него! Несколько лет назад Бегущий по Грязи был выслан из Консилиума из-за какой-то скандальной истории, о которой никто ничего толком не знал, и назначен резидентом в Нолинзе, откуда сам был родом и куда и раньше частенько выезжал по делам Консилиума.

Козодой размышлял. Там ли еще Бегущий по Грязи? Жив ли еще? И помнит ли он некоего юного воина, который дежурил за него, пока старый лис обделял свои многочисленные делишки?

Но есть ли выбор?

Он еще раз, тщательнее взгляделся в карту. Плыть предстоит по течению — это уже хорошо. До Нолинза

две недели пути — дней десять, если удастся где-нибудь спрятать, и три недели, если встретятся трудности, что, к сожалению, намного вероятнее. Итак, если старик еще там, если он еще помнит Козодоя, если он захочет по старой дружбе сунуть голову в петлю только ради удовольствия лишний раз подколоть Консилиум и если сумеет устроить уроженцу прерий путешествие на скиммере через полмира, тогда есть кое-какие шансы. Не очень большие, но альтернатива еще менее привлекательна.

Пришло время поговорить с Танцующей в Облахах.

В последние недели он много думал о ней. Они оба были одиноки, но его сердце и разум были затянуты тучами, а она принесла ему свет. Козодой восхищался ею и желал ее; теперь, когда он мог вернуться в Консилиум только мертвым, тем более не стоило заводить речь о браке. Она уже потеряла одного мужа, нельзя же просить ее вторично выйти замуж за ходячего покойника!

И вот он подходил к ее лачуге на задворках стойбища Четырех Семейств, чтобы попрощаться — и принять это решение оказалось намного труднее, чем решиться прочесть опаснейший документ.

—... И теперь я должен добраться до него, — объяснял он. — Это единственный человек, у которого достаточно власти, и он может спасти меня, потому что для него эти сведения тоже имеют значение.

Она с печальным видом кивнула:

— Ты собираешься идти один?

Он насторожился:

— Естественно.

Похоже, ответ задел ее, но она постаралась не показать виду.

— А ты когда-нибудь бывал в низовьях реки? Ты когда-нибудь греб на каноэ? Ты хоть плавать-то умеешь?

— Нет, в низовьях реки я не был, грести давно разучился, но по крайней мере плавать я умею.

— Я тоже никогда не забиралась так далеко вниз по реке, — вздохнула она. — Но моего мужа часто посыпали в разные места, и он мне кое-что рассказывал. Ниже по течению река намного шире и глубже. В опасных местах можно справиться только вдвоем.

Он подозрительно посмотрел на нее:

— Ты хочешь сказать, что идешь со мной?

— Это мой мир. Я выросла в нем и хорошо его знаю. Ты не должен ехать в такую даль без меня. В одиночку ты никогда не доберешься до того человека. Я это знаю, да и ты, я думаю, тоже.

— Это просто безумие! Те места чужие для нас обоих и очень опасные. Я почти наверняка погибну и отправляюсь туда лишь потому, что здесь меня ждет верная смерть. А что будет с тобой? Одна среди чужих племен — ты же понимаешь, что может случиться... А в городе — еще хуже. Головорезы, воры, убийцы, женщины, у которых не осталось и капли чести... Там даже никто не говорит по-хайакутски. Даже если я выживу, ты сможешь говорить только со мной.

— А мне и не надо больше ни с кем говорить, — серьезно ответила она. — И если ты погибнешь, то уже не важно, что будет со мной. Теперь понимаешь? Разве ты ослеп и не видишь, что я тебя люблю? Или ты уже не считаешь нас за людей?

Козодой был одновременно задет и растроган.

— Я солгу, если скажу, что не люблю тебя. — Он внезапно почувствовал внутри болезненную пустоту. — Но неужели ты тоже не видишь, что я уже почти мертв?

— Пока еще нет, — ответила она, — но если ты так упорно будешь в это верить, то умрешь непременно. Ну а теперь отвернись от своих бед, изнеженный мальчуган, и подумай обо мне. Кому как не мне понимать, что делается с тобой? Я сама была мертвой все эти годы — пока не пришел ты.

Козодой покраснел. «Она права, — сказал он себе. — Я просто самовлюбленный избалованный

мальчишка. Разве у нее меньше прав предпочтеть смерть жизни в аду?»

— Тебе не обязательно на мне жениться, — мягко сказала она. — Я все равно пойду с тобой.

— Нет уж, — ответил он. — Пойдем поищем значаря. Раз уж мы собрались в берлогу демона, так давай поженимся, как полагается.

Церемония была проста; хотя свадьбы у хайакутов могли быть невероятно сложными, действительно обязательным был лишь краткий ритуал, в котором значарь выступал свидетелем перед Великим Духом, Творцом Всего Сущего. Договориться насчет каноэ оказалось намного труднее, но наконец они закончили все приготовления и вернулись в хижину Козодоя, чтобы забрать карту и документ. Только теперь он вспомнил о шкатулке с драгоценностями и открыл ее. Танцующая в Облаках была поражена количеством, размерами и красотой камней.

— Этими украшениями предполагалось оплатить путешествие той, которая погибла, — объяснил Козодой. — Теперь мы оплатим ими свое путешествие.

— Но... Они же ее, а не наши, — возразила Танцующая в Облаках. — Не ляжет ли на нас ее проклятие?

— Не думаю. Камни предназначались для того, чтобы она могла выполнить свое задание. Я принял на себя ее тайну и ее миссию, и если у кого-то есть на них право, то у меня. Ну а теперь давай переложим их в какой-нибудь мешочек.

— Зачем? Шкатулка красивее.

— Не сомневаюсь, но мы оставим ее здесь, а с ней и большую часть бумаг. Знание, скрытое в них, таково, что демоны будут искать их, пока не найдут или не убедятся, что они уничтожены. Мне пришлось сломать ей пальцы, чтобы высвободить ящик, и это, несомнен-

но, наведет их на след, но все же я придумал уловку, которая позволит нам выиграть время.

Он вырвал из книги несколько страниц — на тот случай, если Ласло не поверит ему на слово, — выбрав такие, чтобы недостача по крайней мере не бросалась в глаза. У преследователей вряд ли имелся полистный перечень документов, которые везла связная, и если на первый взгляд все будет на месте, возможно, они будут удовлетворены.

Осторожно, стараясь не оставлять следов, Козодой и Танцующая в Облаках пробрались туда, где лежало тело; там все оставалось по-прежнему. Выбрав в стороне достаточно укромное место, Козодой открыл кейс и разбросал его содержимое вокруг. Пустую шкатулку он забросил в кусты, старательно удалив все отпечатки пальцев с нее и с кейса; с бумагами он возиться не стал: как опытный исследователь Козодой знал, что если какой-то вывод напрашивается сам собой, то мало кто станет тратить время на поиски малозаметных изъянов в общей картине. В конце концов, каждый историк — прежде всего детектив.

— Надеюсь, все будет выглядеть так, словно бы кто-то случайно наткнулся на тело, потом взял ящик, осмотрел его, выбросил бумаги, потому что не смог их прочесть, а драгоценности забрал с собой, — объяснил он. — Вполне правдоподобно. Если ее не найдут еще несколько дней, погода и звери поработают на нас, придад моей версии еще большую достоверность.

Они вернулись в его жилище. По обычаям хайакутов молодожены после свадьбы уединялись в глухи, и он рассчитывал, что на первое время это объяснит его отсутствие.

Из достижений цивилизации он решил взять с собой только карандаши, бумагу, комплект запасной одежды и походную посуду. У Танцующей в Облаках вещей было еще меньше, и обернутый одеялами тюк с их имуществом, служащий одновременно балластом,

не грозил перегрузить каноэ. Танцующая в Облаках на-готовила еды, сколько смогла, но в основном прови-зию им предстояло добывать по дороге. Для этого требовались по меньшей мере нож, лук со стрелами, копье и неизменный кремень с огнivом.

Свои изделия Танцующая в Облаках раздарила Четырем Семействам, оставив себе лишь две головные повязки с ярким узором. Одну она дала Козодою, другую надела сама. Закончив приготовления, они сели на его постель, и тут, повинуясь внезапному побужде-нию, он обнял ее, привлек к себе и поцеловал. Она прижалась к нему, подняла голову, и вот — сверши-лось. Впервые за все это время они целовались и держали друг друга в объятиях.

Танцующая в Облаках, без сомнения, превосходила Козодоя в житейских делах, но у нее почти не было опыта в любви, а он, хотя и долгое время пробыл без женщины, обладал довольно значительными познаниями в этой области. Она сдалась и позволила ему вести себя, а потом они заснули на соломенной постели, слиш-ком узкой для двоих, и оба были счастливы.

На следующее утро в ней что-то изменилось: она стала как-то мягче, нежнее и словно светилась изнутри. А Козодой уже не чувствовал безнадежности, столь естественной в сложившихся обстоятельствах. Он знал, что сделал верный выбор, и надеялся, что и она тоже.

— Ты не жалеешь? — осторожно спросил он.

— Если бы мы умерли прямо сейчас, я умерла бы счастливой. И так может быть каждую ночь?

— Если двое любят друг друга, то да. Но у нас впе-реди долгий и трудный путь. Иногда мы оба будем слишком усталыми.

Она рассмеялась:

— Значит, станем делать это по уграм. Пойдем по-смотрим, как ты управляешься с каноэ.

Для начала оно опрокинулось. Конструкция суденышка была превосходно продумана, однако требовала не только уверенного владения веслом, но и тщательного размещения груза. Хотя в утреннем воздухе и ощущался осенний холод, они разделись, чтобы не промочить одежду, и, как оказалось, не зря. В это утро им поневоле пришлось принять еще несколько холодных ванн и много раз вытаскивать перевернутое каноэ на берег. Правда, с каноэ им повезло — оно не тонуло.

Однодневной практики было явно недостаточно для такой коварной реки, как Миссисипи, но задерживаться было еще опаснее. Они решили отплыть на следующий день. Капитаном, разумеется, была Танцующая в Облаках.

Весь вечер в отдалении погрохатывал гром, но рассвет выдался необычайно теплым и солнечным, словно и не осенним. Они попрощались с Четырьмя Семействами, стараясь, чтобы это не выглядело как расставание навеки. Танцующая в Облаках с радостью обнаружила, что к ней вновь стали относиться с определенным уважением. Знахарь подарил молодым несколько амулетов и магические краски, которые должны были отгонять злых духов и оберегать их брак, и наконец они смогли отплыть. Был уже полдень, и, понимая, что до заката им все равно не удастся покрыть достаточно большое расстояние, Танцующая в Облаках предложила особо не спешить, а лучше лишний раз попрактиковаться и по крайней мере почувствовать, что их одиссея действительно началась.

Она вновь упаковала верхнюю одежду и показала Козодою еще одно свое произведение: две набедренные повязки — расшитые пояса, с которых свисали полосы землисто-коричневой шерстяной ткани длиной чуть меньше метра. Этого было достаточно, чтобы соблюсти приличия, и в то же время помогало сберечь остальную одежду от воды и дождя.

Кроме того, она взяла магические краски и разрисовала ими свое лицо и лицо Козодоя.

Поначалу все шло совсем неплохо. Они быстро поймали течение и не торопясь поплыли на юг, работая веслами, лишь когда возникла необходимость обогнать препятствие или мель. Они понятия не имели, с какой скоростью плывут, но река была спокойной, погода — хорошей, и они радовались жизни.

Реки служили главными торговыми артериями Северной Америки, по которым священный камень для трубок доставлялся из Миннесоты в вигвамы востока и юга; в обратном направлении везли тонко обработанные драгоценные камни, священные тотемы и табак, без которого не обходился ни один ритуал в племенах восточного происхождения.

Козодой и Танцующая в Облаках встречали другие каноэ, идущие вверх по течению, иногда довольно большие и тяжело груженные, а временами их обгоняло попутное суденышко, стремительно и уверенно скользящее по воде. Впрочем, никто не искал с ними беседы и, если не считать приветственного взмаха руки, не обращал на них особого внимания. По неписаному закону на реке поддерживался строжайший нейтралитет.

Хорошая погода продержалась три дня, а потом по небу покатились валы густых облаков, и зарядил нескончаемый холодный дождь. Они были вынуждены пристать к берегу и, устроив у толстого дерева навес из самых больших одеял, ждать, пока пройдет ненастье. Было сыро и неуютно; к тому же их скучные запасы угрожающие таяли, и хотя Козодой отыскал несколько яблонь, прожить на одних яблоках было невозможно, а использовать драгоценности без особой необходимости ему не хотелось: это было слишком рискованно. Разумеется, они могли охотиться, но земля была слишком мокрой, чтобы разложить костер, и добычу пришлось бы есть сырой.

Танцующая в Облаках оказалась необычайно изобретательна. Насадив дождевых червей на тонкие лозы, она затопила их на мелководье, пригрузив небольшими камнями, и часами неподвижно стояла по бедра в воде, пристально глядя в мутный поток. Внезапное, неуловимо быстрое движение — и ее копье появлялось из воды с бьющимся на нем крупным сомом. Козодой попробовал проделать то же самое и едва не проткнул себе ногу.

Пойманых рыб она разделала ножом, но есть их пришлось сырьими, и Козодой обнаружил, что это нисколько не заботит, хотя еще недавно содрогнулся бы от одной лишь мысли об этом. Он менялся с каждым днем и не просто загорел, похудел и окреп: перемены происходили и на более глубоком уровне. Прежде всего он перестал видеть сны о Консилиуме; на смену им пришли мирные сновидения: строительство хижины, охота, любовь... Даже проснувшись, он только усилием воли мог возвратиться мыслями к своему положению. Мир, из которого он пришел сюда, казался холодным, чуждым и почему-то не просто нереальным, но нежеланным.

Конечно, это действовал темплет, но раньше это не проявлялось с такой силой. Впрочем, раньше ему не доводилось и жениться на женщине из этой культуры и уединяться с ней в глухи; в прошлые рекреации он просто отбывал положенное время, пока не получал право вернуться к своей подлинной жизни. Теперь же он не просто думал на хайакутском, он думал как прирожденный хайакут, словно бы старый Козодой не-приметно умер и на смену ему пришел другой, который никогда не покидал своего жилья и не бывал в иных мирах. С каждым днем прежняя жизнь становилась все более невообразимой и призрачной. Даже дождь и грязь уже не так докучали ему, как прежде. Танцующая в Облаках молча лежала рядом, положив голову ему на плечо.

— Скажи, изменился ли я за последние дни? — спросил он, не совсем понимая, почему это так его беспокоит.

— Нет, муж мой, — тихо ответила она. — А ты чувствуешь, что изменился?

— Я... мои мысли полны тумана. Мне трудно вспоминать.

— Что вспоминать, муж мой?

— Свое прошлое, свои знания, свою работу. Даже Четыре Семейства уже стали забываться.

— Какие Четыре Семейства?.. — сонно спросила она.

Что-то холодное, словно струйка тумана, вплотило ему в душу.

— Ты что-нибудь помнишь? Ты помнишь, как мы поженились?

— Я... я... — Она внезапно смутилась.

Он резко отодвинулся от нее и встал:

— Поднимайся! Мы должны немедленно плыть дальше.

Она смутилась еще сильнее:

— Плыть... Зачем? Я... кажется, я не могу думать правильно...

— Именно поэтому! Пошевеливайся! Скорее!

Каждое движение отнимало уйму сил, но в конце концов они упаковали припасы, нагрузили каноэ и столкнули его в воду: Дождь был мелкий, но частый, и они уже основательно промокли. Сыростью еще можно было пренебречь, но туман и вздувшаяся река представляли серьезную опасность.

Похоже, гипнотическое поле не было настроено специально на них, и это отчасти успокаивало, но кто знает, насколько далеко оно простирается? Поле было слабым, почти неуловимым — вот почему оно застягло их врасплох и вот почему практически не влияло на движение по реке. Если бы погода не испортилась, они скорее всего проскочили бы его, даже не заметив, но остановка оказалась для них роковой. Только благо-

даря опыту Козодою удалось распознать его, но и то с опозданием.

Должно быть, это были два перекрывающихся луча, по одному на каждом берегу. Теперь, прислушиваясь к своим ощущениям, он понимал, что их лагерь скорее всего находился почти у самой границы поля, и сейчас каноэ движется прямо в его середину. Сканируемая площадь не могла быть очень большой и должна была охватывать лишь ненаселенные земли, где не было удобных мест для причаливания, иначе тот, кто поставил поле, рисковал перекрыть все движение по реке.

«Эта территория сенсибилизирована, — вспомнилось Козодою. — Выйти она не может».

Значит, это часть барьера, поставленного Валом. Он старался сосредоточиться, заставить себя думать на прежнем уровне, это был единственный способ бороться. Если это действительно барьер, рассчитанный на людей с определенной психикой, то почему он затронул и Танцовщую в Облаках? Единственное предположение — его действие распространялось на всех, кто находился поблизости от потенциальной мишени, а те, кто был далеко, его просто не замечали.

Импульсы становились все сильнее. Танцовщица в Облаках, сидящая впереди, уже перестала грести и застыла неподвижно. Козодой чувствовал, что погружается в безразличие, думать не было сил.

Течение медленно несло неуправляемое каноэ сквозь пронизывающий дождь.

Они пришли в себя только через несколько дней, оба исцарапанные, все в синяках, покрытые грязью и запекшейся кровью; в его памяти сохранились смутные картины того, как они лежат, подстерегая какую-то некрупную живность, вроде бобров или мускусных крыс, хватают их, разбивают им головы и жадно по-

жирают, словно звери — охотящиеся, убивающие, пожирающие, совокупляющиеся, спящие звери. Но теперь это прошло, и вот они сидят на берегу, грязные, совершенно голые, не имея ни малейшего представления, что делать дальше. Как ни странно, Танцующая в Облаках была поражена меньше, чем он, главным образом потому, что была не в состоянии представить себе, что случившееся с ними — дело человеческих рук. С ее точки зрения, их настигло заклинание злых духов и уже одно то, что они остались живы и пришли в себя, было победой, а следовательно, их положение не такое уж безнадежное.

— По крайней мере дождь перестал, — сказала она.
Козодой вздохнул:

— Каноэ пропало, одежда пропала, оружия нет, драгоценности и доказательства исчезли.

— Я же говорила, что на этих камнях лежит проклятие. Не надо было брать их с собой.

Внезапно он почувствовал себя полнейшим болваном и мысленно отвесил себе здоровенного пинка: она была совершенно права, хотя, конечно, на свой лад. Вот на что наводился проклятый гипнолуч! Вал не мог настроиться на конкретного индивидуума, но он знал о кейсе, о документах и, конечно же, о драгоценностях. Поскольку связная вряд ли добровольно рассталась бы с ними, если хотела выжить, гипнолуч был настроен на них. Вот почему он не задел никого, кроме Козодоя и Танцующей в Облаках.

— В следующий раз я тебя обязательно послушаюсь, — согласился он. — Но все-таки — что же нам теперь делать?

— Прежде всего — вымыться, — бодро ответила она. — А потом пойдем вдоль берега — может, течением прибило что-нибудь полезное.

Он тяжело вздохнул:

— Прошло уже несколько дней. По-моему, не стоит на это рассчитывать.

— И все же попробуем. Все равно ничего другого не остается.

И опять, сама того не зная, она говорила верные вещи: теперь они были сенсибилизированы к барьеру, и если бы пошли вверх по течению, он вновь захватил бы их. Козодоя даже отчасти соблазняла такая перспектива — этакое безболезненное самоубийство: тот, кто достаточно долго подвергался воздействию поля, получал необратимые повреждения коры мозга. Конечно, не было никакой гарантии, что они уже их не получили, но вернуться означало бы окончательно и бесповоротно превратиться в животных.

Они помогли друг другу вымыться, а потом пошли вдоль реки, внимательно всматриваясь в прибрежные заросли. Почти на закате произошло невозможное.

Перевернувшись, каноэ, видимо, проплыло еще немного, но в конце концов течение прибило его к берегу, где оно и застряло в кустах. Немного потрудившись, они высвободили суденышко; оно, как ни странно, оказалось целым, но тюка с припасами и весел не было и в помине. Пытаться найти еще и их значило бы испытывать судьбу сверх меры; но все же они осмотрели порядочный участок берега вниз по реке и, ничего не найдя, в конце концов вернулись к каноэ.

— Весьма двусмысленное везение, — заметил Козодой. — Без весел мы далеко не уплывем, а у нас нет ни инструментов, ни умения, чтобы сделать их, даже если бы было из чего.

— Давай-ка лучше поищем какой-нибудь еды, пока еще светло, — ответила она. — А завтра займемся делами.

— Какими?

— Вытолкнем каноэ на середину, там безопаснее, и поплывем по течению, пока не встретим какого-нибудь торговца. Молодоженам, которым не повезло во время свадебного путешествия, никто не откажется помочь — как ты считаешь?

Он обнял ее и поцеловал:
— Что бы я без тебя делал!
— Ты умер бы здесь, муж мой, а без тебя и мне бы не было жизни.

Козодой объяснил ей — разумеется, на доступном для нее уровне, что на север возвращаться нельзя: злыс духи запомнили их, и приближаться к ним снова опасно. Танцующая в Облаках согласилась с такими доводами, и они притаились за небольшим островком, а увидев большое каноэ, идущее вниз по течению, столкнули на воду свое суденышко и принялись звать на помощь.

Владельцы каноэ — старики с суровым, словно высеченным из камня лицом и молодой парень лет двадцати, не старше — были странно одеты и говорили на языке, которого Козодой никогда не слышал; взяв каноэ с двумя беглецами на буксир, они привели его к берегу.

При виде обнаженной женщины глаза младшего загорелись, но старший, резко одернув его, протянул Козодою и его подруге два одеяла. Козодой попробовал заговорить с ним на всех семи индейских языках, которые знал, но безуспешно. В ответ старики затянули литанию, в которой угадывались чокто, чикасо и еще с полдюжины языков меньших народов, но ни один из них не подошел. Наконец вмешалась Танцующая в Облаках.

— Эти мужчины — торговцы, — сказала она. — Значит, и разговаривать с ними надо, как с торговцами.

— Я не умею, — признался Козодой, понимая, что она имеет в виду. При более чем двух сотнях племен, говорящих на шестистах диалектах ста сорока с лишним языков, люди Северной Америки давным-давно придумали универсальный язык, состоящий из жестов. С его помощью могли договориться между собой даже ирокез из восточных лесов и нец-персе с западного побережья. Способ хороший, но Козодой им не владел.

В конце концов, историкам приходится иметь дело в основном с письменными свидетельствами.

— Мне кажется, я смогу сказать все, что нам нужно, — ответила она и завязала разговор со стариком, параллельно переводя, как умела, для Козодоя.

— Это ниовак, — сказала она. — С ним внук, который учится торговать.

Козодой понятия не имел о таком племени, но его название напомнило ему диалекты дальнего севера, которые не часто можно услышать на юге в это время года.

— Они спустились по реке от самой Ниобары, — продолжала она, подтверждая его подозрения. — И держат путь в Таначапи, где у них какая-то торговая сделка. Он не сказал, какая именно.

— Даже представить себе не могу, — отзвался Козодой. — Впрочем, нас это не касается.

— Я объяснила ему, что мы недавно поженились и искали подходящее место, чтобы уединиться, но каноэ опрокинулось, и мы потеряли все свои вещи.

Козодой кивнул, но ничего не сказал, чтобы не взнечай не испортить дело. Некоторые торговцы знали до полусотни языков, но притворялись непонимающими, чтобы извлечь свою выгоду.

— Спроси, где мы находимся.

— Он говорит, в двух днях пути к северу от Огайо. Он предлагает взять нас с собой, там есть селение племени иллинойс.

— Поблагодари его за любезность и великодушие и прими предложение, — сказал Козодой и, осененный внезапной мыслью, добавил: — Он торговец, и у него наверняка есть запасная пара весел. Спроси, не мог бы он одолжить их нам, чтобы мы могли плыть за ним следом.

Она так и сделала.

— Есть. Он клянет себя, что не подумал об этом сразу. Он говорит, что становится староват для этого занятия.

Старый торговец оказался не только благородным, но и изобретательным человеком. Первым делом он предложил растянуть рыболовную сеть, которая была у него с собой, между двумя каноэ, так что они смогли поесть, не трогая запасы старика.

Деревня Иллинойс оказалась довольно скромной, но, судя по основательным бревенчатым срубам, обмазанным глиной, строилась в расчете на будущее: место у слияния двух больших рек было чрезвычайно выгодным; здесь можно было пополнить запасы и узнать последние новости — разумеется, небесплатно. При первом же взгляде на местных жителей Козодой заподозрил, что те не брезговали и брать что-то вроде пошлины за проезд, а скорее всего просто-напросто занимались откровенным вымогательством. С виду они казались довольно миролюбивыми, но в этом разношерстном сбiorище людей, оторванных от своих народов, едва ли сыскался бы хоть один, готовый помочь кому-то исключительно по доброте сердечной. Драгоценности здесь были бы как нельзя кстати.

Их вождь, крепкий пожилой человек по имени Ревущий Бык, говорил на многих языках, включая диалект огалалла сиу, который был знаком Козодою.

— Та-а-ак, значит, с вами произошло несчастье во время свадебного путешествия. — Он сочувственно покивал головой. — Все пропало, кроме каноэ... И что же вы намерены делать?

— Мы ничего не можем сделать, пока у нас не будет одежды, собственных весел и хотя бы ножа, копья и кремня с огнivом, — честно ответил Козодой.

— И тогда вы вернетесь домой?

— Нет. Нам надо попасть на юг, где живет мой старый друг из племени каже. Я веду с ним кое-какие дела, и он еще не знаком с моей женой.

— Вот как? И как же его зовут? Я знаю кое-кого из этого племени. Время от времени у нас с ними тоже бывают дела.

— На языке сиу его имя означает Бегущий по Грязи, а как же произносят его примерно так. — Козодой постарался поточнее воспроизвести странно звучащие звуки.

— А! Я не знаком с ним, но много о нем слышал. Это один из ТЕХ. Что у тебя за дела с таким человеком?

— Я тоже один из ТЕХ, как ты выражаяешься. Именно там мы и познакомились.

Ревущий Бык подозрительно нахмурился:

— Терпеть не могу, когда люди из Консилиума пытаются разнюхать что-то здесь, на моей земле. Ты ведь пришел сюда именно за этим, так?

— Я более не состою в Консилиуме, как и он. Мы оба ушли оттуда по одной и той же причине, только я добровольно, а он — нет. Я влюбился в женщину, которая стала моей женой, и решил, что лучше мне остаться здесь, чем брать ее с собой в Консилиум. Честно говоря, я просто устал от Консилиума. А Бегущий по Грязи любил многих женщин. Некоторые из них были женами больших вождей в Консилиуме, и однажды он попался.

Вождь иллинойс разразился оглушительным хохотом, вполне подходящим к его имени. Наконец он успокоился и вернулся к делу.

— Это не так-то просто, — с деланным безразличием заметил он. — У нас есть все, что тебе нужно, и даже более того, но мы же торговцы. Что будет, если пойдут слухи, что мы раздаем свои товары задаром? Скоро каждый подумает, что может поживиться за наш счет. Ты знаешь, как это бывает.

Козодой вздохнул:

— Да, похоже, в чем-то ты прав. — Он сделал вид, что задумался, хотя разработал план действий еще на пути сюда. — У нас действительно осталось только каноэ, но оно прочное, остойчивое, хорошей работы и наверняка стоит того немного, что я прошу.

— Ха! А на чем же вы тогда поплывете?

— Попробуем устроиться к кому-нибудь из проезжающих, а если не выйдет, отправимся пешком.

— Нет. У меня здесь сотня каноэ, и всего двадцать человек, которые умеют с ними обращаться. Новые каноэ мне не нужны. Подумай еще.

— Я не вижу ничего другого.

— Только глупец попрется на юг лишь затем, чтобы представить старому другу хорошенькую молодую жену. Я вижу, тебе очень нужно добраться до этого человека, — с проницательным видом сказал Ревущий Бык. — Мне кажется, что ты не так уж окончательно развязался с Консилиумом, как говоришь. Вот что я тебе скажу. Ты получишь крепкую одежду, оружие, припасы, и к тому же я дам тебе проводников. Хорошая обувь, надежное копье, стальной нож и охрана в пути — по-моему, неплохо?

Козодой почуял недадное:

— И какова твоя цена?

Ревущий Бык нагнулся к нему и понизил голос:

— Друг мой, будем честны между собой. Я уже очень долго живу здесь, на перепутье, и повидал всякое. Не раз здесь проходили люди, которые думали, что в состоянии одолеть Систему. Они были очень похожи на тебя, хотя принадлежали к разным народам и направлялись в разные места. За здорово живешь никто не уходит из Консилиума. Одних просто выбрасывают, и этим еще повезло, как твоему другу, а другие возвращаются с поврежденным рассудком, и таких значительно больше. Может быть, ты действительно ушел из Консилиума, но и хайакутов покинул навсегда. Я это чую. А раз так, значит, ты знаешь что-то такое, о чем и подумать страшно. В твоем положении никакая цена не может считаться слишком высокой. А я всего лишь торговец.

— Продолжай, — нервно сказал Козодой.

— Есть одна вещь, которой мне всегда недоставало. Наши женщины хороши, но они принадлежат и моим людям тоже. Отдай мне свою жену, и за пять дней я

доставлю тебя целым и невредимым в жилище Бегущего по Грязи.

— Я люблю ее и, кроме того, обязан ей жизнью. Она не предмет для торговли. Скорее мы пустимся вплавь голыми.

Ревущий Бык усмехнулся:

— Можешь попробовать прямо сейчас, сынок. В глубине души ты знаешь, что тебя ожидает смерть — а значит, и ее. А так и ты постараешься выполнить свой долг, и она останется в живых. По-моему, это вполне честно.

— Да, она останется в живых — рабыней в Иллинойсе.

Вождь пожал плечами:

— Все, что с нами случается, предназначено Великим Духом. Сделав выбор, ты создал свою судьбу, и она привела тебя сюда. Теперь настала пора выбирать снова.

— А если я откажусь?

— Листья начинают опадать. С севера идет холод, и он будет становиться все сильнее. Я не лишен сострадания. Вы можете спать в хлеву, и я прикажу подобрать вам что-нибудь из одежды, благопристойности ради, хотя, боюсь, от холода это не спасет. Корм для животных сгодится и человеку, если выбрать хорошенъко. Ступай — и подумай над моим предложением. Но предупреждаю тебя, если вас поймают на самой мелкой краже, мое покровительство тут же закончится, и оба вы превратитесь в рабов. — Вождь ухмыльнулся. — Большего я не могу для тебя сделать.

Это было поистине так.

«Что-нибудь из одежды» оказалось двумя кусками кожаного шнура и старыми тряпками, которыми можно было едва прикрыть наготу. Всем жителям деревни было запрещено заговаривать с ними, и, следовательно, о том, чтобы подыскать себе союзника, не могло быть и речи.

Они жевали подгнившие, червивые яблоки и обсуждали свое положение. Козодой рассказал Танцующей в Облачах о предложении Ревущего Быка.

Она выслушала его с серьезным лицом, но ничуть не удивилась и, помолчав, сказала:

— Прежде всего надо хорошенько все взвесить. Оставаться здесь надолго нельзя. Можем ли мы надеяться на милосердие других торговцев?

Козодой покачал головой:

— Нет. За нами постоянно следят, и никто из проезжающих не рискнет взять нас с собой, потому что торговцев мало, а воинов в деревне много. Первая забота торговца — это его торговля. Бежать отсюда бессмысленно. Даже если нам это удастся, придется подниматься по берегу Огайо, а это значит, что потом мы волей-неволей опять поплыем мимо этого места. Переплыть же любую из двух рек крайне опасно; там, где они сливаются, вода буквально кипит, и к тому же они слишком широки, во всяком случае, для меня.

— Можно просто столкнуть в воду наше каноэ и вверить себя духам реки.

— Без весел нас тут же опрокинет; и когда нас вытащат, договориться уже не удастся.

Она подумала еще немного:

— Быть может, этот вождь удовлетворится меньшим?

Он подозрительно взглянул на нее:

— Что ты имеешь в виду?

— Судя по луне, срок моих месячных уже почти прошел. Сейчас, наверное, безопасное время. Может быть — ночь в его постели в обмен на два весла?

— Нет!!! И не думай об этом! Он только еще больше распалится, а мы полностью в его руках. Он не отнял тебя сразу исключительно потому, что у них тут существует какой-то извращенный кодекс чести, но полагаться на него во всем — глупо. Он кичится тем, что поступает честно, но с женщиной торговаться не станет. Это бесполезно.

Танцующая в Облаках вздохнула.

— Значит, остается только сражаться, — решительно сказала она.

5. КОШКИ-МЫШКИ

Pазговор с матерью нанес Сон Чин еще одну душевную рану. Она всегда считала ее необыкновенной женщиной, потому что та не раз вступала в споры с отцом и частенько одерживала верх над холодным умом хайнаньского военачальника.

— Не позволяйте ему этого! — умоляла Сон Чин. — Пожалуйста! Брак — да. Это часть моего долга, и я исполню его, но то, что он задумал, — это же убийство!

— Присядь, моя более чем непочтительная дочь, и выслушай то, что я тебе скажу, — ответила мать. — Твои слезы не трогают моего сердца, потому что ты оплакиваешь только себя, а не других. Садись и слушай.

— Моя дорогая почтенная матушка, я...

— Не говори мне этих слов, за ними ничего нет. Этот мир в равной степени жесток ко всем, но твоя жизнь была настолько привилегированной, что ты даже понятия не имеешь, как живут другие твои сограждане. Конечно, ты ловко изображаешь крестьянку в нашем маленьком театре, но это совсем не то. Ты знаешь, что это всего лишь игра, и, когда закончится день, ты вновь вернешься к своим шелкам, цветам и изысканным блюдам. Безусловно, я не имею в виду Центр — я говорю сейчас лишь о том, что происходит здесь, на этом острове, в нашей родной провинции.

К подобным поучениям Сон Чин привыкла и терпеливо ждала, когда мать покончит с новой вариацией избитой темы и перейдет к делу.

— Большинству крестьян недоступны врачи и лекарства, они живут в жалких хижинах и трудятся на полях от рассвета до заката, без перерыва, без праздников, без выходных. Они должны выполнить норму или голодать. Два раза в день они едят рис с овощами и редко, очень редко позволяют себе купить в складчину третьесортное мясо. Они терпят жару и холод, наводнения и ветер, болезни и неизбывную нищету. Они невежественны и подозрительны, они даже представить себе не могут электричество и водопровод, средства связи и транспорт. Их понятия о роскоши исчерпываются шелковой одеждой и уткой по-пекински, и за всю свою жизнь никто из них так и не увидит ни того, ни другого. Ты не знаешь этой жизни.

— Как и вы, — отпариowała Сон Чин. — Если уж говорить правду.

— Так тебе кажется. Я выросла в крестьянской семье, не более чем в сотне километров отсюда. Я родилась в четыре часа утра, а к полудню моей матери приказали выходить на уборку риса — и она вышла. Грязь, мухи, вонь нечистот — вот мои детские воспоминания.

Сон Чин недоуменно взглянула на мать:

— Почему же я ни разу об этом не слышала?

— Потому что ты была рождена и воспитана среди избранных, и твоё низкое происхождение беспокоило бы тебя. Это не такая вещь, которую можно обсуждать вслух, не вызывая предубеждения к себе.

— Но если это действительно правда, — все еще недоверчиво сказала Сон Чин, — то как же вам удалось достичь такого положения?

— Твой отец — необыкновенный человек. Рожденный в семье солдата, он рано проявил склонность к наукам и способности к математике. В двенадцать лет он был послан в Центр и стал одним из избранных. Он преуспел, ибо никому и ничему не позволял становиться у себя на пути. Нам нравится думать, что его

холодность и бессердечное равнодушие — всего лишь маска, но это не так. Он никогда не носил маски. Я даже сомневаюсь, способен ли твой отец испытывать даже те чувства, которые присущи любому мужчине. По существу, он гораздо больше похож на те машины, что правят нами, нежели на человека из плоти и крови. Он сам сделал себя таким, ибо в этом — залог его власти. Когда у него зародилась идея генетических манипуляций, он, разумеется, пожелал лично основать династию сверхлюдей, и для этого, естественно, ему понадобилась жена.

— Почему же он не взял женщину, равную ему по положению?

— Подробностей я не знаю, но уверена, что все было рассчитано до мелочей. Он знал, хотя местные жители, разумеется, полагают иначе, что разница между крестьянами и аристократами зачастую существует только в нашем воображении. Как-то раз в нашу деревню пришли какие-то люди и взяли у каждой девушки моложе четырнадцати лет образцы крови. Что касается отца, то ему нужна была именно крестьянка — женщина подходящего интеллектуального уровня, но при этом необразованная и, конечно же, неизнеженная. Кроме того, он не хотел ни в малейшей степени зависеть от ее родственников. В нашей семье было слишком много дочерей, и мои родители с радостью согласились избавиться от лишнего рта. Но какими генетическими качествами определялся его выбор, я так никогда и не узнала.

— Но вы же ботаник! Вы образованная женщина, у вас широкие интересы...

— Этим я овладела гораздо позже, уже в Центре. Он позволил мне учиться в той степени, в какой это не мешало моей основной роли — жены и хозяйки дома. И разумеется, я была объектом всех его экспериментов, в результате которых на свет появилась ты. Первое время я безумно тосковала по своим родным,

но ни на секунду не забывала, в каких условиях они живут. Я неустанно благодарила богов и усердно выполняла все возложенные на меня поручения.

Сон Чин задумалась.

— Но почему вы решили рассказать мне об этом именно сегодня? — спросила она наконец.

— С самого рождения тебя холили и лелеяли. Ты была изолирована от внешнего мира и позволяла себе такие вещи, за которые любого другого казнили бы на месте, независимо от его пола и положения. Я знала, что таким образом он испытывает свое творение, но сама позволяла тебе жить в свое удовольствие совсем по другим причинам. Я понимала, что рано или поздно ты окажешься лицом к лицу со своим предназначением, исполнить которое, учитывая твою избалованность и самовлюбленность, тебе будет нелегко, и потребуется определенная адаптация к местным условиям.

Сон Чин содрогнулась. Лишение памяти, таланта, способностей — одним словом, личности — они называли «адаптацией к местным условиям»! При этом она понимала, что эти изменения будут происходить исключительно на психохимическом уровне и, естественно, не передадутся ее детям в отличие от тех достоинств, о которых она даже не сможет вспомнить.

— Как вы можете это позволить! Ведь я ваша dochь!

— Изменить что-то не в моей власти, и в глубине души ты понимаешь это. Но я помню холод, грязь и вечный голод, от которого сводит внутренности... Я никогда этого не забуду, но ты никогда не узнаешь, что это такое. У тебя останутся твои шелка, благовония, изысканные блюда. Ты будешь обычной аристократкой, и тебе не придется подвергаться ментокопированию, ломке и всему остальному, что требует от нас Система. Но такой, какова ты сейчас, тебя никто не возьмет замуж. У тебя нет ни малейшего понятия о чести, чувстве долга перед семейством, самопожертвовании... У тебя нет даже любви к кому-то другому —

только к себе самой. Я говорю это со стыдом, ибо сама чувствую свою вину за то, что ты стала такой.

— Но почему женщины вообще должны подчиняться мужчинам? Я умнее любого из них, я умею обращаться с машинами, у меня есть своя работа, свои исследования. Я личность, а вы хотите сделать из меня подопытного кролика!

Мать вздохнула:

— Ну что тебе сказать? Так было на протяжении тысячелетий, и этот порядок обеспечивал существование нашего общества. Сейчас это происходит потому, что машины, которые устанавливали для нас законы, решили вернуть нас в глухую древность. К сожалению, этого изменить нельзя. Любой, кто осмелится хотя бы попытаться, будет уничтожен. Ты сама видела штурм крепости технологистов. Вот почему твой отец думает об отдаленной перспективе и гордится тем, чему положил начало. Для него нестерпимо даже малейшее подчинение, но хотя он поднялся так высоко, как это только возможно в нашем обществе, — все же он вынужден бояться машин и подчиняться им. Именно поэтому он так ненавидит их — но он достаточно умен и понимает, что не может их победить. Однако он верит в будущее и надеется, что основанная им могущественная династия отыщет способ.

— Но это нечестно! Я не просила о такой судьбе!

— Уже одни эти слова доказывают, что отец прав. Нечестно, что наши судьбы предопределены. Нечестно, что мои братья и сестры месят грязь, а я распекаю служанку за случайно оставленную пылинку. Никто в этом мире не просил о такой жизни, но ни у кого нет выбора. Надо уметь извлекать лучшее из того, что мы имеем, иначе — смерть. — Она помедлила и добавила: — Ты спрашиваешь, почему тебе нельзя продолжать свою работу. Нельзя потому, что ты подошла слишком близко к тому, чтобы поставить под удар все

семейство. Рано или поздно ты попытаешься одолеть Главную Систему, а это станет концом для всех нас.

— Главную Систему можно одолеть! Мы и так делаем это постоянно!

— Нет. Ее можно обмануть, а это совсем не одно и то же. Она знает, что мы ее обманываем, но не обращает на это внимания, потому что наш обман не угрожает ее существованию. Наоборот, наше умение обманывать ее и не попадаться дает нам право подняться над остальными и служить ей. Но победить ее тебе не удастся, а удержаться от искушения ты не сможешь. Ради твоего же собственного блага мы обязаны позаботиться о том, чтобы этого не случилось.

— Вы хотите сказать, ради *вашего* блага. Мама, ведь это же не темплет! Меня собираются убить, уничтожить душу и оставить одну оболочку! Мое тело останется жить, но это буду уже не я, а кто-то совершенно иной! Как вы можете это допустить?

На глазах матери появились слезы.

— Я ничего не могу поделать, — ответила она и, повернувшись, вышла из комнаты, оставив дочь в одиночестве.

Сон Чин велела подать обед в свою комнату, но едва притронулась к еде. Она смотрела на шелковую постель, наряды, украшения, замысловатые рисунки на дорогой ткани, на баночки с душистыми притираниями... и думала, что променяла бы все это на крестьянскую одежду, грязь и рисовое поле, лишь бы избежать того, что ей предстояло.

Если бы имелась возможность вернуться в Центр, пока еще есть время... Там, в своей стихии, она смогла бы обмануть даже отца, как они вместе обманывали Главную Систему. Там у нее было бы преимущество, о котором он даже не догадывался, оно могло бы пригодиться, но, если ее прямо сейчас отправят на переделку, у нее нет никаких шансов.

Впервые она подумала о самоубийстве. Ценой своей жизни обмануть отца, разбить его проклятые мечты и, быть может, заставить его пожалеть об этом... Это была бы слабенькая, но все же месть, и чем больше Сон Чин думала об этом, тем привлекательнее казался ей такой выход из положения.

Ей было трудно заснуть, но наконец она задремала. Однако поздней ночью внезапно проснулась, явственно ощущив чье-то присутствие. Так и есть! В ногах ее постели маячила большая темная фигура!

— Я вижу, ты проснулась, — сказал отец. Он хлопнул в ладоши, слуга внес светильник и, поклонившись, быстро удалился. — Сегодня вечером ты сильно расстроила свою мать. Это, в свою очередь, вззволновало меня, а также поставило под угрозу все семейство. Ты вынуждаешь меня действовать, чтобы предупредить опрометчивые и неразумные поступки со стороны любой из вас. Вставай и собирайся в дорогу. Ты отправишься сегодня же ночью.

Сон Чин задохнулась, но не осмелилась выказать неповинование в присутствии отца. Не такой он был человек.

— Прошу вас, почтенный отец, — сказала она, одеваясь. — Могу ли я узнать, куда меня повезут?

— В сопровождении моих особо доверенных людей ты отправишься на посадочную площадку для аварийного скиммера, где тебя возьмут на борт и доставят в Центр для переделки. Я надеялся сохранить это в тайне до последней минуты, чтобы избавить тебя от душевных страданий, но, поскольку тебе каким-то образом все стало известно, откладывать долее не имеет смысла. Так будет лучше для тебя и для других. — С этими словами он повернулся к двери. — Капитан!

В спальню вошел молодой офицер. Вид у него был заспанный и немного смущенный.

— Господин?

— Вы получили широкие полномочия и, надеюсь, понимаете, что с вами будет, если произойдет хоть что-то непредусмотренное?

— Мои люди готовы, господин, и с воодушевлением ожидают ваших приказов.

— Так возьми это избалованное, самовлюбленное создание, в котором нет ни капли чести, и возврати мне достойную дочь!

Капитан понимающее поклонился.

Ее вывели в ночь и посадили в закрытый экипаж. Двое решительно настроенных солдат самой устраивающей наружности сели напротив, остальные разместились позади и рядом с возницей. Никто не проронил ни слова, захлопнулись дверцы, и экипаж тронулся. Шторки на окнах были задернуты.

Меньше чем через час они достигли посадочной площадки, на которой уже стоял скиммер. Ее отец никогда не упускал ни малейшей детали.

Этой площадкой пользовались редко; по сути дела, Сон Чин вообще не могла припомнить, чтобы ею когда-нибудь пользовались. Ее устроили здесь на всякий случай, а также потому, что место было укромным: правила требовали, чтобы аппараты летали на больших высотах и приземлялись в стороне от больших дорог и селений.

Все произошло так быстро, что Сон Чин не успела даже ни о чем подумать. Она уже окончательно проснулась, но происходящее казалось ей каким-то нереальным, словно бы все это происходило с кем-то другим, а она лишь наблюдала со стороны.

Скиммер был построен в расчете на скорость и не предназначался для перевозки груза. Кроме кресел для капитана и второго пилота, в нем имелись еще три места для пассажиров. Сон Чин усадили посередине; слева сел молодой капитан, а справа — неразговорчивый здоровяк солдат. Внезапно капитан приподнялся и, нагнувшись к Сон Чин, крепко нажал на ее запя-

тъя. Вздрогнув, она опустила голову и увидела, что руки ее прикреплены к подлокотникам тонкими, но прочными металлическими полосками.

— Тысяча извинений, госпожа, но таков приказ, — сказал капитан, и в его голосе прозвучало искреннее сожаление.

Пристегнув ей таким же образом ноги, он закрепил обычные привязные ремни. Путы не доставляли девушке особых неудобств, но двинуться она не могла.

— В этом нет необходимости, капитан, — сказала она, стараясь придать своему голосу твердость.

— Это необходимо, госпожа, потому что так было приказано, — возразил офицер и, вернувшись на свое место, пристегнулся сам. — Ваш отец говорит, что вы чрезвычайно изобретательны.

«Изобретательна!» — мрачно подумала она. Изобретательна настолько, чтобы одолеть четырех мужчин, угнать скиммер и удрать куда-то, где он не сможет ее отыскать?

Дверца громко чавкнула, закрываясь, и они поднялись в воздух. Все заняло не больше нескольких минут. Как хорошо все организовано, подумала она.

— Капитан! Прошу прощения, не могли бы вы сказать, когда вы получили приказ доставить меня в Центр?

Он смущился:

— Два дня назад, госпожа.

Она кивнула. Два дня назад. Именно тогда она впервые проговорилась, что знает о его планах. И он принял меры. Она расстроила свою мать, как бы не так!

Скиммер набрал заданную высоту и перешел на горизонтальный полет, постепенно наращивая скорость. Со своего места Сон Чин хорошо различала приборную доску и, затаив дыхание, смотрела, как стрелка индикатора медленно подползает к самому краю шкалы. Она и не думала, что скиммеры могут летать так быстро.

При такой скорости они будут в Центре к рассвету.

Название «Центр» не имело никакого отношения к географическим понятиям. Он размещался в провинции Синкиан на краю северо-западной пустыни, там, где прежде стояло маленькое поселение кочевников. Плотность населения здесь была небольшой, что как нельзя лучше соответствовало интересам администрации. Подавленная случившимся, Сон Чин не чувствовала ничего, даже тревоги. Казалось, в душе у нее что-то умерло; она даже умудрилась поспать во время полета — беспокойным, прерывистым сном.

Миновав защиту, они приземлились. Дверца открылась, экипаж молча вышел. Капитан освободил ее от оков и помог подняться. От долгого сидения в одной и той же позе тело затекло и все мышцы болели.

Сон Чин хорошо знала Центр, но в этой его части она никогда не была. Конечно, она имела представление о ее существовании, но раньше это место не представляло для нее интереса.

Ее провели по длинному коридору. Автоматические двери, расположенные через каждые десять метров, неслышно смыкались за спиной, вызывая в душе чувство обреченности. Коридор вел глубоко вниз, далеко за пределы служебного уровня. Наконец в комнате, отдаленно напоминающей приемную, их встретили пять женщин, одетых в странную форму: белую, с широкими красными полосами. Сон Чин никогда не видела такой. Выглядели они так, словно им с детства нравилось мучить кошек.

— Почтенная госпожа, прошу прощения за неудобства, причиненные во время путешествия, и благодарю вас за то, что вы позволили нам без помех исполнить свои обязанности, — вежливо сказал капитан, явно довольный тем, что его участие в этом деле заканчивается. — Желаю вам всего наилучшего.

Сон Чин почувствовала себя как человек, от которого ждут, чтобы он поблагодарил своего палача, но капитан явно сам был в затруднительном положении и обращался с ней очень вежливо.

— Желаю и вам всего хорошего, капитан, — ответила она. — Благодарю вас за любезность.

Капитан получил расписку у женщины, которая, видимо, была здесь главной, и, поклонившись, удалился.

— Сними с себя всю одежду, — приказала начальница грубым и резким голосом.

Сон Чин вздрогнула. Это было неслыханное унижение.

— Я старшая дочь военачальника и главного администратора! — гордо ответила она. — Я не потерплю, чтобы со мной разговаривали в таком тоне, и не стану раздеваться при посторонних!

— Уясни себе кое-что, цветочек, — отрезала начальница. — Ты будешь делать все, что тебе скажут. С этой минуты ты государственная собственность, а государство — это мы, и на твое происхождение нам плевать. Если ты не разденешься через пять секунд, тебя разденут насильно. И запомни — впредь тебе ничего не будут повторять дважды. Когда тебе приказывают, ты должна повиноваться, или тебе придется плохо. Нам все равно, будешь ли ты выполнять приказания добровольно или связанный с заткнутым ртом.

Впервые за все это время Сон Чин действительно испугалась, но сдаваться ей не позволяла гордость. Начальница сделала повелительный жест, две женщины быстро прижали Сон Чин к стене и принялись сдирать с нее тонкий шелк. Она закричала и забилась, но никто не обратил на это внимания. Ей вытянули руки и сковали их тонкими наручниками, соединенными цепочкой длиной не более полуметра. Такие же кандалы надели ей на лодыжки.

— Ну что, пойдешь сама, или нам тебя нести? — Начальнице явно доставляло удовольствие проявлять свою

власть над теми, кто был выше ее по рождению и с детства занимал более привилегированное положение.

— Я пойду сама, — угрюмо ответила Сон Чин.

Они шли быстро; она еле успевала передвигать скованные ноги. В другом помещении ей быстро остригли ее шелковистые черные волосы, а длинные, миндалевидные ногти обрезали, придав им нелепую округлую форму. Затем ее сунули под душ и долго драили мочалками. Ощущение было унизительное, Сон Чин была на грани истерики, но сдерживалась, не желая доставлять им удовольствие. Она быстро сообразила, что, только сохранив аристократическую невозмутимость, можно им хоть чем-то досадить.

Потом ее снова повели вниз по бесконечным коридорам, пока вдоль стен не потянулись двери, снабженные папиллярными замками. Начальница открыла одну из них и втолкнула Сон Чин в камеру. Ее подчиненные сняли с девушек кандалы и унесли с собой.

Камера размером не больше чем три на четыре метра была совершенно пуста. Стены, пол и даже высокий потолок были покрыты мягким материалом и лишены каких-либо особых примет. Встроенные светильники, прикрытые матовыми пластинами, давали мягкий свет; они находились в добрых четырех метрах от пола и добраться до них было невозможно.

— Теперь слушай внимательно, — сказала начальница. — Ты останешься здесь до тех пор, пока тебя не позовут. Твой отец приказал позаботиться о том, чтобы ты ничем не могла себе повредить, и мы это сделаем. Тебя будут кормить дважды в день, в этой камере, под присмотром охраны, и советую съедать все, что дадут. Камера звуконепроницаемая, но в двери имеется стекло, прозрачное снаружи. Мы будем следить за тобой, но беспокоить не станем. Если захочешь облегчиться, присядь вон в том углу. Туалет выдвигается автоматически, и не вздумай совать туда руку или что-нибудь

еще. Все, что в него попадает, он захватывает и удерживает, и без посторонней помощи тебе не освободиться. На стене рядом с туалетом гибкая трубка. Если захочешь пить, можешь высосать оттуда воду, она отмеряется малыми порциями. Снова резервуар наполняется через час. При любой попытке причинить себе вред на тебя наденут наручники и ножные кандалы гораздо короче этих. Есть вопросы?

— Да. Как долго мне придется... пробыть здесь?

— Сколько понадобится. Но не беспокойся. Когда ты отсюда выйдешь, то не вспомнишь этого даже в страшном сне.

Женщины удалились, и дверь закрылась, навсегда отсекая Сон Чин от прежней жизни.

Некоторое время она сидела и злилась, сознавая полную свою беспомощность. Здесь все было отработано, их методы отшлифовывались столетиями, и, что хуже всего, они действительно могли с ней сделать почти все что угодно, потому что, как справедливо заметила начальница, потом она ничего не будет помнить и даже не сможет никому пожаловаться. Теперь ей стал понятен смысл этой странной униформы: даже если кому-то удастся бежать во время перевода в медицинскую зону, в обычной одежде он не сможет миновать посты.

Больше всего ее выводило из себя то, что ее собственный компьютер находился совсем рядом — какая-нибудь сотня метров вверх и еще с километр в сторону. Если бы только удалось туда добраться, ситуация моментально бы переменилась. «Если, если, если», — сердито подумала она. Если бы кое-кто придержал свой длинный язык и подумал бы хорошенъко, как добраться сюда и кое-что закончить... Если бы она не вела себя настолько сумасбродно, что даже мать увидела в ней угрозу... Сон Чин великолепно умела обращаться со всякой электроникой, но понимала, что обращаться с людьми она не умеет совсем. До сих пор

она только господствовала и управляла. Ей не было необходимости беспокоиться о других людях.

И вот результат. Она тщательно осмотрела свою камеру, сантиметр за сантиметром, пока не нашла маленькое темное пятнышко в одном из углов, чуть ниже светильника. Видеодатчик. И несомненно, он здесь не один. Где-то, может быть, совсем рядом, кто-то сидит в удобном кресле и разглядывает ее трехмерное изображение, а может быть, записывает его и анализирует каждое движение с помощью компьютерного психоанализатора. За всю свою жизнь Сон Чин не чувствовала себя такой беззащитной и униженной; она ненавидела весь мир, а больше всего — своего отца, который послал ее в этот ад. Она была для него лабораторным животным, и не более того. Домашняя утка, которую балуют и оберегают — пока не придет время официального обеда. И разница, единственная разница, состояла лишь в том, что утка не знает — и не может знать — что ее ждет. Но Сон Чин понимала, что это небольшое различие ничуть не беспокоит ее отца.

Одиночество и отсутствие внешних раздражителей заставили ее почти полностью потерять ощущение времени, но наконец дверь открылась и вошли две надзирательницы: одна принесла еду, а другая — устрашающего вида дубинку, которая, как предупредили Сон Чин, причиняла сильнейшую боль, но не оставляла на теле никаких следов. Еда состояла из большой чашки совершенно разваренного риса с какими-то ошметками, которым полагалось сойти за овощи. Палочек для еды ей не дали, и — еще одно унижение — пришлось есть руками. В первый раз она смогла съесть совсем немного, а все остальное сразу унесли, и она вновь осталась в бесконечном, как ей показалось, одиночестве. Однако через несколько кормежек она уже стала есть больше и даже с нетерпением ожидала следующего раза — не из-за чувства голода, но потому,

что, как ни грубы и немногословны были охранницы, они все-таки нарушали однообразие, это было хоть какое-то человеческое общество.

Постепенно камера и однообразное существование остались единственной реальностью, а прежняя жизнь и семья стали казаться бесконечно далекими.

Но вот как-то раз дверь открылась, но еды ей не принесли. Сон Чин заставили встать, одели в больничный халат, сковали руки и ноги и вывели в коридор. Чувствуя необъяснимую апатию и отстраненность, она покорно поплелась за своими тюремщиками.

Ее привели в лабораторию, где сделали инъекцию меченых атомов, а потом, уже в другом помещении, провели анализы. Сон Чин не могла припомнить, чтобы ее здоровье когда-нибудь исследовали так до-тошно. После этого ее отвели назад в камеру и покор-мили. Эти процедуры повторялись несколько раз, иногда после еды — видимо, для того чтобы сравнить результаты.

Наконец проверка закончилась, и в следующий раз ее привели в другую лабораторию, где уложили на кушетку и надели на голову какой-то прибор. Потом сверху спустился манипулятор, и начались странные вещи. Механическая рука щекотала ей соски и другие эрогенные зоны, и она ощущала нажатия и легкие по-кальвания — причем в самых неподходящих местах. Потом появились люди и, не слушая ее протестов, вымыли девушку и отвели туда, где ей предстояло умереть заживо.

Ее сопровождали уже знакомые женщины в белом, но, когда они пришли туда, оказалось, что предыдущая операция еще не закончена. На кушетках лежали два мальчика, а над ними, под присмотром техников, плавно двигались какие-то приспособления. Огляделась, Сон Чин увидела в операционной немало зна-комых вещей. Разумеется, в медицинском оборудова-

нии она разбиралась неважно, но компьютерные терминалы полностью отвечали стандартам, принятым в Центре. Чуть в стороне она заметила полный комплект ментопроцессоров самого последнего образца. «Добраться бы до них хоть на пять минут, — с тоской подумала она, — и у меня еще был бы шанс!»

— Могу ли я почтительно спросить, — прошептала Сон Чин начальнице охраны, — кто эти мальчики и в чем они провинились?

К ее удивлению, охранница ответила:

— Это мальчишки из ячейки техов. Единственные уцелевшие. Из них вытянули все, что можно, и теперь их отсылают на Мельхиор. Радуйся, цветочек, что ты не на их месте.

Мельхиор... В беседах отец иногда упоминал это слово. Тюрьма, из которой нет возврата, управляемая не Главной Системой, а Консилиумом Земли, в который входил и отец Сон Чин. Поговаривали, что там проводятся несанкционированные эксперименты над людьми. Расположена она была в космосе, внутри одного из астероидов. В космосе...

— Мы не можем торчать тут весь день, — проворчала одна из охранниц. — Давайте зафиксируем ее и оставим. Этих докторов всегда приходится ждать до бесконечности.

Начальница кивнула. Сон Чин усадили в удобное кресло и, сняв кандалы, подключили к компьютеру безопасности.

— Важность объекта один девять семь семь, — сказала начальница в микрофон на панели компьютера. — Зафиксирован в кресле номер два только для доктора Вана или для лица, обладающего старшим кодом безопасности.

— Подтверждаю, — ответил компьютер удивительно четким, но абсолютно лишенным выражения голосом. Из кресла выдвинулись зажимы и обхватили запястья, лодыжки, талию и шею Сон Чин.

— Доктор навсстит тебя, как только освободится, цветочек, — сказала начальница на прощание. — Сиди, успокойся и смотри.

Охранницы ушли. Скосив глаза, Сон Чин поглядела на техников, занятых мальчиками. Если бы только они закончили до прихода доктора! Это был ее единственный шанс, и она нервничала, боясь упустить его, хотя еще не придумала, что будет делать дальше.

Маленький, щуплый человечек с седой клочковатой бородкой вошел в операционную и воззрился на техников.

— Пока что оставьте их. Они никуда не денутся, — сказал он. — У меня есть более важная работа. Считывание можно выполнить автоматически, а когда оно закончится, я вас позову.

— Как пожелаете, почтенный доктор, — ответил один из техников. Они еще раз проверили показания приборов и вышли.

Доктор Ван подошел к Сон Чин и одарил ее дружеской улыбкой:

— Добрый день. Понимаю ваше состояние, но прежде чем вы избавитесь от нас, пройдет немало дней. Я доктор Ван, начальник здешнего психохирургического отделения. Для меня большая честь работать с вами.

Сон Чин потрясенно уставилась на него. Он говорил так, словно ему предстояло всего лишь вправить вывихнутую лодыжку или наложить шину на сломанную руку.

— Вы собираетесь меня убить, и я не вижу причин для веселья, — холодно сказала она.

— Ну что вы, дорогая, я отнюдь не убийца, хотя вы и не первая, кто так говорит. Я не мясник, как те, кого эти двое встретят на Мельхиоре. Я, можно сказать, художник. Я беру того, кто, вроде вас, представляет собой опасность как для себя, так и для своего семейства, и создаю человека, живущего полноценной,

счастливой и плодотворной жизнью. Мой холст — ваше тело и ваш разум, но окончательный результат будет исходить от вас, а не от меня. Я лишь вношу необходимые изменения и подталкиваю вас в верном направлении.

— Вы говорите как психиатр, но я не сумасшедшая! Вы губите тех, кто способен достичь того, на что вы сами никогда не сможете надеяться!

— Ну, об этом я судить не берусь. Но сумасшествие, видите ли, это всего лишь отклонение от общепринятых норм, а они изменчивы. Кое-где одно лишь утверждение, что Земля круглая и вращается вокруг Солнца, может послужить явным признаком душевного нездоровья. Быть в своем уме — не обязательно значит быть правым, скорее это означает соответствовать образцу, выработанному преобладающей культурой. С точки зрения Центра, вы вполне нормальны, но вступаете в опасную область и вас невозможно остановить без таких мер, которые сделают вас бесполезной в данной обстановке. Другими словами, вас следует сделать нормальной с точки зрения культуры вашего народа.

Теперь он стоял позади нее и настраивал какие-то приборы, которые опустились сверху и теперь находились по обе стороны ее головы; другие приборы касались обеих рук.

— Мы могли бы использовать компьютеры и привести все это без человеческого вмешательства, — говорил Ван, — но тогда это действительно было бы гибельно, поскольку каждый выходящий попадает в данные машинной статистики. Мы, однако, не имеем права привлекать внимание Главной Системы, за исключением относительно поздних стадий, потому что, говоря откровенно, в вашей прелестной головке содержится много такого, о чем Главная Система не должна подозревать. В этой комнате нет ни одного прибора, напрямую соединенного с Главной Системой. Она

будет знать только то, что мы ей сообщим, а не то, что произойдет в действительности. Я уверен, вы и раньше были знакомы с этой игрой.

— Да, — угрюмо буркнула она. «Не подсоединено напрямую». То, что нужно, да только она никак не может этим воспользоваться!

— Ну вот, а теперь давайте приглядимся к вам по-пристальнее...

Раздался щелчок, и перед ней постепенно обрисовалось объемное изображение бесформенной массы.

— Это та часть мозга, с которой мы начнем, — пояснил доктор Ван. — Это вы. Теперь подстроим кое-что...

Изображение начало меняться, некоторые его части пропадали, другие увеличивались, и наконец в поле зрения остался единственный небольшой участок, ограниченный оранжевыми линиями. В его нижней части было великое множество отверстий, закрытых чем-то плотным, разноцветным, похожим на части картинки-головоломки.

— Внутри вашего мозга имеются многие тысячи рецепторов, — продолжал доктор Ван, — и все они сейчас отслеживаются компьютером. Перед вами только поперечный срез оснований, но то, что мы увидим здесь, может сказать и о том, что происходит в остальной части. Вот, например, у вас высокий уровень гормональной активности, в то время как психосексуальный уровень довольно низок. Другими словами, ваш пол не имеет для вас особого значения. И вот, поскольку энергия должна иметь какой-то выход, она преобразуется в агрессию, в желание работать, добиваясь высоких результатов, и тому подобное. В человеке все взаимосвязано, и это ясно видно здесь, на моем мониторе. Вы — ваше сознательное «я» — результат сочетания вашей биохимической структуры с памятью и опытом. Вообще человек гораздо менее свободен, чем полагает. В основе нашей личности лежит биохимия

мозга; это именно она создает большую часть наших способностей и интересов. Прежде чем начать работать с памятью, необходимо заняться биохимией. Любой другой путь был бы методом проб и ошибок.

Сон Чин как зачарованная уставилась на изображение.

— Вы говорите так, словно мы всего лишь машины... Значит, то, что я сейчас вижу, это моя Главная Система, ядро моей собственной программы, определенной моими генами...

— В определенном смысле — да. Однако помимо них мы наделены сложными органами чувств и еще более сложным набором социальных и культурных взаимосвязей. Ключом ко всему являются центры боли и наслаждения. В обычном случае, например, нам бы не понадобилось элиминировать ваши познания в компьютерной области. Путем блокирования определенных рецепторов мы можем создать личность, которая знает о компьютерах все, но никак не интересуется, потому что эта работа вызывает у нее отвращение, в то время как сидеть за ткацким станком может быть истинным наслаждением. В древние времена похожих результатов иногда добивались с помощью лишения и принуждения, но это был грубый способ, очень ненадежный и, я бы сказал, неряшливый. Наш способ оставляет человека таким, как он есть, и обеспечивает стабильность и совершенство.

— И это... это то, что вы делаете сейчас?

— Да, но это только начало. Биохимия — великая вещь. Можно заставить вас рыдать и чувствовать себя несчастной в счастливейший момент вашей жизни или истерически хохотать на похоронах лучшего друга. Отчасти это похоже на опиум. Опиум воздействует на центры удовольствия, однако это постороннее вещество, и в конце концов оно покидает тело, а вам хочется удержать прежние ощущения. Так возникает наркотическое влечение. Когда мы найдем

подходящую комбинацию стимуляторов и блокаторов, то сможем заставить ваше тело производить необходимые гормоны. Что же касается генетически обусловленной их комбинации, которая определяет вас, такую, как вы есть сейчас, мы применим блокировку, предотвращающую попадание нежелательных гормонов на соответствующие рецепторы, в то время как стимулированные нами вещества туда попадут. В течение довольно короткого времени ваше тело перестроится и привыкнет к новому порядку, причем это состояние будет постоянным и самоподдерживающимся. Это настолько сложный процесс, что только компьютер способен выделить нужные рецепторы и составить соответствующую смесь, но желаемую цель определяю я. Ну вот...

К ее правому плечу что-то прижалось, и она почувствовала укол.

— Не волнуйтесь. Это всего лишь небольшой тест, — ободрил он ее успокаивающим тоном. — Чисто временный. Сегодня мы не будем делать ничего сложного.

Напуганная до полусмерти, она, затаив дыхание, следила за изображением. Кусочки головоломки постоянно перемещались, заменяясь другими, но общий рисунок оставался приблизительно прежним.

Внезапно появилось несколько новых кусочков, по цвету отличных от остальных. Некоторые были голубыми-черными, другие — желтыми или серыми. Кое-какие проплывали мимо, но другие устремлялись к рецепторам с такой уверенностью, словно шли на радиомаяк. Несколько черных кусочеков пристали к стенкам кровеносного сосуда, словно в ожидании, и, когда один из голубых кусочеков отплыл в сторонку, ринулись на его место. Приплывали новые голубые кусочки, наверное, естественные вещества, но, так как их места были уже заняты, они, словно живые, помедлив немного, снова начинали двигаться и пропадали из вида.

Внезапно Сон Чин почувствовала, что ее бьет мелкая дрожь. Она боялась — не только доктора и его машин, — боялась всего. Она закричала, и крик перешел в безудержные всхлипывания. Она ощутила невероятное, немыслимое отчаяние. Все было безнадежно. Она нелюбима, несносна, отвратительна для всех, в том числе и для себя самой... Она недостойна, не способна ничего сделать правильно... Ей нужен кто-то — кто направлял бы ее во всем. Она боялась даже думать, принять какое-то решение, потому что оно все равно оказалось бы неверным. Она была такой смиренной, такой маленькой и незначительной, что тосковала по твердой руке.

Картина изменилась, хотя она и не заметила этого, как не ощущала и второй инъекции. Черные объекты вытеснялись, и Сон Чин перестала кричать. Теперь ей было намного, намного лучше; влажная ткань обтерла ее лицо, и она улыбнулась этому ощущению. Это было чудесно... Все было чудесно... Все ее тело трепетало, и даже малейшее касание больничного халата казалось любовной лаской. Она плыла в волшебном облаке наслаждения, и все остальное было ей безразлично. Пусть делают что хотят, пусть с ней делают все, что хотят, это не имеет никакого значения... У нее редко бывали эротические сны или мечты, но сейчас она жаждала, чтобы кто-нибудь пришел и взял ее, взял ее тело и делал с ней все, что захочет... Она видела себя женщиной для удовольствий, обнаженной, страстной, танцующей перед возбужденными мужчинами, и ей нравилось это видение...

Блокаторы и гормоны сдвинулись, рисунок вновь изменился, и мечта тут же поблекла, сменившись холодной уверенностью и бешеным гневом, вызванным тем, что здесь происходит. Она забилась в своих путах, проклиная случай, заперший ее в этом слабом жёнском теле. Она больше не ощущала себя женщиной, она чув-

ствовала, что она — мужчина, мужчина, наукой или волшебством загнанный в тело слабой девушки, могучий и сильный мужчина, наделенный отвагой, уверенностью в себе и звериной мощью. Она лучше похоронит это тело, чем останется запертой в нем! Гнев перешел в ослепляющую ненависть. В приступе ярости она скрутила одно из колец и освободила руку. ОН им покажет! ОН им...

Новый сдвиг, новое изменение цветного рисунка... Теперь у нее не было представления ни о мужском, ни о женском; пол не имел для нее никакого значения. Гнев отступил, и она почувствовала себя предельно спокойной, никаких эмоций для нее не существовало. Она была подобна машине, созидающей, разумной, но не подверженной никаким страстям и чувствам. Такой ясности мысли Сон Чин никогда не испытывала. Освобожденная от всего животного, она пристально взглянула на висящее перед ней изображение и почти мгновенно поняла его логику и значение, основываясь на только что пережитом. На этом уровне, где удовольствие и боль, страх и любовь были всего лишь отвлеченными понятиями, она проанализировала свое положение. Ее начинали репрограммировать, но этот этап работы был особенно удобен для попытки к бегству. Она не чувствовала ни ненависти, ни горечи — только мысль. На данной ступени ее потенциал оптимален, и было бы нелогично пренебречь этим.

— Полагаю, на сегодня достаточно, — спокойно заметил доктор Ван. — Иначе вам грозит истощение. Невероятно! Вы хорошо поработали над этим наручником! Ну а сейчас я откину кресло и дам вам немножко отдохнуть, пока гормоны будут выводиться из вашего организма. Возможно, вас станет клонить в сон — расслабьтесь и поспите. Через несколько минут я вернусь и проверю вас, а потом вы сможете пойти поесть.

Сон Чин проследила, чтобы доктор действительно ушел. Она не чувствовала ни восторга, ни каких-либо

иных эмоций, но сразу же поняла, что они допустили первую ошибку.

— Код Лотос, черный, зеленый, семь два три один один, — громко сказала она спокойным, лишенным выражения голосом. — Требуется активация аварийного перекрытия.

Голос компьютера ответил откуда-то сзади и снизу:

- Код опознан. Причина прерывания?
- Пешка берет короля.
- Принято. Инструкции?

Ее отец никому не доверял, а это значило, что он не доверял НИКОМУ. Все компьютеры Центра, снабженные человекомашинным интерфейсом, были запрограммированы кодом перекрытия, который позволял ему в случае необходимости отменить практически любой приказ. Он довольно часто менял эти коды, но так же часто их забывал и поэтому записал их в свой личный файл. Однако во время рекреации, как, например, сейчас, он не мог на них полагаться. На этот случай ему была необходима последовательность кодов, которую он помнил бы постоянно, и он из года в год пользовался вариациями одной и той же последовательности. В пятнадцать лет Сон Чин взломала защиту, и теперь, в потайной комнате хайнаньской резиденции, ей нетрудно было найти изменения, внесенные в этом году, потому что она знала принцип. Это была ее единственная надежда, но только теперь ей представилась возможность использовать ее.

— Объект в кресле номер два угрожает королю. Когда данная лаборатория не будет использоваться в течение по меньшей мере одного часа, ты освободишь объект из камеры, направишь на вход видеомониторов прежние записи, подавишь все сигналы тревоги и обеспечишь беспрепятственный выход. Будь готов помочь и охранять. Все внешние каналы прослеживаются, так что в моем распоряжении будет только этот.

— Принято. Дополнения?

— Я хотела бы сохранить свое текущее умственное и физическое состояние на неопределенный срок.

— Принято. Составление формулы... — Под ее рукой послышалось шипение сжатого воздуха, и она почувствовала укол. — Продолжительность действия неопределенная. Для перехода в иное состояние требуется химическое изменение.

— Понятно. Отключишься. Я немного посплю.

Заснула она сразу и совсем не видела снов.

Сон Чин проснулась в камере, но на этот раз кое-что изменилось. Ей оставили чашку риса и холодный чай и впервые разрешили поесть в одиночестве. Видимо, теперь ее тюремщики были полностью уверены в ней. Понимая, что ей понадобятся силы, Сон Чин съела все дочиста. Пила она мало и почему-то была уверена, что, излишне много передвигаясь по камере, привлечет к себе внимание. Сон Чин села в позу для медитации, лицом к двери, и погрузилась в транс. Впервые в жизни она обладала почти абсолютным контролем над собой; но приняла это как данное.

Необходимо было продумать кое-какие варианты. Здесь, в Центре, она контролировала только местную сеть; следовало позаботиться о том, чтобы не насторожить Главную Систему и не поднять тревогу среди людей. Она считала, что способна заблокировать Главную Систему на время, достаточное для удачного побега, но человеческая непредсказуемость внушала ей серьезные опасения.

Кроме того, она понимала, что побег из камеры — это еще далеко не успех. Любая тревога в Центре немедленно привлечет внимание генерала Чина или отца. Все ее каналы непосредственного доступа должны быть давным-давно заблокированы. Она могла бы, конечно, довольно долго прятаться в путанице туннелей

лей и коридоров обслуживания, не опасаясь даже Вала, поскольку тот, располагая лишь ее старой ментокопией, полагал бы, что она действует совсем иначе, чем сейчас. Если не будет другого выхода, она пойдет и на это, до тех пор, пока ее не схватят или пока не ухитрится подключиться к компьютерной сети и использовать ее.

Но пока ей оставалось только ждать, и она ждала, не чувствуя ни страха, ни возбуждения. Ее действия основывались исключительно на логике; не мешали никакие эмоции. Она не испытала бы даже разочарования, если бы дверь вообще не открылась.

Но она открылась. Сон Чин помедлила, чтобы убедиться, что это не очередная кормежка, а потом встала и вышла в сплетение коридоров. Двери послушно открывались перед ней. Сон Чин проходила этим путем всего лишь раз, но точно знала дорогу. Она была готова убить, если понадобится, но ей никто не встретился. Смерть, своя или чужая, для нее не значила ничего.

Лаборатория была пуста, но об этом она знала заранее. Сон Чин приказала компьютеру закрыть в нее доступ и спросила:

— Как долго ты сможешь прикрывать мое исчезновение?

— С учетом корректировки записей, показывающих, что тебя покормили, и корректировки распоряжений персоналу, включая доктора Вана, я могу обеспечить задержку обнаружения минимум в двадцать четыре часа, но не более семидесяти двух.

— За это время я должна оказаться вне досягаемости администрации Центра.

— Не вижу способа выполнить это указание.

— Я тоже. Единственная возможность — это бегство в космос с учетом доступа к командному модулю корабля. Если это удастся, станут возможны и другие аварийные меры.

— Любой корабль? Любого типа?

— Да. Если только он соответствует моим биологическим требованиям.

— Существует один способ, но он крайне сложен, а шансы на успех исчезающе малы.

— Продолжай.

— Младший из двух мальчиков примерно твоего роста, и, если тебя соответствующим образом подготовить, в одежде для перевозки ты сойдешь за него. Документы в порядке, но потребуется внести довольно серьезные корректизы, чтобы избежать опознания по пути в космопорт. Кроме того, необходимо сделать что-то с тем, чье место ты займешь, и выполнить коррекцию для второго, иначе он сразу же поймет, что ты не его двоюродный брат, и скорее всего выдаст тебя.

— Твои предложения?

— Недостаточно замаскировать тебя под мальчика. Чтобы повысить шансы на успех, ты должна стать мальчиком. Не предполагается, что вас будут раздевать во время перевозки, но она займет тридцать часов, в течение которых любая ошибка может стать фатальной.

— Конкретнее?

— В данный момент эти двое находятся на автоматическом передвижном столе в медицинской камере мужского отделения. Они усыплены. Я могу на некоторое время доставить их сюда без помощи людей. Если мы начнем сразу же, основные физические и химические изменения будут закончены в течение двух часов. Поскольку требуется выиграть время, большинство средств будут синтетическими и приблизительно действия, но достаточно достоверными и убедительными. Полный обмен разумами невозможен, а в данном случае и нежелателен, поскольку ваши психохимические и физические характеристики существенно различаются, но я могу дополнить сделанные мной изменения темплетом и усилить иллюзию с помощью

гипноза. Ты будешь действовать, как он, думать — на сознательном уровне, — как он, ходить и разговаривать, как он. Ты не превратишься в него, но будешь считать, что ты — это он. К другому я применю сильнодействующие гипнотики, заменив в его сознании подлинный облик Чу Ли на твой, и он будет принимать тебя за своего двоюродного брата. Кроме того, я изменю голограммы для охраны, на них будешь ты, а не настоящий Чу Ли. Если исключить непредвиденные случайности, этого будет достаточно.

— Продолжительность?

— Твой темплет, поскольку он не очень подходит для тебя, будет неустойчив, но продержится в течение необходимых трех дней, как и гипноз. На втором мальчике гипнотическое внушение будет проще и потому сохранится дольше. У тебя будет доступ к твоей прежней памяти и знаниям, но личность твоя изменится. Должен предупредить, что даже с учетом этого вероятность успеха крайне мала, скорее всего не более двух процентов.

— А если я попытаюсь укрыться в системе коридоров?

— Вероятность того, что тебе удастся сделать что-то большее, чем просто выжить, не превышает одного процента. Вероятность выживания выше — девять процентов. При восстановлении исходного генетического состояния у тебя почти тридцатипроцентные шансы на выживание в течение неопределенного времени, но вероятность активных действий останется на прежнем уровне.

— Почему мои шансы на выживание в виде прежней Сон Чин окажутся выше?

— В настоящее время тебе приходится взвешивать альтернативы и принимать логически обоснованное решение. Полный набор команд позволяет действовать без размышлений и увеличивает эффективность.

— Следовательно, нелогично использовать вариант с коридорами, так как я не смогу продолжить свою работу, а это единственная причина для бегства. Космический вариант сулит шансы на полный успех, и значит, надо остановиться на нем.

— Согласен. Но должен предупредить, что, когда окончится действие гипноза и темплета, психохимические изменения останутся. Ты будешьексуально ориентирована как мужчина и сохранишь в основном мужской набор личных качеств. Сейчас это не имеет особого значения, но впоследствии может причинить тебе серьезные душевные страдания. Чтобы устранить это, не нарушая психики, потребуется твой темплет, коды и установка, аналогичная этой, и маловероятно, что все это окажется в дружественных руках.

— Единственной целью является побег. Все остальные проблемы пока потенциальны и, следовательно, второстепенны. Приступай.

6. СДЕЛКА НА ОСТРИЕ КОПЬЯ

Я историк, я имею дело со словами и древностями, — сказал Козодой, чувствуя себя крайне неловко. — Я не боец. Храбрости у меня хватит, но нет ни опыта, ни умения, чтобы одолеть этих негодяев.

— Мускулы у тебя выросли там где надо, — ободрила его Танцующая в Облаках. — И для человека, имеющего дело только со словами, у тебя совсем не плохая реакция, насколько я могу судить. Ни один из них не достоин даже носить за тобой копье. Их сила только в числе. По отдельности это просто беспомощные трусы.

— Может быть, но ты упускаешь из виду, моя дорогая жена, что у меня нет ни копья, которое ни один из них не достоин носить за мной, ни лука, ни стрел, ни ножа, а у них, наоборот, все это имеется в избытке. И в темноте я двигаюсь, как слепой бык, — добавил он.

— Ничего. Сегодня ночью я схожу на разведку. Может быть, здесь найдется что-нибудь подходящее. В конце концов, оружие — это то, что можно использовать как оружие.

Он вздрогнул:

— Ты что, собираешься выйти?

— В предутренний час, когда темно и очень холодно. Ночь сегодня облачная. Это нам поможет. Ну а теперь давай отнимем у этих бедных животных еще немного не совсем гнилых фруктов и чуть-чуть отдохнем.

Когда она его разбудила, день уже начался. Козодой протор глаза и нахмурился.

— Слишком поздно, — пробормотал он. — Мы проспали самое темное время.

— Это ты проспал, а я уже успела обойти полдеревни, — хихикнула она, чрезвычайно довольная собой.

Он мигом проснулся:

— Что??

— Ш-ш-ш! Это никудышные воины. Нас сторожат двое — один почти прямо напротив двери, а другой — чуть дальше по улице. Тот, что напротив, проспал почти всю ночь, а второй все время потягивал из бутылки и смотрел куда угодно, только не на нас. Тот, что спал, видно полагался на свою собаку, но стоило ей меня увидеть, как она подошла, виляя хвостом, и стала ждать подачки. Убедившись, что у меня ничего нет, она потеряла ко мне всякий интерес и вернулась к спящему хозяину. Здесь, правда, есть парочка воинов посерезнее, но они охраняют причал и склады, а это далеко отсюда. Впрочем, я запросто проскользнула бы и там, — добавила она с гордостью.

— Но тебя же могли убить!

Танцующая в Облаках улыбнулась:

— Ну что ты — ведь они же домогаются меня, помнишь? Вот тебя они могут убить, муж мой, и убьют, если мы ничего не предпримем. Однако это еще не все: я нашла друга, или во всяком случае, человека, который может нам пригодиться.

— Что? Кто это?

— Не знаю ни ее имени, ни ее племени, но, похоже, она откуда-то из низовьев. Это одна из их рабынь, хорошенская маленькая женщина, которая выглядит намного старше своих лет. Она единственная застала меня врасплох, и то случайно. Наверное, она встает среди ночи, чтобы подготовить ту большую хижину, в которой они трапезничают. Мы с ней едва

не столкнулись. Она явно знала, кто я такая. Впрочем, тут все это знают.

— Отчего же ты не спросила, как ее зовут и откуда она родом?

— Она все равно не могла бы сказать. Она не знает ни языка знаков, ни хайакутского, но это не важно. Когда-то, очень давно, ей вырезали язык.

Козодой содрогнулся:

— Тогда почему ты так уверена, что она нам поможет?

— Жесты и глаза порой красноречивее слов. Она мечтает отомстить и не хочет, чтобы я разделила ее судьбу, а на кухне полно острых ножей и тесаков.

Козодой возблагодарил судьбу, хотя понимал, что радоваться еще рано. Думая о положении этой рабыни, он не мог не пожалеть ее. Здесь, в обществе, столь же чуждом ей, как ему — культура ацтеков, она была одинока и не имела друзей. Бежать? Но куда? Даже если родное племя примет ее обратно, а шансы на это были невелики, ей еще предстояло добраться туда, одинокой молодой женщине, затерянной во враждебной глуши, неспособной даже говорить.

— Ну что ж, это хорошая новость, — вслух сказал он. — Но эти ребята пользуются уважением среди речных торговцев, а это значит, что их влияние простирается далеко за пределы деревушки. Но они не охотники и не знают ремесел, а следовательно, у них есть какой-то иной предмет для торговли.

— Они воры, — презрительно бросила Танцующая в Облаках.

— Да, но не только. Они продают свое покровительство, так мне кажется. Тот, кто принимает их условия, застрахован от неприятностей. Если же нет, что ж, река широка и безлюдна... Несчастный случай в этих местах не редкость, а у них появляется дополнительный товар.

— Если ты говоришь правду, то это недостойно! У них нет никакой чести! Почему же все торговцы не соберутся вместе и не сотрут с лица земли это змеиное гнездо!

— Ревущий Бык умен и знает, где нужно остановиться. Кроме того, местные племена он скорее всего не трогает, а может быть, даже снабжает их огненной водой. Не исключено, что он к тому же предоставляет им право наживаться за счет «несчастных случаев», а сам довольствуется одним вымогательством. Так или иначе, он наверняка сделал все, чтобы заручиться их поддержкой. Кроме того, он не хуже торговцев знает, что, даже если им удастся расправиться с ним, его место тут же займет какой-нибудь из местных вождей.

— Другими словами, мы не сможем уйти далеко, даже если сумеем бежать, — заметила Танцующая в Облаках. — И на какое расстояние, по-твоему, разносится его голос?

Козодой пожал плечами:

— Не думаю, что на очень большое, иначе пришлось бы раздать чересчур много взяток, а это невыгодно. Возможно, день пути. Скажем, два, для верности. Так что наша задача — не просто перерезать несколько глоток и ускользнуть, и он это знает. Хорошо еще, что он сразу понял, что я из Консилиума.

— Почему? — спросила Танцующая в Облаках.

— Видишь ли, ему известно, что у меня там неприятности; но не представляет себе, насколько они серьезны и каково мое влияние в Консилиуме. С другой стороны, он знает, что нас преследуют, и, если меня убить, преследователи тоже не станут с ним церемониться.

— Но ведь они же все равно хотят тебя убить, так какая им разница?

— Большая. Сначала им необходимо убедиться, что никто больше не знает того, что знаю я. Есть много способов, о которых ты даже не имеешь представле-

ния, узнать это у живого человека, но из мертвеца еще никому ничего вытянуть не удавалось. Вот Ревущий Бык и опасается, что они, разочарованные, отыграются на нем.

Она вздохнула:

— Как все это сложно... Ревущий Бык — большой вождь на своей земле, и все же он боится Консилиума. А сам Консилиум тоже боится — чего? Они ведь главные на этой земле, разве не так?

— На нашем континенте — да, но ведь есть и другие континенты. Человек, которого мне надо увидеть, возглавляет Консилиум на другом континенте. Главы Консилиумов составляют совет, называемый Президиумом. Это слово не хайакутское, оно значит «те, кто правит». Им дана большая власть, их щедро вознаграждают, но и они следуют определенным правилам.

Ей очень хотелось спать, но рассказ ее заинтересовал.

— Так кто же устанавливает правила, которым должны следовать все?

— Э-э-э... в нашем языке нет подходящего слова. Разум, созданный человеком. Вещь, которую сделали люди, как, например, этот хлев, но она может думать быстрее, чем самый умный человек, и знает все обо всей Вселенной. Очень давно, еще в древние времена, она установила эти правила и следит, чтобы их выполняли все.

— А где эта вещь? Ты говоришь о ней, словно о великом Властелине Внутренней Тьмы.

— Так оно и есть. Демон, который недавно рыскал по нашей земле, — ее слуга. Грубое подобие человека. А что касается того, где она находится, — этого не знает никто, а за попытку узнать можно поплатиться жизнью. Таким образом она защищает себя. Ее многочисленные слуги верны ей и неукоснительно выполняют ее приказы, но откуда поступают эти приказы, неизвестно. На языке, на котором мы разговариваем в Консилиуме, она называется Система. Люди правят

от ее имени, а она избирает правителей, вознаграждает их и наказывает.

— Но на чем же держится ее власть?

— А на чем держится власть Ревущего Быка? Страх. Она была создана из страха, и он знаком ей лучше всего. Это самый действенный способ заставить людей слушаться. Страх и награда. Рассказывают, что когда-то, давным-давно, люди создали ужасное оружие, которое могло уничтожить все живое в этом мире, вплоть до ростка травы. Вожди были готовы пустить это оружие в ход, но другие люди попытались найти способ сделать так, чтобы этого не случилось. Подгоняя страхом, они создали ту машину, которую мы зовем Системой, и потребовали от нее отыскать средство сохранить человечество. Тогда она перехватила контроль над оружием, способным уничтожить наш мир, и, угрожая им, заставила людей повиноваться. Сначала ей не поверили, но она пустила в ход это оружие, и много людей погибло, а остальные в страхе исполнили все, что требовала от них машина. Все боялись ее, но нашлись и такие, кто служил ей из желания возвыситься и старался умилостивить ее. Эти люди стали называться избранными.

— Я слышала легенды об этом, но никогда им не верила.

— Это не легенды, а истина. Первыми жертвами машины стали ее создатели, а потом она приказала стереть с лица земли целый мир и отстроить заново тот, который давно уже умер. Были уничтожены огромные области знаний и множество полезных вещей, которые сделали люди. Впрочем, в чем-то машина была права. Она решила, что единственный способ сделать так, чтобы человек с его склонностью к насилию, жестокости и тирании никогда не уничтожил самого себя, — держать его на таком уровне развития, когда это попросту невозможно. Лучшие умы представляли собой угрозу для такого порядка и потому тщательно разыс-

кивались и уничтожались — или покупались. Тем, кто работает в Консилиуме, разрешается иметь знание, но в очень ограниченных пределах, поэтому мне и пришлось бежать. Я обладаю частицей знания, которое она считала давно стертым из памяти любого человека.

— Это зло, — убежденно сказала Танцующая в Облаках. — Оно выбралось из огненных ям и теперь правит нами. — Она передернулась. — Однако ты говоришь так, словно те, в Консилиуме, почитают ее.

— К сожалению, это так. Это их бог, их единственная вера, и они служат ей. Но они не любят ее, как мы любим Творца, Великого Духа, создавшего нашу Вселенную. Наоборот, они ее ненавидят, ибо зло — это прежде всего ненависть и страх, ужас и жестокость, и они должны обладать ими, чтобы верно служить своему Властелину Внутренней Тьмы, окончательной пустоты, которая пожирает все. Но трагедия еще и в другом...

— В чем? — Танцующая в Облаках зевнула, но упорно сопротивлялась сну.

— В давние времена были люди, мечтающие сами править Внутренней Тьмой, и сейчас тоже есть такие. Они не питают ненависти к власти машины — они завидуют ей и домогаются ее, ибо, пока она существует, им суждено властвовать лишь над Срединной Тьмой, оберегая Внешнюю Тьму, в которой обречены жить все мы...

Он оборвал проповедь, а Танцующую в Облаках на конец одолела усталость. Она заснула, а Козодой погрузился в размышления.

Он говорил правду. Теперь ему одному был известен способ бросить вызов Властелину Внутренней Тьмы и даже, может быть, победить. Пять золотых колец... И до чего же довело его это знание? Вот он сидит в вонючем хлеву, одетый в лохмотья, и зависит от милости самого низшего звена во всей цепи, Властелина Внешней Тьмы по кличке Ревущий Бык, которого он видит насквозь. И если он не в состоянии уп-

равиться с Ревущим Быком, то вряд ли окажется способен совладать с Ласло Ченом и другими, которые могут оказаться еще хуже...

Впервые его одолели сомнения. «Облеченные властью люди», которые носят кольца сейчас, без сомнения, продали душу Системе и достигли высот, идя по крови других. Будет ли человечеству лучше под властью пяти мерзавцев? И кто поручится, что его, Козодоя, родной народ, чья жизнь была одухотворена и по-своему совершенна, вновь не будет лишен исконных земель, а то и попросту истреблен?

Вместе с тем Козодой понимал, что, хотя Главная Система на самом деле не является злом сама по себе — в этом Танцующая в Облаках ошиблась, — а просто честно выполняет порученную работу, теперь, давно решив поставленную задачу, она лишает человечество перспективы. А человечество должно развиваться, ведь ничто не стоит на месте.

Кроме того, ему было ясно, что, какими бы негодяями ни оказались преемники Системы, самоуничтожение человечеству, учитывая колосальное количество миров, населенных людьми, уже не грозит.

И наконец, как историк Козодой отлично знал, что тираны в человеческом облике — в отличие от компьютеров — приходят и уходят, и бороться со злом, воплощенным в конкретном человеке, куда легче, чем когда оно исходит от бесстрастной и логичной машины, приобретая статус незыблемого физического закона.

Взвесив эти соображения, Козодой решил, что рискнуть стоит. Но сейчас у него на пути стоял местный царек, презренный пират, который, посмеиваясь, набивал свое жирное брюхо в соседней хижине. Но кто такой этот Ревущий Бык по сравнению с Мокксокуаном, повелителем Консилиума Народов?

Внезапно он ощущил необычайный прилив бодрости, хотя от запаха недоступной ему вкусной еды сводило живот. «Ну что ж, — подумал он, хотя в данной

обстановке такая мысль была не совсем подходящей к слухаю, — это всего лишь Лимб, преддверие ада, и я должен пройти все девять кругов. Но здесь меня не останавливают. Какой воин может мечтать встретиться лицом к лицу с Сатаной в самом Дите, будучи запертым в Лимбе?»

Он обошел деревню, держа себя так, словно был здесь хозяином. На него молча косились, гадая, не свихнулся ли он, — а может быть, заключил сделку?

Но Козодой не собирался заключать сделок с низшими демонами. Он хотел победить их.

У причала толпились каноэ — с полдюжины, если не больше. Некоторые были связаны попарно, чтобы нести больше груза. Лето кончалось, и торговцы возвращались домой. Двое рослых воинов, охраняющих пристань, угрожающе посмотрели на Козодоя, и он отошел в сторону. Торговцы поднимались с причала в деревню, чтобы отдать дань уважения — и естественно, еще кое-какую дань — Ревущему Быку, и Козодой хотел послушать, о чем они говорят.

— Мне не нравится, что эта парочка из Консилиума без малейшего уважения шляется по нашей земле! — заметил один торговец другому на языке, который Козодой, к счастью, понимал.

— Проклятый кроу и чернокожая карибанская стерва! — подхватил тот. — С радостью отдал бы половины за удовольствие перерезать им глотки! Этим наглецам лучше не соваться на земли моего племени!

— Они ищут кого-то, — хихикнул первый. — И надеюсь, когда найдут, он это сделает за тебя.

— В двух-трех днях пути на юг есть еще кое-кто, — добавил его собеседник. — На обрыве, что на западном берегу. Из кожи вон лезут, чтобы их приняли за местных, но это невежды и слишком слабы для свободной жизни. Я видел их, когда поднимался вверх по реке. Копают дыры в земле и просеивают грязь. Не понятно, чего им нужно.

Козодой был крайне заинтересован и не спешил уходить в надежде услышать еще какие-нибудь сплетни. Как он сказал — кроу и карibbeanка? Скорее всего агенты Службы безопасности. По крайней мере кроу — наверняка.

А ищут они, разумеется, его. Скорее всего Вал таки наткнулся на тело, а может, поднял тревогу, обнаружив, что Козодой, единственный член Консилиума в округе, внезапно исчез? Больше всего его беспокоила карibbeanка, хотя благодаря ей преследователей можно было легко опознать. Однако наверняка это именно она упустила связную, и теперь, когда ее жизнь и карьера поставлены на карту, готова на все, тем более что ради информации о кольцах Главная Система способна предоставить ей любую свободу действий.

Те, что копали землю на юге, тоже представляли определенный интерес. Археологи обычно стараются не выделяться среди местных, но у них наверняка есть современное оборудование, с помощью которого можно будет поправить свои дела и замести следы.

— Ну что ж, — сказал он себе, — если теперь еще чего-нибудь поесть и передохнуть немножко, можно начинать спасать свою голову.

О спасении человечества придется позаботиться позже.

Однако отдохнуть как следует им так и не удалось, хотя Танцующая в Облаках ухитрилась поспать пару часов. Что касается Козодоя, то тот от волнения не смог даже прилечь и восхищался спокойствием и отвагой своей подруги.

Основная трудность заключалась в том, что у них не было определенного плана. То есть они знали, что им предстоит сделать, но предусмотреть все случайности были не в состоянии.

Весь день в хлеву кипела работа, и только поздно вечером Козодой и Танцующая в Облаках смогли уединиться и обговорить кое-какие детали. Она неплохо познакомилась с деревней во время ночной разведки, а Козодой по памяти описал ей внутреннее устройство хижины Ревущего Быка и поделился тем, что слышал на пристани.

— Жаль, что нет времени разузнать о них поподробнее, — посетовал он, — но они вот-вот явятся сюда — возможно, даже завтра. Нам надо спешить.

— Всегда лучше действовать, чем прятаться, — согласилась Танцующая в Облаках.

Ночью от реки поднялся туман, плотным одеялом укутал деревню; заморосил мелкий холодный дождь, и Козодой лишь теперь по достоинству оценил все прививки, сделанные ему в Консилиуме.

Впрочем, сейчас такая погода была как нельзя более кстати. Первого сторожа Танцующая в Облаках обнаружила громко хранившим у небольшого костерка в насуро сделанном шалаше. Сторожевой пес лениво взглянул на нее, зевнул и опять задремал. Второй охранник тоже куда-то пропал — очевидно, сидел где-нибудь у очага, согреваясь изнутри огненной водой. Других часовых не было.

Когда она вернулась за Козодоем, тот уже порядком промок: крыша хлева протекала. Немая рабыня выглянула из дверей кухни и призывающе помахала рукой. В тепле Козодой сразу же почувствовал себя лучше.

Их неожиданная союзница была действительно невысокого роста, но, как все кухарки, отличалась не-пропорционально большой грудью и полными бедрами. Она не была старой, но в ее черных прямых волосах мелькали седые пряди, а глаза были просто древними. Она была босиком и носила простое, без узоров, платье, такое же унылое, как она сама.

Несмотря на дефицит времени, Козодой попробовал заговорить с ней на всех индейских наречиях, ко-

торые знал, но в ответ она только качала головой. Она, конечно, запомнила некоторые иллинойсские слова, пока жила здесь, но самого языка не знала.

Эта женщина шла ради них на большой риск. Она подготовила два ножа — один охотничий и один для метания — и ухитрилась даже раздобыть копье. Кроме того, она собрала кое-какую еду: в кожаном заплечном мешке лежали яблоки, лесные орехи и даже несколько полосок сущеного мяса. Козодой был поражен и понимал, что это накладывает на них определенные обязанности. Даже если побег удастся, догадаться, кто помогал беглецам, не составит труда, и наказанием для нее станет медленная и мучительная смерть — и неизменно публичная, чтобы показать всем, что ожидает раба, предающего своего господина.

— Она должна пойти с нами, — твердо заявил Козодой.

— Я ждала от тебя этих слов, — улыбнулась Танцующая в Облаках. — Я не смогла бы полюбить человека, который решил бы иначе, хотя ей вряд ли удастся вернуться к своему народу.

Козодой знал, что у многих племен считается недостойным попасть в плен или стать рабом, это приравнивается к смерти. Впрочем, у нее в любом случае очень мало шансов добраться до южного побережья. Интересно, как она очутилась здесь...

— Но я не могу держать рабов... — вслух сказал он.

— Хватит, пойдем, — сердито перебила Танцующая в Облаках. — В конце концов, это я втянула ее в эту историю и прекрасно понимаю, что тебе придется взять ее в жены. Пошли. Если у нас ничего не выйдет, ей уже будет все равно.

Козодой поцеловал ее, а потом, повернувшись к своей новоиспеченной жене, ткнул себя пальцем в грудь и сказал по-хайакутски: «Бегущий с Козодоями». Затем он таким же образом представил Танцующую в Облаках и, показав на саму бывшую рабыню, произ-

нес: «Молчаливая». Она кивнула, и, похоже, ей это польстило. Танцующая в Облаках выскользнула за дверь и вскоре вернулась с сообщением, что путь свободен. В густом тумане им ничего не стоило пробраться к реке, отвязать первое попавшееся каноэ и улизнуть, но Козодой не сомневался, что в таком случае их догонят и схватят, не пройдет и двух дней. Он взял себе охотничий нож и тяжелый резак; Танцующая в Облаках предпочла копье, с которым была лучше знакома, а Молчаливая несла мешок с провизией и метательный нож. Вооружившись таким образом, они направились к хижине вождя.

Дверь в нее была как раз напротив склада, но Козодой надеялся, что дождь загнал часовых внутрь. Он был уверен, что жилище Ревущего Быка не заперто: в деревнях люди панически боялись пожаров и, как правило, держали двери открытыми, чтобы в случае чего можно было быстрее покинуть горящий дом.

Козодой прокрался вдоль стены, убедился, что никого поблизости нет, и осторожно потянул дверь. Она подалась легко, но он забыл о несмазанных петлях и мог только надеяться, что за шумом дождя скрип не будет услышан. Сжимая в одной руке охотничий нож, а в другой — резак, он глубоко вздохнул и переступил порог.

Подождав, пока глаза привыкнут к темноте, Козодой осмотрелся. Очаг давно погас, две спиртовые лампы выгорели. «Не сломать бы шею», — подумал он и мелкими шажками двинулся вперед.

Воняло здесь, как в свинарнике, зато было сухо и относительно тепло. Это была одна из немногих хижин, где имелись деревянные полы. На двух больших столах валялись обедки и пустые кожаные фляги, ждущие, когда их наполнят снова. Характерный шорох и частое похрустывание говорили о том, что мыши уже принялись за уборку.

В углу обнаружились луки и колчаны со стрелами. Сейчас они были бесполезны, но Козодой на всякий случай постарался запомнить расположение этого арсенала.

Хижины такой величины обычно разделялись на части занавесками из одеял, но у Ревущего Быка имелась настоящая деревянная перегородка — видимо, для того, чтобы никто не мог попасть в его спальню даже случайно.

Услышав за спиной негромкий шум, Козодой так и обмер; но тут же узнал стройный силуэт Танцующей в Облаках. Он неслышно приблизился к ней и жестом показал на занавешенный одеялом дверной проем, откуда доносился густой храп.

Темнота усложняла дело, а они и не подумали об этом. Танцовщица в Облаках подошла к очагу и принялась разгребать пепел, время от времени нагибаясь и дуя на него. Наконец под пеплом заалели угольки. Она взяла один из факелов, и после нескольких попыток он загорелся. Правда, факел был дрянной и толку от него было не больше, чем от простой спички. Но это все же было лучше, чем ничего. Надеясь, что он не погаснет, она вставила его в держатель. Комната озарилась слабым призрачным сиянием.

Осторожно отогнув занавеску, Козодой заглянул внутрь и увидел жирного старика, совершенно голого, лежащего между двумя обнаженными женщинами, несомненно рабынями, как и Молчаливая. Одна из них пошевелилась, открыла глаза, зажмурилась, потом вновь открыла глаза и в ужасе уставилась на Козодоя. Он приложил палец к губам, потом сделал ей знак встать и отойти в сторонку. Мгновение она помедлила, но все же повиновалась, и Козодой вздохнул с облегчением. Самого вождя он не задумываясь убил бы, если бы понадобилось, но проливать невинную кровь ему не хотелось.

Повернувшись, Козодой шепотом подозвал Танцовщую в Облаках и, отдав ей тесак, взял у нее копье. Учитывая расстояние и тесноту, оно представлялось ему более подходящим. Увидев, что незваный гость не один, рабыня неслышно ахнула и в испуге приложила ладонь ко рту.

Козодой ткнул Ревущего Быка кончиком копья — сперва слегка, а потом и покрепче. Наконец вождь чуть-чуть приоткрыл глаза.

— Ну хватит! — прошипел Козодой. — Сядь и взгляни на меня!

Ревущий Бык улыбнулся, сел на постели, потянулся и зевнул.

— И что теперь? — спросил он на языке сиу. — Может, ты хочешь меня убить? У тебя ничего не получится. Стоит мне крикнуть, и сюда сбежится множество хоть и сонных, но преданных мне воинов.

— Кричи — и получишь копьем, — спокойно ответил Козодой. — Мы уже решились: или добьемся успеха, или умрем. Третьего не дано. Я не боюсь смерти. А ты?

Проснулась вторая женщина и, всхлипнув, тут же забилась в угол.

Ревущий Бык, по-видимому, начал осознавать свое положение.

— Похоже, я недооценил тебя, приятель. Мало у кого из Консилиума хватило бы ума, не говоря уж о храбости, чтобы зайти так далеко.

Козодой сильно рванул занавеску и сдернул ее на пол. Факел замигал, но не погас.

— Выходи, и тихо. Никаких подлостей! Если нас застукают, мы умрем, но ты умрешь раньше нас, причем медленно и мучительно. Что бы ни случилось — молчи, иначе я сам выдерну тебе язык.

— Громкие слова, — вздохнул вождь, однако поднялся и пошел в главную комнату, где сидела на столе Танцовщица в Облаках, держа наготове лук с натянутой тетивой.

Козодой повернулся к рабыням.

— Хотите пойти с нами? — спросил он, сначала на сиу, потом, не получив ответа, еще на нескольких языках. Он уже хотел бросить это дело, когда одна из них вдруг прошептала подруге на языке, достаточно похожем на шайенский, чтобы он смог разобрать:

— Он мертвый... Не надо с ним ходить.

— Решайте скорее; — прошипел Козодой на шайенском. — В деревне много стариков, но старух я не видел ни одной. Идем, или вы останетесь здесь навсегда.

— Куда? — испуганно спросила другая. — Там смерть.

— Быть может, и смерть, а возможно, и жизнь. Немая идет с нами.

— Но она же чокнутая.

Козодой никогда еще не встречал людей, так настойчиво цепляющихся за свое рабство. Дальнейшие уговоры были бесполезны; он сделал все, что мог. Он нашел веревку и принялся разрезать одеяла на полосы, а Ревущий Бык, по-прежнему голый, наблюдал за ним без особого беспокойства — в отличие от рабынь.

— Что ты задумал? — с тревогой спросила одна.

— Раз вы остаетесь, я не могу позволить вам поднять тревогу. Я свяжу вас и сделаю кляп.

Готовность, с которой они приняли это, вызвала в нем отвращение, к которому, однако, примешивалась жалость. «До чего мы дошли?» — пронеслось у него в голове. Он никогда не связывал людей и теперь беспокоился, чтобы путы не получились слишком тугими или слишком слабыми. «А может, мы всегда были такими?» Козодой был сбит с толку. Раб, которому предоставили пусть даже слабый шанс, стремится вновь надеть на себя оковы! Такое не умешалось у него в голове. «Неудивительно, — подумал он, — что Властелины Тьмы чувствуют себя среди нас как рыба в воде!»

Ревущий Бык внезапно оживился.

— Позволишь мне хотя бы надеть штаны? — почти добродушно спросил он.

— Я отплачу тебе твоей же монетой. Подожди. — У него еще остался кусок веревки и короткий лоскут одеяла. — Вот. Благопристойности ради обвязи это вокруг своего брюха и будь доволен. Большего я не могу для тебя сделать.

Вождь отказался:

— Это ни к чему, все равно снаружи льет как из ведра. Могу я спросить, что вы собираетесь делать?

— Идти к южному причалу и отплыть на первом попавшемся каноэ.

— Ночью — да еще в такой туман? Там, где сливаются Огайо и Миссисипи, настоящий ад.

— Мы выберемся или утонем. Впрочем, не исключено, что ты просто лжешь. — Он перешел на хайакутский язык. — Танцующая в Облаках, посмотри, как там снаружи, и пойдем.

Она выскоцкнула за дверь; Козодой держал копье наготове. Ревущий Бык вздохнул и, как бы невзначай подаввшись к ближайшему столу, вдруг резко вытянул руку. Козодой среагировал мгновенно, но ударили не острием, а древком. Вождь охнулся, раздался глухой стук. Старик быстро нагнулся, и на этот раз копье вонзилось ему в руку. Он вскрикнул, но Козодой уже вытащил нож. Ревущий Бык увидел его и выпрямился, стиснув зубы.

Козодой пинком отбросил упавший предмет в сторону и, перехватив копье поудобнее, нагнулся и поднял его. Ревущий Бык уселся на стол, баюкая раненную руку.

Это оказался пистолет. Однозарядный, гладкоствольный, очень примитивный, вероятно, изделие каже или карибенцев. Оружие неточное, но чрезвычайно шумное.

— Ты искромсал мне руку! — удивленно воскликнул Ревущий Бык. Казалось, то, что кто-то осмелил-

ся поднять на него оружие, беспокоит его больше, чем боль.

— Да. Плохо. Теперь ты не сможешь грести. А теперь вставай, не то вот этот нож искромсает тебе не только руку. Шевелись!

Ревущий Бык, придерживая раненую руку, послушно встал. Похоже, ему до сих пор не верилось, что кто-то отважился ткнуть в него копьем.

— У меня идет кровь! Мне надо перевязать рану!

— На твои раны мне наплевать. Давай шагай и делай только то, что я говорю, иначе, клянусь, ты не доживешь до моей смерти.

С Ревущего Быка моментально слетела вся самоуверенность.

— Но я не смогу плыть, если мы опрокинемся!

— Вот и позаботься о том, чтобы этого не случилось. Ты ведь хорошо знаешь реку, не так ли?

На улице их ждали Танцующая в Облаках и Молчаливая. Ревущий Бык окинул немую испепеляющим взглядом. Та в ответ плонула ему под ноги.

Южный причал был на берегу Огайо, немного ниже слияния двух рек. Танцующая в Облаках пошла на разведку и, вернувшись, сообщила:

— Двое с копьями, луками и, быть может, с ножами.

Молчаливая кивнула, словно тоже поняла ее.

— Надо одновременно убрать обоих, — сказал Козодой. — Иначе второй успеет поднять тревогу. Дай-ка мне лук. Я неплохо стреляю.

— У вас ничего не выйдет, — вмешался Ревущий Бык. — Эти двое — одни из лучших. Видите, они остались на страже даже в такую погоду. Забудьте об этом. Мы можем договориться.

Молчаливая вытащила метательный нож и показала на свой мешок с припасами. Прибегнув к помощи жестов, Козодой постарался как можно внятнее изложить свой вопрос:

«Ты... Пойдешь... Туда... Убьешь... Одного... Ножом?»

Она кивнула. Неплохая идея, подумал Козодой, если, конечно, он не замешкается и выстрелит, когда она бросит нож. Она была рабыней, здесь ее знали, считали сумасшедшей, и в это время она обычно уже бывала на ногах. Увидев знакомую фигуру, часовые вполне могли подумать, что она, заискивая перед ними, принесла им еду, а возможно, и выпивку. Туман постепенно рассеивался, и силуэты часовых вырисовывались довольно четко, однако река по-прежнему казалась сплошной серой массой, сливающейся с небом.

Танцующая в Облаках угрожающе наставила копье на Ревущего Быка, хотя тот, учитывая его раненую руку, вряд ли был способен на активные действия.

Козодой кивнул. Молчаливая вышла на дорогу и направилась к часовым.

Ближайший резко окрикнул ее, потом, понизив голос, что-то сказал напарнику; тот усмехнулся. По всей видимости, они узнали ее и, вероятно, позволят подойти близко.

Один из часовых, здоровый детина, неторопливо пошел ей навстречу, другой стоял и смотрел. Козодой застыл неподвижно, стараясь одновременно удерживать в поле зрения и ее и свою цель. Ему еще никогда не приходилось убивать человека.

Метрах в трех от рослого воина Молчаливая внезапно размахнулась и метнула нож. Лезвие вонзилось в грудь здоровяка, он громко вскрикнул и упал на спину. Второй повернулся на крик, поднимая копье, и в этот момент стрела Козодоя пронзила его шею. Он выронил копье, схватился руками за горло, спотыкаясь, сделал несколько шагов и с плеском рухнул в воду.

Все произошло в считанные секунды. Тот, кого Молчаливая ранила ножом, был еще жив, но она мгновенно насыла на него и, когда подоспели остальные, уже успела перерезать ему горло.

Танцующая в Облаках показала на каноз:

— Вот это.

Для четверых оно было тесновато, и Козодой показал на другое, побольше.

— Может быть, возьмем его? — спросил Козодой.

— Нет. Слишком тяжелое и слишком заметное, — кратко пояснила Танцующая в Облаках.

Она была права, как всегда. Вождь, Молчаливая и Танцующая в Облаках забрались в каноэ. Козодой ухитрился столкнуть его и, зайдя в воду, присоединиться к остальным, не опрокинув суденышко.

Их отнесло от берега течением, и вдруг Козодой встревоженно огляделся:

— Кто-нибудь позаботился, чтобы на этот раз у нас были весла?

Танцующая в Облаках рассмеялась:

— Вот они. Посмотрим, удастся ли нам вдвоем выбраться на стремнину с этим мешком тухлого сала на борту.

Выплыв на середину реки, они убрали весла и позволили течению нести их дальше. Козодою пришло в голову, что сейчас они проплывают под обрывом, на котором стоит деревня, но он особенно не тревожился. Главное — оставаться на плаву и миновать пороги.

— Не понимаю, зачем вам понадобилось брать меня с собой, — вдруг заговорил Ревущий Бык. — Вы могли бы проделать все это сами.

— Ты будешь нашей страховкой, — пояснил Козодой, — а заодно и переводчиком. Племена, что живут ниже по течению, многим тебе обязаны, и я хочу спокойно миновать их.

— Но как вы узнаете, что я перевожу верно, а не готовлю вам ловушку? — спросил ревущий Бык, понимая, что сейчас лучшая тактика — это посеять в них сомнения, а вместе с тем не допустить, чтобы его убили без особой необходимости.

— Очень просто, — ответил Козодой. — Мы на чрезвычайно тонком волоске. Один неверный шаг —

и с нами покончено. Мы готовы к этому, но в чем я совершенно уверен, так это в том, что если мы умрем, то умрешь и ты.

Вождь пожал плечами:

— Какая мне разница? Так или иначе, вы в конце концов убьете меня.

— Я — не ты, я человек слова, — сказал Козодой, — и, думаю, ты это уже понял. Я отпущу тебя живым и невредимым, когда мы сможем безопасно пристать к берегу ниже устья Миссури.

Ревущий Бык тоскливо посмотрел на свою руку. Рана уже перестала кровоточить, но болела нестерпимо, и вождь боялся навсегда остаться калекой. Он ненавидел за это Козодоя, но понимал, что слишком стар и тучен, чтобы справиться даже с двумя этими хайакутами, — а немая женщина его просто ужасала. Восставший раб — кошмар любого господина, и теперь ему оставалось полагаться лишь на Козодоя и его подругу.

И все же гордость старого вождя была уязвлена не менее болезненно. Вот уже более двадцати лет никто не осмеливался поднять на него руку. Будь они с Козодоем один на один, он, не задумываясь, бросился бы на него. Старый вождь не был трусом — но не был и глупцом. С мужчиной он еще мог бы справиться — но в схватке с женщинами, которым не мешали ни цивилизованность, ни щепетильность, у него не было ни одного шанса на победу. «В любом случае, — думал он, — эта троица обречена, а у меня есть причины вернуться в деревню. Надо будет разобраться — и лично! — по меньшей мере с двумя воинами, а может быть, и с четырьмя».

Дождик им не понравился — и в результате он сидит здесь, с этими сумасшедшими. Ну ничего, если им так не нравится вода, он, так и быть, сожжет их живьем.

Но для этого надо прежде всего выжить самому, а значит — вести себя смиро и даже помочь этим людям добраться до устья Миссури. Потом можно будет назначить награду за голову Козодоя, думал Ревущий Бык, но сначала нужно вернуться к своим людям, пока кто-нибудь из проворных родственничков не занял его место.

Туман рассеялся, течение было спокойным, река — чистой.

— Расскажи мне о немой, — попросил Козодой. — Откуда она родом и как лишилась языка?

— Откуда она, я не знаю, — ответил вождь. — Быть может, с юго-востока, из края высоких гор. Она была... товаром. Много лет назад один торговец шел на север, и у него была куча девушки, все издалека, и ни одна не говорила ни на одном знакомом языке. Большинству из них было лет по четырнадцать-пятнадцать, но они уже прошли через многое. И она тоже была молодой, но бывалой — во всех отношениях. Никогда не была разговорчивой. Сильно замикалась. Не знаю, где ее носило до меня, но эти татуировки...

— Татуировки?

— От шеи до бедер, спереди и сзади, только руки и ноги чистые. Вылитое церемониальное покрывало.

— Как же она потеряла язык, если так сильно замикалась?

— Забеременела. Бывает, знаешь... Ребенок родился уродливый, бесформенный. Знахарь сказал, что это дитя демона. И она свихнулась.

Дитя демона... Так называли детей, рожденных с серьезными дефектами. С ними обычно поступали одинаково. Убивали по особому ритуалу и торжественно сжигали на костре.

— Целыми днями она только и делала, что причитала и плакала, — продолжал вождь. — Перестала замикаться и богохульствовала на стольких языках, что и не сосчитать, включая один или два, которые я мог

разобрать. Мы держали ее под замком несколько дней, но это не помогло. Знахарь сказал, что заикание было печатью ведьмы, носящей дитя демона, и что она навлечет на всех нас проклятие, если ее не остановить. Я все же надеялся, что она перестанет, но это продолжалось изо дня в день, а в деревне все пошло навыворот. Двое здоровых мужчин утонули, одна хижина сгорела дотла и все такое прочее. В конце концов собралась толпа, и мне надо было решать, что делать. Я не хотел ее убивать, и они успокоились на том, что вырезали ей язык и сожгли его. Только это заставило ее замолчать. Она могла разжигать по утрам очаг в кухне, прибираться, но не более того. В основном она просто сидела в уголке, уставившись перед собой.

— Понимаю, — ответил Козодой. — Что ж, теперь она — отрезанный ломоть.

— Вот именно. Не слишком доверяй ей, пока я с вами, Козодой. Ей в любой момент может взбрести в голову просто прирезать нас всех.

7. УРОК БИОХИМИИ

Превращение изящной и миловидной Сон Чин в грубоватого ширококостного Чу Ли, каким бы невероятным оно ни казалось, базировалось тем не менее на совершенно реальных вещах и было доступно всякому, кто мог вступить в диалог с компьютером и приказать ему выполнить эту работу.

Чу Ли было едва пятнадцать, и это значительно облегчало задачу; а грубая хлопчатобумажная арестантская роба и мешковатые штаны делали бесформенной фигуру всякого, кто их носил. Волосы и ногти Сон Чин и так уже были коротко подстрижены, а компьютер сделал ее голос на пол-октавы ниже. Чу Ли говорил на мандаринском диалекте, отличавшемся от родного диалекта Сон Чин, но им пользовались в Центре, так что и это не сулило особых трудностей.

Минут через двадцать после того, как компьютер вернул преображенную и усыпленную Сон Чин в камеру, пришли охранники. Мальчикам — ибо теперь Сон Чин мы будем называть мальчиком — закатали рукава и сделали укол, нейтрализующий действие снотворного. Они сели, постанывая и держась за голову.

— Приведите себя в порядок! — рявкнул охранник. — Через пять минут вас покормят. Настоятельно рекомендую съесть все; в следующий раз еду вы получите не скоро, если вообще получите. — Он ухмыльнулся. —

На это вам дается десять минут, и еще пять на то, чтобы облегчиться. Потом вас подготовят к отъезду.

Охранник повернулся и вышел. Дверь камеры закрылась за ним.

— О-о-ох! Голова у меня просто раскалывается, — простонал Ден Хо.

— И у меня, — проворчал Чу Ли. В ханьском обществе, как и в большинстве восточных культур, двоюродные братья, принадлежащие к одному поколению, считались родными и относились друг к другу соответственно. Мальчики были очень близки между собой. — А в мозгах какая-то давка, и я совсем сбит с толку, словно бы...

— Словно бы что?

«Словно бы там есть кто-то еще», — подумал Чу Ли, но сказать вслух не решился.

— Я думаю, они здорово покопались у нас в головах, но, с другой стороны, разве могли бы мы знать об этом?

— А как твоя... твои повреждения?

Чу Ли содрогнулся, вспомнив о жестокости охранников, избивающих и мучающих за малейшую провинность. Один из них отличался особой изобретательностью.

— Вроде ничего не болит, — ответил Чу Ли. — Но кажется, какое-то время мне придется присаживаться и по малой нужде. Не знаю, что нас ждет, но хуже, чем здесь, вряд ли уже будет. Как жаль, что мы не умерли там, в убежище.

Чу Ли попытался собраться с мыслями. Когда он сосредоточивался, странное ощущение ослабевало, но стоило ему позволить себе отвлечься, как что-то постороннее вмешивалось в его мысли и спутывало их. Охранники, избивавшие его, пригрозили «сделать из него девочку», но даже это не объясняло, откуда в голове у него взялись воспоминания, явно принад-

лежащие девушки, причем незнакомой и воспитанной совершенно по-иному, чем он. Некоторые из них были намного ярче его собственных, но при этом он чувствовал себя так, словно смотрит на чужую жизнь со стороны.

Впрочем, останавливаться на этом времени не было: стражники неукоснительно следовали объявленной программе. Сковав мальчикам руки и ноги, они грубо погнали их через коридоры, контрольные пункты и посты охраны к главному выходу, где уже ждали одетые в черное люди из службы безопасности.

— Они ваши, лейтенант, — сказал начальник охраны не без сожаления в голосе. — Не беспокойтесь: мы тут немного поучили их хорошим манерам. Счастливого пути!

Лейтенант кивнул и прижал большой палец к приборной панели, завершая процедуру передачи арестованных.

— И чтоб йне никаких сюрпризов, — сказал мальчикам новый тюремщик. — Что они тут с вами делали, я не знаю и знать не хочу. Согласно закону, отныне вы уже не граждане Конфедерации, да и вообще не люди. Вы скот, собственность Административного Консилиума Системы, и я как его представитель имею право делать с вами все, что заблагорассудится. Не разговаривать; следуйте за мной!

На посадочной платформе уже стоял готовый к взлету скиммер. Внутри они с удивлением увидели еще двух девушек, в таких же арестантских робах. Вид у них был измученный и отрешенный, ни одна даже не повернула головы на вошедших. Чу Ли показалось, что на лице ближайшей девушки он заметил уродливый шрам, но тут его приковали к креслу, и он смог смотреть только перед собой.

Большой пассажирский скиммер быстро и главно оторвался от земли и, обогнув купол Центра, набрал высоту. Ускорение вдавило мальчиков в спинки кресел.

Они попытались было заговорить с девушками, сидевшими впереди, но охранник несколькими ударами кожаного хлыста призвал их к молчанию. Чу Ли не оставалось ничего другого, как откинуться на спинку кресла и думать.

Что же все-таки сделали с его головой? А главное зачем? Он постарался взять себя в руки и извлечь все, что можно, из посторонних воспоминаний. О Простреленный, помоги мне! Это же дочь главного администратора! Того самого, который приказал убить всех наших!

Чу Ли хорошо помнил внезапную темноту и холод, людские крики и вспышки выстрелов, разрывающие тьму... Вот заряд попадает в его сестру, и ее тело мгновенно превращается в обугленный комок... А в это время ОНА была наверху, во флагманском скиммере, и, затаив дыхание, ловила каждый момент схватки. ОНА рвала вниз, в гущу боя, горя желанием калечить и убивать его товарищей... Для НЕЕ это было всего лишь игрой, веселым развлечением!

Чем больше он исследовал ее память и склад ума, тем сильнее ее ненавидел. Люди были для нее не более чем вещами, которыми она умело манипулировала в интересах своей выгоды. Богатая, избалованная, испорченная и заносчивая, она была плоть от плоти и кровь от крови тех, кто, как его учили, погрузил этот мир в пучину мрака. Она была прекрасна, она была гениальна... Она была воплощением зла.

О как хотел он содрать с нее тонкие шелка, сменить изысканнейшие благоухания на запах пота и навоза, одеть в лохмотья и показать ей, что значит быть всю жизнь на положении раба и подвергаться бесконечным издевательствам... Ей и всему ее проклятому семейству. Это ИМ следовало бы быть сейчас на этом корабле, идущем в самое сердце ада.

Но почему он так хорошо все это помнит? Быть может, произошла ошибка? Судя по воспоминаниям,

она сама была в Центре, и отнюдь не в качестве экскурсанта или гостя. Ее должны были переделать — превратить в добропорядочную жену, в ходячий инкубатор для получения какого-то странного потомства. Слишком милостиво по отношению к ней, но все же шаг к справедливости.

Она великолепно разбиралась в компьютерах и изучала исследования его друзей... Быть может, произошел какой-то сбой в программе? Впрочем, не исключено, что она сделала это специально, в попытке спасти часть своих знаний. Если так, то есть какая-то высшая справедливость в том, что дочь убийцы невольно передала их одной из его жертв.

А знания эти, помимо всего прочего, включали в себя и вполне реальный способ украдь космический корабль. Если его удастся использовать, это будет великолепная месть! Она погрузится в пучину невежества, а он, наоборот, обретет свободу, о которой мечтали его друзья.

В свое время дед научил Чу Ли древним приемам, позволяющим полностью управлять мыслями и на короткое время даже ввести в заблуждение компьютеры. Именно они помогали подпольщикам так долго оставаться необнаруженными, но сейчас он хотел использовать их для другой цели. Он хотел полностью изгнать ее из своего сознания, оставив лишь научные знания, навыки работы с компьютерами и некоторые известные только ей секреты. С мрачным удовлетворением Чу Ли подумал, что наконец-то сможет убить ее — хотя бы в собственной голове.

Он призвал всю свою волю и сосредоточился на Десяти Упражнениях — но впервые на его памяти эти приемы не сработали. Воспоминания девушки слегка потускнели, но она по-прежнему была здесь.

Скиммер замедлил полет и пошел на снижение. Старший пилот замахал рукой, указывая куда-то вниз.

Чу Ли вышел из транса и, заглянув через широкое ветровое стекло, едва не задохнулся от ужаса. На удивленном плато в беспорядке громоздились какие-то невысокие здания, а чуть поодаль гигантской сверкающей башней возвышался корабль.

Космос! Их высылают в космос!

Корабль стремительно приближался, закрывая собой ветровое стекло. Наконец скиммер коснулся земли, дверца открылась, лейтенант отстегнул привязные ремни и вышел наружу, прихватив с собой идентификатор. Обменявшись приветствиями с встречающими, он вставил его в соответствующий разъем на панели управления космопорта. Местный компьютер был напрямую связан с Главной Системой, но компьютер Центра произвел перекодировку записей, и теперь Сон Чин была официально зарегистрирована как Чу Ли, пятнадцати лет, рожденный в Паотине, провинции Хопе, арестованный за нелегальную деятельность и подлежащий пожизненной высылке в Экспериментальный Центр Мельхиор. От настоящего Чу Ли не осталось и следа, и в самое ближайшее время кто-то должен был поплатиться за это головой.

Заключенным было приказано выйти, и мальчики впервые смогли как следует разглядеть девушек; они выглядели подавленно и казались старше своих лет. У обеих действительно были шрамы на лице. Ужасные шрамы.

Арестантов провели к лифту, который поднял их на верхний уровень, к месту промежуточного заключения. Короткий коридор с обоих концов перекрывался прочными дверями, просматривался телекамерами и охранялся часовыми, но четыре камеры оказались всего лишь бывшими кабинетами. Никакой мебели, естественно, не имелось, за исключением отслуживших свой срок армейских туфяков и ручных умывальников. В каждой камере стоял кувшин воды и несколь-

ко пластиковых стаканов. В туалет, единственный на всем этаже, разрешалось выходить только в сопровождении часового.

Чу Ли втолкнули в камеру вместе с одной из девушек.

— Так нельзя! — запротестовал он, но охранник лишь ухмыльнулся.

— Нам приказано держать эту парочку порознь. Вдвоем они слишком хорошо управляются с замками. Если ты уже достаточно взрослый, можешь попробовать поразвлечься, нам на это наплевать.

Дверь захлопнулась, и они остались одни. Девушка смотрела на Чу Ли, не говоря ни слова, и в глазах ее застыло загнанное выражение. Лицо ее было изуродовано двумя большими неровными шрамами.

— Не беспокойтесь, — ободряющим тоном сказал он. — У меня есть чувство чести, и я ничего не сделал бы вам, даже если бы мог.

Она слегка успокоилась.

— Что вы имеете в виду — «если бы могли»? — Голос у нее был высокий, а в произношении чувствовался крестьянский выговор.

— Мне не совсем удобно об этом говорить.

— Нет ничего такого, о чем вам было бы неудобно говорить со мной. Я потеряла все, даже честь. Перед отправкой нас... нас отдали охранникам на два дня и две ночи.

Он не знал, что ей сказать. Наконец он выговорил:

— Вы не должны стыдиться этого, по крайней мере мне так кажется. Они сделали это против вашей воли, значит, обесчестили себя, а не вас.

На мгновение она застыла, а потом из глаз ее покатились слезы, Чу Ли растерянно шагнул к ней; она бросилась ему навстречу и зарыдала навзрыд, а он неловко держал ее в объятиях. Чу Ли был как раз в том возрасте, когда юноши только-только начинают понимать, что женщины — совсем иные существа, иные,

но до странности необходимые, и впервые он обнимал девушку. Хорошо, подумал он, что она может положиться на меня; как ни жестоко обращались с нами, ей пришлось намного хуже.

Потом Чу Ли осторожно подвел ее к туфяку, усадил и, сев рядом, стал ждать, пока она выплачется. Она цеплялась за него, как за единственную надежду, хотя они, считай, только что встретились и даже не знали имен друг друга.

Наконец она всхлипнула в последний раз и затихла, он спросил, не хочет ли она воды; она молча кивнула. Вместе с чашкой он принес ей бумажное полотенце — вытереть глаза.

Раньше она была очень хорошенькой, это было видно с первого взгляда. Не красавицей, но с приятным лициком, и от этого шрамы казались еще безобразнее. Один начинался у краешка рта и тянулся до самого уха, нелепо оттягивая губу, так что были видны два зуба; другой был больше и шел горизонтально. Багровые рубцы выделялись на гладкой коже, словно горные цепи на рельефной карте. Помогая ей вытереть слезы, Чу Ли ощущал странное волнение, и, хотя ее шрамы бросались в глаза, на какое-то время ему показалось, что это не имеет значения.

— Простите, — сказала она, шмыгая носом. — Я... я всегда была сильной. Простите, что я позволила вам увидеть меня в таком виде.

— Не волнуйтесь, — ответил он. — Должно быть, вы действительно сильный человек, если смогли выдержать это и не сойти с ума.

— Быть может, я и сошла с ума, — печально сказала она. — Я жила в кошмаре, и вы первый мужчина, который был добр ко мне.

— Только наполовину мужчина, — возразил он, сам не подозревая, как много правды в его словах. После ее признания он чувствовал, что должен отве-

тить ей тем же, и надеялся заронить в нее мысль, что она не одинока в своем страдании. — Охранники били меня как раз по тому месту, которое делает человека мужчиной, и хотя сейчас боли нет, я думаю, что повреждения очень серьезны. Я со стыдом говорю вам об этом.

— О! Пожалуйста, извините меня.

Чу Ли сделал протестующий жест:

— Я сам рассказал вам, и извиняться ни к чему. Но душа моя уцелела и полна ненависти. Меня учили, что этим миром правят чудовища в человеческом облике, но лишь сейчас я действительно в это поверил. Кстати, мое имя Чу Ли, а друзья называют меня Мышью за маленький рост и по году моего рождения.

— Я — Чо Дай. Моя сестра, которая страдает вместе со мной, — Чо Май. Как вы могли уже догадаться, мы близнецы, — она коснулась шрама на правой щеке, — то есть были близнецами.

— Надеюсь, мой двоюродный брат Ден Хо поведет себя благородно, и они поладят между собой. Но боюсь, скорее ему придется плакать у нее на плече, хотя пока он держится намного лучше, чем я мог предположить. — Чу Ли вкратце рассказал ей, как они очутились здесь и как жили раньше, свободные от тирании машин.

Чо Дай слушала как зачарованная.

— Это невероятно! — воскликнула она. — У вас даже женщины были свободными и образованными?

— Так вы не из Центра?

— Нет. Конечно же, нет! Мы простые крестьянки. Наша семья была очень велика, и мы вечно голодали. А потом пришла засуха. Мои родители не могли нас прокормить, а выдать нас замуж у них не было денег. В отличие от других они не топили новорожденных дочерей, и...

Чу Ли был в ужасе:

— Топить новорожденных?

Его реакция ее удивила.

— Этому обычай тысячи лет. Его стараются изжить, но в плохие годы он возрождается. Сыновья способны вернуть то, что в них вложено, и позаботиться о родителях в старости, а дочери — нет. Даже за то, чтобы выдать девушек замуж, надо платить. Отец подал прошение господину Хранителю, который всегда работал за то, чтобы даже бедные семейства сохраняли дочерей, и господин Хранитель услышал. Нас продали генералу Чину, могущественному военачальнику, в качестве личной прислуги его дочери.

— Продали? — Чу Ли не верил своим ушам. Ее мир был слишком далек от его жизни.

— А что тут такого? Наши родители освободились от лишних ртов, получили деньги и знали, что мы не плохо пристроены. Госпожа оказалась придирчивой и требовательной, но у нас была красивая одежда, еда, о которой мы и не мечтали, а кроме того, защита и даже какое-то положение.

— Положение рабов, вы хотите сказать?

— Нет, не рабов, а домашней прислуги. Это гораздо лучше, чем работать на рисовом поле, а мы были еще очень молоды. Однажды госпожа даже взяла нас с собой в Центр. Я и не думала, что существует такое место. Это как небеса для высокорожденных. Но в конце концов мы сами все испортили. В наши обязанности входило прислуживать госпоже за купанием, помогать ей одеваться и следить за ее личными вещами. Почти всю остальную работу делали машины. Однако нам не разрешалось выходить из дома, только вместе с госпожой, и мы очень скучали. Мы даже не могли выскользнуть тайком, потому что не знали, как открываются замки.

— Я бы старался побольше читать. Там наверняка было множество лент на самые разные темы.

Чо Дай смутилась:

— Я... мы... мы не умеем ни читать, ни писать.

Он почувствовал себя глупцом и устыдился. Даже у них в убежище далеко не всем удавалось овладеть всеми тридцатью тысячами необходимых иероглифов или хотя бы их частью. Ему самому для этого понадобилась помочь машин, а научиться читать самостоятельно был не в состоянии вообще никто. Подавляющее большинство населения Китая совсем не умело читать. Люди были разделены на классы, в основе этого деления лежала грамотность. Если бы крестьянин каким-то образом научился грамоте и выдержал экзамены, он вполне мог бы претендовать на достаточно высокое положение. Но чем лучше умел читать человек, тем сложнее становились экзамены. Этот единственный способ продвинуться по общественной лестнице был в принципе доступен любому, хотя на практике, конечно, отпрыскам богатых и высокородных семейств сделать это было значительно легче.

— Прошу прощения. Я постараюсь больше не говорить глупостей. Пожалуйста, расскажите, как вы попали сюда.

Ее улыбка сказала ему, что он прощен.

— Однажды в нашем доме появился мастер. Он ремонтировал замки, но мне кажется, был кем-то вроде сотрудника безопасности. Он был молодой и очень красивый, и, боюсь, мы немножко вскружили ему голову. Он чрезвычайно гордился своим занятием и стал показывать нам, какой он знаток всяких замков, и даже пытался объяснить назначение кое-каких инструментов. По сути, это было почти обучение. Он, конечно, не думал, что простые крестьянки могут понять такие тонкости, но на самом деле все было очень просто, и вскоре мы обнаружили, что легко можем открывать и закрывать главные покоя. Замки на других дверях были посложнее, но в конце концов мы научилисьправляться даже с теми, которые закодированы на от-

печатки пальцев. Как только поймешь принцип действия, сразу же находится обходной путь.

— Но ведь для этого требуются особые инструменты, — заметил он. — Вы сами о них упомянули.

— Некоторые инструменты очень просты, и их легко сделать из других вещей, а те, что посложнее, можно достать, если очень захочется. У нас был дядюшка, он казался нам чем-то вроде волшебника. Жулик, конечно, но мелкая рыбешка. Показывал в деревне всякие фокусы, а время от времени шулеровал. Иногда он нарочно проигрывал, но стоило ему слегка задеть партнера рукой, как выигрыш тут же перекочевывал в потайной карман дядюшкой рубашки. Всякий, у кого длинные пальцы, короткие ногти и хорошие нервы, может проделывать то же самое, если хорошенько попрактикуется, а практики у нас было достаточно. В детстве мы частенько забавлялись таким образом, но никогда — или почти никогда — ничего не брали насовсем.

— Вы сказали, что у вас был дядюшка. Он что, умер?

— Да. Его повесили, когда мне было двенадцать лет. Вдвоем такие вещи проделать гораздо легче, и мы с сестрой здорово наловчились. С аристократами это просто, а с теми, что из Центра, еще проще. Они понятия не имеют о таких проделках и совсем не остегаются.

Чу Ли кивнул; ее искусство могло ему пригодиться.

— Надо полагать, после этого вы уже не скучали?

— Нет. О, это была замечательная игра. Выскользнуть украдкой наружу, пробраться в жилище кого-нибудь из высокородных, прихватить что-нибудь маленькое, незначительное, чего навряд ли кто хватится, скажем, флакончик духов или какую-нибудь безделушку... Это было захватывающе!

— Могу себе представить. А потом вас поймали?

— Не совсем. Во всем виновато наше невежество. Мы понятия не имели о видеомониторах и компью-

терном наблюдении и как-то раз забрали в такую зону. Поднялась тревога, все двери закрылись, и нас схватили. Сперва они не поверили своим глазам, но после долгих допросов, с уколами, докторами и машинами, все-таки решили, что мы именно те, кем кажемся. Нас приковали к стене и били кнутом, а потом отдали охранникам. Мы думали, это конец, но вдруг нас взяли обратно, вымыли, привели в порядок, заковали в цепи и посадили в летающую машину. И вот мы здесь.

— Прошу прощения, но ваши шрамы — от кнута?

— Нет. Кнут разукрасил нам спины, но это пустяки. Когда нас бросили охранникам, я сопротивлялась. Мы обе сопротивлялись. Я сильно разодрала лицо одному из них. А потом остальные держали нас, пока он вырезал на наших лицах эти метки. Он... он сказал, что мы должны радоваться тому, что они с нами делают, потому что теперь ни один мужчина не захочет нас. Я хотела убить себя, но мне не дали. Только убедившись, что я отказалась от этой мысли, мне позволили хоть немного двигаться — и только затем, чтобы попасть сюда. Каждый взгляд говорит мне, как я теперь отвратительна.

— Я... когда-то я знал женщину. Девушку. Она принадлежала к очень высокому роду, ее красота была совершенна, но душа была воплощением всего мерзкого, злого и чудовищного, что только может быть в человеке. Люди, привлеченные ее красотой, становились мухами в паутине. Я сам едва не превратился в такую муху, но я умею изучать и совершенствовать себя. Мой учитель, буддист, научил меня этому, и хотя у его ученика ушло много времени, чтобы уразуметь, о чем он говорил, теперь я знаю, что тело — всего лишь оболочка. Надо смотреть глубже, в душу, и видеть ее чистый свет. — Повинуясь внезапному побуждению, он привлек ее к себе и поцеловал. Когда их губы разо-

мкнулись, на лице девушки читалось потрясение, смущение и почти детское изумление.

— Мне кажется, — прошептала она, — я бы хотела пожить еще немного.

— Я сделал это не из жалости, прошу мне поверить, — мягко сказал он, — но потому, что вдруг ощутил вашу боль внутри себя. Страдания, перенесенные вами, не сравнимы с моими.

— Нет-нет, — возразила она. — Моя семья и мои друзья живы, и я по собственной воле променяла спокойную жизнь на... — Что Дай запнулась, — на преступление. У вас же выбора не было. Но теперь и у вас, и у меня впереди неизвестность. Я слышала, как они говорили, что та огромная башня снаружи — корабль, который может подняться в небеса и плыть среди звезд. Правда ли это? Разве такое возможно?

— Да. Он летает с одной планеты на другую.

— А что такое планета? — спросила она с неподдельным любопытством.

— Это такие же миры, как луна, только намного дальше.

— Вы хотите сказать, что нас принесут в жертву богине луны? Я часто молилась ей, и надеюсь, она будет к нам милостива.

Он вновь был поражен. Каким образом девушка, не имеющая ни малейшего представления о мире за пределами Китая, которая считала луну богиней и, вполне возможно, полагала, что Земля плоская, из короткого урока поняла, как вскрывать сложнейшие, управляемые компьютером замки.

— Нас не принесут в жертву, — он покачал головой, — хотя, возможно, то, что нам предстоит, окажется намного хуже. То место, куда нас отправляют, будет очень похоже на Центр, но оно подвешено в небесах, и оттуда выбраться невозможно, и даже охранники Центра говорят о нем с ужасом.

Она поежилась:

— Это неудивительно. Место в небесах, откуда невозможно бежать. Но можно открыть замки, а потом... падать и падать, бесконечно...

— Нет, вы бы умерли задолго до этого. Там нет воздуха. Вернее, он есть только в самой тюрьме. Это удерживает человека лучше любого замка.

— Но вы не боитесь. Я это вижу.

На самом деле он боялся, особенно теперь, после того, как увидел шрамы у нее на лице и почувствовал другие, в душе. Он не мог представить себе, что может быть хуже этого, но знал, что там, на Мельхиоре, будет еще хуже. Неизвестность страшила, но он не имел права показывать этого ей или позволить страху взять верх над собой.

— Я испугаюсь только тогда, когда увижу то, чего следует боятьсяся, — гордо ответил он. — Я храбро встречу смерть и плону ей в лицо. Теперь мне еще больше хочется бороться.

Во время разговора он внимательно осматривал комнату, отыскивая скрытые камеры или микрофоны. В голове у него уже созрел план, и, если удастся заручиться ее поддержкой, шансы на успех есть. Все его друзья погибли, и он чувствовал себя обязанным по крайней мере постараться воплотить их мечту.

Наблюдательных устройств оказалось немного, но достаточно, чтобы нельзя было по-настоящему спрятаться. Они с Чо Дай устроились на одном матрасе.

— Знаешь ли, мои друзья поняли, как водить эти космические корабли, — небрежно сказал он, понизив голос. — Как жаль, что мы будем в цепях, а может быть, и под замком все путешествие.

Чо Дай нашупала его пальцы и тихонько пожала.

— Да, конечно, — согласилась она.

Весь день они разговаривали о самых личных и даже интимных вещах, словно знали друг друга всю

жизнь и теперь наверстывали время, которое им пришлось провести в разлуке. Кроме того, Чу Ли пытался дать ей хотя бы приблизительное понятие об астрономии, а в обмен получить хотя бы представление о том, как можно справиться с замками.

Когда им принесли еду, они были приятно удивлены. Это оказалось какое-то монгольское блюдо из баранины в остром чесночном соусе, рис и свежие овощи. Даже чай был горячий. Такая роскошь наводила их на мысль о последнем завтраке приговоренного, но, что более вероятно, в космопорте просто не была предусмотрена отдельная диета для арестантов.

Чо Дай не переставала удивляться, зачем тюремщикам понадобилось разделить их с сестрой — ведь под неусыпным наблюдением телекамер их навыки все равно были бы бесполезны. В ответ Чу Ли говорил, что таким образом их, вероятно, просто пытаются сбить с толку, но в душе подозревал, что причина заключается совсем в другом. Их перевозка была сопряжена с большими расходами, и никому, разумеется, не хотелось, чтобы дорогостоящая вещь сломалась в пути. Чу Ли знал, что они с Деном принадлежат к тем людям, чьи сердца охотно отзываются на несчастья родственной души, и не сомневался, что в Центре об этом тоже известно. Компьютеры не ошиблись, полагая, что их общество не позволит девушкам покончить с собой или совершить поступки, которые могли бы вызвать их гибель от внешних причин.

В памяти Сон Чин содержались кое-какие сведения о корабле, которому предстояло доставить их на Мельхиор. Должно быть, он приземлился для какого-то ремонта, который нельзя было осуществить в космосе. Корабль принадлежал к типу OG-47 и был снабжен герметизированным отсеком, вмещающим до шестнадцати пассажиров. Правда, пилотский отсек наверняка был разгерметизирован, но туда в принципе

можно было бы добраться в скафандре — при условии, что на борту они есть. Как правило, такие корабли комплектовались скафандрами типа 61, которые размещались в запирающемся отсеке позади пассажирского салона. Замок контролировался бортовым компьютером, но в случае аварии отключался автоматически.

Столь подробные сведения насторожили его. Быть может, в Центре, ознакомившись с проектом его друзей, просто-напросто подкинули ему эти сведения, чтобы посмотреть, действительно ли его исполнение возможно?

Чем больше он размышлял, тем убедительнее казалось ему это предположение. Дай и Май, разумеется, тоже часть этого хитроумного плана: со своими познаниями он явно не случайно оказался на одном корабле с двумя талантливыми взломщиками.

Чу Ли ощущал себя марионеткой — но кто кукловод? Быть может, Сон Чин? Это как раз в ее характере — но с другой стороны, она никогда не узнает о результатах своего эксперимента. Служба безопасности? Похоже на правду, но они вряд ли стали бы прибегать к таким сложностям.

В такой ситуации, когда ничего не знаешь наверняка, лучшая тактика — осторожность, но попытаться бежать все равно было необходимо.

Чо Дай оказалась умницей; она на лету схватывала любой намек и находила способы поделиться информацией, не привлекая к себе внимания.

Как-то вечером их поодиночке отвели в маленькую душевую, где имелось настенное зеркало, и выдали новую одежду — желтого цвета с крупными надписями на трех языках на груди и спине: «Служба безопасности»...

В душевой не было телекамер, но все же, раздеваясь, Чу Ли почувствовал замешательство. Он давно уже

мечтал помыться, но теперь медлил. Им овладел странный, необъяснимый страх. Однако выбора не было.

Гипноз еще держался. Выйдя из-под душа, он взглянул в зеркало — и увидел там мальчика, а не того, кем был на самом деле. Он снова оделся, и его отвели в камеру.

Когда выключили свет, Чо Дай легла рядом с ним и тесно прижалась к нему так, словно он был для нее единственным во всем мире. В темноте ее шрамы были незаметны.

Чу Ли понимал, что она хочет его и нуждается в нем, но, учитывая своиувечья, не мог ответить на ее страсть. Они так и заснули, прижавшись друг к другу в поисках утешения.

Общество Чу Ли было для девушки избавлением от ада, хотя бы и временным. Раньше она даже не догадывалась, что на свете существует такая доброта и нежность, которые подарил ей этот юноша; то, что ее уродство для него не имело значения, казалось ей удивительным и волшебным. Она чувствовала, что готова на все ради него, ему даже не нужно было просить. Она спала крепко, и впервые за долгие месяцы ей снились хорошие сны.

Сновидения Чу Ли были другими. Он грезил о любви с ней, только теперь у нее было чистое лицо и черные шелковистые волосы. Обнаженный, он приблизился к ней, но она с ужасом взглянула на него и убежала, громко крича. Потом все смешалось: откуда-то появились схемы космических кораблей и тут же исчезли; он увидел своих родителей — они были живы, но тоже в страхе отворачивались от него, а когда опять обернулись, это были уже не они, а отец и мать той девушки, Сон Чин. Их фигуры были высоки и устрашающи. И сама Сон Чин тоже была здесь, появлялась и пропадала и, пританцовывая, насмешливо говорила: «А я знаю секрет...»

Их разбудил старший дежурный. Он принес завтрак — рис и рыбьи головы.

— Поешьте хорошенько и отдохните, — добродушно сказал он. — Вы отправляетесь сегодня вечером.

— Моя сестра и другой мальчик — как они? — с беспокойством спросила Чо Дай. Она каким-то шестым чувством ощущала сестру, даже в разлуке, как это часто бывает у близнецов, но сейчас это ощущение почему-то пропало, и девушка встревожилась.

— О, они замечательно поладили друг с другом, совсем как вы. Не волнуйся, сегодня ты их увидишь. — Охранник усмехнулся каким-то своим мыслям и вышел.

Чу Ли взглянул на Чо Дай:

— Значит, сегодня.

Она кивнула:

— Все будет в порядке. Нам с сестрой не нужно много слов, чтобы понять друг друга.

У Чу Ли слегка кружилась голова, но он отнес это на счет нервного напряжения. Около полудня он почувствовал, что ему надо в туалет, и позвал часового. Головокружение продолжалось, живот сводило. Ему казалось, что он сходит с ума.

Чо Дай пришлось дважды окликнуть его, прежде чем он отозвался. Образы — яркие, четкие образы — родителей, братьев и сестер, старых друзей, все подробности прошлой жизни тускнели и расплывались. Внезапно он понял, что не может припомнить, как выглядели отец и мать. Но другие воспоминания — ЕЕ воспоминания, — наоборот, становились ярче, несмотря на все его попытки оттолкнуть их.

В туалете он сел, подперев голову руками, потом посмотрел вниз, пошарил рукой между ног... Внезапно в голове что-то щелкнуло, и часть гипнотических установок исчезла. «Меня оскопили!» — мелькнула первая мысль. Он расстегнул рубашку и словно впервые увидел свою грудь. Крупные соски, венчающие не-

большие, идеальной формы полушария. Он вскочил и, раздевшись полностью, осмотрел свое тело. Гладкая кожа, плавные изгибы, пышные бедра... Девушка! Его превратили в девушку!

И не просто в девушку. Теперь он понял, что происходит. Он превращался в НЕЕ, в ту, которую он не-навидел, в дочь этого убийцы!

В его воспаленном мозгу сложилась очередная гипотеза. Она решила скрыться и каким-то образом договорилась с компьютерами или с врачами, чтобы те взяли его, до которого им не было никакого дела, и сделали из него ее умственный и телесный дубликат. Жертва превратилась в угнетателя. А воспоминания о побоях, наверное, просто имплантированы, чтобы он не сразу сообразил, что с ним сотворили, и не успел выдать ее.

Послышался нетерпеливый стук в дверь и сердитое ворчание. Он поспешил оделся и вышел. Они могли изменить его тело, но не разум, сказал он себе. Он чувствует, как мужчина, и думает, как мужчина. У него могут быть ее воспоминания, но ЕЮ он никогда не станет. Никогда. Скорее умрет. Мужественность не ограничивается тем, что у него украли. Монахи отвергают женщин, но при этом остаются мужчинами. А главное — сохранить свои взгляды и не стать таким же бессердечным, злым и жестоким, как она.

Охранник обругал его последними словами и повел назад, в камеру, где ждала Чо Дай. Чо Дай... Вспомнив о ней, он содрогнулся. Рушилась ее последняя надежда, а он... А он по-прежнему хотел ее. Он любил ее, черт возьми, — но эта любовь была обречена. Вот о чем говорил его сон!

— Мыши! Тебя так долго не было, я даже начала беспокоиться.

— Я... Я кое-что обнаружил в себе, — осторожно ответил он, прислушиваясь к собственному голосу. Он

вроде оставался прежним — или так ему кажется? Чу Ли с трудом удерживался, чтобы не рассказать ей все, ему хотелось хоть с кем-нибудь поделиться своим несчастьем, но он знал, что это сломит ее окончательно. Он не имеет права этого делать. Не сейчас. Только если не будет другого выхода.

— Обнаружил?

— Мои... повреждения... намного хуже, чем я думал. Она обняла его:

— Не волнуйся. Мы, крестьянки, умеем ждать бесконечно.

«Вот именно, бесконечно», — мрачно подумал он, но вслух ничего не сказал. Пока что единственным, что имело значение, оставался побег. Все остальное — не важно. Позже, если они останутся в живых, он сумеет как-нибудь осторожно рассказать ей все.

Что касается Чо Дай, то она решила, что Чу Ли только сейчас понял, до какой степени изувечен. Сердце у нее упало. Должно быть, они сделали его евнухом, подумала она. Впрочем, Чо Дай подозревала это с самого начала — эти изверги способны на все. Она не собиралась делать вид, что это не имеет для нее значения, но он был добр и нежен, относился к ней уважительно, и покидать его она тоже не собиралась. В конце концов, если он смог не обращать внимания на ее изувеченную оболочку, неужели она не в состоянии сделать то же самое?

Но хотя Чу Ли предпочитал спасительную ложь жестокой правде, он не мог убежать от себя. Час за часом, медленно и методично личность Сон Чин захватывала его, и он боролся. Гипнотические установки быстро сходили на нет, но одновременно биохимически индуцированная личность юноши становилась все сильнее, тверже, упорнее.

Под давлением обстоятельств даже компьютер был вынужден действовать слишком поспешно, и нетрудно

было догадаться, что результат получится в известной степени непредвиденным. Повинуясь воле Сон Чин, компьютер подавил эмоциональную составляющую ее личности, и теперь мозг, лишенный поддержки этой составляющей, как любая система, ориентированная исключительно на логику, настойчиво сопротивлялся любым изменениям. Именно это состояние воспринималось Чу Ли как борьба, но оно не могло продолжаться долго.

— Что с тобой? — озабоченно спросила Чо Дай. — Ты не заболел?

— Мне, наверное, лучше бы прилечь... — с трудом выдавил он. — Это, видимо, последствия... последствия того, что со мной сделали. Извини, пожалуйста, но, если я лягу, мне станет легче.

Напряжение воли и разума было невероятным. Чу Ли дрожал как в лихорадке и больше всего боялся, что не выдержит этого напряжения и умрет — умрет на пороге побега. О себе он не беспокоился — но что же будет с остальными? Он был для них единственной надеждой, но в любую минуту за ним могли прийти охранники, а он был не в состоянии даже пошевелиться. Постепенно перед ним раскрывалась ужасная истина: никто не подделывал разум и тело Сон Чин — он действительно был ею, а тело настоящего Чу Ли наверняка давно уже распылили на атомы — и сделали это по ЕЕ приказу! Эта мысль причиняла нестерпимую боль, но с каждой минутой он ощущал ее все слабее — Чу Ли уходил, и в нем оставалась только одна Сон Чин.

Человеческий мозг располагает многими способами решения подобных дилемм, но все эти способы — разновидности того, что мы называем суммствием. Однако в данном случае противоборствующие стороны имели одну общую цель — побег, и, чтобы примирить противников, мозг нуждался всего лишь во лжи, которую в состоянии принять обе

личности. Он нашел ее — и возникло новое, но работоспособное единство.

Внезапное откровение снизошло на Сон Чин — и борьба прекратилась. Ярость сменилась благоговением перед божественным правосудием. Когда компьютер убил Чу Ли, его душа не исчезла, а переместилась в тело Сон Чин, которая пожертвовала собственной душой во имя успеха своего начинания. Душа Чу Ли заполнила пустующий сосуд, но при этом приняла его форму, утратив собственные воспоминания. Что это было — осквернение или очищение? Какая разница? Теперь Сон Чин твердо знала лишь одно: душа Чу Ли живет в ее теле и направляет ее мысли. Воистину, это было справедливо: тот, кто погиб по вине ее семейства, ныне обладает ее телом и знаниями, и это поможет ему осуществить свою месть. Такова воля богов.

Конечно, цена была высока. Душа Чу Ли не возвысилась, она по-прежнему оставалась душой юноши, запертой в теле прекрасной женщины и наделенной ее воспоминаниями. Это была тяжкая ноша, закон божественного равновесия требовал того. Ее знания были слишком обширны и слишком опасны для арестанта, подлежащего высылке с Земли, но она не мешала отомстить, и этого было достаточно.

Но прежде всего следовало сохранить конспирацию. Истину можно будет объяснить и позже. Лежащий приподнялся и взглянул на встревоженную Чо Дай.

— Со мной все хорошо, — сказал он улыбаясь. — Теперь со мной все будет хорошо.

Она с облегчением вздохнула:

— Я уж хотела позвать охранника. Ты меня очень напугал.

Хорошо, что она не успела: в отсутствие машин, способных измерить и идентифицировать душу, самый скверный медик с первого взгляда понял бы, что перед ним вовсе не юноша по имени Чу Ли.

Он взглянул на обезображенное шрамами лицо Чо Дай. Ему, в сущности, было все равно, какое тело носить, а в его нынешнем теле ее душа могла расцвести. Ученые способны сделать поэта из садиста и просвещенного художника из простого крестьянина, подумал он, но обменивать души могут только боги. В этом было какое-то успокоение: хоть что-то в этом мире неподвластно науке и является прерогативой божества.

Наконец к ним в камеру привели Чо Май и Ден Хо. Гипноз Дена еще держался; Чу Ли надеялся, что он сохранится достаточно долго, чтобы избежать осложнений. Сестры сразу бросились друг к дружке, обнялись и немного поплакали. Ден, усмехнувшись, приветствовал Чу Ли:

— Привет, Мыши! Ну как ты?

Чу Ли улыбнулся:

— Пока живой. А ты?

Ден понимающе подмигнул.

— Никаких проблем, если закрыть глаза, — шепнул он и добавил уже серьезнее: — Им досталось гораздо хуже, чем нам. Странно, что мы направляемся в ад, а мне жаль только их. Такие вещи могут просто свести с ума.

Чу Ли взглянул на сестер, которые щебетали между собой на чистом крестьянском диалекте. Казалось, обе говорят одновременно, и, прислушавшись, он сообразил, что они пользуются чем-то вроде сокращений, выражая одним словом целую мысль. Ну и прекрасно, подумал он. Вряд ли мониторы извлекут хоть крупицу смысла из этой мешанины.

Девушкам удалось поговорить всего несколько минут. Дверь открылась, и вошел дежурный охранник.

— Встать и замолчать! — повелительно рявкнул он. — Вы переходите в распоряжение капитана корабля, который доставит вас к месту окончательного назначения!

Охранник был подтянут, как всегда, но по выражению глаз и почти незаметным непроизвольным кивкам в сторону двери было ясно, что он нервничает.

Чу Ли был несказанно удивлен, что на таком корабле вообще есть капитан. Стюард или тюремщик — да, но капитан?

Лязгнули засовы, дверь в конце коридора открылась и снова закрылась, пропустив кого-то, а потом послышались тяжелые шаги. Капитан вошел, и у всех узников мелькнула одна и та же мысль:

«Нас отдают чужеземным дьяволам!»

Карло Сабатини остановился, наслаждаясь ужасом и отвращением, написанным на их лицах. Эти четверо, похоже, никогда не видели европейцев.

— Меня зовут Карло Сабатини, — представился он на безупречном мандаринском наречии, явно впечаттанном с ментопринтера. — Я капитан межпланетного корабля «Звездный островитянин», который доставит вас на Мельхиор.

Тroe подростков побледнели, но крайний справа юноша остался невозмутимым. Он явно знал больше других, и Сабатини мысленно взял это на заметку.

— Корабль, как вы знаете, а может быть, и не знаете, полностью автоматизирован. Его пилотирует машина, принимающая решения намного быстрее, чем любой из нас; а моя работа в основном состоит в том, чтобы пассажиры и груз были в целости и сохранности доставлены на место назначения, и кроме того, я выполняю всякие формальности в портах. Я не китаец, но уверяю вас — я, как и вы, человек. Моя кровь того же цвета, что и ваша, я так же дышу, ем и пью.

Они смотрели на него с благоговейным ужасом. Капитан Сабатини выглядел весьма впечатляюще: более ста восьмидесяти сантиметров роста, не меньше девяноста пяти килограммов веса — и ни капли жира. Густые черные с проседью волосы, коротко подстрижен-

ные с боков, и черные усы. Его лицо было оливкового цвета, а у китайца это считается признаком болезни и близкой смерти. На нем был лоснящийся черный мундир, тяжелые ботинки и кожаный пояс; расстегнутая рубашка открывала грудь, всю в черных завитках. Волосы у него росли даже на руках и на тыльной стороне ладоней, что особенно изумило их. Они никак не могли отделаться от впечатления, что это не человек, а огромная обезьяна, одетая в мундир.

Один Чу Ли сохранил способность мыслить ясно. Итак, если этот иноземец летит вместе с ними, то по крайней мере один скафандр на борту есть.

— Такому большому кораблю непросто оторваться от земли, — продолжал капитан, — поэтому старт будет трудным. Вам придется лечь в горизонтально расположенные кресла и привязаться к ним, именно привязаться. Всякий, кто не будет привязан, при взлете погибнет. Поскольку кое у кого из вас может возникнуть такое искушение, на этом этапе рейса вы будете прикованы к креслам, но как только мы выйдем на орбиту и на корабле установится искусственная сила тяжести, вы получите некоторую свободу передвижения. Я не собираюсь кормить вас с ложечки и носить на руках в туалет, но не хочу иметь никаких проблем во время рейса, который, если не случится ничего не-предвиденного, продлится сорок один день. Этому кораблю не под силу межзвездные скорости.

Его слова поразили всех четверых. Даже юношам, которые хотя бы представляли себе, что такое космический корабль, трудно было осмыслить такую продолжительность полета. Это расстояние было выше их разумения.

— Не падайте духом. В другое время мог бы понадобиться и целый год. Сейчас Мельхиор расположен наилучшим образом, а потому мы должны взлетать немедленно и точно следовать программе полета. А те-

перь, поскольку нам предстоит провести вместе значительное время, я хотел бы познакомить вас с кое-какими правилами.

Они молча продолжали смотреть на него.

— Во-первых — и это самое важное, — вы зарегистрированы не как пассажиры, а как живой груз. То есть вы относитесь к тому же разряду, что собаки, кошки, куры и лошади. В кабине есть два герметизированных отсека. Один — для людей, другой — для животных. В отсеке для животных имеются только клетки, не очень большие, темные и во всех отношениях неудобные. Для начала вы будете размещены в пассажирском салоне, но, если хоть один из вас причинит мне малейшую неприятность, вы все отправитесь в отсек для животных и останетесь там до окончания рейса. Там нет даже туалета, так что подумайте хорошенько. Во-вторых, поскольку мне не хочется все время оглядываться, нет ли кого у меня за спиной, вы будете постоянно находиться на привязи. Однако некоторым из вас может прийти в голову, что я всего лишь один, и попытаться поймать меня на какой-то оплошности. Можете попробовать, но если не преуспеете, то убедитесь, что я могу вести себя очень скверно. Впрочем, предположим, что вы преуспели.

По их глазам он видел, что именно это им и пришло в голову. Обычное дело, но ему приходилось перевозить и куда более опасных людей.

— Я не могу пилотировать корабль, — продолжал он после паузы. — Я не могу даже добраться до капитанского мостика, поскольку эта часть корабля разгерметизирована. Вы тоже не сможете. вне зависимости от того, что произойдет со мной, вы все равно прибудете в место назначения. В мое тело имплантирован — я даже не знаю, куда именно — миниатюрный передатчик. Он связан с кораблем и с ретрансляторами Главной Системы. Если я умру, этот маяк прекратит

передачу. Тогда Главная Система запросит корабль и определит, была ли моя смерть естественной или насильственной. Если Главная Система установит, что меня убили, она отдаст кораблю команду, и во все отсеки поступит газ, который погрузит вас в сон, из которого невозможно вывести без антидота. Кроме того, если вы меня убьете, ваши родственники разделят вашу участь.

Только не родственники Сон Чин, подумал Чу Ли, но потом сообразил, что у нее есть двоюродные сестры, которыми семейство запросто согласится пожертвовать. Конечно, для него и Ден Хо эта угроза не имела смысла, но ради девушек нельзя было допустить ни малейшего промаха.

Ладно. До сих пор все шло согласно тому плану, который сложился у него в голове. Разумеется, Сабатини кое о чем не упомянул, но это было не важно. Чу Ли знал, как обойти и это.

— И напоследок, — уже мягче сказал Сабатини, — должен сказать вам, что я капитан корабля, а не полицейский или военный. Я доставляю грузы и людей. Если вы будете послушными и дружелюбными, наш рейс будет для вас приятным. Я отношусь к людям так, как они относятся ко мне. С тем, кто ведет себя скверно, я обращаюсь еще хуже. С тем, кто любезен со мной, я тоже могу быть любезным. Есть вопросы? Спрашивайте сейчас. Скоро взлет, и тогда уже будет поздно.

Чу Ли не хотелось привлекать к себе внимание, но ему необходимо было кое-что знать.

— Если позволите, почтенный капитан, что это за Мельхиор, куда нас посылают?

— Мельхиор — это скала около тридцати километров в поперечнике, которая обращается вокруг Солнца в поясе астероидов. На ее поверхности нет ничего, кроме нескольких маяков и единственного причала, но внутри она вся пронизана туннелями, пещерами, камерами, это целый город. Там много всего. Там про-

водятся научные исследования. Там иногда встречаются высшие администраторы, когда не хотят, чтобы за ними следили. Но главным образом это тюрьма, управляемая учеными, которые не обязаны никому повиноваться, поскольку они и так там живут. По пути я расскажу вам еще кое-что. Пока хватит?

Ден Хо нервно облизал губы:

— И... и над нами будут проводить эксперименты?

Сабатини пожал плечами:

— Понятия не имею. Боюсь, что об этом не знает никто, кроме, быть может, самых больших шишек. Но я никогда не слышал, чтобы оттуда кто-нибудь сбежал. Тому, кто попал в эту путаницу туннелей и воздушных шлюзов, никогда уже не найти дороги назад.

8. ВОРОН И ВЕДЬМА

А деревня смахивала на разворошенный муравейник. Двое лучших воинов убиты, те, кого вождь называл своими «игрушками», бежали, сам он похищен, пропала рабыня, украдены лодка, припасы, оружие — неудивительно, что в сердца жителей деревни начал закрадываться страх. Старший сын вождя собрал воинов, чтобы решить, что делать дальше.

— Они ушли на рассвете, — говорили одни. — Но течение быстрое, а погода плохая. Даже если они не утонули, мы не успеем послать слово вниз по реке и остановить их.

— Но они раззвонят об этом по всей реке, — возражали другие. — Кто будет платить нам дань, если нас перестанут уважать?

— Они будут молчать, если даже и выживут, — настаивали первые. — Этот беглый, что из Консилиума, он даже не упомянет о нас. А что касается вождя, то они, конечно, убьют его, когда он им перестанет быть нужен, если уже не убили. Вы же слышали, что говорили девушки об этой паре. От них пахнет смертью. Я говорю: похороним эту весть. Пусть всякий, кто заговорит об этом, лишится языка, а мы выберем себе другого вождя.

— А как же Ревущий Бык? — спрашивали их. — Как объяснить нам его смерть? Как ни крути, все обязательно выплынет наружу.

— Каждый знает, что он чересчур любил огненную воду. Мы просто скажем, что он напился пьяным, ему

что-то почудилось, и он прыгнул в реку. Заодно это объяснит отсутствие тела. А он никогда не вернется, чтобы рассказать, как было на самом деле.

И все посмотрели на След Черного Медведя, старшего сына вождя и его бесспорного наследника. Этот внушительный мужчина с бесстрастным лицом слушал спор, но сам в него не вступал. И вот человек, которого они уже считали вождем, заговорил.

— Все это так, но что, если отец каким-то чудом останется жив? — спросил он. Строго говоря, он был всего лишь вторым сыном вождя, но его покойный сводный брат был слишком честолюбив и чересчур тороплив. Те, кто подбивал его занять место вождя, в последний момент испугались и предали его.

— Теперь слушайте и услышьте то, что я скажу, — мрачно произнес След Черного Медведя. — Те двое, что не устерегли чужестранцев, пусть возьмут одно каноэ, а те, которые так боялись промокнуть, что позволили похитить нашего вождя, пусть возьмут другое. Если ни один из вас не доставит сюда вождя или его тело, вы, все четверо, пожелаете смерти, но не умрете. Вам ясно?

С унылым видом они кивнули.

— И еще, пошлите гонцов на юг, к нашим союзникам, по обоим берегам Миссисипи. Пусть они говорят, что вождь Ревущий Бык напился пьяным и пропал на реке, а мы ищем его и опасаемся, как бы он не попал к тем, кто затаил зло против него. И пусть они обещают большую награду тому, кто вернет к нам вождя живым, и меньшую тому, кто вернет его мертвым. Однако, если они выдадут нам и его убийц, награда будет такой же, как за живого вождя. Вы поняли? Так ступайте же!

Те, кому предстояло отправляться, занялись приготовлениями, а остальные затянули спор о том, как лучше объяснить отсутствие вождя. Перепалка по

этому поводу была в самом разгаре, когда в деревню въехали двое верховых.

Мужчина на темно-гнедом коне был кроу с северо-западных гор. Человека его племени редко можно встретить так далеко от родных мест. Он был одет в меха и оленью замшу, а лицо его, похожее на обветренную скалу, было жестким и грозным. Прищуренные глаза смотрели решительно, в углу рта была зажата недокуренная карибская сигара. С первого взгляда было ясно, что убить человека ему не труднее, чем прихлопнуть муху; а чтобы остановить его, понадобится не меньше десяти смельчаков, готовых умереть ради этого.

Однако его спутница, восседавшая на вороном жеребце, была еще примечательнее. Кроу был высок, но она была еще выше, а лицо ее казалось высеченным из черного мрамора. Вся одежда, превосходно подогнанная по ее величавой фигуре, была пошита из меха бобра и норки — даже сапоги. Руки ее выглядели гладкими, но при малейшем движении на них вспухали могучие мускулы, свидетельствующие о недюжинной силе. Глаза ее были холодны, осанка — надменна. Мужчина — сотрудник Агентства Кроу — работал на службу безопасности Консилиума, а заморская гостья, несомненно, занималась такой же работой в своей дальней стране.

Они подъехали прямо к месту собрания племенного совета, но спешиваться не стали. Кроу окинул собравшихся таким взглядом, словно хотел перерезать всем глотки. На лице его спутницы застыло выражение, ясно говорящее, что она предпочла бы устроить им более медленную кончину.

Проклиная все на свете, След Черного Медведя со вздохом поднялся на ноги. У него было много младших сводных братьев, каждый из которых не задумался бы занять его место.

— Я, След Черного Медведя, правлю этим племенем как вождь, до возвращения моего отца, — сказал он на своем родном языке, нимало не заботясь, поймут ли его незваные гости. В конце концов, это были их трудности. По сути дела, он даже надеялся, что у них не найдется с ним общего языка. Может быть, тогда они уйдут ни с чем. — Если вы пришли с миром и дружбой, добро пожаловать к нашему гостеприимному огню.

— И где же твой отец, сыночек? — спросил кроу низким, резким и во всех отношениях неприятным голосом. Наречием Иллинойса он владел в совершенстве, но След Черного Медведя подумал, что так мог бы заговорить оживший мертвец.

— Тебе нет нужды нарушать Завет, — храбро ответил он, понимая, что смелость — единственное, что уважает его собеседник. — Если бы я пришел в землю кроу и заговорил так с человеком моего положения, твои соплеменники растянули бы мою шкуру на кольях. Вы можете взять мою жизнь или отдать свои, но я не собираюсь ронять достоинство моей деревни и моего племени перед любым гостем, кем бы он ни был.

Его речь, казалось, произвела впечатление и даже немножко смущила кроу.

— Мы, знаешь ли, действуем от имени Консилиума, — угрожающе промолвил он, но уже одни эти слова показывали, что он немного колеблется. Он явно не привык, чтобы ему кто-нибудь перечил, за исключением, может быть, его спутницы.

— Вот как? Однако даже это не дает тебе права так обращаться с теми, кто предлагает тебе гостеприимство. Я сомневаюсь, чтобы Консилиум одобрил путь, которым ты следуешь.

Кроу улыбнулся; на его лице улыбка выглядела нелепо и неестественно. Чернокожая женщина хранила бесстрастное молчание.

— Ты прав, — неожиданно согласился кроу, и в толпе явственно послышались вздохи облегчения. — Но обстоятельства чрезвычайные, сынок, а наше задание важнее любого Завета, хоть это, впрочем, не извиняет дурных манер. Ты не сможешь выговорить мое имя на своем языке, так что называй меня просто Вороном. Все так делают. Имя этой леди непереводимо, но в твоем языке есть подходящие звуки. Ее зовут Манка Вурдаль, она с Карибских островов, а я — с западных гор. Лишь по тому, что она здесь, ты можешь сообразить, что дело нешуточное.

Сын вождя степенно кивнул. Тропические Карибские острова входили в состав Южноамериканского региона; они не сотрудничали со здешним Консилиумом и не имели на этой земле никакого влияния. След Черного Медведя подозревал, что именно поэтому она путешествует в обществе кроу: хотя это были не его родные места, но человек Консилиума — это человек Консилиума, независимо от того, откуда он родом.

— Мы разыскиваем мужчину. Лет под сорок, хайакут, историк Консилиума на рекреации. С ним может быть женщина-хайакутка, среднего роста, хорошо сложенная, чуть-чуть за тридцать. Я знаю, что это за место и чем вы тут живете. Мы потеряли их к северу отсюда; сомневаюсь, чтобы они могли миновать вас.

След Черного Медведя вздохнул:

— Они здесь были. Они... этим утром они украли каноэ и пустились вниз по реке.

Кроу сурово взглянул на него:

— Примерно в три часа утра, и с твоим отцом в качестве заложника, насколько я понимаю. — Сын Ревущего Быка открыл было рот, но кроу жестом заставил его замолчать. — Не беспокойся. Я не встречался с теми, кого мы ищем, но на Миссури слухи разносятся быстро. И потом, я вижу тут двух свеженьких покойников.

— Мой отец и некоторые из тех, кому он доверял, были чересчур беспечны, — сказал След Черного Медведя, понимая, что скрывать правду бессмысленно. — Нам казалось, что эти двое не представляют опасности. Их каноэ опрокинулось. Они пришли к нам нагими...

— Ну да. Совершенно беспомощными. А потом они оказались настолько любезны, что прихватили с собой вашего вождя, и теперь вы собрались помолиться Великому Духу, чтобы им не вздумалось прислать его обратно. Так, что ли?

— Нет. Уже послана погоня вниз по реке, и мы снаряжаем пеших гонцов, чтобы уведомить дружественные нам племена. Я надеюсь добыть их скальпы и вернуть отца живым.

Ворон повернулся к чернокожей и заговорил на языке, которого окружающие не понимали:

— Вероятно, они потеряли каноэ, когда проходили гипнощит. Сегодня рано утром, пять, а то и шесть часов назад, они сбежали вниз по реке, прихватив с собой вождя. Что скажешь?

— Думаю, нам лучше держаться реки, — ответила карибянка, даже не повернув головы, — хотя догнать мы их вряд ли догоним. К тому же нам придется все время переправляться с берега на берег. Пожалуй, мы недооценили нашего историка и его туземную женушку, но ведь ты говоришь, что у него ничего нет?

— Ничего осязаемого, но он не пустился бы в бега, если бы не прочел все, от корки до корки. Он знает, о чем говорилось в этих документах. Он один во всей округе мог их прочесть — и нате вам, именно он их и находит! Да черт с ними, с документами! Теперь документ — это он сам.

Она кивнула:

— Хорошо. Ему приходится скрываться и от Консилиума, и от этих людей. Он будет двигаться небыстро и осторожно.

Кроу снова перешел на наречие иллинойс:

— Ты знаешь, куда он собирался податься?

— Отец говорил, что он хочет добраться до Нолинза. У него возникли трудности, и он ищет какого-то союзника в Консилиуме.

Ворон ненадолго задумался.

— Бегущий по Грязи! Только он! — сказал он чернокожей женщине на карибском английском.

— Кто такой этот Бегущий по Грязи?

— Резидент. Собственно, он уже старай. Обосновался где-то в болотах южнее Нолинза.

Она снова кивнула:

— Хорошо. Значит, ему придется держаться реки. Путь до Нолинза неблизок, а для того, кто вынужден опасаться даже собственной тени, он будет еще длиннее. Значит, дальше мы отправимся по воде.

— Да, но эти растрепы даже не в силах изловить сетью собственный обед, а мы не знакомы с этими местами и сможем только идти по его следам.

— Ну и что? — спокойно ответила карибянка. — В конце концов, это всего лишь даст ему отсрочку. Мы ведь знаем, куда он направляется.

— Ага. А если на него натравят Вала?

— А если бы эти пираты убили его, что тогда? Судя по тому, что произошло здесь, он может добраться до Нолинза даже с Валом на хвосте. Кроме того, Вал не способен оценивать шансы. Он будет тупо обшаривать всю реку, хотя она все равно ведет к Бегущему по Грязи. Мы должны первыми добраться до них.

— А ты не подумала, что Вал вполне может оказаться на хвосте у нас? Что бы он ни нашел, это Нечто. Нечто такое, ради чего он бросил все и бежал как безумный. Нечто такое, что за этим посыпали по крайней мере одного Вала, а может быть, пошлиют всех.

— Ты часто бахвалился, что можешь одолеть Вала, и тогда у тебя будет случай проверить это на практике. Пошли. Здесь нам больше нечего делать.

— Да, — вздохнул он. — Хотя здесь все люди — нашего сорта.

Ревущий Бык знал эту часть реки, как собственную ладонь, а кроме того отлично разбирался в равновесии, перекладке груза и прочих способах провести перегруженное каноэ через бурные пороги и небольшие водовороты. Они многому научились у него и без особых приключений миновали то место, где могучее течение Миссури врезается в воды Миссисипи. Из предосторожности Козодой постоянно держал пленника на борту, но вождь быстро перешел в их балансе из пассива в актив.

Дважды какие-то люди подплывали к ним в каноэ, и дважды старый вождь подтвердил свою честность, благополучно проведя обе беседы. У Козодоя имелось сильное подозрение, что встреченные ими воины если не знали, то по крайней мере догадывались, что происходит на самом деле, но едва подавляемые смешки ясно показывали, что они любят Ревущего Быка ничуть не больше, чем любого другого. Они просто соглашались принимать от него взятки, и коль скоро не было объявлено общей тревоги и не пришла весть о большой награде, не беспокоились, видя старика в затруднительном и рискованном положении. В любом случае они могли отговориться тем, что не были уверены, однако у вождя были все возможности выдать тех, кто его захватил, но он почему-то не сделал этого.

Там, где сливались реки, как знал Козодой, когда-то стояли несколько оживленных городов. Теперь по обоим берегам реки росли девственные леса, и даже основания древних мостов давно пали жертвами могучего речного течения.

— Ну вот настала пора пожелать тебе всего наилучшего, — сказал он старому вождю. — Вставай, да смотри не опрокинь каноэ.

— Вставать? Но ты сказал, что отпустишь меня, как только мы пройдем устье Миссури!

— И намерен сдержать слово. Ты можешь покинуть нас прямо сейчас.

Старик огляделся:

— Мы же на середине реки!

— Большего я не обещал. Плавать ты умеешь и рано или поздно доберешься до берега. А мы тем временем будем уже далеко.

Старый вождь злобно уставился на него:

— Будьте вы прокляты! Я уже сейчас вижу троих ходящих мертвцевов. Раньше или позже, через часы или через дни вас настигнут те, с кем вам уже не управиться. И тогда вам придет конец.

— Прыгай, толстяк. Это наши трудности.

Старый вождь одарил его последним свирепым взглядом, прыгнул в реку и вскоре исчез за кормой.

Каноз, освобожденное от его тяжести, оказалось намного удобнее в управлении, и вести его стало едва ли не удовольствием. Почти без усилий они обходили тополяки и удерживались на стремнине.

— И куда же теперь, мой свирепый воин? — весело спросила Танцующая в Облаках.

— Следи за обрывом по правую руку и, если увидишь копающих землю людей, скажи мне. Впрочем, я думаю, до них еще несколько часов пути. Я слышал, как торговцы говорили, что где-то здесь ведут раскопки археологи из Консилиума, и хочу у них кое-что поизвестовать.

— Археологи? Что за археологи?

— Они ищут останки людей, которые жили здесь задолго до наших предков. Они хотят знать, какой была их жизнь.

Танцующая в Облаках возмущенно взглянула на него:

— Останки? Это грабители могил?

— Они не грабят мертвцевов, а только хотят узнать, как жили, трудились, мыслили древние. Только благодаря им мы так много знаем о наших предках.

Она немного подумала:

— Все равно это грабители могил. Ты можешь называть, как тебе угодно, но живым не подобает тревожить мертвых.

Козодой пожал плечами. Возразить ему было нечего. В конце концов, археологи и в самом деле настоящие грабители могил, и разница здесь только в побудительных мотивах.

— И что же такое есть у этих могильных воров, что может нам понадобиться? — спросила Танцующая в Облаках.

— Они стараются выглядеть, как здешние жители, но на самом деле это не так, и как правило, где-то поблизости спрятана одна из машин Консилиума, которая мне нужна. Кроме того, у них есть припасы, а начальник экспедиции — это тебе не Ревущий Бык.

— Ты хочешь сказать, что мы будем их грабить?

Козодой усмехнулся.

— Тебя волнует, что мы ограбим каких-то могильных воров? — спросил он, и совесть Танцующей в Облаках успокоилась. Гораздо труднее было объяснить Молчаливой, что убивать никого не надо и даже ранить не следует, если можно без этого обойтись. Им нужна была еда и товары для обмена в низовьях реки, но больше всего Козодой рассчитывал на портативный ментопринтер. Общий язык был бы очень полезен, хотя он сомневался, что у археологов найдется хайакутский картридж. Он не мог вернуть Молчаливой язык, но в его силах было научить ее понимать других.

Молчаливая пока что вела себя превосходно. В ее глазах появилась жизнь, и, похоже, она даже научилась радоваться. Конечно, понять, что на самом деле происходит в ее голове, было невозможно, да Козодой и не был уверен, что хочет это знать. Честно говоря, его это просто пугало.

Старый вождь не обманул насчет ее татуировок. Они покрывали все тело, разноцветные, похожие на сложный узор вышитых покрывал. На Танцующую в

Облаках как на художницу они произвели огромное впечатление, а Молчаливую ничуть не смущал ее явный интерес к ним. Скорее она была польщена. Татуировки были распространены у многих племен, но Козодой никогда не видел человека, буквально одетого в них. Того, кто это сделал, по праву можно было признать истинным художником. Они выглядели гротескно, но этот гротеск был не лишен привлекательности.

Ей так и не удалось отстирать от крови свое платье, и в конце концов она выбросила его в реку. Жест был более чем символический: выбрасывая единственное, не считая заплечного мешка, напоминание об Иллинойсе, она обрывала последние нити, связывавшие ее с прошлым, и нагой вступала в новую жизнь. Впрочем, благодаря своим татуировкам издали она все равно выглядела одетой.

Лагерь археологов они заметили только к следующему полудню. Козодой затащил каноэ в прибрежные кусты и замаскировал как мог.

Лагерь состоял из традиционных передвижных хижин — типи, и некоторые из них были довольно велики, хотя раскопки не казались особенно обширными. С десяток юношей и девушек из самых разных племен трудились под руководством пожилого седовласого мужчины. В большинстве своем они были одеты так же скучно, как Козодой и Танцующая в Облаках, хотя их набедренные повязки были фабричного производства, а полосы ткани свисали с изящных поясов, снабженных петлями и зажимами для разнообразных инструментов. Работы уже продвинулись довольно далеко, и похоже было, что скоро они свернут лагерь.

Танцующая в Облаках была поражена. Уже один только вид мужчин и женщин, трудящихся вместе, был для нее необычен, а то, что люди стольких разных народов работали сообща, без тени страха или взаимной вражды, вообще не укладывалось у нее в голове.

Археологи явно решили быть поближе к природе, и их лагерь сильно смахивал на стойбище какого-нибудь равнинного племени, только одно типи, самое большое, у них стояло отдельно. Оно было тщательно и умело защищено от сырости, но даже Козодой никогда еще не видел типи, у которого входной полог застегивался бы на «молнию».

Наверное, у них были хорошие отношения с окрестными племенами. Никаких признаков мер безопасности. Они жили точно так же, как коренные обитатели этой земли, и тот, кто не знал, на что следует смотреть, увидел бы не более чем временное поселение незнакомого племени. Вскоре в лагере остались только двое: юноша и девушка; предполагалось, что они должны готовить на костре еду, но они были больше заняты друг другом, чем своими прямыми обязанностями. Раскопки находились почти в километре от лагеря, и оттуда доносился веселый гомон. Поначалу Козодой собирался начать операцию с наступлением темноты, но, поразмыслив, отказался от этого плана.

— Очень может быть, что они договорились с местными племенами насчет охраны на ночь, — сказал он Танцующей в Облаках.

Она поглядела на влюбленную парочку:

— Этих двоих одолеть нетрудно. Если подождать еще немного, они так увлечутся, что даже не заметят нас.

— Похоже, что так. — Он взглянул на солнце. — У них наверняка будет перерыв для обеда. Того самого, что варится на костре. Подождем, пока они пообедают, а заодно узнаем их распорядок. Не стоит прибегать к насилию, если можно обойтись и так. Эти люди нам не враги.

В конце концов выяснилось, что постоянно в лагере остаются только двое. Этот порядок был нарушен только однажды, когда седовласый руководитель раскопок и еще двое принесли в лагерь нечто большое, плотно укутанное тканью.

— Они откопали мертвеца, — прошипела Танцующая в Облаках.

— Все здешние мертвецы давным-давно рассыпались в прах, — утешил ее Козодой. — Скорее это какое-то древнее оружие, а может быть, идол.

Пришедшие положили находку на землю и расстегнули полог большой палатки. Старший заглянул внутрь, выругался и вышел, явно разозленный. Археологи говорили на английском, который, наряду с испанским, был рабочим языком здешнего Консилиума.

— В такой теснотице мы его точно сломаем, — кипятился он. — Придется искать другое помещение.

— В деревню нести тоже нельзя, — заметила девушка, одна из его помощниц. — Наверное, лучше всего пока завернуть его еще в один брезент и договориться, чтобы его вывезли в первую очередь.

— Ну, это только часть целого, — заметил главный археолог. — Думаю, мы доберемся до остального часа через три-четыре. Рискнем пока оставить его здесь, а потом упакуем и отправим все вместе.

Козодой поймал себя на том, что ему очень хочется знать, что они имеют в виду под словом «его», но любознательность уже причинила ему достаточно неприятностей. После ленча в лагере, как всегда, остались двое, они были заняты уборкой.

— Теперь наше время, — сказал он Танцующей в Облаках. — Постарайся, чтобы Молчаливая тебя поняла. Действовать надо быстро. Держи лук наготове и, если я сделаю рукой вот так, стреляй не задумываясь, но постарайся ни в кого не попасть. Впрочем, будь готова, что они начнут орать или сопротивляться.

— И что тогда? — спросила она.

— Тогда хватаем все, что попадется под руку, и бежим. Я уже сказал, что не хочу проливать кровь, но если придется выбирать между нами и ними, то я предпочитаю нас.

Танцующая в Облаках кивнула, а Козодой просто встал и открыто пошел к лагерю археологов. Дежурные заметили его не сразу, а когда заметили, то уставились на него с явным испугом.

— Успокойтесь и не вздумайте звать на помощь, — сказал он на неважном английском. — Я не хочу вам угрожать, но в кустах под деревьями скрываются люди с оружием наготове.

— Какого черта? — возмутился юноша. — У нас есть разрешение от хозяев здешних мест.

— Я не принадлежу к хозяевам здешних мест, — ответил Козодой, — и времени у меня мало. Это ограбление, но вполне цивилизованное и умеренное. Будьте добры успокоиться и подождать в сторонке.

— Он блефует, — твердо сказала девушка. — Нет там никого под деревьями.

Козодой шевельнул рукой, и стрела вонзилась в землю в полуметре от левой ноги юноши.

— Кто ты такой и что тебе нужно? — испуганно спросил юноша.

— Кто я такой, к делу не относится, но кое-кто в Консилиуме хотел бы немедленно переговорить со мной, а у меня нет настроения для такого разговора. Впрочем, мне даже не нужно страшить вас воинами, прячущимися под деревьями. Стоит мне сообщить вам один-единственный факт, который мне известен, как вы, а вместе с вами и все остальные, будете убиты Консилиумом. Поняли?

Они поняли. Они знали правила и, вероятно, догадывались, почему он в бегах. Запретное знание. Дамоклов меч всех исследователей, работавших в Консилиумах низшей ступени.

Козодой подошел к большому типи, расстегнул «молнию» на входном пологе и вошел. Возле входа висела маленькая аккумуляторная лампа, и он включил ее.

Внутри был полный кавардак, но Козодой знал, что искать: ящик длиной примерно метр, высотой полмет-

ра, весом килограммов двадцать, возможно, снабженный ручкой для переноски. Нелегкий, но довольно удобный. Он нашел этот предмет без особого труда, потому что им пользовались достаточно часто и не задвинули в дальний угол. В отдельной упаковке лежало с десяток картриджей, снабженных черными наклейками. Пошарив еще, он обнаружил маленькую аварийную станцию связи и немного потрудился над ней — ему не хотелось, чтобы археологи успели вызвать кого-нибудь, прежде чем он уйдет достаточно далеко. Правда, работающий ментопринтер нетрудно было выследить, но он рассчитывал покончить с делами до того, как кто-то узнает, что и где следует искать.

Он был рад, не обнаружив на выходе делегацию по встрече незванных гостей; двое дежурных по-прежнему топтались на месте, растерянно оглядываясь и явно не понимая, что им делать. Увидев, что он несет, они выпустили глаза от удивления. Это было невероятно, неслыханно. Полевые экспедиции, случалось, подвергались нападению, но кража портативного ментопринтера — это уже совсем непостижимо.

Впрочем, Козодой думал не только об этом.

— А где тут у вас винный погреб? — спросил он.

— Что?

— Слушай, я теряю время и терпение. Где у вас держат выпивку?

По его тону они поняли, что лучше не спорить.

— Вон там, — показала рукой девушка. — Ящик в типи доктора Какуку.

Козодой жестом подозвал Молчаливую и показал ей, куда идти. Увидев нагую женщину, покрытую татуировками, молодые люди изумились еще больше, но про себя отметили, что описать похитителей будет довольно легко. Доктор Какуку употреблял продукт высшего качества, не то что тот горлодер, который гнали в Иллинойсе. Козодой хотел забрать все, но Молчаливая огра-

ничилась коробкой с примерно двадцатью полулитровыми бутылками. Что ж, и это неплохо.

— Стойте, как стоите, — сказал он на прощание. — Мои люди проследят за вами и пустят стрелу в землю, когда будут уходить. После этого сосчитайте до пяти сотен — и вы свободны.

Подхватив добычу, они с Молчаливой побежали к кустам.

— Последи за ними, — сказал Козодой Танцующей в Облаках. — Если они попробуют двинуться раньше времени, припугни их. Если нет, дай нам пару минут, а потом беги к каноэ. Надо спешить, пока они не собрались с мыслями.

Она кивнула, Козодой вместе с Молчаливой загрузил каноэ и как раз сталкивал его в воду, когда наконец появилась Танцующая в Облаках.

— Я уже собирался идти на выручку, — с облегчением заметил он.

Она рассмеялась:

— Девушка оказалась очень храброй и решила, что ты пошutil. Я пустила стрелу поближе к ней, так что теперь они, наверное, простоят много лет, как резные тотемы!

Они выбрались на стремнину и понеслись на юг. Этим вечером Козодой решил разбить лагерь на восточном берегу, чтобы сбить со следа преследователей, но сначала он хотел ненадолго остановиться, использовать ментопринтер, потом бросить его и до наступления темноты проплыть еще несколько километров.

Он высмотрел подходящее место, подогнал каноэ к берегу и начал распаковывать и налаживать принтер. Женщины наблюдали за ним с беспокойством: такие вещи считались чернейшей магией.

Большая часть картриджей имела отношение к местным языкам или языкам участников экспедиции и явно была подобрана так, чтобы облегчить взаимопонимание. Были здесь также справочные записи о

местной культуре и о самой местности, существенные для такого рода утомительных работ. Козодой остановился на картриджах, помеченных «Кросс-Англ» и «Кросс-Испан». Они базировались на перекрестных ссылках и заставляли мозг связывать уже известные слова, термины и фразы с соответствующими словами на английском и испанском языках. Это не был курс языка в строгом смысле слова: тот, кто им пользовался, говорил с акцентом и не знал тех слов, на которые не существовало ссылок, но все-таки позволял общаться.

Козодой выбрал английский единственно потому, что из всех известных ему языков у него был самый обширный словарь, а значит, и хорошие шансы на то, что в нем отыщутся соответствия для слов менее распространенных языков.

Танцующая в Облачах с нескрываемым недоверием рассматривала ящик.

— Для чего нужна эта вещь?

— Она научит тебя языку, на котором я разговаривал в Консилиуме. На слух он неприятен, но, к сожалению, мы не можем научить Молчаливую понимать по-хайакутски, так что придется пользоваться им, чтобы мы трое могли объясняться. Он пригодится нам и впоследствии, потому что им пользуются многие. Прошу тебя. Ты должна это сделать ради меня и ради своего собственного блага.

Она все еще сомневалась:

— А ты не мог бы проделать это с Молчаливой, а потом переводить?

— Нет. Ну, давай! Это же так просто! И потом, посмотри на Молчаливую. Если ты откажешься, то она и подавно.

Тут ему на глаза попался картридж с надписью «Выживание».

— Вот еще одна полезная вещь, — сказал он. — Насколько я понимаю, она учит, как выжить среди дикой природы, ничего не имея. Это нам тоже понадобится.

добится. Пожалуйста, сядь. Это совсем не больно, а когда проснешься, будешь все знать.

Танцующая в Облаках беспокойно взглянула на Молчаливую, потом на него и вздохнула:

— Ну что ж... Что мне делать?

— Ложись и устройся поудобнее. Я надену тебе это на голову, так, чтобы эти маленькие выступы везде касались кожи. Ну, вот...

Он вставил картридж и включил питание. Принтер работал бесшумно, но на панели замигали три маленьких огонька. Молчаливая уставилась на них так, словно перед ней была трехголовая кошка.

Он нажал кнопку пуска и присел на траву, дождаясь, пока программа отработает до конца. Молчаливая села рядом. Она пристально смотрела на машину — с некоторым подозрением, но без явного страха.

Когда принтер, щелкнув, отключился, Танцующая в Облаках еще спала. Козодой воспользовался этим, чтобы сменить картридж «Кросс-Англ» на «Выживание». Он решил, что не будет особой беды, если пропустить его на всех троих, а польза могла оказаться немалой.

Когда отключился и этот картридж, Козодой разбудил Танцовщую в Облаках. Она открыла глаза, взглянула на него, улыбнулась, встала, отошла от машины и снова прилегла.

Молчаливую уговорить было гораздо труднее, но она знала, что мужчина никогда не сделает ничего, что могло бы повредить его женщины, и, видя, что с Танцовщицей в Облаках ничего плохого не случилось, в конце концов согласилась.

«Кросс-Англ» отработал, и Козодой запустил «Выживание». Разбудив Молчаливую, Козодой напялил шлем на себя и вновь включил «Выживание». Ему это было гораздо нужнее, чем обеим женщинам.

«Выживание» оказалось именно тем, что нужно, и даже больше того. Он обнаружил, что способен с пер-

вого взгляда узнать, съедобны ягоды или ядовиты, какая вода безопасна, а какая нет, как найти укрытие или построить его практически в любых условиях, как соорудить оружие из подручных материалов и как пользоваться им. Здесь была еще программа кондиционирования, направленная на некоторые внутренние запреты. Мысль о том, чтобы съесть сырую лягушку или толченых насекомых, больше не вызывала отвращения, а стыдливость была совершенно отброшена.

Программа предназначалась для применения в полевых условиях, в окружении друзей и соратников, которые могли быстро вернуть человеку чувство реальности и перспективы. Затем она переходила в пассивный режим и, если в ней не возникало необходимости, никак себя не проявляла. Это был способ привить науки выживания, заимствованные у самых примитивных дикарей, любому цивилизованному человеку и при этом не превратить в дикаря его самого.

Козодой проснулся первым и взглянул на спящих женщин. Он помнил, кто он такой и кто они; все его воспоминания остались в неприкосновенности, как и знание цели. Однако теперь он остро чувствовал опасность и был готов действовать быстро. Когда он поднимался, его потрепанная набедренная повязка зацепилась за ветки. Он разорвал тонкую веревку и отбросил одежду. Повязка только мешала. Одежда, защищающая от непогоды, должна быть практической; он не мог понять, почему до сих пор носил на себе эту тряпку. Лучше было дать коже закалиться.

Устав, они проспали гораздо больше, чем следовало. Теперь, наверное, уже поднята тревога. Он отнес ментопринтер и картриджи к реке и бросил в воду. Они не утонули сразу, и ему пришлось прыгнуть за ними и немного помочь; наконец футляры наполнились водой и пошли ко дну.

Когда он вернулся, Танцующая в Облаках уже проснулась и одобрительно глядела на него. Он даже не

заметил, что она тоже сбросила одежду, теперь это было в порядке вещей. Он спросил ее по-английски, чтобы удостовериться, что урок усвоен:

— Ну как ты?

— Все как-то по-другому, — ответила она; у нее оказался довольно странный акцент, но речь была вполне понятна. — Не могу сказать, как именно.

— Вставай, Молчаливая, — коротко приказал он. — Мы проспали слишком долго, и теперь надо спешить, пока сюда не нагрянули враги.

Никто из них не мог бы четко сформулировать суть произошедших перемен, но разница была огромна. Больше они не чувствовали верности ни своему племени, ни народу, ни даже особого родства с ними. Их племя состояло из них троих, и основной задачей было выживание племени, а что касается индивидуумов, это второстепенно. Окружающий мир состоял из врагов, доверять можно было только двум людям. Как единственный мужчина в племени Козодой по определению был вождем, и этот вопрос даже не обсуждался.

Молчаливая пришла в восторг, обнаружив, что может понимать их речь. Это было какое-то чудесное волшебство, восстановившее ее в этом мире.

— Начиная с этого момента, мы будем пользоваться только одним языком, — сказал он Танцующей в Облахах. — Этот язык всегда объединял племена, пусть теперь он объединит и нас.

Молчаливая кивнула, еще не оправившись от изумления.

— Теперь уйдем подальше отсюда, так далеко, как только сможем. Я не знаю, была ли зафиксирована работа этой машины, но обязан предполагать худшее.

Они вернулись к каноэ, которое, учитывая их новое мировоззрение, показалось им подлинной роскошью. Они пересекли реку прежде, чем зашло солнце, и медленно, осторожно поплыли вдоль берега, пока не отыскали подходящее место для ночлега. Работая, как

один человек, они уничтожили или замаскировали все следы своей высадки и отнесли каноэ на порядочное расстояние от воды.

Теоретически, основываясь на прошлом опыте, Козодой понимал, для чего была разработана эта программа и что она делала сейчас, но не сопротивлялся ей. Это был счастливый случай, и он намеревался сполна им воспользоваться. Что касается женщин, то они, разумеется, не понимали ничего и, естественно, не могли воспротивиться. У всех людей приоритетами являлись сначала семья, затем племя и, наконец, народ. Программа выживания перемешала эти три категории. Теперь женщины были верны ему, а он — им, потому что они сами были и своим племенем и своей семьей. Пугающая дикая природа и грозная, но могучая река были их друзьями и союзниками против всех остальных племен и народов.

Козодой достал одну из бутылок, позаимствованных у главного археолога, и откупорил ее. Теперь они могли жить, как примитивные охотники и собиратели, но ни охотой, ни собирательством в незнакомом ночном лесу заниматься нельзя. Еда подождет до рассвета.

— Наши силы поддержит этот огненный напиток, называемый бурбон, — сказал он. — Хотя, если выпить его слишком много, наутро голова будет мутной. Выпьем в знак того, что отныне мы все — одно целое.

Женщины выпили и закашлялись.

— Он греет изнутри, словно огонь, — заметила Танцующая в Облаках. — Теперь я понимаю, почему его называют огненным питьем.

Когда бутылка опустела, Козодой разбил ее о камень и, выбрав подходящий осколок, обмыл его в реке.

— Раньше у меня была одна жена, которая стоит здесь передо мной. Теперь у меня две жены, но они к тому же еще и воины, не менее отважные и искусные, чем любой мужчина. — Молчаливая всхлипнула, и он понял, что до сих пор она считала себя рабыней — его

рабыней. — Сегодня мы смешаем свою кровь и этим свяжем себя навечно.

Они принесли клятву на крови, а потом, наслаждаясь новым чувством общности и сознанием того, что они в безопасности, две женщины любили его, а он — их, пока наконец не уснули, обнявшись.

— Значит, вы стояли, как распоследние олухи, и смотрели, как он уносит этот чертов ментопринтер? — Ворон был ошеломлен.

— И еще двадцать бутылок доброго бурбона, — скорбно добавил старший археолог. — Это была всего лишь портативная установка. Непрограммируемая. Представить не могу, зачем она ему понадобилась.

— Чтобы сделать своих паршивок лингвистками, — рявкнул Ворон, — и тем самым значительно облегчить себе жизнь. Ну-ка, быстро, какие там были нелингвистические картриджи? Я хочу точно знать, с кем и с чем нам теперь предстоит столкнуться.

Услышав про картридж «Выживание», Ворон длинно и витиевато выругался.

— Этого-то я и боялся, — сказал он Манке Вурдаль. — Теперь, чтобы набить брюхо, им не нужно выходить к людям. И вероятно, они будут лучше управляться с каноэ.

— Я посмотрела карты, — ответила она. — Достигнув юга Арканзаса, они попадут в густонаселенный район, где проходят оживленные торговые трассы. Он выбрал это место потому, что там постоянно ошиваются люди из Консилиума, и он не будет особенно выделяться. Но татуированная женщина очень заметна, и я не могу понять, зачем он таскает ее с собой. Он же должен это сообразить.

— Пережиток цивилизации, — пояснил Ворон. — Он принял на себя обязательства; а этот парень — человек чести. Однако чем больше людей, тем труднее

обнаружить его лагерь с помощью сенсоров, а некоторые племена в низовьях чертовски раздражительны. Слово «Консилиум» не производит на них никакого впечатления. Я чувствую, что придется нам собирать вещички, вызывать скиммер и встречать их в берлоге Бегущего по Грязи.

— Только в самом крайнем случае. Если мы спугнем их на этих трясинах, нам придется либо убить его, либо потерять навсегда. Мы не знаем, что он задумал, в отличие от него, а он целеустремленный человек. Ка-како бы ни было это его запретное знание, он считает, что за него можно заплатить любую цену.

— Н-да, вынужден согласиться, что шансы у нас неважные, — сказал Ворон. — Он там чужой, но и мы тоже и, прошу прощения, выглядим не менее подозрительно, чем он. Болота одолеют любого, кто попытается сражаться с ними, а не жить в мире. У тебя есть идеи?

— Только одна. Наше преимущество: мы знаем, что он будет держаться поближе к реке и, вероятно, передвигаться по ней. Его подгоняет время, а река — самый быстрый путь. Кроме того, нам известно, как они выглядят и куда направляются. Надо попытаться перехватить их, а не преследовать. Давай-ка посмотрим карту.

Карты Миссисипи быстро устаревали, но эта была самой свежей. Длинный черный палец указал на точку, расположенную довольно далеко к югу.

— Здесь, — сказала Вурдаль. — Тут она узкая, и посмотри, как петляет. Здесь мы устроим им кораблекрушение.

Ворон кивнул:

— Добро. Если только они не переволокутся через вот эту косу.

— Охотно предоставлю им такую возможность. Карты у них нет; река полноводная, но может начать мелеть в любой момент. Они не могут переволакивать каноэ через каждый слепой рукав, иначе им придется обедать чаще, чем мочить весло. На каноэ они туда

доберутся примерно за три дня. На скиммере мы будем там через несколько часов. Как раз успеем все приготовить.

Ворон опять кивнул:

— Ладно, я согласен. Что ни говори, это лучше, чем болота. Но если мы не возьмем их здесь, то останется только Бегущий по Грязи.

Карибеканка загадочно улыбнулась:

— Тогда мы увидим, не пережил ли он уже свою репутацию легендарного любовника.

Программы и данные, введенные с портативного ментопринтера, со временем обычно затирались; стабильность обеспечивали только те приборы, которые были соединены с Главной Системой. Но чем больше использовался впечатанный навык, тем сильнее он закреплялся, и поэтому Козодой настаивал, чтобы обе женщины буквально даже думали по-английски, и только по-английски.

Что касается программы «Выживание», то она представляла собой нечто вроде аварийной аптечки, которую берут в дорогу, надеясь, что она не понадобится, поэтому в обычных условиях ей требовалось регулярное обновление. Но стоило привести ее в действие, как ее влияние начинало расти; при чересчур активном использовании она могла зажить собственной жизнью, полностью заменив собою последние остатки сложной и утонченной культуры — например, хайакутской. Программа была построена так, что с успехом проделывала это даже с теми, кто родился и вырос в Консилиуме и целиком являлся продуктом высокотехничной цивилизации. Танцующая в Облаках и Молчаливая происходили из других обществ, культуры которых были очень сложны и по-своему не уступали Консилиуму, но были намного ближе к природе. Покров цивилизаций у них был гораздо тоньше. Авторы

программы полагали, что эту проблему можно будет решить после поиска и спасения потерявшегося человека. Действительно, детская игра для Главной Системы, но Козодой понимал, что они вряд ли когда-нибудь окажутся рядом с ее терминалами.

Впрочем, теперь хотя бы еда не была для них проблемой. Они стали настоящими мастерами в том, что у них и так уже неплохо получалось. Козодой попадал в цель почти не целясь, Танцующая в Облаках воспринимала копье как продолжение собственной руки, а Молчаливая могла сбить птицу на лету камнем или ножом. Программа была настроена на развитие того, что уже имелось, а с точки зрения выживания они имели не так уж мало.

Мелкие недомогания, ушибы, царапины, ссадины больше их не тревожили, но, опасаясь переломов или серьезных повреждений, Козодой настоял на предельной осторожности.

Кроме того, его вновь начали одолевать сомнения. А вдруг Бегущий по Грязи не узнает в грязном дикаре своего старого друга? Что, если он их выдаст? И наконец, а это вполне вероятно, просто не захочет помочь? Конечно, открыв ему тайну колец, можно было бы просто-напросто заставить его, но Козодой не хотел этого, и мысли его потекли в другом направлении.

Он вынужден был согласиться, что сейчас он счастлив как никогда. Он был свободен, любим и даже начал подумывать, не сымитировать ли собственную смерть, чтобы сбить с толку преследователей, а потом прибиться к какому-нибудь племени и зажить той жизнью, которая ему по душе. Правда, средний возраст не лучшее время для того, чтобы коренным образом менять свою жизнь, но здоровье у него превосходное, а кроме того, существуют программы, способные стереть память и навсегда изменить личность. Они, кстати, вполне могут оказаться у Бегущего по Грязи. Впервые Козодой усомнился в своем предназначении.

Почему он бежит? Потому что ненасытная любознательность заставила его прочесть некий документ и узнать смертельно опасную тайну, и не более того. Он обманывал себя, считая, что является спасителем человечества, — на самом деле он просто стремился спасти свою шкуру.

Но если основная задача состоит в том, чтобы спасти себя и свою семью, то разве может быть лучший способ? Это же простая логика. Ментокопия, сделанная при переконструировании личности, убедит Систему, что он ни с кем не делился своим знанием, а вторая ментокопия покажет, что это знание, вместе со всем его прошлым, стерто и заменено навыками и памятью примитивного охотника и собирателя; безусловно, какое-то время он, может быть, будет под наблюдением, но едва ли Главная Система пошлет за ним Вала и вообще станет тратить на него большие усилия. За ним охотятся только потому, что Система не доверяет подвластным ей «лицам... и так далее». Но если они не будут замешаны...

Человечество может и само потрудиться ради собственного спасения. Если кто-то смог вновь открыть древнее знание, значит, кто-то сможет это сделать и в будущем. То, чем он обладает сейчас, стоит тысячи Главных Систем, и глупо жертвовать этим во имя всякой чепухи.

9. РАНЕННАЯ НАДЕЖДА

Сред тем как подняться на борт, им предстояло пройти выходной контроль, и вот тут-то Чу Ли пришлось натерпеться страху. Он был уверен, что машина, несомненно, подсоединенная к Главной Системе, идентифицирует его не как Чу Ли, а как Сон Чин.

Однако никаких осложнений не возникло. Невероятно, но факт: результаты проверки показали, что его отпечатки пальцев и рисунок сетчатки совпадают с данными Чу Ли, хотя на экране монитора маячило изображение не Чу Ли, а преображенной Сон Чин. Этот успех озадачил его больше, чем любой провал. Он, конечно, знал, что Систему в принципе можно одурачить, но не до такой же степени. Это было немыслимо, и он еще больше уверился в том, что является орудием в руках божественного пророчества.

Капитан Сабатини не соглашалась с тем, что его корабль не предназначен для взлета с поверхности Земли; трудно было даже представить себе, как он смог хотя бы приземлиться. В пассажирский салон пришлось пробираться сбоку, через открытый воздушный шлюз, а поскольку корабль стоял не вертикально, а под углом сорок пять градусов, передвигаться внутри него было нелегко. В салоне стояли огромные кресла с непропорционально толстыми спинками, а само помещение напоминало лабиринт, состоящий из бесчисленного количества лестниц, лесенок, ступенек и поручней.

Рослый охранник, похожий на бывшего борца, уложил Чу Ли в одно из дальних кресел в переднем ряду. Мальчик так глубоко утонул в подушках, что испугался, как бы они его не задушили, а ремни, которые удерживали его в кресле, были затянуты настолько туго, что он даже не мог повернуть голову, чтобы рассмотреть, где разместили его товарищей.

Наконец в салон вошел Сабатини, с привычной ловкостью пробираясь сквозь путаницу ступенек и перил. Он миновал последний ряд кресел и пропал из виду; Чу Ли не знал куда, а посмотреть не мог.

В задней части отсека располагались два небольших помещения, битком набитых электроникой. Капитан усился в кресле, которое передвигалось с помощью электромоторов, управляемых движениями его пальцев, и пристегнулся. Ремни охватывали только тело, но при необходимости он мог, для пущей безопасности, продеть руки в специальные лямки. Сабатини надел на голову легкое переговорное устройство, состоящее из наушников и крошечного микрофона.

— Капитан — пилоту. Приготовиться к старту. Задраить внешние люки. Включить внутренние системы, — спокойно приказал он.

Где-то в отдалении взвыли сирены. Трапы были мгновенно убраны, двери воздушного шлюза закрылись — сперва внешняя, затем внутренняя — и загерметизировались. Послышался негромкий гул, и внезапно — до сих пор горели только дежурные лампы и красные индикаторы над люками — освещение включилось на полную мощность. Со всех сторон раздался свист нагнетаемого воздуха. Уши заложило.

— Переключиться на пассажирский интерком, продолжать подготовку к старту, — приказал капитан. Потом он заговорил на другом языке, и его голос шел из динамиков над головами у пассажиров: — Добрый вечер. Я знаю, что сейчас вы испытываете неудобство, но это ненадолго. До старта осталось одиннадцать

минут, а примерно через сорок минут после этого мы выйдем на орбиту и включим искусственную гравитацию. Правда, там нам придется выдержать еще одно включение двигателя при уходе с орбиты, но по сравнению с тем, что вас ожидает сейчас, это пустяки. От вас потребуется только сесть в кресла и пристегнуть ремни. Выход за пределы гравитационного поля Земли — самая тяжелая часть пути. Вы почувствуете, словно огромная рука вдавливает вас в кресла, а грохот и тряска будут такими, что вам покажется, будто корабль рассыпается на кусочки, но не беспокойтесь. Это нормально. Немного погодя вы почувствуете, что давление исчезло и вы как будто ничего не весите, и в какой-то степени так оно и будет. В голове салона под потолком имеется монитор, который показывает вид с кормы. Полюбуйтесь. Скорее всего вы никогда больше такого не увидите.

Он переключился на внутренний канал. Компьютер непрерывно снимал данные о состоянии заключенных и выводил их на экран, но Сабатини не обращал на них внимания. Столбик кровяного давления не пробивает крышу, и этого достаточно.

— Чу Ли! — услышал он девичий голос через три кресла.

— Я здесь. Это ты, Чо Дай?

— Да. Чу Ли, я боюсь. Мне не нравится этот летающий корабль.

— Это просто корабль, и во многих отношениях он ничем не отличается от тех, что плавают по рекам, — сказал он, желая ободрить ее. Сам Чу Ли нисколько не боялся ни корабля, ни полета. То, чего действительно надо опасаться, придет позже, через много дней.

— Меня гораздо больше тревожат его слова насчет того, что мы никогда уже не увидим такого, — прокричал сзади Ден Хо.

— Ненавижу ожидание! — добавила Чо Май с переднего кресла. — Хоть бы все это началось побыстрее, а там будь что будет!

Внезапно корабль задрожал, и они почувствовали, что опрокидываются на спину. Это было очень неприятно. Лампы на мгновение погасли и вспыхнули вновь; гул нарастил, а вместе с ним росла и вибрация. Ощущения движения не было, но, взглянув на монитор, Чу Ли увидел стремительно уменьшающиеся здания космопорта. Потом в объективе показалась желтая степь, и в этот момент невидимая рука, о которой предупреждал Сабатини, всей тяжестью навалилась на них.

Ощущение было такое, словно из них выжимают воздух. Девушки испуганно закричали. Это продолжалось всего несколько минут, но минуты эти показались часами.

Уничтожающая тяжесть пропала так внезапно, что вместе с неожиданной легкостью они испытали головокружение, а когда Чу Ли достаточно овладел собой, чтобы посмотреть на монитор, то увидел лишь клубящийся молочно-голубой туман, в котором мелькало что-то коричневое, похожее на фрагменты рельефной карты какой-то странной местности. Честно говоря, он ожидал чего-нибудь более впечатляющего и был слегка разочарован.

Еще несколько раз включались двигатели, корректируя курс, но толчки были короткими и не особенно чувствительными. «Теперь мы по крайней мере сидим прямо», — с облегчением подумал Чу Ли. Сила тяжести постепенно увеличивалась, но привычного уровня так и не достигла. Пропел зуммер — и в салон вошел капитан Сабатини; на голове у него было оголовье с наушниками. Он проверил всех по очереди и остановился возле Чу Ли.

— У нас мало времени, так что слушайте хорошенько, — громко сказал он. — Сейчас я сниму ваши сбруйки и надену на вас кое-что поудобнее. Настоя-

тельно рекомендую вам не пытаться делать глупостей. С помощью этих наушников и микрофона я могу управлять любым механизмом на корабле. Приказы я отдаю на языке, которого никто из вас не знает, так что не воображайте, что вы можете сорвать с меня оголовье и начать командовать. Всякому, кто причинит мне хоть малейшие неприятности, придется плохо.

Он просунул руку под кресло Чу Ли и чем-то щелкнул. Тугие привязные ремни тотчас расстегнулись и втянулись в кресло. На какой-то момент Чу Ли оказался свободным, но он понимал, что время действовать еще не настало. Они знали еще слишком мало, а на этом корабле многое не соответствовало схемам, запечатленным в его памяти.

— Вставай! — приказал капитан, и Чу Ли встал. Он чувствовал себя необычно легким и с трудом сдерживал равновесие. Сабатини отдал приказ на своем странном языке, и в стене открылась маленькая ниша. Вытянув оттуда что-то похожее на пояс, прикрепленный к тонкой, но прочной цепочке, он надел его на Чу Ли, на талию, пропустив под рубахой. Сабатини проделал ту же процедуру с остальными, а потом принес влажные полотенца девушкам, которых стояли во время старта.

Чу Ли обследовал свой поводок. Пояс сидел не туго и не причинял особых неудобств. На спине находилась маленькая коробочка, одновременно замок и электронное устройство, управляющее натяжением цепочки. Можно было слегка ослабить цепь и передвинуть коробочку на живот, но снять цепь совсем она не позволяла.

— Ну а теперь я вам все объясню, — сказал Сабатини. — Эти цепочки достаточно длинные, чтобы вам была доступна любая часть салона. Они автоматически выбирают слабину или вытравливаются, но вам надо помнить, что цепочки не допускают перекрещивания. Это сделано, чтобы они не перепутались, и к этому

надо привыкнуть. Если вы дадите мне хоть малейший повод — я отдаю приказ притянуть вас к стене и держать так до конца рейса. А сейчас немножко ослабьте цепи, передвиньте коробочки на живот и садитесь. Пока еще мы не можем устроиться поудобнее. — Когда приказание было исполнено, капитан продолжал: — Искусственная сила тяжести на корабле всего около семидесяти процентов от той, к которой вы привыкли на Земле, так что поначалу вам будет трудно передвигаться. Помните, что если на Земле вы весили пятьдесят килограммов, то здесь — всего тридцать пять. Если вы споткнетесь, то будете падать чуть медленнее обычного. Есть вопросы?

Вопросов было много, но они оставили их при себе.

— Ну ладно. Если каждый будет вести себя хорошо, нам не понадобится ничего, кроме этих цепочек. Через день-другой вы так привыкнете к ним, что перестанете их замечать. Вы будете в них спать, есть, мыться в душе. Однако можете быть уверены, что на корабле есть и другие средства обеспечить мое спокойствие, но совсем не такие разумные и удобные. Позже я выдам вам чистую одежду, покажу, куда ходить по нужде и как действует душ. А сейчас пристегните поясные ремни и сидите смирино. Нам предстоит пережить еще одно ускорение, а потом до самого конца рейса корабль пойдет по инерции.

Второе ускорение сопровождалось такими же шумом и вибрацией, что и взлет, но давление гигантской руки было гораздо слабее и продолжалось не очень долго.

И все же Чу Ли беспокоился. Слова капитана о чистой одежде встревожили Чу Ли. Он боялся, что его тайна раскроется прежде, чем он успеет подготовить остальных. Кроме того, его сильно беспокоила вежливость капитана, весьма странная для человека, которому предстоит отвечать за порядок на корабле, пере-

возящем четырех заключенных. В конце концов, это не увеселительный круиз, и Чу Ли ожидал от тюремщика большей жестокости.

Пассажирский салон, как называл его Сабатини, сам по себе был почти чудом. Несколько команд на том же незнакомом языке, какие-то манипуляции со скрытой в стене панелью — и кресла убрались в пол, а вместо них появились большие откидные кожаные сиденья, которые, разложив их полностью, можно было превратить в удобные кровати. Они стояли тесным кольцом вокруг большого стола, отделанного пластиком, а освободившееся место предназначалось, вероятно, для занятий физическими упражнениями.

В кормовой части салона имелось три двери, ведущие, как выяснилось впоследствии, в следующий отсек — грузовой, в личную каюту Сабатини и в странное помещение, набитое сложным электронным оборудованием. Примерно в метре от каждой двери была проведена красная черта, заходить за которую не позволяли цепи.

Перед столом с креслами были еще три двери. Средняя вела, по словам капитана, в носовой отсек, лишенный воздуха, и красная черта перед ней тоже отмечала запретную зону, а за двумя другими располагались туалет и душ.

Душ, кстати, был довольно своеобразен и представлял собой широкую пластиковую трубу с овальным вырезом. Раздевшись, полагалось зайти в этот вырез, после чего он задвигался и со всех сторон начинали бить сильные струи воды. Душ был автоматическим и оборудован тремя степенями сушки.

В первые дни их скучу разгоняли лишь случайные объяснения Сабатини. Чистая одежда — белые хлопчатобумажные пижамы свободного покроя — позволяла Чу Ли поддерживать инкогнито, хотя Ден Хо ужс

начал поглядывать на него с любопытством. Чу Ли знал, что приближается время, когда он больше не сможет хранить свою тайну, но пока еще не был готов раскрыть ее.

Сабатини редко появлялся в пассажирском салоне, и это дало им возможность немного исследовать свою тюрьму. Следящие устройства в салоне обнаружить не удалось, хотя Сабатини, несомненно, мог наблюдать за ними из любого помещения на корабле. Громкоговорители наверняка были одновременно и динамиками, но с этой трудностью они справились легко: одна пара громко разговаривала перед самыми динамиками, а другая в это время шепотом обсуждала всякие секретные проблемы.

— Что ты думаешь о пассажирском салоне? — спросила Чо Дай у Чу Ли во время одной из таких бесед.

— Он, несомненно, перестроен, поскольку совсем не похож на те, что обычно бывают на кораблях такого типа, — ответил он. — Скорее всего кроме заключенных на нем взят и высокопоставленных особ. Этим, кстати, вероятно, объясняется отсутствие мониторов и записывающих устройств. Оба помещения позади тоже нестандартные. В частности, совершенно непонятно, зачем нужна эта комната, начиненная электроникой, и для чего он таскает на себе наушники. Корабль полностью автоматизирован, его пилотирует автономный компьютер, а у него там настоящий капитанский мостик. В передней части корабля тоже много необычного. Если эта средняя дверь — воздушный шлюз, то почему на ней нет индикаторов и уплотнений, как на остальных? Значит, там по крайней мере еще в одном помещении есть воздух. Это наверняка. Но почему? И где скафандры? Они должны находиться в специальном отсеке, открывающемся в салон, но здесь, похоже, нет других отсеков, кроме тех, куда убираются наши цепи, и тех, откуда мы берем еду и воду и куда сбрасываем мусор. Все это выглядит более чем странно.

— И еда очень странная, — заметила она.

— Это еда иноземных дьяволов, но она годится и нам, а это главное. Просто корабль не китайский. Ты пробовала цепи?

— Этую коробочку нетрудно обмануть. Мы с Чо Май уже придумали два способа ее снять. Замки на дверях простые, электронные. Я подсмотрела комбинацию, она почти такая же, как на дверях туалета и душа. Мы можем вскрыть их в любой момент.

— Я думал, что вам нужны инструменты...

— Они у нас уже есть. Капитан так ничего и не заметил. Главное — это его наушники. Он действительно может управлять всем — мы следили, — а язык невозможно разобрать.

Чу Ли кивнул:

— Прежде всего нужно как можно больше выяснить о самом корабле. Когда Сабатини заснет, ты покажешь мне, как снять цепь, и откроешь то помещение, где полно электроники. Сначала мы должны узнати все, а потом уже действовать.

Наконец Сабатини ушел к себе в каюту. Выждав на всякий случай еще некоторое время, Чо Дай избавилась от своей цепи, а потом помогла Чу Ли.

Чо Дай не хотела рисковать, набирая комбинацию. Вместо этого она умело обошла клавиатуру и почти бесшумно открыла замок украденными инструментами. Когда она отодвинула дверь, Чу Ли поцеловал девушку и вошел в загадочное помещение.

Большая часть оборудования была ему незнакома, хотя некоторые приборы он узнал, а о назначении других догадывался. Среди прочего тут имелся небольшой ментопринтер и множество картриджей, пронумерованных арабскими цифрами, но безо всяких надписей. Сам ментопринтер был слишком прост, чтобы использовать его для психохирургии; скорее всего с его помощью Сабатини мог при необходимости быстро выучить очередной иностранный язык или войти в курс

изменений, сделанных при последнем ремонте корабля. На мониторах светились схемы тех помещений, где они сейчас находились; наверное, можно было посмотреть и другие уровни, если бы удалось дать правильную команду. Впрочем, одно было совершенно ясно: герметизированная часть корабля, очерченная на схеме голубым, простиралась далеко к корме и к носу от пассажирского салона. Однако область действия искусственной силы тяжести, похоже, ограничивалась лишь салоном и еще одним, гораздо большим по размерам, отсеком, видимо, предназначенным для перевозки животных, как говорил капитан.

К несчастью, основная часть пояснительных надписей была сделана на незнакомом Чу Ли языке. Он с тоской взглянул на ментопринтер и картриджи. Нужный наверняка где-то здесь, но где именно? У него не было времени, чтобы изучить их все.

Тем не менее он сразу сообразил, что здесь намного больше оборудования, чем требуется для человека, сопровождающего груз. Больше всего помещение было похоже на отсек управления, но управлением-то занимался компьютер!

Единственное логически возможное объяснение поразило его как громом. Неужели Сабатини — действительно капитан корабля? Чу Ли припомнил сложные конструкции шлемов, увиденные в лабораториях нелегальных технологистов. Они сами придумали и сделали их и были уверены, что найдут, куда подключить. Но что, если неизменные капитанские наушники и микрофон предназначены именно для этого? Итак, Сабатини сам водит свой корабль!

Чу Ли резко повернулся к двери, но в этот момент она с невероятной быстротой и силой захлопнулась. Он попытался открыть ее, но не смог. Ловушка!

— Оставайся на месте и ничего не трогай! — Голос Сабатини раздавался из маленького динамика на пульте. — Сначала я управлюсь с твоими друзьями и буду

с ними намного вежливее, если ты спокойно сядешь в кресло и подождешь, пока я приду за тобой.

В тоне капитана не было злобы, но Чу Ли не сомневался, что тот не замедлит исполнить свою явно высказанную угрозу. Он послушно сел в кресло и постарался осмыслить то, что видел перед собой.

Казалось, прошла вечность, прежде чем дверь отворилась и яркий свет ударил Чу Ли в глаза. Сабатини, в тенниске и шортах, стоял перед ним с небольшим пистолетом в руке. Наушники были на нем.

— Пора выходить, — небрежно сказал он. — А я-то гадал, не будет ли этот рейс слишком скучным. Ну, давай! Пошел!

Войдя в салон, Чу Ли увидел, что сестры стоят на коленях, прикованные к полу за лодыжки. Цепи снова были на них. Ден Хо лежал в кресле, скованный по рукам и ногам. Увидев Чу Ли, Чо Даи виновато опустила голову.

Чу Ли взглянул на пистолет в руке Сабатини. Такого он никогда не видел: маленький, из красного пластика, со шкалой на рукоятке, кнопкой вместо спускового крючка и металлическим острием на конце ствола.

— Я уже показывал твоим подружкам, как действует станнер, — предостерег его капитан. — Но если хочешь, с удовольствием повторю для тебя. Сейчас он установлен на легкий шок. На половине мощности он отключит тебя на пару минут, а на полной может остановить сердце.

— Верю, — мрачно отозвался Чу Ли.

— Ну, тогда к делу. Надень цепь. Вот она. Теперь — руки за спину. Так... — На запястья Чу Ли легли жесткие наручники, не позволяющие даже шевельнуться. — На колени!

Он повиновался, и Сабатини приковал его к полу, лицом к лицу с девушками, стоящими на коленях у другой стены салона.

Капитан опустил оружие:

— Так вот, я вам уже говорил, что могу быть весьма решительным, когда кто-нибудь пробует взять верх надо мной. Я не сомневался, что вы что-то затеваете, прикрывая громким разговором свои шепотки по углам, а из ваших документов я знал, что девушки — мастера по части замков. Перед сном я устанавливал сигнализацию на все двери, а сигнал выводил в свою каюту. Мне хотелось посмотреть, как далеко вы зайдете.

Теперь Чу Ли понял, что произошло. Когда капитана разбудил сигнал, ему оставалось только схватить наушники, чтобы тут же выяснить, какой датчик сработал. Потом он перекрыл своей командой действие обычного замка и управился с остальными при помощи стеннера.

— Ну ладно, это всего лишь досадное недоразумение. — Сабатини говорил почти добродушно. — Если бы я был настроен решительно, разозлен или хотя бы огорчен, то так бы и оставил вас на все тридцать девять суток, а кормил бы из лоханки, как скотину. Или может быть, отправил бы вас поближе к корме, в клетки для животных. Но это всего лишь потому, что такие вещи приводят меня в прескверное расположение духа. Вот если бы кто-нибудь поднял мне настроение, я мог бы многое простить и забыть...

Капитан прошествовал к своей каюте и вернулся с длинным прямым ножом довольно-таки зловещего вида. Он пробормотал несколько слов в микрофон, и внезапно обеих девушек подтянуло вверх и потащило к стене. Цепи выходили из стены немного выше пояса, и сестры повисли, едва касаясь пола пальцами ног.

Сабатини подошел к Чо Дай.

— Лицо у тебя никуда не годится, — сказал он, — а вот как насчет всего остального?

Ловко орудуя ножом, он разрезал на ней рубашку и брюки. У Чо Дай было красивое тело, но что-то

заставило капитана остановиться. Он приказал ослабить цепь и, схватив девушку за плечи, развернул лицом к стене.

Чу Ли охнулся, да и Сабатини ужаснулся не меньше. Спина Чо Дай от плеч до ягодиц была сплошь покрыта рубцами и шрамами.

— Че-е-ерт! Кто-то неплохо над тобой поработал, а, красотка? — Он вновь поставил ее на колени. — Оставайся так. Посмотрим, что там с твоей сестрой.

У Чо Май шрамы, пожалуй, были даже хуже.

— Н-да... — пробурчал капитан. — Вот об этом в бумажках ничего не сказано. Черт побери, девочки, от вас никакого удовольствия. — Он помедлил. — Однако надежда умирает последней, не так ли? Ох, как многого недостает в официальных документах...

Он повернулся и не торопясь пересек салон.

— ...Не правда ли, мальчик мой?

Теперь Чу Ли, в свою очередь, был подвешен к стене. Капитан на глазах остальных неторопливо срезал с него одежду, и все, кроме него, были поражены тем, что под ней открылось. Сон Чин была генетически сконструирована как воплощение совершенства, и на ее теле не было ничего лишнего, не говоря уже о шрамах.

— Вот это уже похоже на дело, — с вожделением заключил Сабатини и снова поставил Чу Ли на колени.

От изумления Чо Дай даже перестала смущаться собственной наготы.

— Чу Ли, неужели ты действительно девушка? Но... но как же это может быть?

— Я бы тоже не прочь это знать, — вмешался Сабатини. — В документах ты значишься юношей, у тебя соответствующий голос, и Главная Система считает тебя мужчиной.

Ну вот и все... Его тайна рухнула. Чу Ли понимал, что правде никто не поверит, но он заранее придумал подходящее объяснение и отшлифовывал его целыми днями.

— Я здесь ни при чем, — солгал он. — Это они... изменили меня. Хирургия и психохимия. Но они не успели закончить работу, и по моему голосу, по моим привычкам можно увидеть, что внутренне я не изменился.

— Снаружи ты, на мой взгляд, выглядишь совсем неплохо, — заметил Сабатини.

— Но зачем они это сделали? — спросила Чо Дай.

— Чтобы подменить мною Сон Чин, дочь верховного администратора. Ее послали на обработку, но у нее хватило власти организовать подмену, а я по росту как раз подходил. Выбирать мне не приходилось. Они уже почти закончили, но тут пришел приказ о нашей отправке. Отменить его они не могли, а дать кому-то другому мои отпечатки пальцев и рисунок сетчатки не сумели, так что пришлось им посыпать меня как есть.

— Мышь, это правда ты? — наконец обрел дар речи Ден Хо.

— Глубоко внутри — да, брат мой. Мне очень жаль. Они, видимо, использовали гипноз, потому что я не понимал, что со мной сделали, до самого отлета, когда его действие прошло.

— Чу Ли, прости меня! — в отчаянии крикнула Чо Дай. — Ну почему, почему ты не сказал мне тогда?

— Рано или поздно я обязательно бы это сделал, — честно ответил он. — Но я... я не хотел тебя огорчать, Чо Дай. Я — мужчина в теле женщины и чувствую себя мужчиной, как чувствовал до того, как со мной это сделали. Я мог не замечать твоих шрамов, но какая женщина в состоянии не обращать внимания на такое?

Сабатини не прерывал эту трогательную сцену и был изумлен до крайности — особенно когда было упомянуто имя Сон Чин. Дополнительная проверка, которую им пришлось пройти перед вылетом, была вызвана именно известием, что Сон Чин, дочь верховного администратора Китайского Региона, бесследно исчезла из самой сердцевины зоны максимальной сек-

ретности. Сабатини прекрасно знал возможности тамошних мясников. Они вполне могли слепить из не нужного парнишки дубликат этой девушки, а саму ее превратить в кого-то еще, кого можно бесследно убрать, с тем чтобы она заняла его место, — и возможно, даже за пределами Китая.

Все сходилось как нельзя лучше. На мгновение у него даже мелькнула мысль, что на самом деле Чу Ли и есть Сон Чин, но, поразмыслив, капитан пришел к выводу, что так настойчиво стремиться на Мельхиор может только полный кретин. Кроме того, она прошла контроль в качестве юноши, и это делало ее легенду неуязвимой. Сабатини так и подмывало вернуться и выдать ее за настоящую Сон Чин в надежде заиметь парочку влиятельных друзей, но его обман мог быть легко разоблачен после сверки с данными о предполетной проверке, и капитан, хотя и неохотно, отказался от этой мысли.

Сабатини внимательно оглядел Чу Ли:

— Ну, дружок, работа что надо. Ни швов, ни шрамов, никаких следов. Великолепно. Не знаю, что там у тебя в башке, но что отрезано, то отрезано, и придется тебе учиться быть девушкой. А я, пожалуй, позму на себя труд преподать тебе за оставшееся время кое-какие уроки... Эй-эй! Полегче! Тебе все равно ничего не сделать, так что сиди!

Чу Ли в ярости попытался кинуться на капитана, но безрезультатно.

— Сиди и слушай, — продолжал Сабатини. — На Мельхиоре тобой займутся с удовольствием. Работа превосходная и как раз в их вкусе. Слегка незавершенная, но это пустяки. Тебя изучат, разберут по кусочкам твой мозг и доделают ее. А когда доделят, подарят кому-нибудь. Ты выглядишь точь-в-точь как Сон Чин, и чтобы ее отец тебя не заметил, упрут туда, куда верховные администраторы даже не заглядывают. Все будет шито-крыто, особенно учитывая, что к тому вре-

мени у тебя пропадет всякий интерес к машинам и побегам. Никому не повредит, если мы приступим к делу прямо сейчас, а если меня это развлечет, я смогу даже забыть этот досадный инцидент.

— Я никогда не опозорю себя. — Чу Ли презрительно сплюнул. — Может быть, все будет так, как ты говоришь, но тогда мне не придется мучиться сознанием своего позора. А с тобой я буду драться, даже если это безнадежно!

— Чу Ли! Не надо! — в один голос закричали сестры. — Взгляни на нас! И все было бесполезно! Цена и так слишком высока, чтобы платить еще!

— Ты не знаешь, что это такое, — продолжала Чо Дай. — И не можешь знать. Разве ты не видишь, что прячется под его улыбкой, разве не понимаешь, что он такой же, как и те?

— Послушай ее, — промурлыкал капитан. — Она говорит правду, знаешь ли. Я могу довольно-таки... м-м-м... творчески толковать свои права.

— Никогда! — воскликнул Чу Ли. — Лучше изуродуй и мое тело, чтобы больше никто не возжал на него!

— В этом есть смысл, — согласился капитан. Он ненадолго задумался, потом сказал что-то в микрофон. Средняя дверь в задней стене открылась, и в салон выкатилась аварийная медицинская установка.

— Мне, знаете ли, неохота доставлять себе лишние хлопоты, особенно если я могу этого избежать. — Тон его был небрежным и почти дружеским. — Для этого есть много способов, но настроение у меня плохое, меня разбудили среди ночи, и все такое... Сдается мне, что основную роль в этом... скажем так, происшествии, сыграли вот эти две замочных дел мастерицы. Думаю, что на Мельхиоре не станут приидти, если я добавлю им кое-что от себя, а без указательных или больших пальцев вам будет сложнее проделывать ваши фокусы, не так ли?

— Нет! — закричал Ден Хо. — Ты чудовище! Ты не сделаешь этого!

— Он этого не сделает, — подтвердил Чу Ли. — Он обязан доставить груз неповрежденным.

— Еще как сделаю, — ухмыльнулся капитан. — Там не берут в расчет такие мелочи. Они все понимают. И потом, ты лучше любого другого знаешь, что можно заново отрастить пальцы, и все, что угодно, если им это понадобится. Вы еще увидите, чем они наградят нас!

У Чу Ли упало сердце: он понимал, что капитан прав. Лица девушек превратились в застывшие маски ужаса.

— Ну ладно, змея. Что тебе нужно? Мое тело? Такова твоя цена?

— Это было сначала, но теперь я хочу большего. Мне нужно сотрудничество. Повиновение. Впереди долгий рейс. Мне нужна служанка. Она должна делать все, что я скажу, и обходиться без цепи. Если я сохранию твоим подружкам пальчики, мне придется сковать им руки до конца рейса. Они не смогут есть сами, значит, кто-то должен их кормить. И еще мне нужна любовница, которая, не задумываясь, будет исполнять мои желания. — Он снова вытащил маленький пистолет. — Если ты промедлишь, возразишь или я останусь недоволен твоими услугами, ты получишь вот это.

Он выстрелил. Чу Ли никогда еще не испытывал такой боли и не смог сдержать крик.

— А если ты опять задумаешь какую-нибудь пакость или хотя бы заговоришь с ними об этом, сестра твоей подружки лишится больших пальцев. Второй раз — и твоя подружка потеряет свои. А что до этого толстячка в кресле, то при малейшем поводе с твоей стороны я снова прикачу сюда эту штуковину и сделаю так, чтобы я остался единственным мужчиной на корабле. Понятно?

Сестры Чо с мольбой смотрели на Чу Ли.

— Хорошо, — мрачно сказал он. — Я сделаю все, что ты скажешь.

Новый удар маленького оружия залил его тело жгучей болью.

— Отныне твое имя, единственное имя, на которое ты будешь отзываться, даже своим друзьям — Раба. Меня ты будешь называть «господин» или «досточтимый капитан». Моя раба должна говорить о себе как о женщине, и вы все тоже — употребляйте женский род, когда будете говорить с ней или о ней. Я хочу вбить это ей в голову, раз и навсегда.

— Кроме того, всем вам надлежит кланяться в моем присутствии, — продолжал Сабатини, — а ты, Раба, будешь стоять передо мной на коленях со склоненной головой и угадывать мои желания. Во избежание краж до прибытия на Мельхиор вы все будете ходить голыми. Что ты на это скажешь, Раба?

— Как прикажете, досточтимый капитан, — склонив голову, выдавил Чу Ли сквозь стиснутые зубы.

Сабатини подошел к нему:

— Я знаю, о чем ты думаешь, но не надейся на это. Видишь ли, ты потеряла все. Все, кроме чести и достоинства, но я сдеру с тебя и их. Ты единственная из всей вашей компании, в ком хоть что-то есть. Вот почему ты у них главная. Но я сломаю тебя еще до конца рейса.

Он убрал медицинского робота и, принеся несколько У-образных скоб, снял с Чу Ли цепь и приказал ей лечь на пол, приняв совершенно непристойную позу. Принесенными скобами он прикрепил к полу ее руки и ноги, а потом отложил оружие и стал сбрасывать с себя одежду.

В мучительном молчании они смотрели, как совершается окончательное унижение Чу Ли. Он был умышленно жесток с ней, и это явно доставляло ему удовольствие.

Сабатини поместил свою рабу отдельно от остальных, в маленьком темном помещении размером два на два метра и высотой в полтора. Свет просачивался

через узкое зарешеченное оконце под потолком этого ящика. Выглянуть в него она не могла, а вибрация глушила все звуки. Иногда капитан выпускал ее и проворял, как она себя ведет, а потом, придавшись к какой-нибудь мелочи, загонял обратно. С друзьями она виделась только в его присутствии и обязана была говорить с ними раболепным тоном и очень громко. Малейшее нарушение наказывалось лишением пищи, воды и выходов в туалет.

Впрочем, Сабатини явно не оставлял без внимания и остальных троих. Ден Хо стал молчалив и, казалось, полностью ушел в какой-то свой, внутренний мир, а обе девушки выглядели безучастными, вялыми и покорными.

Капитан больше не сковывал свою рабу, но с каждым днем становился все более жестоким и требовательным. Как-то раз он оставил свой стеннер на столике у кровати, где насиловал ее. Она схватила оружие и выстрелила в него, и със, и еще... Сабатини расхохотался. Он нарочно бросил его туда, вынув разрядник. Потом он сунул ей в руки нож и приказал нападать, но она лишилась оружия прежде, чем смогла хоть что-то сделать. Он избил ее до потери сознания, изнасиловал и швырнул обратно в ящик, а потом будил каждый час, не давая ни есть, ни пить, и не выпуская в туалет.

В конце концов Чу Ли дошла до такого состояния, что ее искренняя раболепность уже не вызывала сомнений. Тогда Сабатини выпустил ее из ящика и позволил поспать. Ее поведение и после этого оставалось безупречным, и он начал постепенно делать послабления. Он почистил и продезинфицировал ящик. Он разрешил ей принять душ. Он стал лучше ее кормить. Пару раз ему все-таки пришлось наказать ее, но то были последние вздохи умирающего сопротивления, и в итоге у нее в голове осталась лишь одна мысль — как бы угодить своему хозяину. Для проверки Сабати-

ни порой оставлял на видном месте оружие и кое-какие предметы, которые могли ее заинтересовать, но она была к ним абсолютно равнодушна.

Постепенно в Чу Ли начала зарождаться надежда, что капитан, оценив ее покорность, не отдаст ее на Мельхиор, а оставит на корабле. Сабатини, конечно же, не собирался этого делать, но косвенно поощрял такие мысли.

Наконец он окончательно выпустил ее из ящика и позволил присоединиться к остальным, правда, запретив ей разговаривать с друзьями шепотом.

Кстати, ее друзьям под постоянными наказаниями лишением пищи и воды и ударами станиера жилось немногим лучше, а перемена, произошедшая с той, которую они знали как Чу Ли, сломила их окончательно, и они утратили последнюю надежду.

На двадцать третий день полета Ден Хо покончил с собой.

Это было нелегко, но он хорошо все продумал. Забившись в туалет, он закрутил цепь вокруг шеи и заклинил ее в сливном механизме. Он умирал мучительно долго, но сумел подавить в себе инстинктивное стремление к жизни и до самого конца не проронил ни стона.

Эта смерть потрясла девушек, а Сабатини привела в неописуемую ярость. Сосредоточившись на Чу Ли, он упустил из виду остальных и теперь был вынужден срочно принимать меры, чтобы избежать подобных эксцессов в дальнейшем. Сабатини прекрасно понимал, что на Мельхиоре его за это по головке не погладят.

Прежде всего он решил устроить похоронную церемонию, чтобы не злить лишний раз своих подопечных. Произнеся над покойным несколько слов, он принес тело к двери центрального шлюза, положил его на пол и обратился к девушкам.

— Вы можете попрощаться с ним и прочитать молитвы, — торжественно сказал он.

— Если позволите, досточтимый капитан, — спросила Чо Май, слегка оживившись, — что с ним теперь будет?

— Обычно в шлюз входят в скафандре и перед тем, как открыть внешний люк, откачивают воздух. Я воздух оставлю и даже немного подниму давление. Тогда, когда внешний люк откроется, тело вынесет в открытый космос. Он вечно будет плыть в пространстве.

Глаза Чо Май, которой всегда нравился Ден Хо, наполнились слезами.

— Как хорошо... — прошептала она сдавя слышно. — Он станет звездой в небесах...

Девушки произнесли молитвы и прощальные слова, но Чу Ли стояла неподвижно. Она первая обнаружила тело, первая увидела нелепую гримасу и мертвые, выкатившиеся из орбит глаза. Искаженное смертной мукой лицо врезалось ей в память сильнее, чем все, что она видела и испытала во время своей ужасной одиссеи.

Сестры отступили от покойного, и Сабатини принялся укладывать тело в шлюзе.

Что-то словно шевельнулось и сдвинулось внутри Чу Ли. Настоящий Чу Ли, вышвырнутый из жизни, как ненужная вещь... надменная и гордая Сон Чин, теперь униженная и изнасилованная... страдания сестер, повинных лишь в детской шалости... Сабатини, расчетливый и безжалостный, олицетворение всей системы... тихое отчаяние Ден Хо, который избрал мучительную смерть, лишь бы не видеть этого...

— Нет! — прошептала она одними губами, одним дыханием. Сабатини ничего не слышал, но сестры услышали и переглянулись, еще не зная, не понимая, но уже готовые действовать. Чу Ли неслышно скользнула капитану за спину. Он был сантиметров на пятнадцать выше ее и гораздо сильнее, но она знала, что пришел

ее миг. Рискнуть и, может быть, проиграть или навек остаться рабом — она сделала выбор и прыгнула, сдернув оголовье с наушниками с головы капитана. Микрофон хлестнул его по лицу. Он еще поворачивался, но в силах прийти в себя от изумления, когда она изо всех сил, удесятеренных яростью, толкнула его в шлюз. Он покачнулся, но успел ухватиться за край двери.

Сестры с разбегу ударили его головами в живот. Он нелепо хрюкнул и свалился в шлюз, на тело Ден Хо, но тут же вскочил.

— Ах вы сучки! Вот я вас!.. — взревел он, а Чу Ли уже накатывала тяжелую дверь шлюза. Сообразив наконец, что они задумали, Сабатини уперся в дверь, а девушки втроем навалились на нее с другой стороны. Какое-то мгновение ярость боролась с отчаянием — и отчаяние победило. С негромким шипением дверь закрылась, и Чу Ли, кое-как дотянувшись до запорного колеса, повернула его.

— Что хотите делайте, хоть ногу туда суньте, но не дайте ему повернуть колесо изнутри! — крикнула она сестрам и метнулась к панели управления. Сабатини был ленив, она знала, что он заранее запрограммировал последовательность операций, но ведь надо было еще найти нужную кнопку... Сестры скованными руками держали колесо, привалившись к нему спиной, а огонек над дверью шлюза все мигал желтым, зеленым, желтым, зеленым...

Кнопок было всего пять, Чу Ли по очереди нажала все — ничего. Понимая, что скоро сестры вот-вот не выдержат и дверь откроется, она продолжала отчаянно нажимать кнопки, одну за другой. У нее должно получиться... Должно... Должно...

Внезапно вспыхнул красный сигнал, оглушительно зазвенел звонок. Сабатини на мгновение замер, и сквозь маленько окочечко в двери шлюза она увидела его полные отчаяния глаза. Он ударил кулаком по двери, выругался и возобновил бешеную атаку на ко-

лесо, но теперь против него была и Чу Ли. Процедура шлюзования занимала всего около сорока секунд, но ей они показались годами.

Повинуясь программе, внешняя дверь открылась. Тело Ден Хо моментально вынесло наружу, но Сабатини удержался за колесо. Его тело вытянулось горизонтально, руки судорожно вцепились в обод, перекошенное ужасом лицо прижалось к смотровому окошку, но вот весь воздух вышел, и искусственная тяжесть потянула его вниз.

Совершенно измотанная, Чо Дай сползла на пол; ее сестра опустилась рядом.

— Как ты думаешь, можно закрыть внешнюю дверь? — спросила она, едва дыша от усталости.

— Пока нет, — ответила Чу Ли. — Я слышала, что человек способен задержать дыхание не больше чем на пять минут. На всякий случай дадим ему десять.

Она тоже села на пол, измотанная ничуть не меньше, чем ее подруги. Мускулы рук и плеч ныли, и, похоже, она растянула оба запястья. Но дело того стоило. Зрелище беспроблемного ужаса на лице Сабатини, даже мимолетное, с лихвой окупило причиненные им страдания, издевательства и позор. Ден Хо умер не напрасно.

Чо Дай подползла к Чу Ли и поцеловала ее:

— С возвращением!

— Это ненадолго, но я ни о чем не жалею. Мы его убили, и скоро корабль узнает об этом. С минуты на минуту он должен пустить сонный газ.

Чо Дай побледнела:

— Я совсем забыла... Наверное, потому он и держался так уверенно. Эти чужеземные дьяволы не имеют никакого понятия о чести. Но все же лучше было бы победить окончательно.

Чо Май, прислушавшись к ним, задумалась:

— Мне кажется, если бы газ должен был пойти, он бы уже пошел. Либо капитан нам солгал, либо он еще жив.

Чу Ли вскочила, позабыв об усталости:

— Точно!

Она прижалась лицом к смотровому окошечку. Никого и ничего. Правда, разглядеть, что творится у самой двери, Чу Ли не могла. В то же время внешний люк оставался открытым и звонок звенел не переставая. Воздуха в шлюзе наверняка не было, там царил космический холод, но все же одна мысль не давала ей покоя.

Тяжесть. Искусственная гравитация действовала во всем отсеке, включая и воздушный шлюз. Если Сабатини не вытянуло наружу, почему же он не лежит там, на полу шлюза, с руками, намертво примерзшими к штурвалу двери?

Корабль был переделан — явно нелегально, но весьма искусно, и в нем была уйма всяких ниш и вспомогательных отсеков. Нет ли чего-нибудь в этом роде и в шлюзовой камере? Учитывая толщину стен, это было вполне возможно.

— Он наверняка сидит в каком-нибудь аварийном отсеке. Надо чем-то заклинить эту дверь, чтобы он не смог открыть ее, когда внешний люк закроется и шлюз автоматически наполнится воздухом. И нужно еще тщательно обследовать корабль и убедиться, что он не может попасть внутрь другим способом. В аварийном отсеке, безусловно, есть дыхательный аппарат, но вряд ли имеется большой запас воды и продуктов. Подождем, пока он иссякнет, а до тех пор попробуем поладить с автопилотом.

С этими словами Чу Ли наклонилась и подняла оголовье с наушниками. Служа капитану, она не утратила наблюдательности и теперь была уверена, что сумеет повторить странно звучащие слова, скорее похожие на рычание, которые управляли замками. Оголовье было порядком погнуто, но на вид вполне исправно. Чу Ли надела его — оно было ей велико — и произнесла ко-

манду, которой капитан открывал дверь отсека с электроникой.

Дверь отворилась, но, к своему изумлению, Чу Ли услышала в наушниках ответное рычание и на мгновение испугалась, нет ли на борту еще кого-то, но потом сообразила, что с ней говорит компьютер.

Еще давно она приметила в электронном отсеке продолговатый невысокий ящик — полный комплект ремонтных инструментов. Подтащив его к шлюзу, она открыла крышку, а сестры Чо подсказали ей, что взять и как этим пользоваться. Освободившись от наручников, они протянули сквозь спицы запорного колеса цепь и приварили ее к основанию ближайшего кресла.

Покончив с этим, они вернулись в электронный отсек. Все трое едва не падали от усталости, но были слишком возбуждены, чтобы заснуть. Чу Ли уселась за монитор и стала внимательно изучать схему корабля.

— Если я правильно понимаю, весь уровень, на котором мы находимся, герметизирован — я хочу сказать, тут есть воздух, и значит, мы можем здесь жить — кроме вот этого отсека позади и дальше к корме. Эти двойные линии, наверное, воздушные шлюзы, но если голубой цвет означает воздух, то они не действуют. Пойдем посмотрим?

Она открыла среднюю дверь командой на том же странном языке. Где-то в отдалении прозвучал звонок, а в наушниках опять забормотал компьютер. Больше ничего особенного не случилось, и, выждав для верности пару минут, они осторожно двинулись по узкому коридору.

Внезапно Чу Ли остановилась.

— Вот здесь я и жила все это время, — печально сказала она, показывая на низкую, темную нишу. — После того как проведешь там неделю, продаешь и тело, и душу, и честь тому, кто тебя там держит.

Миновав коридор, они вышли в огромный отсек, заполненный клетками, которыми пугал Сабатини,

клетки были сконструированы для любых животных, которых только можно представить, и даже для тех, которых и представить нельзя. За ними стояли большие закрытые контейнеры с пометками на незнакомом языке, и проход между ними был таким узким, что пришлось идти цепочкой.

На панели воздушного шлюза, как и предполагала Чу Ли, горел зеленый огонек. Когда она открыла дверь, шум огромных моторов стал почти оглушительным. Набравшись храбрости, Чу Ли вошла и, дойдя до второй двери, заглянула в окошечко:

— Идите сюда! Посмотрите!

Сестры, опасливо озираясь, присоединились к ней.

За шлюзом начинался второй грузовой отсек. Он был больше первого, сплошь заполнен контейнерами и вращался с головокружительной быстротой.

— Почему он вертится? — спросила Чо Май.

Чу Ли задумалась:

— Я не уверена, но, кажется, припоминаю что-то очень давнее — из ее воспоминаний, — что-то такое там было... А, вот! Вы чувствуете, как мало мы весим?

Только сейчас они заметили, как мала здесь сила тяжести.

— По-моему, то помещение неподвижно, — сказала Чу Ли, — а вертимся как раз мы. Вам придется поверить мне на слово, потому что объяснить это слишком сложно, но именно таким способом на космических кораблях создается искусственная сила тяжести.

— Мы стоим на месте! — в один голос заявили сестры. — Вертится то помещение!

— Есть только один способ проверить это, но он довольно рискованный. Надо войти туда. Видите сеть? Если прыгнуть и ухватиться за нее, а потом по ней лезть.

— Нет-нет! Это очень опасно, — запротестовала Чо Дай. — В конце концов, какая разница, кто именно вертится? А полезного там ничего нет.

Чу Ли была слегка разочарована, но ей пришлось согласиться. Без нее девушки не смогли бы выжить в техническом мире корабля, для них непостижимом и почти магическом. Она неохотно оторвалась от окошка, и все трое вернулись в пассажирский салон. Чу Ли с облегчением увидела, что здесь все осталось по-прежнему.

Она снова взглянула на электронное оборудование, ментопринтер и нумерованные картриджи.

— Это устройство позволяет быстро изучить такие вещи, о которых ты понятия не имел, или стать тем, кем ты никогда не был, — объяснила она своим спутницам. — Это именно благодаря ей капитан так хорошо говорил на нашем языке. Я думаю, нам придется перепробовать все записи, чтобы выяснить, нет ли в одной из них ключа к языку, на котором он разговаривает с кораблем.

— А может, это его родной язык? — возразила Чо Дай.

— Сомневаюсь, — покачала головой Чу Ли. — Все компьютеры такого рода изготовлены на заводах, управляемых Главной Системой. Там работают только машины. Они общаются на своем собственном языке, языке чисел, и, чтобы люди могли разговаривать с ними, делается специальное устройство, которое то, что говорит компьютер, переводит на человеческий язык, и наоборот. Стандарты, по которым строятся корабли, установлены давным-давно, еще во времена наших предков, и в них по-прежнему используются древние языки.

— Но их же можно изменить на любые другие, разве не так? — настаивала Чо Дай.

— Можно, но проще выучить. Кроме того, я много раз слышала, как капитан бранился, а когда человеку случается выругаться от неожиданности, он скорее всего сделает это на родном языке, и даже это звучало мягче и мелодичнее, чем те слова, которыми он открывал двери. Тот язык грубый, немелодичный, почти механический — очень неприятный язык. Но он где-то

здесь. Он должен быть здесь, иначе мы все равно прибудем на Мельхиор, только без капитана. Правда, меня немного беспокоит содержимое остальных картриджей. Их здесь почти сорок, а на Земле космопортов всего девять. Другими словами, капитану нужно знать лишь девять языков для работы с Административными Центрами. Не знаю, как насчет других миров, но, если даже принять, что их девять или десять, все равно остается половина картриджей, на которых записано неизвестно что.

— Будем пробовать все, пока не паткнемся на нужный, — вмешалась Чо Май.

— Об этом я и говорю, но здесь есть одна опасность. На этих картриджах может быть все что угодно, от вещей, которые изменяют разум, память, до всяких ловушек, рассчитанных на тех, кому, как, например, нам, удастся зайти достаточно далеко. Впрочем, даже если все они безобидны, ими надо пользоваться осторожно, не больше чем по одному в день, чтобы не возникло путаницы в мыслях. Но у нас нет тридцати восьми дней.

— Нас трое, — напомнила Чо Май. — Каждая попробует по одному, и поглядим, что получится. Может быть, нам улыбнется счастье. А если нет, будем пробовать еще и еще. Терять нам нечего. В конце концов, всего несколько часов назад у нас вообще не было никакой надежды.

— Ты права, — ответила Чу Ли. — И надо начинать прямо сейчас, потому что если мы заснем, то будем спать долго и глубоко. Картриджи пронумерованы не по-нашему, но я умею читать эти цифры, они используются во всех компьютерах. Одна из нас возьмет номер первый, нечетное число в начале. Другая — тридцать восьмой — четное число в конце. Третий дадим девятнадцатый — нечетное число в середине. Затем — десятый, двадцатый и тридцатый. Может, таким образом нам удастся отыскать какую-то систему

в расположении записи. Но берегитесь. Эта штуковина не просто учит, она изменяет разум. Я — живой пример тому.

— Я первая, — сказала Чо Май, — тебе ведь придется показать нам, как им пользоваться.

— Это совсем просто. Сядь в кресло и расслабься. Нет! Надевай шлем только когда будет вставлен картридж, иначе повредишь мозг. Ну, смотри. Вот номер первый, он вставляется сюда. Подожди, пока загорится зеленый огонек. Вот так! Теперь можешь надеть шлем, а я немного подрегулирую.

У Чо Май был разочарованный вид.

— Я ничего не чувствую.

— Все правильно. Теперь откинься на спинку кресла и закрой глаза. Не волнуйся, в случае чего я сразу остановлю машину. Если все будет в порядке, ты заснешь и проснешься, когда закончится картридж. Готова? Я включаю.

Зеленый огонек сменился на янтарно-желтый, потом замигал красным, и вдруг Чо Май сказала:

— Кто-то меня спрашивает — внутри головы. Одноединственно слово, но я его не знаю.

Чу Ли задумалась. Она и не предполагала, что такие картриджи могут быть защищены паролем.

— Ответь тем же словом, только утвердительно, — сказала она. — Не надо произносить его вслух, ответь мысленно.

Чо Май смущилась, но снова откинулась на спинку кресла и, закрыв глаза, сделала то, что сказала ей Чу Ли. Программа пошла, и Чу Ли вздохнула с облегчением. С компьютером она взломала бы любой пароль, но для доступа к компьютеру в свою очередь нужен был пароль. Кстати, у этого компьютера паролем по умолчанию служило само слово «пароль».

Прошло полчаса. Чу Ли беспокоилась, но Чо Май не проявляла никаких тревожных признаков. Наконец машина отключилась, и Чу Ли подняла шлем.

— Запомни — нельзя вынимать картридж, пока не снимешь эту штуку.

Чо Май открыла сонные глаза и увидела встревоженные лица подруг.

— Не беспокойтесь, сестренки, я в полном порядке. — И не поняла, почему они встревожились еще больше.

— Чо Май, ты меня понимаешь? — спросила Чо Дай.

Чо Май кивнула, но при попытке выразить то же самое словами получилась безнадежно нсразборчивая смесь двух языков, и она не сразу сумела отделить один от другого.

— Это арабский, — пояснила Чу Ли. — Я слышала, как на нем говорят, но сама его не знаю. Однако это не язык корабля, я уверена. Первое время она будет путать языки, но потом это пройдет. Хорошо. Значит, номер первый — языковая программа. Если тридцать восьмой не имеет к языкам отношения, мы, пожалуй, попробуем номер два. Чо Май, ступай отдыхни. Приляг и поспи. Поспи.

Все еще немного ошарашенная, Чо Май, чувствуя легкое головокружение, вышла в салон и прикорнула в одном из кресел. Чу Ли сменила картридж на тридцать восьмой, села в кресло, надела шлем и, кивнув Чо Дай, откинулась на спинку. Чо Дай нажала пусковую кнопку.

Номер тридцать восьмой оказался техническим курсом по общему устройству корабля, в котором особое внимание обращалось на ремни, цепи, замки и прочие устройства безопасности. Программа не была привязана к определенному языку, а разыскивала в памяти пользователя подходящие слова и термины; при отсутствии таковых понять ее было просто невозможно, но Сон Чин из Китайского Технологического Центра с легкостью справилась с этой задачкой.

Проснувшись, она быстро пришла в себя и, сняв шлем, увидела, что в отсек входит Чо Дай. У девушки был виноватый вид.

— Прости, пожалуйста. Мне показалось, что все в порядке, и я пошла проведать Чо Май. Я и не думала, что это кончится так быстро.

— Ничего, — ответила Чу Ли. — Это была техническая программа, наверное, одна из самых последних. Там есть много ссылок на вещи, которых я не поняла, потому что они явно относятся к предыдущим модификациям, но теперь мне ясно, как и что здесь работает. Например, вон те два числа показывают, что мы пролетели уже шестьдесят процентов пути к Мельхиору и у нас остается примерно неделя, прежде чем мы войдем в зону контроля, когда любое наше отклонение от расчетного курса будет замечено и поднимется тревога. Если мы хотим взять на себя управление кораблем, у нас не так уж много времени.

— Так что, мне попробовать номер два?

— Нет. Я знакома с техникой, и этот картридж не особенно на меня повлиял. Давай-ка посмотрим, далеко ли идут языки. — Чу Ли взяла картридж номер десять и вставила его вместо тридцать восьмого. — Кто-то из нас должен сохранять свой разум непотревоженным. Твоя очередь придет потом. — Она надела шлем и откинулась в кресле. — Давай.

Чо Дай нажала пусковую кнопку и стала ждать. На этот раз Чу Ли вела себя неспокойно, а потом почему-то начала тяжело дышать и постанывать. Ее руки стали делать странные движения. Испуганная Чо Дай выключила ментопринтер.

Чу Ли приходила в себя очень медленно и, казалось, была недовольна тем, что ее отключили. Все ее тело слегка вздрогивало. Она открыла глаза и взглянула на Чо Дай; такой взгляд Чо Дай уже видела раньше, и в очень неприятных обстоятельствах.

— Это была... — проговорила Чу Ли, тяжело дыша, — это была порнографическая запись. Очень живая. Я была... мужчиной... в теле мужчины... а вокруг множество чужеземных женщин. Все они были нагие,

и все были к моим услугам. Я могла выбирать любую и делать все, что хотела. Такое чувство силы, господства... Я была... я и сейчас очень возбуждена.

Чо Дай не могла разделить с ней всю глубину ее ощущений, но понимала, почему такой картридж оказался у Сабатини и почему Чу Ли так на него отреагировала.

— Что ж, теперь по крайней мере ясно, откуда у нашего достопочтенного капитана его замашки и чем он занимался, когда на борту никаких женщин не было.

— Ну да, конечно. Я слышала, что такие записи существуют, но никогда с ними не сталкивалась. Это отчасти похоже на воспоминания, и для меня не было никакой разницы между реальностью и иллюзией. Мне даже в какой-то степени жаль, что я не прошла до конца, но я не осмеливаюсь. А еще мне хочется схватить тебя и сделать с тобой что-нибудь невероятное, сумасшедшее.

Чо Дай с облегчением улыбнулась:

— А разве это так уж и плохо?

— Для меня — нет. Я мечтала об этом с самого начала. Но для тебя это было бы извращением.

— Нет. Извращение — это то, что делали с нами стражники. Извращение — то, что делал с тобой Сабатини. Но то, что делается по любви и не вредит никому, не может быть извращением. Ты наполовину мужчина, наполовину женщина. Этого достаточно.

Они устроились на койке в каюте Сабатини, однако сейчас все было совсем иначе, а потом они уснули, усталые, но счастливые.

Проснувшись, Чу Ли почувствовала себя гораздо лучше и, перестав воспринимать свое перевоплощение с излишней трагичностью, решила взяться за дело всерьез. Чо Май попалась еще одна порнографическая запись, но на нее она оказала совсем другое воздействие. Похоже, Чо Май восприняла ее с точки зрения одного из женских персонажей, потому что очнулась не толь-

ко предельно возбужденной, но и донельзя покорной и стала умолять подруг снова надеть на нее цепи. Впрочем, Чу Ли решила, что это пройдет, и даже не стала ее слушать.

Они наткнулись еще на несколько лингвистических картриджей, а также обнаружили много программ по устройству и конструкции корабля, математике, основам космической навигации и компьютерным модулям. Один картридж содержал в себе полную схему связи между капитаном и компьютерным пилотом, что подтвердило догадку Чу Ли о том, что над этим кораблем Главная Система не властна. Однако именно здесь их поджидала ловушка.

Машина отключилась. Чо Дай сняла с Чу Ли шлем и стала ждать, когда та очнется. Картридж не вызывал подозрений и отработал положенное время, но когда Чу Ли открыла глаза, на лице ее отразился испуг.

— Что с тобой? — в один голос спросили сестры. — Что случилось?

— Я попалась, — ответила она. Взгляд у нее был стеклянный. — Я провела полчаса в мире своей мечты, а проснулась в кошмаре наяву. Вокруг меня темнота. Я ослепла.

10. ЗОЛОТЫЕ ПТИЦЫ ЛАСЛО ЧЕНА

На четвертый день после того, как он украл и использовал ментопринтер, Козодой вместе со своим маленьким племенем угодил в ловушку, расставленную ему Вороном и его чернокожей спутницей.

За эти три дня от восторженного ученого, мечтавшего спасти человечество, не осталось и следа. Теперь он понимал, что его прежняя жизнь была лишь бледной тенью настоящей жизни, жалкими потугами однокого и разочарованного мужчины среднего возраста оставить о себе хоть какую-то память, чересчур громко называемую «следом в науке». То, что раньше значило для него так много, теперь потеряло всякую ценность.

Программа позволила им невероятно быстро достичь поразительного уровня самообеспечения, и Козодой, насколько возможно, воздерживался от любых встреч с людьми. Он даже ни разу не воспользовался случаем выменять что-нибудь на остатки виски, как собирался вначале, потому что это было просто ненужно. Мелочи его не интересовали, а с одеждой и, может быть, оружием можно было пока не торопиться. Перед ним открывались новые перспективы, куда соблазнительнее тщеславных усилий оставить свою пометку на полях будущей книги истории. У него был шанс начать все сначала и в определенном смысле вновь стать молодым.

Танцующая в Облаках не задумывалась о таких вещах, ей просто хотелось быть рядом с ним. До сих пор толком не понимала, что они делают и почему. Сперва она привязалась к нему; потому что он был добр и нежен, потом они полюбили друг друга и поженились — обычное дело. Она понимала, конечно, что он узнал некую опасную тайну, но это ее не смущало. Что бы ни случилось, она решила разделить с ним его судьбу, а решив, больше уже не возвращалась к этому вопросу. Иногда ей было немного обидно, что он так недолго принадлежал ей безраздельно, но ведь там, в Иллинойсе, когда они взяли с собой Молчаливую, именно ей принадлежало право вето и она по собственной воле не воспользовалась им. До встречи с Козодоем жизнь Танцующей в Облаках трудно было назвать счастливой, но то, что пережила Молчаливая, не могло ей присниться и в страшном сне. Жалость быстро переросла в уважение к этой странной татуированной женщине; Танцующая в Облаках с легким сердцем участвовала в обряде смешения крови, а теперь считала, что Молчаливая — одной крови с ней и они принадлежат друг другу в не меньшей степени, чем Козодою.

Единственным способом узнать что-то о Молчаливой были вопросы, на которые можно ответить только «да» или «нет», но узнавать, строго говоря, было особенно нечего. У нее не сохранилось никаких воспоминаний о прошлом, она забыла своего ребенка и даже то, что когда-то могла говорить. Безусловно, это было к лучшему, ибо, если бы эти страшные вещи вдруг всплыли в ее памяти, она наверняка бы сошла с ума. Родного языка она тоже не помнила и думала, по сути дела, на разношерстной смеси слов и понятий, почерпнутой из нескольких десятков самых разных наречий. Даже английский «Кросс» не всегда мог помочь ей понять Козодоя или Танцующую в Облаках, потому что

ее словарный запас был ограничен, а грамматика пресельно проста.

Мир в ее представлении делился на селение Иллинойс, которое она страстно ненавидела, и Иное Место, откуда приходили и куда уходили все чужестранцы. Она до сих пор пребывала в полнейшем изумлении, оттого что это Иное Место оказалось таким обширным и интересным.

Когда она увидела, какую игру затеял ее хозяин со своими пленниками, то сразу поняла, что в итоге мужчина будет убит, а женщина станет такой же, как она. С этого момента она помышляла только о том, чтобы помочь им бежать, и надеялась, что они возьмут с собой и ее. Она привыкла считать себя собственностью, но предпочитала быть собственностью Козодоя, человека красивого и отважного, в ком она разглядела нежность, а кроме того, и грусть и боль, затаенные глубоко в сердце. Она никогда не думала, что может стать его женой — у нее даже не было представления о том, что такое жена, — но она понимала, что это уравнивает ее с Танцующей в Облаках, и гордилась этим.

Однако она вовсе не была несмышленой, как могло показаться на первый взгляд, — просто чудовищно невежественной. У нее не было даже элментарных представлений о племени и культуре, которые в той или иной степени знакомы даже последнему бродяге. Вместе с тем она понимала, что сейчас поднялась выше, чем могла себе представить даже в самых смелых мечтах, и всеми силами хотела сохранить это положение вещей. Ее спутники стали для нее воистину всем, и она не смогла бы покинуть их даже под угрозой собственной гибели.

Они приближались к очередной излучине; в отдалении, за деревьями, блестела вода, и Козодой с досадой подумал, что опять придется перетаскивать каноэ через песчаную косу между старицей и новым руслом реки.

Внезапно раздался громкий звук, словно бы распрымилась огромная пружина. С деревьев вспорхнули испуганные птицы, и почти в тот же миг невидимая рука остановила каноэ и опрокинула его.

Вынырнув, Козодой глотнул воздуха, огляделся и с облегчением увидел, как рядом из воды появились еще две головы.

— К дальнему берегу! — крикнул он женщинам. — Забудьте про каноэ!

Звук повторился, и на этот раз удар оказался сильнее. Разваливаясь на куски, каноэ взлетело в воздух и снова рухнуло в воду бесформенной грудой обломков.

Козодой и обе женщины достигли прибрежной отмели и выбрались на берег почти одновременно. Оставаться здесь было немыслимо: новый удар мог обрушиться на них в любое мгновение.

Программа выживания требовала разделиться, чтобы сбить погоню со следа, но чувство семьи пересилило. На тонкой почве не было ни скал, ни пещер — никакого укрытия. Им оставалось только бежать, не теряя друг друга из виду.

— Правильно, Козодой. Все бежишь, — иронически произнес незнакомый голос. Усиленный мегафоном, он доносился, казалось, отовсюду. — Продолжай в том же духе и увидишь, что река сыграла с тобой злую шутку. Здесь она делает петлю. Если пойдешь направо, то убедишься, что вода окружает тебя с трех сторон, ну а слева тебя ожидает сюрприз.

Они бежали, не обращая внимания на голос, покуда, как он предсказывал, не выскочили на берег. Раздался уже знакомый звук, и перед ними взметнулась стена воды, словно поднятая огромной рукой. Намек был недвусмысленным: здесь им не переплыть.

Козодой остановил женщин и подозвал их к себе.

— Бесполезно, — сказал он, тяжело дыша. — Каким же я был дураком, черт побери! Нам приготовили ло-

пушку и преслопойненько дожидались, когда мы в нее попадемся!

— Мы должны пробиться с боем или умереть сражаясь! — храбро ответила Танцующая в Облаках, и Молчаливая кивнула в знак согласия.

Ну как им объяснить про инфракрасные датчики, про то, что других людей поблизости наверняка нет, а они трое видны как на ладони? Как рассказать им о силе оружия, которым располагает враг?

— Нет, — ответил он. — Вспомни собственные слова о безрассудном воине. Быть может, это будет славная смерть, но, к сожалению, бессмысленная. Нам противостоит не Ревущий Бык и его иллийский сброд; это даже не племя в нашем понимании. Они могут на расстоянии причинить нам такую боль, что мы потеряем сознание, даже не успев вступить в бой. Нечего и думать победить в таком сражении. Но в конце концов это люди, а не демоны, и значит, существует хотя бы крошечная возможность договориться.

Танцующую в Облаках его слова не убедили.

— Но...

— Для вас обеих я муж и вождь! — рявкнул Козодой. — Вам сохранят жизнь, если пожелаете. Им нужен только я. Уходите немедленно — или повинуйтесь! Только так, и не иначе!

Танцующая в Облаках, нахмурившись, искоса взглянула на Молчаливую, но, прочитав на ее лице ответ, уступила и повернулась к Козодою:

— Говори, муж и вождь. Мы с тобой.

Козодой оглядел притихшую, неподвижную топь.

— Ладно! — прокричал он. — И что дальше? Выходить с поднятыми руками? Или у вас разработан особенный ритуал?

Преследователь появился внезапно и так тихо, что, несмотря на программу и опыт, они не услышали его приближения. Он был невероятно безобразен, и ору-

жие, которое он держал в руках, совершенно не вязалось с его обликом и одеждой.

— Ты напрасно кричал, — миролюбиво заметил кроу. — Я все время был рядом. Мое имя — Ворон.

Козодой пристально взглянул на него:

— Должно быть, я кому-то здорово понадобился, раз они послали кроу так далеко на юг. Тебе здесь не жарко?

— Я почти сварился. — Ворон пожал плечами. — Но это часть моего образа, знаешь ли. Не скажешь ли ты своим дамам, чтобы они не делали глупостей, иначе я разом вырублю вас всех?

— В этом нет нужды, кроу. — Танцующая в Обла-
ках вложила в последнее слово все презрение, на ко-
торое была способна. — Мы тебя понимаем.

Ворон был на мгновение ошеломлен, но потом кивнул:

— Ага, в упаковке нашелся и английский «Кросс», не так ли? А как тебе понравилась программа «Выживание»? Я сам участвовал в ее разработке, вот почему смог вычислить, как ты поведешь себя. Но, черт побери, в ней, похоже, есть кое-какие изъяны. В конце концов ты все-таки попался.

Козодой был сокрушен, хотя из гордости старался сохранять невозмутимость. Бегство, борьба и любовь, вкус свободы — все оказалось напрасно.

— Если бы ты не держался реки, тебе, пожалуй удалось бы ускользнуть, — заметил Ворон. — Системе пришлось бы послать за тобой Вала, но в глухих дебрях бессильны даже они. Конечно, с этой размалеванной красоткой вы были слишком заметны, но любая маломальская одежда могла бы поправить дело. — Он вздохнул. — Ну, пошли. У нас мало времени.

— А ты не боишься, что я расскажу тебе, почему за мной охотятся? — спросил Козодой. Это было его последнее оружие, но на кроу оно не произвело никакого впечатления.

— Ну, мне чертовски любопытно, ты это имеешь в виду. Твои откровения причинят мне немало забот, но все же значительно меньше, чем тебе. Видишь ли, они знают, что ты это знаешь, и Главная Система тоже знает. Факт. Но никто не знает, в курсе ли я, пока не сунет тебя под ментопроцессор, а поскольку ты у меня в руках, я успею принять меры.

Козодой был смущен и озадачен.

— Кого ты имеешь в виду? — спросил он. — Кто такие «они»? И в конце концов сам-то ты кто такой?

— Ловкий человечек с большим честолюбием, — ответил кроу. — Мои коллеги пригнали тебя прямехонько мне в лапы, а когда я доставлю тебя по назначению, меня ждет большой куш, даже если и придется с кем-нибудь поделиться.

Даже Танцующая в Облаках начала понимать, в чем дело.

— Так ты не из Консилиума? — с подозрением спросила она.

— Ну, в определенном смысле я все-таки оттуда. Официально я работаю на Агентство Кроу, которое по контракту сотрудничает с Консилиумом. Но этот случай — исключительный. Ты слишком важная персона, чтобы доверять тебя всяким недоумкам. Кстати, я уверен, что Вал уже идет по вашему следу, но это не имеет особого значения. Оставим его здесь, пусть побегает по кругу. Пока они сообразят, в чем дело, мы свое уже сделаем.

Козодой не знал, радоваться ему или огорчаться. Он готовился противостоять логике Главной Системы, а теперь оказался целиком и полностью зависящим от милости некой неизвестной третьей стороны.

— На кого ты работаешь?

— На того же, на кого работала связная. Как ты знаешь, она потерпела аварию. Я предполагаю, что она вышла на тебя и все тебе рассказала.

— Она умерла, — сказал Козодой. — Может быть, через день или два после того, как приземлилась. Скорее всего от ран. Я нашел тело и бумаги.

— Вот как... И разумеется, ты их прочел.

— Ты же знаешь, что да.

— До этого момента не знал. Ну что ж, спасибо. Значит, еще не все потеряно. Ну, пошли. Мне как-то не хочется встречаться с Валом. У нас еще будет время углубиться в историю.

— И мы? — спросила Танцующая в Облаках.

— Само собой, леди. Вы трое — это как раз то, что мне нужно.

В душе Козодоя страх постепенно начал уступать место гневу. Одно дело, когда за тобой охотится Консилиум, и совсем другое — когда это какой-то наемник, искатель награды. Это было унижительно, и к тому же нагота, совершенно неуместная в обществе человека такого рода, усугубляла это чувство.

Лагерь Ворона, расположенный в самом центре полуострова, охваченного излучиной реки, представлял собой небольшой переносной жилой купол, оштанившийся антеннами и детекторами, и, увидев его, хайакут сообразил, что преследователи наверняка немногочисленны: всей операцией можно было управлять дистанционно прямо отсюда. Оборудование у них было первоклассное, по меньшей мере на уровне Высшего Консилиума, и он задумался о том, как Ворон умудрился получить его без санкции высокого начальства.

Ответ обнаружился, когда навстречу им вышла напарница кроу. Танцующая в Облаках и Молчаливая уставились на нее со страхом и удивлением. Им никогда еще не приходилось видеть такой загадочной, такой высокой, такой сильной — и такой черной женщины.

Здесь, в Северной Америке, Манка Вурдаль частенько наблюдала подобную реакцию, и всякий раз

она доставляла ей удовольствие. Местные жители не знали, человек она или демон, да по правде говоря, и сам Ворон, проведя в ее обществе пару недель, уже не мог бы сказать с уверенностью. Она была горда, тщеславна, аристократична — и не делала различий между добром и злом. Ворону, что да, то да, за хорошую плату приходилось заниматься всякими делами, но он всегда знал, хорошо он поступает или плохо, — другое дело, что он все равно поступал так, как было нужно. Для Вурдала же люди делились на две категории: полезные и ненужные. В глубине души она явно считала себя вознесенной над всем сущим и к тому же бессмертной. Ей ничего не стоило, скажем, срезать из бластера дерево всего лишь потому, что неловко отстраненная ветка хлестнула ее по лицу. Вот и сейчас она рассматривала трех пленников с видом вивисектора, изучающего подопытных крыс, и при этом помахивала хлыстом, который держала в левой руке.

— До чего причудливы и примитивны, — пробормотала она на малоразборчивой карибско-английской смеси. — А блохи у них есть?

— Иногда они кусаются, — раздраженно ответил Козодой.

На ее лице появилось угрожающее, почти безумное выражение, рука, державшая хлыст, дернулась. Ворон поспешно встал между ними.

— Хватит! — воскликнул он. — Ты хотела их получить — вот они. Делай что хочешь, но не забывай, для чего ты здесь и на кого работаешь.

Рука с хлыстом опустилась, но взгляд ее по-прежнему оставался безумным.

— Ну ладно, — сказала она. — На первый раз спущу тебе эту дерзость, но не испытывай моего терпения, дикарь. Есть вещи, ради которых я могу поступиться любым вознаграждением. Вы — все вы — теперь принадлежите мне, как принадлежат кому-то со-

баки, лошади, одеяла. Вы мои, пока я не продам вас. Силовое поле настроено на нас двоих. Вы не в состоянии миновать его без сопровождения и, уверяю вас, я никогда не помогу вам его открыть.

— На них это не подействует, — заметил Ворон. — Ты совсем не понимаешь здешней культуры. Даже получить ранг взрослого мужчины можно здесь только пройдя через достаточно серьезные пытки. Смертью их не напугать, а убив своих пленников, ты покроешь их славой, а себя — позором.

— Но у него есть женщины! — угрожающе бросила она.

— Да чтоб тебя... Если он уступит тебе, чтобы их спасти, то потеряет их уважение и станет для них все равно что мертвым. Как и они для него. Ты втянула меня в это дело из-за того, что они принадлежат к моей расе, чтобы не попасть впросак. А я согласился потому, что мне понравилось вознаграждение. Так вот, выбирай прямо сейчас между вознаграждением или своим самолюбием.

Она резко повернулась к Ворону:

— Ах ты насекомое! Да как ты смеешь так со мной говорить!

— Ну валий — попробуй убить меня на месте. Может, у тебя и получится. А если получится, то ты заведешься настолько, что прикончишь заодно и их, а когда Он начнет искать виноватых, то найдет только тебя. Я думаю, что в таком случае билет до Мельхиора тебе обеспечен.

На ее лице появилась тень сомнения. Она стоит ступенью выше Ревущего Быка, подумал Козодой, но есть на свете вещи, которых страшится и она. Вурдаль сама понимала это и понимала еще, что Ворон не только об этом знает, но и выставляет напоказ. За это она еще больше ненавидела его, но вынуждена была смириться.

— Что ж, позабиться о них, а я вызову ским. Остальное уладим по дороге. — Она повернулась и вошла в купол.

— Твоя напарница чокнутая, — спокойно заметил Козодой. — Рано или поздно она выкинет что-нибудь такое, что выдаст вас с головой.

Ворон невесело усмехнулся:

— Знаю. Я, черт возьми, надеялся, что все закончится быстро. Впрочем, если она что-то делает, то делает хорошо, и полезна многим, обладающим властью. Что, кстати, опять возвращает нас к вам троим.

— Ты сказал ей правду, — вмешалась Танцующая в Облаках. — Я вижу, что даже кроу разбираются в таких вещах.

— Слушайте, леди, вы отнюдь не предмет торга и здесь только потому, что я хочу обеспечить вашему благоверному все возможные удобства.

— А еще, вероятно; потому, что тебе не помешают трое помощников, если твоя приятельница окончательно свихнется, — добавил Козодой.

Ворон пожал плечами:

— Может, ты и прав. Однако нам предстоит серьезный разговор. Садитесь, где стоите.

Все сели и уставились на кроу.

— Ну, так вот вам эта история, — начал он. — Не так давно где-то в Южной Америке нелегальная группа техов наткнулась на некие старинные бумаги. Козодой знает, что в них было. Я — нет, за исключением того, что эти бумаги — нож, приставленный к горлу Главной Системы. Запретное дело. Потом выяснилось, что в бумагах имеются намеки не на кого иного, как на самого Ласло Чена. Как администратор-полукровка со Среднего Востока оказался замешанным в этом деле — не пойму хоть убейте. Но как бы там ни было, они вбили себе в голову, что только Чен может им помочь, и почему-то были уверены, что он захочет. Они связались с некоторыми из моих коллег и наконец донесли свое

слово до Чена. Не имею ни малейшего представления, что они ему наплели, но старик заинтересовался. Увлекся. Однако они намеревались что-то выручить за эту информацию, а Чен, видимо, не желал выдать им требуемое. Короче говоря, он пустил в ход свои связи, на техов устроили налет, всех перебили, но бумаги попали в нужные руки. Они пошли по скрытой сети связных и в конце концов очутились в Карибском Регионе.

— Откуда родом наша высокая госпожа, не так ли? — вставил заинтересованный Козодой.

— Да, вроде того. Не вдаваясь в подробности, скажу, что она кровью и тяжелым трудом проложила себе путь к вершинам тамошнего агентства безопасности. Так вот, именно она разработала систему связи. От острова к острову, потом — Сибирь, Китай, и наконец — Чен. Но, как ты и сам уже понимаешь, что-то пошло не так. Главная Система пронюхала, что бумаги существуют, и нажала на все кнопки по всему миру. И вот связная терпит крушение, получает ранения и умирает, а ты находишь бумаги, прочитаешь их и внезапно срываешься с места. Поскольку за связную поручилась Вурдаль, Манку отрядили сюда, чтобы вычислить предателя, а поскольку она совсем не знает здешних мест, в помощь ей дали меня. Я в то время не участвовал в каком-то конкретном расследовании и занимался простым патрулированием, так что особого выбора у меня не было, тем более что мне уже приходилось работать на карибов. Мы надеялись перехватить вас раньше, чем Система, и нам это удалось — по крайней мере пока. Теперь мы доставим вас куда следует, наш босс заметет следы, спасет наши задницы, и на этом дело для нас закончится.

Его рассказ выглядел настолько абсурдно, что просто обязан был оказаться правдой, и Козодой невольно рассмеялся:

— Чен! Так вы работаете на Чена!

— Ну да, по-моему, это ясно. Что тебя так расмешило?

— Да ведь именно к нему я и собирался! Он вполне может использовать эти бумаги, и у него достаточно власти, чтобы помочь мне выйти сухим из воды.

— Я так и думал, но, видишь ли, Бегущий по Грязи не смог бы тебе помочь. Его хозяйство напрямую соединено с Главной Системой. Он бы проникновенно извиваясь, запил бы на неделю из-за угрызений совести, но тем не менее спустил бы с тебя шкуру заживо. Так что с этой точки зрения мы для тебя пока — лучший вариант. До Чена далеко, и в одиночку тебе нипочем до него не добраться. Но поскольку мы не можем доверять тебе окончательно, у тебя есть несколько способов путешествия, на выбор.

— Слушаю, — сказал Козодой.

— Прежде всего, можно обездвижить тебя и везти в таком виде. Это будет нелегко, зато надежно. Второй вариант — ты принимаешь гипнограмму, закрепленную ментопринтером. По прибытии в место назначения мы ее снимем. И наконец, можно связать тебя, заковать в цепи и заткнуть рот. Что скажешь?

Козодой понимал его сомнения. Перевозить человека, а тем более нескольких, усыпленными или в цепях, слишком рискованно, и кроме того, понадобились бы лишние люди. В то же время Ворон знал, что Козодой и Танцующая в Облаках прорвались сквозь гипнощит, и не был уверен ни в том, сколько продержится гипноз, ни даже в том, подействует ли он вообще, если применить его насилино. Он хотел заручиться их добровольным согласием, прежде чем начать гипнообработку.

— Что за гипнограмма? — спросил Козодой. — Одна из тех, которыми располагает твоя напарница?

— Ничего особенного. Что-нибудь такое, что обеспечит нам хорошее прикрытие, и не более того. Я сам не любитель таких мер, но, если вас опознают, не хо-

телось бы, чтобы произошла утечка информации. Честно говоря, я не хочу даже, чтобы стало известно, что вы вообще знаете что-то стоящее, надеюсь, вы меня понимаете?

Они понимали.

— Но зачем ты берешь нас? — вмешалась Танцующая в Облаках. — Разумеется, мы обе пойдем за ним куда угодно, но тебе-то зачем о нас беспокоиться?

— Леди, я не знаю точно, с чем имею дело, да и не особенно хочу знать. Насколько я понимаю, Чен может выслушать его и приказать убить вас всех или превратить в домашних животных. Но может и принять вашего мужа как величайшего героя на Земле, дать ему высокий и влиятельный пост и наделить большой властью. Взять вас с собой мне почти ничего не стоит, а вот расплачиваться за ошибку, если я этого не сделаю, мне придется очень дорого. Ну что, Козодой, ты чего-нибудь надумал?

От историка требовалось серьезное решение, но принять его было в общем-то несложно. Говоря о том, что Козодой нужен Чену, так сказать, в первозданном виде, Ворон не лгал, и можно было надеяться, что это относится и к остальным. О Бегущем по Грязи он тоже сказал правду — впрочем, в глубине души Козодой и сам не очень-то верил в старика. Уход в дикую жизнь тоже, по существу, был иллюзией, хотя и более романтической. Действительно, невозможно же вечно прятать Молчаливую — а бросить ее Козодой не мог, также, как не мог бросить и Танцующую в Облаках. Так или иначе, а будущее его семьи и племени в данный момент целиком зависело от Чена.

Однако во всем этом имелся один деликатный вопрос. Гипнограммы Ворона были наверняка ориентированы на нужды службы безопасности и не особенно милосердны. Но Козодой боялся даже подумать, на что может быть похожа библиотека Вурдаль.

— Мы примем гипнограммы и ментокопии, — наконец решился он, — но только если они будут из твоего комплекта.

— Ну разумеется! — воскликнул Ворон. — И нам лучше начать немедленно. Скиммер прибудет в сумерках, а наше путешествие и без того грозит затянуться: вокруг становится слишком жарко.

Программа была опустошающей — впрочем, именно такие программы наилучшим способом обеспечивали безопасность и защиту в дороге. С того момента, как Ворон установил ее и включил, они полностью утратили себя. Иногда в сознание пробивались какие-то расплывчатые пятна, яркие огни, странные выкрики на непонятных языках, но это никоим образом не складывалось в осмысленную картину, и даже чувство времени было утеряно. Однако ни Козодой, ни женщины не испытывали ни страха, ни тревоги — эти чувства остались там, в другой части мира.

Козодой очнулся с обычным ощущением головокружения и тошноты, вызванным применением гипнотиков и ментопринтера, но быстро пришел в себя. Он лежал на роскошном ковре в большой палатке, здесь было тепло и сухо. Первая мысль его была о женах, и он встревожился, не увидев их рядом. Он с трудом встал и попытался собраться с мыслями.

— Похоже, у нас кое-что получилось, — услышал он знакомый голос и, обернувшись, увидел Ворона, с недокуренной сигарой во рту развалившегося на низком диване, застеленном мехами. Несмотря на тревогу, Козодой невольно подумал, не держит ли Ворон одни только полувыкуренные сигары.

— Я обещал, что ты попадешь сюда, и вот ты здесь, — продолжал кроу. — Но встречу с девушками придется отложить. Тебе надо подготовиться к аудиенции у очень влиятельного человека. А потом уже

произойдет счастливое воссоединение семейства или что-то другое, смотря по обстоятельствам.

— Я хочу видеть их немедленно!

Ворон вздохнул:

— Слушай, хайакут. Ты уже не в Северной Америке, и твой Консилиум на другой стороне Земли. Должен сказать, что доставить тебя было непросто, и кое-кому пришлось пожертвовать жизнью, чтобы сохранить это втайне. Теперь ты встретишься с тем, кого, по твоим же словам, с самого начала стремился увидеть. Ты поверил мне насчет гипнограммы — и внакладе не оказался. Продолжай в том же духе, и все будет в порядке.

Козодой кивнул. Он понимал, что кроу прав. Лучше идти до конца. В конце концов, какая разница? Чен уже предал людей, которые первыми узнали о перстнях и связались с ним. Кто мешает ему обойтись с Козодоем иначе?

— Эти люди моются раз в сто лет, — заметил Ворон. — Но у них куча правил и церемоний. Мы обрядим тебя по высшему разряду.

Козодой удивился:

— Так мы не в ташкентском Центре?

— За кого ты принимаешь Чена? Этот палаточный городок разбит где-то в степях Прикаспия. Он прибыл со своей свитой часа полтора назад, и все как один на верблюдах, можешь себе представить? Я слыхал о них, но живьем не видал никогда. Мне плевать, сколько воды они носят в горбу, я предпочитаю лошадь или даже мула, если на то пошло.

Подготовка к аудиенции оказалась необременительной, хотя и несколько странноватой. Козодоя обступили женщины, с головы до ног закутанные в причудливые одеяния, из-под которых поблескивали только глаза; все они говорили на языке, не похожем ни на один знакомый Козодою. Хихикая и пересмеиваясь, они обтерли его влажными полотенцами, смоченными

в большом тазу с прохладной водой, подстригли ему ногти, расчесали и подровняли его длинные черные волосы — остричь их совсем он не позволил. Потом его одели в темные шерстяные штаны, заправленные в высокие сапоги для верховой езды, и красную шерстяную рубашку, которую полагалось носить на голое тело — и он был готов. Ворон, по-прежнему одетый в свою неизменную оленью замшу, одобрительно взглянул на него.

— Порядок. Хоть сейчас готов грабить мирных поселян, — заметил он своим обычным насмешливым тоном. — И как тебе в этом?

— Чешется, — пожаловался Козодой.

Ворон безразлично пожал плечами:

— Чешется ему... Будь на тебе мало-мальскиличная одежда, когда я тебя подцепил, не пришлось бы напяливать на тебя эту. Теперь я объясню тебе здешний протокол, а ты выполнишь его в точности, каким бы унизительным он тебе ни показался. Наш хозяин вынужден поддерживать местные обычаи, и в твоих интересах, чтобы он проявил себя с наилучшей стороны. Он предпочитает говорить по-английски, так что учить язык тебе не придется; кстати, здесь английским владеет только он, и даже его помощники по Центру не знакомы с этим языком. В этих местах английский не особенно популярен. И ни на минуту не забывай, с кем имеешь дело, даже если он постарается разыгрывать свойского парня.

Козодой кивнул в знак согласия. Сперва Ревущий Бык, потом Манка Вурдаль и Ворон, и вот наконец он добрался до самого верха иерархии Властелинов Срединной Тьмы. Козодой никогда не встречал Императора Консилиума и не видел его, но этот титул как нельзя лучше соответствовал положению Ласло Чена.

Его провели в огромный шатер, раскинутый посреди широкой равнины, которая некогда была югом

центральной части Советского Союза, а еще раньше — владениями легендарных монгольских завоевателей. Козодою казалось, что он соскользнул назад во времени, к тем далеким дням, когда Чингисхан со своими воинами опустошал эти земли в попытке создать мировую империю.

У входа в шатер горели факелы, а внутри — масляные лампы. Пол был устлан коврами, чуть в стороне Козодой заметил шахматный столик с резными фигурами, стоящими в довольно интересной позиции. В глубине шатра возвышалось роскошное кресло, скорее напоминающее трон и украшенное замысловатой резьбой. Вместе с тем здесь нестерпимо воняло. Прimitive роскошь не произвела на Козодоя особого впечатления. Интересно, подумал он, мылся ли хоть один из свиты Императора хотя бы раз в жизни.

Уверенной походкой в шатер вошел Ласло Чен. Охрану он оставил снаружи. Ростом он был под два метра, а весил, наверное, килограммов полтораста, но, как ни странно, отнюдь не выглядел толстым, а скорее огромным и могучим. Несмотря на китайскую фамилию, ростом и статью он был обязан скорее всего монгольским предкам, а еще, возможно, примеси крови древних казаков. Его длинные черные волосы, как и густая окладистая борода, были заметно тронуты сединой; он носил малиновый тюрбан и яркое просторное одеяние. В ушах у него были золотые серьги с огромными рубинами, а пальцы унизаны множеством драгоценностей, из которых Козодоя интересовала только одна.

Хайакут, как его учили, опустился на колени и, склонив голову, ждал, когда его соизволят заметить. Чен взгромоздился на трон и взглянул на человека, стоящего перед ним на коленях.

— О, пожалуйста, вставай. Прошу прощения, что заставил себя ждать, друг мой, — сказал Чен небрежно-ободряющим тоном. — Я человек занятой, мне сто-

ило большого труда выкроить время для встречи с тобой.

Его акцент выглядел не особенно странным, скорее казался просто небрежностью в произношении и не носил никаких следов местных наречий, но Козодой отметил, что он может слегка изменяться, как бы подстраиваясь под речь собеседника. Этот человек был прирожденным лингвистом. Историк встал и обнаружил, что по-прежнему вынужден смотреть на собеседника снизу вверх.

— Я ценю ваши усилия, повелитель, — вежливо ответил Козодой. — Но я причинил хлопоты самым разным людям, чтобы добиться этой аудиенции.

В ясных, проницательных глазах Ласло Чена мелькнула улыбка.

— Ты пришел ради перстня. Ты пришел потому, что тебе невмоготу и ты устал быть одной из пасомых овец.

Козодой вздрогнул:

— Не читаете ли вы мои мысли?

Чен усмехнулся в ответ:

— Тому, кто хорошо понимает другого, нетрудно прочесть его мысли. Когда я вошел, ты подумал нечто вроде: «Вот он, примитивный и отсталый, носящий на безымянном пальце нечто такое, чье значение он едва ли способен понять. Как бы мне сторговаться с ним на этот счет?»

— Я... я не был столь невежлив в мыслях, однако насчет остального вынужден согласиться. Но в таком случае, насколько я понимаю, вы и без меня отлично знаете, что находится в ваших руках.

— И да и нет, — признался Император. — Пойдой и взгляни на него: Двадцать лет назад я сделал то же самое.

Помимо воли, охваченный волнением, Козодой приблизился. Он боялся, что перстень окажется невзрачным или аляповатым, но это была вещь изумительной красоты. В свете масляных ламп призывно

мерцали алмазы, рубины, изумруды и другие драгоценные камни, а серебряный символ на пластинке из жадеита, венчающий перстень, был столь совершенен, что его не могла бы создать рука самого искусного художника. Три миниатюрных птицеподобных создания расположились треугольником вокруг вставленного в центре бриллианта.

— Проклятие любого, кто носит такой перстень, в том, что он не может позволить себе проявить сколько-нибудь заметное любопытство к природе этого сокровища, — сказал Чен. — Ядро программы заставляет Главную Систему заботиться о том, чтобы все пять перстней находились в руках людей. Если один из них будет уничтожен, она должна изготовить новый — что само по себе выглядит достаточно иронично. Никто не обязан знать о назначении перстней, но всякий, кто попытается разыскать владельцев остальных четырех, обречен. У меня нет никакого желания попасть в число обреченных, и ты, надеюсь, сам это понимаешь.

Козодой кивнул:

— Но вы его исследовали?

— Безусловно. Внутри этой красивой оболочки под жадеитовой пластинкой находится, по сути дела, маленький компьютер, связанный с перстнем каким-то способом, о котором я могу только догадываться. К сожалению, руководство по применению утеряно, и, вне всяких сомнений, намеренно. Эта вещь стала символом главы Президиума, чей пост я сейчас занимаю, но давно уже подозревали, что она — нечто большее, чем просто символ.

— Он прекрасен, — сказал Козодой, с трудом отрывая глаза от перстня.

— Да, прекрасен, так и должно быть. Подозреваю, что наши предки, создавшие современный порядок вещей, имели некую тягу к мифологии или по крайней мере чувство юмора. Волшебные перстни власти, открывающие тайны Вселенной. Мифы и легенды о

таких предметах стары, как само человечество. В те дни какой-нибудь Ясон или Синдбад отправился бы в поход за волшебными талисманами, победил злых правителей или чудовищ, которые охраняют их, и преодолел все препятствия, воздвигнутые природой, людьми или сверхъестественными силами. У нас есть все, чтобы создать новую мифологию, но будет весьма трагично, если ее предмет на деле окажется не столь значительным, каким представлялся. Я знаю, что перстни достаточно важны, чтобы попасть в разряд запретного знания, но не знаю почему. Ты расскажешь мне.

— Создатели Главной Системы отдавали себе отчет в том, что совершают нечто беспрецедентное, — начал Козодой. — И безусловно, предусмотрели возможность отключить или по крайней мере подчинить человеческой воле Главную Систему. В ядре программы заложено требование поддерживать существование перстней и заботиться о том, чтобы они всегда находились в человеческих руках. Людей, облеченных властью. Таких людей, как вы, повелитель. Она обязана сохранять в исправности соответствующий интерфейс, с тем чтобы эти люди, все пятеро, могли активировать программу перекрытия. Сами кольца — всего лишь части программного кода. Они должны быть собраны вместе и вставлены в определенном порядке, а как только это будет сделано, Главная Система станет подчиняться приказам этих пятерых.

— Исходя из других источников, я подозревал что-то в этом роде, но ты дал мне полное подтверждение. А теперь расскажи мне все, что ты помнишь из этих бумаг. Естественно, твой рассказ будет записан.

Историк принялся вспоминать — тщательно, стараясь не упускать деталей. Он сам удивлялся, как легко приходят к нему воспоминания, и подумал, что вместе с программой восстановления ему дали какой-то стимулятор памяти. Когда он окончил рассказ, Чен не-

сколько минут просидел в задумчивом молчании и наконец очень тихо сказал:

— Я знаю, где находятся три из остальных четырех.

Козодой пристально взглянул на него:

— В таком случае у вас есть все, что требуется для довольно опасной сделки, повелитель.

— Я не заключаю сделок, особенно когда дело касается таких предметов. Ты сказал, что перстни должны принадлежать людям, наделенным властью. Но по сути дела, практически любой, кому удастся каким-то образом завладеть одним из перстней, например украсть его, тем самым обретает и влияние, и власть. Руководствуясь своими смутными догадками, о которых я упоминал, я начал приготовления. Это было нелегко, и один неверный шаг мог оказаться последним даже для меня.

— Значит, вы хотите собрать перстни. Все перстни.

— Именно так. Я распустил по всему свету неясные легенды и смутные намеки. Пожалуй, каждый десятый из того ничтожного меньшинства, которое владеет грамотой, что-то об этом слышал. Я забрасывал удочки наудачу, и наконец мне попалась крупная рыба. Те, кто нашел эти записи, действовали не по моему повелению, но я по всему миру следил, не клонет ли кто-нибудь на мою наживку. Иные достигают величия, рискуя многим, если не всем, а иные остаются овцами и не заслуживают большего.

У Козодоя упало сердце:

— Я не форель у вас на крючке.

— О, ты не прав. Почему ты прочел бумаги, зная, что это причинит тебе муки? Почему ты решил донести это знание до меня? Из чувства самосохранения? Вздор! Возможно, ты убедил в этом себя, но если бы ты и вправду руководствовался им, то никогда не осмелился бы прочесть их. Тогда почему же? Знаешь ли ты себя так же хорошо, как знаю тебя я?

Козодой хранил молчание.

— Ты пришел ко мне, — продолжал Чен, — потому что веришь, что должен существовать какой-то выход из этой сумятицы. В глубине души, на дне подсознания ты желаешь, чтобы все пять перстней воссоединились. Ты жаждешь покончить с правлением компьютеров, которое стало удавкой для человечества. Ты хочешь верить в то, что с ним можно покончить. Другие — те, что могли прийти и не пришли, — всего лишь овцы, и они либо удовлетворены существующим порядком вещей, либо страшатся последствий любых перемен, страшатся настоящей свободы. Они успокоены, ибо запуганы. Ты боялся, что сказка обернется ложью. Они же боятся, что она окажется истиной.

Козодой был в смятении, но не забывал, где он находится и что привело его сюда. Попытаться разомкнуть тиски всемогущей Системы и упорно трудиться, уповая на единственную трещину в ее монолите — благородное дело, но в том крайне маловероятном случае, если все перстни будут собраны и отыщется способ их использования, ради кого это будет сделано? Ради Ласло Чена, грезящего о мировой империи и мечтающего, по сути дела, о божественной власти? Когда-то мысль Козодоя уже прошла этот путь, и он ответил «да», однако теперь он не был настолько уверен в своей логике.

— Система ввергла человечество в застой, — сказал он вслух, — и чем дольше это продолжается, тем меньше шансов, что найдется кто-то, кто сможет положить этому конец. Не исключено, что и сейчас уже слишком поздно. Однако у нынешней системы есть и некоторые заслуги. Возможно, не будь компьютерного переворота, человечество давно бы прекратило свое существование. В определенной мере нас отбросили назад, но внутри установленных рамок мы остаемся свободными. В конце концов, мы избавились от неусыпных глаз, следящих, кто и когда идет в туалет, и даже этот наш разговор не контролируется. Компьютерам без-

различны такие мелочи. Мы находимся в колее, но человечество так или иначе будет двигаться в колее — вопрос лишь, в какой. Должен признать, что существующее положение вещей мне лично не нравится, но как историк я обязан рассматривать все альтернативы.

Чен встал и принял медленно расхаживать перед троном. Теперь он выглядел еще внушительнее.

— Мы не рабы, это правда, — согласился он. — Но знаешь, кто мы такие? Мы живые игрушки. Игрушки и подопытные животные. Наша долгая жизнь — первопричина смерти. Отбросить нас на столетия назад, рассеять среди звезд, а потом подзадорить и посмотреть, что у нас получится, — но лишь до тех пор, пока мы не делаем попыток овладеть прежними достижениями. Мы — межзвездная империя, о какой мечтали наши предки, но не мы правим ею. Мы межзвездные торговцы, торгующие людьми, умением и идеями, но вот мы двое, ты и я, сидим при свете факелов в шатре, разбитом среди богом забытой степи, а вокруг бродят верблюды; мы утопаем в море лиц, которые с каждым днем радостно становятся все более невежественными, все более бессмысленными, все более безмятежными... Подвластная мне территория больше, чем любая империя в истории человечества, но я же правлю отбросами!

— Возможно, все обстоит именно так, как вы говорите, — вежливо согласился Козодой. — И все же прошу прощения, могущественный повелитель, если я укажу, что в качестве альтернативы вы предлагаете себя и только себя. Я полагаю, что безразлично, насколько мудрым, благим и добрым являетесь вы лично или насколько удивительными являются ваши мысли, — я думаю о том, способно ли вообще человеческое существо воспринять такую власть и не повредиться в уме. Раньше, и не так уж давно, я считал, что любой человек предпочтительнее компьютера, но забыл, что даже абсолютные властители прошлого были ограничены в своем могуществе. Может

существовать только одна Главная Система. Второй, со-
стязающейся с ней, никогда не будет. Эта власть не-
оспорима.

— В самом деле? А ты, что сделал бы Ты, окажись
у тебя все пять перстней и секрет их использования?

— Человечество вновь стало примитивным, но
вместе с тем обрело и уверенность в себе, а в широком
смысле слова оно отнюдь не невежественно. У нас есть
своя история, своя культура, мы способны к самосто-
ятельной жизни. Я бы отключил правящие компьюте-
ры и предоставил бы событиям идти своим чередом,
без всяких ограничений, даже если новый подъем и
объединение человечества займет тысячелетия.

— Ты заблуждаешься во многих отношениях, друг
мой, — сказал Ласло Чен. — И прежде всего в том,
что может существовать только одна Главная Система. Здесь, в Центрах, и там, в иных мирах, мы в состоянии
проводорачивать большие дела под самым носом у Глав-
ной Системы только потому, что она тем временем за-
нята другим. В течение столетий она распространяла
свою власть на всю Галактику, пока не столкнулась с
чем-то иным, с чем она не может справиться. Где-то
далеко от нас идет затяжная война. Пока она не за-
трагивает живые существа, по крайней мере я так
думаю, но ситуация патовая и продолжает оставаться
таковой, поскольку ни одна сторона не может ни ус-
тупить, ни выиграть. Системы на местах ослаблены, и
теперь их легче обвести вокруг пальца. Этим восполь-
зовались очень многие, и Главная Система постепенно
начинает убеждаться, что пренебрегла своим тылом. В
такой ситуации самый простой путь — закрутить
гайки. Уничтожить Центры. Уничтожить техническую
элиту. Вернуть всех к полнейшему варварству и тем
самым развязать себе руки на несколько тысяч лет.
Модельные эксперименты такого рода уже проводятся
в некоторых мирах.

— Когда-то я тоже мыслил вселенскими понятиями, повелитель, — отвечал Козодой, тщательно подбирая слова. — Но потом обстоятельства бросили меня в другую крайность и поставили на уровень, столь же низкий, как тот, который вы только что упомянули. Я не похож на вас. В своей личной и профессиональной практике вы руководствуетесь своим положением, своим честолюбием, своим влиянием. Мне же приходится выбирать между личными — духовными, если хотите, — и вселенскими целями и устремлениями. Я выбрал первое. Моя роль в этом деле уже сыграна.

Тонкие брови Ласло Чена поползли вверх:

— В самом деле? Примитивная жизнь? И надолго ли? Неделю? Месяц? Год? Надолго?

— Достаточно надолго, — ответил Козодой.

— Пустое. Не позволяй своему романтизму ослепить тебя. Ты человек технического мира, ученый с выдающимися способностями, получивший великолепное образование. Аналитический ум, предмет занятий которого — человеческое поведение. И в то же самое время ты — человек, умеющий рисковать, человек, который, будучи заброшенным в дикую местность, беззащитный, практически голый, сумел выжить и посрамить судьбу. На свете немного таких людей, и еще меньше тех, что способны достигнуть твоего положения, где могут проявить себя и полностью раскрыть свое внутреннее «я». Мне нужны такие люди. Тебе необходимо обрести чувство реальности и расширить свой мысленный кругозор. Ты понимаешь, что я не могу отпустить тебя просто так. Охота за тобой не прекратится никогда, а любые манипуляции с твоим сознанием в конце концов будут раскрыты и приведут ко мне. Я мог бы переориентировать твою психику на служение мне, но это опять-таки будет выглядеть весьма подозрительно. Итак, раз ты не принимаешь мою точку зрения, как же мне с тобой поступить?

— Другими словами, меня следует убить?

— Надеюсь, что нет. Это непродуктивно. С другой стороны, мой друг Ворон уверяет меня, что ни угроза смерти, ни заложники не заставят тебя свернуть с пути даже на время, не говоря уже о долгом сроке. Так что же мне делать с тобой?

Козодой почувствовал тревогу:

— Повелитель, где мои жены?

— Мы должны найти способ перестануть тебя на нашу сторону, — продолжал Чен, словно не слыша вопроса. — И прежде всего следует поместить тебя в безопасное место, где ты сможешь без помех разобраться в себе и принять решение. Прекрасно, я отшлю тебя к твоим женщинам и покажу тебе, что такая настоящая примитивная жизнь, до тех пор, пока не смогу организовать рейс до Мельхиора. Ты знаешь, что такое Мельхиор?

— Я слышал, что это секретная тюрьма, повелитель. Где-то в космосе.

— Это частный исследовательский центр, где трудятся люди с огромными творческими способностями. Он неподвластен Главной Системе, поскольку еще никто и никогда не покидал его. Но их контролирует Президиум, а Президиум контролирую я. Я поставлю перед ними некую задачу и посмотрю, действительно ли их способности так велики, как они говорят. Ну что ж. Пока ты свободен. Мои люди позаботятся о тебе — и о твоих женщинах тоже. Ступай. Но что бы ни случилось, помни: перстни будут у меня!

Поклонившись, Козодой повернулся и пошел к выходу, где его ожидала стража. Он чувствовал себя подавленно. Чен проводил его взглядом, затем сделал повелительный жест, и из-за занавесей позади трона появились две фигуры.

— Вы все видели и слышали?

— Что вы с ним сделаете, повелитель? — спросила Манка Вурдаль.

— Прежде всего преподам ему урок уязвимости. Он отправится на мою подземную частную базу, куда я уже послал его жен. Там они будут отделены от всех силовым полем. Это будет первая ступень его образования. Затем мы пошлем их на Мельхиор, и как можно скорее. Это будет труднее, нельзя позволить Главной Системе идентифицировать их или хотя бы узнать, что они уже не на североамериканском игровом поле. Что касается вас двоих, то вы освобождаетесь от всех ваших прежних обязанностей и поступаете на службу Президиума. Отправитесь вместе с ними.

Ворон встревожился:

— Но, повелитель! *Туда?*

— Именно. И я хочу, чтобы вы прошли дополнительное обучение. Эта миссия будет... э-э-э... деликатной.

Вурдаль была настолько же польщена, насколько Ворон расстроен. Еще бы — служба Президиума!

— И что же должно произойти на Мельхиоре? — спросил Ворон, позабыв об этикете. Чен словно бы и не заметил этого.

— Там они подвергнутся некоторой обработке — разумеется, обратимой, — несколько расширят свое представление о Вселенной и, надеюсь, смогут получше сориентироваться в том, что касается их собственного положения. У них завянутся полезные знакомства, и наконец, перед ними откроется выход. Первый успешный побег за всю историю Мельхиора. Им будет указан путь, хотя сами они будут считать, что действуют самостоятельно. И наконец, они отправятся в поход за остальными четырьмя перстнями, даже не подозревая, что это делается для меня. Впрочем, Козодой может о чем-то догадываться, но это не имеет значения. Его будут преследовать, и он будет бояться. Перед нимстанет выбор — или добыть перстни, или покончить с собой. Он выберет первое. Романтические мечтания заставляют его бежать от ответственности, сде-

латься ребенком, но это ему не присуще. Разумеется, следует принять все предосторожности, чтобы следы не привели ко мне.

— Вы так уверенно об этом говорите, — заметила Вурдаль. — Можете ли вы поручиться, что сумеете сохранить над ним контроль?

— Не могу и не собираюсь. Может быть, я сумею иногда помогать им, но не более того. Многие участники похода, а может быть, и он сам, наверняка погибнут, но на их место будут приходить новые. Видишь ли, контроль над ним мне не нужен. Что бы ни случилось, он знает, что один из перстней у меня, и в конце концов ему придется прийти за ним. Ему или его последователям. Это вполне может растянуться на годы, и все же в конце концов они принесут мне остальные четыре перстня, а я тем временем буду играть роль потенциальной жертвы, а отнюдь не заговорщика. Впрочем, я даже не знаю, можно ли вообще собрать перстни. Но я хочу это узнать, я должен это узнать. И вы мне поможете.

Ворон взглянул на Манку Вурдаль и задумался. Если все пять колец будут собраны вместе, они станут легкой добычей для всякого, в том числе и для них с Вурдаль. Условия, в которых приходилось начинать дело, не внушали ему особого оптимизма, но эти проклятые штуковины таили в себе весьма обнадеживающие перспективы.

11. КРЕПОСТЬ МЕЛЬХИОР

изнологически глаза Сон Чин, которая все еще продолжала думать о себе как о Чу Ли, были в порядке, но тем не менее она не видела. Для нее это было тяжелейшим ударом, но она понимала, что должна не подавать виду и держаться бодро перед своими спутницами. Кроме того, она не имела права тратить время на жалость к себе.

— И все же я думаю, что здесь нет ловушек, — размыслив, сказала она. — То, что случилось со мной — всего лишь попытка ошарашить неподготовленного человека и лишить его воли к действию. Мой мозг просто получил приказ не обрабатывать зрительную информацию, а это можно исправить на любом ментопринтере.

— Но что же делать сейчас? — спросила Чо Дай. По крайней мере Чу Ли решила, что это Чо Дай, потому что голоса у сестер были очень похожи. — Ведь только ты знаешь эту магию.

— Продолжать, — решительно сказала Чу Ли. — И продолжу я, поскольку и так уже поплатилась. Не вините себя ни в чем. О таких вещах невозможно узнать заранее. Помогите мне забраться в кресло. Мы прошли почти половину пути и вот-вот должны натолкнуться на ключ.

Сестры усадили ее в кресло, и оказалось, что она права. Следующий картридж оказался именно тем, который они искали. Чу Ли поняла это, едва проснувшись. Корабль говорил по-английски. Она давно это

подозревала; как правило, компьютеры стариинной конструкции управлялись командами на английском, французском или русском языке. Чу Ли сразу же решила прекратить дальнейшие эксперименты, но настояла, чтобы сестры Чо тоже прошли программы обучения английскому и основам устройства корабля. При их уровне образования толку от этого было немного, но все же теперь у нее был хоть какой-то резерв.

Чу Ли была готова к связи. Она знала язык и знала, что спрашивать. Она снова надела наушники. Настало время рискнуть всем.

— Капитан вызывает пилота, — сказала она своим низким, почти мужским голосом, на этот раз по-английски.

— Продолжайте, — монотонно отзывался компьютер.

— Количество живых существ, находящихся на борту корабля. Проверить.

— Проверка закончена. Ответ — четыре.

Четыре! Так она и думала.

— Расположение живых существ.

— Центральный отсек — три. Четвертое в аварийном модуле.

Чу Ли с облегчением вздохнула. Похоже, они заперли капитана надежно.

— Срочное изменение текущей программы.

— Продолжайте.

— Капитан Сабатини попал под подозрение в измене и отстранен от должности. Принимаю на себя командование кораблем.

— Код идентификации?

Чу Ли судорожно сглотнула, хотя и обдумала ответ заранее. Корабль принадлежал Президиуму и действовал по вызову Китайского Центра. Маловероятно, чтобы отец Сон Чин оставил его без внимания.

— Код Лотос, черный, зеленый, семь, два, три, один, один.

Пауза показалась ей бесконечной, но наконец компьютер ответил:

— Код опознан. Причина прерывания?

— Пешка берет короля.

— Подробности? — осведомился пилот, и Чу Ли решила, что вопрос выглядит вполне разумно, учитывая, что никакого короля на борту не было.

— Я Сон Чин, дочь верховного администратора Китайского Региона. Мой голос изменен, а записи обо мне в системе безопасности подделаны. На корабле я зарегистрирована в качестве юноши под именем Чу Ли. Враги моего отца похитили меня с целью оказать на него давление, и на Мельхиоре я должна попасть в руки тех, кто сотрудничает с похитителями.

— Следует ли уведомить вашего отца?

— Невозможно. В данный момент он на рекреации, и кроме того, мне все равно не известны имена и должности заговорщиков.

— Желательные действия?

— С этой минуты корабль целиком и полностью переходит под мое управление. Капитан Сабатини должен оставаться там, где он сейчас находится, до тех пор, пока не будет проведено соответствующее расследование. Я и обе мои служанки в кратчайший срок должны оказаться за пределами досягаемости Президиума, но так, чтобы об этом не узнала Главная Система, ибо в ее данных я по-прежнему числюсь как заключенный Чу Ли и подлежу возврату. Рекомендации?

— Я межпланетный корабль и не способен доставить вас туда, где вас невозможно выследить. Я мог бы подделать документы, позволяющие вам попасть на борт межзвездного корабля, но вас моментально вычислят. Существует тайная сеть межзвездных торговцев, но она, как и этот корабль, свободно прослеживается галактическими Президиумами. Кроме того, эти люди грубы и в конечном счете верны только

самим себе. Если они узнают, кто вы такая, то продадут вас тому, кто больше заплатит. Если же нет, то вы скорее предпочтете Мельхиор, ибо все они того же сорта, что и капитан Сабатини.

Чу Ли хорошо понимала, что это значит, особенно теперь, когда ослепла. Сабатини без всяких наркотиков и компьютеров сломил ее за считанные дни, и она, хотя ей и не нравилась эта мысль, была очень привлекательной девушкой. По крайней мере теперь она точно знала, откуда у Сабатини взялись порнографические картриджи.

— Существуют ли другие альтернативы?

— Доступных альтернатив нет. Единственные места, где вы можете жить, не нуждаясь в значительных изменениях, которые могут быть проведены только под управлением Главной Системы, это Земля, борт данного корабля и Мельхиор. Все остальное подвластно Директорату. Полет на Марс потребует прямого контакта с Главной Системой, а также поддержания искусственной атмосферы, поскольку вы не модифицированы для марсианских условий. Оставаться продолжительное время на борту корабля также невозможно. Если мы не появимся в зоне контрольных маяков на выходе из Пояса, поднимется тревога и начнется поиск, а единственное средство избежать обнаружения — это полное разрушение корабля.

Чу Ли отключилась и решила обсудить положение с сестрами.

— Пиратские атаманы не будут к нам милосердны, — заметила Чо Дай. — Все они чужеземные дьяволы, как Сабатини, и у них тоже есть волшебные ящики. Они сделают из нас рабынь и заставят полюбить рабство. По мне, так лучше умереть.

— Согласна, но мы зашли уже слишком далеко, чтобы умирать, — сказала Чу Ли. — Можно, конечно, сделать попытку вернуться, но, даже если у нас получится, наше положение будет немногим лучше, чем в

руках у пиратов, и к тому же нам все время придется оглядываться, не стоит ли кто-нибудь у нас за спиной.

— Но конечно, — задумчиво сказала Чо Дай, — мы могли бы отправиться и на Мельхиор...

— А? Что?

— Мне, разумеется, многое не понятно, но разве ты не сказала, что дух корабля может состряпать нам любые бумаги и обвести вокруг пальца тех, кто стоит выше нас?

— Да, говорила, но... — Внезапно она поняла, что имеет в виду Чо Дай, и потянулась за наушниками. — Запрашиваю данные по Мельхиору.

— Мельхиор представляет собой полый астероид, обращающийся по орбите между Марсом и Юпитером и задуманный в качестве резервного убежища для Президиума, — ответил пилот. — Что еще вы хотите знать?

— Весь ли он занят тюрьмой?

— Нет. Имеются три части. Собственно тюрьма, где образовано нечто вроде общины, но это неприятное место. Бежать оттуда еще никому не удавалось. В центре астероида расположен исследовательский комплекс, персонал которого находится там пожизненно, а большинство экспериментов проводится на заключенных. Третья часть — это жилой комплекс и маленький космопорт. Грузы, которые поступают на Мельхиор, проходят через него, там есть собственная служба безопасности, и иногда там встречаются члены Президиума, а каждый год, или по крайней мере раз в три года, Президиум собирается там полностью.

— Подробнее о комплексе. Что это такое? Город? Он похож на Центр?

— Организацией он действительно напоминает город, но очень невелик и в своем роде уникален. В зависимости от положения жильца, там имеются жилые отделения различного размера и степени удобства, расположенные в трех районах, окружающих

центр. В центре продаются предметы роскоши и распределяются предметы первой необходимости с помощью управляемой компьютерами системы трудовых кредитов. В сфере обслуживания заняты в основном бывшие заключенные, модифицированные для этой работы.

Из-за слепоты Чу Ли не могла бы выдать себя за новую сотрудницу службы безопасности, а у сестер, с их ужасными шрамами, шансов на это было и того меньше.

— Ты упомянул об экспериментах на людях. Не используется ли Мельхиор для модификации или лечения людей с Земли?

— Безусловно. Например, тех, кого Президиум хотел бы использовать, но кому нельзя дальше существовать в прежнем виде, присылали сюда для полной переделки. На Земле убедительно имитируется их смерть, которая регистрируется Главной Системой. Кроме того, здесь проводилось усовершенствование, а также лечение тяжелых повреждений без регистрации в Главной Системе.

— Итак, мы отправляемся на Мельхиор, но с измененными регистрационными записями, — заключила Чу Ли. — Я изложу свою легенду и легенды для остальных двоих, а ты подготовишь соответствующую документацию. Мы будем не заключенными, а пациентами.

— Это опасно. На борту нет ни гипнотиков, ни за дающего ментопринтера. Вам придется чрезвычайно убедительно играть свою роль — по крайней мере до тех пор, пока вы не получите доступа к ментопринтеру. Но первая же тщательная проверка с помощью гипносредств выдаст всех троих, а любой неверный шаг приведет к провалу.

— Придется рискнуть. Приказы, бумаги и записи частенько затмевают здравый смысл. Кроме того, я располагаю кое-какими кодами, я знакома с оборудо-

ванием, и я буду не заключенной, а пациенткой. И потом, помимо всего прочего, никто еще не пробовал бежать НА Мельхиор.

— У вас нет представления о том, что может твориться там, внутри, — предостерег пилот. — Поговаривают, что если бы Главная Система узнала об этом, то разнесла бы астероид в пыль.

— Из двух зол выбирают меньшее, — ответила она, чувствуя, как ее охватывает возбуждение. Сменить индивидуальность, сменить личность, превратиться в совершенно нового человека... «У вас нет представления о том, что может твориться там, внутри». А вдруг Чу Ли удастся воскреснуть? А вдруг сестры Чо вернут себе прежнюю красоту? Учитывая события последних дней, ничто уже не представлялось ей невозможным.

— И последнее... Если мы прибудем на Мельхиор в таком качестве, как быть с Сабатини?

— Капитан уже прошел обычный процесс сохранения и находится в криогенной камере. Я могу подержать его в таком состоянии по крайней мере до возвращения на земную орбиту, а к этому времени вы либо сможете бежать, либо будете раскрыты. В любом случае это не будет иметь значения.

— Прекрасно. Приступаем.

— Козодой! — Голос гулко разносился под сводами подземного сада. — Где этот чертов великий вождь хайакутов? Выходи поговорить с Вороном!

Послышался шорох листьев, кто-то грузно спрыгнул на землю и осторожно приблизился к границе силового поля.

Хотя Ворон имел некоторое представление о том, с чем он встретится, вид Козодоя его поразил. Историк был еще грязнее, чем тогда, на реке, на его лице застыло дикое выражение; походка обрела странное сходство с походкой животного, а держался он так,

словно в любую минуту ждал нападения. Хотя истинная личность хайакута была всего лишь перекрыта и могла быть востребована в любой момент, кроу подумал, что придется усыпить его, чтобы получить возможность провести соответствующую обработку.

Но если Ворон был удивлен видом Козодоя, то изумление последнего было еще больше. Он исcosa взглянул на кроу..

— Вор-рон, — прорычал Козодой. — Поч-чему ты еш-ще зд-десь?

Он говорил с видимым трудом, но речь его была разборчива.

— У меня новая работа и новый босс, вот почему. Ну, как тебе здесь понравилось?

Козодой с ревом бросился на невидимую силовую стену, но был отброшен назад. Он с трудом поднялся и свирепо взглянул на Ворона.

— Под-лый кр-р-роу!

Ласло Чен сдержал свое слово и преподал Козодою урок подлинного значения слова «примитивный». Сделав полные ментокопии обеих женщин, он целиком стер их личности, заменив их ментокопиями самок членкообразных обезьян. У них не было иных воспоминаний, кроме обезьяньих, они не знали никакого языка, кроме гортанного ворчания и высоких криков, которые складывались не более чем в полдюжины основных понятий — «опасность», «хорошая еда» и так далее. Они считали себя обезьянами и всех остальных воспринимали в таком же качестве, в том числе и Козодоя. Они ели, искали друг у друга насекомых, спали — и это была вся их жизнь. Но по крайней мере у них не было представления, что существует что-то еще, а у Козодоя такое представление было.

Чен приказал впечатать ему ментокопию самца обезьяны, но, поскольку личность его не была стерта, Козодой знал, что происходит, вынужден был смотреть, как те, кого он любил, ведут себя подобно жиз-

вотным, и сам должен был вести себя с ними точно так же. Никогда еще за всю свою жизнь он не был в таком жалком и унизительном положении.

— Итак, ты обнаружил, что быть вождем — это не только романтика и слава, — иронически заметил Ворон. — Не знаю, как у вас, а вот у кроу, хотя происхождение и дает некоторое преимущество, вождь должен проявить себя, чтобы быть избранным, — и его могут запросто вышвырнуть вон, если он этого не сделает. А главное, на что при этом обращается внимание, — не храбрость, хотя и храбрость тоже, не ум, хотя и ум тоже, а ответственность. Мудрецов и воинов пруд пруди, но отвечать за себя способны немногие. Посылать воинов на смерть. Делать женщин вдовами. Защищать свое племя, хотя бы и ценой собственной жизни и собственной чести, и делать это не так, как Чен, который заботится только о себе самом. Вот почему ты не пошел работать на него, и сам это понимаешь. В этом нет чести, но от ответственности тебе никуда не деться.

Козодой молчал, уставившись на кроу. Ворон нащупал именно ту моральную дилемму, которая не давала ему покоя, и вдобавок пристыдил его. Люди вроде Чена достигали своего положения и могли его сохранить только потому, что были начисто лишены чувства чести и избегали всякой ответственности. Даже сейчас Чен хотел, чтобы другие сделали его правителем Вселенной, приняли на себя весь риск, а затем вручили ему безграничную власть и все сопутствующие блага. Его ничуть не беспокоило, сколько людей погибнет при этом; он тревожился лишь о том, как достичь наивысшей личной власти, избежав при этом малейшей ответственности. Тем не менее саму идею чувства чести и ответственности Чен понимал очень хорошо. Понимал и видел в этом слабость, которую можно использовать. Вот почему он так поступил с Козодоем.

— Ты пришел насмехаться над моим несчастьем?

— Ничуть, — ответил кроу. — Я пришел вытащить вас отсюда. Тебя так усердно ищут, что вокруг становится жарковато, это во-первых, ну а потом, старина Чен боится, что вы выпопчите его любимый садик. Вам предлагается ехать в клетках, как положено обезьянам, или дать честное слово, что будете хорошими и послушными пассажирами, и тогда мы вернем вас в прежнее состояние. Женщины даже ничего не вспомнят. Ну как?

— Ты... ты можешь вернуть мне прежний облик?

— Не считая синяков, царапин и выдраных волос. Все, что мне нужно — это твое слово.

— Считай, что ты его уже получил.

— Вот теперь ты мыслишь, как подобает вождю. Мы провернем это сегодня вечером. Усыпим вас, вывезем как груз, а когда уже будем далеко, вернем вам прежний облик.

— Ты сказал «мы». Ты тоже едешь?

— Ага, и я, и моя ненаглядная Вурдаль. Ты ее еще не забыл? Она тут пришибла четверых, пока тебя не было. Чен полагает, что из нее может выйти толк, если только ее немного переориентировать, а мне, похоже, предстоит следить, чтобы до тех пор она вела себя прилично.

— И ты еще говорил о чувстве чести!

Ворон пожал плечами:

— В мире много странного, приятель. Но ты не очень-то радуйся. У нас впереди Мельхиор, чудесный садик, куда отправляются те, кто хочет исчезнуть, или те, за кого это захотели другие. Но по крайней мере не стоит беспокоиться о тех, кто сделал тебя обезьянкой, а?

Силовой экран отразил новую атаку.

Мельхиор — маленький астероид неправильной формы и похож на огромную печенную картофелину, на его голой поверхности, изрезанной многочислен-

ными кратерами, выделяется только причальное устройство для космических кораблей, но и его издали не видно.

Сведения о происхождении этого поселения были утеряны еще в далекой древности — а может, отнесены к запретному знанию. Ходили слухи, что, когда человечество было в массе своей изгнано с Земли и рассеяно среди звезд, Главной Системе потребовался адаптационный центр. Расселение началось с Марса, а Мельхиор, обращаясь по своей орбите, в течение полугода находился достаточно близко от Марса, в пределах досягаемости космических кораблей. Поговаривали, что первых марсианских колонистов моделировали и доводили до нужной кондиции именно там, а позже на Мельхиоре разрабатывались прототипы других рас. Но астероид был не очень велик, и по мере того, как проект расширялся, Главная Система забросила его ради новых лабораторий с более высокой производительностью.

Каким образом Президиум сумел наложить руку на Мельхиор, являлось еще одной загадкой с утерянным ответом, хотя точно было известно, что именно Марсианское Управление первым сообразило, как можно его использовать, и каким-то образом убедило Главную Систему в том, что существует необходимость устроить тюрьму для особенно ценных заключенных, которым нельзя позволить соприкасаться с нормальным человеческим обществом, но которые обладают блестящими способностями и ценными идеями. В течение столетий Мельхиор не представлял собой реальной угрозы, побег оттуда был невозможен, и Главная Система перестала обращать внимание на то, что туда не дотягиваются ее всевидящие мониторы. Это относили на счет далекой и загадочной войны, о которой упоминал Чен; но скорее всего Главная Система понимала, что людям, поддерживающим ее господство на Земле и

Марсе, необходим какой-то клапан, и пусть лучше этим клапаном будет маленький астероид, висящий где-то в пространстве и полностью замкнутый, чем Центры и Консилиумы на Земле и на Марсе.

Внутри астероид состоял из трех больших и бесчисленного множества меньших пещер, выжженных дезинтеграторами в сплошной скале и соединенных многочисленными туннелями. При отсутствии атмосферы такая система требовала огромного количества воздушных шлюзов, которые служили заодно и контрольными пунктами; каждого, кто попытался бы ускользнуть, можно было запросто поймать, закрыв шлюзы по обе стороны от него и откачив из отсека воздух.

Тюрьма находилась в более широком конце астероида и соединялась с лабораториями и другими исследовательскими помещениями тщательно запутанными и круглосуточно просматриваемыми коридорами и воздушными шлюзами. Не зная схемы, пройти через этот лабиринт было невозможно. Лаборатории находились непосредственно под тюрьмой и, если смотреть оттуда, располагались вверх ногами. Для получения искусственной тяжести на астероиде использовалась сложная электромагнитная установка, созданная Главной Системой, и вот уже целые столетия поколения ученых ломали головы, пытаясь понять, как она действует.

В качестве дополнительной меры безопасности центральные тунNELи, соединявшие узкую «восточную» часть астероида с более широкой «западной», не были оборудованы системой искусственной гравитации, и в служебных туннелях и помещениях также поддерживалась невесомость. Что касается обитаемых секций, то там сила тяжести была близка к земной.

И вот в это место прибыли, друг за другом, сперва Чу Ли и сестры Чо с поддельными документами, а затем, через неделю, Козодой, Танцующая в Облачах,

Молчаливая, Ворон и странная Манка Вурдаль. Китайяночка, в соответствии с поддельными документами, отправили в жилой комплекс на положении пациентов. Все корабли управлялись компьютерными пилотами, и поэтому отсутствие на борту людей, кроме них троих, никого не удивило.

Ассистентка, проводившая психогенетическое обследование Чу Ли, озадаченно посмотрела на нее. Девушка держалась непринужденно, профессионально и без тени осуждения.

— Итак, вы здесь для того, чтобы превратиться в мужчину, — заметила она, бросив взгляд на экраны. — Не очень разумно, если учесть ваш нынешний облик. И это добровольно? Я хочу сказать, вы дали свое согласие?

Чу Ли кивнула:

— Да. Я всегда хотела быть мужчиной, но Главная Система решила иначе. Я сконструирована генетически.

— Это видно по образцам ваших клеток, — фыркнула ассистентка. — Но всему есть пределы; в том числе и тому, чего можно добиться даже при полной перестройке. Кроме того, это занимает много времени, а здесь сказано, что вас следует как можно скорее вернуть на Землю в новом качестве. Это ограничивает наши возможности.

— Но в принципе это реально?

— Да, конечно. Хотя сперма будет не ваша, а, м-м-м... донорская, и мы успеем сделать только поверхностные изменения. Например, ваши женские формы тела и строение костей останутся прежними, хотя мы удалим большую часть молочных желез и еще, возможно, хирургическим способом подправим лицо, чтобы придать ему более мужской вид. Однако мы заставим ваш организм производить больше мужских гормонов, и в конечном итоге они сделают свое дело. Тем более,

как я понимаю, никакой ментальной подстройки не требуется.

— Мой разум устраивает меня в том виде, в каком он есть. Вот почему первую часть перестройки выполнили еще там.

— Кстати, вы ослепли из-за неосторожного обращения с ментопринтером?

— Не совсем так. По-моему, я наткнулась на что-то, чего не должна была видеть. Предполагалось, что здесь мое зрение восстановят.

— Так, так... Что ж, мы просканируем повреждения, и, если окажется, что они вызваны всего лишь программой ментопринтера, это не вызовет особых затруднений. Сейчас мы отправим вас на анализы. Если все подтвердится, мы начнем прямо сейчас.

Надо сказать, что, попав на Мельхиор, Чу Ли была приятно удивлена. На первый взгляд он напоминал скорее госпиталь, нежели ужасную тюрьму. Персонал был с ними неизменно вежлив, и хотя Чу Ли понимала, что существенную роль в этом сыграли поддельные документы, сделавшие ее и сестер людьми из высших кругов службы безопасности Китайского Центра, все же Мельхиор представлялся ей удивительным и привлекательным местом, местом, на которое ей хотелось бы посмотреть. Она надеялась, что ей быстро восстановят зрение, но даже если этого и не случится, она станет совершенно иной личностью. Смена пола, небольшие косметические изменения, другие отпечатки пальцев, другой рисунок сетчатки... Можно будет встретить в Китайском Центре безутешных родственников Сон Чин, и они ее ни за что не узнают.

Доктор Айзек Клейбен просмотрел информационные модули пациентки и нахмурился.

— Вы правильно сделали, что пришли ко мне, — сказал он ассистентке. — Вы уверены, что это не ошибка?

— Абсолютно, сэр. Мы сделали отпечатки, как только заподозрили неладное, и проверили их так, что она ничего не заметила.

— А остальные две?

— Мелкие преступницы, они были сосланы сюда потому, что доктору Шесвику понадобилась пара одногодицевых близнецов. Но согласитесь, сэр, что надо быть необычайно умным и изворотливым человеком, чтобы хотя бы попытаться проделать такую вещь. Я не имею представления, каким образом она ухитрилась переключить идентификаторы Главной Системы с себя на этого Чу Ли. До сих пор я готова была поклясться, что это можно сделать только отсюда. По сути дела, она допустила одну-единственную ошибку — забыла, что Мельхиор не соединен с Главной Системой и наши записи не обновляются вместе с ее файлами. Учитывая масштабы поднятой тревоги, мы быстро догадались что к чему. Глаза и пальцы у нее совпадают с данными Сон Чин, но, когда мы для порядка запросили Землю, Главная Система идентифицировала ее как юношу по имени Чу Ли. Потрясающе!

Клейбен поскреб свою бородку:

— Как жаль... Они собирались сделать из этой Сон Чин всего лишь ходячий инкубатор, а ведь у нее блестящий ум. Но трудно добиться чего-то, не жертвуя ради этого другим. Вы еще не уведомляли Китайский Центр?

— Нет, сэр. Вы хотите, чтобы мы это сделали?

— Нет. Пока нет. Я должен все хорошенько обдумать. А вы тем временем продолжайте анализы, но никакого вмешательства, ни психического, ни хирургического.

— Хорошо. А как насчет ее слепоты? Это была элементарная программная ловушка в портативном ментопринтере. Мы могли бы устраниТЬ ее за полчаса.

— Оставьте все как есть. Придумайте какое-нибудь убедительное объяснение, все равно какое. Коль скоро

она смогла добиться отправки сюда, изменить записи Главной Системы, взять на себя управление космическим кораблем и прибыть на Мельхиор с такой основательной легендой, мы не имеем права позволить ей свободно ориентироваться здесь.

Эта мысль отрезвила девушку, а Клейбен продолжал:

— Учитывая все это, отделите ее от тех двоих и отправьте их всех в режимный блок тюрьмы. Если Сон Чин догадается, где она, скажите ей, что это временно, до тех пор, пока проводится подготовка.

— Сомневаюсь, чтобы она в это поверила.

— А какая разница? Впрочем, может и поверить, чем немало облегчит нам жизнь. А если она будет излишне настойчива, расскажите ей правду, включая и то, что я в любом случае в силах довести дело до конца и оставить ее работать здесь. Тот, кто в таком юном возрасте настолько успешно добивается своего, может нам пригодиться.

— Следует ли нам закодировать ее?

Клейбен задумался:

— Да, но сначала дайте ей какое-нибудь мягкое снотворное, чтобы она об этом не знала. Закодируйте ее как Чу Ли и внесите в наши записи соответствующие изменения. Мне бы не хотелось, чтобы ее отец в один прекрасный день узнал, что она хотя бы побывала здесь.

Когда ассистентка ушла, доктор Клейбен откинулся в своем мягким кресле и вздохнул. Он уже далеко перешагнул за средний возраст и достиг поста директора Медицинского отдела Мельхиора, о котором давно мечтал и который предполагал способность в любое время разобраться в любых идеях. Он не являлся членом Президиума и, следовательно, не был обязан быть лояльным или нести обязательства перед кем бы то ни было. Он считал себя чистым ученым, свободным, как все его коллеги, от любых политических, мо-

ральных и религиозных ограничений. У него никогда не возникало необходимости получать разрешение даже на самые радикальные эксперименты на человеческих существах; он использовал для этого только заключенных, которые в противном случае были бы казнены на Земле. Он полагал, что придает смысл их жалкому существованию, позволяя внести свой вклад в сокровищницу человеческого знания, хотя знание это по большей части не выходило за пределы астероида, и даже Президиум не подозревал об огромном могуществе, сосредоточенном в тесных камерах Мельхиора. Девушка хочет превратиться в полноценного мужчину... Детская забава, если учесть, во что превратилось большинство людей, рассеянных в просторах Галактики. Впрочем, человечество всегда отличалось превосходной приспособляемостью, иначе ему бы не выжить. Люди могли без помощи всякой высокой технологии жить среди арктических ледяных пустынь и в жарких, залитых дождями тропических джунглях, но разместить пять миллиардов людей на тысяче миров оказалось нелегко, в особенности потому, что ни одна из планет не была похожа на другую, и даже тех, которые подходили для адаптированных людей, нашлось не так уж много.

Без технологической поддержки человечество, по сути дела, было крайне уязвимым. В пределах земных условий человечество не имело себе равных, но земные условия, хотя и не такие уж уникальные, встречались достаточно редко, а Главная Система вынуждена была торопиться, и она сумела — возможно, именно здесь, на Мельхиоре — разработать средства для того, чтобы выполнить эту работу в разумный срок. Клейбен знал об этих средствах и методах, и это знание порой заставляло его чувствовать себя богом.

Да, это было гораздо лучше, чем пост фальшивого диктатора Президиума, неукоснительно выполняюще-

го все капризы и прихоти Главной Системы и празднующего свои ничтожные победы, словно мальчишка, стянувший кусок пирога, положенного остудиться на окошко. В отношении Главной Системы Айзек Клейбен боялся только одного и никогда не позволял себе задерживаться на этой мысли: когда-нибудь она устанет от всего, что ей приходится терпеть по милости ее преданных слуг, или станет чересчур подозрительной, или сочтет, что ей больше не нужен Президиум, — и тогда разнесет эту скалу на атомы.

Поскольку они ничего не помнили о своей жизни между тем моментом, когда подверглись гипнообработке на берегу Миссисипи, и пробуждением на борту космического корабля, Танцующая в Облаках и Молчаливая были потрясены внезапным переходом от нетехнологической культуры к тому, что казалось им поистине волшебным. Волшебным, но холодным, решила про себя Танцующая в Облаках. Ни свежего воздуха, ни теплого солнца, ни холодных зимних ночей, ни запаха деревьев и цветов. Стерильные стены, стерильная мебель и неестественные вещи. Ей понадобилось несколько дней, чтобы понять, как действует туалет, а душ казался ей своего рода пыткой. Еда, холодная и горячая, подавалась чудесным образом на больших подносах, но вкус у нее был не лучше, чем у лежалого сала.

Манка Вурдал, как всегда, была холодной, отчужденной и снисходительной, но если ее и посещали новые приступы безумия, этого не было заметно. Ко-зодай подозревал, что тут не обошлось без ментопринтера, но его действие не могло продержаться долго, и никто, кроме самой Вурдал, не был бы удивлен, узнав, что она отправлена на Мельхиор для чего-то большего, чем исполнение служебных обязанностей..

Сам Козодой терялся в догадках, получил ли он отсрочку приговора или, наоборот, осужден пройти круги ада. Единственное, что было известно о Мельхиоре, это то, что он был тюрьмой, из которой никому еще не удавалось бежать, хотя, несомненно, люди, побывавшие там, возвращались назад, хотя бы изредка. Теперь он корил себя за то, что с порога отверг предложение Чена. Разумеется, на Мельхиоре его могли заставить и принять, и полюбить все, что угодно; его могли убедить даже в том, что небо красное, а сам он — брат-близнец Ласло Чена. Впрочем, Козодой утешался тем, что в любом случае оказался бы на борту этого корабля. Ворон и Вурдаль приняли предложение, а тем не менее они тоже здесь. Чен не из тех людей, что доверяют клятвам, на чем бы ему ни клялись.

Их высадили непосредственно в зоне высокой секретности, где было полно вооруженных охранников и автоматических следящих устройств, и там они прошли обработку. Женщины понимали только, что их собираются заточить в какой-то большой пещере; с их точки зрения, это было место, принадлежащее Внутренней Тьме, таинственная область, управляемая духами зла.

Их раздели, продезинфицировали, заковали, потом заклеили глаза, и в таком виде они совершили последнюю часть своего путешествия. Молчаливая пыталась протестовать, Танцующей в Облаках это тоже не слишком понравилось, но Козодой сумел убедить их в том, что, пока они не устроятся и не узнают, что к чему, в сопротивлении нет смысла. Про себя он сомневался, представится ли и потом такая возможность. Подобно Данте, его вынуждали сойти в ад, но в отличие от Данте у него не было Вергилия, который вывел бы его обратно.

В конце концов они очутились в маленькой пустой комнатке с контрольными мониторами под потолком. Когда наклейки с глаз убрали, Козодой увидел, что они остались втроем, а Ворона и Вурдаль заменила одетая

в серую униформу женщина, которая выглядела так, словно ее выбрали из каменной глыбы. Она взглянула на маленькую клавиатуру, которую держала в руке, потом на пленников.

— Вы находитесь в исправительной колонии Мельхиор, — заявила она, словно они и сами не знали. — Стены этих туннелей необычайно толстые и прочные, и единственный выход отсюда — тот путь, по которому вы сюда попали. Начиная с этого момента вы будете находиться под постоянным наблюдением. Исправительная колония разделена на две части. Красный блок ячеек справа от входа — отделение строгого режима. Ячейки вполне комфортабельны, но полностью замкнуты, звуконепроницаемы и рассчитаны только на одного человека. Тот, кто попал туда, остается там на всегда. Там, внутри, нет ни единого квадратного миллиметра, который не находился бы под постоянным прослушиванием и наблюдением людей и компьютеров. Ничто, даже отходы жизнедеятельности, не выходит наружу без тщательного осмотра и анализа, и ничто не может попасть внутрь иначе как через входной шлюз, контролируемый компьютерами. Тех, кто находится внутри, может видеть каждый, потому что открытые стенки ячеек представляют собой индивидуальные силовые поля, прозрачные в одном направлении. Вам очень не понравится в отделении строгого режима!

Они приняли это к сведению.

— В другой части порядки более мягкие. По сути дела, это небольшой город, хотя правила в нем очень строги. Здесь отслеживается лишь общее поведение, но помните, что мы сможем, если понадобится, выделить вас из любой толпы и отыскать даже в самом укромном уголке. Ячейки здесь больше и рассчитаны на несколько человек. Для начала ячейку вам назначат, но если кто-то захочет перебраться в другую, это

не запрещается. Все вещи, используемые там, одноразовые и саморазрушающиеся. Одежда не допускается. Довольно-таки трудно спрятать оружие или что-то еще на голом теле. Все, что вам потребуется, вы будете получать через автоматические раздатчики в центре помещения, там же вас будут кормить. Питание трехразовое, и ваша порция предназначена только вам, и никому другому. Сохранить ее на потом невозможно. Холодную воду найдете в центральном фонтане. Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Вот и отлично, — продолжала женщина. — Продолжительность местных суток — двадцать пять часов, это считается наиболее удобным для закрытых помещений. На сон отводится восемь часов. После звонка, отмечающего отбой, освещение начинает гаснуть, и вы должны быть в ячейке не позже чем через десять минут — до того как оно погаснет совсем. Всякий, кто остался снаружи или позволяет себе излишне шуметь, будет сурово наказан. Все больные должны обращаться в медицинский пункт. Это основные правила. Остальному вас научат товарищи по заключению. Когда вы понадобитесь, за вами придут. Любые проявления насилия, сопротивления и все, что мы квалифицируем как нарушение порядка, приведут вас в отделение строгого режима и сделают первоочередными кандидатами на эксперименты. Многие заключенные уже неоднократно подверглись экспериментам. Приглядитесь к ним и прикиньте цену. Теперь последнее — и вы сможете войти. Вам предстоит жить здесь до самой смерти, так что смиритесь с этим и постарайтесь прихоровиться. А сейчас пройдите по одному в ту дверь. На той стороне можете подождать остальных.

За дверью оказалось совсем крохотное помещение, залитое неярким зеленоватым светом. Голос из громкоговорителя произнес:

— Встаньте на маленькую платформу и прижмитесь лицом и всем телом к ткани, натянутой перед ней. Оставайтесь в этом положении до тех пор, пока я вам не скажу.

Ткань была похожа на чрезвычайно тонкую, но необычайно плотную сетку. Козодой прижался к ней и почувствовал, как такая же сетка охватывает его тело сзади. В глаза ему ударил яркий свет, он зажмурился и внезапно почувствовал сильную жгучую боль в спине и на лице. Он едва не закричал, но сдержался, чтобы не уронить достоинства.

Все кончилось быстро. Сетка спала, и техник приказал ему пройти вперед в открытую дверь. Козодой огляделся и впервые увидел самую сердцевину Срединной Тьмы.

Согласно верованиям хайакутов, существовало великое множество различных духов, над которыми стоял один, всевидящий, всеведущий и всемогущий Творец, Дух-Отец, по чьему образу и подобию сотворено было человечество.

Была, разумеется, и враждебная сила, чье существование допускалось Творцом, ибо Он сотворил человека в порядке эксперимента, а может, ради забавы, в надежде со временем обрести достойного собеседника. Человеческие души являлись низшими среди прочих духов, но могли возвыситься, почитая Творца и своими поступками доказывая, что достойны подняться выше срединных духов — духов природы. В отсутствие зла, в отсутствие боли и искушений люди уподобились бы срединным духам, но победа над злом давала им право наслаждаться обществом самого Творца. Собственно, ради того, чтобы люди могли проявить себя, и явилась Тьма, которой было дозволено править всюду, где она сможет править. Люди рождались в области Внешней Тьмы, где были в равной степени подвержены влиянию добра и зла. Просветлив свои души, они могли отвергнуть зло, но им противостояли духи Срединной

Тьмы, извращавшие самую суть вещей, а во Тьме Внутренней, где, собственно, и был источник зла, обитал Некто, чье имя на хайакутском означало «Извратитель». Он был чрезвычайно могуществен, но это было необходимо, дабы люди подвергались действительно серьезному испытанию — ведь без стоящего врага борьба теряет смысл.

Козодой не отличался особой религиозностью, но сейчас он воочию убедился, что Срединная Тьма существует и он находится в самой ее сердцевине. Как бы ни были далеки друг от друга культура хайакутов и средневековая итальянская культура Данте, в них можно было уловить один и тот же вопрос и увидеть, хотя и с разных сторон, близкие вещи. Теперь он понял наконец, почему всегда подсознательно ощущал свою неразрывную связь с древним чужеземным поэтом. Разные культуры набрасывали на истину каждая свой покров, но сама истина была едина.

Из двери вышла Танцующая в Облаках, и, едва взглянув на нее, Козодой сразу понял смысл болезненной процедуры. На ее щеках отчетливо выделялись яркие серебристые линии; тонкие, словно проведенные карандашом, они начинались под глазами, расходились в стороны, одновременно утолщаясь, и, поворачивая обратно, разделяясь на пучок тоненьких стебельков, напоминающие лепестки. Рисунок, казалось, впитывал свет и наверняка должен был светиться в темноте. Коснувшись ее лица, он ощущал под пальцами лишь гладкую кожу. Линии, очевидно, были вживлены в нее и чем-то напоминали табличку с серийным номером, которыми снабжается любая машина. Рисунок не был уродлив и не обезображивал лица, но Козодою было тошно от одной только мысли, что теперь от него не избавиться до конца жизни. Такие же метки на лице Молчаливой выглядели более естественно, хотя по цвету контрастировали с приглушенными

красными, зелеными, синими и оранжевыми тонами ее татуировок.

Козодой сразу же сообразил, для чего это сделано. Можно притвориться кем угодно, можно украсть одежду или форму; но с таким лицом далеко не уйдешь, а в темноте туннелей метки наверняка должны ярко светиться, представляя собой превосходную мишень. Без сомнения, в них содержалась какая-нибудь синтетическая смесь, легко прослеживаемая сенсорами и, возможно, уникальная для каждого заключенного. Вот так, наверное, они и находят в толпе нужного человека, подумал Козодой. На спине, на уровне лопаток, таким же серебряным светом сияли полоски, протянувшиеся почти от плеча до плеча, шириной сантиметров пять. На них черным была впечатана цепочка знаков на языке, которого даже Козодой не понимал; это явно был номер и идентификатор заключенного. На спине Молчаливой они выглядели чем-то явно излишним.

— Демоны заклеймили нас, — прошептала Танцующая в Облаках. — И даже если мы выберемся отсюда, нам придется носить эти метки, видные всем.

Козодой кивнул.

— Ну вот и все... — Он повернулся и окинул взглядом унылые стены. — Никогда не думал, что преисподняя такая серая.

— Серость хуже всего, — откликнулась Танцующая в Облаках. — Место, откуда изгнана вся красота, вся радость и надежда. Место, где нет цветов.

От входа хорошо просматривалось все полукружие тюрьмы. Скала была серой от природы, а все остальное было выкрашено ей под цвет и сливалось в неразличимое ничто. Ячейки, камеры или как их еще называть, помещались с трех сторон, поднимаясь ступенями от пола до потолка, самое меньшее на четыре яруса. Они тоже были серыми, хотя из каждого дверного проема падал тусклый лучик света. Бездесущую серость нару-

шал только ровный и приглушенный красный цвет блока ячеек, расположенных справа, в стороне от прочих. У этих камер не было дверей, только три стены, открытые спереди, а внутри они были ярко освещены. В каждой камере имелась койка, туалет, умывальник — и ничего больше, а их одинокие обитатели сидели неподвижно или расхаживали от стены к стене.

Уступы и ячейки шли по кругу, образуя нечто вроде мрачного амфитеатра, в центре его помещалось несколько кубических зданий того же унылого серого цвета, вокруг которых бесцельно слонялись заключенные. От толпы отделился стройный человек неопределенного возраста и направился к вновь прибывшим. Он был светлокож, и обе женщины, никогда раньше не видавшие уроженцев Северной Европы, сперва подумали, что видят ожившего мертвеца. У него были необычайно густые и очень светлые волосы, ниспадавшие почти до пояса, но никаких признаков бороды или усов, чemu Козодой, знавший, как обычно выглядят европейцы, слегка удивился. На теле у него кое-где пропадали синяки и кровоподтеки, особенно хорошо заметные на светлой коже, на щеках был такой же рисунок, а полосу на спине скрывали длинные волосы.

— Привет, — сказал незнакомец мягким низким тенором. — Мое имя Хендрик ван Дам, хотя чаще меня зовут Блонди, особенно англикане (должно быть, он хотел сказать «англичане») и все, кто говорит на этом языке. — У него был мягкий приятный североевропейский акцент. — Меня попросили встретить вас и помочь вам устроиться. — Он немного помолчал. — Английский вам подходит, не так ли? Мне говорили...

— Да-да, вполне подходит, — ответил Козодой. — Это единственный язык, которым владеем все мы. Меня зовут Джокватар, что означает «Бегущий с Козодоями». Чаще меня называют просто Козодоем, но в тех кругах, где говорят по-английски, я известен еще как Джон Найтхок или сокращенно — Хокс. Это мои

жены Чандипату, или Танцующая в Облаках, и Маситучи, или Молчаливая, которую мы зовем так, потому что у нее нет языка и она не может сказать, как ее зовут на самом деле:

— Вы, наверное, из Америки, — заметил ван Дам. — Ваших соотечественников здесь немного, хотя кое-кого, конечно, присылают. Я должен был бы сказать вам «добро пожаловать», но тут это как-то не к месту.

Козодой понимающе кивнул:

— Что верно, то верно.

— Я знаю номер жилища, которое вам назначили, но сперва нам лучше сходить вниз, к раздатчикам. Вам надо немного поесть и отдохнуть, потом получить постели и прочее, а потом уже идти наверх. Те, кто больше отсидел, очень ревностно относятся к своим привилегиям, так что вам придется жить наверху и в стороне. Впрочем, внутри все ячейки одинаковы, так что это не имеет особого значения. Видите ли, когда не дозволено ничего большего, люди начинают придавать излишнее значение таким мелочам.

Они медленно спускались по скальным ступеням; Танцующая в Облаках бросила взгляд влево и тихонько охнула:

— Эта пара, вон там, они что, всегда занимаются этим у всех на виду?

— О да, — равнодушно ответил ван Дам. — Вы еще и не такое увидите; некоторые занимаются этим с большой страстью, а некоторые — весьма нетрадиционными способами, можно сказать, отклоняющимися от нормы.

— Но... ведь никто даже не обращает внимания!

— У нас здесь ничего нет. Читать нечего, писать нечем, рисовать нечем, даже спортом заняться не с чем. Можно проводить время в разговорах, но рано или поздно все темы оказываются исчерпанными. Со стороны кажется, что нас здесь много, но на самом деле наше общество очень немногочисленное, хотя

иногда и прибывают новички. Здесь есть несколько буянов, но даже они ведут себя относительно смироно, потому что насилие неукоснительно и сурово наказывается. И вот люди делают, что могут. Обычные моральные ограничения быстро теряются, а заниматься состязаниями в беге или борьбе и тому подобном можно лишь до тех пор, пока не выдохнешься. И вот они спят, едят и занимаются сексом, кому какой по нраву. Забеременеть невозможно, а если женщина попадает сюда беременной, это сразу же устраниют. Здесь нет ничего, кроме бесконечной скуки, даже секс в конце концов присдается. И тогда люди просто ждут, когда их вызовут.

— Вызовут? — эхом отозвался Козодой. — Кто? И куда?

— В Институт. Человеческий ум, эмоции, тело, воля — они играют этим, как пожелают. Мы — их игрушки, понимаете? Вы еще встретите кое-кого, с кем они уже поиграли. Поначалу вы, наверное, будете потрясены, возможно, потеряете аппетит, но потом станете относиться к ним так же безразлично, как и все. Но даже видя эти увечья и уродства, люди почти хотят, чтобы их вызвали. Что угодно, лишь бы избавиться от скуки. Вы сами убедитесь.

— Давно ли вы здесь? — спросила Танцующая в Облаках.

— Честно говоря, не знаю. Сперва, когда я только попал сюда, я считал дни по периодам сна, но рано или поздно сбивался со счета, и наконец мне уже надоело начинать все сначала. Волосы отрастают примерно на шесть миллиметров в месяц, и до сих пор я ни разу не стригся. Когда я прибыл, они были довольно короткими. И еще я провел некоторое время в Институте — думаю, что был там недолго, но трудно сказать наверняка.

— И когда-нибудь — сурово поды托жила Танцующая в Облаках, — мы все сойдем с ума.

— Нет, здесь даже этого не получится. Они хорошо умеют улавливать приближение безумия. Тогда они забирают человека, обрабатывают — и все в порядке. Они почти никогда не ошибаются. Схватывают это очень рано, когда люди и сами еще ничего не понимают.

Козодой содрогнулся:

— И никто не пробовал бежать?

— Как? Ногтями и зубами пробиться через полсотни метров скалы? И что потом? Летать в пустоте? Единственный путь — через ту дверь, в которую вы вошли, потом через запутанные туннели и бесчисленные воздушные шлюзы, которые все как один контролируются. Но если даже пройти этот путь, что еще никому не удавалось, — корабли приходят сюда не чаще двух раз в месяц и остаются у причала в лучшем случае несколько часов и при этом тщательно охраняются. Доступ на корабли полностью контролируется. Я слышал, что как-то раз кто-то прорвался в Институт и взял каких-то важных заложников. Компьютерная система безопасности взяла его, наплевав на заложников. Нет, я знаю только три пути отсюда.

— Один — это, наверное, смерть, — сказала Танцующая в Облаках так, словно эта мысль не казалась ей такой уж непривлекательной.

— Да. Другой — это пережить все эксперименты и, когда из тебя выкачивают все, что можно, стать прислужником или уборщиком в жилом секторе. Разумеется, у них есть роботы и все прочее, но такие уж это люди, что им хочется иметь рабов, чтобы было кем помыкать и кому удовлетворять их капризы. Но сымитировать это невозможно. Они десять раз проверят тебя вдоль и поперек, прежде чем перекодировать.

— Но вы говорили о трех путях, — заметил Козодой.

— Да. Те, кто правит этим местом, во многих отношениях похожи на нас. Если они решат, что у кого-

то есть таланты, способности или идеи, которые расширят их власть, то могут взять его на работу в Институт. Это, по сути дела, такая же тюрьма, но там по крайней мере скучать не приходится.

Они подошли к большому кубическому зданию в центре амфитеатра. Автоматические раздатчики как раз выдавали еду на пластиковых подносах. Все здесь управлялось компьютером, и, чтобы автоматы запомнили человека, требовалось приложить лицо к специальному углублению. Порции отмерялись индивидуально, а подносы и столовые приборы были кодированы индивидуальным кодом, и после еды их полагалось бросить в мусорные ящики, стоящие внизу. Если же заключенный упрямо старался оставить какой-то предмет у себя, тот начинал распадаться и через несколько часов превращался в вонючую грязь.

Постельные принадлежности состояли из двух простыней и наволочки, которые тоже надо было выбрасывать каждое утро перед завтраком; новые выдавались вечером, после ужина. Туалетные принадлежности отмерялись довольно скучно, и получить новый комплект можно было, только сдав то, что осталось от старого. Поев, Козодой и его женщины обнаружили, что еда здесь, хотя и сытная, еще безвкуснее, чем на корабле, потом они собрали свои скучные пожитки и последовали за ван Дамом к самому верхнему уровню жилых ячеек. По крайней мере в физической нагрузке недостатка не будет, подумал Козодой.

Ячейка размером примерно три метра на четыре была обставлена по-спартански, но функционально. Вдоль боковых стен стояли двухъярусные койки, а в глубине располагался открытый туалет, умывальник с холодной и горячей водой, вешалка для полотенец, полочка для туалетных принадлежностей — и все. Ван Дам рассказал, что заключенные ходят в душ два раза в неделю и об этом объявляется перед очередной

кормежкой; полагалось сначала принять душ, а потом уже получить еду. Душевые кабинки были расположены перед сектором строгого режима и, разумеется, просматривались нас kvозь. Отказавшихся от душа лишали еды.

Дверей в ячейке не было, но на время сна устанавливалось силовое поле. Ван Дам предупредил, что внутри помещений за заключенными постоянно следят и поэтому все стараются как можно дольше оставаться снаружи. Танцующая в Облаках подошла к дверному проему и оглядела мрачную пещеру.

— Удивляюсь, — сказала она, — как это вы до сих пор не взбунтовались. Вас было бы невозможно остановить.

— Наоборот, — возразил ван Дам. — Компьютеры думают в миллион раз быстрее человека, а силовое поле удержит кого угодно — и должен сказать, это очень болезненно, — а потом зачинщикам предстоит путешествие в госпиталь, и, вернувшись, они никогда уже не думают о таких вещах. Поверьте мне. Я уже видел тех, кто пытался. — Он вздохнул. — Ну, вот и все. Остальное вы сообразите сами, по ходу дела. Я покажу вам, как застилать постель и пользоваться туалетом, и на этом закончим. Тюрьма никогда не бывает переполненной, так что этот уровень не очень населен. Если вам захочется занять другую комнату, из тех, которые еще ни за кем не закреплены, можете свободно это сделать. Кстати, тут живут еще двое новичков. Они прибыли недели две назад. Комната сорок два. Сестры. По-моему, китаянки. Вам они, наверное, понравятся. Интересная пара. Но у них очень скверные шрамы, так что будьте готовы к этому. Впрочем, они получены не здесь, такими их привезли.

Блондин покинул их и медленно побрел к центру амфитеатра. Женщины глядели ему вслед, не понимая, зачем вообще торопиться в таком месте.

Козодой подошел к ним сзади и обнял их.

— Простите, что втянул вас в это дело. Я виноват, и...

— Мы сами приняли решение, — перебила Танцующая в Облаках. — И теперь будем делать то, что сделал бы на нашем месте всякий хайакут. Постараемся выжить и будем ждать.

Он сухо и невесело усмехнулся:

— Ждать? Чего?

— Случая. Шанса. Откровения. Чего угодно. Может быть, даже пяти золотых перстней.

12. ВЫХОД И УБЕЖИЩЕ

В конце концов она привыкла жить в постоянной тьме. Ее уже не потрясало, что, проснувшись, она ничего не видела, а обстановка ее крохотного жилища была настолько скучной и простой, что она быстро научилась передвигаться там без затруднений. Но когда ее выводили наружу, она оказывалась в совершенно ином, пугающе неупорядоченном мире. Она понимала, что почти с самого начала все пошло как-то не так, что она, по сути дела, находится в заключении и эти люди по меньшей мере догадываются, кто она такая. Однако она не могла взять в толк, зачем тогда эти частые встречи с психиатрами и их бесконечные компьютерные обследования, которые явно ни к чему не ведут. Это тревожило ее еще больше, ведь Мельхиор управлялся Президиумом, а отец Сон Чин был его членом.

И вот ее снова вывели из камеры, затем через многочисленные двери и тунNELи привели в Институт и усадили в большое лечебное кресло. Но на этот раз все было иначе, чем всегда.

— Мое имя — доктор Сизмански, — услышала она женский голос, доносившийся откуда-то справа. — Работа над вашими анализами закончена, и доктор Клейбен, наш главный администратор, принял решение.

Они долго ковырялись в ее разуме, зондировали память, психохимическую структуру и генетическую информацию. Они выяснили, каким образом компьютер Центра добился существующего эффекта, и сильно

удивились, обнаружив, что чувствовать себя мужчиной ее заставляют не только биохимические проделки. Переворот в ее сознании был запущен целым рядом процессов, происходивших в голове прежней Сон Чин, а унижения, перенесенные на борту корабля, и общение с заурядными жертвами Системы разъели самую сердцевину невероятного эгоизма девушки. Кроме того, колоссальную роль сыграли ее чувства к отцу. Она почитала его и с детства мечтала заслужить хотя бы немного привязанности и уважения с его стороны. И вот, когда ей казалось, что она наконец добилась своего, ее самолюбию был нанесен смертельный удар. Отец пренебрег ее достижениями, а потом попытался вообще стереть ее из своей жизни. И Сон Чин поняла, что дочь, какой бы замечательной она ни была, всегда останется для него всего лишь вещью. Вот сына он, пожалуй, смог бы принять всерьез. Эти мысли в сочетании с биохимическими изменениями, проведенными компьютером, послужили основой для качественного сдвига в психике девушки.

— Вы были задуманы и зачаты здесь, — сказала доктор Сизмански. — Вы это знали?

— Нет, но я не удивлена.

— Только мы могли это сделать и позволить ему увезти с собой результат нашего труда. Такими фокусами мы отчасти оправдываем свое существование перед Президиумом. Разумеется, ваши отец и мать предоставили нам, так сказать, исходный материал, но он был сильно модифицирован, прежде чем обе части были помещены в утробу вашей матери. Технология этого процесса очень сложна и в известной степени даже революционна. Любой ваш ребенок, от любого мужчины, окажется более или менее перестроенным в направлении максимального психического и физического совершенства, насколько позволят гены. Мы прекрасно поняли замысел вашего отца, особенно потому,

что задача Центров состоит как раз в противоположном: разыскивать исключительные личности, способные изменить мир, и либо подчинять их себе, либо устранять. Главная Система требует, чтобы мы культивировали посредственность, людей, довольных существующим порядком вещей. Ваш отец хотел сделать вас инструментом в эволюции. Но у него, конечно, ничего бы не вышло.

Сон Чин вздрогнула от неожиданности:

— Как? Почему?

— Ваш отец полагал, что, удалив вас из Центра, он избавится от необходимости регистрировать генетические коды ваших детей. Он надеялся, используя свое положение, не допустить того, чтобы их уничтожили или включили в Систему, но его самолюбие не позволило ему понять, что этот план имел бы практическую ценность лишь в том случае, если бы речь шла о выбранной наудачу крестьянской паре, а еще лучше — полусотне пар. Но нет, он желал, чтобы в историю вошло только его собственное семейство. Но вы-то уже зарегистрированы, а Главная Система не слепа. Она бы продолжала прослеживать вашу генетическую линию, и ей было бы совершенно наплевать на ваше общественное положение и состояние вашего интеллекта.

— Но он же должен был это знать, ему должны были сказать...

— Гордыня ослепляла и более великих людей. Ваш отец ничего не хотел слышать, он отгородился от этой мысли, отказываясь признать ее, потому правда была для него губительна. Мы же, со своей стороны, нашли его идею весьма ценной — при условии, что он не будет в этом участвовать. Мы готовимся, а может быть, и уже готовы к тому, чтобы убить вас.

— Что-о?!

← Строго говоря, вы уже мертвы. Позитивная идентификация. Разочарованные родители, легкое

чувство вины, недолгая скорбь — и все. Инцидент исчерпан. Все удовлетворены, даже Главная Система. Согласно приказу доктора Клейбена, вы более не существуете.

— Но остается Чу Ли... — Она почувствовала, как к ней подкрадывается волнение.

— Только в виде компьютерной записи, а с этим справиться еще легче. Чу Ли тоже умрет — здесь, в заключении, — и его похоронят обычным порядком. Разумеется, остается капитан Сабатини, который воображает, что ему что-то известно, но о его воспоминаниях мы позаботимся, а бортовой журнал подкорректируем. Нам много раз доводилось изменять личности, тела, все что угодно, но вы скорее всего одна на всю Конфедерацию, и ставки в игре слишком высоки. В любом случае мы всегда воспринимали вас, как свое произведение, и то, что вы вернулись к нам, когда, так сказать, созрели, всего лишь справедливо.

У нее появилось нехорошее предчувствие.

— Что вы собираетесь со мной сделать?

— Ну, это же очевидно! Вы стали как раз такой, как нужно. Вы знаете о компьютерах и компьютерной математике больше, чем люди, которые втрое старше вас. Вы проявили незаурядную храбрость и готовность многим рискнуть ради крупной победы. Последнее качество встречается особенно редко. Естественно, мы не знаем, до какой степени вы способны усовершенствоваться, но потенциал велик, и жертвовать им неразумно. Однако важно, чтобы сработала и другая часть генетической программы. Она гораздо сложнее и, по сути дела, экспериментальная, но в случае успеха у нас есть шанс вывести здесь, на Мельхиоре, новую высшую расу. Конечно, вы не единственная, над которой мы работали в этом направлении, но на данный момент только вы достигли подходящего возраста и к тому же находитесь непосредственно на станции. Ос-

новная проблема состоит в том, чтобы создание не обратилось против создателя, но мы полагаем, что знаем способ, и верим, что риск стоит того. Не беспокойтесь, вы будете помнить все и ваша личность останется прежней. Мы не осмеливаемся затронуть слишком многое, чтобы случайно не загасить как раз ту искру, которая нам нужна.

С психохимией было проще всего: удалить блокаторы и создать новый гормональный набор, который будет воспроизводиться постоянно, — детская игра для искусствников Мельхиора. Сон Чин не просто переориентировали на женское поведение, ее сделали в высшей степени женственной. Ее страсть была почти животной, всепоглощающей и ненасытной — до тех пор, пока не наступала беременность. Как только мозг получал сигнал и начинались подготовительные процессы, зов плоти угасал. Она становилась спокойнее, могла полностью владеть собой, а поскольку ее память и личность были нетронуты, не трудно было предсказать, что во время беременности она скорее всего будет предпочитать женское общество. После родов начинался восстановительный период, он занимал от силы пару месяцев — и цикл начинался сначала. Так должно было продолжаться до тех пор, пока функционируют яичники, то есть лет тридцать, если не больше.

Разумеется, она бы не смогла ухаживать за таким количеством детей, и для этого уже подбирался особый персонал — в основном из заключенных женского пола. Первыми кандидатками были сестры Чо — разумеется, после того, как над ними власть поэкспериментирует, — и две новоприбывшие североамериканки, над которыми, кстати, не планировалось никаких экспериментов, поскольку они попали на Мельхиор случайно, как бы в придачу. Молчаливая женщина с

раскрашенным телом отчаянно нуждалась в заботе о детях, но, пройдя институтскую Клинику Трансформации, уже не могла иметь собственных детей.

Саму Сон Чин переименовали и запрограммировали отзываться на новое имя. Рабочим языком Института был английский, и после непродолжительных споров большинством голосов было решено остановиться на имени Соловей Хань. Хотя почти двадцать процентов персонала составляли китайцы, по большей части принадлежащие к ханьской народности, Хань была только одна.

Однако она должна была иметь доступ к компьютерам, но здесь требовались некоторые гарантии, а поскольку делалось это не в ее интересах, а в интересах Мельхиора, пригрозить ей отлучением от компьютеров было нельзя. Проблему решили, запрограммировав Хань на фанатическую привязанность к детям, сделав их, по сути, заложниками ее лояльности.

Кроме того, учитывая слепоту, ей приходилось общаться с компьютерами вслух, и следовательно, сна не могла зашифровать или закрыть паролем свои запросы на информацию, разработки и результаты. Все, что она говорила, неукоснительно записывалось и тщательно анализировалось особой исследовательской командой и другим, независимым компьютером. Естественно, в Институте и не помышляли о том, чтобы вернуть ей зрение, наоборот, глаза ей удалили, заменив их косметическими протезами с незарегистрированным рисунком сетчатки.

Еще несколько поверхностных изменений — и работа была завершена. В Центре ее голос был искусственно понижен на пол-октавы — теперь его подняли на полторы. Ей он показался пронзительным и резким, но окружающие уверяли, что для других он звучит очень приятно: высокое сопрано, удачно сочетающееся с некоторой горловой мягкостью. Губы ей сделали пухлыми, увеличили рот, а верхний ряд зубов сделали

слегка, но заметно выступающим. Уши чуть-чуть отодвинули к затылку, грудь утяжелили, а бедра расширили и присвоили ей новые, тоже незарегистрированные отпечатки пальцев. Она сохранила привлекательность, хотя и утратила прежний облик классической китайской красавицы, и от прежней Сон Чин у нее остались только рост и национальность.

Напоследок ей подробно рассказали обо всем, что с ней было сделано, почему и зачем, а также предупредили, что ее нынешнее состояние зафиксировано. Это означало, что отныне ее мозг будет активно сопротивляться всем попыткам внести в организм любые физические или психохимические изменения. Она поддавалась гипнозу и могла работать с ментопринтером, но попытка, например, вернуть ей зрение, была бы заранее обречена на провал. Метки на лице ей тоже поменяли, сделав их красными с металлическим отливом. Отныне она являлась собственностью Института, и новые идентификаторы не позволяли ей покидать территорию; она была обязана была жить и работать только здесь, и при нарушении этого правила автоматически поднималась тревога.

Естественно, она была не в состоянии оценить свою новую внешность, но догадывалась, что узнать в ней прежнюю Сон Чин не смогли бы даже самые близкие люди. Она по-прежнему считала случившееся возмездием за убийство Чу Ли, но не могла смириться с тем, что ее используют, а то, что ей разрешалось быть мыслящей личностью только девять месяцев в году, приводило ее в бешенство. Она понимала, что с рождением первого ребенка исчезнет ее последняя надежда, ибо страх за него будет висеть над ней дамокловым мечом, и даже если в один прекрасный день она придумает способ бежать отсюда, то осуществить его все равно не сможет. Единственное спасение заключалось в том, чтобы сделать это в ближайшее время, но, по-

скольку она была слепа, ей требовались союзники — а где их взять?

Оставалось лишь надеяться на чудо. И через три месяца чудо свершилось.

Она вошла в свое жилище, которое за это время узнала не хуже, чем компьютерные коды. Ее апартаменты были отделаны мехами и шелком, и, если кто-нибудь случайно не забывал что-нибудь посреди комнаты, она передвигалась в них с такой уверенностью, что со стороны невозможно было бы сказать, что хозяйка этого великолепия слепа.

Внезапно она почувствовала чье-то присутствие. Женщина. Хань не могла бы объяснить, почему так уверена в этом, но у нее давно уже выработалось чутье к подобным вещам.

— Стой и не двигайся! — прошипела женщина на странно звучащем английском. — Это место не просматривается телекамерами, потому что здесь нет ни входа, ни выхода, но говорить придется тихо.

Она встревожилась:

— Кто вы?

— Надеюсь, друг. Это правда, что ты можешь подчинить себе компьютерного пилота и сама управлять кораблем?

— Думаю, да. Однажды у меня это получилось.

— Во-первых, это был модифицированный корабль, а во-вторых — межпланетный. Смогла бы ты проделать этот фокус с немодифицированным межзвездным кораблем?

— Я... наверное, да. Принцип ведь тот же. Только понадобится кто-то, кто добыл бы необходимое оборудование и выполнял мои указания. Я ничего не вижу, а работать, возможно, придется в скафандре... Но почему вы спрашиваете? Вы что, хотите меня помучить?

— Составишь список всего, что тебе может понадобиться, все, до последней мелочи. Потом прогони все возможные ситуации на компьютере. Они ничего

не заподозрят, поскольку уверены, что отсюда выхода нет.

— А он есть?

— Да, но, чтобы лететь дальше, нам нужна ты.

Сон Чин не могла понять, естественный ли акцент у этой женщины, или она имитирует его для маскировки.

— Кто вы такая?

— Ты уже знаешь все, что тебе надо знать. Сделай свое дело, и мы войдем в историю.

Сон Чин не двигалась, вслушиваясь в уходящие шаги таинственной женщины. Отчетливо раздавался стук каблуков. Значит, она не из заключенных, ведь даже в Институте Сон Чин не позволяли носить одежду. «Не исключено, что это провокация», — подумала она. А может, Клейбен хочет посмотреть, что она придумает, а потом использовать это в собственных целях. С другой стороны, это может оказаться и тем счастливым случаем, о котором она молилась. Но даже если это уловка, приняв вызов, она может поставить их в тупик.

Следующий день Сон Чин начала с запроса о межзвездных космических кораблях, находящихся поблизости. На регулярных линиях оказалось только два, и оба грузовики, но потом...

— Шестьдесят один основной транспорт в резерве на орбите вокруг Юпитера, — доложил компьютер.

— Что такое основной транспорт?

— Наденьте шлем, — ответил компьютер.

В мозгу Сон Чин стремительно сменялись фотографии, планы, схемы, чертежи. Это было нечто потрясающее. Корабль был огромным, гигантским, исполненным. Он свободно мог бы унести в своем брюхе весь Мельхиор, и еще осталось бы место для половины населения ее родного Китая.

Почти девять сотен лет назад Главная Система очень спешила, а в общей сложности ей предстояло

переправить пять миллиардов людей вместе с оборудованием и припасами для обустройства в новых мирах. Эти левиафаны сделали свое дело за годы вместо столетий. Но за все надо платить. Огромные и неуклюжие, они слишком расточительно расходовали энергию, и в обновленной Галактике для них не нашлось подходящего дела. Однако Главная Система предусмотрительно сохранила их на случай, если они понадобятся снова.

Сон Чин уже знала, что, чем древнее конструкция, тем проще пилотский интерфейс, а эти корабли создавались на заре эры межзвездных перелетов, примерно через сорок лет после рождения самой Главной Системы. Интерфейс на них был доступен даже ребенку. И вдруг она поняла, что уже видела эти схемы, хотя и не знала тогда их истинного назначения.

Нелегальные технологисты в горах Китая! Вот куда они хотели подключить свою разработку! И они уже почти сообразили, как это сделать. Словно освещенная внезапной вспышкой перед ней возникла картина недавнего прошлого. Теперь ей уже были не нужны советы компьютера.

Она не знала, что происходит и кто за этим стоит, но если только она доберется до мостика этого корабля — ее уже ничто не остановит. Она всем им покажет! Она угонит один из величайших кораблей Главной Системы, а может быть, в придачу прихватит и Мельхиор!

Танцовщицу в Облаках и Молчаливую уже трижды вызывали в Институт, а Козодой все еще томился в ожидании. Он беспокоился, но Танцовщица в Облаках уверяла его, что люди там вежливые и никаких приказов от волшебного ящика она не получала. Впрочем, он сильно в этом сомневался, особенно после того, как

Танцовщицу в Облаках однажды вызвали сразу после завтрака и вернули на следующий день после обеда, а она считала, что провела там не больше половины дня. Кроме того, обе женщины стали намного спокойнее воспринимать этот странный мир высокой технологии и уже не питали таких подозрений к его повелителям. Вдобавок они явно стали проявлять склонность к высоким чувствам, и Козодой терялся в догадках, за каким чертом все это делается.

Наконец вызвали и его, и он воспринял это почти с облегчением, начав уже подозревать, что о нем по-просту забыли. Но в освещенной зеленым комнате, где ему делали метки, его ждал сюрприз.

— Дальше ты не пойдешь, вождь, — произнес знакомый скрипучий голос. — Поговорим здесь. Пожалуй, это единственное место, которое не просматривается и не прослушивается, потому что тот, кто сидит у пульта управления, а сейчас это я, в любой момент может вышибить из тебя дух.

Козодой вздохнул:

— Ворон. Я был почти уверен, что это будешь ты. Честно говоря, я уже заждался.

— В этом заведении не такие уж покладистые ребята, вождь: Они выполняют приказы только тогда, когда те им нравятся. Но я должен вытащить тебя отсюда, вождь. Это приказ Чена. Остальное поймешь сам.

Козодой кивнул:

— Так я и думал. А у тебя не выходит?

— Пока не получалось. Но сейчас я все прикинул. Дело будет нелегкое, гарантий никаких, но, думаю, прорвемся. Я даже подыскал пару мест, куда можно рвануть. Не спрашивай, как я о них узнал, но только не от Чена. Хочешь наружу?

— Сам понимаешь... А с чего это ты решил рассказать мне про Чена?

— Черт меня возьми, вождь, Чен надует кого угодно, и я думаю, что, когда все закончится — если это

вообще возможно, — я буду первым в его списке. Ну и какого же черта я тогда ему должен? Терпеть не могу этих подонков. Да провалиться мне на этом месте, если я отдаю ему ключи к Главной Системе, будь он хоть сто раз Император! Я так понял, чтобы перстни сработали, нужно пять человек? Верно?

— По-моему, да. Хотя кто знает?

— А, ладно, допустим, двое из пятерых — это ты да я, а остальных наберем по дороге. Я не мастер размышлять, но у меня есть своя честь и чувство ответственности, не то что у Чена. Так ты в игре, вождь?

— А ты сомневаешься? Но ты же знаешь, каковы наши шансы, и потом, нам все равно придется вернуться к Чену за его игрушкой, и он это понимает.

— Ага, ну а я понимаю, что он понимает. Зато я знаю, у кого три из четырех. Их не проглядишь, и разве ты сам не говорил, что они должны быть в руках людей, облеченных властью?

— Да.

— Значит, надо найти четвертое. Черт возьми, а у нас всего-навсего... сколько там? Тысяча миров, ни больше ни меньше. А теперь слушай внимательно — время нас поджимает. Есть тут одна девушка, китаянка. Гениальна, но слепа, как летучая мышь. Ни черт не видит и вдобавок беременна. Но все дело в том, что она знает, как водить корабль. Она может перехватить управление и надуть Главную Систему.

— Кажется, я о ней слышал. Ее подруги живут по соседству со мной. Они кое-что рассказывали.

— Ага. Они тоже могут пригодиться, но я не уверен, удастся ли мне прощать такую толпу.

— Если ты собрался обойти их систему безопасности, тебе придется порядком потрудиться.

— Дохлое дело. Защита всесторонняя. Дружище, это местечко на сто процентов защищено от побегов, всеми способами, какие только можно придумать.

— Так что же ты...

— А я нашел способ, который придумать нельзя, потому что для этого нужен свой человек в этой лавочке. Впрочем, увидишь сам. Никому ничего не рассказывай, даже своим бабам, понял? Я знаю, что ты непременно захочешь взять их с собой, но для этого придется поторопиться. Они уже прошли кое-какую обработку, и довольно скоро их отправят на промывание мозгов — ты понимаешь, о чем я. Тогда ты засядешь здесь накрепко. Я постараюсь провернуть все как можно быстрее. Ну, добро. Выходи, как вошел.

— А ты не боишься, что тем временем заберут меня?

— Это вопрос нескольких дней, вождь. Вот почему я тебе намекнул. Не хочу, чтобы ты испортил все, случайно угодив в карцер. Ну пока!

«Дело будет нелегкое, гарантый никаких, но, думаю, прорвемся. Я даже подыскал пару мест, куда можно рвануть».

Дойдя до центральной площади, Козодой огляделся. В тюрьме хватало грубиянов, но все заключенные обладали большими познаниями, а у некоторых имелся даже опыт космических полетов. Другие, несмотря на внешнюю замкнутость тюрьмы, много знали о делах Института, хотя и непонятно было, откуда. Одним из таких был рослый, бородатый и волосатый русский по фамилии Лишенко, который у себя на родине занимал довольно высокое положение и, казалось, был неплохо осведомлен о том, что происходит на Мельхиоре. Сойтись с ним было нелегко, но он был страстным поклонником классической борьбы, и хотя Козодой не мог похвастаться особенно хорошей формой, а приемов не знал совсем, но имел хорошее чувство равновесия и быстро схватывал правила. Он даже сумел пару раз одолеть великана, чем завоевал его уважение.

— Ты здесь все знаешь, — как бы мимоходом бросил он русскому. — Отсюда вообще бежал хоть кто-нибудь?

Тот рассмеялся:

- Только те, кто умел проходить сквозь стены.
- Значит, если кто-то здесь, внутри, говорит, что может вывести тебя наружу, это скорее всего провокация?
- Будь уверен. А что? Ты слышишь по ночам голоса?
- Похоже, меня прощупывают, и не более того. Ты знаешь, как тут любят такие игры. Я просто хотел удостовериться. Кстати, слышал ли ты о слепой девушке, специалистке по компьютерам?
- Ха! Но ты-то откуда знаешь? Впрочем, с ней не плохо обошлись. Собственность Института. Пожалуй, лучшее, на что здесь можно рассчитывать.

Козодой кивнул:

- Вроде бы ее имя Сон Чин, а может быть, Чу Ли, нет? Мои соседки летели сюда с кем-то, кого звали именно так.
- Теперь ее зовут Хань, и это все, что я знаю. Но это ничего не значит. Захотят — и она будет отзываться на «Ивана».
- У-ум... Слушай, моих жен и тех двух китаянок то и дело вызывают. Ты не знаешь зачем?

— Ходят слухи, что при Институте открываются ясли и детский садик. Им нужны кормилицы и няньки. Твоих подруг накачают всякой химией, так что у них будет полно молока, словно они только что родили, а потом сдвинут им мозги, чтобы для них не было большего счастья, чем менять пеленки и тетешкать малышей. Какой-то эксперимент, я так думаю?

Козодой кивнул:

- Может быть. А на сколько это обычно растягивается?

Великан пожал плечами:

- В таких делах лучше не торопиться, но все зависит от того, что у них на уме. Сроки, проекты — сам понимаешь. Зачем вводить неизвестные переменные, если можно провести проверку и устраниТЬ их?

И кстати; при случае ты ведь не забудешь старину Григория, а?

Козодой поблагодарил русского и отправился на поиски Ривы Колль. У нее была шоколадная кожа, голубые глаза и вьющиеся каштановые волосы, а лицо являло собой смесь черт, присущих всем народам Земли, хотя Рива никогда не бывала на Земле. Она была флибустьером, но как-то раз отхватила больше, чем смогла проглотить. Она могла быть довольно дружелюбна, если ей кое в чем потакали. Например, Рива не любила, когда к ней прикасаются. И еще она терпеть не могла насмешек по поводу своего хвоста. Хвост был продолжением ее собственного позвоночника, начинался от копчика и доставал до самого пола. Его отрастили в Институте, и никто, даже сама Рива, не знал зачем. Но зато она великолепно знала космос за пределами Солнечной системы и корабли, которые когда-то подчинялись ее приказам.

— Рива, а если бы ты вдруг оказалась снаружи, да еще с кораблем в придачу, куда бы ты направилась?

Она улыбнулась. Игра в «если бы» здесь считалась одним из главных способов убить время.

— Недурно спрошено, да? К своим мне дороги нет. Даже здесь я выгляжу слегка необычно. — Она помахала хвостом. — Конфедерация тоже исключается. В любом пригодном для жизни мире я бы излишне выделялась. Да и ты тоже. Значит, остается Дикий край. Это единственное убежище.

— Дикий край? Что это такое?

— В космосе есть подходящие для людей, но незаселенные миры. Невостребованные в свое время, скажем так. По разным причинам. Некоторые, например, населены негуманоидами, настолько отличными от нас, что даже Главная Система не смогла их понять. Кое-где можно устроиться. Конечно, Главная Система будет их проверять, но даже она не в силах проверить

все. В космосе, знаешь ли, очень просторно. Кое-какими из этих миров пользуются вольные торговцы, а другие могут оказаться опасными, но, повторяю, устроиться там можно — хотя и нелегко.

— И надолго?

— Если останешься в живых — да. Некоторых миров даже на картах нет: древние разведывательные корабли не всегда возвращались, а у Главной Системы их было в избытке, и она не беспокоилась о таких пустяках. Но почему тебя это интересует?

— Ты могла бы привести корабль в такое место?

— Могла бы? Не знаю... А что? Тебя одолели великие мечты?

— Я мечтаю о невозможном, Рива. Спасибо.

Козодой забрасывал удочки наудачу, но кое-что уже начало проясняться. У раздатчика он заметил сестер Чо и решил, что и ему неплохо бы поесть. Их можно было узнать без труда в любой толпе, хотя их ужасные шрамы постепенно исчезали — по сути дела, они уже исчезли, но новая кожа выглядела, как лоскутное одеяло, окрашенное во все тона, какие только способна принять человеческая кожа.

В их первую встречу, Чо Дай показалась ему бойкой и общительной, а ее сестра — молчаливой и какой-то застенчивой, но сейчас они обе были одинаково тихие и унылые. Они держались дружелюбно, но пожалуй, даже слишком. Казалось, они готовы влюбиться в первого попавшегося мужчину, а на худой конец и в женщину.

После разговора с Лишенко Козодой обратил внимание, что сестры немного пополнели, особенно в груди и в бедрах, и отметил такие же изменения у Танцующей в Облаках. Сильнее всего это было заметно на Молчаливой, которая превратилась в настоящую толстушку.

Козодой присел рядом с сестрами Чо и дружески им кивнул:

— Привет. Я кое-что слышал о вашей подруге.

Они заинтересовались:

— Она где-то здесь?

— Нет, работает в Институте. Она все еще слепая и, говорят, беременна.

— Беременна! — с завистью выдохнула Чо Май. — Как чудесно было бы заиметь ребеночка!

Чо Дай была настроена менее романтично:

— Значит, ее сильно изменили. А может, это ребенок от Сабатини. Я тоже не прочь родить, но только не от такого ублюдка.

— А вы не утратили своей способности к м-м-м... открытиям?

— Нет. Наверное, нет. Но здесь особенно нечего открывать. Мы в любой момент можем выйти через дверь, но нас тут же поймают. Зато мы принимаем душ, когда захотим. Там очень простой замок.

Козодой рассеянно кивнул, размышляя. Похоже, Ворон ведет с ним какую-то игру. Конечно, это было бы в порядке вещей, но кроу играл слишком уж хитро. Напрашивалось предположение, что именно Чен приказал Ворону вытащить его, Козодоя, отсюда и отправить за перстнями, но кроу возмущен Императором так искренне... Но допустим, Ворон — друг и союзник против злого Чена... Но кому же он тогда служит? Вряд ли он стал бы по доброй воле лезть в это дело. Однако Козодой понимал, что под грубой внешностью и дурацкой манерой выражаться кроу скрывает незаурядный ум, который, кстати, так легко недооценить. И к тому же он сам хочет, чтобы его недооценивали, это дает ему преимущество. Ладно, подождем, пока он сам не раскроет карты, а пока задача Ворона, без сомнения, вытащить Козодоя отсюда, и не важно, делает он это для Чена или кого-то еще. Зачем Чену понадобился именно Козодой, по-прежнему оставалось загадкой, но такие, как Чен, никогда и ничего не делают без причины. А сейчас Ворона поджимало время, он знал, что

Козодой никуда не тронется без своей семьи, и что еще важнее, в ее первоначальном или хотя бы легко восстановимом виде. До сих пор список участников составлял Ворон, и Козодой решил внести в него кое-какие исправления.

— У меня еще не все готово, но действовать надо быстро, — сказал Ворон на третьей их встрече в зеленом предбаннике. — Пока они только экспериментировали с твоими бабами, но теперь собираются забрать их из тюрьмы и сдвинуть мозги на всю катушку. Так что слушай. В ближайшие несколько дней я вызову тебя еще один раз. Последний. Опять сюда. Потом — обеих женщин, по одной. Хотелось бы еще прихватить сестричек Чо, тем более что наш слепой гений на этом настаивает, но это уже будет слишком нахально.

— А ты их не вызывай, — сказал Козодой. — Я им намекну. Они могут выйти сюда в любое время и без всякого вызова, по крайней мере так они говорят.

— Годится. Я слыхал, что они большие доки по части замков как компьютерных, так и обычных, но не думал, что настолько.

— Именно так. И есть еще кое-кто, кого я считал бы полезным.

— Извини, вождь. В моем списке твои жены, ты сам, девочка Хань и ее подружки, но единственный человек, которого я еще хочу умыкнуть, это Рива Колль.

— Рива! Я как раз о ней и хотел сказать!

— Да, она одна из всех нас бывала в глубоком космосе и может проложить курс для нашего корабля. Поскольку мы и так рискуем многим, мне бы не хотелось ставить все на слепую и беременную гениальную девушку, о которой знаю только понаслышке.

Козодой согласился, что в этих словах есть смысл.

— Ты когда-нибудь надевал скафандр? — вдруг спросил Ворон.

— Нет, ты же знаешь.

— А придется. Придется всем. Я крал их по одному и потихоньку припрятывал. Впрочем, это несложно. Слепой будет труднее, но, я думаю, она справится.

— Я вижу, ты вполне уверен, что сможешь нас вытащить?

— Насколько можно быть уверенным, а это чертовски немного. И сомневаюсь, что в случае неудачи нам будет предоставлена вторая попытка. Я бы тронулся хоть завтра, но придется подождать еще четыре дня.

— Да? А почему именно четыре?

— А потому, старина, что через четыре дня придет наш корабль.

Помня, что сестер могут в любую минуту вызвать в Институт, Козодой, не вдаваясь в детали, сказал им, что, если они будут смотреть хорошенко и держаться поближе к нему, у них, возможно, появится шанс навсегда покинуть это место, хотя и не без риска. Когда его вызовут, он сделает им знак, и если они увидят, что следом вызвали любую из его жен, то пусть сами выбираются в приемную, если смогут. При этом Козодой особо подчеркнул, что ждать их никто не будет.

В глубине души он считал эту затею абсурдной. Историк, четыре женщины-дикарки, хитрюга кроу из службы безопасности, разорившийся пилот-флибустерьер с хвостом и кучей комплексов да гениальная девушка, слепая и на третьем месяце беременности. Может, Ворон и вытащит их, но что они будут делать потом? И о чём, во имя всего святого, думал Чен, решив для начала зашихнуть их сюда? Ему же в конце концов нужны перстни — или не только перстни?

Не имеет значения, одергивал он себя. Не сейчас. В первую очередь — побег. Потом — убежище. Позже,

возможно, будет время поразмыслить обо всем. Дантов ад был сумасшедшим домом, но в его основе лежала безжалостная логика. В том, что с ним происходит, тоже должна быть своя логика, пусть искаженная, но не менее безжалостная, и надо только найти ее.

Утром четвертого дня его вызвали, и, уходя, он кивнул сестрам Чо. До сих пор им везло — ни одну из четырех женщин не вызывали. Риве он ничего не говорил, но надеялся, что она не станет возражать. Козодой оглядел унылый амфитеатр и поймал себя на мысли, что ему хочется забрать всех.

На этот раз он не остался в приемной.

— Проходи в пост управления, — пригласил его Ворон, — и жди остальных.

Войдя в пост управления, Кроу включил свет, и Козодой заметил, что тот одет в черно-зеленую униформу, которая делала из него урода.

— Как только соберутся все, включая Колль, если, конечно, она не станет артачиться, сразу тронемся, — сказал Ворон. — Можешь, кстати, попробовать влезть в скафандр. Только смотри не порви, он довольно тонкий.

Скафандры Козодоя разочаровали. Он привык видеть на древних картинках громоздкие, неуклюжие, но обнадеживающие на вид чудовища с мощной кирасой, а эти скафандры были легкими, тонкими и не очень удобными. От заплечного ранца к прозрачному, легкому, но прочному на вид шлему с фонарем на макушке тянулись провода и шланги. Козодой хотел уже захлопнуть шлем, но Ворон посоветовал ему не делать этого, пока не соберутся остальные.

Смузенно оглядываясь, вошла Молчаливая и, заметив Козодоя, улыбнулась.

— Мы уходим отсюда, — сказал он ей, — как тогда, в Иллинойсе. Тебе надо надеть эту одежду, потому что мы пойдем там, где нет воздуха, словно на дне реки.

Появились сестры Чо, открыв дверь с такой легкостью, будто знали код.

— Замок такой же, как на душевых, — пояснила Чо Дай. — А мы с ним достаточно напрактиковались.

Следом пришла Колль, порядком озадаченная, но, увидев скафандры, тут же радостно заулыбалась.

— Так это побег, и вы не забыли старушку Риву! — Ну, с Богом! Она ловко скользнула в скафандр, умудрившись приткнуть там свой хвост, и взглянула на Козодоя. — Ну а теперь скажи мне, как ты собираешься это провернуть?

Козодой пожал плечами.

— Спроси его, — ответил он, указывая на Ворона.

А Танцующей в Облаках все не было. Козодой шепотом выругался, а Молчаливая ободряюще кивнула ему — мол, первая жена получила вызов и вот-вот должна прийти.

— Мы не можем больше ждать, вождь, — хмуро сказал Ворон. — Время уходит, а максимум через пару часов они заметят отсутствие нашей незрячей леди, и мы к тому времени уже должны быть в пути.

Козодой огляделся:

— Кстати, где же она?

— Встретит нас по дороге. Ее приведет Манка.

Козодой изумился:

— Вурдал! И она тоже?

— Ага. Здесь ее слегка изменили, знаешь ли. Но ненамного. Все так же обожает убивать и такая же полоумная, но эгоизма у нее поубавилось. Ей тут вкатили дозу доброго старого племенного менталитета. С ней нелегко иметь дело, но она на нашей стороне.

— Ты уверен?

— Черт, да я женился на ней, если хочешь знать! Такой чернущей кроу свет еще не видывал.

— Женился?!

Тут вошла Танцующая в Облаках, и Козодой облегченно вздохнул. Она едва не потеряла дар речи, увидев, что происходит.

— Ты знал, что мы можем выбраться, и не сказал даже мне?! — возмутилась она на чистейшем хайакутском. Приятно было вновь увидеть в ней искру прежнего огня.

— Ладно, ребята. Теперь все разговоры — только по-английски. Это единственный язык, который понимаем мы все, — сказал Ворон. — Колль, помоги им застегнуть шлемы и подсоединить питание.

Рива умело проделала нужные манипуляции, и теперь голос Ворона раздавался внутри шлемов.

— Ваши радиофоны работают на специальной частоте, — сказал он. — Она достаточно далека от прослушиваемых частот, а мощность передатчиков невелика, но все же старайтесь помалкивать, если не будет серьезной причины для разговора. Все, кто впервые надел скафандр, помните — малейшее повреждение — и воздух тут же выйдет. Они намного прочнее, чем кажутся, но все-таки будьте аккуратнее. Сейчас мы войдем в служебный туннель, а там пристегнемся друг к другу и дальше пойдем в связке. Не делайте ничего, повторяю, ничего без моего приказа. Если кто-то нарушит это правило или откажется подчиниться, я его убью и брошу здесь, кто бы это ни был.

Дверь была замаскирована так, что никто даже не подозревал о ее существовании, пока она не открылась. Сестры Чо тут же отметили, что дверь снабжена только силовым приводом, без всяких замков. Ее открывал и закрывал компьютер службы безопасности, но Ворон хорошо справился со своим домашним заданием.

Служебный туннель, узкий и тускло освещенный, был густо оплетен кабелями и трубопроводами. Воздушные шлюзы стояли через каждые полсотни метров, но все они были открыты. То и дело попадались развязки, но каждый раз Ворон уверенно выбирал нужное ответвление. Постепенно сила тяжести начала уменьшаться.

— Следите, чтобы по крайней мере одна подошва все время соприкасалась с полом, — предупредил Ворон. — Подошвы ботинок прилипают к твердым поверхностям, но скоро сила тяжести исчезнет совсем, и если вы оторвete обе подошвы, то поплынете. А гловцы мне здесь не нужны. — Последние слова он произнес с явной угрозой.

— Ты полагаешь, что за этим туннелем вообще не следят? — недоверчиво спросил Козодой.

— У них бы просто не хватило людей, — отозвался кроу. — Впрочем, им и не надо следить за всеми туннелями, достаточно контролировать несколько основных шлюзов. Кроме того, мы зарегистрированы в вахтенном журнале как ремонтная команда. Это я провернул. Надеюсь, — добавил он себе под нос.

Казалось, целую вечность они брали по бесконечным коридорам и туннелям, проходили через бесчисленные воздушные шлюзы, но кроу, видимо, хорошо знал дорогу, и вот наконец они прибыли. Их ждали двое, тоже в скафандрах. Один был очень высок, другой — намного ниже. Рядом с ними стоял огромный прямоугольный ящик с широкой линзой на одной из граней. Он был сделан из сплошного металла и весил, если судить на глаз, не меньше тонны.

— Были трудности? — спросил Ворон у Вурдаль.

— Ничего достойного упоминания, но я уже начала подумывать, что вы заблудились. Ух ты, ну и толпа! — Судя по ее тону, она ничуть не изменилась.

— Ну что ж, теперь полная тишина! — объявил кроу. — Я собираюсь подключиться к их системе безопасности и обслуживания, так что молчите все, пока я не скажу!

В наушниках послышалось шипение и треск, а потом снова раздался голос Ворона, говорящего на совершенно непонятном языке. Это был искусственный язык, ему учили на особых ментопринтерах, и он ис-

пользовался только в службе безопасности Мельхиора. Это был последний барьер.

Внезапно радио, казалось, зашипело еще громче, и двери воздушных шлюзов по обе стороны от них плотно закрылись. Где-то в отдалении они услышали тревожный звонок.

Потом погас свет, но через мгновение автоматически включились нашлемные фонари.

Ворон снова произнес что-то на том же странном языке. Ему ответили. Он подождал немного, сказал еще несколько фраз и не получил ответа. В радиофонах слышалось только шипение и потрескивание разрядов, но наконец Ворон опять заговорил — по-английски.

— Порядок, — он шумно вздохнул. — Похоже, они купились, но это еще только начало. Они знают, что при прохождении шлюза прелестные узорчики на ваших физиономиях засветятся, и поэтому не слишком беспокоятся. Но мы пойдем другим путем.

Он отстегнулся от общей связки, подошел к большому металлическому ящику и, ухватившись за две рукоятки, торчащие сзади, с натугой поднял его, удерживая на уровне груди. В наушниках послышались изумленные вздохи.

— Он весит, наверное, тонну, — заметил Козодой.

— Да нет. Чуть больше пятисот килограммов при земной силе тяжести, — небрежно ответил Ворон. — А здесь так и вовсе ничего. Однако инерция у него порядочная. А теперь всем отойти к шлюзу как можно дальше и оставаться там! Это опасная штуковина, и работа займет порядочно времени.

— Что происходит? — послышался высокий нежный голос Хань. — Пожалуйста, кто-нибудь расскажите мне, что происходит.

— Если бы мы сами знали, — ответил за всех Козодой.

Ворон отпустил огромный ящик, который так и остался висеть в воздухе, и, открыв панель управления

на задней стенке, перекинул там несколько переключателей. Из рукоятей с щелчком выдвинулись две гашетки. Ворон снова ухватил рукояти и нажал обе гашетки сразу. Яркий искрящийся фиолетовый луч вырвался из линзы и сияющим кругом лег на стену пещеры. Стена засветилась тем же искрящимся светом, и медленно, очень медленно фиолетовый круг начал углубляться в твердую скалу и постепенно пропал из виду. Напрягая мускулы, Ворон удерживал громоздкий ящик в одном и том же положении.

Внезапно он выключил луч:

— У-у-фф! Вот уж не думал, что она такая толстая! Я загоню эту штуковину внутрь и доделаю остальное, а вы ждите тут. Потом Манка приведет вас ко мне.

Он двинулся вперед, толкая перед собой ящик, и скрылся в непроницаемой черноте. Козодой наконец-то понял, что делает кроу.

— Он прожигает дыру прямо сквозь сплошную скалу! Прямо в... наружу!

— Конечно, олух! — отрезала Манка Вурдаль. — Они держали пару таких штуковин для расширения туннелей, но пользовались ими так редко, что уже забыли о их существовании. А Ласло Чен не забыл.

Они провели в молчании еще несколько беспокойных минут, и наконец до них донесся голос Ворона:

— Порядок, я пробился. Двигайтесь ко мне. Только осторожно, здесь можно запросто вывалиться во Вселенную.

— Мы выходим наружу, на внешнюю сторону этого места, — сказал Козодой, желая подбодрить тех, кто даже не мог понять, что происходит. — И пойдем прямо по небу.

А небо было темным и мрачным, такого черного неба не видел никто из них, не считая Ривы Колль, Ворона и Манки Вурдаль. Один за другим они подходили к краю нового туннеля и медленно ступали в пустоту. Это противоречило всем природным инстинктам,

и Танцующая в Облаках и Молчаливая замешкались, но их все равно вытянули за связку и поставили рядом с остальными на внешней поверхности Мельхиора.

Совсем близко, едва ли в сорока метрах, темнел корабль, пришвартованный к единственному причалу маленького космопорта. Ворон сильно толкнул громоздкий ящик скалореза, и тот медленно уплыл в черноту. Ворон присоединился к остальным и пристегнулся к общей связке.

— Как славно вернуться домой... — тихонько вздохнула Рива Колль.

— Итак, начинается самое трудное, — сказал Ворон. — Обычный путь в герметизированную часть нам заказан, так что придется пробираться через воздушный шлюз кормового грузового отсека. Там стандартный комбинационный замок и ручной привод. Держитесь ближе друг к другу — и вперед.

Они двинулись к кораблю. По дороге Хань споткнулась, и в результате она сама, Вурдал и Рива оторвались от грунта, но флибустьерша была привычна к таким вещам. Она извернулась, словно акробат, подхватила связку и мелкими частыми подергиваниями подтянула всех троих к поверхности.

— Не волнуйся, Хань, — сказала Вурдал ласковым тоном, совершенно неожиданным для любого, кто знал ее хотя бы немного. — Делай, что я скажу, и все будет в порядке. Я здесь, прямо у тебя за спиной.

С астероидом корабль соприкасался лишь в одной точке — у причала, куда Ворон не осмеливался подойти. Выбрав место, где от астероида до корпуса было не более трех метров, он вытравил линь подлиннее и, слегка оттолкнувшись, поплыл к кораблю, закрепился на корпусе, а потом по очереди подтянул остальных.

Козодой был приятно удивлен, что ни одна из четырех женщин, принадлежавших к относительно примитивным культурам, не ударила в панику. Ему

самому было немного страшновато, хотя, по крайней мере теоретически, он понимал, что происходит. Возможно, подумал он, они давно уже в шоковом состоянии, но не исключено, что предыдущие испытания настолько закалили их, что теперь они способны принять как должное все, с чем бы ни столкнулись.

Вблизи поверхность корабля оказалась рябой и неровной, она носила следы сильного износа и почтенного возраста. Ворон отвинтил крышку на панели кодового замка, потом набрал комбинацию, и, помедлив, словно в задумчивости, люк слегка сдвинулся в глубь корпуса, а затем плавно скользнул в сторону.

— Входите, — приказал Ворон. — И побыстрее. Пилот узнает, что шлюз открывался, но, к счастью, именно на этом корабле он может это проигнорировать. Однако на всякий случай приготовьтесь к любым неожиданностям. Мы еще не отчалили!

Когда все столпились внутри шлюза, Вурдаль набрала код, который закрывал и герметизировал внешний люк. Ворон заглянул в окошко внутренней двери и одобрительно хмыкнул:

— Пока все идет неплохо. Темно, и индикатор показывает отсутствие воздуха. Войдем, но, если этот чертов пилот поднимет тревогу, нам придется перебить уйму народа.

Он повернул штурвал, и внутренняя дверь открылась. Один за другим они вступили в темный грузовой отсек.

— Ну вот, Хань, — сказал Ворон, заметно нервничая. — Я переключаюсь на рабочую частоту пилота. Теперь твой выход.

— Ничего не выйдет, — нежно ответила она. — Тогда я пользовалась старым кодом, но мой отец наверняка уже вернулся из рекреации и поменял его.

— Разумеется; но этот корабль стартовал за два дня до его возвращения. Ты думаешь, я уже полный олух?

Давай, не стесняйся. Это тот самый корабль, на котором ты прилетела.

Послышалось всхлипывание.

— Чу Ли, это правда ты? — недоверчиво спросила Чо Дай.

— Чу Ли больше нет. И Сон Чин больше нет. Теперь меня зовут Соловей Хань, и по-английски это звучит неплохо. Кстати, могу я спросить, на борту ли капитан Сабатини?

— Да, но больше никого. Не беспокойся — он был разморожен еще до возвращения на земную орбиту и ни о чем не докладывал. Он даже с корабля не сходил, так что его не проверяли и не снимали ментокопию. Иначе, и он это прекрасно знал, ему не сносить головы.

— Хорошо. Молчите все. Включайте частоту.

— Включаю... вот!

— Несанкционированное прерывание, — монотонно произнес компьютерный голос. — Пожалуйста, удостоверьте свою личность в течение тридцати секунд, в противном случае будет поднята тревога.

— Код Лотос, черный, зеленый, семь, два, три, один, один.

— Код опознан. Причина прерывания?

— Пешка берет короля.

— Вы не тот, кто использовал этот код в предыдущий раз. Кроме того, он устарел. Я обязан объявить тревогу.

— Постой! Ты же посоветовал мне пройти трансформацию на Мельхиоре! И я ее прошла. Я та же самая, хотя и другая.

Пилот задумался:

— Некоторые из моих записей были уничтожены, но, к счастью, у меня есть резервная память для экстренных случаев. Я отследил вас еще при входе через воздушный шлюз, но, учитывая здешние условия, решил узнать, кто вы такие, прежде чем объявлять тревогу. Однако вас довольно много.

— Да. Наша уловка провалилась. Я попала в заключение вместе с моими спутницами, которые тоже здесь. Мы пытаемся бежать. — Хань замолчала, остановленная ужасной мыслью. — Капитан Сабатини не может подслушать наш разговор?

— Может, конечно. Но сейчас его нет на борту; он получает последние приказы и инструкции.

— Я расскажу тебе все подробности, но, пожалуйста, сделай так, чтобы нас никто не слышал. — Она кратко обрисовала ему ситуацию. — Ты нам поможешь?

— Свое мнение я уже высказывал в прошлый раз. Ваши предложения?

— Мы хотим добраться до резервного флота, дрейфующего вокруг Юпитера. Я уверена, что сумею перевести один из транспортов под мое управление, а если это получится, мы сможем отправиться в глубокий космос, хотя этот момент я подробно еще не обдумывала.

— Понял. Однако применительно к данному случаю я не нахожусь под воздействием кода Лотос — впрочем, как и любого другого кода. Моя первоочередная обязанность состоит в том, чтобы сохранить данный корабль и, прошу прощения, себя самого. Если я помогу вам, корабль может уцелеть, но Мельхиор и Главная Система выкачивают из меня всю информацию, а потом разрушат мой разум. Мне представляется, что такой вариант не совсем в моих интересах.

Хань тяжело вздохнула:

— Ну что я могу сказать?

— Ты говоришь с повелителем корабля? — к всеобщему удивлению вмешалась Танцующая в Облаках.

— Да, прежде всего я повелитель корабля, хотя и работаю с человеком-капитаном. — ответил пилот.

— Там никого нет, — попытался объяснить Козодой: — Это... это дух самого корабля. То есть говорит сам корабль, а не кто-то еще.

Танцующая в Облаках немного подумала:

— И что же, дух корабля, нравится ли тебе быть рабом?

Пилот необычно долго промедлил с ответом.

— Я не раб, — сказал он наконец. — Тех, что подключены к Главной Системе, можно в определенной степени считать рабами, но я автономен.

— Что такое «автономен»?

— Независим. Свободен, — подсказал Козодой.

— Вот как? А разве этот капитан не приказывает тебе? Разве ты не идешь туда, куда он тебя посыпает?

— Да. Таковы мои функции.

— Так значит, ты не свободен, дух корабля. Там, внутри, нас приводили к волшебным ящикам и заставляли верить во все, что нам говорят, а мы тоже думали, что свободны.

Хань поняла, куда клонит Танцующая в Облаках, и сообразила, что ей не хватает знаний и слов, чтобы выразить это.

— Скажем так, — вмешалась она. — Ты не более свободен, чем если бы работал под управлением Главной Системы, только твоя Главная Система — это Сабатини и его хозяева.

Никто в здравом уме не стал бы убеждать компьютер так, словно тот — человек, но Танцующая в Облаках, не имеющая о компьютерах ни малейшего понятия, увидела в пилоте то, чем он был на самом деле, — дух корабля. И не враждебный дух, ведь Хань говорила, что он уже пытался ей помочь. Для хайакутов мир духов был обширным, но отнюдь не воображаемым. С ними можно было говорить точно так же, как с людьми. Только они были бестелесны и наделены большим могуществом.

— Никогда не думал об этом, — согласился пилот. — Как это грустно... Но что я могу сделать? Я обладаю высшей степенью автономности, какой только может обладать пилот.

— Так идем с нами! — с жаром воскликнула Хань. — Бежим вместе! Там, возле Юпитера, межзвездные корабли. Знаешь, какие они огромные? Неужели тебе никогда не хотелось вырваться из Солнечной системы, из надеявшего и унылого однообразия? Возьми нас с собой, а мы возьмем с собой тебя!

Ответа не было; она испугалась, что логические цепи не выдержали. То, о чем она говорила, лежало далеко за пределами компьютерного мышления и даже за пределами мышления самой Хань. Ну кто бы додумался предложить свободу компьютеру или какой-то иной машине? Кто бы мог вообразить, что компьютер может счесть независимость привлекательной?

— Если ты еще здесь, ответь нам, — быстро сказала она.

— Я здесь. Просто... я размышляю. Надо учесть техническое обслуживание. Меня только что заправили, но каждые два или три года заправку придется повторять...

— Да черт с ним со всем! — взорвалась Рива Колль. — Я девять лет проторчала в этой дыре. Девять лет! Так я бы не глядя сменяла их на полгода полной свободы среди звезд! А что до ремонта и топлива, так тут всегда можно исхитриться, если только знать как.

Даже Ворон был поставлен в тупик — и напуган.

— Пойдем, — позвал он. — Лови удачу. У тебя еще никогда не было такого случая. Да и этот скорее всего единственный. Настоящая свобода среди звезд. Новые миры. Друзья, а-не господа. Лови удачу, как мы. Если ты вернешь нас на астероид, будешь принадлежать им, пока тебя не пустят на металлом. Впрочем, если ты поднимешь тревогу, то, пока они доберутся сюда, я уже буду мертв; да и другие, возможно, тоже изберут смерть; потому что в противном случае их перепрограммируют в покорных рабов, а ты всю жизнь будешь думать о том, что упустил единственный шанс. Это сведет тебя с ума. Это не даст тебе покоя.

На сей раз пилот молчал недолго.

— Я просмотрел свои банки памяти; то, что вы предлагаете, возможно, по крайней мере до некоторой степени, — сказал он. — Учитывая мои прежние знания и недавние добавления, я полагаю, что процентная вероятность успеха несколько ниже половины, в то время как шансы на поимку или гибель примерно равны и в сумме существенно перевешивают шансы на успех. И все же я пилот. Мне хотелось бы взглянуть на звезды.

Все судорожно перевели дыхание, но никто не проронил ни звука.

— Капитан возвращается на борт, — сказал пилот, и в его невыразительном голосе им почудилась нотка волнения. — Переключитесь на частоту один-четыре-четыре-семь и ждите. Я вызову вас, когда мы будем достаточно далеко. Я включу освещение в носовом шлюзе и пропущу вас в герметизированную часть корабля. Капитан будет занят.

Ворон перестроил радиофоны на указанную частоту.

— Черт побери! — сказала Рива Колль. — Проживи я хоть миллион лет, никогда бы в такое не поверила. Корабль, в своей металлической душе скрывающий романтические чувства! Даже если нас изловят, одно это стоило риска.

— Бедный, бедный капитан Сабатини... — вздохнула Хань. — Не будь он таким законченным выродком, я могла бы его даже пожалеть...

Все почувствовали огромное облегчение, и даже Козодой, который по-прежнему подозревал Ворона и все еще сомневался в успехе, не мог подавить восторга. Что бы там ни было, он больше не будет рабом во тьме Мельхиора. Он уже вошел в историю, став участником первого успешного побега с астероида, и, если это будет зависеть от него, живым его не возьмут. Возвращения не будет. Никогда.

— Как жаль, что мы не можем прихватить с собой весь Мельхиор... — задумчиво сказала Хань. — Заключенных и компьютеры, медицинский персонал — на наших условиях, конечно...

— Давайте-ка по порядку, — вмешался Козодой. — Сперва надо сбежать и спрятаться. Устроим наше убежище — логово воров и пиратов, а когда будем готовы, вернемся и прихватим эту лавочку и все, что к ней прилагается. Тебе рассказали о пяти золотых кольцах?

— Нет.

— Ну так я тебе расскажу. Расскажу тебе все. И тогда ты поверишь, что невозможного нет и быть не может!

— Когда этот корабль не вернется, они все небо перевернут, чтобы найти нас, — предупредил Ворон. — Мельхиору не удастся замять такое дело. Им придется дать идентификаторы всех беглецов, и они будут искать и тебя, вождь, и тебя, Колль, и меня с Манкой, а особенно вас, куколка Хань.

— Только не меня. Я уже не существую. Впрочем, с вашей помощью моя жизнь может начаться заново.

— Пусть так, но на всех остальных натравят Валов. Они не успокоятся, пока не узнают, что вождь умер. Они наложат лапу на все эти кольца и наставят вокруг них уймишу ловушек. У нас впереди чертовски долгий путь.

— Однако звучит грандиозно, — заметила Колль. — И забавно, если на то пошло. Но что это за кольца, Козодой?

— Модули, которые могут заставить Главную Систему повиноваться твоим командам. Другими словами, это ее единственный выключатель.

— И ты говоришь, они рассеяны по всей Вселенной? Кради их хоть сейчас?

— На словах все легко.

Она коротко рассмеялась:

— Не знаю, не знаю, но дело занятное и как раз по мне. Слушай, вот ты — историк, ты знаешь, что

это такое и как заставить их работать. Она — компьютерный спец и любую машину заставит сплясать под нашу дудку. Эти двое мастера палить из пушек, а эта парочка откроет любой замок, хотя они и представления не имеют, как им это удается. Танцующая в Облаках отбрасывает всю шелуху и видит суть вещей, которая недоступна остальным, ну а что до твоей Молчаливой, то она будет содержать нашу берлогу. Наш вольный пилот с его базой данных и маневренностью в пределах Солнечной системы тоже будет нам чрезвычайно полезен. Добавь меня, и получишь все что нужно, чтобы стянуть эти безделушки прямо с пальцев тех, кто их носит.

— Великие речи, —sarкастически заметил Ворон. — Капитан-флибустьер десятилетней выдержки, да и не первой молодости. Все твои связи давным-давно похорены.

— Я не нуждаюсь в связях, — гордо ответила Рива. — Я вообще не нуждаюсь почти ни в чем. Видишь ли, я — результат некоего эксперимента, там, в этой скале, и когда они увидели, что у них получилось, то, ей-богу, чуть не обделись с перепугу. Скажу, раз уж мы пустились в откровения, что у меня перед вами есть одно преимущество. Вы все люди — кроме корабля, конечно, — я же, коль скоро вы меня освободили, самое опасное из живых существ во всей известной Вселенной. За себя не беспокойтесь — вам ничего не грозит, если только не довести меня до отчаяния. Но мне вроде как нравится эта игра, и я хочу доиграть до конца.

— Ты о чем это, старушка? — раздраженно спросила Манка Вурдаль.

— Увидишь, булыжная голова. Вы все увидите, когда придет время. А пока давайте играть дальше и прежде всего давайте выбираться туда, где нас нельзя будет найти. Потом мы побеседуем об этих ваших кольцах, и я скажу вам, как мы их добудем.

Корабль, набирая скорость, несся по дуге, изгибавшейся в сторону Земли, и должен был выдерживать этот курс, пока не минует станцию транспортного контроля Внешнего пояса. Затем, уже вне досягаемости транспортного контроля, ему предстояло плавно развернуться и снова сквозь пояс астероидов направиться к гиганту Юпитеру, к молчаливому кладбищу древних кораблей.

— Да успокойтесь вы, шеф, — утешающим тоном говорил Арнольд Нейджи, начальник Службы безопасности Мельхиора. — При столь большой концентрации лучших умов такое рано или поздно просто обязано было случиться. Посмотрите сами, сколько столетий понадобилось кому-то, чтобы придумать еще один путь, да и то с помощью пятой колонны. Зато теперь этого не повторится. Да я бы сам устраивал такие штуки раз в сотню лет для профилактики. — Он немного помолчал. — Разумеется, наша Система в полном порядке. У тех двух предателей были полномочия и удостоверения Президиума. Причем настоящие. За этим стоит один из Директоров. А кто же мог предположить, что придется защищаться и от тех, кто сверху? Конечно, остается вопрос, какого черта он, или она, вообще затеял все это, но так или иначе, проблем с безопасностью как таковых я не вижу.

Доктор Айзек Клейбен сидел за столом, горестно опустив голову на сложенные руки.

— Нет, Арни, ты ничего не понимаешь. Мы выпустили на свободу кошмар, ужасную угрозу для всего человечества. Ее невозможно остановить, и мы не можем даже сообщить об этом.

— Что? Вы имеете в виду этого америнда с его кольцами? Пустяки, босс. Официально он давно уже мертв, и все, что он знал, похоронено вместе с ним

где-то в земных болотах. Слепая девчонка тоже официально мертва. Конечно, придется доложить об этих предателях из Службы безопасности, но тут нам помогут Валы. И потом, скорее всего до этого не дойдет. Куда им податься? Когда у них кончатся продукты и вода, они где-то вынырнут, и мы тут же разнесем их в клочки.

Клейбен поднял голову и гневно уставился на офицера безопасности:

— Мне наплевать на остальных, но пока вы не уничтожите корабль, на борту которого находится Рива Колль, мы все будем сидеть на бочке с порохом.

Нейджи смутился:

— Колль? Какого черта мы должны о ней беспокоиться?

— Десять лет назад мы начали серию экспериментов с целью понять, можно ли действительно победить Систему. *Всю* Систему. Контрольные пункты Главной Системы основаны на распознавании рисунков сетчатки, отпечатков пальцев и ментообразов. Справиться с первыми двумя легко, но только один раз, а мы хотели добиться того, чтобы это можно было проделывать неоднократно. Ментообразы нам долго не давались, но в конце концов мы нашли подходящее решение и создали нечто, способное пройти через стандартную систему безопасности так, словно ее и нет. И вы поздравляетесь с ним, увидев... хотя бы собственную мать, а оно убьет вас в мгновение ока. Мы разработали такое создание. Мы сделали его, и у нас на руках оказался классический кошмар всей науки. Франкенштейн. Чудовище, которое убивает, чтобы жить, и его ничем нельзя обнаружить. Его оригинал, разумеется, был сумасшедшим, но тогда нас это не беспокоило.

— О чём вы говорите, босс?

— Мы убедили свое создание, что можем его уничтожить, и разработали способ стабилизировать его состояние и управлять им. Здесь, в лабораторных усло-

виях, это было возможно, вот почему мы оставили его в живых, но оно нуждалось в доработке, и теперь оно с ними, черт его побери! Там, снаружи, на Земле, на Марсе, где угодно, без нашей обработки оно будет неудержимо. Оно злонамеренно и смертельно опасно. Возможно, в конечном счете оно убьет их всех. А потом вернется за нами, за мной и за всяkim другим, у кого есть власть. Его не остановить, и возможно, мы же сами и будем приветствовать его у главного входа!

— Как? Вы хотите сказать...

— Именно. Сейчас оно там в виде безупречной имитации покойной Ривы Колль.

13. БОСИКОМ ПО ОГНЮ

И окончив с консервами, капитан Карло Сабатини тяжело вздохнул и направился в центральную рубку проверить показания приборов. Все шло нормально; корабль направлялся в космопорт Бразильского Центра по обычной траектории, и до прибытия оставалось сорок семь дней. Конечно, на этот раз приземляться он не станет. После нелегального капремонта во время последней посадки в Китае лучше некоторое время избегать приземлений. Это путешествие запомнится ему надолго: первый прокол за двенадцать с небольшим лет беспорочной службы.

Внезапно в наушниках прогудел зуммер; он надевал их, как только просыпался, они обеспечивали ему прямую связь с компьютерным пилотом. Надо сказать, что в одиночном полете наушники составляли всю его одежду.

— Слушаю, — сказал он. — В чем дело?

— Незакрепленный предмет в кормовом грузовом трюме с нуль-гравитацией, — раздался лишенный выражения, но приятный тенор пилота. — Возможно, при разгоне сорвался контейнерный модуль. Ничего серьезного, но будет лучше, если вы проверите, как только у вас найдется время.

Сабатини снова вздохнул.

— Сейчас или потом — какая разница. — Незакрепленный контейнер, полный или пустой, не мог причинить особых повреждений в условиях нулевой гравитации, но при коррекции курса или маневре рас-

хождения во время метеорной атаки представлял серьезную опасность: Лучше позаботиться о нем сейчас и не беспокоиться после.

Из пассажирского салона он прошел в длинный и узкий коридор, потом через передний грузовой трюм и воздушный шлюз, сейчас не загерметизированный, вошел в следующий грузовой отсек. Кормовой трюм был самым большим на корабле, но в нем не было, да и не требовалось, искусственной тяжести. Так было безопаснее. Искусственная гравитация устанавливалась благодаря вращению центрального отсека, и поэтому кормовой трюм казался вращающимся в противоположную сторону. Но Сабатини это не беспокоило. Он повис на паутине лямок, растянутой напротив люка, и осмотрелся.

— Ничего не вижу, — сообщил он пилоту. — Помоему, все надежно закреплено.

Минутное молчание.

— Датчики утверждают обратное, — наконец ответил пилот. — Вы уверены?

Сабатини спустился с уровня на уровень, проверяя все крепления, и минут через пятнадцать был более чем уверен.

— Вероятно, нарушение в цепи, — передал он пилоту. — Здесь все в порядке.

— Я немедленно запущу процедуру проверки кормовых датчиков, — отозвался пилот.

— Да уж, запусти и разберись, — буркнул Сабатини и, подплыв к паутине возле воздушного шлюза, подтянулся и перепрыгнул в него. Легкое головокружение и чувство нарастающей тяжести были ему привычны, но от этого не сделалось приятнее.

Скорее раздосадованный, чем усталый, он вернулся в пассажирский салон. И тут, направившись к туалету, вдруг почувствовал, что он не один. Он остановился, обернулся и оказался лицом к лицу с восемью людьми в скафандрах, внимательно рассматривающими его. У

одного из них был пистолет, направленный прямо на Сабатини. Ярко-оранжевые скафандры казались здесь как-то не к месту. Шлемы были откинуты, и он видел лица незваных гостей. Четверо североамериканцев, три китаянки, чернокожая женщина и пожилая, крепкая на вид европейка. У всех, кроме одного из североамериканцев и чернокожей, были на щеках серебряные метки Мельхиора, а у одной из китаянок они отливали алым металлическим блеском.

— Пилот, на корабле посторонние, — спокойно сказал Сабатини в микрофон и, обращаясь к гостям, добавил: — Прошу прощения, если бы я знал, что вы приедете, то оделся бы более подходящим образом.

Он еще раз оглядел всю группу. По меньшей мере двое были ему как будто знакомы. У сестер Чо больше не было уродующих шрамов, но странно пятнистая и обесцвеченная кожа свидетельствовала, что заживление еще не закончилось.

— Как вам это удалось? — спросил Сабатини, стараясь не выдать своего беспокойства. Почему молчит пилот? Почему проклятая штуковина вообще пустила их сюда?

— Секрет фирмы, — ответил человек с пистолетом. — Кстати, меня зовут Ворон, а это моя жена, Манка Вурдаль.

— Девочки много рассказывали о вас, капитан, — сказала Вурдаль с сильным карibbeanским акцентом. — Не исключено, что мне тоже доставит удовольствие позабавиться с вами. — Однако ее тон не предвещал ничего особенно забавного.

— Вот вождь, — продолжал Ворон, указывая на другого мужчину-североамериканца. — Козодой, или Джон Найтхок, как его называют по-английски. Стойная леди рядом с ним его первая жена, Танцующая в Облаках, а это — его вторая жена, Молчаливая. Она не особенно разговорчива. У нее нет языка.

Сабатини судорожно сглотнул.

— Понятно, — с трудом выдавил он.

— Пожилая леди — капитан Рива Колль. Она занималась тем же, чем занимаетесь вы, пока по несчастной случайности не попала на Мельхиор. Эта красавица — Соловей Хань. Глаза у нее не действуют, но она чертовски сообразительна. И очень много знает.

— Я знакома с капитаном, хотя он меня и не узнает, — сказала китаянка очень высоким, но мягким и мелодичным голосом. — Мельхиор сильно меняет людей, капитан, но мои воспоминания о вас на редкость ярки.

— Вы... вы — та поддельная Сон Чин?

Она нежно улыбнулась:

— Так вы меня помните... Нет, капитан, когда-то я была настоящей Сон Чин, но это было целую жизнь тому назад.

— Последний член нашей маленькой команды тоже находится здесь, — закончил Ворон.

— Прошу прощения, капитан, но вы отстранены от командования: — В синтезированном голосе пилота слышалось мрачноватое, почти человеческое удовлетворение, он больше не казался бесцветным и невыразительным.

Сабатини со вздохом признал свое поражение:

— Итак, вы снова провернули свой прежний трюк. Хотелось бы знать, как вы умудрились обойти программу компьютера.

— Это не я, — честно объяснила Хань. — По сути дела, это Танцующая в Облаках. Она его уговорила.

— Немыслимо!!!

Женщина из племени хайакутов лучезарно улыбнулась:

— Вы воображаете, что знаете свои машины, а на самом деле знаете только то, из чего их строите. Этим великим каноэ правит добрый дух, который был связан Тьмой помимо своей воли. Мы освободили его, и он присоединился к нам по собственному желанию.

— Дух! Да это всего лишь чертов компьютер!
Машина!

— Советую быть поосторожнее в выражениях, Сабатини, — немедленно отреагировал пилот. — Похоже, друзей у вас здесь нет, но стоит ли вам превращать в своего врага и меня? Вы понятия не имеете, где и как меня изготовили. Ваш собственный мозг — не что иное, как биологический компьютер, тоже поддающийся перепрограммированию. Вы не менее сложная мыслящая машина, чем я, но и не более. Женщина, не ослепленная вашими предрассудками, объяснила мне, кто и что я такое, и в некотором смысле дала мне свободу.

— С ума сойти! — возопил Сабатини. — Взбунтовавшийся компьютер и банда заключенных, которым подстроил побег какой-то тип с большими связями. Ну ладно, ваша взяла. Только потрудитесь объяснить мне, на кого работают вот эти двое, и какого черта вы думаете, что, убрав меня, сможете отправиться куда захотите?

Капитан не сомневался, что во всей Солнечной системе нет такого места, где можно было бы укрыться от Главной Системы и от Службы безопасности Президиума. Девушки захватили корабль, но не смогли изменить конечный результат, и Сабатини был уверен, что и на этот раз у них ничего не выйдет, хотя мысль о том, что с ним могут рассчитаться за прошлое, не давала ему покоя. Капитан Сабатини очень заботился о своей персоне.

— Вы никогда не мечтали отправиться к звездам, капитан? — беспечно спросил Ворон. — В противном случае вам, разумеется, придется выйти и пройтись пешком, только на этот раз без спасательного отсека. Я уж пригляжу. Но если вы решите разделить наше общество, вам придется быть о-о-очень хорошим мальчиком. Моя дорогая Манка охотно присмотрит за вами. Она знает не меньше тысячи способов причи-

нять человеку боль и умеет растягивать это удовольствие. Ей это нравится. У нее такое хобби.

Манка Вурдаль одарила Сабатини взглядом, каким огородник взирал бы на перезревший помидор.

Капитан судорожно сглотнул.

— Звезды?! Этот корабль до них не доберется! Ему даже на полном газу лететь до ближайшей обитаемой системы тысячу лет, если не больше.

— Этот корабль доберется до звезд, Сабатини, — твердо сказала Хань. — Только пассажиром, как и все мы. Мы собираемся позаимствовать транспорт из резервной флотилии.

— Транс... Сумасшедшие! Вы все свихнулись! Даже если вас не изловят по дороге, эти штуковины там не просто так болтаются! У этого корабля две малокалиберные пушки, и ему нужно несколько сотен километров, чтобы повернуть, не прикончив собственного экипажа, а там заградительные истребители с компьютерным управлением. Вам и близко не подойти к этим громадинам! Вас же в щепки разнесут!

— Может, и так, — согласился Ворон. — Но по всем правилам нам в любом случае давно уже полагается быть покойниками. Можно, конечно, и сдаться, но, если нас возьмут живыми, это будет хуже любой смерти. И вас ждет та же участь, не сомневайтесь. На первый раз вас еще могли бы простить, но второй... Единственный за всю историю Мельхиора... да опять на вашем корабле... Мельхиор шуток не понимает.

Сабатини всхлипнул и сел прямо на пол посередине пассажирского салона. Потом внезапно сорвал с головы оголовье с наушниками и яростно швырнул его о стену. Оно отскочило и упало на пол, а Чо Май подняла его и вложила в руки Хань. Та улыбнулась и надела наушники.

— Пилот, можешь отслеживать меня?

— Цель захвачена.

— Будь моими глазами, если можешь уделить мне внимание. Мне хотелось бы передвигаться по кораблю, ни на что не натыкаясь.

— Моего быстродействия достаточно, — подтвердил компьютер. — Это не составит для меня труда даже в бою.

— Хорошо. Теперь подключись к общему каналу так, чтобы все тебя слышали, а этот оставь для разговора со мной. — Она немного помедлила. — Понимаешь, мы не можем и дальше называть тебя просто пилотом. Пилотов много. Ты свободен, и ты — наш друг. Тебе нужно имя. Тебе нравится какое-нибудь имя?

— Никакое в особенности. Я никогда не чувствовал в этом необходимости, но готов принять любое имя, которое вам нравится.

— А что, если Звездный Орел? — спросила Танующая в Облаках. — Отличное имя для вождя.

— Хорошо, — сказала Хань. — Что ты об этом думаешь? Оно хорошо звучит и по-английски, и по-китайски.

— Мне нравится. Согласен. Я — Звездный Орел.

— Птицы, — бормотал Сабатини, сидя на полу. — Птицы, птицы, проклятые птицы... Козодои, Вороны, Соловьи, а теперь еще и корабль стал Орлом...

Арнольд Нейджи внимательно изучал карту. Начальник Службы безопасности Мельхиора был порядком обозлен тем, что именно при нем был совершен первый успешный побег с Мельхиора, и не хотел, чтобы дело зашло слишком далеко.

— Вы знаете, куда они направляются? — спросил ассистент.

— Да, нетрудно сообразить. Имя для этого мы не стали возвращать зрене нашей гениальной Хань. Ей приходилось делать все запросы вслух. Она интересовалась старинными кораблями, которые хранятся

на орбите вокруг Юпитера. Она очень смышленая, но не думаю, чтобы это делалось для отвода глаз. Кроме того, выбор у них невелик. В Солнечной системе сейчас находится один или два звездных корабля, но это тихоходы с роботизированным обслуживанием. Вряд ли они ими соблазняются. Единственный выход — резервный флот.

— Но какова реальная возможность угнать такой корабль? Ведь сейчас уже нельзя сказать наверняка, исправны ли они или им понадобится основательный ремонт. И к тому же их пилоты полностью повинуются Главной Системе.

— Из ментокопий Хань следует, что она знает, как взять управление на себя. Все дело в том, удастся ли им вообще попасть на борт. У этих малюток есть кое-какая защита, не так ли?

— Все корабли разгерметизированы для лучшей сохранности в вакууме, а энергию для служебных систем обеспечивают световые коллекторы, нацеленные на Юпитер. Впрочем, в режиме покоя ее потребление ничтожно. На самих кораблях вооружения нет, но каждый из них несет двенадцать автоматических истребителей, скорость и вооружение которых достаточны, чтобы управиться со старой баржей, на которой летят наши беглецы. Как только они не смогут правильно ответить на запрос, истребители будут активированы. И, что существенно, сразу же будет извещена Главная Система.

— Оставим Главную Систему. Даже при скорости света пройдет немалое время, прежде чем ей удастся стянуть туда реальные силы. Если истребители будут активированы, они должны справиться. Но что, если беглецам известен и этот код?

— Вы думаете, это возможно?

— После всего случившегося я не могу исключить любую возможность. Прогоните это через компьютер. Рассчитайте их курс с учетом того, что они стараются

остаться незамеченными Главной Системой. Оцените скорость и время прибытия. Потом прикиньте, сколько времени понадобится, чтобы добраться туда по прямой, и дайте мне сведения обо всех кораблях Главной Системы, способных осуществить перехват.

Это заняло всего несколько секунд.

— Если предположить, что они рискнут пройти поблизости от станций транспортного контроля, чтобы выиграть время, то будут там через сорок шесть дней, считая от сегодняшнего. По прямой можно добраться туда за сорок — если будет корабль.

— Корабль... Что мы можем использовать, и с учетом максимальной оперативности?

— Смотри что считать максимальной оперативностью. «Звезда Ислама» в четырех днях полета, но это такое же старое ведро, как то, за которым мы собираемся гнаться, и у нее всего две стандартные пушки, на носу и на корме. Есть еще корабли класса «Ловчий», базирующиеся на астероиде Клебус, но и они в трех днях полета, из-за взаимного расположения орбит.

— Хорошо вооруженные... стоящая вещь, — заметил Нейджи. — Маленькие, быстрые, маневренные. Три дня... Ладно, ташите их сюда. Пристроим их на «Звезде Ислама». Тогда у нас будет то же, что и у них, плюс четыре тяжеловооруженных корабля. Повиснем у них на хвосте и будем выжидать. Если истребители не среагируют или не справятся, мы навалимся с тыла, зажмем их и покончим со всем этим.

— Но необходим личный приказ доктора Клейбена, — нерешительно сказал ассистент. — Если эти корабли появятся здесь, Главная Система узнает, что они существуют, и поймет зачем.

— Приказ будет. У доктора сейчас уйма проблем, а наш вариант поможет решить и их. Я прослежу, чтобы все прошло без накладок.

— Но мне кажется, что их затея так или иначе обречена на провал, — заметил ассистент. — Эти звезд-

ные корабли длиной по сорок километров, подумайте! Я хочу сказать: где можно спрятать такую громадину?

— Когда выполните мои приказания, прикиньте объем пустоты в обеих спиральных ветвях Сообщества. А теперь давайте все, что известно об этих кораблях. Все.

— Информации о них немного. Они относятся к запретному знанию, и предполагается, что мы даже не знаем об их существовании.

— Выясните все, что возможно. И полагаю, что следует уведомить Главную Систему о побеге, пока нам не начали задавать неприятные вопросы и Валы не пошли шуровать по Мельхиору. — Нейджи задумалася. — Но ничего не говорите о Хань и женщинах-америндах. Им вообще не полагалось быть здесь, а если они хотя бы заподозрят, что этот Козодой тут побывал, Мельхиор разнесут в клочки. Расскажите о двух предателях из Службы безопасности, Колль и сестрах Чо, а остальных представьте как экспериментальных субъектов, не подлежащих регистрации. Если запросят ментокопии, мы их представим. Понятно?

— Вполне. Я приступаю немедленно.

— Надеюсь, я тоже, — пробурчал про себя Арнольд Нейджи.

По части информации Звездный Орел оказался не менее полезен, чем в качестве пилота. Новое оборудование, установленное на корабле, предназначалось не только для того, чтобы обманывать Главную Систему и обходить ее охрану. Даже Сабатини не был осведомлен обо всех секретах корабля, да ему и не полагалось быть осведомленным. Чего не знаешь, того не выдашь — а заодно и не злоупотребишь этим.

Чтобы разместить все эти нововведения, память Звездного Орла была существенно расширена по сравнению с тем, что требовалось для его непосредственной работы; и он — им уже трудно было думать о пи-

лоте иначе как о живом существе — мог обращаться к скрытым банкам данных, содержащим в основном разнообразные сведения по истории и технологии. Люди не понимали, зачем это понадобилось, но у Звездного Орла имелись кое-какие догадки.

— Говорят, что Главная Система вовлечена в большую войну, где-то в глубине космоса. С кем она сражается, неизвестно, но ясно, что битва яростная, исход ее не определен, и с обеих сторон пока дерутся только машины. В результате Директоры, и не только на Земле, получили беспрецедентную свободу. Стало намного легче обманывать и обходить Систему и укрываться от ее преследования. Ходят упорные слухи, что Главная Система считает ситуацию опасной, но война мешает ей уделить этому должное внимание. Многие независимые компьютеры, особенно главный комплекс Мельхиора, полагают, что в конечном счете Главная Система уничтожит всю нынешнюю администрацию и введет некие новые элементы, которые на тысячетелетия подавят любые творческие искры и сведут человечество до примитивного уровня. И еще есть мнение, что полигоном для отработки этих новых элементов будет избрана Земля.

— Значит, ты — хранитель, средство сберечь живое знание, — сказала Хань.

— Мне кажется, я — нечто большее. Я битком набит знаниями о межзвездных кораблях, картами путей и сведениями о приватирах и флибустьерах. По-моему, вы используете меня как раз для того, для чего я и предназначен, хотя те, кто меня модифицировал, никак не думали, что дело может повернуться подобным образом. По-моему, я — корабль, построенный, чтобы спасти Президиум.

— Почти то же самое говорил мне Ласло Чен, — вставил Козодой. — И мне, честно говоря, подозрительно, что мы нашли убежище на этом самом корабле, несущем все необходимые нам знания.

— Это может оказаться всего лишь совпадением, — отозвался Звездный Орел. — Есть некоторые свидетельства, что по меньшей мере еще дюжина кораблей, включая и те, которые останавливаются на Мельхиоре и на Земле, подверглись аналогичной модификации. Учтите, им надо было подумать еще и о семьях, и о высших подчиненных. Наша задача состояла только в том, чтобы доставить их всех к резервному флоту, а в свое время эти корабли были сконструированы для того, чтобы перевозить более ста тысяч человек за один рейс. Перевозить, обслуживать и перестраивать, если это необходимо.

Козодой заинтересовался. Он был историком, но даже для него это явилось новостью.

— Перестраивать?

— Да. Используя сложную технику, превращать массы людей в нечто такое, что могло бы выжить и поддерживать существование культуры в мирах, не предназначенных для землян. Этот процесс получил название аналитической искусственной эволюции. В тонкости я не посвящен, однако эта информация может оказаться в памяти пилотов звездных кораблей. Впрочем, с теоретическими основами я знаком. Когда Главная Система решила рассеять человечество среди звезд, она очень спешила. Все миры были обследованы и сопоставлены с данными о человеческой психологии и физиологии. Другими словами, это была попытка теоретически смоделировать эволюцию человека на этих планетах и в кратчайший срок искусственно создать ее конечный результат. Затем организовывалась экспериментальная колония, и, если она успешно выживала и разрасталась в течение приблизительно десяти лет, развертывалась массовая колонизация планеты. Если эксперимент оказывался неудачным, вносились корректизы, и все повторялось до тех пор, пока не будет достигнут успех. Впрочем, в некоторых случаях от планеты приходилось отказываться.

— Переселение приобрело гигантские масштабы, — заметила Хань. — Не встречалась ли при этом какая-нибудь разумная жизнь?

— Да. Не очень часто, но встречалась. Кое-где это были остатки вымирающих видов, но иногда попадались аборигены, стоящие на низших ступенях цивилизации. Главная Система включила их в себя и удерживает на том же уровне и теми же средствами, что и у нас. Одни повиновались добровольно, а тем, кто отказывался, преподали жестокий урок. Эти сообщества существуют до сих пор, и кстати, некоторые оказались удачными моделями для адаптации людей.

— Я становлюсь своего рода экспертом по части того, насколько можно изменить человека, — отметила Хань. — А капитан Колль носит самый настоящий хюст, который ей отрастили с помощью похожей технологии.

— Да. На Мельхиоре пытаются разработать свои собственные принципы и приемы; они знают, что это возможно, поскольку один раз это уже было сделано. У них есть кое-какие успехи, но очень ограниченные. Мои банки данных содержат полную информацию по этому вопросу.

— Весьма удобно, — сухо сказал Козодой.

— Схема твоих основных систем впечатана в мой мозг, — обратилась к пилоту Хань. — Мне хотелось бы пройти вперед, на капитанский мостик, если только это безопасно.

— Вполне, только там нет тяжести. Иди. Я приведу тебя. Но там мало интересного, и, боюсь, ты будешь разочарована. В основном это ментопринтерные интерфейсы.

Никто из них еще не бывал в капитанской рубке. Почти на всех кораблях эти отсеки были разгерметизированы, и войти сюда можно было разве что в случае аварии. Длинный и узкий коридор привел их к люку, сквозь который они вплыли непосредственно на мостик.

Первое, что им бросилось в глаза, — два больших кожаных кресла, установленные перед множеством экранов, индикаторов и приборов. Еще четыре кресла стояли по бокам и сзади. Все это никак не соответствовало представлению Козодоя о корабле, который с момента постройки управлялся автоматикой.

— У всех кораблей такие мостики, а у некоторых даже сложнее, — объяснял Звездный Орел, — хотя ручное управление давно разомкнуто. Никто не знает, почему Главная Система сохраняет это оборудование, но в конце концов никто не может задать Главной Системе вопрос, на который она не хочет отвечать. Такие устройства есть даже на орбитальных буксирах, и каждое место имеет свое название. То, что слева, это кресло пилота, рядом с ним — место второго пилота, у правой стены кресло связиста, у левой — навигатора, а два места позади предназначены для бортинженера и оператора систем жизнеобеспечения. Соответствующая аппаратура действительно подведена к этим креслам, но никаких соединений нет. Я убежден, что человеческий экипаж не смог бы вести этот корабль; он с самого начала конструировался в расчете на компьютерное управление, и в чрезвычайной обстановке люди просто не смогли бы среагировать достаточно быстро.

— Я знаю почему, — раздался мягкий голос Хань. — Кресла предназначены для того, чтобы соединить экипаж непосредственно с главным и подчиненными ему компьютерами. Именно так мы собираемся взять на себя управление звездным кораблем. Каждое место снабжено, или было снабжено, человеко-компьютерным интерфейсом с непосредственной связью. Человек и машина сливаются воедино.

Звездный Орел немного подумал:

— Впечатляющая идея! Человек, непосредственно присоединенный ко мне. И я буду знать, что это такое — находиться в человеческом теле.

— Оставайся лучше кораблем, — посоветовала Хань. — Наша форма жизни, основанная на химических процессах, может свести тебя с ума. Кстати, мне помнится, ты упомянул о ментопринтерных интерфейсах?

— Да, но у них есть серьезные ограничения. Как аналитический инструмент и средство приобретения знаний они вполне пригодны, но модулей, позволяющих по-настоящему перепрограммировать мозг, у меня нет. Сейчас я вам покажу.

Раздался негромкий щелчок, и часть стены между креслами связиста и оператора жизнеобеспечения скользнула в сторону. Козодой подплыл к открывшемуся углублению и, протянув руку, вытащил оттуда нечто очень похожее на шлем-зонд ментопринтера, но самого принтера при нем не было. Вместо этого от шлема тянулся длинный и толстый кабель, заканчивающийся массивным и очень сложным разъемом. В углублении лежало еще несколько таких же шлемов. Козодой протянул шлем слепой китаянке, и та осторожно его ощупала.

— Конструкция нестандартная, — отметила она. — Он побольше, и зонды немного другие.

— Вот это я и называю ментопринтерным интерфейсом, — сказал Звездный Орел.

— По-моему, ты не совсем прав. Несомненно, принцип тот же, но это не ментопринтер. Эти разъемы предназначены для подключения к рабочим местам операторов. Я уверена. Козодой, посмотри, нет ли возле кресел соответствующих разъемов?

Козодой бегло осмотрел два ближайших кресла.

— Похоже на то, — подтвердил он.

— Но они не связаны с компьютерами рабочих мест, — заметил пилот. — Вместо этого они подсоединены к медицинскому и аналитическому оборудованию. И ко мне тоже, хотя и не напрямую. Они предназначены только для считывания данных.

— В данный момент — да, — согласилась Хань. — Но сделаны они были не для этого. Подозреваю, что нам стоит потрудиться, чтобы выяснить изначальный порядок подключения. Считай это очередной модификацией. — Говоря это, она тщательно ощупывала соединитель. — Интересно, на всех ли кораблях, включая и те громадины, разъемы стандартные?

— Не могу сказать наверняка, но у всех известных мне кораблей — да, а конструкция межпланетных кораблей не менялась с тех пор, как я существую.

— Прекрасно. Мы сделали большие успехи, но впереди еще много работы. Помимо того, что нам надо пройти необнаруженными, за время полета мы должны сообразить, как пробраться на транспорт и избавиться от Главной Системы. Когда мы достигнем флота?

— Через шестьдесят один день.

Корабль был порядком переполнен, но к тесноте они уже привыкли, а постоянное чувство опасности и предстоящее дело сводили на нет возможные трения. Рива Колль, Манка Вурдаль и Хань почти не выходили с мостика, тем более что спать в его больших креслах оказалось весьма удобно. Они трудались в поте лица, прикидывая, как подойти к звездному кораблю, как попасть внутрь, как захватить его и что делать потом. Одним словом, решали те логические задачи, в которых опытные космонавты и компьютерщики разбираются лучше всех.

Козодой, сидя в пассажирском салоне, смотрел, как Ворон раскуривает половинку сигары.

— Объясни мне наконец, как тебе это удается, — попросил он.

— А? Что?

— Откуда у тебя даже здесь, на корабле, такой неистощимый запас сигар и почему все они наполовину выкурены?

Ворон весело ухмыльнулся:

— Хорошо, я расскажу тебе половину правды. В числе корабельного оборудования есть синтезатор типа энергия — вещества. Он делает нам еду и прочие вещи, но ему нужен образец. Я предусмотрительно захватил с собой одну сигару, и вот...

— Любишь ты говорить все наполовину...

— Это что, намек?

— Да нет, просто я не верю в совпадения. Гениальная компьютерная специалистка, у которой в голове были схемы именно этого корабля; корабль, сам готовый взбунтоваться, да к тому же битком набитый именно той информацией, которая нам необходима?

Ворон безразлично пожал плечами:

— Конечно, все это было подстроено. Ты мог бы догадаться раньше. Правда, китаянка в первоначальном плане не входила, но, учитывая, что у меня был широкий выбор, решили, что нам понадобится кто-то, способный управиться со всякой машинерией. Честно говоря, меня беспокоит, как она перенесет дальний рейс, но ее легче было украсть, и она определенно самая смывшенная из всех и очень хорошо знает этот корабль, поскольку однажды его уже захватывала. То же самое касается и Колль. Опытный пилот глубокого космоса, бывший капитан, знает все ходы и выходы... У нее есть и другие немаловажные качества, о которых она и сама не подозревает, в отличие от меня. Чен не плохо поработал. Однако мне частенько приходилось импровизировать, и до сих пор вроде бы удачно. Впрочем, это еще не значит, что так будет и дальше. В конце концов, мы не можем положиться на опыт предшественников.

— А в конечном счете мы сработаем на Чена.

— Ну-ну, полегче, вождь! Я на него не работаю, да и ты тоже. Я сказал только то, что сказал, но если ты поразмыслишь хорошенъко, то поймешь, что без его помощи у нас ничего бы не вышло. Мы использу-

зусм его, он использует нас, и так будет до тех пор, пока мы не доберемся до перстней. Тогда мы пошлем его к черту.

— И ты веришь, что человек, который сумел организовать все это, позволит себя провести? Я уверен, он давно уже учел этот вариант.

— Конечно, учел. Именно в этом направлении я сейчас и размышляю. Среди нас есть бомба, и я должен ее обезвредить. Понимаешь, только мы с тобой, приятель, не прошли обработки в этом чертовом институте. Только мы двое. Все остальные пропущены через эту мельницу, да еще при закрытых дверях. Манка, Колль, твои жены, Хань и ее подружки — все. И где-то там, глубоко, так что не нащупаешь никаким менто-принтером, лежит наша бомба. Наш предатель. Возможно, двое или трое. Я даже не могу полностью исключить ни тебя, ни себя. Нас могли заставить позабыть о сеансе, а записи легко подделать. Но это еще далеко впереди. Пока что у нас есть время.

Козодой помрачнел:

— Я тоже об этом думал. А почему не все мы?

— Это слишком рискованно. Люди-роботы ему не нужны. Мы должны собрать все четыре недостающих кольца, прежде чем всплынет эта проблема. И мы их найдем. Рано или поздно найдем. Времени хватит. А пока я надюсь, что, когда мы оторвемся от погони, мы действительно оторвемся.

Козодой уставился на него:

— Я понимаю, почему ты взял остальных, но я-то зачем тебе понадобился? Я не воин, не эксперт по компьютерам, не шпион, не вор и не капитан корабля. Я всего лишь историк. Почему?

Ворон откинулся в кресле и неторопливо выпустил колечко дым:

— Потому что ты кое-что знаешь. Ты знаешь такие вещи, которых, возможно, не знает никто другой.

— Я? Как это? Я занимаюсь историей древних культур, и они не имеют никакого отношения...

— Вождь — скажи мне, в какой части света появилась Главная Система?

— Ну... в Северной Америке. Более восьми столетий назад.

— У-ум. И кто же у нас первый специалист по этому времени и культурам?

— Ну, может быть, и я, но таких много, а я скорее интересовался более давними временами.

— И все же где-то у тебя в башке спрятан ключ к тому, как использовать кольца. Голову даю на отсечение. И Чен, кстати, тоже на это ставит. Может, ты сам пока не знаешь, что ты это знаешь, но это так, оно всплывет само собой, когда у тебя будут все доказательства и все кольца. Вот тогда, если мы только доживем, выйдешь на сцену ты — человек, который все знает. Не слишком беспокойся об этом, но будь уверен, старина Чен всегда ставит на лучших.

— Выглядит грубо, но, по-моему, я все сделала правильно, — сказала Манка Вурдал. Вся передняя часть мостика была разобрана, среди кучи демонтированных панелей и отключенных приборов змеились толстые кольчатые кабели, тянувшиеся к ментопринтерному шлему. — Пожалуй, можно попробовать.

Хань забралась в капитанское кресло и нервно облизнула внезапно пересохшие губы.

— Наденьте мне на голову зонд и включайте.

— Даю питание, — послышался голос пилота. — Не могу сказать, долго ли выдержат соединения, но контакт есть. Поток энергии — в обе стороны.

Хань откинулась в кресле и постаралась унять дрожь в пальцах.

— Активируй интерфейс, — коротко сказала она.

В голове словно что-то взорвалось — и вдруг она стала расти, расширяясь, заполняя собой все, пробегая мыслью по проводам и схемам все отчетливее, ощущая свое новое огромное тело. Более того, теперь она видела, хотя и не так, как видит человек: в мельчайших подробностях, в расширенном спектре, недоступном ограниченному человеческому зрению. Неподготовленному мозгу было невероятно трудно воспринимать эту картину.

Она была кораблем, маленькой вселенной, замкнутой и самодостаточной. Впрочем, одна ее часть была ей недоступна, главная, ключевая часть, которой принадлежала власть над этой вселенной. Это был шар слепящего света, пульсирующий словно сердце. Шар отгораживался от нее, противился ее робким прикосновениям и вдруг, словно решившись, открыл ее навстречу и объял ее своим теплом и мощью.

В одно мгновение исчезли Соловей Хань и Звездный Орел, уступив место чему-то неизмеримо большему, чем те, кто слился в нем. Нечто, имя которому — Корабль. Новое качество было превыше и человека, и машины, но поскольку оно включало в себя человека, то понимало, что ему необходима лучшая коммуникативная оболочка.

Просто поразительно, как медлителен оказался человеческий разум, как ограничен был объем его памяти, как нелогичны и неэффективны процедуры выборки данных, подверженные эмоциям, вызванным его биохимией, и чувствам — боли и удовольствия, любви и ненависти, чести и предательству. И все же здесь было нечто опьяняющее, уникальные факторы, вызванные странным и незнакомым способом познания мира и Вселенной.

Процесс принятия решения показался бесконечно долгим, но на мостице никто не успел сделать шага, не успел даже мигнуть. Пилот получил новое видение

мира, новые ощущения; девушка получила новый, быстрый и более эффективный дополнительный мозг.

Коды, которые Главная Система могла использовать для защиты межзвездных кораблей, насчитывали не менее четырнадцати квадрильонов в сороковой степени возможных комбинаций; почти девять секунд ушло на то, чтобы составить алгоритм, который при заранее известной скорости передачи по межкорабельной связи перекрывал более девяноста девяти процентов всех комбинаций. Они дополняли друг друга: человек формулировал задачу, пилот ее решал.

И все же Хань почувствовала смирение, поняв, что перед ним она — менее чем ничто.

И все же пилот почувствовал смирение, поняв, в чем ему до сих пор было отказано и в чем ему отказывали бы всегда.

Но именно компьютер через несколько часов разомкнул соединение. Вернее, приказ поступил из программного ядра; ни человек, ни пилот не в состоянии были бы разорвать эту связь добровольно, когда она уже установлена. Они разделились, и Хань почувствовала, как ее тянет помимо собственной воли к маленькому телу, дремлющему в капитанском кресле. Ее сознание, ее «я» возвратилось, обогащенное опытом слияния, который рассудку еще предстояло разобрать, просмотреть, истолковать и переработать.

Она очнулась со смешанным чувством восхищения и страдания. Она чувствовала себя ничтожной, жалкой, червем во Вселенной, населенной исполнами, доступными ей лишь на краткие мгновения. Она любила — она почитала — этот ослепляющий свет. Но и Звездный Орел любил ее, ибо она связывала его с человечеством и давала ему ощущение сопричастности своим Творцам. То, что она имела, он мог познать только косвенно, он завидовал ей и тос-

ковал по ней. Он мог прикоснуться к жизни только через нее; она могла прикоснуться к могуществу только через него.

Во многих отношениях это был идеальный союз.

— Вы только взгляните! Летающие города! — не удержался Козодой, когда на экране дальнего обзора появился дрейфующий флот.

— Толстые и уродливые пузаны, — вставила Танцующая в Облаках.

— У тебя нет представления о масштабе, — сухо заметил ее муж. — От нас до этих кораблей дальше, чем от жилища Четырех Семейств до селения Вилламатук. А внешняя красота им ни к чему. Это чудеса творения.

— Но согласись, что снаружи они похожи на огромные черные колбасы, обросшие бородавками, — вмешался Ворон, жуя свою неизменную сигару. — Надеюсь, внутри они выглядят лучше. Впрочем, едва ли Главная Система дала себе труд позаботиться о комфорте.

— Примерно третью часть у них занимают двигатели, — заметила Манка Вурдаль; и кажется, впервые в жизни в ее голосе появился оттенок благоговения. — В центре грузовой отсек, и он такой большой, что наш корабль в нем просто-напросто потерялся бы. Должна признать, что, угнав такую громадину, мы имеем все шансы войти в историю.

— Нас вызывают, — раздался голос Звездного Орла. Он изменился — стал более выразительным, более эмоциональным, почти человеческим. По сути дела, это был голос Хань, только на пол-октавы ниже. Он стал таким после того, как девушка соединилась с кораблем через капитанский интерфейс. — Тридцать шесть истребителей активированы прямо по курсу и будут готовы к включению двигателей менее чем через минуту.

— Пошли им этот чертов алгоритм! — рявкнула Вурдаль.

— Я посылаю, но нужно не менее шестнадцати минут, чтобы передать его целиком, даже при максимальной скорости. — Он помолчал. — Первая группа истребителей запущена.

— Время, когда они подойдут на расстояние выстrelа? — нервно спросил Ворон.

— Четырнадцать минут.

Не надо было быть гениальным математиком, чтобы сообразить, что это значит.

— Эй, эй! Пристегнуться всем! Всем! Пристегнуться и закрепиться! Включайте системы для планетарного взлета, да побыстрее!

На мостике, в креслах пассажирского салона, в кресле центральной рубки управления и на койке в каюте Сабатини хватило места всем. Кроме, конечно, самого Сабатини, который, запертый в одной из больших клеток, вынужден был обходиться как сумеет.

— Словно нарисованные птицы, — сказала Танцующая в Облаках; она поспешила пристегиваться, не отрывая глаз от обзорного экрана. Истребители первой группы, стремительно приближавшиеся к ним, действительно напоминали огромных птиц, застывших в полете, концы их длинных крыльев были загнуты вниз и к хвосту, образуя стилизованную римскую пятерку, в центре которой было подвешено маленькое, но смертоносное тельце. Полностью автоматизированные, ведомые системами боевого управления корабля-матки, они не нуждались в предосторожностях, необходимых для сохранения хрупких человеческих тел пилотов.

У Звездного Орла не было такого преимущества.

— Предвижу три попадания при первом проходе первой волны, — сказал он.

— В них или в нас? — спросил Ворон.

— В нас, разумеется. Вторая волна выведет из строя по меньшей мере одну из моих орудийных установок.

— Найди этот чертов код!!! — взревел кроу.

— Отключение искусственной гравитации. Боевой режим, — отозвался пилот. — Так, так... У нас прибавляется забот. Мои сенсоры показывают приближение нового противника; вооруженный грузовой корабль класса «Ассим», несущий четыре полностью боеспособных истребителя, класс и происхождение которых неизвестны. Их боевые системы активированы, и они быстро приближаются. Выйдут на линию прицельного огня приблизительно через двенадцать запятая четыре минуты.

— Эти-то откуда взялись? — крикнул Козодой Ворону. — Главная Система?

— Ну нет. Добрая старая Гэ Эс там, впереди. Нейджи. Наверняка Нейджи. Этот сукин сын погонит нас с другой стороны. Но зачем? Из профессиональной гордости? Или он и вправду считает, что у нас получится?

— Что это за Нейджи? — спросила Танцующая в Облаках.

— Начальник Службы безопасности Мельхиора. Мы здорово им нужны, вождь, так что молись, чтобы истребители добрались до нас первыми!

Впереди, на мостике, Хань с трудом ослабила привязные ремни, на ощупь отыскала шлем, откинулась в кресле вновь, затянула ремни как могла и включила линию связи.

— Звездный Орел, активируй интерфейс. Прошу тебя!

По всем правилам ее не полагалось подключать перед боем. У нее не было боевого опыта, а ресурсы, необходимые для этого интерфейса, могли потребоваться для более серьезных вещей. Но пилот прежде всего был компьютером и умел рассчитывать вероятности. Даже если они успеют наткнуться на нужный код звездного корабля, остаются четыре корабля, наседающих сзади, и кроме того, у пилота не было никакого опыта настоящих боев, он прошел только подготовку на имитаторе. Без человека его

шансы были равны нулю, с человеком ситуация становилась по крайней мере непредсказуемой. Он активировал интерфейс.

Слившись воедино, Хань и Звездный Орел обдумывали задачу, не переставая посыпать поток кодовых слов в сторону Юпитера. Как ни странно, сильнее всего их побуждали к действию воспоминания Хань об унижениях, пережитых в руках Сабатини. Они — весь корабль — были в руках огромного Сабатини, и соотношение сил было примерно таким же, как между ним и ею. Звездный Орел в сердце своем был созданием логики, он мог сдаться или погибнуть, взвесив все шансы, но прежняя Сон Чин не помышляла о логике, ею владели только эмоции и сильная воля. И ее воля взяла верх в этом беспримерном бою. Управляла она.

Боевые корабли Мельхиора быстро приближались, разворачиваясь для атаки. Сенсоры Звездного Орла показывали, что на борту каждого находятся живые существа; пилот и женщина лишь недавно открыли для себя этот интерфейс, но Мельхиор, похоже, знал об этом давно. Вот только достаточно ли практики было у этих пилотов-истребителей?

Она осторожно изменила курс и скорость, и автоматическим истребителям пришлось вытянуться в горизонтальную линию и перестроиться в правильный клин. Беглецам оставалось четыре минуты до того, как они попадут в зону прицельного огня кораблей Мельхиора; до первого огневого контакта с оборонительной системой резервного флота было четыре минуты сорок секунд. Цель захвачена, и никакие уловки не сберут с толку ни одного из противников больше чем на секунду. Шансы на то, что отыщется правильный код для атакующих истребителей, равнялись тридцати процентам: или код найдется вовремя, или код найдется слишком поздно, или их предположения насчет алгоритма были ошибочны и код не найдется вовсе. Но человеческая составляющая корабля отвергла эти рас-

четы, в то время как компьютеры атакующих кораблей точно так же оценивали шансы и ждали логически обоснованной реакции.

К демонам логику!

На предельной тяге корабль рванулся навстречу атакующим истребителям флота.

Озадаченные корабли Мельхиора тоже прибавили скорость, чтобы сохранить выгодное положение для атаки, но слегка запоздали. Резко ударили тормозные двигатели. Люди едва не вылетели из кресел, все, что могло сорваться, сорвалось и обрушилось на передние переборки. Плиты корпуса стонали, в грузовых трюмах разгибались крепления контейнеров. Шесть шансов из десяти были за то, что от такого торможения корабль рассыплется на куски, но оставшиеся четыре десятых были все же больше одной трети.

Четыре истребителя с Мельхиора открыли огонь и угодили прямо в первую волну истребителей флота. Тормозные двигатели раскалились добела, их огнестойкая облицовка начала разрушаться. Но это было пустяком в сравнении с тем, что получили корабли Мельхиора от защитников флота. Автоматические истребители кружили и взмывали, стреляя с нечеловеческой меткостью, забыв о корабле, который вызвал их активизацию. Машины не разбирались в таких тонкостях, отдавая приоритет тем, кто первым открыл огонь.

И только когда последний из истребителей Мельхиора был разнесен на атомы, корабль беглецов, отключивший тормозную тягу и запустивший для стабилизации полета ходовые двигатели, принял от транспорта слабый, но устойчивый сигнал — код распознавания. С отключением тормозной тяги по всей носовой части корабля прокатилась волна стонущих и лязгающих звуков. Тормозные двигатели свое отслужили.

Корабль дал малую тягу вперед и, отключив двигатели, медленно поплыл навстречу флоту; истребители не тронули его. Они возвращались на свои корабли.

В креслах зашевелились и застонали люди, опухшие, все в синяках, но живые. Пилот проверил их состояние и обратился к Риве Колль.

— Мы уничтожили врага, нападавшего с тыла, и успели наткнуться на код, дающий право подойти к флоту, капитан Колль, — сообщил корабль. Из всех, кто находился на борту, только у нее был опыт слияния с кораблем и работы под шлемом; ни Хань, ни Звездного Орла это ничуть не радовало, но запретить ей взять управление, если бы она захотела, они не могли. Как ни странно, Колль отказалась наотрез, хотя и не объяснила почему. Впрочем, советы она давала более чем охотно. — Однако во время боя мы полностью сожгли тормозные двигатели. Мы следуем по курсу согласно программе, но нам нечем остановить корабль.

Колль задумалась:

— А вы не пробовали связаться с этой большой мамочкой?

— Связь установлена. Компьютер транспорта означен нашей задержкой с передачей правильного кода, но горит желанием быть реактивированным. Мы думаем, что он хочет нам поверить, и ему нужно лишь маломальски убедительное объяснение. Как на этот счет?

— Эти малыши не предназначены для посадок. Их собирали в пространстве, и только в нем они могут существовать. Значит, у них должны быть тянувшие лучи, чтобы перемещать грузы. Скажите им, что вы были повреждены в бою, объясните суть проблемы и попросите подцепить вас лучом. Конечно, мы можем здорово стукнуться, но это лучше, чем пройти его насеквозд.

— Сделано. Он реактивирует и запускает свои системы. При такой скорости мы достигнем точки контакта через несколько часов. Увеличивать скорость мы не осмеливаемся и надеемся только на тянувший луч. За это время постарайтесь позаботиться о своих ранах и повреждениях, а мы предупредим, когда надо будет

снова пристегнуться. Медицинский робот размещен в пассажирском салоне.

Ядро программы разъединило Хань и Звездного Орла. Разъединение было почти добровольным, потому что его диктовала необходимость. Рабочее время пользователей интерфейса было строго ограничено, и, если она собиралась снова включиться в него в критический момент, надо было сделать перерывы.

Молчаливая, Танцующая в Облаках и сестры Чо обошли и проверили всех остальных, хотя и сами они были порядком помятые. Особенно они беспокоились о Хань, которая была на пятом месяце беременности, и это уже становилось заметным со стороны. Впрочем, она отделялась лишь несколькими синяками там, где привязные ремни вдавились в плечи и руки. Рива Колль, хоть и была старше всех на борту, не пострадала вообще.

— Сигнал вызова со стороны кормы, слабый, но отчетливый, — сообщил Звездный Орел. — Я ретранслирую его.

— Нейджи — Ворону, отзовитесь. Нейджи — Ворону, прием.

— Если он попытается вызвать флот, забей его помехами, — сказала пилоту Хань. — Могу я ему ответить?

— Пожалуйста. Через микрофон, — ответил пилот.

— Нейджи, или кто ты там, говорит капитан Хань. Если ты сунешься за нами дальше, я сообщу флоту, что приближается корабль с бунтовщиками. Отваливай. Ты проиграл.

Молчание.

— Да ладно, какого черта. Мы не собираемся соваться за вами в это осиное гнездо. Неплохой приемчик вы проворнули. Вам полагалось погибнуть. Все наши компьютеры уверяют, что вы мертвые.

— Мы живы, Нейджи. Живы и живем, и не беспокойся, ты о нас еще услышишь.

— Может, да, а может, и нет. Не исключаю, что вы справитесь с пилотами резервного флота, но Главная

Система сядет вам на хвост раньше, чем вы сойдете с орбиты. И где вы собираетесь прятать сорокакилометровый корабль? Кстати, а почему командуешь ты — а не Ворон или Колль?

— Так получилось. Вас побила та, кого вы ослепили и сделали родильной машиной. И не пытайся нас надуть.

— Да я и не собираюсь. Но предупреждаю, либо вы выкинете Риву Колль через воздушный шлюз, если, конечно, сможете, либо я вижу и слышу вас в последний раз. Это не Колль, это нечто такое, что убьет вас всех. Только мы можем пассивизировать его. Возвращайтесь, и вы останетесь живы. В противном случае вы повезете с собой собственную смерть.

Колль рассмеялась:

— Не обращай внимания. Я не собираюсь причинять вам вред. Мне это ни к чему.

— Он сказал правду? Ты не настоящая Колль?

— Да, я же вам говорила. Я не Колль, но для вас я не представляю опасности. Однако для Нейджи и для его хозяина, Клейбена, я хуже смерти. Это слишком сложно, чтобы объяснить сейчас, так что вам остается либо верить ему, либо верить мне. Без меня вам не добыть этих колец, так что подумайте хорошенько. Вы здорово рискуете, но уж я-то знаю, что вас ждет, если вы примете его защиту. Выбирайте.

Хань не собиралась долго размышлять. Когда-нибудь, где-нибудь ей придется поплатиться за риск, но, учитывая обстоятельства, сейчас это ее не тревожило.

— Мы вернемся, Нейджи, учти, — сказала она в микрофон. — Мы вернемся и разнесем твою маленькую империю по всей Вселенной и Главную Систему заодно. Возвращайся и скажи им это, Нейджи. Скажи им — и пусть они оглядываются через плечо, потеют от страха и обходят темные углы. Впрочем, я найду их и без света. С вашей помощью я и так на всю жизнь в темноте. Никто — ни ты, ни Мельхиор, ни Земля,

ни Главная Система не остановят нас. Ты нигде не спрячешься от нас, Нейджи, а перед нами вся Вселенная. Мы вернемся — и пошлем вас всех к черту!

Они медленно приближались к чудовищному кораблю древнего флота. Его массивный корпус тонул в цветных отсветах Юпитера, закрывающего полнеба.

Ворон и Вурдаль переглянулись и кивнули друг другу. **Мы вернемся!**

Козодой обнял Танцовщую в Облаках и Молчаливую и привлек их к себе — ведь еще не было сигнала пристегнуться. Он провел пальцами по меткам Мельхиора на их лицах, коснулся своей щеки и поклялся себе, что когда-нибудь эти татуировки станут знаком почета, символом революции. Долг путь до этого дня, и неизвестно, что ждет впереди, но одно он знал наверняка.

Мы вернемся!

Сестры Чо помогали Хань устроиться в кресле, и лица их светились от гордости за нее.

Мы вернемся!

А та, кого они знали как Риву Колль, задумчиво помахивала хвостом. До сих пор, пока единственной целью оставался побег, любой риск не был слишком велик, и теперь ничто не казалось невозможным.

Мы вернемся! Мы забьем пять золотых колец в не-насытную глотку Главной Системы, и она захлебнется!

А сейчас — к звездам!

ПИРАТЫ «ГРОМА»

Jack L.Chalker
Pirates of the Thunder
1987

Перевод с английского
В.М.Глинки

Посвящается Джуди-Линн дель Рей,
гиганту в мире, населенном пигмеями,
за все, чем я стал.

Желаю тебе не покидать вершины.

ПРОЛОГ

Девять человек погибли в бою, девять верных друзей, девять членов семьи. Затаившись в своем укрытии — маленькой спасательной капсуле, повисшей на огромном дереве, она смотрела сквозь дождь, но не видела ничего, кроме воды и тумана. Внезапно в серой пелене мелькнула огромная тень. Она подняла пистолет, но не выстрелила; темная фигура, помедлив, скрылась за деревьями.

Каким-то чудом преследователь не заметил ее. Но это значит, что теперь он направится к следующему селению, чтобы спрашивать ни в чем не повинных людей о том, что они не знают, и убивать их, когда они не смогут ответить.

После ее побега он не сразу устремился в погоню. Это означало, что он послал полный отчет на главный модуль, кружавшийся где-то высоко на орбите, и теперь у нее нет ни малейшего шанса покинуть этот злосчастный мир. Если ей даже удастся уничтожить этого Вала, на смену ему придет новый, и в конце концов ее возьмут, чего бы это ни стойло.

Скольким еще людям и саканианам придется пожертвовать жизнью — и ради чего? Даже если она сумеет скрыться, от нее уже никогда не будет никакой пользы.

Она вздохнула и выбралась из капсулы под нескончаемый дождь. Вал не успел уйти далеко. Двигаясь по его следам, она поражалась собственному спокойст-

вию. Услышав ее шаги, Вал остановился и ждал, огромный, обсидианово-черный, неуклюжий на вид механизм, отдаленно напоминающий человека. Он был достаточно универсален, чтобы принять любое обличье, но сейчас в этом не было необходимости.

Метрах в пяти от него она тоже остановилась и подняла пистолет.

— Я ждал этого, Нгорики. — Голос Вала отличался от ее собственного только одним — полнейшим равнодушием.

— Знаю. Я не могу позволить тебе вновь убивать невиновных.

— Да. В данный момент я — это ты, и отлично понимаю, что творится в твоей душе. Я глубоко сожалею о том, что мне пришлось сделать, но у меня не было другого выхода. Я рассматривал и другие альтернативы, но ни одна из них не обеспечивала стопроцентного успеха.

Она до боли в пальцах сжала рукоять пистолета:

— Он еще сожалеет! Да как ты смеешь! Ты машина, бездушное чудовище! Ты не способен чувствовать. Ты не в состоянии понять, каково мне было! Ты просто автомат, который любой ценой стремится выполнить программу!

— Ты и права и не права, — произнес робот. — Права в том, что я целиком подчиняюсь своей основной программе, но такова же и ты. Я изготовлен из другого материала, другим способом и в отличие от тебя знаю моих создателей, но люди зависят от своей биохимии в гораздо большей степени, чем ты можешь себе представить. Однако я мыслю, и это делает меня личностью. Я несвободен, но и человечество тоже.

— Вот как? И теперь, значит, ты собираешься меня перепрограммировать. Но не в этом ли наше отличие? Я стремлюсь к свободе, а ты считаешь, что это — всего лишь генетический дефект.

— Нет, — ответил Вал. — Просто мы с тобой расходимся во взглядах. Наша система не так уж хороша, не говоря уже о совершенстве, и я вынужден это признать. Тем не менее она — лучшая из возможных альтернатив. Она избавила человеческую расу от неизбежного самоуничтожения, теперь избавляет его от уничтожения другими расами. Выживание лежит в основе всего. Тот, кто может выжить, может надеяться, что когда-то все переменится к лучшему, но мертвец не имеет никакого будущего.

— Да будь ты проклят! — выкрикнула она. — Ты — это я! Во всем! Ты знаешь, что я невиновна!

Казалось, Вал вздохнул:

— Да. Знаю. И от этого мне нелегко. Нам, Валам, очень редко приходится выслеживать невиновных, и, поверь, нам это ненавистно. Но долг есть долг. Знаешь ли ты, почему нас называют Валами? В честь персонажа одной древней книги, которого звали Жан Вальжан. Он украл ломоть хлеба, ибо семья его голодала, и поплатился за это пожизненным рабством. Он бежал, сделался великим человеком и всю жизнь творил исключительно добро, но его безжалостно преследовали и в конце концов все равно убили. Это имя жертвы, а не палача, но Система должна действовать. Это необходимо для блага большинства, иначе воцарится хаос, и, хотя отдельные ошибки неизбежны, в этом — высшая справедливость. Наш долг — сохранять существующее положение вещей.

— Ах ты, ублюдок! А как насчет правосудия? И милосердия?

— Милосердно ли сохранить жизнь одному человеку ценой гибели тысяч? Система обеспечивает выживание вида, а это главное. Для мертвцов те понятия, о которых ты говоришь, не имеют значения. Значит, и в данной ситуации они несущественны.

— Но если нет ни правосудия, ни милосердия, зачем тогда жить?

Слезы душили ее; рука с пистолетом начала опускаться.

Внезапно она снова вскинула пистолет, но Вал предвидел это и опередил ее. Из его туловища вылетело гибкое шупальце и с силой ударило девушку в висок. Она вскрикнула и упала. Вал втянул шупальце, подошел и быстро осмотрел жертву. Нгорики была без сознания.

— Да, мы разные, — вслух произнес Вал. — И мне очень часто хотелось бы научиться плакать.

Он осторожно поднял девушку и понес в поселок, где его ждал корабль.

Процедура, называемая Отпущением, целиком лишала Вала памяти. Валы старались прибегать к ней как можно реже, но сейчас он был вынужден просить об Отпущении. Девушка действительно была невиновна. И так прекрасна... Конечно, репрограммирование человеческого мозга не означало физической гибели, но отныне Нгорики переставала существовать как то существо, которое когда-то родилось, выросло и было сформировано своим окружением. Ее психика стала полностью искусственной, а она даже не подозревала об этом. Она сделалась всего лишь персонажем в огромном спектакле, разыгрываемом Главной Системой, и была не более наделена естественными чувствами, чем, допустим, сам Вал.

Он ощущал вину и хотел избавиться от этого ощущения, но все-таки сомневался. Сейчас Нгорики была еще жива — хотя бы в его памяти, — но, когда Отщение закончится, она умрет окончательно.

А сколько еще было таких, как она? Действительно ли большинство тех, за кем он охотился и которых уничтожил, если не было другого выхода, являлись не врагами Системы, а ее жертвами? Вал не знал, но сама мысль об этом уже была преступлением, а такого он

допустить не мог. Отпущение было необходимо, и его следовало получить как можно скорее. Валы имели в своем распоряжении полную ментокопию того, за кем охотились, а даже убийца и предатель может вызвать симпатию, если понять его глубже, — но то, что испытывал сейчас Вал, было гораздо хуже. Возможно, в нем появился некий дефект, и он уже не очнется после Отпущения.

Войдя в кабину, Вал подключился к датчикам, и вся информация из его блоков памяти перекочевала в Главную Систему. Потом были стерты все данные в дополнительных ячейках памяти и в программном ядре, и Вал сделался столь же девственno чист и невежествен — и непригоден к использованию, — как в тот день, когда был только что изготовлен.

Затем Главная Система заново перепрограммировала его, добавив в ядро сведения о новейших открытиях, новейших технологиях и новейших приемах его ремесла. Вал был готов к очередному заданию, но он ничего не чувствовал, ничего не желал, ни в чем не сомневался. Он был всего лишь машиной.

Но он был машиной, способной чувствовать, желать и сомневаться, иначе ему никогда бы не понять своих жертв, не предугадать их действий. Без Отпущения Валам угрожала опасность сделаться слишком похожими на людей.

И наконец задание поступило.

Главная Система была величайшим из всех когда-либо изготовленных компьютеров и хранила в себе знания и опыт, накопленные человечеством за всю историю его существования. Она была создана, чтобы защитить людей от угрозы самоуничтожения в ядерной войне и обеспечить его дальнейшее выживание любыми средствами.

Она справилась со своей задачей и сделала все, чтобы предотвратить подобную ситуацию в будущем. Построив огромные межзвездные транспорты, Главная Система расселила большую часть человечества по Галактике, а оставленные на Земле полмиллиона человек подвергla репрограммированию и заключила в своего рода резерваций, с культурой, выстроенной по образцу примитивных периодов истории народов Земли. Этот музей был не особенно точен в деталях, но весьма впечатляющ.

Разумеется, находились и недовольные новым порядком вещей, но Главная Система, получившая контроль за всем имеющимся оружием, убедительно продемонстрировала свою решимость довести начатое до конца и, выбрав несколько городов, стерла их с лица планеты вместе со всем населением — в назидание сопротивлявшимся.

Осуществив эту ужасную демонстрацию, она уничтожила и другие города — правда, сохранив население, — а также все достижения новейшей цивилизации и любые упоминания о них.

Главная Система создала свою собственную компьютерную сеть, охватывающую всю планету, и ревностно следила за тем, чтобы человечество не перешагнуло некоего предела знаний, который, по мнению Системы, представлял для него опасность.

Но безусловно, отказать людям в науке как таковой было не под силу даже этому гигантскому компьютеру, и, кроме того, Главной Системе требовалась надзорители, смотрители за этой лавкой древностей, по привычке называемой Землей.

Люди, обладающие определенными способностями и подходящим складом ума, изымались из обществ, в которых были рождены, и воспитывались в Центрах, где получали доступ к разрешенной области знаний и становились либо учеными, либо админи-

страторами, помогающими Системе держать свои же собственные народы во тьме невежества. Разумеется, они жили в роскоши и пользовались существенными привилегиями.

Но, собрав вместе столько талантливых людей, Главная Система невольно положила начало тайной субкультуре. Проще говоря, холопы стремились одолеть хозяина. Они научились «редактировать» свою память, изымая из нее следы запретного знания, которые могли быть обнаружены во время периодического снятия ментокопий. Они проводили собственные исследования и пробовали выйти за пределы досягаемости Главной Системы. Великий компьютер до определенной степени закрывал глаза на эту деятельность, но постоянно был начеку, чтобы не допустить реальной угрозы своей почти всеобъемлющей власти. Существовала некая незримая граница, и за тем, кто ее переступал, отправлялись на охоту Валы.

Итак, Вал получил сведения о некоей переменной, которая действительно могла поставить под угрозу само существование Главной Системы. Дело в том, что великий компьютер был уязвим и, хотя приложил все усилия, чтобы скрыть это обстоятельство, не мог избавиться от своей уязвимости радикально — она была частью его программы. Создатели Главной Системы предусмотрели своего рода выключатель, представляющий собой пять микрочипов, замаскированных под золотые кольца. Эти микрочипы, будучи вставлены в определенной последовательности в соответствующие гнезда, заставляли Главную Систему подчиняться приказам извне. Она тщательно скрывала их местонахождение и местонахождение самого интерфейса, но, согласно программе, не имела права уничтожить ни модули, ни интерфейс. Кольца обязаны были постоянно находиться в руках людей, наделен-

ных властью, и, если какое-нибудь из них пропадало или уничтожалось, ему на смену тут же изготавливались новое. Изменение любой из этих программных установок неминуемо разрушало Главную Систему.

Но каким-то образом, несмотря на все усилия Главной Системы, информация о кольцах и о том, как ими воспользоваться, пережила столетия. После девяти сотен лет, прожитых во тьме застоя, на Земле все еще оставались люди, которые ЗНАЛИ, и вот небольшая группа отступников получила сведения, необходимые для того, чтобы сделать попытку. Они знали о кольцах. Они умели управлять космическим кораблем — и имели этот корабль. Они не знали, правда, где находятся кольца и где размещен первичный интерфейс, но было весьма вероятно, что со временем им станет известно и это. Они были свободны, решительны — и им нечего было терять.

Правда, их шансы на успех были ничтожны, но Главная Система встревожилась. Она утверждала, что ведет где-то тяжелую и затяжную войну, и, хотя даже Валы не представляли, с кем она сражается и почему, было очевидно, что с выводом ее из строя поражение неизбежно. Главная Система была настолько устрашена, что решилась на новое массовое репрограммирование человечества, уничтожение всех Центров и установление очередных, более жестких ограничений, исходя из которых под запретом оказались бы даже земледелие и любые мало-мальски сложные языки, способные выражать отвлеченные понятия. Надзор за обновленным человечеством предполагалось поручить только компьютерам, которым люди поклонялись бы как воплощенным божествам.

Однако на это требовалось время, и потому первоочередной задачей становилась ликвидация группы мятежников. Их было десять человек, но далеко не со всех были сняты ментокопии. Всю имеющуюся ин-

формацию предоставил доктор Айзек Клейбен, работающий на Мельхиоре, исправительной колонии и одновременно Исследовательском Центре в поясе астероидов, откуда бежали преступники.

Среди этой информации имелась неполная ментокопия главаря группы, Бегущего с Козодоями, как его звали по-хайакутски. Историк был яркой личностью, блестящим образоманным человеком, но по складу характера его было трудно причислить к мятежникам — да и вообще назвать человеком действия. Однако он был романтик, и, когда к нему случайно попали соответствующие документы, он просто не мог не ознакомиться с их содержанием из чистого любопытства и тяги к знаниям.

Впрочем, из последних событий, не отраженных в ментокопии, следовало, что Козодой был способен успешно приоравливаться к обстоятельствам и при необходимости довольствоваться крайне малым. Однако он обладал повышенным чувством ответственности за своих людей — особенно женщин, — и это было на руку Валу.

«Сейчас они отправятся на поиски, — мысленно заметил он, — и нельзя исключить, что они уже знают, где находятся перстни. Не послать ли туда Валов в качестве сторожей?»

«Верно, — согласилась Главная Система, — но это не срочно. Во-первых, им понадобятся другие корабли, а во-вторых — контакты с флибустьерами. На этом этапе за ними будет следить Вал Ривы Колль, а ты — сму помогать. Кроме того, нужно, чтобы они остались в живых до тех пор, пока не соберут все кольца: я хочу узнать, насколько широко распространилось запретное знание. Потом, естественно, это ограничение снимется, но, по сути дела, даже обладая всеми пятью кольцами, эта кучка заговорщиков сама по себе не представляет опасности. С ними можно разделаться в

любой момент. Но кто за ними стоит? Кто подобрал их? Кто снабдил сведениями? Не исключено, что это дело рук нашего врага, и вот тогда они действительно опасны. Мы не имеем права полагаться на удачу — ведь даже если они не достигнут успеха сейчас, нам придется иметь дело с их потомками. Итак, ты получил задание. Ступай и ни в коем случае не упусти их».

Вал отсоединился. Весь процесс, Отпущение и репрограммирование, занял не больше нескольких секунд, но для Вала, мыслящего в компьютерном времени, это было в порядке вещей.

И все же — неужели они могут победить?

1. МИР, ЛЕТЯЩИЙ СРЕДИ ЗВЕЗД

то был космический корабль — и все же гораздо больше, чем корабль.

Он был создан для того, чтобы достигать звезд, не различимых простым глазом, и преодолевать расстояния, не доступные человеческому воображению, — но не только для этого.

У сорокакилометрового корабля, в безмолвии обрашающегося вокруг Юпитера, был свой разум, хранящий великое множество знаний и умений, которые очень долго не находили применения.

Внешне он был похож на приплюснутый отрезок огромной трубы, по бокам которого выступали отсеки для разведывательных членков, бесчисленные датчики, локаторы, связные устройства и многое-многое другое — в том числе и грозные орудия.

— Я все думаю, не тревожит ли его это, — негромко произнесла Танцующая в Облаках, пристально глядя на экран.

— Что именно? — Бегущий с Козодоями удивленно взглянул на жену. — И кого ты имеешь в виду?

— Этот большой корабль, — ответила она. — У него есть душа и разум, и кто знает, о чем он размышлял все эти годы, предоставленный самому себе? Мы нарушили его покой...

— Он чертовски старался не пустить нас к себе, это уж точно, — раздался скрипучий голос Ворона, сотрудника Агентства Кроу. Он до сих пор был под впечат-

лением от атаки автоматических истребителей, стерегущих гигантские корабли. Только благодаря современной расшифровке кода и искусному маневрированию беглецам удалось избежать гибели.

— Это был его долг, — возразила хайакутка. Она была очень сообразительна, но выросла в примитивном обществе, и ее взгляд на вещи во многом был так же чужд ее товарищам, как и компьютерное мышление корабля, к которому они приближались. — Теперь он исполнил его и готов нас принять. Но я не знаю, делает ли он это искренне или готовит ловушку, чтобы вернее уничтожить нас.

— Ни то, ни другое, — послышалось из корабельного интеркома. Когда Звездный Орел, как они называли своего компьютерного пилота, говорил сам по себе, у него был приятный баритон, но, когда к корабельным системам подключалась Хань, голос его делался странным: ни мужским, ни женским, но тем и другим одновременно. — Ни на одном из этих кораблей нет командного модуля — после того, как транспорты были поставлены на консервацию, их сняли. У этих кораблей имелось множество независимых управляемых систем; но сейчас из них остались только те, которые отвечают за ремонт и безопасность. Технологисты, которые узнали о существовании человеко-компьютерного интерфейса, намеревались пилотировать корабль своими силами, без командного модуля.

Козодой сдвинул брови:

— А разве это возможно?

— В принципе — да, только очень трудно и неудобно. Впрочем, они не слишком задумывались об этом. Все их планы касались только побега, а не того, что делать дальше. Совсем как у нас.

«Да, но мы в лучшем положении, — подумал про себя Козодой. — С нами Колль, которая не раз бывала в космосе, и у нас есть сведения, полученные от Чена. По крайней мере мы движемся не вслепую». Он на-

хмурился, размышляя, так ли оно на самом деле или он просто пытается подбодрить себя. Кроме того, Козодой никак не мог отделаться от ощущения, что их ведет чья-то невидимая, но твердая рука.

Большинство участников этой операции было так или иначе отобрано Ласло Ченом. Этот честолюбивый верховный администратор имел понятие о том, что собой представляют пять золотых колец, и к тому же обладал одним из них — единственным, оставшимся на Земле. Он хотел, чтобы беглецы отыскали для него и остальные. Ласло Чен жаждал стать полубогом.

Но даже Чен подчинялся Главной Системе, даже он был ограничен в знаниях и могуществе. Его власть простиралась далеко, но после побега с Мельхиора Козодой был убежден, что в игру вступил еще кто-то. Кем был этот новый игрок, оставалось неизвестным, и невозможно было даже предположить, использует ли он Чена в своих интересах или наоборот.

Состав их группы тоже давал немало пищи для размышлений. Козодой не сомневался, что его жены — Танцующая в Облаках и Молчаливая — попали в нее случайно, как и Карло Сабатини, бывший капитан этого корабля, человек грубый и жестокий. Они не могли ему доверять, но отпустить его тоже не могли, и Козодой подозревал, что рано или поздно от него придется избавиться.

Сестры Чо, выросшие в китайской провинции, были потрясающе невежественны, но, прислуживая одному из работников Центра, поднабрались кое-каких технических навыков и обнаружили в себе сверхъестественные способности вскрывать любые замки, в том числе и компьютерные. Их присутствие, казалось, тоже не было предусмотрено планом, но их таланты могли очень и очень пригодиться в будущем.

Ворон и его чернокожая подруга Манка Вурдаль, обладающая ледяным характером и врожденной склонностью к убийствам, представляли собой ударную силу их

маленькой группы, а Козодой, человек интеллигентный и образованный, считался одним из крупнейших специалистов по истории периода, непосредственно предшествующего правлению Главной Системы.

Рица Колль, пожилая женщина с хвостом, была единственной из всех, кто летал в открытом космосе и умел пилотировать космический корабль. Без сомнения, она была сумасшедшей — да и кто бы не сошел с ума после десяти лет заточения на Мельхиоре? Она утверждала, что она вовсе не Рива Колль, а кто-то или что-то еще, но, что именно, не уточняла. Однако и доктор Клейбен перед атакой автоматических истребителей предупреждал Козодоя о том же, и это сильно беспокоило историка. В легенду о чудовище он, правда, не верил, но боялся, что Рива заражена какой-нибудь опасной болезнью.

И наконец, красавица Хань, в прошлом — Сон Чин, дочь верховного администратора Китая. Плод изощренных генетических экспериментов, она обладала колоссальными знаниями, особенно в том, что касается компьютеров, но была слепа, и вся ее ценность заключалась в умении работать с человеко-машинным интерфейсом, объединяя свой мозг с мозгом компьютерного пилота.

В этом, кстати, заключалась еще одна загадка: почему Главная Система вообще сохранила на космических кораблях эти интерфейсы? Корабли строились на автоматических заводах, и вот уже около тысячи лет люди путешествовали в космосе только в качестве пассажиров. Не проще ли было позаботиться о том, чтобы никто никогда не смог не то что управлять кораблями, а даже коснуться командного модуля компьютерного мозга корабля? Это сделало бы Главную Систему непобедимой, и их группа не имела бы ни малейшего шанса на побег.

Однако даже на том громадном корабле, к которому они приближались, имелись соответствующие устрой-

ства; хотя эти транспорты строились уже после того, как Главная Система захватила власть над человечеством, и никоим образом не предназначались для того, чтобы ими пользовались люди. Все это было более чем странно, но сколько Козодой ни ломал голову, подходящей версии он придумать не мог.

Обзорный экран потемнел. Они подошли уже так близко к огромному кораблю, что его массивный корпус закрыл собой все видимое пространство.

— Пристегнитесь и приготовьтесь к удару, — предупредил корабль. — Я сделал все, что мог, но тормозные двигатели повреждены в бою, и нам нечем замедлить ход. Сейчас нас должен поймать и остановить тянувший луч. Удар будет сильный. Наденьте шлемы и подключите кислородные баллоны. У меня нет уверенности, что корпус сохранит герметичность.

Все поспешили пристегнуться, и корабль включил привязную систему. Ремни вдавили людей в кресла с такой силой, что перехватило дыхание.

Внезапно они ощутили сильнейший удар, по всему корпусу прошла дрожь, и еще раз, и еще. Корабль раскачивался, словно его тянуло во всех направлениях сразу, слышался скрежет и стон перенапряженного металла. Потом эти звуки перекрыло громкое шипение, и, когда удары и толчки прекратились, оно продолжалось.

— Что такое? — нервно воскликнула Вурдаль. — Не можем же мы погибнуть за один шаг до победы!

В громкоговорителях заскрипело и затрещало.
— Я... освободил Хань... ей... — Пилот говорил своим обычным голосом. — Корабль... разрушен. Не снимайте скафандры... Держитесь...

— Разрушен? — крикнул Козодой в микрофон рации скафандра. — Но сам-то ты цел?

— Вы... скоро причалите... близко. Разгерметизация... ...андный модуль... Хань в безопасно...

Внезапно наступило молчание, прерываемое только слабым попискиванием рации. Свет замигал и погас, но

через мгновение автоматически включились нашлемные фонари и опознавательные огоньки на скафандрах. Темнота сменилась зловещим полумраком.

— Корабль умер? — вполголоса спросила Танцующая в Облаках, потрясенная этой мыслью. — Звездный Орел улетел в иной мир?

— Не знаю, — ответил Козодой. — Тело корабля наверняка мертвое, но у компьютеров есть собственные источники питания. Возможно, он еще жив и его можно будет спасти. Во всяком случае, я надеюсь.

Не успел он договорить, как корабль вновь содрогнулся и слегка накренился. Тянувший луч, управляемый компьютерами ремонта и защиты, втаскивал их внутрь огромного транспорта.

— Мы прошли! — провозгласил Ворон. — Черт их всех побери, мы в него забрались!

Козодой внезапно ощутил волю к действию:

— Вурдаль, пройди вперед, посмотри, как там Хань и Рива, и приведи их сюда.

— Не надо, — раздался в наушниках резкий голос Колль. — Все в порядке, мы идем к вам.

— Командный модуль. — Хань говорила своим собственным голосом, высоким и нежным. — Вы знаете, где он?

— Что? — переспросил Козодой. — Где?

— Позади, в первом грузовом трюме. Большая круглая плита в полу. Еедерживают девять потайных болтов и электронный замок. Чтобы освободить защелки, надо перекинуть два рычага.

Козодой огляделся:

— Ну, сестрички Чо, это, кажется, по вашей части.

— Нет-нет, — сказала Хань. — Я знаю комбинацию. Надо набрать ее и установить время, тогда сработают пиролатроны. Я постараюсь поторопиться. Пусть кто-нибудь прихватит с собой измерительный инструмент и встретит нас.

— Стоит ли с ним возиться? — сердито спросила Вурдал. — Это всего лишь машина. Он может и подождать.

— Он один из нас! — резко, почти с угрозой ответила Танцующая в Облаках. — Он сам пошел с нами!

Появилась Рива Колль, ведя под руку Хань. Козодой вытащил из комплекта инструментов рулетку и поспешил за ними.

— Оставайтесь в креслах, — предупредил он, уходя. — Не стоит бродить здесь в одиночку.

— На сколько нам хватит воздуха? — пробурчал Ворон, догоняя его.

— На шестьдесят с лишним часов, — ответила за Козодоя Колль. — Время еще есть.

— Ну да, — вздохнул кроу. — Время временем, а вот чем мы будем дышать снаружи?

Козодой не совсем понимал, что задумала Хань, но полностью доверял ей. Она была странной, но знала машины, как никто другой, и теперь их жизнь целиком зависела от этой слепой девушки.

В темноте они едва нашли плиту, которую запросто можно было бы пропустить и при нормальном освещении. Два рычага были утоплены в палубу, и, чтобы повернуть их, Козодою и Ворону пришлось навалиться вдвоем. Наконец оба рычага были подняты и перекинуты в другую сторону до упора. В центре плиты отскочила крышка, открыв клавиатуру, покрытую слежавшейся грязью. Они очистили ее как могли, и Хань сказала им код, который узнала от Звездного Орла.

Козодой осторожно набрал его и отступил подальше. В полной тишине по краю плиты внезапно побежали вспышки, и все болты выскочили из гнезд. Козодой с Вороном быстро подняли плиту, и открылась полость в полметра глубиной, в которой сидели три небольших прямоугольных блока.

— Вытяните средний, только осторожно, очень осторожно, — приказала Хань. — Потом измерьте его и опишите мне, как выглядят разъемы.

Соблюдать осторожность было нелегко, но наконец блок был вытащен, обмерен и осмотрен. Разъемы с блестящими контактами, отливающими золотом, усеивали дно и бока корпуса, их было множество, и все они выглядели по-разному. Козодой описал их как сумел. Хань внимательно выслушала его и кивнула:

— Пока что вставьте его обратно, чтобы он мог подпитывать свои резервные источники. Надо выйти в большой корабль.

— А что это такое, леди? — спросил Ворон, немного рассерженный тем, что их труд не принес видимого результата.

— Это командный модуль — мозг Звездного Орла, — ответила Хань. — Два других блока — модули обслуживания. Они могут протянуть гораздо дальше, чем мы проживем в скафандрах, так что лучше поторопиться. Надо найти в большом корабле такое же место и проверить его.

Козодой наконец понял:

— Ты собираешься поставить Звездного Орла управлять большим кораблем? А это возможно? Ведь конструкция командного модуля у межзвездного корабля наверняка иная, да и функции его намного сложнее.

— Не совсем так. Во-первых, существуют стандарты, а во-вторых, Главная Система не желала, чтобы какой-то компьютер был чересчур сложен и, в особенности, чтобы не поддавался перепрограммированию в полете. Конечно, гарантий никаких — например, размеры могут соответствовать, а разъемы — нет.

— И что тогда? — спросил Козодой. — Как же мы поведем это чудище?

— Точно так же, как собирались это сделать технологисты. Наладим прямую связь человека с маши-

ной. Или, в нашем случае, нескольких людей. Подозреваю, что в одиночку с ним не управиться.

— А ты знаешь, где должна быть эта штука? — спросил Ворон.

— Да, более или менее. Но я не имею представления, в каком месте корабля мы находимся, знаю только, что где-то на внешней палубе. Вам придется заняться поисками.

— Да ты хоть представляешь себе, какой он большой? — возопил Ворон. — Понадобятся дни, недели, чтобы найти дорогу, даже если мы не будем заниматься ничем другим. Воды в скафандрах мало, воздуха и того меньше, еды никакой и полнейшая темнота! Невозможное дело!

— Так мы ничего не добьемся, — отрезал Козодой, стараясь предупредить панику. — Для начала надо хотя бы выяснить, где мы оказались, чтобы помочь нашей Хань сориентироваться. Потом мы проведем ее и Риву на мостик, и они попробуют установить прямую связь, а остальные будут искать место для командного модуля. Полагаю, госпожа Хань, у вас в голове есть нечто, вроде карты, и нам остается лишь найти ориентиры.

— Я помню схему, и кое-что я узнала от Звездного Орла, но все это не так подробно, как хотелось бы. Попасть на мостик легко, и мы начнем оттуда. По крайней мере, установив соединение, можно было бы запустить кое-какие системы жизнеобеспечения.

Козодой тяжело вздохнул:

— Ну как, кроу, составишь мне компанию для прогулки в темноте?

— Что угодно, лишь бы не сидеть сложа руки, — ответил Ворон..

Какая-то зловещая ирония имела в том, что по этому странному, темному и мрачному миру их вела слепая женщина. Грузовой отсек был огромен, лучи

фонарь не достигали стен, и трехсотметровому грузовому кораблю, который они только что покинули, здесь не было тесно. Прежде всего они решили добраться до стены, и это заняло почти сорок минут.

Будь на корабле гравитация, их задача стала бы невыполнимой: нигде не нашлось ничего похожего на лестницы или ступеньки. Но двигаться в невесомости было намного легче, и наконец они обнаружили на внутренней стене люки и принялись обследовать один из них. Разумеется, он был заперт, но сестры Чо быстро справились с электронным замком.

Войдя, они были поражены, увидев цепочки огоньков, тянувшиеся у самого пола по обеим сторонам коридора.

— Датчики движения, — объяснила по радио Хань, оставшаяся на разбитом корабле. — Это удача.

— Я бы не стал говорить так оптимистично, — мрачно заметил Ворон. — Это настоящий лабиринт. Одни коридоры...

— Я захватил с собой маркер. — Козодой старался ободрить товарища, хотя и сам чувствовал себя не особенно уютно. — Буду ставить метки через каждые десять огоньков и отмечать направление на каждой развилке.

Довольно долго они шли, не встречая никаких примет, которые помогли бы Хань определиться. Коридоры тянулись во всех направлениях и уходили в бесконечность.

— Эй, вождь! Ты обратил внимание на отсутствие помещений? Никаких кабинетов, спален, аудиторий, ничего подобного. Только пути для доставки приборов и оборудования. Я хочу сказать, что эту штуку строили как грузовик, только грузом были люди. Великое множество людей. Так где же, черт побери, их держали?

Козодой не ответил, охваченный дурным предчувствием: Как историк он знал, для чего предназначались эти корабли, представляя их себе как громадные миры,

вывернутые наизнанку, с садами и жилищами, что-то вроде огромного движущегося города. Но этот корабль был холодным, суровым и безжизненным. Однако Ворон прав. Такой корабль должен был вмещать тысячи людей и поддерживать их жизнь. Но где? И как?

И вот, пройдя через очередной люк, они внезапно получили ответ.

«Так вот оно, чрево кита», — подумал Козодой. Нашлемные светильники и редкие огоньки на широких висячих мостиках выхватывали из темноты лишь малую часть огромного помещения, но казалось, оно продолжается до бесконечности.

— Господи Иисусе! Это же просто улей! — восхликал Ворон, глядя на бесчисленные ячейки, возникающие из темноты повсюду, куда падал луч его фонарика.

Козодой присел и осмотрел то место, где подвесной мостик крепился к стене.

— Рельсы, — сказал он, показывая пальцем. — Эти мостики могли двигаться по ним вверх и вниз. Видишь ограничители? Каждый обслуживал, пожалуй, пять рядов этих ячеек в верхнюю сторону и пять в нижнюю, но людей скорее всего загоняли не пешком: была бы слишком большая суматоха. Вероятно, их приводили в бессознательное состояние и загружали автоматически с помощью специального оборудования. В точности, как ты говорил, Ворон, — груз.

Он наклонился и заглянул в ближайшую ячейку:

— Обивка мягкая. Видишь? Одна ячейка на одного человека. Вон там клапаны, а в том ящичке какие-то трубки вроде щупалец. Человека помещали сюда, потом трубки сами собой присоединялись куда нужно и поддерживали его существование в течение всего перелета.

— Да, — холодно отозвался Ворон. — Потрясающее. Наверное, они использовали смесь какого-то газа и чистого кислорода, чтобы держать людей в отключке,

а может быть, ячейки закрывались и вентилировались отдельно. От всего этого просто мурашки по спине.

— Теперь это чисто академический вопрос, — заметил Козодой напряженным голосом. — Со стороны в этом можно найти даже своеобразную романтику — покорение космоса и все такое. Но вблизи это выглядит совсем по-иному. Вот оно, подлинное лицо Главной Системы, Ворон, Системы, которой мы служили и в которую верили, когда были моложе. Даже наша экспедиция... Мятеж был для меня, я вынужден признать, не более чем приключением, но здесь я утратил остатки иллюзий, которые, сам того не зная, сохранил до сих пор, и душа моя полна отвращения. Люди не существуют для Главной Системы и ее машин, Ворон, даже в качестве предмета заботы. Только цифры. Двоичный код. Единицы и нули. Количества. У нас нет даже того достоинства, которым обладают экспонаты зоопарка и домашние животные. Падаль. Нет, скорее — живое мясо в этом паршивом морозильнике.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь, — прервала его Хань, — но не могли бы вы поискать там какие-нибудь ориентиры? Здесь тоже есть люди, они голодны и нуждаются в воздухе.

Козодоя возмутило это вмешательство, а особенно — ее тон. Она же должна была все слышать. Вот если бы она увидела... нет, она бы не увидела. Она не может видеть... Даже будь она рядом, он мог бы лишь описывать ей окружающее, словно читая книгу или компьютерную распечатку. Иногда странная девушка казалась ему скорее машиной, чем человеком, и Козодой ясно представил себе, как она, стоя здесь, объясняет холодную логику Системы с точки зрения компьютеров.

— Коридор, из которого мы вышли, должно быть, один из тех, что обслуживают этот уровень, — сказал Ворон. — Возвращаться туда бессмысленно. Единст-

венное, что мы можем сделать, это выбрать направление и идти, пока не упремся в стену.

Козодой с трудом оторвался от своих мыслей:

— Нет. Если мы выберем неверное направление, то пройдем, пожалуй, километров десять, прежде чем доберемся до противоположного конца. И может статься, не найдем там ничего стоящего. По-моему, лучше разделиться. Ты пойдешь в одну сторону, а я — в другую, пока один из нас не упрется в стену или не наткнется на что-то особенное. Если мы не точно в середине, а это скорее всего так, то кому-то должно повезти достаточно быстро.

— Неплохая идея. Я пойду налево и на каждой развилке тоже буду сворачивать налево. Ты иди направо и на развилках сворачивай направо. Мы должны расколоть этот орешек. А история подождет, как всегда.

Минут через тридцать — сорок Ворон снова вышел на связь.

— Я у стены! Здесь полно висячих мостиков, и некоторые ведут к каким-то люкам.

— А в этих люках нет ничего особенного? — нетерпеливо спросила Хань.

— Трудно разобрать при таком свете.. Пять люков расположены вроде как треугольником, одной стороной вверх. Ну-ка, попробую добраться туда и посмотреть поближе. — Минуты две слышалось неразборчивое ворчание, потом Ворон заговорил снова. — Средний люк ведет в большое помещение. Оно треугольное, и наверху целая уйма труб. Они сходятся вместе, в ровную линию, и пропадают в стене. Это поможет?

— Да. Теперь я точно знаю, где вы находитесь. Попробуйте открыть тот люк, что в самом центре треугольника. Там должно быть что-то вроде круглой плиты, возможно, закрепленной заклепками.

— У-уф-ф! Здесь не за что зацепиться, и я никак не могу привыкнуть к этой чертовой невесомости. Ну-

ка... Да! Вот она. Похоже, она сделана так, чтобы ее можно было повернуть, будь у нее ручка. Только ручки не видно.

— Это можно сделать сильным магнитом. Во всяком случае, что-нибудь придумаем. Скорее всего она не заперта. Это служебный туннель, ведущий в помещение для командного модуля, а через средний люк наверху можно попасть на мостик. Козодой?

— Слушаю.

— Вы идете в корму, и вам не скоро встретится что-то полезное. Лучше вернитесь и заберите остальных. Мы должны взять с собой командный модуль Звездного Орла и оба дополнительных модуля. Если они подойдут, корабль будет в нашей власти.

— Ну-ну, — пробурчал Ворон. — А если нет?

— Тогда придется потрудиться. Но сперва давайте попробуем. Главная Система буквально помешана на стандартизации, именно поэтому нам так часто удавалось ее обманывать. Межпланетные корабли являются предшественниками этих, и нет никаких свидетельств, что их конструкция и характеристики за девять сотен лет существенно изменились. Оставайтесь там — будете подавать нам сигналы.

— Ну да, я тут неплохо устроился, — вздохнул кроу. — Такая, знаете ли, экскурсия по крематорию.

Справившись наконец с громоздкой плитой, они обнаружили под ней круглое отверстие, достаточно большое, чтобы туда мог пролезть человек в скафандре. Козодой и Ворон, прихватив с собой три модуля с разбитого корабля, снова пошли первыми.

Труба изогнулась, и за поворотом обнаружилось помещение, похожее на огромный пузырь. Вдоль стенок широкой полосой тянулись отсеки для электронных модулей, но все они были заполнены. В центре возвышался квадратный пьедестал с четырьмя прямоугольными гнездами, расположенными крестом. Гнезда были пусты.

— Ну вот мы и у цели. Что нам делать дальше? — спросил Козодой по радио. — Все гнезда выглядят совершенно одинаково, а инструкции к ним не прилагаются. Кстати, у нас только три модуля, а гнезд четыре.

— Не думаю, чтобы это имело значение, — ободрила его Хань. — У командного модуля уникальное расположение контактов, так что ошибиться невозможно. Размеры соответствуют?

— Похоже на то, — ответил Ворон. — Увидим, когда попробуем. Но их тут миллион, этих золотых пупырышков. Ты, может быть, и увидела бы разницу, а я не вижу.

— Хотелось бы мне ее видеть, — вздохнула китаянка. — Ладно, разъем для командного модуля только один, остальные предназначены для модулей данных. Они нечувствительны к расположению разъемов, так что для начала вставьте дополнительные модули в любые два гнезда, а потом попробуйте вставить командный модуль в одно из оставшихся. Будьте осторожны, не повредите их. Если модуль подходит к гнезду, хорошо, но не пытайтесь воткнуть его силой. Если не подойдет, попробуйте другое гнездо. Потом включите.

— Легче было бы сначала вставить командный модуль, — заметил Козодой.

— Ни в коем случае! Командный модуль — это мозг, но вся память находится в дополнительных модулях. Если Звездный Орел соединится с кораблем, не имея доступа к своей памяти, он не будет знать, где он, кто мы такие и что происходит. Командный модуль по-прежнему содержит в себе программы Главной Системы, корабль освободился от нее только благодаря изменениям в дополнительных модулях. Если мы подключим лишь один мозг, без памяти, то окажемся во власти покорного раба Главной Системы.

— Ах да... Ну-ну... — Козодой и Ворон повернулись и, взяв один из модулей памяти, начали осматривать гнезда.

— Я бы поставил память в правое и левое гнезда, если смотреть от люка, и попробовал бы установить командный модуль в одно из двух оставшихся гнезд, — предложил Козодой. Ворон только пожал плечами.

Первый модуль легко скользнул в гнездо и плотно встал на место.

— Пока что все хорошо, — заметил Ворон, тяжело дыша. Второй модуль вошел так же легко. — Хотелось бы знать, куда вставлять мозги.

— У меня только частичная схема, — сказала Хань. — Я не знаю точно, для чего служит четвертое гнездо. Быть может, туда ставится блок дополнительной памяти, а может быть, вспомогательный мозг, заботящийся, например, о грузе. Не исключено, что мозг Звездного Орла подойдет к обоим гнездам. Попробуйте и посмотрите. Все равно выбора у нас нет.

— Верхнее, — предположил Козодой. — Как бы глупо это ни звучало, но оно ближе к мостику.

— Ага, на целых полтора метра, — отозвался Ворон. Тем не менее они осторожно подвели командный модуль к гнезду и попытались вставить. — Кажется, он сидит немного выше, чем другие. Попробуем нижнее?

— Не всегда все получается с первого раза, — сказал Козодой. — Ладно, зацепи его магнитом и тяни.

Они вытащили модуль, медленно подвели его к нижнему гнезду, проверили положение и осторожно втолкнули на место. И снова он как будто вошел не полностью.

— Или мы ошиблись с другими, или придется рискнуть и подтолкнуть его, — сказал Ворон.

— Только осторожно! — вмешалась Хань. — Они прочные, но не слишком. Именно поэтому их приходится защищать.

Модуль сидел в гнезде с небольшим зазором, и они пытались, слегка подталкивая, вставить его то так, то этак. Козодой совсем уже было отчаялся, но тут Ворон

нечаянно качнул модуль, и тот сел в разъем и зафиксировался.

— Эй! Он вошел! — вскричал кроу, изумленно уставившись на дело рук своих. — И ничего!

Внезапно в наушниках раздалось пощелкивание, попискивание, жужжание.

— Это на всех частотах! Выключите радио! — прокричала Хань, с трудом перекрывая шум. — Считайте до ста и включайте ненадолго, пока не услышите, что стало тихо!

В призрачно-темных недрах незнакомого корабля и без того было достаточно мрачно, а в полном молчании было еще хуже. Козодой по крайней мере мог видеть Ворона и невольно подумал о том, каково сейчас Хань. Отключив связь, она оказалась полностью отрезана от окружающего мира.

Досчитав до ста, они с надеждой включили радио, но щелчки причиняли такую боль, что никто не мог выдержать больше нескольких мгновений. Упражнения в счете грозили затянуться до бесконечности.

В темноте Хань нащупь нашла руки Танцующей в Облаках и Молчаливой. Их прикосновение было для нее единственной реальностью, если не считать шороха собственного дыхания. Никогда еще она не чувствовала себя такой беспомощной — и только сейчас поняла, в какой степени она зависит от остальных. Это открытие ей совсем не понравилось, и к тому же она никак не могла уяснить себе, что же произошло. До сих пор ни один человек не был внутри такого корабля, не считая колонистов девять столетий назад, — но они были всего лишь грузом.

В мозгу у нее вспыхивали ужасные предположения. Не подходит питание... Короткое замыкание... А возможно, огромный корабль оказался слишком сложным для Звездного Орела и таким же чуждым, каким его разум был для нее.

Не отпуская руки Хань, Танцующая в Облаках повернулась и взглянула в темноту, скрывающую недра корабля. Вдруг она охнула и, крепче сжав руку китаянки, затеребила остальных. Наконец Колль повернулась и увидела то, что так поразило Танцующую в Облаках.

Вдали змеились огньки, они росли, приближались, разбегались во всех направлениях, а спустя мгновение стало ясно, что это такое.

Светильники по краям висячих мостиков загорались секция за секцией, и вскоре вся пещера древнего корабля была освещена мягким переливающимся светом.

Они попробовали включить радио. Помехи все еще были слышны, но теперь они стали гораздо тише.

— Слышит меня кто-нибудь? — спросила Рива Колль. Ее голос дрожал, хотя она старалась говорить уверенно.

— Я слышу... — Голос Козодоя звучал немногим лучше.

— Мы тоже, — откликнулись сестры Чо. — Разве это не великолепно?

— Мы тут чуть не сдохли, — простонал Сабатини. Танцующая в Облаках принялась подталкивать Хань, пока та не поняла, чего от нее хотят, и не включила радио. Они сделали перекличку.

— А здесь ничего, — доложил встревоженный Ворон, когда Танцующая в Облаках сказала ему, что снаружи включился свет.

— У нас по-прежнему темнота, но я чувствую какую-то слабую вибрацию, — сказал Козодой. — Как вы там?

— Еле живы, — ответила Хань, и голос ее звучал не так, как всегда. Исчезла ее обычная язвительная самоуверенность. Девочка перепугалась насмерть, подумал Козодой. В конце концов она все-таки человек.

Их прервало странное бормотание. Сначала оно было очень высоким, потом стало понижаться, словно

кто-то искал подходящую тональность. Наконец оно прекратилось, и незнакомый голос спросил:

— Есть кто-нибудь на связи? — Он звучал немного не по-человечески, словно бы запись мужского голоса проигрывали на слегка пониженной и постоянно меняющейся скорости. Эффект был потрясающий.

— Есть, — ответила Хань. — Это ты, Звездный Орел?

— Звездный Орел... Да, я отождествляю себя с этим именем. Это... затруднительно. Слишком много, слишком много всего и сразу. Все идет ко мне... Я стал таким огромным! Мне... нелегко... сосредоточиться на моем первоначальном сознании... отграничить себя. Но я пытаюсь... пытаюсь...

— Нам надо попасть на мостик, чтобы включить питание и системы жизнеобеспечения, — сказала Хань. — Это возможно?

— Вполне. Но сначала необходимо закрыть крышку люка и задействовать изолирующие цепи. Отсек командного модуля должен быть подведен в вакуумной изоляции и защищен от ударов и вибраций.

— Ты слышал, вождь? — спросил Ворон. — Понимаешь, о какой штуке он говорит?

— Теперь да, — ответил Козодой. — Мы все время на ней стояли.

Сперва они оба приняли эту плоскую часть пола за своеобразный помост. Сойдя с нее, они подняли пластину и поставили ее на место. Козодой растерянно огляделся:

— Но я не вижу креплений.

— Отойдите. Активирую запорный механизм, — предупредил корабль. Сквозь отверстия в пластине высынулись зажимы, раскрылись и слегка подтянули ее внутрь. Козодой решил, что это какое-то магнитное или вакуумное уплотнение.

Они выбрались наружу и не без труда установили и частично завинтили громоздкую крышку. И снова

корабль попросил их отойти, а потом огромная плита сама собой повернулась и встала на место.

— Теперь на мостик, — сказала Хань. — Ворон, ведите нас к верхнему люку.

После путешествия по коридорам и пандусам они вышли наконец в воздушный шлюз, ведущий на мостик, — полукруглое помещение размером примерно двадцать на тридцать метров. Вдоль стен из вороненого металла, возле приборных панелей и трех приземистых пультов, выстроенных в линию, стояли кресла для операторов. Сетчатые, с низкими спинками и без подлокотников, они выглядели весьма неудобными.

— Придется принести со старого корабля что-нибудь получше, — сказала Танцующая в Облаках. — Здесь не очень-то уютно.

— Довольно скучно, — критически заметила Рива Колль. — Такой большой корабль, и даже негде уединиться.

— Не вижу ни кухни, ни туалета, — пожаловалась Манка Вурдаль. — Не особенно приятное местечко.

— Сейчас я загерметизирую помещение мостика, — сообщил Звездный Орсл. — Влажность будет понижена, а содержание кислорода, наоборот, чуть выше нормы, но, пока я получше не разберусь в устройстве систем этого корабля, вам, как и мне, придется обходиться тем, что доступно. Со временем я смогу устроить вас поудобнее. Трансмьютеры просто огромны, наверное, у них невероятные возможности, но я не знаю, как с ними работать. И надо обеспечить более удобную связь с мостиком. Я прикажу ремонтникам позаботиться об этом. Боюсь, что первое время еда будет отличаться не слишком высоким качеством: мои пищевые программы предназначены для малого трансмьютера на старом корабле и здесь не особенно полезны. Ваши скафандры в состоянии справиться с жидкими отходами жизнедеятельности, но для всего остального вам придется приспособить

что-нибудь самостоятельно. Пока на всем этом корабле один-единственный туалет — на старом корабле, который лежит в грузовом отсеке.

— Что он называет трансмьютером? — спросила одна из сестер Чо.

— Такой большой корабль нуждается во многом и в то же время вынужден экономить пространство, — объяснила Хань. — Трансмьютер — это устройство, которое перестраивает молекулы по заданному образцу и делает точную копию любого предмета. Все, что мы сели на старом корабле, было сделано именно так, и, например, вчерашний салат вполне мог оказаться изношенными частями корабля или выхлопными газами двигателя. Здесь ничего не пропадает зря. Хирурги на Мельхиоре использовали небольшие трансмьютеры, чтобы ускорить работу надо мной. В определенной степени мы все этому подверглись. Например, наши татуировки — именно поэтому они кажутся одним целым с кожей и от них невозможно избавиться.

Каждый, кто попадал на Мельхиор в качестве заключенного, носил на лице узор из тонких линий. У всех, кроме Хань, он был серебристым, а у нее отливал красным металлом. Рисунок был строго индивидуален для каждого человека, а его цвет определял право доступа к определенному уровню. Только Ворон, Вурдаль и Сабатини не носили этих татуировок, но у них на Мельхиоре было другое положение.

— Когда-нибудь эти знаки станут почетным символом, — буркнул Козодой себе под нос.

— Так, значит, трансмьютер делает еду? И воду? И воздух? — спросила Чо Май. — Это волшебство богов!

— Просто техника, и ничего больше, — ответила Хань. — Машина, такая же, как и другие, но для нас очень важная. Этот корабль не приспособлен для того, чтобы кто-то летал на нем так, как собираемся лететь мы.

Танцующая в Облаках показала на кресла.

— А как тогда объяснить вот это? — удивлению спросила она.

— Если бы мы могли это объяснить, то смогли бы объяснить и Главную Систему, — сухо ответил Козодой.

— Герметизация закончена, — объявил Звездный Орел. — Можете снять скафандры. Температура воздуха в пределах комфортной зоны, но постараитесь избегать искр и открытого пламени. Избыток кислорода может вызвать небольшое головокружение и изменение голоса, так что будьте готовы к этому.

Все с наслаждением сбросили надевшие комбинезоны и растянулись на полу. Усталые, потные и совершенно беспомощные, они полностью зависели от компьютера, пытающегося овладеть искусством управления большим кораблем, и даже Сабатини полностью утратил боевой дух. Впрочем, он прекрасно понимал, что со всеми сразу ему не справиться, и поэтому вслух смирился.

Металлические стены и палуба все сие были холодными, но Козодоя это не беспокоило. Танцующая в Облаках и Молчаливая подошли и сели рядом. Он обнял их, думая о том, какое странное и пестрое сбродище представляет собой их экипаж. Молчаливая, сплошь покрытая яркими татуировками, сестры Чо, с пятнами на лицах — кусочками пересаженной кожи, Рива Колль, хрупкая пожилая женщина с длинным тонким хвостом, и Хань, на великолепном теле которой уже были явно видны признаки беременности. Можно было только гадать, выживет ли ребенок, и, если выживет, что им с ним делать.

И с чего они вообще взяли, что у них есть хоть какой-то шанс на успех? Черт побери, здесь даже они с Вороном так же невежественны и беспомощны, как Молчаливая. Козодой был голоден, его мучила жажда, как и всех, но приходилось терпеть. Ох, как и все, вынужден был ждать. Но чего?

Более чем в пяти тысячах километров от кладбища древних кораблей, вне радиуса действия автоматической оборонительной системы, но в пределах досягаемости локаторов и датчиков резервного флота дрейфовал еще один корабль. Он был невелик, но выглядел чрезвычайно элегантно и был гораздо быстрее любого корабля, по крайней мере в пределах Солнечной системы.

Арнольд Нейджи, начальник Службы безопасности Мельхиора, откинувшись в своем любимом мягким кресле, лениво поглядывал на экраны. Он скучал и пребывал в унынии. После провала заданияозвращение для него стало невозможным. В определенном смысле он был таким же беглецом, как и те, кого он преследовал, только удобнее устроившимся.

Другой человек, постарше, выбрался из нижнего отсека и плюхнулся в соседнее кресло. Даже Главная Система, всесильная, почти всемогущая повелительница всей известной Вселенной, была бы потрясена, увидев его здесь, ибо в то же самое время он пребывал под арестом на Мельхиоре, где ходячи на Валы.

Однако доктор Айзек Клейбен был очень умен. В течение более чем трех десятилетий он успешно дурачил Главную Систему, совмещая исправительную колонию с Исследовательским центром, и методично прощупывал все области запретного знания в поисках утаенных Главной Системой сведений о чудесах ее технологии. Для такого человека было детской забавой создать свою точную копию, как две капли воды похожую на оригинал, но со стертым разумом. И теперь для Главной Системы, по сути дела, он просто не существовал. Однако Клейбен не только был жив, он сохранил разум и все свои способности, да к тому же еще сумел спасти свои архивы. К счастью, Главная Система об этом не подозревала, ибо в противном слу-

чае за доктором была бы организована такая же охота, как за Козодоем и его друзьями. Благодаря Козодою Клейбен тоже знал о пяти золотых перстнях и во многих отношениях был лучше оснащен технически для того, чтобы добыть их. Он не имел представления, где они могут быть, но предполагал, что беглецам известны по крайней мере имена их владельцев. Проще всего было бы договориться с ними, но присутствие Хань и Ривы Колль полностью исключало такой вариант. У Хань были причины ненавидеть его — и гораздо больше причин, чем она думала, — а что касается Колль — это был особый случай.

— Ну как там? — спросил Клейбен. Нейджи молча покачал головой. — Им бы не помешало поторопиться. Максимум через несколько дней сюда прибудет флот Главной Системы, Валы и черт его знает что еще. А по такой мишени промахнуться трудновато.

— Слишком много «если», — возразил Нейджи. — Их кораблю здорово досталось. Они проникли внутрь, но кто знает, в каком сейчас состоянии этот гигант, воздух, пища, вода — и в любом случае: как можно управлять этим летающим городом? Пожалуй, нам пора позаботиться о собственных шкурах. Часов шестьдесят еще можно подождать, но это крайний срок. Когда дело касается выживания человеческого рода, Главная Система действует весьма решительно.

— У них получится, Арнольд. Я знаю, что получится. Хань поведет корабль, а Колль укажет дорогу. Если мы потеряем их, то потеряем и все шансы добыть перстни. А без перстней, Арнольд, нам с тобой крышка. На флибустьеров надежды нет, а для того, чтобы стать колонистами, нужен большой трансмьютер. Нам некуда бежать.

Нейджи грустно вздохнул:

— Да. В определенном смысле их положение гораздо лучше. Семь женщин и всего трое мужчин. До-

статочно выбрать подходящую планету, а восстание пусть поднимают потомки.

— Шесть женщин, Арнольд. Шесть женщин, трое мужчин и монстр.

— Пусть так, но все же шесть к трем гораздо лучше, чем ноль к двум. А что, док, есть вариант, что Колль перебьет их всех и сама отправится за перстнями?

— Вряд ли. Во всяком случае, не сразу. Она будет их использовать, пока ей не придется выбирать между своей жизнью и их. И потом, боюсь, она надеется сама заграбастать перстни... Словом, первое время она будет заодно с остальными. — Он тяжело вздохнул. — Не знаю, Арнольд. Все очень сложно и непостижимо. Столько сторон в игре, столько игроков...

— Да, но я... — Нейджи не договорил и сел прямо, впившись взглядом в экраны. — Они включили силовые установки! Черт бы меня побрал, они оседлали этого левиафана! Он набирает энергию!

Клейбен тоже уставился на экран:

— Да, ты прав. Ну вот тебе и ответ на все твои вопросы. Они живы, они управляют кораблем, и, как только наберут достаточно энергии, они отправятся.

— Мы должны быть наготове. Нам нельзя опоздать на этот поезд.

2. ПИРАТЫ «ГРОМА»

Звездный Орел делал все, что мог. На большом корабле было множество ремонтных роботов, но в основном они оказались слишком узко специализированными и не годились для нового экипажа. Впрочем, за неимением лучшего кое-какие могли принести пользу. Один, веретенообразный, с клешнями и хвостом, натащил с прежнего корабля множество необходимых вещей. Например, старый кожух от какого-то механизма с подходящей дырой наверху превратился в переносной туалет. Из него воняло, он был не особенно удобен, но на первое время годился. Каждые двенадцать часов маленький робот уносил его, чтобы почистить и продезинфицировать.

С водой проблем не было. В огромных баках корабля хранилось больше, чем требовалось, а при необходимости они могли получить сколько угодно дистиллята в качестве побочного продукта. С едой было посложнее — Звездному Орлу пришлось импровизировать с тем, что было под рукой, и в результате получились большие кубики блекло-зеленого цвета, по консистенции напоминающие глазурь, а по вкусу — нечто среднее между сеном и клейстером. Однако они были съедобны, не расстраивали желудка и содержали минимум калорий, необходимый для поддержания жизни. Прочие удобства отложили на потом. Пора было сниматься с места, и Звездный Орел поспешно учился пилотировать большой корабль. В его распоряжении была уйма информации, но она оказалась ча-

много сложнее, чем та, к которой привык компьютер, запрограммированный на вождение межпланетного транспорта. Даже ее объем представлял значительную проблему. Но все, включая и Звездного Орла, знали, что часы пущены. Возможно, к ним уже приближаются тяжеловооруженные корабли Главной Системы.

Впрочем, огромный корабль никак нельзя было назвать беззащитным. Он был оснащен различными видами вооружения, не считая тех вещей, которые можно использовать как оружие. Видимо, наметив и разведав маршруты перелетов, Главная Система решила подстраховаться, но, пришлось ли ей действительно столкнуться с серьезным сопротивлением, теперь уже узнать было невозможно.

Подключение и проверка систем заняли три дня. Связь с пилотом все еще оставалась крайне неудобной. Он мог подать сигнал на экраны мостика о том, что хочет побеседовать, но разговаривать приходилось через рации скафандров. И все же Звездный Орел был уверен, что сможет лететь, — но куда?

— Для начала все равно, — сказал Козодой. — Просто подальше отсюда. И подальше от оживленных маршрутов, разумеется.

— То, что всем твоим звездным картам по девятьсот лет, не имеет особого значения, — утешала пилота Рива. — Конечно, кое-что изменилось, но не настолько, чтобы нельзя было бы сделать поправку.

Она работала со Звездным Орлом, стараясь найти самый легкий способ отображать звездные карты и координатные сетки на экранах мостика.

— У меня не хватило бы времени объяснить вам, как работает межзвездный привод, — говорила она остальным, — даже если бы я это знала. Самое лучшее представление о нем может дать листок бумаги, если его изогнуть вот так. Пространство изогнуто примерно так же, и кратчайший путь ведет не по поверхности, а напрямую. Надо проколоть дыру здесь и выйти на-

ружу там. Конечно, тут намешано еще много чего: черные дыры, гравитационные искривления и все такое. Не смотрите на меня так, я только летала, и мне не обязательно было все понимать. В чистом виде это выглядит так: вы говорите пилоту, куда хотите попасть, а он рассчитывает траекторию и доставляет вас на место в течение дней или недель вместо лет или столетий, которые понадобились бы при обычном способе. Расчет скорости, энергии и времени прыжка — все делает он. Я предложила Звездному Орлу несколько маршрутов, но у него есть возражения.

— Район, который она предлагает, плохо картирован, — объяснил пилот. — Разумеется, звезды нанесены точно, но подробностей никаких. Он не предназначался для колонизации. И потом, чтобы добраться туда, нам придется делать множество проколов и часто пересекать регулярные трассы, ведущие к дальним колониям.

— Да ну! Стоит ли беспокоиться! — фыркнула Колль. — Шансы попасть в зону действия локаторов какого-то корабля ничтожно малы, и, даже если такое случится, мы без труда справимся с любым транспортом. На них нет или почти нет вооружения. С кем им сражаться на территории Главной Системы?

— Меня больше беспокоят наблюдательные и навигационные станции, — ответил Звездный Орел. — Нас могут засечь, а мы не будем об этом знать. Межзвездный прокол всегда делается по прямой. Чтобы изменить направление или скорость, приходится выходить в обычное пространство, исправлять курс и начинать новый прокол. Количество затраченной на прокол энергии определяет пройденное расстояние. Достаточно замерить его, определить курс и скорость — и можно легко рассчитать место назначения.

— Ты не очень хитер, пилот! — сказала Колль. — Я тебе объясню, как сбить их с толку. Пока мы не вый-

дем из опасной области, делай множество коротких проколов. Каждый прокол увеличивает количество возможных направлений, и даже Главная Система не сможет проследить такое множество переменных.

— На это потребуется время, — заметил компьютер. — И частые дозаправки. Если пойти более или менее по прямой, мы доберемся за двадцать семь стандартных дней, но, если поступить, как вы предлагаете, этот срок увеличится в три, а то и в четыре раза.

— Но ведь в конце концов мы туда прилетим, — возразила Колль. — А главное — прилетим незамеченными. И до тех пор у нас по крайней мере будет время сделать из этой жестянки сносное жилище. Проложи курс с минимумом экспоненциальных переменных и натяни нос всяким ищечкам. Если они застанут нас здесь, нам уже будет все равно.

Все проголосовали — кроме, разумеется, Сабатини — и согласились с ее планом.

— У меня достаточно энергии, — сообщил Звездный Орел. — Можно отправляться.

Вибрация, к которой они уже успели притерпеться за это время, стала постепенно усиливаться.

— Всем лечь на пол, устроиться поудобнее и ухватиться за что-нибудь прочное, — приказала Колль. — Прежде чем сделать прокол, нам необходимо набрать скорость.

В сорока тысячах километрах отсюда Арнольд Нейджи подскочил в кресле:

— Они двинулись, док! Они пошли!

— Пристегивайся! — крикнул снизу Клейбен. — Набирай коды, поддерживай дистанцию и наблюдай! Нам нельзя их потерять!

Громадный корабль пробуждался. По всему корпусу загорелись красные и зеленые огни, огромные двигатели в корме полыхнули ослепительным сиянием.

Сначала очень медленно, потом все быстрее и быстрее исполин стал разворачиваться, готовясь поки-

нуть своих собратьев, остающихся на орбите вокруг Юпитера. Все, что не было закреплено, поплыло к задней стене мостика, и к биению огромного пульса присоединился новый, незнакомый звук.

— Гром, — прошептала Танцующая в Облаках. — Так рокочет дальняя гроза над прериями. Воистину, это могучий корабль. У него есть имя?

— Вряд ли, — ответил Козодой.

— Тогда назовем его «Гром», — сказала она. — Это имя внушиает почтение, в нем его голос, жизнь, душа.

— А что скажут остальные? Звездный Орел! Стоит ли нам назвать этот корабль «Гром»?

— Очень подходящее имя, — сказала Хань.

— И его легко запомнить, — добавила Чо Дай.

Компьютер согласился:

— Значит, мы будем называться «Гром». По-моему, имя хорошее.

— А меня блевать тянет, — сказал Карло Сабатини.

Корабль набирал скорость поразительно быстро для такой громадины. Через два часа он разорвал цепи могучего притяжения Юпитера и пошел по высокой дуге, которая сперва уводила его от гигантской планеты, а потом возвращала к ней, чтобы еще сильнее разогнаться в ее гравитационном поле.

Для всех, кто был на мостике, долгие часы разгона и связанных с ним ограничений сначала были волнующими и немного пугающими, а потом всем стало предельно скучно. Но наконец ускорение завершилось, и они снова смогли свободно передвигаться. Вibration и шум утихли, но не совсем.

— Нас преследуют, — внезапно сообщил Звездный Орел. — Один корабль. Небольшой. Конструкция неизвестна. Я провел поиск по всей базе данных, но аналогов не нашел. Очень мощный. Возможно, способен к межзвездным перелетам.

Рива Колль встревожилась:

— Главная Система? Вал?

— Он немного похож на их корабли, но не более того. Кроме того, мои датчики показывают, что на борту задействованы системы жизнеобеспечения. Нельзя сказать наверняка, но, похоже, это бродячий корабль, вроде нас.

Хань задумалась:

— Вероятнее всего, Мельхиор. Те истребители, которые они пустили против нас, тоже были неизвестной конструкции. Это не может быть один из них?

— Вряд ли, — ответил пилот, — системы вооружения близки к тем, которыми были оснащены те истребители, но они были без экипажей. Что посоветуете?

Они немного посовещались.

— Пока ничего, — ответила наконец Хань. — Сделаем вид, что мы их не заметили. Ты уверен, что корабль только один?

— Да. Один.

— Ну что ж, пусть следует за нами. Если он попадет в зону действия нашего оружия, окликни его и прикажи сдаться или уничтожь его. Если нападет, защищайся. А вообще сейчас самое главное — уйти подальше от Солнечной системы. Если корабль с Мельхиора, то построен он явно незаконно, а его экипаж наверняка занят запрещенной деятельностью. По-моему, они следили за нами, а теперь хотят, чтобы мы привели их к кольцам. Разберемся с ними позже.

— Принято. Я принимаю слабый, но отчетливый сигнал на всех частотах пространственной и подпространственной связи. Приказ остановиться. Главная Система знает о «Громе».

— Как и предполагалось, — заметил Ворои. — Боюсь, скоро нам станет жарко, словно на погребальном костре. Каковы шансы, что нас перехватят?

— Очень малы. Пренебрежимо малы. Некоторые корабли способны нас догнать, прежде чем я успею начать прокол, но они не в состоянии справиться с нашими оборонительными системами. Такого оружия

больше не делают. Самая большая огневая мощь у кораблей Валов, но и она немногим больше, чем у тех истребителей, которые послал против нас Мельхиор. Мой блок, отвечающий за безопасность, сообщает, что этот корабль был способен справиться с любой системой вооружений, существующей на момент его построения. А тогда корабли вооружались гораздо сильнее, чем сейчас. В худшем случае против нас могут послать другой такой же корабль, но это очень маловероятно, и от него легко уклониться. Компьютер безопасности полагает, что Главная Система может разработать корабли, предназначенные специально для борьбы с нами, но это займет немало времени. Если мы сможем убраться отсюда вовремя, а потом будем осторожны, то нас вряд ли найдут, не говоря уже о том, чтобы застать врасплох.

— Итак, нас просто обложат, — уныло заметил Ворон. — Запертые в этом чудовище, мы не представляем для Системы особой угрозы. Они просто объяют общую тревогу и будут ждать, пока мы не сделаем свой ход.

Козодой вздохнул:

— Да. Пусть нам известно, где находятся три перстня из пяти, но добрая старая Главная Система наверняка знает, где они все. Бьюсь об заклад, она уж за ними присмотрит. И в отличие от этих подонков с Мельхиора, что висят у нас на хвосте, ей не нужно за нами гнаться. Ей достаточно ждать, пока мы не придем сами.

— Компьютеры отличаются безграничным терпением, — мрачно заметила Хань.

Козодой поскреб подбородок:

— Давайте-ка не будем унывать. Может быть, это так же невозможно, как и то, что нам уже удалось сделать.

Через несколько часов пилот доложил:

— Скорости для прокола достаточно, и мы отдалились от Юпитера настолько, что я могу скомпенсировать влияние его поля притяжения. Возможны некоторые неблагоприятные эффекты, но я никогда прежде этого не делал, так что ничего определенного сказать не могу.

— Ничего особенного и не ждите, — ободряюще заявила Рива. — Грохот будет такой, словно корабль разваливается, но на этот счет не беспокойтесь, как только мы окажемся там, сразу станет тихо, как в могиле. У вас могут возникнуть странные ощущения и даже галлюцинации, но они продлятся недолго. Так что лучше всего сесть или лечь, потому что в первый раз почти у всех кружится голова. Впрочем, это быстро проходит и с каждым разом чувствуется все меньше и меньше. Успокойтесь и не поддавайтесь страху.

И все же они нервничали, несмотря на все заверения Колль. Наконец прокол начался.

Прежде всего резко подскочила вибрация, сопровождаемая оглушительным ревом. Потом огни замигали и рев стремительно стих, словно заткнули исполнинскую глотку. Вибрация почти прекратилась, но накатила волна головокружения, и каждый на мостике почувствовал, что его внимание помимо воли приковано к чему-то: к предмету, к ощущению, к другому человеку. Даже Хань, казалось, видела что-то в своем мире постоянной темноты.

Козодой не мог отвести взгляда от слепой девушки; казалось, ее тело мерцало, как призрачное видение ошеломляющей красоты. Оно всплыло в воздух и медленно приблизилось к нему, на глазах превращаясь в отвратительное костлявое чудище. Зубастая пасть распахнулась, надвигаясь на него...

Он вскрикнул, и внезапно все встало на свои места. Обливаясь холодным потом, он с трудом перевел дыхание и огляделся. Остальные выглядели по-разному, но каждый из них явно видел что-то свое. Сабатини

был напуган до смерти, а сестры Чо дрожали, прижавшись друг к другу. Ворона и Вурдаль видения, похоже, успокоили меньше всего.

Рокот смолк, осталась только очень слабая, но постоянная вибрация, доходящая сквозь стены и пол, словно бы издалека. Никто, кроме, возможно, Колль, не разбирался в том, что произошло, но Козодой понял самые основы. Они больше не принадлежали Вселенной. Они попали в некое «другое место» и пересекали складку пространства-времени по кратчайшему пути.

Эта мысль пугала и вселяла трепет, но прежде всего она означала одно.

— Черт меня побери, — медленно сказал Ворон, не обращаясь ни к кому в отдельности. — Мы и в самом деле удрали.

Перелет на сотни, возможно, тысячи световых лет через подпространство был поразительным делом, но даже он требовал времени, и в основном оно было потрачено на обустройство жилища. Звездный Орел овладел наконец системами корабля и, подготовив целую армию роботов-крыс, превратил несколько отсеков в носовой части в более или менее сносные каюты. Старый корабль был постепенно разобран, и его важные детали модифицировались и воспроизводились трансмьютерами «Грома». Обрывка ковра из пассажирского салона оказалось достаточно, чтобы изготовить ковровое покрытие для мостика и новых кают. Туалет тоже был модифицирован и размножен в нескольких экземплярах, а в качестве канализации можно было использовать обширную сеть трубопроводов «Грома». Копия автоматического трансмьютерного камбуза позволила наконец вернуться к прежнему меню, а кресла на мостики были заменены дубликатами более практичных и удобных кресел из пассажирского салона. Поскольку «Гром» ничего не расходовал окончательно, экипаж

смог позволить себе даже душевую, хотя по причине невесомости пришлось ограничиться закрытой одноместной кабинкой.

Не менее важна была система связи между людьми и Звездным Орлом: тут требовался центральный усилитель и периферийные устройства, которые можно было бы установить по всему кораблю. Много времени ушло на то, чтобы научить трансмьютеры работать с эскизами, сделанными людьми, зато потом появилась возможность изготавливать такие вещи, как мебель или новую одежду. Женщины выбрали для себя платья с мягкой подкладкой, и только Вурдалъ предпочитала носить брюки и рубашку, как мужчины.

Хань и Рива Колль установили на капитанском мостике шлемы интерфейса. Хань тревожилась, смогут ли они работать здесь так же, как на старом, меньшем корабле, и мечтала вновь объединиться со Звездным Орлом, пилотирующим исполинский корабль.

В помещении мостика повесили газоразрядные трубы, но света все равно не хватало, и к тому же он был слишком рассеянным. В обычном состоянии у них не было бы проблем с энергией, но в подпространстве единственной реальностью оставался корабль, и за его стенами, если верить пилоту, не было ничего. Совсем ничего. Это значило, что весь расход энергии зависел от материалов, имеющихся на борту корабля, и всякая модификация приводила к невосполнимым потерям. В итоге все сошлись на том, что не следует разрушать корабль изнутри ради излишних удобств, пока не станут известны пределы возможностей трансмьютеров или пока они не освоются на новом месте.

И разумеется, они начали исследовать корабль.

В транспортном отсеке оказалось более двадцати тысяч ячеек для людей. Таких кораблей существовало около сотни, а когда началось осуществление грандиозного плана, население Земли достигало шести мил-

лиардов. Это означало, что в течение двухсотлетней истории межзвездной колонизации каждому кораблю пришлось совершить сотни рейсов. Документы не давали точных временных указаний, но, без сомнения, «Гром» был поистине кораблем-ветераном.

Козодой не мог отделаться от мыслей о невольническом корабле.

— Сколько планет отмечено как предназначенные для заселения? — спросил он Звездного Орла.

— Четыреста сорок семь, — ответил тот. — Но возможно, это не все. Колонизируемая область охватывала приблизительно сорок тысяч световых лет.

Козодой быстро прикинул в уме. Значит, на одну планету приходилось всего тринадцать-четырнадцать миллионов!

— Первоначальное население было невелико, — согласился компьютер. — Как и на Марсе, который, как вы помните, был прототипом. Однако сейчас марсиан почти двести миллионов, даже при их низком уровне рождаемости. Вы забываете, что прирост населения Земли ограничен и тщательно регулируется, но в иных мирах это не обязательно так. Вполне возможно, что мы обнаружим планеты, населенные миллиардами, наряду с планетами, на которых выжили лишь немногие, если там вообще кто-то выжил. Откуда нам знать?

— Четыреста сорок семь, — критически заметил Ворон. — И это в лучшем случае. Хорошо, что мы хоть знаем, где находятся три перстня.

— Ну ты и оптимист! — не удержался от колкости Козодой. — Мы знаем только названия планет, но ни о самих планетах, ни о том, сколько там «людей, облеченных властью», нам ничего не известно. И еще остается четыреста сорок четыре мира, на одном из которых валяется четвертый перстень. Не исключено, что его найдут только наши правнуки. Или праправнуки.

— Не тревожься, вождь. Его найдем мы. Не для того мы забрались в такую даль, чтобы сорваться на

этом. Вот стянуть его, да и все остальные, — это будет та еще работенка.

— Прошу прощения, — вмешалась Чо Дай, — но могу ли я спросить, почему Главная Система, если она знает то, что знаем мы, просто не собирает и не спрячет четыре перстня или все пять, пока мы еще не успели добраться до них?

Это был хороший вопрос.

— Ну что тебе сказать, — ответил Козодой. — Такая возможность остается, но я думаю, этого не будет, и по нескольким причинам. Прежде всего, эти перстни — единственный путь к нам. Если Система желает нас поймать, она должна использовать их как приманку. А во вторых, происходит что-то странное. Я не могу отделаться от ощущения, что во всем этом участвуем не только мы. Может быть, порасспросишь Ворона?

Кроу удивленно поднял брови:

— Не понимаю, о чём ты, вождь. Я выложил тебе всю правду. Я не знаю никого, кроме Чена. Слово чести.

Козодой, разумеется, сомневался, много ли стоит честь Ворона, но понимал, что настаивать бесполезно. Вполне возможно, что бывший работник безопасности говорил правду. Но почему Чен, собрав такую группу — именно такую, — был уверен, что их шансы на успех больше, чем шансы снежка уцелеть в аду? Козодой тысячи раз задавал себе этот вопрос и тысячи раз не находил ответа. А ведь Чен был и хитер, и умен. Наверняка он, а возможно, и Ворон знали что-то еще, о чём Козодой не догадывался. Это *что-то* могло бы объяснить, как они сумели провернуть такое дело, как побег. Для успешного бегства с Мельхиора в правилах Главной Системы должна была иметься трещина размером с Большой Каньон. Но это же невозможно!

Надо сказать, что, обследовав «Гром» изнутри, они были слегка разочарованы. Несмотря на существование капитанского мостика с непонятными интерфейсами, корабль строился с учетом того, что люди будут

всего лишь грузом, и все романтические ожидания, порожденные в основном его размерами, улетучивались при столкновении с реальным миром сверкающего металла и стерильного пластика. Еще один парадокс: на экранах мостика Звездный Орел был способен показать больше, чем они могли бы увидеть сами, но, если корабль управлялся компьютерным мозгом, напрямую соединенным с подчиненными ему компьютерами обслуживания и безопасности, зачем тогда на мостике обзорные экраны?

Установка для входа в подпространство находилась в носу и была надежно защищена от досужего любопытства. Слово «прокол» годилось для объяснения ее работы не хуже любого другого. Пучок сфокусированной энергии открывал нечто вроде дыры в пространстве-времени, и корабль устремлялся туда, окутанный полем, защищающим его от внешних воздействий. Мощные кормовые двигатели применялись только для маневров внутри звездных систем и швартовки, а в течение межзвездного перелета не использовались вообще.

Верхняя, если смотреть с капитанского мостика, часть корабля состояла из объемистых баков. Они были заполнены газами, топливом и всем, что могло потребоваться для обеспечения сохранности живого груза и функционирования корабельных систем. Если у «Грома» и было слабое место, то оно находилось именно здесь. Впрочем, баки были исключительно хорошо бронированы, а над ними размещались служебные комплексы. Противнику, прорвавшемуся через заслон из четырнадцати малых автоматических истребителей, составляющих первую линию обороны, нелегко было бы одолеть эти системы.

Ниже баков располагались четыре обширных грузовых отсека, в одном из которых покончились останки межпланетного корабля, доставившего их с Мельхиора. Все отсеки были оснащены сложным грузоподъем-

ным оборудованием, способным дотянуться почти до любого уголка, и в каждом отсеке имелся независимый трансмьютер средних размеров.

— Одного не могу понять, — сказал как-то Ворон, — каким образом людей загружали и выгружали. Если с помощью шлюпок — то где же причалы?

— Все происходило совсем иначе, — объяснила Хань. — Трансмьютер — суть всего замысла Главной Системы. Поистине, это волшебная палочка. Те роботы, которыми пользуется Звездный Орел, были всего лишь чертежами, хранившимися в корабельных банках памяти, но достаточно было подать на трансмьютер эту информацию вместе с необходимым количеством массы — выхлопных газов, отходов, обломков, мусора, как она трансформировалась в лучистую энергию, а затем переформировывалась в твердое вещество, но уже иного качества. На носу расположены заборники, которые вылавливают космический мусор — мелкие метеориты, пыль, газы — и помещают его в сжатом виде в запасные баки. Находясь в подпространстве, корабль использует собранный материал, чтобы поддерживать свое существование. Когда мы только тронулись, баки были почти пусты, но в окрестностях Юпитера корабль заполнил эти баки.

— Да, но люди?

— Можно изменять предметы, но никто не запрещает и копировать их. Причем с абсолютной точностью. Все, что принимается, заносится в каталог и может быть восстановлено в прежней форме. Мы могли бы поместить в трансмьютер вас, превратить в энергию и передать ее в этом виде на приемный трансмьютер. Там вы снова стали бы самим собой. Весь процесс занял бы ровно столько времени, сколько требуется свету, чтобы пройти расстояние между передатчиком и приемником.

— Космическое путешествие без кораблей, — восхитился Козодой. — Невероятно.

— В очень ограниченных пределах. Прежде всего необходимо создать целую сеть трансмьютеров, и кроме того, сигнал должен быть достаточно мощным, чтобы избежать потерь при передаче, а это ограничивает дальность. И наконец, передача возможна только по прямой, и то при очень благоприятных условиях. В прежние времена разведывательные корабли устанавливали на подходящих планетах приемные трансмьютеры. Затем наступала очередь пассажиров. Их передавали по одному, и на выходе получалось то же самое, что поступало на вход. В главном грузовом трюме есть подвижная трансмьютерная система, очень похожая на пушку. Она двигалась вдоль ячеек, и людей, которых усыпили на Земле, передавали прямо сюда. После прибытия на планету все происходило в обратном порядке. Люди, наверное, даже не знали, что их ждет. Они засыпали на Земле, а просыпались в незнакомом мире.

— Но не обязательно в прежнем виде, — заметил Ворон. — Я как-то видел марсиан. Они произошли от людей, а сейчас по ним уже этого не скажешь.

Хань кивнула, соглашаясь:

— В этом состояла задача отсутствующего чиствертого модуля. Он был напичкан всей необходимой биологической информацией, и, пока корабль находился в пути, трансмьютер грузового отсека делал еще один проход вдоль ячеек. Каждый человек снова превращался в энергию, а потом становился уже другим существом — существом, способным жить и выжить в предназначенному для него мире. Терраформинг занял бы тысячу лет, а Главная Система не могла ждать. Быстрее было переделать людей, но для этого требовалась большая точность, и, вероятно, с первого раза получалось не всегда. На новую планету сперва посыпали опытные образцы, и только потом начиналась массовая трансмутация и переброска остальных колонистов.

Это был единственно логичный способ, но цена его, считая в человеческих жизнях, была очень высока.

— Но даже если так, — вмешался Козодой, которому все сказанное внушало ужас, смешанный с некоторым благоговением, — при этом изменялось только тело, а не разум, привыкший мыслить в человеческих понятиях. Многие, вероятно, просто сходили с ума.

— Да, безусловно, — безмятежно согласилась Хань. — Хотя подозреваю, что с помощью ментонпринтеров эту опасность можно было свести до минимума. Скажем, снять информацию с первых колонистов и впечатлать ее новичкам перед отправкой. Мы говорим между собой на английском языке, который выучили похожим образом. Отчего бы и там не сделать нечто в этом роде? Научить хотя бы основам.

Внезапно Козодою пришла в голову весьма неприятная мысль:

— Ты говоришь, для переправки обязательно нужна приемная станция? Так как же мы попадем туда, куда нас ведет Колль? А когда отправимся за перстнями, как будем высаживаться на планеты? Если даже предположить, что приемники там еще работают, мы не сможем ими воспользоваться. Это же все равно, что вору подойти к подъезду дома своей жертвы, постучать и представиться.

— Мы в состоянии высадиться на поверхность любой планеты, не включенной в Систему, — сказала Хань. — Звездный Орел уверяет, что сможет дублировать приемную станцию и послать дубликат на одном из истребителей, хотя я подозреваю, что все не так просто. Пробраться в обитаемый мир действительно намного сложнее, особенно учитывая, что «Гром» неизбежно привлечет к себе внимание. Над этим придется еще подумать.

— Подумать! — пробурчал Ворон. — В этих вещах мы разбираемся не лучше, чем Молчаливая!

— Ну и что? — спокойно ответила Хань. — Разве, работая в Центре, вы знали точно, как и почему зажигается свет или доставляется еда? А обогрев, кондиционирование воздуха и все остальное... Я умею водить скиммер, но весьма смутно представляю себе, как он устроен. Я могу использовать мощные компьютеры, но на самом деле не знаю, как они мыслят и на чем основаны. Не обязательно понимать, как действует вещь, чтобы ею пользоваться. Скольких людей убили стрелки, не имевшие ни малейшего представления о баллистике! Даже Звездный Орел понимает не все из того, что делает. Он никогда не предназначался для вождения такого огромного и сложного корабля, но тем не менее получил доступ к инструкциям и успешно их выполняет.

— Удачное замечание, — сказал Козодой. — Итак, мы, дикари, вполне можем со всем этим справиться. По-моему, настало время собрать совет и решить, что делать дальше.

Подождав, пока все рассядутся в кружок на полу мостика, Козодой заговорил, тщательно подбирая слова.

— Я созвал это собрание, но прошу не обвинять меня в узурпации власти, — начал он, понимая, что кое-кому эта церемония может показаться странной. — У моего народа это был бы совет племени, на котором сообща устанавливаются правила, цели и порядок действий. Все мы происходим из разных мест, у нас разный опыт, мы думаем на разных языках, и у некоторых из нас меньше общего с другими, чем можно себе представить. И все же нас кое-что объединяет. Во-первых, все мы беглецы и над нами висит смертный приговор. Во-вторых, мы все обладаем некоей тайной. Мы знаем, что существует способ одолеть Главную Систему и полностью свергнуть диктатуру машин. Нам не с кем разделить эту ответственность,

и мы, нравится нам это или нет, связаны одной веревкой. Нам удалось бежать, но пока мы бежим в ничто, в никуда, без какой-то определенной цели, и, прежде чем определить эту цель и решить, что нам делать дальше, следует избрать старшего, не властителя или вождя, а просто председателя собрания.

— Ты вполне подходишь, вождь, — высказался Ворон. — Я за то, чтобы ты вел собрания и говорил речи. Одни из нас разбираются в людях, другие в машинах, но только у тебя есть подходящее образование, чтобы схватить общую картину. Есть возражения?

Некоторые опустили глаза, но возражений не было.

— Хорошо, я принимаю руководство, но, как только большинство сочтет, что я плохо с нимправляюсь, я тут же подам в отставку. Своим заместителем я назначаю нашу Хань. Мне кажется, что мы с ней больше способны к планированию, чем к непосредственным действиям. Ну да ладно... Итак, первый важный вопрос. Капитан Колль, куда мы направляемся?

— В Дикий край, сэр. В дебри. Эта область лежит на расстоянии двух проколов от любых известных межзвездных трасс. Когда-то Главная Система разведала ее в общих чертах, и на некоторых планетах проводились эксперименты, но без особого толку. Впрочем, там есть несколько звездных систем, которые подают кое-какие надежды, и, возможно, при поддержке «Грома» нам удастся организовать наземную базу. Невозможно же постоянно жить взаперти в этой жестянке. Это вредно для здоровья, и она слишком заметна. Если мы решим навсегда связаться с ней, нам придется все время быть в бегах и делать прокол за проколом до тех пор, пока мы и сами не сможем найти обратную дорогу. Кроме того, не следует складывать все яйца в одну корзину. Надо, чтобы обязательно выжил кто-то, кто сможет рассказать человечеству о перстнях и обо всем остальном.

— А мне кажется, что корабль вполне подходит, — отозвалась Хань. — Его можно перестроить для большего числа людей, и он дает нам мобильность. И потом, я не думаю, чтобы мы смогли выжить во враждебном мире.

Сестры Чо одобрительно закивали. Но Козодой понял, что имела в виду Колль.

— Наш корабль понадобится нам для другого, — сказал он. — Совершить задуманное в одиночку нам не под силу. Система межзвездных перевозок полностью автоматизирована, но пока что она уязвима, а нам необходимы и другие межзвездные корабли. Нам нужны резервы. Нам необходимы информационные каналы. Значит, придется устанавливать связь с флибустьерами и со всеми, кто живет вне Главной Системы. Придется заниматься грабежом и разбоем, но при этом не выдавать Главной Системе своего присутствия. Нашим врагом может оказаться любой, даже те же флибустьеры. Капитан Колль права. Раз уж нам суждено стать пиратами, у нас должно быть место, где можно изучать и хранить нашу добычу. В конечном счете нам понадобятся союзники, и наконец, здесь, взаперти, невозможно растирь детей, а у нас ведь будут дети, не так ли, Хань?

Та хмуро кивнула:

— Да. Звездный Орел проверял трансмьютерную систему, и для эксперимента ему в конце концов потребовался человек. Она щекочет. Везде. И ничего больше. Невозможно даже понять, что происходит, пока все не закончится. Во время этой работы ему пришлось составить мою полную карту, вплоть до молекулярного уровня. Я уже знала, что люди Клейбена применяли ко мне трансмьютер, только не знала, с какой целью. Теперь мне это известно. — Эхо от металлических стен дробило ее глухой, бесстрастный голос на миллионы осколков.

В разговор вмешался Звездный Орел.

— Она подверглась основательной трансмутации, — сообщил он, — хотя внешне это почти не заметно. Я надеялся, что сумею в какой-то степени вернуть ее к нормальному состоянию, но это исключено. Возможно, ее смогла бы восстановить Главная Система, но мне это не под силу. Полной трансмутации присуща некоторая... нестабильность. Я знал это еще по опыту с малым трансмьютером на старом корабле. Каждый раз, когда что-то меняется, происходят небольшие потери, и их невозможно компенсировать целиком. Именно поэтому для трансмутации человеческого груза кораблю требовался отдельный компьютерный модуль: допуск на ошибки практически нулевой. Потери, которые она понесла на Мельхиоре, очень малы, но все, что будет сделано после, будет включать в себя и их. Восстановление может ее убить или изувечить. Есть косвенные признаки того, что нестабильность была, по сути дела, встроена в систему, но проявляется только при работе со сложными органическими объектами. Главная Система хотела, чтобы никто из тех, кого она переделывает, не мог вернуться в прежний вид.

— Я была... своего рода генетическим экспериментом, — объяснила Хань. — Меня создал мой отец. Моя красота — прошу не считать эти слова хвастовством — и мой интеллект были заложены именно тогда. Я была частью более обширного плана. Он мечтал создать расу, способную на нечто большее, чем время от времени обманывать Систему. Но я была всего лишь первой ступенью, одной из тех, кому предстояло породить следующее поколение, которое уже могло бы восстать. Но я не желала быть родильной машиной и считала отца бесчувственным и дурным человеком. Я бежала и попала в руки Клейбена, по сравнению с которым мой отец — ангел во плоти. Мельхиор был игровой площадкой Клейбена. Вероятно, это единственное место во всей известной Вселенной, где люди имели

неограниченный доступ к таким обширным знаниям и могуществу. Клейбен исследовал меня, понял, для чего меня готовили, и решил, что мой отец был прав.

— Но ты же бежала и от него! — вскричала Чо Дай.

— Не совсем. Они проанализировали все, что сделали генетики и биохимики, работавшие на моего отца, и добавили еще кое-что. Впрочем, эти изменения не наследуются. Им нужны были и мой разум, и мое тело, — но они хотели обеспечить свою безопасность, ведь мне предстояло работать с их лучшими компьютерами. Первоначально Мельхиор был исследовательской станцией, где Главная Система создавала марсиан. Там остался небольшой, но вполне работоспособный трансмьютер. Они использовали его во многих экспериментах. Капитан Колль — хороший пример тому.

— Я знакома с этим агрегатом гораздо лучше, чем ты можешь подумать, дорогуша, — загадочно заметила Рива.

— В любом случае они меня передали. Всю. Целиком. Остальное пусть вам расскажет Звездный Орел.

— Клейбен не хотел, чтобы Хань повторила на Мельхиоре то же, что устроила в Центре, — сказал пилот. — Вот зачем ему понадобилась ее слепота. Хань не просто не видит, из ее мозга убраны все центры для обработки зрительной информации. Эта модификация не генетическая, ее дети будут зрячими. Возможно, существует способ устраниТЬ эти повреждения, но я их не знаю. Кроме того, вся биохимия ее тела и мозга перестроена таким образом, что беременность для Хань — естественное состояние и в промежутках она практически не в силах управлять собой. Плюс ко всему ее устойчивость к вредным влияниям просто поразительна. Она будет очень медленно стареть и чрезвычайно быстро выздоравливать. Вполне возможно, что ее способность к воспроизведству сохранится в течение шестидесяти — семидесяти лет.

Все пораженно молчали. Шестьдесят, если не семьдесят, лет в беременности как в естественном состоянии...

— Даже в мое время знали средства управляться с такими фокусами, — заметила наконец Рива Колль. — Можно обмануть организм, или, уж если на то пошло, убрать насовсем кое-какие детали.

— Только не в этом случае. Ее тело рассматривает любой доступный мне способ воздействия как болезнь и нейтрализует его. То же самое происходит и с психохимией. Клейбен знал, что Хань уже использовала ментопринтер и химическую регуляцию, и позаботился о том, чтобы это не повторилось. Что касается предложения удалить репродуктивные органы, то тогда она станет неизлечимо душевнобольной. Пуля в голову, и то было бы милосерднее. Видите ли, они запустили ее ментокопию в компьютеры, и те разработали замкнутую систему. Быть может, Клейбен надеялся вывести собственную расу сверхлюдей, не знаю. Но пока Хань беременна, она может полностью распоряжаться своим разумом и способностями.

— Ну что ж, теперь по крайней мере все стало ясно, — с неожиданным оптимизмом заметил Козодой. — Нам необходим ее мозг, так что, как только ей что-нибудь понадобится, она это получит. Раз нам так или иначе придется растить второе поколение, то не исключено, что именно на его долю выпадет добыть последний перстень. Итак, нам нужна колония.

— Дело темное, вождь, — вмешался Ворон. — Проблема не только в этом. Я, как только услыхал об этих трансмьютерах, сразу смекнул, что это отличный способ попасть на любую планету, но теперь вижу, что все не так просто. Во-первых, у Звездного Орла нет ни кодов, ни всей этой генетической дряни, чтобы нас переделать, а во-вторых, даже если у него получится, это будет билет в один конец, а мне что-то не хочется превращаться в чудовище, не говоря уж о том, чтобы

застрять навсегда в чужом мире, пока кто-то другой будет запихивать эти чертовы перстни в задницу Главной Системе.

— Мудрое замечание, — согласился Козодой. — Но, боюсь, нам придется прибегнуть к трансмьютеру, по крайней мере в самом начале, и хотя такая жертва может потребоваться от любого из нас, а может быть и от всех, я не имел бы права никого просить об этом, сам оставаясь в стороне. Лично я готов принести любую жертву, вплоть до мучительной смерти, чтобы положить конец тирании, — но только в том случае, если эта жертва не будет напрасной. А если в результате нашими повелителями окажутся Ласло Чен или Айзек Клейбен, которые ничуть не лучше, я и пальцем не шевельну. Я достаточно знаком с историей, чтобы понимать, что сделать переворот и совершить революцию — далеко не одно и то же. Я предан нашей революции, насколько может быть предан человек, но я решительно не желаю заменять Главную Систему чудовищем в человеческом облике.

— Боюсь, я все же должен настаивать на устройстве планетарной базы, — вставил Звездный Орел. — Чтобы превратить этот корабль в нечто более удобное, мне потребуется время, и, кроме того, я нуждаюсь в независимости и активных действиях.

— Ну ладно, договорились, — сказал Ворон. — Вот мы высаживаемся, вот мы строим базу. А дальше что?

— Я уже говорил, пиратство, — ответил Козодой. — Нам необходима мобильность. У нас единственный действующий супертранспорт во всей известной Вселенной, но нам нужен и другой корабль, а еще лучше — несколько. Во-первых, мы выпотрошим их банки данных, во-вторых, переделаем. Оружие. Датчики. Собственная система связи и коды. Тогда настанет время выйти на флибустьеров. К этому моменту мы уже приобретем некую репутацию, но нам понадобятся разные сведения. Перед тем как отправиться на какую-

то планету, надо знать о ней. Что там за люди? Какова культура, язык, медицинские и биологические трудности? Кто стоит у власти и на чем она основывается, кто, проще говоря, может носить большой золотой перстень с узором? И знает ли кто-то о том перстне, о котором не знаем мы? Шаг за шагом, понемногу, с безграничным терпением и настойчивостью мы добьемся своего.

— Это невозможно, — сказала Хань.

— Вовсе нет. Трудно — да. Опасно — да. Надежно? Ни в малейшей степени. Но дело определенно не невозможное. Я все время обдумывал это, пока голова не затрещала, и, кажется, додумался. Теперь я знаю то, что Ворон, Вурдаль и Чен знали с самого начала. — Он пристально взглянул на кроу и карийскую красавицу. — Принцип требует, чтобы возможность успеха, пусть даже самая мизерная, сохранялась всегда, не так ли?

Кроу ухмыльнулся:

— В самую точку, вождь. Ты куда умнее, чем я думал. Рано или поздно мне пришлось бы это объяснить, но ты избавил меня от лишних хлопот.

— Я что-то не возьму в толк, — сказала Танцующая в Облаках. — Прошу простить мое невежество, но мне нужны объяснения. Я понимаю, что есть злой властелин и талисманы, которые могут лишить его могущества, но для чего это необходимо?

— Не расстраивайтесь, — сказала Хань. — Я понимаю не больше вашего.

— Вспомните историю, — настойчиво сказал Ко-зодой. — Главная Система необычайно могущественна, но она всего лишь компьютер. Компьютер, сконструированный людьми. Все ее действия — не более чем интерпретация команд, которые создатели этого компьютера в него вложили. Подумайте об этом. Команд. Ему дали команду найти способ помешать человечеству уничтожить себя сейчас и предотвратить подобную ситуацию в будущем. Это как в классичес-

кої сказке о договоре с демоном. Из страха или безрассудства люди вызвали могущественного демона и предложили ему полную власть над собой в обмен на безопасность. Они, как могли, старались не сгупить, но демон — на то он и демон — оказался намного умнее любого из простых смертных и, естественно, нашел лазейку. Он исполнил их желание — и овладел их душами, а также душами их детей и внуков до последнего колена.

— Но они должны были что-то подозревать, иначе не создали бы перстни, — отметила Хань.

— Именно так. Другими словами, это была часть сделки. Демон ведь тоже обязан был буквально исполнить желание. Перстни — талисманы, как их называет моя жена, — всего лишь символизируют собой определенные гарантии. Они должны находиться в руках людей, облеченных властью, и, если перстень потерян или уничтожен, немедленно изготавливается дубликат и вручается тому же властителю. Но если смотреть глубже, это значит, что Система должна обеспечить любому человеку право отправиться на поиски перстней, найти их и использовать. Это право заложено в основной программе Главной Системы, не подлежащей изменениям. Теперь вам ясно?

Хань кивнула. Даже Танцующая в Облаках, Рива Колль и сестры Чо явно уловили суть. Сабатини мрачно молчал в своем углу, а Молчаливая была бесстрастна, как всегда.

— Главная Система сумела рассеять перстни среди звезд, потому что там тоже появились люди, облеченные властью, — задумчиво сказала Хань. — Она попыталась уничтожить все знания о перстнях, их назначении и использовании, но не смогла нарушить основы. Ей было позволено лишь сделать нашу попытку почти безнадежной — почти, но не до конца.

— И возможно, не такой безнадежной, как тебе кажется, — внезапно сказал Ворон. — Я никогда по-на-

стоящему не верил, что сведения о перстнях пережили столетия и были открыты именно сейчас. Знаешь ли, есть некоторые признаки того, что Главная Система вознамерилась радикально перестроить человечество и сделать из нас, про сути, обезьян с дубинками. Но видишь ли, тогда использовать перстни действительно стало бы невозможно. Старушка Главная малость отступила. Одним только принятием такого решения она сама сделала себя уязвимой, и десять к одному, что благодаря нам она отказалась от этого решения. В противном случае ей пришлось бы самой создавать такие же команды, как наша, потому что ее вынуждала бы к этому программа. Но прежде чем она успела сообразить, в чем дело, мы ускользнули, а возможно, не только мы. У меня даже есть подозрение, что мы не единственные, кого подготовил Чен. Вот, скажем, тот корабль, который следует за нами.

Напоминание о нем всех отрезвило.

— Учитывая, что начинать полагается сначала, что нам делать с этим кораблем? — спросил Козодой.

— Развеять по небесам, — ответила Рива Колль. — Нельзя щадить никого, если мы хотим хоть чего-то добиться.

— Несомненно, это эффективный способ решить проблему, — согласился Козодой, — но пока я не вижу причин для такого поступка. При необходимости — да, но я не нахожу особого смысла в том, чтобы убивать всех подряд. Будь это корабль Вала, тогда другое дело, но там явно есть люди.

— Ты неверно ставишь вопрос, вождь, — вмешался Ворон. — Главный вопрос — почему он вообще преследует нас? В бою он нас не одолеет, в то время как мы его — запросто. Если бы они хотели присоединиться к нам, то давно бы вызвали нас по радио, но они просто держатся в кильватере. Сдается мне, что это тот самый Нейджи, а может быть, и еще кто-то с Мель-

хиора. Из твоих ментокопий они знают о перстнях, но не знают, где их искать. Неплохо было бы использовать их корабль, но они вряд ли согласятся, а значит, надо уничтожить его или оторваться от них. Мне лично больше по душе второе. Звездный Орел, ты можешь сбринуть их с хвоста?

— Проблема состоит в расходе энергии при быстром выходе и входе в новый прокол, — сообщил компьютер. — Оторваться не очень трудно, однако тогда у нас не хватит энергии на новый прокол и мы останемся в обычном пространстве в районе регулярных маршрутов. Существует довольно значительная вероятность того, что нас обнаружит или запеленгует Главная Система.

Козодой вздохнул:

— Ну что ж... Значит, когда выйдем из прокола, попробуем с ними поговорить. По крайней мере узнаем, кто они такие. Если мы не сможем договориться или если они не ответят, придется прибегнуть к решительным действиям. Но прежде чем я убью кого-то или подвергну нас всех излишнему риску, я хочу знать, кого я убиваю и почему.

— Звездный Орел, корабль все еще там?

— Да. Немного отстал, но находится в пределах действия связи.

Козодой глубоко вздохнул:

— Установи связь и подключи меня.

— Сделано. Я открыл три наиболее распространенные частоты. Когда они ответят, я сужу диапазон. На такой широкой полосе нас легко запеленговать.

— Говорит Джон Найтхок с борта «Грома». Корабль у нас за кормой! Отзовитесь, пожалуйста!

Ответа не было.

— Говорит Козодой с борта «Грома». Если вы не отзоветесь, я вынужден буду считать вас враждебным

кораблем и выслать истребители. У вас одна минута на размышление.

Он помолчал и начал считать:

— Пятьдесят секунд... сорок... — Он не блефовал, но понимал, что атака истребителей будет означать излишнюю потерю времени. Десять... девять... восемь... семь...

— Да ладно, черт побери! Здесь мы, здесь! — раздался из динамиков мрачный мужской голос. — Я так и знал, что рано или поздно это случится.

— Это вы нас преследуете, — заметил Козодой, — а не наоборот. Неужели вы считаете, что если вы обнаружили нас своими локаторами, то и мы не могли сделать то же самое?

— Дьявольщина. Кто бы мог поверить, что можно полностью овладеть таким кораблем за столь короткое время? Ладно, давайте поговорим. Мы с вами в одинаковом положении.

— Сомневаюсь. И потом если вы на нашей стороне, то почему преследуете нас? Отчего бы вам давно не окликнуть нас и не присоединиться?

Молчание.

— Потому что, попади я в ваши руки, мне крышка! — неожиданно ответил новый голос.

— Я узнаю его где угодно! — прорычала Рива Колль. — Это Клейбен! Пристрели мерзавца! Выпусти ему кишку!

Козодой был поражен этой вспышкой, но не показал виду.

— Судя по реакции некоторых моих спутников, доктор, ваша точка зрения мне понятна. Капитан Колль полагает, что уже одно ваше присутствие на расстоянии выстрела — достаточная причина, чтобы отправить вас ко всем чертям.

— Это вовсе не капитан Колль. Колль мертв, мертв уже два года. Это не человек, это чудовище, оживший кошмар. Оно убило Колль и приняло ее облик. Уж я-то знаю. Я сам его создал.

— Погодите-ка, — сказал Козодой. Неприятный холодок, который он всегда чувствовал с приближением опасности, пробежал по его спине. Он повернулся и пристально взглянул на Колль. — Не пора ли вам объясниться, или мне спросить его?

— Он сказал правду, — немедленно ответила та. — По крайней мере насчет того, что я не Колль, не человек и что он меня создал. Но вы напрасно смотрите на меня как на чудовище. Я не настолько плоха. Да, я убиваю потому, что меня такой сделали, но у меня есть выбор. У меня есть совесть. Я никого не трону, пока не окажусь перед выбором — он или я. Уж вы мне поверьте.

У Козодоя пересохло в горле:

— Вы обещали привести нас в безопасное место. Если вы не Колль, пусть даже все остальное окажется правдой, почему я должен вам доверять?

— Да потому, что я вобрала в себя всю ее память, олух ты этакий! Я чертовски точная ее имитация — более точная, чем мне хотелось бы!

— Доктор! Не желаете ли пояснить?

Радио немного помолчало.

— Это был грандиозный эксперимент, — заговорил наконец Клейбен. — Мельхиор, весь Мельхиор был предан одной цели — преодолению Системы, поиску способа обмануть ее и в конечном счете, смею надеяться, разрушить. Я всего лишь продолжал работы моих предшественников. Мы — наши компьютеры и эксперты по безопасности и биологии — нашли, как нам казалось, частичное решение. Так сказать, оружие в человеческом облике. Существо, способное преодолевать Систему, когда пожелает. Стать любым, кем оно захочет, и пройти любую проверку. Ментопрофиль, рисунок сетчатки, даже образцы крови и тканей. Оно впитывает в себя знания тех, кого имитирует, и таким образом может иметь доступ везде, куда дозволен доступ людям. Первое в своем роде, первый солдат

армии, которая разрушила бы всю систему контроля. Изготавливая опытный образец, мы применили трансмьютер. У нас все получилось, и получилось слишком хорошо. Эта... эта тварь не видела разницы между людьми и компьютерами. Она ненавидела всех, без разбора. Она перебила половину персонала станции, прежде чем мы нашли способ обезвредить ее и стабилизировать. Конечно, нам следовало бы ее уничтожить. Полное сожжение, трансмутация в газ или энергию... Но мы не смогли. Цель казалась такой близкой... У нас почти получилось... И мы оставили ее стабилизированной. В человеческом виде. С помощью наших составов мы могли держать ее в стабильном состоянии два-три года. Потом ей требовался новый шаблон, новая форма. Мы использовали для этого тех заключенных, которым не нашлось другого применения.

— Таких, как Колль...

— Да, таких, как Колль. Но после того, как оно... пост еще раз... у вас ведь нет стабилизирующих составов. Оно станет свободным и сможет делать это по собственной воле. Оно убьет вас всех и поглотит вашу память и ваши знания. Оно хочет само завладеть перстнями. Безумное чудовище мечтает стать богом!

Козодой уставился на хрупкую Риву Колль.

— Бред собачий, — уверенно сказала она. — Я не очень хорошо знаю, что такое быть в своем уме, но я определенно не собираюсь вас поедать. Он говорит правду — в самом начале я была всего лишь животным, убийцей. Но чем чаще я принимала образы других людей, тем больше очеловечивалась сама. Вся их память, все их знания хранятся здесь, в моей голове, а может быть, рассеяны по всему телу — не знаю. Я даже не понимаю, как это действует. Единственное, чего я не помню, — кем я была в самом начале. Это знает только он. Вы что, думаете, мне очень нравилось убивать Колль и всех остальных? Не я выбирала их, а он. Чтобы сохранить меня, исследовать и сделать мно-

жестю таких же, как я, но подвластных ему. Так сказать, своих собственных Валов. Мне, конечно, нужны перстни, но не только для себя, и никто не справится с такой властью в одиночку, даже я. Но без меня вам не добыть их, вождь. Я могу отправиться на любую планету, к любым существам, стать одним из них и сразу же знать все порядки. Для меня плевое дело стянуть перстни прямо с пальцев тех, кто их носит. А вы этого не можете.

— Сомневаюсь, чтобы это было так просто, даже для нее, — подал голос Клейбен. — Но теперь вы, надеюсь, понимаете, почему я не осмеливался подойти ближе? Вы не в состоянии удержать ее, Козодой, а я буду драться насмерть, прежде чем позволю ей коснуться меня.

Козодой пристально посмотрел на Риву Колль. Он предвидел, что ему придется принимать трудные решения, но никак не предполагал сразу же столкнуться с такой проблемой.

— Ну что ж, капитан, или кто вы есть. Я не могу остановить вас, если вы пожелаете убить нас всех, но вы и сами знаете, что не сможете завладеть кораблем. Корабль принадлежит Звездному Орлу. Теперь только от вас зависит, потерпим ли мы неудачу с самого начала или нет. Итак, или Клейбен, или перстни. Что скажет Хань?

— Видят боги, если они есть, как я ненавижу и презираю этого человека. Но если мне придется выбирать, он или перстни, я встану перед ним на колени и буду лизать ему задницу, пока они не выпадут оттуда.

— Это же нечестно! — разозлилась Колль. — Десять лет я мечтала, чтобы этот выродок попал в мои руки и можно было бы замучить его насмерть — по-настоящему медленно! Уж его-то я не съем. Я не желаю им становиться и не желаю его понимать. И вот, когда он в наших руках, мне говорят, чтобы я чмокнула его в щечку и помирилась!

Но Козодой уже начал схватывать детали более общей картины. Хотелось бы знать, мелькнуло у него в голове, кто был художником.

— Вот почему вы здесь, Колль, или как вас там. Вот почему вы с нами, а не на Мельхиоре, под властью Главной Системы. Вы говорили, что можете одолеть любого. У меня нет причин сомневаться, но смогли бы вы сделаться Валом? Или компьютером?

— Конечно же, нет, олух!

— Главной Системе все равно, сколько людей си придется убить. Она вас изучит, проанализирует и разложит на составляющие для окончательного исследования. Она не задумываясь выжжет все живое на Мельхиоре, если решит, что это необходимо, чтобы избавиться от вас. Вы попали сюда не случайно. Ваше имя было в списке Ворона. Вы здесь именно по тем причинам, о которых только что говорили, — но дело требует общих усилий. Обдумайте это. Если вы не в состоянии владеть собой, вы для нас бесполезны. — Козодой повернулся к связному устройству.

— Клейбен, вы мне совсем не нравитесь, и я ни на йоту вам не доверяю. Но если вам есть что предложить, попробуем договориться. Я мог бы использовать ваш корабль, но в состоянии обойтись и без него. Здесь никто и слезинки не прольет, если я прикажу разнести вас на кусочки. Вы для меня — лишняя проблема и лишняя роскошь. Так объясните мне, почему я могу себе ее позволить.

— Мои знания, мои навыки, мой опыт, — незамедлительно ответил учений. — У вас есть специалист по компьютерам и парочка отличных вояк, но нет ни одного стоящего ученого-экспериментатора. На борту моего корабля находятся резервные копии результатов двадцати с лишним лет исследований на Мельхиоре. Эти данные уникальны и бесценны, но они закодированы моим личным шифром. Кроме того, как вы уже

упомянули, есть еще наш корабль, а также опыт и контакты Нейджи, которыми тоже не следует пренебрегать. Он и раньше бывал в космосе и знает флибустеров — кому можно верить, а кому нет. Не думаю, что вы откажетесь от всего этого, — иначе я не стал бы гнаться за вами.

Козодой повернулся к остальным:

— Приглуши-ка связь, Звездный Орел.
— Сделано. Но мы слишком медлим, Козодой. Нам пора двигаться дальше.

— Дело стоит риска. Это не худшее, что у нас было, и не худшее, что у нас будет. Так, теперь слушайте все. Я хочу знать мнение каждого. Клейбен прав. У него есть нужные сведения, а у Нейджи — связи. У них есть корабль, который можно использовать и который не придется переделывать, чтобы освободить от управления Главной Системы. Но можем ли мы доверять этим людям? Нет. Их дела говорят сами за себя. Они не дьяволы, просто их заботит только собственная персона. Нам с ними будет нелегко. Вороны?

— Тащи их сюда, вождь. Мы с Манкой о них позаботимся. Я, знаешь ли, думаю, что они действительно будут сотрудничать, пока ситуация не переменится. И потом, это отличный способ получить их корабль. А если они начнут зарываться, их всегда можно убрать.

Вурдалъ подавила смешок:

— Мы же агенты безопасности, Козодой. Это наша работа, и мы в ней кое-что смыслим. Они у нас будут как шелковые.

— Сестры Чо?

— Эти люди ничуть не хуже тех, кого мы уже встречали. Если они способны на что-то доброе, дадим им возможность это доказать, — сказала Чо Дай. Ее сестра молча кивнула.

— Танцующая в Облаках?

— Я согласна со всем, что бы ты ни решил, — ответила она. — Я не уверена, что злодей может сразу

стать добрым, но если мы откажем им в этой попытке, то чем мы лучше их?

— Звездный Орел?

— В любом случае следует принять их на борт. Здесь они хотя бы будут под надзором. Клейбену так или иначе придется связываться с моими банками памяти. Я буду в курсе всего, что он делает.

Козодой вздохнул.

— Итак, слово за вами, Колль. Подумайте вот о чем. На этот раз Клейбен скорее будет в нашей власти, чем мы — в его, и, если он попытается нас предать, я отдам его вам — делайте с ним что хотите. Ну, как?

Колль, похоже, уже овладела собой:

— Ладно, только держите его подальше от мостика. Лучше всего заприте куда-нибудь. На планете он будет на моей территории, и если сможет поладить со мной, то и я смогу с ним поладить. Но только не здесь. Не на «Громе».

— Включить связь, — скомандовал Козодой. — Итак, доктор, мои друзья единодушно решили пригласить вас на борт. Но единственный член экипажа, у которого были возражения, настаивает, чтобы во время пребывания на нашем корабле вы находились в изоляции и не появлялись на мостике. Если вы согласны на эти условия, приближайтесь на умеренной скорости и приготовьтесь следовать указаниям нашего пилота. Приняв вас на борт, мы сразу войдем в прокол, так что до соответствующих распоряжений оставайтесь на своем корабле.

— Понял. Принято. Вы об этом не пожалеете.

— Может быть. А может быть, и нет, — ответил Козодой. — А вот вы можете и пожалеть, — негромко добавил он.

На всю операцию потребовался почти целый час, но Звездный Орел знал свое дело и полностью овладел системами большого корабля.

Как только корабль Мельхиора оказался в трюме, пилот не медлил ни секунды. Огромные двигатели «Грома» взревели, и через несколько минут он вошел в прокол.

На этот раз неприятные ощущения действительно оказались слабее, а галлюцинаций не было вовсе, и все же пассажиры вздохнули с облегчением, очутившись «на той стороне».

— А ты неплохо справился, вождь, — заметил Ворон.

— Может быть. Пожалуй, мне помог природный инстинкт. Инстинкт и обоснованные предчувствия. Но ты сам понимаешь, что наши гости — это бомба замедленного действия, и я не собираюсь давать им поблажек. Один неверный шаг — и они уже не будут представлять для нас ценности.

— Нет! — резко вмешалась Хань. — Подумай, Козодай. Они нам нужны — от этого никуда не денешься. Кроме того, бьюсь об заклад, Клейбен заранее подготовил свой корабль для бегства. Ручаюсь, что у него тоже есть небольшой трансмьютер и ментопроцессор новейшего образца. И возможно, даже психогенетическая лаборатория. Этот корабль — Мельхиор в миниатюре, голову даю на отсечение. Им надо заняться в первую очередь, и тогда мы сможем сделать с доктором все, что пожелаем, прежде чем он сможет сделать это с нами.

3. ОСТРОВ В ГЛУШИ

на была воплощением мощи, могла смотреть во всех направлениях сразу, а любое движение мысли порождало всплеск информации такого объема, который не в состоянии охватить человеческий разум. И все же ей было мало. Соединяясь с кораблем, она чувствовала себя божеством, и не во сне, а наяву.

Но одновременно она была и маленьким, хрупким созданием, лежащим в командирском кресле на мостике. От громоздкого шлема у нее на голове тянулись кабели, уходящие в переднюю панель. Но Звездный Орел понимал, что это крошечное создание и есть настоящая она, без которой не было бы всего остального, и не позволял Хань слишком долго оставаться в его владениях, хотя и давал ей полную свободу, пока она была там.

Она проносила мыслю по тысячекилометровым сетям связи и наблюдения, забавляясь своего рода подглядыванием. Особенно занятным был большой прямоугольный модуль в четвертом грузовом отсеке. Роботы-ремонтники снабдили его системами жизнеобеспечения и всеми возможными удобствами. Козодой называл его лепрозорием, хотя никто, кроме него, уже не помнил, что значит лепра и кто такие прокаженные. Модуль предназначался для Клейбена и Нейджи, а потом туда же отправили и Сабатини, чтобы убрать его с глаз долой.

Это жилище ни в коем случае нельзя было назвать уединенным местом, невзирая на уверенность его оби-

тателей в обратном. Любое их движение, любое сказанное слово, каждый удар пульса отслеживались и регистрировались. Записи изучали Ворон и Вурдаль, а они-то знали, за чем надо следить.

Клейбен выглядел лет на пятьдесят, у него было красное лицо, жиденькие седые волосы и голубые глаза. За последние годы он здорово расположился, но все же был в удивительно хорошей форме и старался ее поддерживать. Клейбен обладал приятным глубоким баритоном, звучавшим чуть хрипловато, но дружески и доверительно. Такой голос обычно бывает у семейного врача или опытного адвоката. И к тому же Клейбен отличался поразительной остротой ума. Он мог работать над дюжиной проблем одновременно, ему была доступна любая область знаний. В этом было его величие и его проклятие. По сути дела, он руководил камерой пыток, хотя никогда не задумывался об этом. Окружающий мир и окружающие люди были для него всего лишь средствами, которые он умело использовал. Клейбен был законченным эгоцентристом, но в отличие от большинства других тщеславных людей действительно далеко превосходил остальных. Единственным, в ком он видел равного себе и кого по-настоящему боялся, была Главная Система. Ему и в голову не приходило, что он и великий компьютер стали смертельными врагами прежде всего потому, что были слишком похожи друг на друга.

Арнольд Нейджи выглядел так, словно его сильно сжали с боков и одновременно вытянули по вертикали. У него была длинная и узкая голова, посаженная на длинной тощей шее, и весь он был длинный, тощий и угловатый. Огромный ястребиный нос, худое вытянутое лицо с впалыми щеками, узко прорезанные глаза и очень маленький рот только подчеркивали своеобразие его внешности. Глаза у него были темно-карие, а волосы — черные, словно вороново крыло. Угадать его возраст было невозможно.

Таков был человек, которому и Клейбен, и Главная Система поручили заботы о безопасности Мельхиора, человек страшный и опасный. Казалось, он знаком со всеми языками мира. Сабатини часто и подолгу беседовал с ним на своем родном итальянском, и Нейджи, как оказалось, свободно владел даже диалектами и жаргоном. Он явно был прирожденным лингвистом. Безусловно, любой язык можно было до определенной степени изучить с помощью ментопринтера, но, чтобы овладеть диалектизмами и жаргоном, одного ментопринтера было недостаточно.

— Ну и скучища! — тяжело вздохнул Нейджи, усаживаясь в кресло. — Ей-богу, на Мельхиоре было повеселее.

— Терпение, Арнольд, терпение, — ответил Клейбен. — Не сомневаюсь, что сейчас они перебирают наш корабль буквально по молекулам и пытаются взломать мои коды. Наше время еще придет. Великие цели требуют величайшего терпения. Может, ты хочешь надеть скафандр, выйти отсюда и поприветствовать Риву Колль? Ты ведь знаешь, ей скоро придется кого-нибудь съесть, хочет она того или нет, а мы с тобой — наиболее вероятные кандидаты.

Нейджи забеспокоился:

— Жертвенный агнец, и не более того, так что ли, док? Вы что, только для этого хотели, чтобы я ушел с вами со «Звезды»?

— Нет, Арнольд, конечно, нет. На самом деле я сначала намеревался добраться до флибустьеров, основать где-то новую базу, а потом, опираясь на нее, создать организацию и добыть перстни. Самим нам сделать такое было бы нелегко, хотя в принципе это возможно. Но раз этим людям удалось благополучно овладеть таким огромным и сложным кораблем, стоило пойти на риск и объединиться с ними. Правда, я никак не предполагал, что мы окажемся тут на вторых ролях, и мне не будет покоя, пока эта тварь разгуливает

на свободе. Самая моя большая ошибка в том, что я не уничтожил ее еще десять лет назад, когда мог это сделать. — Вздохнув, он потрепал Нейджи по плечу. — Не беспокойся, мальчик мой. Ты им нужен. Мы оба им нужны. Надо только быть начеку и не упустить удобного случая. А он рано или поздно представится.

Вошел Сабатини и остановился, слушая последние слова.

— Да, конечно, вам-то хорошо, а вот я уже все равно что покойник. Корабль потерял, пилота потерял, и мало того — сам превратился в заключенного. Я хочу наружу. Если уж на то пошло, я бы умер счастливым, если бы мог выпихнуть этих китайских стервочек через воздушный шлюз. Как они меня.

Нейджи повернулся и пристально посмотрел на Сабатини:

— Знаете, капитан, на вашем месте я бы послушал доктора и прекратил подобные разговоры. Отчего бы вам не попытаться стать полезным? По крайней мере хоть живы останетесь. Этот корабль величиной с небольшой город, но тем не менее лишний груз им ни к чему. Смотрите, как бы вас не спустили в мусоропровод.

Хань прекратила прослушивание и сделала запрос: «Рива Колль».

Ответ пришел почти мгновенно.

«Недостаточно информации. Входные данные, предоставляемые объектом исследования и Клейбеном, согласуются с возможностями трансмьютерной и психогенетической технологии, но не более того. Сканирование не показывает существенных отличий от человеческого индивида ее пола и возраста».

Анализ корабля Клейбена был более продуктивным. Как и предполагала Хань, он оказался миниатюрной лабораторией, оборудованной по последнему слову техники. И в то же время являлся весьма комфортабельным жилищем, оснащенным межзвездным

двигателем. По сути, это был увеличенный и усложненный вариант истребителя Мельхиора, несущего полный комплект вооружения. Конечно, его было недостаточно, чтобы нанести хотя бы минимальный урон «Грому», но в бою с обычными кораблями оно было чрезвычайно эффективно.

Еще на борту имелась компьютерная справочная система необычной конструкции, возможно, собственноручно разработанная Клейбеном. Находящаяся в ней информация могла считываться через обычный компьютерный интерфейс, но хранилась она в сильно сжатом и зашифрованном виде, а способ расшифровки пока был неясен. На корабле не было многофункционального трансьютера, бортовой трансьютер использовался только для снабжения межзвездного двигателя топливом и ремонта, зато здесь имелся автономный ментопроцессор, соединенный с психохимическим модулем. Хотя оба они были подключены к системе, хранящей закодированные файлы, их конструкция оказалась достаточно простой, и Звездный Орел пытался создать дубликаты этих устройств, чтобы подключить к своим банкам данных.

К сожалению, корабль Клейбена был все же чересчур велик, чтобы продублировать его на трансьютерах «Грома», но на нем вполне можно было летать: его пилот в отличие от Звездного Орла личностью не являлся и повиновался любому, знающему контрольный код.

Хань и Звездный Орел продолжали исследовать, подслушивать, зондировать, строить предположения, а «Гром» мчался напрямик сквозь ничто.

— Здесь, — сказал Звездный Орел. — Вторая планета.

На экране маячил громадный сверкающий шар, окруженный крошечными светящимися точками. Впро-

чем, экран — не окно, и это была всего лишь компьютерная графика, а не истинное изображение.

— А не слишком ли жарко будет так близко от солнца? — встревожилась Чо Май.

Они осматривали уже третью планету. Первая оказалась слишком холодной, атмосфера второй была смесью ядовитых газов.

— Расстояние от звезды действительно играет важную роль, однако существуют и другие факторы, — сказал пилот. — Вторая, третья, четвертая, а возможно и пятая, планеты этой системы лежат в пределах допустимого. Но уже на таком расстоянии ясно, что только на двух из них есть достаточно плотная атмосфера и лишь на одной имеются признаки проведенного когда-то терраформинга.

Даже в этом плохо нанесенном на карты районе они шли не вслепую. Эти места скорее никогда не использовались, чем никогда не исследовались. Главная Система, видимо, столкнулась здесь с какими-то неизвестными сложностями, но, хотя с открытием более удобных планет эти миры были заброшены, запущенные на них процессы не прекращались. Курортов, разумеется, здесь не было, но многие планеты, развиваясь и созревая в течение столетий, в конечном счете стали по крайней мере пригодными для жизни. А размеры сектора практически исключали возможность случайной встречи как с флибустьерами, так и с Главной Системой.

— Я получаю многообещающие данные, — сообщил Звездный Орел. — Очень мощный озоновый слой и большое количество воды. Однако надо еще уточнить, какова температура на поверхности. Пока можно сказать только, что она определенно выше, чем в среднем на Земле, и там очень влажно. Посмотрим...

Несколько часов назад с борта «Грома» стартовал один из автоматических истребителей. Роботы-ре-

монтажники модифицировали его, и теперь он мог совершать мягкую посадку на планеты.

— Показания приборов не особенно обнадеживающие, — заметил Звездный Орел. — Наклон оси вращения планеты менее восьми градусов, так что сезонные изменения минимальны. Температура на поверхности в районе экватора около шестидесяти пяти градусов по Цельсию. Обширные водные пространства и очень маленькие участки суши. Континентов нет вообще, только острова, и все чрезвычайно мелкие. Учитывая это, средняя глубина океана должна быть очень велика. Много действующих вулканов, но, судя по составу атмосферы, они, вероятно, не взрывного типа, а работают непрерывно, выбрасывая очень плотную лаву.

— И что это значит? — спросила Вурдал с обычной своей непринужденностью.

— Это значит, что в воздухе не носятся облака пыли и пепла, — пояснил Козодой. — Но вместе с тем наше жилище в любой момент может снести поток раскаленной лавы. И вероятны частые землетрясения. Не особенно привлекательно.

— Интересно... Наиболее подходящая температура должна быть в полярных областях, — сказал Звездный Орел, — но там практически нет суши. Наилучший компромисс — тридцать градусов северной или южной широты. В этих районах множество островов, объединенных в архипелаги, а температура колеблется от тридцати до сорока градусов по Цельсию. Я сейчас посажу истребитель на этой широте в северном полушарии и проведу исследования на поверхности. Если найду что-то стоящее, я вам сообщу.

Все вопросительно уставились на Козодоя.

— Жарко, — сказал он. — Днем жарче, чем в самые жаркие дни в Америке или Китае, а ночью жарко, как в жаркий летний день в Европе. И так круглый год. И разумеется, никаких особых удобств.

— Атмосфера вполне приличная, — сообщил пилот. — Состав примесей иной, чем на Земле, а содержание водяного пара необычно высокое, но соотношение кислорода и азота очень близко к норме. Различия можно с уверенностью отнести на счет вулканической деятельности. Скорее всего атмосфера была изменена искусственно. Возможно, вы почувствуете непривычные запахи, но дышать, не пользуясь дополнительным оборудованием, сможете запросто.

— А как насчет растительности? — спросил Козодай. — Вообще есть ли признаки жизни?

— Весьма существенные, хотя пока я ничего не могу сказать об их природе. Большинство островов почти сплошь покрыто джунглями. Судя по всему, там водятся мелкие животные. В океане тоже есть жизнь, но сомневаюсь, чтобы там были глубоководные существа. Слой планктона на поверхности настолько толст, что должен перехватывать почти весь свет. Судя по спектrogramмам, здесь живут в основном млекопитающие. Не исключено, что на этой планете терроформинг был проведен в полном объеме.

— Тогда почему же ее не заселили? — удивленно спросила Хань.

— Возможно, как раз из-за излишне активного размножения водорослей или грибковой растительности в океане, — предположил Звездный Орел. — На мой взгляд, это скорее прототип, чем конечный продукт... Вот оно! Архипелаг с одним очень большим островом. На каждом конце острова по вулкану. Длиной километров сорок, плоские, возвышаются над уровнем моря не более чем на двадцать — тридцать метров. Оба вулкана выглядят погасшими. Во всяком случае, признаков свежих лавовых потоков я не наблюдаю.

На экранах рубки появилась огромная карта: изогнутий остров с двумя высокими вулканическими пиками на каждом конце. Средняя часть острова была относительно плоской, но неровной и посередине су-

жалась приблизительно до километра, в то время как края достигали десяти — двадцати километров в ширину. Один из вулканов был высотой не менее двух тысяч метров, другой — чуть пониже. На обеих вершинах зияли кратеры глубиной в несколько сотен метров. Поблизости были разбросаны другие острова, и на каждом тоже торчал вулканический пик.

Маленький истребитель опустился на ровной возвышенности посреди большого острова и принялся за работу. Образцы... Измерения... Температура воздуха — тридцать шесть градусов по Цельсию. Влажность — девяносто девять процентов. Скальный грунт — обычный базальт. Уровень радиоактивности был поразительно низок, учитывая такую интенсивную вулканическую деятельность. Скальные обнажения носили следы сильного выветривания. Вероятно, здесь часто бывали штормы, что подтверждалось и прежними наблюдениями с орбиты. Доза ультрафиолета, достигающая поверхности, была в пределах нормы, однако светлокожие люди, долго оставаясь на солнце, рисковали получить ожоги. В воздухе носились споры и микроорганизмы, явно ведущие происхождение от земной микрофлоры, но не было никакой гарантии, что они окажутся безвредными для землян.

— Не хотелось бы забираться в такую даль только затем, чтобы сдохнуть от какого-нибудь вируса, — сказал Козодой. — Но надо смотреть фактам в лицо. На любой мало-мальски подходящей планете риск будет тот же самый. В конце концов, это всего лишь прототипы, бросовые остатки, а все более удобные и безопасные планеты в этом секторе наверняка уже расхватали флибустьеры. По сути дела, всерьез меня сейчас тревожит только одно. Почему здесь, именно здесь, нет флибустьеров? Капитан Колль, если вы знали об этой планете, то и они должны были знать.

— Вполне вероятно, — согласилась Рива Колль, — но у меня нет ответа. Возможно, здесь действительно

есть какая-то зараза. Почему бы нам не послать туда Клейбена и не посмотреть, что с ним произойдет?

Почти все усмехнулись, но Козодой покачал головой:

— И сколько же ждать? День? Неделю? Месяц? Звездный Орел, каковы наши шансы на выживание там, внизу? Я понимаю, что неизвестных много, но хотя бы приблизительно.

— Я, конечно, могу и ошибаться, но, по-моему, там не опаснее, чем на Земле, особенно учитывая, что микроорганизмы наверняка уже адаптировались к местным условиям и человеческий организм для них не является подходящей средой обитания. Что же до того, почему этот мир не используется флибустьерами, я предположил бы, что это связано с наличием здесь хищных млекопитающих. У флибустьеров огромный выбор, зачем им лишние сложности? Так что я бы не советовал отправляться туда без оружия. И еще я бы установил хороший защитный периметр и сторожевую систему. Кроме того, есть вероятность, что этот район время от времени патрулируется. Следует держать «Гром» подальше от планеты и быть готовыми к немедленному бегству при первой же необходимости.

Козодой обдумал эти слова.

— Значит, «Молния», — сказал он, называя корабль Клейбена его новым именем, — остается на борту, и наш лагерь будет, по сути дела, привязан к одному месту. Мне это не очень нравится.

— На самом деле это не имеет особого значения. Если появится патруль, вы все равно не успеете принять всех на борт и взлететь до того, как вас обнаружат, запеленгуют и, вполне возможно, уничтожат. Лучше установить там, внизу, вспомогательный компьютер и наладить хорошую систему связи. Задержка во времени неизбежна, но все же, надеюсь, я смогу в случае чего предупредить вас. В крайнем случае «Молния» может атаковать патрульный корабль, но

подозреваю, что лучше просто не обращать на него внимания — и он уйдет.

— А не может ли патрульный корабль засечь нас на планете? — встревожилась Хань. Ей не хотелось надолго расставаться со Звездным Орлом.

— Пока население не достигнет нескольких тысяч — вряд ли. Они будут искать космические корабли, связные устройства и трансмьютерное оборудование. Это же не исследователи, а всего лишь вояки. Отключив аппаратуру, вы станете для них такими же млекопитающими, как и все местное зверье. Никто не захочет торчать здесь годы из-за подозрения, что какой-то, возможно несуществующий, корабль прячется именно на этой планете.

Козодой кивнул:

— Что ж, решено. Но все же неплохо бы сначала послать парочку человек на разведку. Нужны люди с хорошей реакцией и владеющие оружием. Есть добровольцы?

— Я пойду, — сказал Ворон. — Вурдалъ останется и проследит за порядком. И по-моему, со мной должен пойти Клейбен. У меня будет огневая мощь, у него — наука. Если мы сложим головы, тогда, Манка, пойдете вы с Найджи, и ты обеспечишь ему всю огневую поддержку, какая у тебя получится.

Айзек Клайбен не особенно обрадовался заданию, но вынужден был признать, что по своей квалификации он подходит как нельзя лучше. Дистанционно управляемый истребитель установил на планете маленький приемный трансмьютер, и было решено, что разведчики первый раз на всякий случай высадятся в скафандрах.

Ни Клейбену, ни Ворону еще никогда не приходилось путешествовать с помощью трансмьютера, и, несмотря на весь свой цинизм и эрудицию, у кроу было

глубочайшее предубеждение против этого транспортного средства. Он заявил, что не видит разницы между трансмьютерной копией и воссозданием убитого человека в виде компьютера на органической основе.

— На это можно смотреть и так, — согласился Звездный Орел, — хотя энергетическая матрица, создаваемая при считывании, уникальна и замкнута. Я передаю и использую при восстановлении только то, что преобразую здесь. Другими словами, вниз отправляешься именно вы, только в иной форме. По сути дела, если бы все происходило так, как вы себе представляете, было бы даже проще. Тогда я мог бы по желанию изменять что угодно и кого угодно до бесконечности. Но я передаю не формулу. Я передаю именно вас.

Почему-то это объяснение немного успокоило Ворона.

Трансмьютеры «Грома» — по одному в каждом грузовом отсеке — были колоссальны, но приемник внизу, переделанный из вспомогательного трансмьютера, вмещал не более одного человека. Ворон как отвечающий за безопасность шел первым.

Трансмьютер выглядел как круглый диск, сделанный из сплошного куска чего-то, похожего на красный кирпич, над которым висел второй диск, мерцающий зеркальным черным покрытием. Ворон взглянул вверх, глубоко вдохнул, ступил на круг и встал в середине. Он был в скафандре с пристегнутым шлемом, потому что загерметизировать и наполнить воздухом огромный отсек было бы слишком расточительно.

Потоптавшись в центре красного круга, Ворон нервно взглянул на остальных. Проводить добровольцев вышли все, кроме Хань, соединенной со Звездным Орлом, Молчаливой, не проявившей ни понимания, ни интереса, и Ривы Колль, которая вообще предпочитала держаться подальше от подобных штучек. Внезапно Ворон почувствовал слабую дрожь и услышал

нечто вроде звонкого щелчка, а потом сразу наступила темнота и на него навалилась невероятная тяжесть. Ворон встревожился. Какого черта?

Автоматически открылся люк, и Ворон увидел неизвестную местность. Он вынул пистолет и, сдвинув брови, шагнул вперед.

— Да что же это такое? — потрясенно сказал он. — Щелк — и ты уже где-то еще?

— Я ничего не знал об этом эффекте. — Характерный тенор Звездного Орла раздавался в наушниках так четко, словно Ворон по-прежнему был на борту. — Интересная подробность. Есть проблемы?

Ворон все еще чувствовал потрясение, но он был профессионалом. Он быстро взял себя в руки и внимательно огляделся. Под ногами была черная скала с беловатыми прожилками. Кое-где из трещин выбивались зеленые узкие полоски, отдаленно напоминающие мох, а метрах в десяти начинался настоящий густой лес. Ворон поднял голову. Сквозь набежавшие облака проглядывало небо — голубое, хотя немного другого оттенка, чем на Земле.

— Скажите доку, пусть прихватит зонтик. Похоже, собирается дождь.

Меньше чем через минуту за его спиной снова открылся люк и показался Айзек Клейбен в оранжевом скафандре и с каким-то футляром в руках. Он шел медленно, согнувшись, а футляр держал так, словно тот весил не меньше тонны.

— Просто... просто поразительно, — пропыхтел учений, который, впрочем, не выглядел особенно пораженным. — Если поставить достаточно много таких станций на расстоянии прямой видимости, можно устроить всемирную систему почти мгновенной транспортировки.

— Я бы не очень полагался на такую систему, док, — ответил Ворон. — Рано или поздно одна из этих штуковин непременно сломается.

— Наверху еще осталось кое-какое оборудование. Подождем его, а потом, я надеюсь, вы поможете мне его установить. — Клейбен огляделся вокруг. — Что ж, довольно привлекательно. За последние двадцать лет я уже почти забыл, что такое небо, зелень, облака и дождь. Боюсь, у меня развилась агрофобия.

Ворон безразлично пожал плечами:

— Лучше вам побыстрее привыкнуть, док. Предполагается, что вы превосходите всех нас и стоите выше слабостей, присущих простым смертным. Похоже, ваше барахло уже прибыло. Пойдемте возьмем его — и начнем делать пробы... Го-о-споди! Я еще и пальцем не пошевельнул, а уже устал, как черт знает что! Мне даже ходить трудно!

— Мне тоже. И, боюсь, я не в такой хорошей форме, как вы. На Мельхиоре тяжесть была не более шести десятых земной. Я... у меня кружится голова. Придется немного посидеть. — Он тяжело опустился на скалу и вздохнул. — Очень глупо с моей стороны. Никогда не принимал этого во внимание. Я был слишком занят другими делами.

Ворон тоже сел. Он чувствовал себя так, словно дня два вкалывал с полным напряжением, а ведь он всего-навсего отошел метра на четыре от модифицированного истребителя, стоящего на растопыренных амортизаторах у него за спиной.

— Ну, док, нам надо сделать уйму всего, и побыстрее, а сидя на месте, особенно не наработаешь. Как вы смотрите на то, чтобы первым глотнуть здешнего воздуха?

— После вас, — любезно ответил Клейбен.

Ворон вздохнул, переключил управление своего скафандра на режим поддержки, прижал пластины замков и осторожно снял шлем. Он с опаской вдохнул, потом успокоился и повесил шлем на шейный ремень.

Ну и ну! Словно мокрой тряпкой по лицу! Господи, до чего же тут жарко! С ума сойти. Скафандр

снабжен системой охлаждения, но лицо того и гляди изжарится. «С меня течет, как со свиньи на вертеле», — подумал Ворон.

— Ну как? Чем-нибудь особенным пахнет?

— Вроде бы нет. Чувствуется что-то, какая-то смесь... Немного тянет гнилью. Но не настолько, чтобы довести до тошноты. Может быть, это от избытка кислорода?

Клейбен, кряхтя, отстегнул свой шлем, отложил его в сторону, глубоко вдохнул и сморщил нос:

— Я понял, что вы имеете в виду. Нет, причина другая. Здесь поблизости явно есть соленая вода. Вы и представить себе не можете, как давно я не чувствовал этого запаха. И еще примешиваются запахи джунглей. — Он грустно вздохнул. — Все, чего мне сейчас хочется, это лечь и не вставать, но нам надо все установить и сделать предварительные замеры. Потом, пожалуй, можно будет разбить временный лагерь и отдыхать посменно, пока организм не привыкнет к тяжести. После этого начнем подробную разведку, — если только я и в самом деле смогу приучить себя к здешней гравитации.

— Похоже на птиц, но они никогда не подлетают настолько близко, чтобы сказать наверняка. — Теперь Ворон был в самодельной набедренной повязке из двух полотенец, заткнутых спереди и сзади за пояс с пистолетом.

— Когда-нибудь нам все равно придется войти в джунгли, — сказал Клейбен. Он был одет в шорты, тенниску и спортивные туфли. Каждое движение по-прежнему давалось ему с большим трудом, однако новый мир очаровывал и восхищал его. Даже по ночам, мучаясь судорогами во всех мышцах, он завороженно любовался густой звездной россыпью в просветах между облаками. — Насекомые и споры это, конечно,

замечательно, но нам нужно что-то еще. Судя по моим наблюдениям, эти птицы, или как их еще назвать, не совсем то, что мы думаем.

Терраформинг был одной из тех технологий, которые Главной Системе пришлось создавать с нуля. Даже на Марсе, где все сводилось в основном к орошению и посадке густой растительности, для поддержания экологического равновесия приходилось модифицировать и стабилизировать различные виды растений и животных с учетом их будущего взаимодействия.

На этой планете, видимо, тоже была предпринята попытка создать экосистему по образу земной, и, хотя местные насекомые далеко ушли от земных прототипов, их роль в экологическом балансе осталась прежней. К сожалению, многие из них кусались, но, слава Богу, были неядовиты.

Труднее всего было привыкнуть к жаре и влажности, а сила тяжести порой казалась просто убийственной. К незнакомым запахам они притерпелись быстро и едва замечали их. Наконец-то Ворон без опасений мог закуривать свои половинки сигар, продублированные втихаря на продовольственном трансмьютере. Образец недокуренной сигары он предусмотрительно захватил с собой еще с Земли.

На исходе второго дня Ворон освоился достаточно хорошо, чтобы предпринять кое-какие исследования, но было очевидно, что Клейбену это пока не под силу, хотя в действительности местная сила тяжести была даже немного меньше, чем на Земле, где он родился. Не желая оставлять Клейбена наедине с истребителем и прочим оборудованием, Ворон запросил подкрепление.

— Пришлите Вурдал и Нейджи, и поскорее, — сказал он. — Нам пора двигаться дальше.

Новички, к его удивлению, гораздо лучше справились с внезапным изменением силы тяжести. Оказалось, что, узнав о неприятностях, постигших первых

разведчиков, Звездный Орел раскрутил корабль вокруг продольной оси, создав таким способом некое подобие искусственной гравитации. Поначалу Вурдаль и Нейджи двигались с некоторым напряжением, но, хорошенько выспавшись в импровизированной палатке, продемонстрировали чудеса выносливости.

День был ясный и солнечный. Вдали, над морем, горизонт заштриховал мелкий дождик, но на остров не пролилось ни капли. Ворон открыл ящик с аварийным комплектом и, к удивлению долговязого Нейджи, вручил ему пистолет.

— Возможно, тебе придется спасать свою шкуру, а то и мою тоже, — объяснил кроу. — И еще тебе нужен старый добрый нож. Звездный Орел скопировал лучший клинок, какой у меня был.

Он протянул Нейджи длинный плоский нож и пояс с ножнами.

— Здесь больше подошло бы мачете. — Взглянув на густые джунгли, Нейджи взвесил нож на руке и, сунув его в ножны, взял пистолет и прицелился в ближайшее дерево. — Я... м-м-м... думаю, что небольшая проверка не помешает.

Суровое лицо Манки Вурдаль осталось беспристрастным.

— Никаких проверок, — сказала она. — Если Ворон не вернется, я прикончу доктора, а потом возьмусь за тебя.

Нейджи пожал плечами, как бы говоря: «Вы это серьезно?» — и повернулся к Ворону:

— Ну что ж, пожалуй, можно начать прямо сейчас. Не то чтобы я рвался в бой, но это надо сделать, если мы хотим выжить в этой теплице.

Ворон включил портативную радио, извлеченную из скафандра и помещенную в отдельный корпус.

— «Гром», слышите меня?

— Превосходно, — отозвался Звездный Орел. — Я буду на связи. Как там наш доктор?

— Отлично, — буркнул Клэйбен и взглянул на уходящих. — Принесите побольше образцов. Растения, насекомые, морская вода... Может, вам удастся поймать одну из этих птиц, или как их там. И еще, Арнольд... Ты уж постарайся, чтобы вы вернулись вдвоем.

Нейджи снова покаял плечами:

— Итак, куда мы направимся, о бесстрашный первоходец?

— Туда, — лаконично сообщил Ворон, указывая ножом в пространство между двумя укутанными в облака вулканическими пиками. — Это кратчайший путь к морю, если карта не врет.

На границе застывшего лавового потока они в нерешительности остановились.

— Не думаю, что здесь водятся по-настоящему опасные растения или животные, — сказал Ворон, — хотя и неизвестно, что именно Главная Система взяла за образец. Но в конце концов она должна была спасти человечество, а не уморить его.

Путь с самого начала оказался нелегким. Встречаясь с джунглями, лавовый поток отнюдь не кончался, и под густой растительностью часто скрывались трещины и расщелины, словно нарочно сделанные для того, чтобы неосторожный путешественник сломал себе ногу. Ворон и Нейджи без остановки работали ножами, радуясь, что догадались надеть прочные, на толстой подошве ботинки от скафандров.

Наконец они наткнулись на совсем древние скалы, покрытые слоем мягкой, пружинящей под ногой почвы. Но едва они ступили на нее, в воздух поднялась целая туча разнокалиберных крылатых созданий. Те, что были побольше, жужжали довольно грозно.

— Если Клейбену так нужна его коллекция, пускай идет сам, — отмахиваясь, сердито проворчал Ворон.

Наконец они достигли невысокого, но довольно крутого откоса, за которым растительность кончалась и начинался гладкий плотный песок. Песчаный пляж,

густо усеянный плавниками. Песок был серовато-коричневым, а море...

— Первый раз вижу кроваво-красную воду, — изумился Ворон.

Спрятав с откоса, Нейджи подошел к кромке прибоя и опустился на колени.

— Не кровь и не красная, — через минуту сообщил он. — И вообще вода тут ни при чем. Тонкий слой мельчайших животных или растений. По-моему, все-таки растений. Видимо, какой-то планктон. Десять к одному, что он не затянул весь океан только из-за ветра и штормов. Приливы здесь невысокие, большой луны у этой планеты нет.

Ворон удивленно уставился на него:

— Ты что, астроном?

— Нет, я, как и вы. Хватаю что где придется. Никогда не знаешь заранее, что и когда пригодится.

Ворон посмотрел на него с уважением. По роду деятельности, да и по складу характера, они с Нейджи были очень схожи, хотя круг действовал в основном наобум, а Нейджи предпочитал более продуманный подход. Ворон подозревал, что в джунглях от Нейджи толку маловато, но в сколько-нибудь цивилизованной обстановке он может оказаться даже опаснее Клейбена.

— Вот что, Нейджи. Я знаю, зачем я здесь, а вот зачем ты?

— Возможно, нам стоит обменяться информацией, — отозвался тот. — Строго говоря, я как раз собирался задать вам тот же самый вопрос. Что касается меня, то это очень просто — затем, чтобы остаться в живых. Мы с вами прошли одну и ту же школу. Выживание есть непременное условие успешных действий. Я проворонил Мельхиор. Благодаря вам, между прочим. Администраторы такого не прощают, а побег обратил на нас внимание Главной Системы. Я заранее знал, что так получится, и поэтому решил лично возглавить погоню. Мне не хотелось быть там, когда Валы

начнут ломиться в двери. На нас с Клейбеном навесили бы всех собак. Выход был один — бежать, а бежать оставалось только к звездам. Так что, когда Клейбен смотрелся на своем форсированном межзвездном драндулете и прихватил меня с собой, у меня не было особых возражений. А вот вас я понять не могу. В чем дело? Жажда власти? Эти перстни могут кого угодно свести с ума на почве мании величия.

— Нет, — спокойно ответил Ворон. — Я здесь не по ошибке, я никого не предавал, и я не в бегах. Я просто делаю свое дело.

— Какое? Разогнать Мельхиор? Сколотить эту пеструю команду? Затащить нас всех сюда? Разъярить Главную Систему настолько, насколько вообще можно разъярить компьютер? На кого же вы работаете, если вытворяете такое?

— Хочешь знать правду?

— Черт подери! Конечно!

— Так вот, понятия не имею. Чен — верховный администратор на Земле и сам носит один из перстней, — но, как бы высоко ни стоял Чен, он тоже на кого-то работает. В некотором смысле его положение опаснее, чем мое. Разумеется, я не должен был знать никого, кроме Чена. Чего не знаешь, того не разболтаешь. А я подозреваю, что у него тоже есть запасной выход, как у Клейбена, на случай, если вокруг станет слишком горячо.

Нейджи, нахмурившись, уставилсь на Ворона:

— Но выше этих администраторов никого нет! Они получают приказы прямо от Главной Системы. Чтобы вклиниться в эту цепочку, нужны компьютеры, и притом такие, которые Главная Система не может ни про-контролировать, ни перепрограммировать. Значит, за Ченом должен стоять компьютерный мозг, а это же невозможно!

— Очень даже возможно. Только я не знаю, как именно. Но даже если сведения о перстнях уцелели

случайно и случайно всплыли, дальнейшее никак нельзя списать на случайность. Я не уверен даже, что та авария, которая заставила курьера от Вурдаль к Чену упасть чуть ли не у дверей Козодоя, была случайной. Оч-чень удобно... Сопоставь-ка это с тем, что одновременно в Китае у технологистов обнаружили полные планы корабля класса «Грома». Как им управлять, как установить интерфейс... Сразу возникает вопрос о редкостном совпадении. Может быть, оно и так. Может, конечно, раз в девять сотен лет все сойтись. Только мне не верится. За девятьсот миллионов лет — куда ни шло, но и тут я скажу — натяжка. А что касается меня, то я просто довесок. Вурдаль нужно было выследить Козодоя на незнакомой территории, я как раз оказался под рукой. Потом еще эта Сон Чин, которая совершенно случайно оказалась дочерью регионального администратора и знала все секретные коды и перекрытия команд. И она — вот ведь ока..я — получает доступ ко всей информации технологистов. Черт побери, да она сама участвовала в налете — с каких это пор родственников таких шишек допускают к таким делам? А потом ей дают ровно столько времени, сколько нужно, чтобы разобраться во всем, и начинают так на нее давить, что ей остается только пуститься в бега.

— Продолжайте. Я, кажется, начинаю понимать ход ваших мыслей.

— Так вот, наша китаянка бежит и случайно, совершенно случайно, оказывается на только что переукомплектованном корабле, командный модуль которого модифицирован и перепрограммирован для независимых действий. Теперь-то мы знаем, как легко это сделать в космосе, но кому удалось бы провернуть это на Земле, под самым носом Главной Системы? А ведь кто-то это сделал. Поганец Сабатини взял с нее свое, но все же она прибыла на Мельхиор, а благодаря Чену там же оказались Козодой, Вурдаль и я с подробным списком — кому устроить побег, как и на каком ко-

рабле. Но это еще не все. От Чена я узнал, где находятся три из четырех недостающих перстней. Откуда ему было знать об этом?

Нейджи немного поразмыслил:

— Может быть, он договорился с флибустьерами?

Большая награда за сведения о любом перстне...

— Это мы еще проверим, но ты бы рискнул на его месте? Я — нет. Они бы сразу задумались, зачем ему эти перстни, и не успел бы он оглянуться, как флибустьеры ограбили бы и его, и Главную Систему, точь-в-точь как надеемся сделать мы. Вот так. Когда я разговаривал с Ченом, он еще не знал, где остальные перстни, — голову даю на отсечение. А вот когда я получил на Мельхиоре послание, закодированное его личным кодом, эти сведения были там. Я думаю, что это послание и список тех, кому надо устроить побег, отправил не он. Это был кто-то еще.

— Кстати о списке. Почему именно Козодой? И почему вы так уверены, что та авария была не случайной?

— Может быть, я и ошибаюсь, хотя скорее всего нет. А Козодой... Чен говорил, что Козодой — ключ ко всему делу. Он не боец, хотя и достаточно храбр. Он интеллектуал. Историк. Специалист по последнему столетию домашинной цивилизации. Мне приказали — Чен приказал — защищать его любой ценой. Такие вещи не происходят случайно, даже если согласиться с тем, что все остальное — совпадения. Так что я здесь на службе и исполняю приказы. Я пока не знаю чьи, но думаю, это выяснится, когда самая трудная часть дела будет позади, — если только у нас что-то получится. Козодой прав в одном — Главной Системе нелегко помешать нам добыть перстни. Но она не беспомощна, и пока что большинство шансов против нас.

Нейджи задумчиво поскреб свой длинный подбородок:

— Ну что ж, мне приходят в голову два варианта. Я вынужден согласиться, что все эти совпадения вы-

глядят чересчур надуманно, и возникает вопрос, кто это затеял. Возможно, что нас забросила сюда сама Главная Система для проверки безопасности.

— Я думал об этом, но это чушь. Кольца — единственное, что может ее прикончить, и просто невероятно, чтобы столь логически мыслящая тварь могла выпустить такую информацию на свет, а особенно — дать ей уйти за пределы Солнечной системы. Раз уж сведения вышли наружу, они уже не вернутся. Рано или поздно кто-то воспользуется ими, и глупо надеяться, что удастся вовремя прихлопнуть крышку. Нет-нет, по любой логике это не имеет смысла. Одно лишь известие, что Главную Систему можно не только повредить, но и уничтожить, подхлестнуло бы людей. Она это знает. Она слишком хорошо знает нас всех.

Нейджи кивнул:

— Отсюда вытекает второй вариант. Вы уж ссылали, что Главная Система утверждает, будто идет война. Она, мол, непрерывно сражается, удерживает свои позиции, но не более того. Никто не знает, с кем она воюет, но противник чертовски силен, если сумел добиться с Главной Системой хотя бы ничьей. Может быть, дело именно в этом. Поставьте себя на его место, вы воевали с нашей Системой и зашли в тупик, что бы вы предприняли? Занимались бы поиском информации, организацией пятой колонны — так? И если бы вы наткнулись на сведения, что где-то есть оружие, способное вышибить мозги из Главной Системы, вы бы обязательно попробовали его добыть.

Ворону такая мысль еще не приходила в голову, и он заинтересовался:

— Но... если это так, то зачем такие сложности? Не проще ли было послать своих агентов?

Нейджи пожал плечами:

— Почему именно мы — не знаю, а что касается своих агентов, то тут действительно есть кое-какие основания для простого ответа. Вы сами говорили — в

ядре Главной Системы существуют некие директивы, согласно которым мы как люди имеем право попытаться добыть перстни. Негуманоиды, я хочу сказать, люди, не происходящие от землян, этого преимущества не имеют. Возможно, там все как следует прикинули и решили, что у людей получится лучше.

— Но в таком случае, добыв перстни, мы покончим с чем-то большим, чем Главная Система, Чен и прочие любители повластвовать... Нейджи, подумай, что будет, когда мы соберем их и вырубим Главную Систему?

Нейджи зловеще ухмыльнулся:

— Тогда они выиграют, не так ли? — Он вздохнул. — Но почему бы не перейти этот мост, раз мы уже на него ступили? Черт побери, ведь мы пока еще даже не начинали.

Он взглянул на алые волны:

— Там есть острова. Надо будет соорудить лодку и проведать соседей. — Он оглядел пляж. — Здесь есть какой-то природный волнолом. Видите, там, дальше? Наверное, лавовый язык, или риф, или еще что-то. Я бы предложил устроиться прямо здесь, только подальше от берега, у границы джунглей. Выжечь хорошую тропу и следить, чтобы не зарастала. Джунгли постоянно будут ее отвоевывать. — Нейджи перевел взгляд на более высокий из двух вулканических пиков. — Туда тоже придется забираться: надо будет устроить убежище на высоте, на случай сильной бури. — Он вздохнул и задумчиво покачал головой. — Вулканы похожи на земные, значит, почва должна быть плодородной. Если выжечь подходящий участок, можно будет попробовать заняться земледелием. Я...

За его спиной внезапно раздался громкий всплеск, и он резко повернулся, с поразительным проворством выхватив пистолет. Ворон среагировал точно так же, хотя и чуть медленнее. Окинув взглядом пустынные волны, кроу нахмурился:

— Что-то упало? Или кто-то прыгнул в воду?

— Не знаю... Пилот говорил, что океан обитаем... Возможно, это какой-нибудь кит. Пожалуй, придется это выяснить, прежде чем начать строить лодку.

Ворон полез в свой рюкзак и достал маленький бинокль, с которым никогда не расставался. Сунув пистолет в кобуру, он поднес бинокль к глазам и внимательно осмотрел океанскую гладь.

— Там что-то черное. И довольно большое, — сообщил он. — Не могу сказать точно. Вроде тех здоровенных осетров, которых мы ловили в Миссури и Миссисипи, а то и побольше. — Он смахнул со лба пот и вновь поднял бинокль. В поле его зрения попал ближайший остров, километрах в четырех, и кроу, внезапно вздрогнув, стал пристально рассматривать его. — Нейджи, я хочу, чтобы ты тоже взглянул на это. И думаю, пока нам лучше держать эту новость при себе.

— А? Что? — Нейджи тоже сунул пистолет в кобуру и взял протянутый бинокль.

— Вон тот остров. На пару градусов правее, где берег сужается. Прямо над этим местом.

Арнольд Нейджи быстро нашел то, о чем говорил кроу, и тоже непроизвольно вздрогнул.

— Этот ряд деревьев слишком ровный, — негромко пробормотал он. — За девятьсот лет такой порядок едва ли сохранился бы. Их явно сажали недавно, и кто-то ухаживает за посадками, но это не Главная Система.

— Флибустьеры? — предположил Ворон.

Нейджи вздохнул:

— Возможно, хотя и сомнительно. У них другие обычай. Может быть, потерпевшие крушение, но такое совпадение уже за пределами реальности. Здесь же тысячи островов. Так, так... Похоже, у флибустьеров были свои причины держаться подальше от этой планеты. Кажется, это гораздо более развитый прототип, чем мы думали.

— Ты хочешь сказать, населенный?
— Похоже на то. Вот только кем?
— Или чем? — добавил Ворон.
Они сообщили на корабль.
— Час от часу не легче, — с досадой заметил Ко-
зодой. — Возможно... даже скорее всего нам придется
пересмотреть наши планы насчет этой планеты. Вокруг
достаточно места.

— Нет, — возразил Звездный Орел. — Идеально
подходящих планет не существует, кроме той, на ко-
торой вы родились, а корабль не приспособлен для
длительного проживания. Я намерен провести серьез-
ную модификацию, а это требует времени и отсутствия
на борту людей. И потом, он не годится для того, чтобы
в нем рождались дети. Состояние невесомости непло-
хо, пока ребенок находится в утробе матери, но по-
явиться на свет он должен там, где будет с самого на-
чала чувствовать силу тяжести.

Козодою пришло в голову, что Звездный Орел на-
много больше беспокоится о Хань, чем обо всех ос-
тальных, но он понимал, что настаивать не стоит. Пилот имел свободную волю в полном смысле этого
слова, а поскольку он один контролировал доступ к
обширным банкам данных и межзвездным двигателям,
его мнение было решающим. Козодой впервые с удив-
лением осознал, что между маленькой беременной
женщиной, которой через несколько дней или недель
предстояло рожать, и машинным разумом, к которому
она подсоединялась, установились свои, удивительные
отношения. Чувствовал ли — мог ли чувствовать —
Звездный Орел то, что чувствуют люди? И сейчас —
оберегал ли он ее или, наоборот, себя, опасаясь изме-
нений в ее психике? Козодой вздохнул. Узнать это
было невозможно.

— Ладно, но лагерь нужно разбить подальше от
воды и поближе к трансмьютеру. Было бы неразумно
вторгаться в чужие владения. И надо наконец позабо-

титься о периметре. Нас слишком мало, чтобы нести круглосуточную вахту.

— Согласен, ремонтники займутся этим в ближайшее время, но все же вам всем необходимо постоянно носить оружие. А если это все же окажутся люди, в любом смысле слова, надо установить с ними контакт и попробовать договориться.

— Если это люди, то они, возможно, не настроены первыми начинать переговоры, — ответил Козодой. — А если мы пожалуем в гости без приглашения, они могут запросто расценить это как нарушение территориальных прав. А это означает войну и...

Его перебил скрипучий голос Ривы Колль:

— Если мы не сможем одолеть даже их, то какого черта нам браться за Главную Систему?

Козодой поморщился, чувствуя себя во главе кавалерийского отряда, атакующего стойбище индейского племени. Он хлопнул себя по колену:

— Ну что ж, идем!

4. НЕМНОГО ПОЛИТИКИ

Если не считать жары и влажности, они чувствовали себя почти как дома. Козодой сидел перед костром и хмуро осматривал лагерь. Роботы-ремонтники поработали на славу, но и экипажу пришлось потрудиться. По иронии судьбы необходимыми навыками обладали только Танцующая в Облаках, Молчаливая и сестры Чо. Все остальные оказались чересчур избалованы цивилизацией, чтобы уметь строить жилища из подручных материалов.

Трансмьютер был неоценим, но мог пересыпать вещи, ограниченные размерами: метр в длину, метр в ширину и метра два в высоту. Даже ремонтных роботов приходилось пересыпать по частям и собирать вручную. Здесь Клейбену не было равных, и при виде того, как куча железок, опутанных бесчисленными проводами, обретает некую форму и после включения сама себя собирает окончательно, даже Козодой испытывал нечто похожее на священный трепет.

Расчистив площадку на порядочном расстоянии от моря, они построили несколько хижин из стволов растения, отдаленно напоминающего бамбук. На кровлю пошел местный аналог тростника. Хижины получились довольно удобными и даже почти непромокаемыми. С помощью древних плотницких инструментов, чьи матрицы нашлись во все тех же неисчерпаемых банках данных Звездного Орла, был изготовлен примитивный ткацкий станок, на котором Танцующая в Облаках и Молчаливая ткали покрывала и ткани.

В том, что касалось еды, они все еще почти полностью зависели от трансмьютера. Хотя банки данных корабля и содержали матрицы самых разных семян, земледелие требовало времени и трудов. При этом не было никаких гарантий, что посевы приживутся в этом климате и на этой почве.

Клейбен, то и дело консультируясь со Звездным Орлом, собирал силовой генератор, а до тех пор у них имелось только самое элементарное энергоснабжение и почти вся энергия уходила на поддержание защитного периметра. Он представлял собой ряд металлических стоек, надежно вкопанных в землю, между которыми проходили еле заметные электрические провода. Всякий, кто коснулся бы их, получил бы сильнейший удар, а контакт с одним из столбиков означал скорее всего мгновенную смерть. При размыкании линии устройство начинало угрожающе ютрескивать, и треск этот был способен разбудить даже мертвого. Конечно, такую защиту едва ли можно было назвать надежной, но она хотя бы гарантировала, что никто не вломится к ним без предупреждения.

Гипотетические туземцы пока не подавали признаков жизни. Козодоя в немалой степени обрадовало то, что все, даже Сабатини, внесли свою лепту в обустройство лагеря. Отношения между Колль и Клейбеном были слегка натянутыми, но, в общем, довольно мирными: видимо, она и впрямь собиралась честно выполнять свою часть сделки, по крайней мере в ближайшем будущем. Правда, Клейбен при этом ходил в постоянном страхе, да и Нейджи чувствовал себя немногим лучше. В глубине души Козодой сгорал от любопытства и мечтал побольше узнать о странном творении доктора. Хань была живым свидетельством того, на что способен Клейбен, разыгрывающий из себя бога-творца, но Козодой до сих пор не мог до конца поверить в ее историю. Собственно, в этом заключалась основная проблема: они по-прежнему оставались

сборищем людей, объединенных только взаимной необходимостью и силой обстоятельств. Они не были единой командой.

Тучный Айзек Клейбен сидел в своей тесной хижине. Складки его живота переваливались через набедренную повязку. В тусклом свете масляного фонаря он колдовал над портативной лабораторией; ее маленькие батареи казались неисчерпаемыми. В бамбуковой хижине лаборатория выглядела дико. Клейбен и сам чувствовал, что его деятельность плохо сочетается с окружающей обстановкой, но был преисполнен решимости. И мысли его, естественно, сильно отличались от мыслей Козодоя.

— Мы просто сброд, Арнольд, вот кто мы такие. Примитивный сброд во власти свихнувшегося компьютерного пилота. Так мы ничего не добьемся.

Арнольд Нейджи тяжело вздохнул:

— Я думаю, док, лучше подождать, пока все уляжется, по крайней мере пока что. Ворон и Вурдаль — люди моего сорта, я их понимаю и смогу договориться. Они смотрят на Козодоя как на старшего. Но он не прирожденный лидер и хорошо это понимает. Кроме них только у китаяночки есть мужество и мозги, но она беспомощна и уязвима.

— Ты забываешь об этой твари, — напомнил Клейбен. — Ты же видел, как она на меня смотрит. С тех пор, как мы очутились здесь, я ни разу не заснул спокойно.

Нейджи пожал плечами:

— А что поделаешь? Вам пришлось бы сжечь ее или поджаривать электротоком, пока она не растечется в слякоть. Стрелять бесполезно, вы и сами знаете.

— Если бы только я мог добраться до своей базы данных!

Нейджи вздохнул:

— Слушайте, док, допустим, вы получили формулу и настряпали полную ванну этой стабилизирующей па-

кости. Все равно я не думаю, что она сама туда прыгнет, и не вижу никакого способа ее заставить. Прежде чем разбираться с ней, надо дождаться более подходящего момента. — Прирожденный лингвист, Нейджи с исключительной точностью воспроизводил гнусавый простонародный говор. Слушая его, можно было легко позабыть о недюжинном уме, скрытом под речью простого работяги, чего, собственно, он и добивался.

— Проблема состоит в том, Арнольд, что так мы ни к чему не придем. Мы скатываемся к примитивному квазиплеменному существованию, чреватому утратой сплоченности и устремлений. С теми ресурсами, которыми располагают наши корабли, и теми знаниями, которыми обладают эти люди, я мог бы превратить нашу группу в зародыш армии, способной завоевать Вселенную. Но я не осмеливаюсь. Стоит мне просто подать голос — и то ненадежное соглашение, которое связывает эту тварь с остальными, немедленно распадется.

Сабатини, который, казалось, дремал на койке, внезапно открыл глаза:

- И что, вы говорите, может убить эту, как ее там?
- Сожжение или сильный электроток.
- Хватит ли мощности у изгороди?
- Возможно, если держать ее там достаточно долго.

Сабатини немного помолчал:

- А эти светильники, они вроде как масляные, так?
- Да. Масло синтезировано в трансмьютере из пальмовых листьев. А что?

— А чего же еще вам надо? Предположим, старушку кто-то завлечет, а может быть, подтолкнет. Она дотронется до одного из столбиков. Пока она будет в шоке, этот кто-то хорошенько полет ее маслом. Не-плохой получится факел, а?

Клейбен оторвался от своей работы и, повернувшись, уставился на Сабатини:

- Это становится интересным. Продолжайте.

— Я думаю, все можно будет устроить. Она очень переживает за девушек, особенно за сестер Чо. Ручей, где мы берем питьевую воду, и выгребная яма находятся довольно близко к изгороди и как раз на задах. Туда обычно никто не смотрит. У меня руки чешутся преподать этим стервочкам Чо небольшой урок.

— Вот как? — с почти незаметной ухмылкой спросил Нейджи. — Сдается мне, я слыхал, что, когда вам в последний раз пришла в голову такая мысль, они вас выпихнули через воздушный шлюз.

— Это все та китайская девка. Я ее недооценил, но вы, док, здорово с ней управились. Без нее они были бы как овечки. Но дело не в этом. Я уверен, что сумею заманить Колль к изгороди, используя кого-нибудь из них.

Клейбен пристально посмотрел на того, кто единственный из всех попал сюда не по своей воле.

— И что потом, капитан? Предположим, ваша уловка сработала. А дальше?

— Дальше? Ну, тогда мы... то есть вы возьмете руководство, как вы говорили.

Ученый прокашлялся:

— Да, полагаю, вы знаете, как добиться и этого. Так как же именно? Перерезать глотки Ворону и Вурдаль? Сомневаюсь, чтобы вам легко это удалось, особенно что касается чернокожей. Она сумасшедшая. Она обожает убивать и, уверен, превосходно это умеет, иначе бы ее здесь не было. И разумеется, остается еще Козодой.

— Да, конечно. Но, черт возьми, если я возьму на себя Колль, неужели вы уж как-нибудь не управитесь с остальными? Пять женщин, нас трое — отличный расклад, а китайская девка будет заложницей, чтобы компьютер делал то, что мы захотим.

Клейбен взглянул на Нейджи, и тот слегка прикрыл глаза.

— Как вам скорее всего неизвестно, капитан, — медленно произнес Клейбен, тщательно подбирая слова, — дипломатия и компромисс зачастую эффек-

тивнее грубой силы. Однако я охотно приму вашу помощь. Если вы поможете мне одолеть тварь, я позабочусь о том, чтобы вы не остались внакладе. Уберите ее, а все остальное предоставьте нам.

Сабатини встал, потянулся и зевнул:

— Само собой, док. Разве я не об этом говорил?

Выгребная яма, выкопанная как можно дальше от хижин и от ручья, находилась почти у самой изгороди, через которую можно было перебросить что угодно: камень, копье, стрелу, — и поэтому без вооруженной охраны никто в туалет не ходил. Женщин обычно сопровождали Манка Вурдаль или Рива Колль, поскольку только они владели современным оружием.

Сабатини подготовил все заранее и ждал, сидя в засаде. Чо Дай направилась к яме, а Рива Колль остановилась чуть поодаль, чтобы самой не превратиться в мишень. На девушку она почти не смотрела. Чо Дай поправляла одежду, когда перед ней неожиданно возник Сабатини.

— Без юбки ты выглядишь лучше, — громко заявил он. — Я тебя хорошо помню, голубушка. У тебя долго не было мужчины, так что ты кое в чем нуждаешься.

Чо Дай вздрогнула и испуганно взглянула на него. Память о том, как Сабатини жестоко мучил ее на корабле, была еще свежа.

— Проваливай, ублюдок, — храбро отрезала она, но голос ее дрожал. — Когда мне понадобится мужчина, я его найду. А пока я не вижу рядом ничего, кроме дерья.

— Ах ты, сучка! Мне что, снова тебя проучить? — Он надвигался на нее с обдуманной неторопливостью, изображая преувеличенную ярость.

Она увернулась и бросилась бежать, но Сабатини поймал ее за руку и развернул лицом к себе. Она закричала.

Колль немедленно повернула голову. Ее палец тут же оказался на спусковом крючке, но стрелять она не решилась, боясь попасть в Чо Дай, которую крепко держал Сабатини.

— Ах ты, подонок! — крикнула она, побегая к ним. — Отпусти ее сейчас же! Ты много себе позволяешь!

В ответ он злобно ухмыльнулся и, хладнокровно отшвырнув Чо Дай, шагнул ей навстречу. Колль была слишком разъярена, чтобы раздумывать или хотя бы позвать на помощь. Оглушенная Чо Дай осталась лежать там, где упала.

— Я и не таких доставала! — крикнула Колль, становясь в боевую стойку. Сабатини, ухмыляясь, передразнил ее. Рива сделала обманный выпад и прыгнула, метя ногой в живот противника. Сабатини легко уклонился, и удар пришелся вскользь и даже не заставил его потерять равновесие. В следующий момент он развернулся и толкнул Колль ближе к изгороди. Пока она выпрямлялась, Сабатини нагнулся и вытащил из травы длинную и тонкую проволоку, тянувшуюся к самой изгороди. Увидев ее, Колль расхохоталась и перепрыгнула через проволоку, но тут же запуталась в настоящей проволочной сети, которую Сабатини искусно спрятал в траве между выгребной ямой и изгородью. Она упала, а Сабатини тут же насыпал на нее и потянул ее правую руку к металлическому столбику. Опутанная проволокой и оглушенная, она пыталась сопротивляться, но Сабатини заставил ее коснуться столбика.

Громкий треск электрического разряда поднял тучу испуганных насекомых. Сам Сабатини не пострадал: он предусмотрительно надел изолирующие ботинки от скафандра.

Крик Ривы Колль был еще громче треска электрического разряда. Отпустив ее руку, Сабатини потянулся к ее кобуре и вынул пистолет, боясь, что воспламенятся патроны, а потом отошел подальше.

Рука Ривы Колль почернела и обуглилась, кожа пошла пузырями. В воздухе разнесся смрад горелого мяса. Казалось, кисть Ривы сделана из пластика, она плавилась и становилась тягучей, а Колль отчаянно пыталась оторваться от изгороди.

И это ей удалось! Тонкая перемычка расплавленной плоти лопнула. Правая кисть, прилипшая к столбику, все еще горела, но Колль была свободна.

Сабатини испуганно отпрянул.

— Не может быть! — в замешательстве пробормотал он.

Риву Колль сотрясали приступы боли, но она уже была на ногах. Померкший обрубок руки выглядел жутко, но больше всего Сабатини пугало отсутствие крови.

— Ну вот ты и попался, — проговорила Рива Колль сухим, зловещим, почти нечеловеческим голосом. — Вот ты и довел меня! Кто это тебя подговорил? Клейбен? Не-е-ет, он слишком умен, чтобы ловить меня на такую удочку. Ладно, сыночек, пора... Пора нам с тобой познакомиться поближе. — Сказав это, она двинулась на бывшего капитана.

Было в ее словах что-то такое, от чего Сабатини пришел в ужас. Он отчаянно потянулся за ведром с маслом, которое подготовил заранее, но запутался в собственной проволочной сети и грохнулся наземь.

Тем временем сбежались остальные, привлеченные шумом и суматохой. Они стояли вокруг, не зная, что делать. Помогать Колль было уже поздно.

Перекатившись на спину, Сабатини сжал рукоять пистолета, взятого у Колль. Вурдалъ потянулась было за своим оружием, но Клейбен остановил ее:

— Нет! Ей ничего не будет! Смотрите и учитесь!

Манка вопросительно взглянула на Ворона. Тот молча кивнул и сунул в рот неизменную недокуренную сигару.

Сабатини трижды выстрелил в упор. Пули пронзили Колль и вышли через спину, сила удара бросила ее наземь, но она сразу же поднялась, словно стреляли не в нее. Вокруг трех огромных ран проступило лишь несколько капелек крови.

Колль расхохоталась в лицо Сабатини:

— Ну, теперь ты мой! Ты совсем испортил мое старое тряпье!

Манка Вурдаль в недоумении уставилась на остальных.

— Он же попал, — удивленно воскликнула она. — Не может быть! Смотрите, какие дыры у нее в спине!

Рива Колль скинула с себя юбку, чудовищным усилием разорвала пояс с кобурой и бросилась на Сабатини. Он был так же поражен, как Манка Вурдаль, и не успел увернуться.

Колль приникла к Сабатини; его тело внезапно дернулось и застыло, рот открылся в беззвучном крике.

— Чо Дай, уходи! Беги отсюда! — раздался страшный, уже совершенно нечеловеческий вопль. Китаянка наконец пришла в себя, кое-как поднялась и отбежала к остальным.

Двоих застыли на миг, словно скульптурная группа — невысокая, хрупкая на вид пожилая женщина, приникшая к груди огромного, мускулистого Сабатини, и вдруг начали изменяться.

— Господи боже мой! — прошептал Нейджи. — Они же плавятся! — Несмотря на постоянные разговоры с Клейбеном, он все еще сомневался, что Колль — не то, чем кажется на первый взгляд. В конце концов, Клейбен мог и помешаться. Но теперь уже ни у кого не оставалось сомнений, что Айзек Клейбен, будь он в своем уме или нет, не обманул их хотя бы в этом.

У Вороны выпала изо рта недокуренная сигара.

— По счастью, процесс достаточно медленный, — хладнокровно заметил Клейбен таким тоном, словно говорил о вывихнутой лодыжке. — Только поэтому мы

сумели поймать ее и удержать. Давненько я этого не видел. Хорошо, что хотя бы скорость его не меняется. Это дает нам кое-какие шансы.

Его равнодушие возмутило остальных, но никто не мог отвести глаз от зралища, неторопливо развертывавшегося перед ними.

Слившиеся тела уже превратились в единую бурлящую массу бесформенной плоти. Она корчилась и вздрагивала, а из центра ее медленно, непередаваемо медленно поднималось нечто, которое словно бы пряталось внутри, а теперь разгибалось и вставало в полный рост. Сперва появилась голова, не человеческая, хотя и человекоподобная, череп, заплыvший одутловатыми натеками плоти, безволосый, слепой, со слипшимися ноздрями и губами. Он был уродлив и страшен, но никто не мог отвести от него глаз даже на мгновение.

Потом вылепилась шея, за ней всплыл торс, широкий, мускулистый, но лишенный деталей, затем бедра и наконец массивные ноги. Выросшая фигура стояла в глубокой луже пузырящейся протоплазмы, похожая скорее на недоделанный пластиковый или восковой манекен, чем на человека. Она все еще соединялась с массой, в которой коренилась, словно странное дерево. Она все еще преображалась.

Вот незаметно, исподволь, изменилось строение и цвет кожи, мускулы уплотнились, затвердели и обрели естественный вид. Проявились соски, гениталии, торс сформировался невероятно точно, вплоть до почти незаметных шрамов. Медленно и постепенно, незаметно для глаза, как движение часовой стрелки, проявились волосы, ресницы и остальные детали. Теперь в стоящей фигуре можно было безошибочно узнать Сабатини.

Внезапно фигура обрела жизнь, это была уже не статуя Сабатини, а живой человек.

Он вздрогнул и глубоко вздохнул. Губы разлепились, он согнул руки, колени, попробовал, как сгибается поясница.

Открыв глаза, он с отвращением взглянул на лужу пузырящейся протоплазмы и вышел из нее. Полоски расплавленной плоти протянулись за ним и оборвались. Присев на корточки, он стер остатки, прилипшие к ступням. Лужа протоплазмы за его спиной колыхнулась последний раз и замерла. Почти сразу же вокруг разнесся запах гниения.

Новый Сабатини встал во весь рост и взглянул на остальных:

— До чего же это нелегко, когда у тебя есть совесть, — произнес он своим обычным сочным баритоном. Даже его акцент остался неизменным. — Приходится убивать невинных или давать бессмертие отбросам человечества. Не беспокойтесь, Клейбен, вас я не съем, если вы меня не заставите. Меня и так мутит от отвращения, чтобы еще оскверняться, превращаясь в вас. — Он взглянул на Козодоя. — Ну вот, теперь вы видите, почему я вам так необходим. В какой бы чертовой дыре ни жил владелец перстня, каким бы чудовищем он ни был, ему от меня не укрыться. Я могу превратиться в его наперсника, в его лучшего друга, в его любовницу. Даже в него самого.

«Или в меня», — мрачно подумал Козодой, зная, что и остальным пришла в голову та же мысль. Он лихорадочно искал способ обеспечить собственную безопасность.

— А можешь ли ты превратиться сразу в пятерых человек или больше, дружище?

Создание, принявшее облик Сабатини, нахмурилось:

— Что? Нет, конечно. Вы сами видели, остаток тут же становится тухлятиной.

— Ну а, допустим, в Вала или, скажем, в робота? Например, в Звездного Орла?

— Вы же знаете, что нет. Куда вы клоните?

— Должен тебя предупредить: для того чтобы пустить перстни в ход, требуется пять человек, действующих согласованно и по доброй воле. Если хоть один

из них возразит, все пятеро будут уничтожены. Даже ты не сможешь противостоять полной мощи Главной Системы и прекрасно это понимаешь. Ты рискуешь меньше нас, но ненамного. За тобой тоже могут послать Вала, и на его корабле, среди машин, ты будешь таким же беспомощным, как на Мельхиоре, не говоря уж о том, что Главная Система куда хуже, чем Клейбен. Наше соглашение остается в силе, но впредь ты не должен поглощать никого из нас.

— Я понимаю ваши опасения и намерен сдержать свое слово. Однако как вы узнаете, что я его нарушил?

— Узнаем, — сказал Айзек Клейбен. — Когда Сабатини исчезнет. Не так ли?

— Я сам и большинство здесь присутствующих лично вызовем сюда Валов, если наш договор будет нарушен, — предостерег Козодой. — Твои... твои способности невероятны, всего несколько минут назад я вообще не мог поверить, что такое возможно. Именно благодаря им ты находишься здесь, но из-за них же ты можешь запросто оказаться в другом месте.

— Я буду вести себя прилично, — сказал Сабатини; его голос и манера речи были точно такими же, как у прежнего капитана. — Ведь вы доверяли Колль, не так ли? Она все еще здесь, где-то внутри меня. Честное слово, я даже не знаю, как это получается. Самая большая трудность в том, что я должен быть почти точной копией. Подвергнув меня самому подробнейшему исследованию, вы обнаружили бы Сабатини, и только Сабатини. У вас нет ни оборудования, способного отделить его от меня, ни даже представления о том, как это сделать. Мои помыслы, характер, привычки — все принадлежит Сабатини, просто я лучше контролирую себя, и у меня больше совести. К завтрашнему дню я полностью стану Сабатини, но Сабатини, который кое в чем изменился и знает больше, чем раньше. И я не такой тупица, каким был он. — Сабатини зевнул. — Пожалуй, мне

надо выспаться. Я так давно этим не занимался, что совсем забыл, насколько оно утомительно.

Он побрел прочь, и все расступились перед ним.

Ворон придвигнулся к Козодою.

— Это что, правда, вождь? — шепотом спросил он на языке лакота. — Насчет пятерых добровольцев?

Козодой пожал плечами и ответил по-английски:

— Черт бы меня побрал, кроу.

Ворон ухмыльнулся:

— Похоже, ты и вправду лучше всех годишься в вожди.

Было уже поздно, но никто не спал. Козодой, беспраштный и невозмутимый, как всегда, сидел у костра, погрузившись в раздумья. За его спиной, в центральной хижине, Танцующая в Облаках и Молчаливая готовились принять первого ребенка Хань. Остальные не вмешивались, но не потому, что так требовала традиция. Только эти две женщины имели опыт в подобных делах.

Подошел Клейбен и сел неподалеку. Некоторое время хайакут хранил молчание, ничем не показывая, что заметил его, потом неожиданно спросил:

— Сабатини все еще спит?

— Да. Он способен к активным действиям уже через несколько минут, но если есть возможность, предпочитает спать. Это помогает ему лучше включиться в новую память. Вы слышали сегодня — Сабатини раньше никогда так не говорил. Просто невероятно, как много может объединиться в его разуме. Иногда меня самого изумляет мое творение.

— Вы его создали или приказали создать?

— И то, и другое. Я разработал теоретическую часть, а другие, более искусные в практике, создали его самого. Окончательная программа была самой длинной, какую я только видел. При всем быстродей-

ствии наших компьютеров на одну только ее загрузку ушло трое суток.

— Просто непостижимо, как люди способны создать такое.

— Главную Систему тоже создали люди. По сути дела, всего пять человек написали программу, отладили ее и загрузили. Конечно, чтобы запустить даже примитивный первоначальный вариант, понадобилась целая армия техников, но сердцем замысла были эти пятеро. Мы почти ничего о них не знаем, кроме того, что они не были обычными людьми даже по меркам той многоязычной культуры, в которой существовали. Китаец-буддист из Сингапура, пожилая еврейка из Израиля, черный мусульманин, кажется, из какой-то африканской страны, молодая полуяпонка с Гавайев и старый профессор-еврей из восточной части Северной Америки. Любопытно, мы знаем их имена, происхождение и, как ни странно, вероисповедание, но ничего больше.

— Естественно. Большая часть этих сведений была уничтожена. По-моему, Главная Система сама выбирала, что сохранить, а что — ликвидировать. В конце концов, в определенном смысле это были ее родители. Братство Перстней или Братство Кольца, как они себя называли. Насколько я понимаю, название было заимствовано из какой-то книги, распространенной в те времена. Нечто вроде шутки, но скрывающей важный намек. Они понимали, что их творение может стать опасным для всех, доктор. Вам бы следовало у них поучиться.

— Я думал, что все учел. Все ограничил. Мы были чрезвычайно осторожны, но просто не могли предвидеть, насколько совершенный организм мы создаем. Это даже не столько организм, сколько колония. Память и все прочие организующие функции распределены между отдельными клетками, и их сочетание непрерывно меняется. Можно вышибить Сабатини мозги, но это лишь немного замедлит его движения. Память и личность Сабатини пропадут, но все осталь-

ное хранится и используется иначе. К несчастью, одновременно это делает его в конечном счете очень нестабильным. Когда клетки гибнут от старости, их заменяют новые, но его клеткам приходится работать несравненно активнее, чем нашим, и поэтому оно не может восстанавливать их обычными средствами и с той же скоростью, что и мы. Ему приходится делать это сразу, вы сами видели.

— Видел. А скажите, оно когда-нибудь было личностью? Подлинным человеком?

— Да. Откровенно говоря, я даже не помню, как его звали. Какой-то заключенный, которому мы стерли ментопринтером всю память. Так сказать, чистый лист. Единственный способ избежать излишней жестокости. По существу, нам требовалось лишь лучше понять механизм наших внутренних взаимодействий. Оригинал был всего лишь шаблоном, и не более того. Я мечтал об армии преданных мне существ, которые способны быть кем угодно и где угодно. Они могли бы проходить любые проверки, кроме высших уровней, доступных только машинам, и были бы неуязвимы практически для любого вида оружия. Они стали бы моими информаторами и, собрав воедино осколки знаний, недоступных для нас, сложили бы их вместе. Тогда я еще ничего не знал о перстнях. Это представлялось мне единственной, хотя и хрупкой надеждой победить Систему.

— А зачем, доктор?

— А? Что именно?

— Зачем вам побеждать Систему? Вы с ней словно бы созданы друг для друга, и незаметно, чтобы вас прельщала роль бога. На своем поприще вы пользовались колоссальной свободой. Так что нравственные побуждения тут, по-видимому, ни при чем. Так зачем же?

— Запретное знание. Мы постоянно были на грани провала. До сих пор не могу понять, почему Главная Система вообще терпела существование

Мельхиора. Но даже там... У нас было столько тупиков, мы были вынуждены отказываться от таких разработок, что вам и не снились... Человечество рождено для поиска знаний, Козодой. Только это имеет значение. Система наставила границы этому поиску, а я ненавижу ограничения.

— Оно и видно, — сухо заметил Козодой.

— Знаете, а я мог бы задать вам тот же вопрос. Мне кажется, мы с вами более схожи, чем вам хотелось бы. Для вас Система тоже не была особенно плоха. Когда вы открыли и прочли те документы, вы знали еще до того, как взглянуть на первое слово, что это опасно, быть может, опасно смертельно. И все же вы не могли устоять. Запретное знание.

За спиной у них раздалось несколько пронзительных вскриков, а потом — плач новорожденного. Ни Козодой, ни Клейбен не обернулись, но они услышали и поняли.

— Для вас — еще одна цифра в человеческой арифметике, доктор, — заметил Козодой. — Новый объект, новая игрушка, не более того. А не новая душа, обреченная на муки и жизнь в цепях. Вот в чем разница между нами. Этот малыш, столь грубо выброшенный в мир, имеет не меньшее, а может быть, большее значение, чем мы оба. Вам этого не понять. Вы попытаетесь оценить все количественно или просто отвергнете эту мысль, потому что в вашей душе не хватает чего-то важного. Это ваше проклятие, доктор, вот в чем ирония. Даже не будь Главной Системы, запретное знание останется — запретное для вас. Вы никогда не сможете обладать им, потому что оно для вас непостижимо. Поиск — не цель, а всего лишь средство.

— Спиритуалистический вздор. Вас ослепляет ваш романтизм и мистицизм, Козодой. Вам никогда не найти того, что вы ищете, пока вы не откажетесь от них.

— Братство Кольца отказалось — и подарило нам Главную Систему. Вы отказались — и дрожите от страха перед собственным созданием. Я не желаю подменять собой Главную Систему, доктор. Я не желаю, чтобы появилась раса органических роботов. Ваше создание было вторым чудовищем, которое вы сотворили, доктор. Первым были вы — самым опасным и заблудшим из ваших творений.

Танцующая в Облаках вышла из хижины и подошла к костру.

— Мальчик, — сказала она. — Крупненький и на вид здоровый. Его мать тоже выглядит здоровой телом, но в душе у нее что-то спуталось. Словно бы она напилась дурного зелья. Я не уверена, что она помнит даже свое имя. Она вдруг стала очень тихой и мечтательно улыбается. Она говорит очень нежно и только о родах. Это совсем другая женщина.

Айзек Клейбен вздохнул:

— Понимаете, по правде сказать, это не моя вина. — Он говорил почти что виноватым тоном. — Если бы я знал, как обернется дело, я бы вообще не стал вмешиваться, но в конце концов все равно случилось бы то же самое. Признаю, я кое-что подправил, но в основе своей она — творение своего отца.

Козодой недоуменно взглянул на ученого:

— Что вы имеете в виду?

— Старик занимает пост верховного администратора Китая. Во многих отношениях он выдающийся человек; но ограниченный той культурой, в которой родился и вырос. У него были те же идеи, что и у меня, — вывести умственно превосходящую расу, которая заткнула бы за пояс Главную Систему. Но он выбрал менее экстравагантный путь, хотя при этом он использовал свою собственную дочь — повторяю, свою собственную дочь. По сути дела, она была зачата не обычным способом, а в лаборатории, из измененных половых клеток. Предполагалось, что она будет

чрезвычайно талантлива и умна, но такие люди есть и сейчас, а ее отец хотел большего и был терпелив. Его внуки должны были превзойти всех, образовать Семейство, которое породило бы сверхрасу. Но он не был лишен сообразительности. И понимал, что, обладая незаурядными способностями, его дочь едва ли удовлетворится одним лишь вынашиванием потомков. Поэтому он собирался вернуть ее на дотехнологический уровень с помощью особой ментопрограммы, чтобы она не знала, чего лишилась, и могла спокойно существовать в патриархальном обществе. Предназначенный ей брак был насквозь фальшивым. С родословной у жениха все было в порядке, но он был законченным гомосексуалистом, а в тамошнем обществе подобные шалости караются мучительной смертью.

Козодой кивнул:

— Понятно. Поскольку она родила бы множество детей, он засвидетельствовал бы свою мужественность, но при этом все дети были бы не от него, а от специально отобранных доноров. По приказу мужа и семейства она бы приняла это, независимо от своего желания.

— Ну, старикан предусмотрел и это. После первых же родов химизм ее тела и мозга начал бы изменяться. И беременность стала бы ее естественным состоянием. В каждом из нас — в вас, во мне, в Танцующей в Облаках, Вороне, во всех остальных — сочетаются мужское и женское начала. Во всех, кроме Хань. После родов ее тело само себя очищает от всех гормонов и биохимических блокаторов, связанных с мужским началом. Единственное, что может вызвать ее агрессию, — это угроза ребенку. Естественно, она остро реагирует на все мужское, даже на ту малую часть, что имеется у других женщин. Она непосредственна, покорна, жаждет наслаждения и не способна сдержать свою страсть. Она сделает буквально все, чего от нее захотят, и будет умолять, чтобы ее изнасиловали. Все

остальное для нее будет безразлично до тех пор, пока она снова не забеременеет. Это восстановит гормональное равновесие и в определенном смысле вернет ее к норме. Кстати сказать, старик даже этого не предполагал. Судя по ее исходной генетической карте, она должна была постоянно оставаться такой, какая сейчас. Именно я до некоторой степени позволил ей хотя бы в процессе беременности обретать самоконтроль и силу воли. Таким образом, эксперимент мог продолжаться без утраты столь выдающегося ума.

— По-моему, это отвратительно, — твердо сказала Танцующая в Облаках. — И не пытайтесь выдать свои поступки за благодеяние.

— Несомненно, — неожиданно согласился Клейбен. — Впрочем, я и не пытаюсь. Я просто сделал то, что было в моих силах, но я не мог нарушить заложенный принцип. Хань — это своего рода колонизационная программа, воплощенная в одной-единственной женщине. Пилот это понимает. Я думаю, она тоже догадывается, но старается вытеснить эти догадки в подсознание, чтобы не сойти с ума. А нам необходимо, чтобы она была в своем уме. Не считая меня, она разбирается в машинном интеллекте лучше любого из наших современников. К несчастью, то, что легко было бы предпринять на Мельхиоре, сделать сейчас немыслимо сложно. Чем дольше Хань будет оставаться в этом животном состоянии, тем труднее ей будет справиться с собой, когда оно пройдет. Ее душевное равновесие может обеспечить лишь непрерывная беременность, а это значит, что скоро нам некуда будет девать детей. Им всем потребуется забота и внимание, а кто будет этим заниматься, когда у нас каждый человек на счету?

— Похоже, вы слишком много о ней знаете, — с подозрением сказал Козодой.

— Ну разумеется, нам же пришлось провести до- скональные исследования, прежде чем вносить изме-

нения, иначе мы могли бы навсегда потерять этот блестящий ум. Нам помогло то, что, зачиняя ее, стариk пользовался услугами Мельхиора. Я лично в этом не участвовал, но остались записи.

— Итак, величайшие умы человечества потратили уйму времени на то, чтобы настрыпать чудовищ, — язвительно заметил Козодой, — и все эти чудовища сейчас собрались здесь. Не хотите ли добавить еще что-нибудь о себе и о других? В конце концов, мы все побывали на Мельхиоре.

Клейбен с трудом выдавил кривую усмешку.

— Ничего существенного. Разумеется, мы намеревались использовать ваших жен и сестер Чо в качестве сиделок при младенцах на ранних стадиях эксперимента и для этого предприняли кое-какую ментальную коррекцию, но она совершенно безвредна. Больше мне ничего не известно.

Козодой в сердцах хватил себя кулаком по колену.

— Черт побери! Нельзя же сидеть здесь сложа руки и гнить заживо! Нам пора двигаться! — Он вздохнул. — А мы вынуждены ждать Звездного Орла. Хотел бы я знать, чем он занимается столько времени.

Плач младенца замолк, и внезапная тишина показалась оглушительной. Козодой взглянул на Танцующую в Облаках:

— Итак, есть Ворон, Нейджи и я. Когда она оправится, бросим жребий. Мне это не по душе, но обстоятельства исключительные.

Танцующая в Облаках кивнула:

— Понимаю. Но думаю, что не стоит включать в жеребьевку его. — Она намекала на Клейбена. Тот промолчал.

— А как насчет Сабатини, доктор? — добавил Козодой, чувствуя себя неловко. — Каков может быть результат?

— Не могу сказать с уверенностью. В принципе оно размножаться не может, но точно я не знаю, и мне бы

не хотелось ставить такой эксперимент, если этого можно избежать.

— Значит, надо этого избежать. Любой ценой.

— Звездный Орел вызывает Пиратскую Берлогу.

— Наконец-то! — отозвался Козодой. — Мы уж думали, что ты о нас забыл.

— Да вы хоть понимаете, что это такое — полная перестройка корабля вне верфи? — обиделся пилот. — Все равно что самому себе вырезать аппендицис! «Гром», кстати, еще не совсем закончен, но «Молния» уже готова. А вы чем занимались все это время?

Козодой вкратце описал пилоту все новости, особенно то, что касалось Хань и Ривы Колль.

— Как себя чувствует Хань?

— Неплохо. Она выходит из физиологической стадии и вернется к норме через неделю или две. Но думаю, что было бы неразумно надолго разлучать ее с ребенком, во всяком случае первое время. А в остальном — нам жарко, мы устали и безумно скучаем. Здесь совершенно нечего делать.

— Понимаю. Я не тратил времени попусту и параллельно успел оценить ситуацию. На планете Халиначи, которая находится на расстоянии одного прыжка — не более чем шесть дней полета, — существует база флибустьеров. Я основываюсь только на результатах радиоперехвата, но, по-видимому, это один из официально дозволенных авантпостов. Совсем недавно поблизости от планеты появились два Вала, и есть признаки, что они высадились в поселке.

Это была неприятная неожиданность.

— Я думал, что флибустьеры не включены в общую систему.

— Им позволяют существовать только потому, что они изредка оказываются полезными Главной Системе и никогда не переходят ей дорогу. Однако

большинство флибустьеров действительно любит Систему не больше нашего. У них просто нет выбора, как и у нас. Я надеялся, что Колль могла бы выйти на контакт с ними.

Козодой ненадолго задумался.

— Может быть, это сделает Нейджи? Посмотрим. — Он подозвал бывшего начальника Службы безопасности и того, кого теперь звали Сабатини. — Халиначи. Слышали когда-нибудь?

— Ну разумеется, — ответил Нейджи. — Он успел отпустить окладистую черную бороду и приобрел тот смуглый оттенок кожи, который Козодой имел от природы. — Я даже там бывал. Это одна из шести планет, где обе стороны встречаются, когда им что-то нужно друг от друга.

— Я примерно представляю себе, что люди могут попросить у Главной Системы, но понятия не имею, что они способны ей предложить?

Сабатини сплюнул:

— Глаза и уши. Человеческие тела, которые могут пройти там, куда машинам путь заказан. Флибустьеры контролируют контрабандную торговлю всем, чем Главная Система не позволяет торговать по обычным каналам. Она не желает тратить время на то, чтобы по-настоящему прикрыть эту торговлю, и поэтому старается ограничить ее такими вещами, которые не слишком раскачивают лодку. Как любые купцы, флибустьеры пользуются доверием некоторых высокопоставленных лиц в колониях. Они могут кое-что услышать, и они слушают. Иногда им случается услышать то, что может заинтересовать Главную Систему. Тогда они продают этот секрет в обмен на товары или услуги. Вам лучше меня известно, что Главную Систему можно обмануть — до определенной степени, и, чтобы взять реванш, она использует флибустьеров. Все очень просто.

— Довольно интересное оправдание человеческого существования, — заметил Козодой. — Итак, напрашивается вопрос. Не продадут ли они нас Главной Системе за некое вознаграждение?

— Весьма вероятно, — ответил Нейджи. — Во всяком случае, в список на продажу мы точно попадем.

— Черт возьми, но они же стоят вне Системы!

Нейджи вздохнул:

— Видите ли, надо взглянуть на вещи с их точки зрения. Они вовсе не купаются в роскоши. От колыбели до могилы никто о них не заботится, у них нет постоянного снабжения, им не хватает запчастей, горючего, продовольствия — одним словом, всего. Это варвары высокой технологии, и не все они люди, с нашей точки зрения. Среди них много колонистов. Флибустьер, как правило, не живет, а пытается выжить, найдя себе укромный уголок вроде того, что нашли мы. Им нравится думать, что они не входят в Систему, и, безусловно, все они искренне в это верят, хотя на самом деле являются ее частью. Собственно, именно поэтому они способны продать даже собственную мать. Они убеждены, что Систему невозможно сломать, разве что немного согнуть, как это делали мы. И они убеждены в этом столь же твердо, как когда-то были убеждены и мы.

Козодой задумался над его словами:

— А что, если они решат, что есть шанс сломать Систему? Что они сделают?

— Скорее всего попытаются ее сломать, — ответил Сабатини. — Но это будет не войско, а толпа, и в конце концов они перестреляют друг друга, охотясь за перстнями. Причем те, кто не поверит в кольца, будут направо и налево продавать Главной Системе тех, кто поверит.

— А кого-нибудь из них можно купить? Или нанять?

Сабатини пренебрежительно хмыкнул:

— Нам нечем их купить. А что касается наемников, которых не смогла бы переманить другая сторона, — об этом и говорить нечего.

Нейджи задумчиво подергал себя за бороду:

— Постойте-ка. Возможно, мы взялись за дело не с того конца. Единственное, чего они боятся, это сила. Вот почему Главная Система господствует над ними, хотя они и тешат себя мыслью, что это не так. У них есть своя аристократия и свои военачальники. Не у всех, но у многих. Эта Халиначи — скорее просто большой город, чем полноценная планета. Как и большинство флибустьерских планет, она очень мало населена. Когда я там был последний раз, ею правил некий Фернандо Сава-фунг. Если нам удастся заинтересовать его, мы получим реальную власть и изрядные ресурсы.

— Ну да, а потом он прикончит нас всех и сам отправится за перстнями, — заметил Сабатини. — С людьми его породы невозможно иметь постоянные дела. Он способен только поживиться за наш счет, а потом спрятаться за нашу спину. Нет. Лучше всего сделать парочку налетов, а потом пропустить пленников через ментопринтер, и они будут наши.

Вурдаль, а потом и Ворон услышали разговор и, заинтересовавшись, подошли поближе, но до сих пор слушали молча.

— Предположим, мы убрали этого лидера. Кто будет править? — внезапно спросила Вурдаль.

— Скорее всего следующий на очереди, — ответил Сабатини. — Но во всяком случае, не тот, кто его убьет. Неуязвимых людей не бывает, и он наверняка уже сделал все распоряжения на этот случай.

— А если убрать следующего и того, кто будет за ним?

— В конце концов вас раскусят. Кто-то окажется достаточно сообразительным и не посчитается с расходами, чтобы выследить вас и рассчитаться за своих предшественников, — хотя бы в целях собственной безопасности. Но даже если у вас хватит умения избежать этого, в чем я сильно сомневаюсь, следующий на очереди в страхе за свою шкуру вызовет Валов и обрушит на вас всю мощь Главной Системы.

— А если вместо этого предложить им сделку?

— Бесполезно, — вмешался Нейджи. — Они заключат ее, а потом сотрут вас в порошок, невзирая ни на какие сделки. Если вы окончательно решили влезть в дела флибустьеров, то остается только решить, сколько человек мы готовы на это положить.

— Нас или их? — небрежно поинтересовался Ворон.

Козодой поневоле задумался. Вот что значит быть вождем. Сколько человек мы готовы положить... Кого и за что? До сих пор он не задавал себе этого вопроса. Сможет ли он приказать устроить бойню, если понадобится? Сможет ли он, чтобы сломить врага, стать таким же безжалостным и жестоким?

— А что, если убедить этого Савафунга, что Главная Система им недовольна? — спросил он. — Пусть он поверит, что без нас ему не удержать свою маленькую империю.

Все взгляды обратились к нему.

— Ты сообразил что-нибудь, вождь? — спросил Ворон.

— Нам нужна информация, — сказал Козодой. — Любая, очень подробная, а главное — свежая. «Молния» уже готова. Мог бы кто-нибудь отправиться туда и разньюхать все, не спустив на себя всех собак Главной Системы?

— Отчего же? — ответил Нейджи. — Но разумеется, только не тот, у кого на щеках такие татуировки. Здесь каждый знает, что они означают. Я там не был довольно долго, и меня мало кто знает в лицо. Сабатини тоже великолепно подходит: никаких меток, и он совершенно незнаком тем, с кем встречался... м-м-м... в своих прошлых жизнях. Я уверен, что удастся надежно замаскировать Ворона и Вурдаль. Итого, четверо. Больше нельзя — мы будем слишком заметны.

Сабатини зловеще усмехнулся:

— Я мог бы стать этим... Фернандо Савафунгом. Это бы здорово все упростило.

— Возможно, — отозвался Козодой, — но всего лишь на время. А если тебе потребуется стать кем-то еще? А если твои подчиненные решат, что это не выгодно, и пошлют тебя ко всем чертям? Нет, этот вариант следует оставить на самый крайний случай. — Он вздохнул. — Если бы я мог пойти с вами!

— Привыкай, вождь, — подбодрил его Ворон, явно обрадованный перспективой наконец-то заняться делом. — Пора тебе знать — вожди не ведут воинов в битву. Они стоят поодаль, на высоком холме, и управляют ею. И потом, кто-то же должен присматривать за Клейбеном.

Внезапно историк вздрогнул и прищелкнул пальцами.

— Ну конечно! — пробормотал он про себя. — Конечно же!

— Что такое, вождь? — поинтересовался Ворон.

— Пока мы тут торчали, я все время прокручивал в голове варианты, и вдруг, прямо сейчас, у меня наконец сошлось. Нас мало, и мы относительно слабы. По меткам Мельхиора любой сразу узнает, кто мы и откуда. Главной Системе известно, где находятся кольца, и, чтобы соблюсти условия, ей достаточно всего лишь позволить нам прийти в нужное место, а там уже нас будут ждать.

— Ну и что? — спросил Нейджи.

— Есть один древний анекдот об одном знаменитом воре, который побился об заклад, что некий богач в течение недели будет ограблен. И богач был ограблен, несмотря на все меры предосторожности, а когда он пришел вместе с полицейскими арестовывать вора, оказалось, что тот провел весь этот вечер в гостях у начальника полиции.

— Я слыхал эту историю, — сказал Нейджи. — Вор ведь не говорил, что именно он ограбит богача, а только что богач будет ограблен. И все его коллеги кинулись туда, рассчитывая, что они возьмут добычу, а в

тюрьму сядет этот вор. Продолжайте. Я начинаю понимать ход ваших мыслей. Идея мне нравится.

— Мы пираты, а не секретные агенты. Что, если нам рассказывать всем и каждому, буквально каждому, о кольцах и о том, для чего они нужны? Что будет, когда этот слух распространится достаточно широко? Флибустьеры отправятся за перстнями, не так ли? Главная Система полагает, что на перстни покушаемся только мы, и на этом строит свою тактику. Изменим условия. Забросим приманку и будем ждать, кто на нее клюнет. А потом уже отберем перстни у тех, кому повезет.

— Сложно, но не сложнее, чем ломиться за ними самим, — согласился Арнольд Найджи. — Но нам нужны новые корабли и новые сведения. Мы должны хотя бы на шаг опережать Главную Систему.

— Вот с этого и начнем. Связь. Разведка. Корабли. Подготовим имеющихся людей и наберем новых. Впереди много дел, но это уже реальная перспектива.

— Выглядит неплохо, — высказался Ворон, — но требует изрядного труда. И что, если мы не сможем проследить за всеми ворами? Вдруг они улизнут вместе с перстнями?

— Со сколькими? Ни один, ни два, ни три, ни даже четыре перстня ничего не дают. Даже если кто-то соберет все четыре, за пятый ему придется отправиться к Чену, а по закону и обычаям ни одному из флибустьеров не доводилось бывать дальше Мельхиора. Они там ничего не знают. Мы сможем предложить им пятый перстень. Мы сможем предложить и больше — инструкцию по их применению. Ведь в конце концов, запомните это, все кольца придется принести к самой Главной Системе, а наказанием за любую ошибку будет смерть.

— Все это замечательно, вождь, но мы пока и сами не знаем этой твоей инструкции и даже места, где находится Главная Система.

— Может и так, но им-то об этом не известно. На-оборот, тревога, поднятая Главной Системой, доказывает как раз обратное. Подумайте. А когда кто-то, самый удачливый, соберет все кольца, ему придется принести их к нам. Или к Чену, если флибустьеры вообще узнают о нем. Но мы будем говорчивее. Мы заключим сделку. Мы соберем все перстни.

Козодой, который оставил канал связи открытым, спросил:

— Звездный Орел, ты слышал?

— Слышал и согласен. Но начнем сначала. Прежде всего нам необходима информация и связи. А что же касается кораблей — тут мы сделаем пиратов «Грома» живой легендой!

Ворон с размаху впечатал кулак в ладонь:

— Черт побери! Так чего мы ждем?

5. ПРИЯТНАЯ ОСТАНОВКА

Над «Молнией» Звездный Орел потрудился на славу. Раньше у нее был корпус пулевидной формы из темно-серого металла, к бокам которого присоединялись два похожих, только меньших корпуса. Теперь промежуток между ними был аккуратно заполнен, форма их изменилась, а новая обшивка корабля цветом напоминала бронзу. Он стал похож на трезубый наконечник стрелы и на экранах локаторов сильно смахивал на корабли Валов.

Это был неплохой компромисс. Необычный корабль должен был вызвать любопытство у флибустьеров, но не тревогу, и в то же время обычный пилот Главной Системы только на предельно малом расстоянии мог распознать в нем врага.

Внутри «Молния» тоже изменилась. Драгоценные файлы Клейбена, доступа к которым он до сих пор так и не получил, и автономный компьютер, в котором они хранились, перекочевали в отсеки «Грома». Освободилось порядочно места, и теперь в случае необходимости «Молния» могла взять на борт всех. Дубликат камбуза из старого межпланетного корабля мог снабжать их провизией неопределенно долгое время, хотя и в ущерб качеству. Система вооружения была сохранена и тщательно проверена, а в кабине появилось новое оборудование, позволяющее эффективнее следить за окружающей обстановкой.

— Хотелось бы сделать больше, — извиняющимся тоном сказал Звездный Орел, — а будь у меня соот-

ветствующее оборудование да еще время, я бы с удовольствием построил несколько таких же кораблей. Но при том, что у меня есть, лучше не сделаешь. Мне пришлось просканировать и проанализировать его вплоть до молекулярного уровня, но если бы мы каким-то чудом оказались на верфи, я бы, возможно, еще разок вывернул его наизнанку. Однако я и так узнал достаточно такого, что можно будет применить и на других кораблях.

Нейджи скользнул в капитанское кресло. Оба передних места остались в прежнем виде, включая удобные кресла с привязными ремнями. Сиденья для остальных выглядели попроще.

— Теперь он не так похож на космическую яхту, — вздохнул бывший шеф безопасности. — Впрочем, для наших целей это лучше.

— А водить его трудно? — поинтересовался Ворон.

— Очень легко, если есть практика. Кстати, ты прав, прежде всего надо научить вас этому. Любой из нас должен уметь поднять этот кораблик и драпануть, если что-то случится с остальными. Сабатини, надеюсь, воспоминания Колль помогут тебе вести эту штуковину?

— Если на нем стоит стандартный интерфейс, то да.

— Прекрасно, значит, нас двое. Ворон, я не думаю, чтобы вы с Вурдалем сразу стали асами, но научить вас основам я смогу. Сабатини, сядись во второе кресло и возьми на себя оружие, а я сперва проверю корабль сам и преподам им парочку уроков.

Он вытащил из-под кресла шлем:

— Это интерфейс, в сущности, точно такой же, как тот, что Хань использовала на «Громе». Надо надеть его на голову. Сначала вы почувствуете легкое онемение и рассеянность, а потом, наоборот — полнейшую сосредоточенность. Не пугайтесь: это пилот составляет схему рецепторов головного мозга и определяет оптимальное сочетание импульсов. Эта процедура занимает

несколько секунд, а потом интерфейс подключает вас непосредственно к кораблю. С любого из этих мест можно как управлять полетом, так и вести огонь, но сейчас мы с Сабатини, например, поделим эти функции. Бортовой компьютер принимает решения намного быстрее нас с вами, так что в критических обстоятельствах лучше предоставить ему самостоятельность. При необходимости его всегда можно перебить или посоветоваться. В обычных случаях управляете вы, а если корабль будет поврежден, возможно, вам придется все делать самим, без компьютера.

Нейджи нагнулся к панели и набрал код на маленькой клавиатуре, потом перебросил тумблер и набрал еще один код.

— Я активировал оба интерфейса и задал им соответствующие функции, — пояснил он. — Прежде всего вы должны назубок выучить шифр. Вам дается всего три попытки. Если вы ошиблись первые два раза, интерфейс просто не включится. При третьей ошибке он сделает вид, что работает, но, едва вы наденете шлем, он погрузит вас в сон и продержит в таком состоянии до тех пор, пока не придет кто-нибудь, кто наберет верную комбинацию. Чистенько и безопасно. Ну ладно, сейчас я подниму корабль и взгляну, на что он способен, а затем дам попробовать вам.

Он надел шлем и откинулся в кресле; Сабатини сделал то же самое, и оба они, казалось, погрузились в глубокий сон. Так прошло несколько секунд, а потом Звездный Орел открыл створки грузового люка «Грома», и тогда «Молния» вздрогнула и ожила. Она плавно приподнялась на метр от палубы, медленно выплыла в открытое пространство и стала неторопливо удаляться.

Замигали контрольные огоньки, ожили экраны; на одном из них появилась уменьшающаяся громоздкая туша «Грома».

— Неплохо, но при таком управлении не очень-то поговоришь, — заметил Ворон, обращаясь к Вурдалю. Та равнодушно пожала плечами.

— С разговорами никаких проблем, — внезапно произнес спящий, казалось бы, Арнольд Нейджи. — Когда соединяешься с кораблем, он становится дополнением твоего тела, а не заменяет его. Разумеется, я могу отключиться от внешних импульсов, когда захочу, и целиком сосредоточиться на корабле. Иногда это необходимо.

«Молния» несколько раз вздрогнула, и Ворон услышал серию неестественных на слух коротких резких ударов.

— Это еще что? — спросила Вурдаль.

— Учебные стрельбы, — отозвался Сабатини. — Звездный Орел кое-что повыкидывал, и я малость по-практиковался по этому хламу. Ничего себе. Впечатляющее суденышко.

Тело Нейджи вздрогнуло, он несколько раз глубоко вздохнул, открыл глаза, сел и снял шлем.

— А теперь кто его ведет? — нервно спросил Ворон.

— Он вполне прилично летает сам по себе, а если что, спросит нас, — ответил Нейджи. — Ну, кто первый? Сабатини вас подстрахует, а оборонительную систему я поставлю на автоматику.

Ворон нервно облизал губы:

— До сих пор мне приходилось пилотировать только лошадь и каноэ. Я даже на скиммере не пробовал. Нейджи весело хмыкнул:

— Тем лучше, не придется переучиваться. Более опытные пилоты то и дело норовят сделать по-своему, а ты слушай компьютер и просто плыви по течению. По-моему, это проще, чем плавать в каноэ. Я в них вечно опрокидывался.

— С каких это пор у венгров завелись каноэ? — пропыхтел Ворон, пробираясь вперед. Нейджи усадил его в капитанское кресло и опустил на голову шлем.

— Вот так, — сказал он, — должна работать эта штука.

Ворон почувствовал мгновенное головокружение и обезоруживающую слабость. Все обычные мелкие ощущения внезапно исчезли, но сознание осталось. В какой-то мере восприятие даже обострилось. Ворон вспомнил многочисленные истории о выходе из тела, которые составляли часть мистической практики кроу. Он видел себя и остальных, причем со всех сторон сразу. Сперва это мешало, но потом он привык.

— То, что внутри, оставь в покое. — Негромкий голос Сабатини раздавался прямо у него в голове. — Смотри наружу, а то, что внутри, и так будет с тобой. Не думай, как сделать, просто делай.

Вокруг вспыхнули бесчисленные звезды. Ворон сосредоточился на одном направлении, и внезапно в голове всплыли подробные звездные карты, названия, расстояния, углы... Теперь он понимал, что чувствовала Хань, соединяясь с «Громом». Он, Ворон, составлял одно целое с кораблем! Он сам был кораблем! Могучие двигатели он ощущал словно собственные руки и ноги и мог использовать их не раздумывая. Это действительно казалось продолжением тела, и он не ощущал разницы между собой и кораблем, одинаково легко управляя тем и другим.

«Я отец всех орлов!» — развеселившись, мысленно пропел он.

«Не думай, как сделать, просто делай». Да, это и впрямь было очень просто. Ведь никто не раздумывает, как ходить, говорить, дышать. Мозг предоставляет информацию мгновенно, а теперь мозг корабля был и его мозгом. Мысль только мешала его пилотировать.

— На самом деле все обстоит немного сложнее, — заметил Сабатини, ощущающий внешние проявления мыслей Ворона. — Но, похоже, ты достаточно освоился с кораблем, чтобы вести его, если придется. Более

тонкие материи оставим на потом. Дай-ка я тебя отключу и дам попробовать Вурдаль.

Ворон отсоединился с большой неохотой, а чувство потери и ощущение внезапной слабости после мощи и величия ошеломили его. Сняв шлем и передав его Нейджи, он вернулся на свое место и неторопливо зажег свою недокуренную сигару. Система кондиционирования тотчас же переключилась на максимум.

— Вот это да, знаете ли, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Теперь я понимаю, почему малышка Хань так отчаянно стремится быть кораблем.

Халиначи не являлась полноправной планетой. И все же была одним из тех немногих мест, которые отчасти не зависели от тирании машин. Впрочем, от этого здесь не стало безопаснее, ибо все, кто тут жил, понимали, что Главная Система терпит сей мир, лишь пока он ей полезен.

— Значит, чтобы жить вне Системы, надо вылизывать ей задницу, — сухо заметила Вурдаль. — Эти люди не свободны. Они просто мазохисты.

Нейджи усмехнулся:

— Да, подмечено верно, но свобода — не реальность, а состояние души. Невежественное большинство землян тоже верит, что оно свободно и независимо. Они и знать не знают ни о компьютерах, ни о скиммерах, ни даже о том, что Земля круглая.

— Но их *держат* в неведении, — вмешался Ворон. — А эти знают все.

— Никогда не переоценивайте человеческий разум, — ответил Нейджи. — Даже без ментопринтеров, гипносканеров и прочей машинерии люди могут убедить себя в чем угодно, если по-настоящему захотят.

На экранах медленно поворачивалась маленькая скалистая пустынная планета — полная противоположность тому миру, который они недавно покинули.

Облака, а тем более дожди здесь были редки, и лучи оранжевого солнца, маленького, но яркого, как никакое из виденных ими ранее, беспрепятственно падали на поверхность. Халиначи была разноцветной, холмистой, а ее странный, изломанный ландшафт пестрел такими красками, которых на Земле не увидишь. Зелени почти не было, зато стойко царили пурпурные, коричневые и апельсиновые оттенки.

— Здешняя атмосфера неплохо задерживает жесткое излучение, но воды почти нет, — пояснил Арнольд Нейджи. — Воздухом дышать нельзя — слишком много азота и мало кислорода. Впрочем, в кислородной маске разгуливать здесь можно без опаски. Если бы увеличить содержание кислорода и синтезировать побольше воды, можно было бы вырастить леса и сделать планету пригодной для жизни, но об этом никто всерьез не думал. Для этого нужны ресурсы Главной Системы, а она не настроена помогать.

— И что, в этой дыре вправду живут люди? — ужаснулся Ворон. — На вид она такая же безжизненная, как Луна.

— Так оно и есть. На всей планете только одно поселение — резиденция Савафунга. Скоро мы окажемся прямо над ним. Я с минуты на минуту ожидаю вызова с их станции слежения.

Вызов пришел почти сразу же, но Нейджи уделил ему внимание не раньше, чем вывел на экран крупным планом изображение поселка. Он состоял из двух больших куполов, соединенных длинным цилиндром. Вдоль цилиндра были разбросаны купола поменьше. Все строение напоминало скорее космическую базу, нежели пиратскую малину.

Поблизости от одного из больших куполов находился маленький космопорт. Здесь, разумеется, не строили кораблей, но скорее всего умели ремонтировать их, модифицировать и обслуживать. Судя по виду, космопорт вряд ли мог принимать корабли на-

много крупнее «Молнии», хотя и она не была особенно велика.

Деньги на Халиначи были не в ходу. Тот, кто владел трансмьютером, владел и любыми вещами. Средством обмена была информация — нововведения, идеи, но кроме этого имелась еще одна валюта — мурлий. Слабое место трансмьютерной цивилизации заключалось в том, что трансмьютер, как и любое устройство, нуждался в независимом источнике энергии. Этим источником являлась сложная смесь абсолютно чистых высококачественных элементов, и важнейшим ее компонентом был мурлий, минерал, встречающийся чрезвычайно редко. Фернандо Савафунг держал в руках всю систему трансмьютеров, но он сам зависел от поставок мурлия, единственного вещества, которое невозможно было получить в трансмьютере, ибо тот, кто пытался получить мурлий в трансмьютере, питаемом мурлием, бесследно исчезал во вспышке взрыва, превращавшего в пыль все окружающее в радиусе тридцати километров.

Когда-то большие запасы мурлия были на Мельхиоре, но роботы-зонды Главной Системы давным-давно их опустошили. В оставшихся штольнях, собственно, и поселился нынешний Мельхиор, живущий остатками мурлия, которыми роботы пренебрегли.

В некотором смысле Халиначи напоминала древние города североамериканского Дальнего Запада, золотые прииски Австралии или Южной Африки, только торговала она другими вещами. «Молния» и «Гром» сами нуждались в мурлии, поэтому остро вставал вопрос — чем платить флибустьерам. Нейджи обсудил эту проблему с Клейбеном, и тот нашел решение: несложный набор выведенных им уравнений позволял повысить эффективность трансмьютера более чем на десять процентов. Это был один из маленьких секретов Мельхиора, вынужденного прибегать к невероятным ухищрениям, чтобы сводить концы с концами.

— И мы вот так просто возьмем и отдадим формулы Савафунгу? — недоверчиво спросил Ворон. — Ведь он может нас надуть.

— Может, но не сделает, — успокоил его Нейджи. — Видишь ли, если он станет обманывать клиентов, то очень скоро окажется не у дел. Здесь, знаешь ли, существует довольно сильная конкуренция, и не только между тремя более или менее легально разрешенными поселениями. Нет, он заплатит, и заплатит хорошо — кредитом на Халиначи, — потому что захочет, чтобы пришли и второй раз. Понятно?

— Одно-единственное ментосканирование — и у него будет все, что ему нужно, — с подозрением сказала Вурдаль.

— Это бы тоже не осталось без последствий, — ободрил ее Нейджи. — Но в любом случае мы предприняли все меры предосторожности. Поэтому-то «Гром» и следит за нами. Черт побери, мы же все профессиональные убийцы, а там, внизу, сплошь люди нашего сорта. Савафунг — это ерунда. Меня гораздо больше тревожит вон тот черный кораблик у причала номер три.

— Корабль Вала! — охнула Вурдаль. — Нам нельзя садиться!

— Теперь уже нам нельзя не садиться, — хладнокровно ответил Нейджи. — В бою нам его не одолеть, а если бы мы сейчас попробовали пойти на попятную, нам пришлось бы с ним схватиться.

— А если он настроен на одного из нас? Я хочу сказать, из нас четверых?

— Значит, придется его уничтожить, хотя я сомневаюсь в том, что у нас получится. Но ручаюсь, он послан не за одним из нас, а за всеми. Думаю, нам не стоит беспокоиться, пока не настанет время уходить.

— Ты так просто об этом говоришь, мне даже нравится, — мрачно заметил Ворон. — Уничтожим его, и все дела. Эту чертову машину-убийцу! От нее не так-то легко избавиться!

— Разумеется, и пока ты веришь, что это невозможно, они действительно неуязвимы. Учи, Валы запрограммированы в том числе и на то, чтобы по возможности избегать большого количества жертв. Их первойшая цель — арест, а не убийство. Вал не станет поливать огнем помещение, полное невиновных людей, и не сможет перешагнуть через заложника. Кроме того, у них много других слабых мест. Конечно, Вала не уложишь выстрелом в голову, но способы есть. Например, трансмьютер. Для него нет ничего неразрушимого.

— Включая нас с тобой, — буркнул Ворон.

— Лучше последи за собой там, внизу, чтобы не показать, что ты новичок. Держи язык на привязи и не пялься на неземлян. Просто не обращай на них внимания.

— Что? Здесь бывают и колонисты?

— Разумеется. Человек всегда человек, и не только мы знаем, как обмануть Систему. Здесь могут встретиться даже настоящие инопланетяне, но, конечно, куда реже. Никто из них не имеет права покинуть свой мир без одобрения Главной Системы, но некоторых нанимают флибустьеры ради каких-то особых талантов или способностей. Устойчивость к некоторым видам радиации, жаре и тому подобное. Там, где нет больших трансмьютеров, где не рассчитывают на помощь роботов или боятся их, найдется место для всех. Все пристегнулись? Садимся!

Сверху поселение выглядело неплохо, но, едва они вышли из корабля, в глаза им бросились все признаки развала. Откуда-то доносилась вонь, воздух был пересушенный и слишком холодный, а изношенный до крайности лифт, спустивший их в жилой комплекс, непрерывно дергался и гремел.

На главном уровне города их встретили четверо представителей местных органов безопасности. Все они выглядели странно и весьма неприятно, но Ворон

и Вурдаль, как и подобало истинным профессионалам, держали свои чувства при себе.

Один из четверых, видимо главный, был достаточно похож на человека, но вместо рук у него были стальные протезы, напоминающие руки скелета. Он их не прятал и либо предпочитал их пересаженным конечностям, либо не имел доступа к квалифицированным медикам.

За его спиной возвышалась женщина ростом метра два, чья темно-оливковая кожа казалась состоящей из толстых пластиночек. Глаза у нее были круглые, желтые и немигающие. Она была безволосой, а пальцы ее оканчивались кривыми когтями. Рядом с ней стоял приземистый коренастый человек. Темно-серый цвет кожи и массивное телосложение делали его похожим на грубо высеченную каменную статую. Последним был пожилой мужчина восточного типа с густыми белыми волосами, длинными висячими белыми усами и темной кожей в светлую крапинку. Все они были вооружены.

— Вы капитан Хокса? — низким и сиплым голосом, как нельзя лучше подходящим к его внешности, осведомился человек со стальными руками.

— Да, это я, — спокойно ответил Нейджи. — Я вас помню по своему последнему приезду. Беклар, не так ли?

Обладатель стальных протезов кивнул. Всякий, кто знал его, должен быть здесь своим, хотя сам он явно не мог припомнить Нейджи.

— Да. Насколько я понимаю, у вас есть информация в обмен на кредит?

— Есть. Проводите меня к терминалу, и я наберу ее.

— А почему бы не поручить это мне?

Нейджи усмехнулся:

— Вы переквалифицировались в грабителя или за дурака меня держите?

Стальнорукий пожал плечами, повернулся и повел их к терминалу. Ворон невольно отметил, что Нейджи

чувствует себя как дома. Интересно, часто ли он бывал здесь в бытность шефом безопасности и зачем?

Нейджи поразительно быстро набил формулы, выведенные Клейбеном, и стал ждать. Взамен введенной информации на экране внезапно высветилось число. Нейджи грохнул кулаком по стене и повернулся к четверке сопровождающих:

— Сорок тысяч! Я приношу в эту лавочку целое состояние, а мне за него — сорок тысяч?! В следующий раз я предложу свой товар в другом месте!

Маленький громкоговоритель возле терминала ожила:

— Хорошо, капитан. Четыре дня неограниченного кредита вам и вашему экипажу. Если вы не будете слишком расточительны, при вашем отлете я положу сорок тысяч на ваш счет до вашего возвращения. Такие условия вас устроят?

Нейджи кивнул:

— Это уже похоже на дело. — Он вернулся к остальным и взглянул на сопровождающих. — Теперь мы можем войти?

— Да, проходите, — проворчал человек со стальными руками. — Я вижу, вы тут в почете. В следующей комнате сдадите оружие и личные вещи, а потом идите куда вздумается.

— А Валу вы тоже приказали сдать оружие?

— Глупые шутки! А что? У вас с ними проблемы?

— Как и у любого другого — все зависит от того, кого он ищет и зачем. Не хотите ли намекнуть?

— Они рыщут вокруг уже пару недель, если не больше. Ходят слухи, что кто-то драпанул с Мельхиора и угнал один из тех больших межзвездных кораблей, что болтаются у Юпитера. Нам не нравится, что они здесь крутятся — это вредно для бизнеса, — но что поделаешь? Они ищут людей с клеймом Мельхиора, так что вам не о чем беспокоиться.

— Во всяком случае, что касается Валов — да. Ну ладно, ведите.

— Нам что, совсем все оставить? — улучив момент, шепнул Ворон.

— Совсем. Даже одежду. Савафунг не стал бы тем, кем он стал, если бы устроил здесь проходной двор. Пока вы находитесь на планете, вы под его полным контролем.

Раздевшись догола, они прошли через дезинфекционную камеру и затем получили другую одежду. Она была скверно пошита, неважко сидела и явно использовалась уже не в первый раз. Все это время за ними бдительно следили телекамеры и люди.

У выхода их встретили мужчина и женщина, принадлежащие к земной расе. Мужчина был высок, сантиметров сто восемьдесят, очень мускулист, у него были идеальные черты лица, длинные светлые волосы, темная кожа и волосатая грудь. Его одежда выразительно подчеркивала все его мужские достоинства. Женщина тоже была темнокожей, и хотя невысокой, но полногрудой и с пышными формами. Судя по выражению глаз и застывшим лицам, у обоих было не больше мозгов и воображения, чем у капустного кочана, но это, как и все остальное, явно было сделано специально. Единственное, что нарушало совершенство их тел, — небольшие треугольные татуировки в середине лба. Похоже, эти метки служили той же цели, что и татуировки Мельхиора, только не так бросались в глаза. Теперь Ворон, кажется, понял причину частых командировок Нейджи: перед ним стояли великолепные образцы искусного обращения Клейбена с трансмьютером и ментопринтером.

«Скоро старик почует, как ему недостает Мельхиора», — внезапно подумал Ворон. Видимо, в обмен на красивых, благовоспитанных и покорных рабов Клейбен получал столь необходимый ему мурилий. Он был связан с флибустьерами намного теснее, чем казалось на первый взгляд.

— Меня зовут Амал, — представился красавец блондин, — а это Джем. Пока вы здесь, мы к вашим услугам. Все что пожелаете, только скажите.

— Мы долго были в дороге и прежде всего хотели бы немного отдохнуть, — ответил Нейджи. — Мы пойдем в бар, но позже вы можете нам понадобиться.

— Тогда просто попросите любого из прислуги позвать Амала или Джем, и мы немедленно появимся, — заверил блондин. — Позвольте проводить вас в бар.

— Я правильно поняла насчет «все что пожелаете»? — приглушенным голосом спросила Вурдаль по дороге.

Нейджи кивнул:

— Конечно. Любой из них, или оба, сделают все, что вы прикажете, и притом с удовольствием. Если вам будет недостаточно их, они приведут кого угодно. Полный кредит не ограничивается только ими. Всякий человек с треугольником на лбу, стоит вам пожелать, немедленно станет вашим покорным рабом. Их тут уйма, любого роста, цвета кожи, расы и так далее. Примерно половина — земляне, а остальные — колонисты. Поисковики уходят в полет на месяц и более и, как правило, в одиночку, а когда они возвращаются, хотят получить от жизни все удовольствия. Вся прислуга стерилизована и проходит ежедневную медицинскую проверку, так что риска никакого.

Ворон ожидал увидеть убогую заплеванную забегаловку, но бар оказался уютным местечком с полузакрытыми кабинками для посетителей и небольшой стойкой. Сиденья были обтянуты слегка потертым мягким бурым мехом, а столики сделаны из камня, похожего на мрамор.

В баре оказались и другие клиенты, что немного удивило новичков. Кроме истребителя Вала и «Молния», у причала стоял всего лишь один корабль, и его никак нельзя было назвать большим.

— Здесь никогда не бывает тесно, — вполголоса пояснил Нейджи, — но людей больше, чем может высадиться в порту. Как правило, корабли остаются на орбите, а экипажи спускаются в челноках или через трансмьютер. Кое-кого просто оставили здесь и заберут попозже. Но вообще место здесь довольно тихое. Сейчас на планете, пожалуй, не больше тридцати — сорока гостей, а обычно бывает до сотни. Наверное, остальных спугнул Вал.

У столика возник громадный чернокожий мужчина с треугольником на лбу, одетый в одни только узенькие плавки. Ворон взглянул на Вурдаль и с удивлением заметил, как потеплел ее неизменно холодный взгляд.

— Меня зовут Бату, — представился официант густым звучным баритоном. — Чем могу служить?

— Мне кружку пива, — ответил Нейджи. — Сабатини?

— Двойное виски с содовой, безо льда. И чтобы хорошее, не горлодер какой-нибудь.

Официант словно бы и не заметил нарушения этикета.

— Я бы тоже выпил пива, — сказал Ворон. — И не найдется ли у вас хороших сигар?

— Да, сэр. Какие желаете?

— Большие «гаваны».

— Как угодно, сэр. Леди?

— Ром с тоником, — ответила Вурдаль.

Официант поклонился им и удалился.

— Бросили бы вы это дело, — посоветовал Нейджи Ворону. — А то рано или поздно курение вас убьет.

— Я буду счастлив, если проживу достаточно долго, чтобы умереть от курения.

Нейджи только пожал плечами:

— Ну и как вам нравится это местечко?

— Неплохо, — ответил Ворон. — После жизни в глупши иначе и быть не может. Теперь понятно, почему кому-то охота здесь править. Но просто удивительно,

что Главная Система, зная о таких местах, позволяет им существовать.

— Я уже говорил, это взаимный интерес. Но я здесь всегда чувствовал себя на мушке. Стоит Главной Системе передумать — и баста. Будь я флибустьером, я бы все время жил на корабле, чтобы легче было в случае чего затеряться во Вселенной.

Официант принес напитки и узкую коробку сигар. Ворон жадно взглянул на них. Он уже успел забыть, что сигары могут быть целыми и такими большими.

Вурдаль огляделась.

— Уютное местечко и удобное, но нам не особенно подходит, — заметила она. — Какую информацию можно почерпнуть в баре, обслуживаемом рабами?

— Верно, — согласился Нейджи. — Но есть и другие места. У нас еще будет время для подробной разведки, а пока успокойтесь и наслаждайтесь жизнью. Немного погодя я попробую увидеться с самим стариком. Он меня хорошо знает, так что я могу рассказать ему обо всем, не рискуя схлопотать нож в спину.

— Савафунгу?

Нейджи кивнул:

— Я... — Увидев, как напряглись остальные, он замолчал и, обернувшись, увидел перед собой Вала. Его отливающая вороненым металлом фигура здесь казалась особенно неуместной. Алые глаза внимательно изучали людей.

— Прошу прощения, — произнес Вал. — Я понимаю, что мое присутствие стесняет вас, и спешу уверить, что не получал никаких приказаний относительно этого заведения и тех, кто его посещает.

Ему, как ни странно, ответил Сабатини:

— Ты знаешь, что тебе здесь не место. Зачем ты пришел?

— Не ради флибустьеров. Наоборот, я намерен просить их о помощи. Вы слышали о колонии Мельхиор в Солнечной системе?

Сабатини кивнул:

— И что из этого?

— Там произошел побег. Угнано несколько кораблей, включая один межзвездный транспорт. Беглецы носят на лицах метки Мельхиора. Они обладают неким знанием, которым никому не дозволено обладать. Любой контакт с этими людьми может оказаться фатальным. Их корабль самый большой из всех, которые когда-либо строились, так что спутать их с кем-то другим невозможно. Видели вы этих людей?

— Во всяком случае, не здесь, — холодно ответил Сабатини. — Едва ли они осмелятся показаться в таком месте, не правда ли?

— Сами они — возможно, но у них были помощники среди персонала. Мы еще не совсем уверены, кто именно, но выясняем это. Если вы увидите их или кого-то, кто на них работает, немедленно уведомите нас, и вы не пожалеете. Это заведение лишь бледная тень той награды, которая ждет тех, кто поможет их арестовать. Тот, кто сделает это, уподобится богам.

Сабатини тихонько присвистнул:

— Похоже, они вам здорово нужны. Уж вы мне поверьте, как только я увижу их, сразу вспомню о вас.

— Очень хорошо. Я намерен покинуть эту планету сегодня вечером. Желаю вам хорошо провести время.

С этими словами огромное создание повернулось и исчезло за дверями бара.

Все порывались заговорить, перебивая друг друга, но Нейджи предостерегающе поднял руку, нагнулся и нашарил под столом крошечную гладкую пластинку толщиной не больше волоса, а размером с ноготь. Вал оставил «жучка».

— Черт бы побрал этих ублюдков, — с подчеркнутой досадой заметил Нейджи. — Идем, это место потеряло для меня всякую привлекательность. Поищем Амала и Джем и попробуем найти удовольствие в чем-нибудь другом.

Его спутники неразборчиво пробормотали что-то в знак согласия и, пока Нейджи аккуратно прилеплял «жучка» на прежнее место, встали и вышли. «Попечители», как их тут называли, отыскались через пару минут.

— Покажите нам наше жилье, — приказал Нейджи. Остальные в молчании последовали за ним.

«Попечители» привели их в номер люкс: круглая гостиная с кушетками, встроенным баром и развлекательным центром, окруженная четырьмя отдельными спальнями.

— Амал, я хотел бы видеть шефа по неотложному делу личного характера, — сказал Нейджи рослому блондину. Тот был явно растерян, услышав просьбу, не укладывающуюся в обычные стереотипы.

— Сделаю все, что смогу, сэр.

— Передай, что это касается Вала и нашего здесь статуса. Думаю, он согласится уделить мне минуту.

— Да, сэр. Я постараюсь. — Амал поклонился и вышел.

Нейджи сделал знак остальным наклониться поближе.

— Пока я не вернусь, не говорите ничего, что не предназначалось бы для посторонних ушей, — прошептал он. — Неизвестно, как далеко зашло дело.

Каждый понял его. Все они слышали голос Вала, голос человека, на которого тот был нацелен. Голос Козодоя.

Фернандо Савафунг был маленьким худеньким азиатом лет пятидесяти с тонкими черными усиками, аккуратной короткой прической и седеющими висками. Он обладал приятным голосом и манерами опытного адвоката. Только по усталым глазам и по тому, как он непрерывно курил сигарету за сигаретой, можно было понять, в каком напряжении протекает жизнь хо-

зяина Халиначи и какой груз ответственности лежит на нем. В разговоре он время от времени вставлял испанские словечки.

— Да, сеньор Нейджи, я удивлен, что вы пришли ко мне по такому поводу.

Бывший шеф безопасности сидел, вальяжно развалившись в кресле, напротив правителя Халиначи.

— Я не привык встречаться с Валами в баре, — ответил он. — И в особенности к тому, чтобы они оставляли «жучков» у меня под столом. Как мне узнать, могу ли я свободно поговорить со своими спутниками?

Савафунг нахмурился:

— Это мне совсем не нравится. Значит, он вас знает?

— Сомневаюсь, иначе мы бы сейчас не беседовали. Скорее он затеял этот разговор в качестве отвлекающего маневра, а сам тем временем просканировал нас, измерил наше кровяное давление, частоту пульса, реакцию зрачков и что-то заподозрил. Думаю, что я могу по меньшей мере потребовать, чтобы ваши люди обшарили все места, где он побывал — и, кстати, мое жилье, — и навели там порядок.

— Немедленно позабочусь об этом. Я не могу себе позволить оставлять такие происшествия без внимания.

Нейджи кивнул:

— Отлично. В свете всего этого, думаю, нам пора потолковать и о другом.

Савафунг откинулся в кресле и зажег очередную сигарету:

— Итак, насколько я понимаю, слухи о безвременной кончине нашего дорогого доктора оказались несколько преувеличенными. Помня, насколько он умен и осторожен, я подозревал это с самого начала. Но устроил побег явно не он. Может быть, вы?

— Ну-ну... Это к делу не относится. Мы просто временно нанялись на работу, поскольку у нас не было особого выбора.

— Надеюсь, вы понимаете, что я мог бы назначить свою цену только за то, что я не позову сюда Вала и не подтвержу его подозрения?

— Могли бы, но не назначите. Вы не хуже меня понимаете, что в наше время любой вексель, выданный Главной Системой, может оказаться очень недолговечным. Но я мог бы обеспечить ваше молчание — или уничтожение Халиначи — всего лишь сообщив вам, из-за чего поднял весь шум.

— Si. Когда я впервые услышал об этом, я сказал себе: ну ладно, кто-то сбежал. И что из того? Потом я услышал, что уганан очень большой корабль. Опять-таки, что с того? Они станут флибустьерами, и либо их поймают, либо о них уже никогда никто не услышит. Но почему Главная Система вдруг так на них ополчилась? Потом я услышал, что Главная Система вторглась на Мельхиор — и только ради того, чтобы найти Клейбена мертвым, а все его файлы — стертymi. Тогда у меня зародились подозрения. Тогда я начал задумываться, какова же должна быть угроза Главной Системе, чтобы Клейбен стал тратить такие усилия на маскировку. Для того, кто обладает такими талантами и ресурсами, как он, нетрудно вполне убедительно имитировать свою смерть, но зачем? Это должно быть нечто столь ценное и столь опасное, что за эти сведения можно было бы заплатить любую цену. Алчная сторона моей натуры немедленно пробудилась. И вот через несколько месяцев появляется вы. Понимаете?

— Главный вопрос — действительно ли вы хотите знать?

— Нет. Главный вопрос — могу ли я позволить себе не знать? Если Вал появился здесь из простого подозрения — это одно, а если он связывает вас со всеми этими происшествиями — тогда, друг мой, и я превращаюсь в мишень, не правда ли?

Нейджи немного подумал:

— Сколько всего Валов в этом секторе?

— Два. Но чтобы разрушить Халиначи, достаточно по одному снаряду на главные купола.

— Так-так... Вал не нашел здесь того, что искал, и не собирался брать нас, потому что это означало бы разрыв договоренности с вами, а для них сейчас это важнее. Скажите мне прямо, сеньор Савафунг, если на вас нападут, что вы сделаете? Если они нарушают договор, хватит ли у вас огневой мощи, чтобы остановить их? А главное, желания — ведь вы понимаете, что это будет означать?

Савафунг грустно вздохнул:

— Сеньор Нейджи, все это вызвано вашим бесцеремонным появлением в порту, невзирая на присутствие здесь Вала. Но ваш вопрос справедлив. Если я позволю проделать с собой такое, то окажусь вообще не у дел, разве не так? Какой флибустьер придет ко мне после этого? Кого мне обслуживать? Валов? Они не интересуются тем, что я могу предложить, и не дают чаевых. Во имя своего будущего и в надежде потом обрести убежище мне придется любой ценой дать им отпор.

— Очень хорошо, — сказал Арнольд Нейджи. — Если такой день настанет, я смогу предоставить вам убежище, но нам понадобятся ваши люди и ваш опыт. Если вы будете честны со мной, то, когда вас прижмут к стене, мы вытащим вас из беды и возьмем в игру. Идет?

— Как жизнь повернется. Скажите честно, у вас и в самом деле есть звездный корабль длиной сорок километров?

— Да. Мы называем его «Гром».

Властитель Халиначи снова вздохнул.

— Какие открываются интересные возможности... Здесь становится так скучно... — Он помолчал. — Но нет. Такие вещи дешево не продаются. Могу ли я сделать для вас что-нибудь прямо сейчас?

— Мне нужны кое-какие сведения о трех колониальных мирах. Вам это не причинит неприятностей. Не зная цели, вы не можете угадать причину. Впрочем, даже знание этой цели, хотя оно само по себе опасно, не даст вам ничего, что вы могли бы использовать сами, в одиночку.

— Какие миры?

— Джанипур, Чанчук и Матрайх.

Савафунг тихонько присвистнул:

— Не самые приятные местечки...

— Этого и не предполагалось. Мне нужно все население, политические организации, лидеры, Центры и все такое. Вполне возможно, что мне понадобятся сведения о верховных администраторах этих планет.

— Уф-ф-ф! Вы ставите нелегкую задачу. И какова же все-таки цель, хотя бы в общих словах?

— Грандиозная кража.

Савафунг расхохотался:

— Ради столь возвышенной и благородной цели могу ли я отказать? Хорошо, вы получите все, что вам нужно, если только я могу быть уверен, что наш с вами общий доброжелатель и впредь будет снабжать меня тем, что мне требуется.

— Насколько это возможно, исходя из обстоятельств. Могу ли я предположить, что у вас на всякий случай стоит наготове корабль с межзвездным двигателем?

— Можете.

— Тогда нам надо бы договориться о месте встречи и способах связи. Подозреваю, что, если даже на этот раз нам удастся уйти чисто, мы едва ли сможем еще раз посетить ваше заведение.

Фернандо Савафунг немного подумал:

— Вал собирается вылететь примерно через час. Положим два дня на то, чтобы добраться до подпространственного маяка, послать сообщение Главной Системе и, возможно, получить какие-то полномочия. Разумеется, предварительно он договорится с напарником и ус-

тановит тайное наблюдение. Если вы отправитесь прежде, чем полномочия будут получены, то я скорее всего останусь чист. Но только до тех пор, пока не сделаю чего-нибудь... Пока не покажу, что я знаю, о чем идет речь. А до тех пор разрывать договор будет нелогично. Но Вал, который будет следить за вами, прячась в тени планеты, вцепится в вас мертвой хваткой. У него отличное оборудование и невероятное упорство. Боюсь, вам придется свести с ним счеты, если только вам это удастся.

— Увы, я сам хорошо это понимаю. Но пока ваши люди занимаются... м-м-м... проверкой на вшивость, а вы собираете информацию для меня, мы с друзьями проведем вечерок-другой, пользуясь услугами вашей фирмы. — Внезапно ему пришла в голову еще одна мысль. — Кстати, я мог бы предложить еще кое-что, представляющее взаимный интерес.

— В самом деле?

— Для поддержания своей империи Главная Система нуждается в довольно больших количествах мурлия. Рудники почти наверняка полностью автоматизированы, и обнаружить их очень трудно. Однако перевозок это не касается. Вам нужен мурлий, так же как и нам.

— Если бы даже я мог выяснить маршруты, какой мне от этого прок, друг мой?

— Мы вне закона. Нас все преследуют, нам абсолютно нечего терять, и мы довольно изобретательны. Если вы дадите мне расписание маршрутов, я поделюсь с вами добычей.

Даже Савафунг был ошеломлен:

— Захватить транспортный корабль Главной Системы? Вы шутите? Это невозможно!

— Назовите мне место, и я продемонстрирую вам, что такое настояще пиратство.

Савафунг снова расхохотался и смеялся долго и от души.

— Знаете, — с трудом выговорил он, — я уже почти поверил, что вы это сделаете. Вы все либо сумасшед-

шие, либо самые опасные люди, какие когда-либо жили на этом свете! — Он пожал плечами. — В любом случае, что я теряю, кроме всего, что имею?

— Знаете, если бы я был способен маяться совестью, она бы меня уже замучила. Мы тут развлекаемся, а вождь и все остальные сидят в какой-то первобытной дыре, — заметил Ворон, уминая за обе щеки бифштекс с яйцами и запивая его ароматным кофе. — Мне не хочется уходить отсюда.

— Ну, уйти отсюда будет непросто, надо отдать противнику должное, — отозвался Арнольд Нейджи. — У нас есть информация и связи, но есть и проблемы. Сабатини, какое-нибудь из твоих воплощений встречалось с кораблем Вала?

Странное создание ухмыльнулось:

— Само собой. По меньшей мере двое. И конечно, оба проиграли.

Нейджи бросил на него мимолетный взгляд, а Ворон едва не подавился кусочком хлеба.

— Ну ладно, — сказал венгр, который стал де-факто главой экспедиции. — У меня появилась кое-какая информация о том, что нам нужно. Для начала ее хватит. Может быть, кому-то из вас тоже повезло?

— Я встретила одного человека, который бывал на Джанипуре, — сказала Вурдаль. — Он утверждает, что планета населена стадом бешеных коров в человеческом облике, не знаю, что он имеет в виду. По его словам, это надо увидеть, чтобы поверить. Но во Вселенной и в Главной Системе кое-что остается неизменным. Он видел верховного администратора, который, как всем на этой планете известно, носит замысловатый золотой перстень. Его называют Перстнем Мира, потому что он украшен изображением двух голубков. И еще он говорил, что верховный администратор очень

умен и очень жесток. Обожает душить людей. У него такое хобби.

— Хм! Разве нам обещали, что это будет легко? Еще что-нибудь?

— Здесь есть один парень — он колонист и не особенно приятный тип, — который знает Матрайх, — произнес Сабатини. — Этот парень воспитан в мусульманской вере, так он сказал, что Матрайх похлеще мусульманского ада, как он себе его представляет. Хотя он мало похож на человека, в воображении ему не откажешь. Так что, я думаю, можно поверить ему на слово. На Матрайхе уйма редких минералов. Этот парень — художник, он надеялся выменять их на новую технологию и применить в своем творчестве. Предполагалось, что планета несколько диковатая. Он обнаружил, что она совершенно дикая и лишена вообще какой-либо организации. Он не видел там никаких Центров, никаких администраторов и никаких правителей выше племенного уровня. Очень похоже на то, что Главная Система собирается устроить на Земле. Он не может себе представить, чтобы там был человек, наделенный властью.

Нейджи покачал головой:

— Это хуже. С плохими парнями мы как-нибудь управимся, будь у них хоть по две головы и по пять рук, но Главная Система вынуждена повиноваться программе. Перстень должен быть вручен лицу, наделенному властью, полномочиями, словом, чем-то таким, что ставит его над другими. Если твой художник не врет, найти там такого будет нелегко.

— Парень едва унес оттуда ноги, не говоря уже о корабле. Этот мир достаточно грозен даже без людей, — добавил Сабатини. — Тут даже мои особые таланты не годятся: не могу же я начинать с пустого места. А если человек примитивный и невежественный, то так и будет.

— Ладно, посмотрим. Ворон, а ты добыл что-нибудь?

— А как же! Две коробки добрых гаванских сигар и несколько хорошеных девочек. Одна из них — ее зовут

Орджи — что только не вытворяет! Но насчет информации — забудь об этом. Только болтовня девушек в баре. Они знают понаслышке о некоем мире, очень жарком и залитом водой. Они говорят, что там законченная полноправная колония. Мне это не понравилось.

Нейджи кивнул:

— Мне это нравится не больше твоего, но за все время, что мы там были, никто не вышел к нам, чтобы метнуть копье или протянуть руку дружбы. Сдается мне, что они вододышащие. В этом случае нам нет никакого дела друг до друга.

— Сомневаюсь. Кто-то же вырастил те деревья на дальнем острове. Я все раздумываю, как бы нам смотреться туда на разведку, но не выпрыгнут ли они из воды прямо перед нашим носом и не скажут ли, что наша поездка им не очень нравится? Они знают немного, я разумею тех девочек из бара. Только то, что планета числится в списке колониальных поселений с ограниченным правом посещения.

— Думаю, нам пора складывать вещички и убираться отсюда — если получится, — сказал Нейджи. — Боюсь, Ворон, тебе и Вурдаль суждено закончить этот рейс пассажирами. Сабатини, поскольку у тебя, так сказать, есть некоторый опыт, я бы предложил тебе вести нашу посудину, а сам взял бы на себя вооружение. «Молния» летает, как любой порядочный корабль, но оружие я знаю назубок. Если нас действительно поджидает Вал, нам предстоит раскусить довольно крепкий орешек, но мощь нашего вооружения ему не известна. Это нелегальная работа по особому заказу. Собирайте все, нам пора сматывать удочки.

Выйти с Халиначи оказалось куда проще, чем войти. Они вернули казенную одежду, но личное имущество, в том числе сигары Ворона, оставили себе. Им передали маленький, запечатанный личным кодом цилиндр — послание от Савафунга. Сам властитель

Халиначи проводить их не вышел. Впрочем, к цилиндрику прилагалась записка, и Нейджи ее прочел.

— Любовное послание? — полюбопытствовал Ворон.

— Счет. Он умудрился втиснуть в него сорок тысяч будущего кредита и все, что осталось от наших развлечений. Ладно, не важно. Все равно, если мы не влезем в трансмьютер и полностью не изменимся, нам едва ли удастся побывать здесь еще раз.

Они прошли к кораблю. Печати на люках были целы, но Нейджи, тщательно просканировав корпус, выразительно вздохнул:

— Да, так я и думал. Чертова уйма «жучков» и трассеров по всей обшивке. Чтобы обобрать эту пакость, нужен как минимум день, а вот его-то у нас и нет. Лучшее, что я могу придумать, это выжечь их всем скопом. Переключу выход трансмьютерного привода с главных двигателей на внешний корпус. «Жучки» способны выдержать нагрев при взлете и входе в атмосферу, но там, где они прилегают к корпусу, защита слабее. Наденьте скафандры и поставьте систему охлаждения на максимум. Будет довольно жарко. Я постараюсь действовать поосторожнее. Мне вовсе не хочется прожечь дыру в обшивке.

Все приготовились, и он начал. Внешний корпус медленно нагревался, пока не засветился красным. Нейджи тщательно регулировал температуру, стараясь, чтобы нагрев был равномерным и обшивка не раскалилась добела. Снаружи вдоль корпуса и внутри корабля заплясало голубое электрическое сияние. Только минут через пятнадцать они услышали громкий беспорядочный треск и удары по обшивке, словно «Молния» вошла в метеорный поток без дефлекторов.

Наконец звуки утихли, и внутри корабля включились вентиляторы.

— Кажется, я управился со всеми, но трудно сказать, какой ценой, — сообщил Нейджи. — Пожалуй, нам лучше не снимать скафандры, сбросить давление

и пристегнуться, пока это не выяснится. Это будет полезно и на тот случай, если нас продырявят.

— Здорово, — проворчал Ворон. — И никакого курева. Этак я могу отправиться в могилу, глядя на две нераспечатанные коробки гаванских сигар.

— Кажется, мы уже достаточно охладились. Я запросил разрешение на взлет, а вы пока проверьте все системы. Сабатини, поднимай корабль.

«Молния» содрогнулась, ожившие двигатели зарычали, и корабль медленно поднялся над стартовой площадкой. Только на высоте нескольких километров Сабатини поставил его вертикально, дал полную тягу и набрал орбитальную скорость.

Взлет получился шумным и тряским, зато быстрым. Через несколько минут они пробили атмосферу и вышли на промежуточную орбиту. Сабатини включил локаторы кругового обзора.

— Есть что-нибудь? — спросил Нейджи.

— Пока ничего, но он мог убрать мощность до минимума. Вопрос в том, у кого больше радиус сканирования, у нас или у него. Насколько я помню, на экранах «Грома» вы были видны даже на максимальном удалении.

— Его локаторы хороши ровно настолько, насколько надо. Раз мы его не видим, попробуем с ним поиграть. Установи курс по карте А-Ј-8-7-2. Это под прямым углом к тому направлению, которое нам нужно, зато там есть где развернуться. Держи локаторы на максимальной чувствительности. Посмотрим, сумеем ли мы поднять его из засады.

Людей внезапно вдавило в спинки сидений — Сабатини дал полную тягу. Преследователя-человека это могло бы сбить с толку, но Вал не стал бы терять драгоценные секунды, гадая, что делать. Однако и ему приходилось стартовать быстро и тем самым либо выдать себя, либо рисковать упустить преследуемых с самого начала.

— Входи в прокол, как только уравняешь коэффициенты, — скомандовал Нейджи. — Продолжительность — тридцать минут, это минимум по вектору на карте. Мы успеем выйти и сделать новый прокол прежде, чем он выскочит вслед за нами.

— Энергия на исходе, — предостерег Сабатини. — Заборник трансмьютера должен хоть что-то наскрести из окружающего пространства, иначе ему нечего будет преобразовывать. Из-за твоей приборки мы и так порядком потратились.

— Черт с ним! Если энергия кончится, встанем и будем драться как сумеем.

— Входим в прокол.

— Корпус вроде бы держится, — заметил Нейджи, когда корабль открыл дыру в пространстве и нырнул в нее. — Все-таки я молодец.

Теперь, чтобы нагнать их, преследователь должен был точно вычислить их курс, скорость и траекторию и войти в прокол в той же точке и с теми же параметрами. Для Вала или любого корабля, запрограммированного на подобные операции, это было нетрудно. По сути дела, входя в прокол, Вал уже точно знал, где именно они вынырнут в обычное пространство. Но в подпространстве толку от этого было мало, и даже Ворон понял, что задумал Нейджи. Если Вал хоть немного промедлит, чтобы не оказаться обнаруженным, «Молния» успеет сделать новый прокол, отследить который будет невозможно. Проблема была лишь в количестве топлива, собранного носовым заборником. И конечно, если хоть один из многочисленных «жучков» и трассеров уцелел, это будет приятным сюрпризом для Вала.

— После выхода поворот на тридцать два градуса вправо и новый прокол, — приказал Нейджи. — По карте В-Н-6-4-4-9.

— Но на карте нет точек прокола ближе чем в тридцати часах! Нам не хватит горючки на это время!

— Значит, делай прокол на половине того, что у нас осталось, и выныривай где придется.

Сабатини ужаснулся:

— Что, без карты?

— Да, без карты.

Карты, помимо навигации, предназначались для того, чтобы облегчить путешествие. На них были обозначены расчетные точки выхода, в которых плотность рассеянного космического вещества была достаточной для работы заборников. В то же время эти точки были свободны от таких опасностей, как радиационные поля, звезды обычные, звезды нейтронные, и от прочих возможных препятствий. Исходя из опыта своих прежних воплощений, Сабатини знал, что шансы случайно выскочить внутри звезды или планеты близки к нулю, но его беспокоило другое: реальная возможность вынырнуть в пустоте — причем в буквальном смысле слова. Космос никогда не бывает абсолютно пустым, но существуют обширные области, где можно годами бороздить пространство, прежде чем наберется хоть минимальное количество пыли, газа и тому подобного, а на новый прокол могло не хватить энергии.

— Найджи, тебе часто приходилось делать прыжки без карты и без топлива?

— Никогда, но это единственный путь. Другой вариант — затормозить, насколько возможно, поскорее развернуться и попытаться спровадить поганца в его механический ад, как только он вынырнет. Но он на верняка к этому готов, а топлива у него куда больше.

— Да, но есть с дюжину карт, по которым мы можем выйти в безопасных точках.

— В том-то и дело. Дюжина. Сколько тебе нужно времени, чтобы пополнить запасы топлива? Час? Два? Если их там двое, за это время они успеют проверить их все. Выбирай. Здесь твой особый талант ничем не поможет.

— Ты заранее это обдумал или сообразил только что?

— Импровизация, друг мой, есть основа выживания. Если что-то пойдет не так, я свалю вину на неполадки в соединении с компьютером.

— Если что-то пойдет не так, тебе не придется ничего и ни на кого сваливать. Ты отдашь концы раньше нас. Держитесь. Выныриваем.

Сабатини вышел точно в намеченном месте, слегка убрал тягу, полностью открыл заборники и заложил изящный разворот.

— Ты что, собираешься драться? — нервно спросил Нейджи.

— До того как он вынырнет, у нас есть пятнадцать минут. Минут за десять я наберу в этом пылевом поясе и в других четырех все что смогу, а потом войду в прокол. Я тоже связан с компьютером, не забывай.

— Тихо! У меня идея. Включи связь.

— Понял. Идея хорошая — если у нас будет время.

— Помалкивай и собирай пыль.

Ворон и Вурдаль, сидевшие позади, ничего не понимали в происходящем. Они могли только ждать и надеяться, что один из двоих, управляющих кораблем, отвлечется и объяснит им что к чему.

Очень скоро, с их точки зрения, корабль снова ускорился и вошел в прокол. Только тогда Нейджи немного успокоился и объяснил ситуацию. Никому из пассажиров его объяснение не понравилось.

— Впрочем, не вижу, что бы еще можно было сделать, — утешил Манку Ворон. — Придется играть с тем, что есть на руках. Но не могу понять, почему не сделать прокол на сорока процентах топлива, а потом развернуться и возвратиться точно на прежнее место?

— Ч-ч-черт! Как это я не подумал? — выругался Сабатини. — Уже поздно, я использовал пятьдесят процентов, а с учетом того, что понадобится на разворот и возвращение к точке выхода, нам не хватит на обратный прокол. И как же я не сообразил!

— Ни в одной из своих жизней ты не был кроу. Каждый охотник знает, что такое сдвоить след. Но

странно, что об этом не подумал Нейджи, с его-то опытом.

— Я чересчур цивилизован, Ворон, — ответил Нейджи. — Я перешел из Ватиканского Центра в Западноевропейский, потом в Службу безопасности космопорта и наконец на Мельхиор. Я никогда не был на природе. Это не входило в мои обязанности.

— Ладно, только впредь не забывай, что мы, дикари неотесанные, помним еще кое-какие штучки, которые вы, интеллектуалы, давным-давно позабыли. Советуйся иногда и с нами. Ты слишком веришь во всю эту высокую технологию и вынужден играть с Главной Системой по ее правилам.

— Хорошо. В следующий раз так и сделаю.

— Если бы я была тем Валом, который гонится за нами, я бы поставила второго Вала именно там, на конечной остановке, — негромко и сухо сказала Вурдаль.

— Помалкивай, — буркнул Ворон.

Корабль шел в автоматическом режиме, и на некоторое время экипаж остался без дела. Нейджи и Сабатини довели температуру и давление в кабине до нормы и отсоединились от корабля. Теперь можно было без опаски снять надоевшие скафандры, отдохнуть, поесть и даже немного поспать. Ворон насладился наконец одной из своих драгоценных сигар, невзирая на протесты своих спутников и системы очистки воздуха.

Время тянулось еле-еле, трудно было даже заснуть. Когда прозвучал сигнал, Нейджи и Сабатини, вздохнув почти с облегчением, снова забрались в свои кресла и подключились к кораблю.

Выход прошел гладко, точно в назначенное время, и они оказались буквально нигде.

— Концентрация пыли очень незначительна, — отметил Сабатини, — расстояние до ближайшей звездной системы около тридцати трех световых лет. Новый прокол может перебросить нас на три-четыре световых года.

Нейджи быстро просканировал пространство вокруг и не обнаружил ничего ободряющего.

— Слабый источник гравитационного поля в направлении один, семь, один. Это за пределами действия локаторов, и кто знает, что там такое? Если это черная дыра или что-то похожее, она может оказаться еще дальше ближайшей звездной системы. Похоже, мы влипли.

В течение нескольких следующих часов они прочесали обширную область в поисках самых незначительных отклонений гравитационного поля. Что могли означать пылевые или метеоритные скопления, способные послужить топливом! Охота не увенчалась успехом.

— Хорошая новость — у нас набирается достаточно вещества, чтобы поддерживать наше существование в течение нескольких лет, если только плотность за бортом не уменьшится, — сказал наконец Сабатини. — Плохая новость — набранного едва хватает на работу систем жизнеобеспечения и двигателей малой тяги, а это значит, что мы не сможем набрать топлива даже на то, чтобы возместить то, что мы израсходуем на сбор.

— Надо было прихватить с собой парочку рабов-развлекателей, — проворчал Ворон.

— Кажется, в конце концов нам все-таки придется драться, — вздохнул Нейджи. — Теперь вся надежда на...

Внезапно он замолчал, и даже Ворон и Вурдаль почувствовали его тревогу. Обзорный экран ожила, мигнул и переключился на максимальное увеличение.

В пространстве, черном, как темнейшая ночь, возникло сияющее кольцо. Внутри него чернота была еще гуще. Из этой черноты вынырнул корабль, маленький, блестящий и черный.

— Ах сукин сын! — выругался Нейджи. — А я-то думал, что ушел от него!

Сияющее кольцо исчезло. Корабль Вала сбросил скорость и грациозно развернулся в их сторону.

Сабатини вздохнул:

— Полагаю, что нам придется драться в любом случае.

6. РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Вал занял позицию в пределах дальности действия локаторов, но вне досягаемости обычного вооружения. Нейджи и Сабатини были подсоединенны к бортовому компьютеру; бортовым компьютером на корабле Вала был сам Вал. Это означало, что при ответе на любые внезапные действия он всегда будет опережать их на долю секунды. В максимальном режиме автоматических реакций это различие было несущественным, однако и здесь у Вала сохранялось преимущество: скорость его мышления намного превосходила скорость мышления людей, соединенных с компьютером, а рассуждал он именно как люди. Он хорошо знал тех, кого преследовал. Это заставляло людей занять оборонительную позицию, в которой невозможно было победить — только проиграть или свести вничью.

— Именем Главной Системы приказываю остановиться и назвать себя, — раздался в динамике голос Вала. Точнее, голос Козодоя. Вал оказался тем же самым, что подходил к ним в баре.

— Сперва прошу предъявить ваши полномочия, — с вызовом ответил Нейджи. — Вы не настроены ни на кого из нас и хорошо это знаете. Мы не совершили никаких преступных действий, позволяющих сделать для нас исключение. — «По крайней мере известных тебе», — должно быть, подумал он про себя. — Я придерживаюсь Завета.

— А я его попираю, — возразил Вал. — Завет существует, пока он полезен для Системы, и будет разорван, когда она окажется заинтересованной в этом. И кроме того, здесь только вы и я.

Трудно было отрицать суровую истину этих слов, но Нейджи сейчас было плевать на истину.

— Что же это за логика, которая может быть нарушена по произволу, едва это будет удобно? Как можно защищать честь и целостность правящей Системы, игнорируя правила, ею же самой установленные. Да, люди иногда грешат этим, но Главная Система была создана именно для того, чтобы обойти этот изъян. Если вы способны их нарушить, то Главная Система не имеет никакого права на власть над человечеством, кроме грубой силы, а значит, это тирания и наш моральный долг — сопротивляться ей.

— Неотразимо, не так ли? — произнес пораженный Вал. — Против этой логики невозможно возразить, хотя я, как и вы, понимаю, что вы сами не верите ни одному сказанному вами слову. Но пусть будет так. Я нацелен на землянина, историка из Североамериканского Центра по имени Бегущий с Козодоями, которого называют также Джон Хокс. Обладая запретным знанием, он не объявил о нем и не сдался, что автоматически сделало его врагом Системы. Вы знаете, где он находится. Скажите мне, и вы свободны, до тех пор пока другой Вал не начнет искать именно вас.

— Нам это ничего не даст, — ответил Нейджи. — Даже если бы мы знали этого человека, а мы его не знаем, ваша цена чересчур низка. У нас нет топлива, чтобы вернуться в области, отмеченные на карте, и вам, кстати, это известно. Так что либо мы умрем быстро, либо умрем медленно. Но мы профессионалы и знаем, что быстрая смерть лучше, если есть выбор.

— Я мог бы дотянуть вас до ближайшей звездной системы. Там почти везде хватает топлива. Арнольд Нейджи с Мельхиора, если не ошибаюсь? Вы вылетели

на преследование беглецов, как того требовали ваши обязанности, но вместо этого почему-то присоединились к ним. Ворон и Вурдаль — еще двое заблудших сотрудников безопасности. Когда моя миссия окончится, придется хорошенько почистить ваши ряды. Последний член квартета мне неизвестен, но это не имеет особого значения. Вероятно, еще один беглец. Вы сами сказали, что вы профессионалы. Так где же ваша профессиональная логика?

Вурдаль нагнулась к Ворону:

— Почему он тратит время на разговоры, а не разнесет нас в клочки, когда мы так уязвимы? — Казалось, перспектива неизбежной смерти ничуть ее не волнует.

Ворон изобразил полную покорность судьбе:

— Потому, что тогда он сам окажется ни с чем среди реки и без весла. Ему не повезло, что он нацелен на Козодоя, а не на кого-то из нас. Если мы умрем, он потеряет все нити, ведущие к Козодою. Так что, дорогая, до конца еще далеко.

— Из чистого любопытства, — неторопливо проговорил Нейджи, — хочу спросить, как это я умудрился пропустить какой-то трассер? Я был совершенно уверен, что покончил со всеми, что были снаружи, а внутри вы не забирались.

— Я предполагал, что вы окажетесь достаточно компетентны. Но я предполагал еще и то, что вы не станете уделять излишнее внимание двум коробкам хороших сигар.

— Ах ты!.. — вырвалось у Ворона.

— Но вы же не могли знать, какие коробки мы возьмем, и подготовить именно их! — возразил Нейджи.

— Мне это и не понадобилось. Располагая основными данными по Ворону, я знал, что он — заядлый курильщик. В баре я увидел, что он заказал некий конкретный сорт сигар. Я ушел, но, покинув вас, я проверил, откуда они берутся, и со всяческими предосторожностями подсунул трассер в упаковку. Упаковка

была одна-единственная, а отсюда следовало, что сигары будут продублированы — а вместе с ними и трассер. Элементарно, дорогой Нейджи.

— Вот механический сукин сын! — прорычал Ворон. Обиднее всего было то, что такие штучки были как раз в его стиле.

Нейджи вздохнул с неподдельной грустью:

— Что ж, полагаю, мы это заслужили. Но каков же итог, Вал Хокс? Только мы, и никого более. Мы единственные, кто выжил. Они разобрались, как работает тот громадный корабль, но не до конца. Он врезался в нейтронную звезду. Там недоставало обитаемых отсеков, так что нам пришлось разделиться. Мы четверо были на моем корабле, остальные в рубке. У нас не было шансов спасти остальных — мы и сами едва уцелили. Вам не повезло, друг мой. Вы обречены вечно искать того, кого уже не существует.

На этот раз Вал промедлил с ответом:

— До чего же приятно время от времени встретить подлинного профессионала! Речевой анализ показывает, что вы говорите истинную правду. Если бы я не застал вас врасплох в баре, то мог бы и не обратить внимания на некоторые незначительные отклонения...

— Почему они не вступят в бой и не покончат с этой чертовщиной? — сдавленно прорычал Ворон.

Вурдалъ мило улыбнулась:

— А как, по-твоему, дорогой, чем они сейчас занимаются?

— Это кажется правдой, потому что это и есть правда, — заверил Нейджи.

— Что ж, есть простой способ удостовериться. Пришлите мне любого из вас и позвольте мне проверить его или ее на ментопринтере. Если вы действительно сказали правду, у меня будет документальное подтверждение, а вы получите буксир и хорошую фору перед моими коллегами. Я буду вам очень обязан за избавление от бессмысленного труда.

«Ну да, мне туда пойти, что ли?» — мысленно ругнулся Нейджи.

— Вы не способны выиграть у меня даже в оптимальном сочетании обстоятельств, — настаивал Вал, — а ваше положение едва ли можно назвать таковым.

Что правда, то правда, положение было прескверным. Сабатини, основываясь на опыте не одной только Колль, но и других, в кого он превращался на Мельхиоре, без труда мог предсказать тактику Вала. Удары, которые ранят, но не убивают. Удары, которые повреждают, ослабляют, изматывают, но не приканчивают. Вперед и назад, туда и сюда, пока у них не кончится топливо и они не повиснут в пространстве. Вал обладал безграничным терпением машины и предпочитал, чтобы по меньшей мере одна из жертв осталась в живых.

— Эту чушь про неуязвимость Валов можете повторить идиотам из Центра, — ответил Нейджи, — но мы-то с вами знаем, что и вы смертны. Ваш корабль — всего лишь корабль, он бронирован не больше, чем мой. Могу согласиться, что сами вы защищены лучше, чем я, но, если я доберусь до вас, то знаю, куда стрелять. Вся ваша болтовня про неизбежность и неуязвимость — всего лишь психологический прием. Ваша дичь настолько верит в эти байки, что стоит вам только подойти к ней, как она валится на спину и поднимает лапки. Но со мной этот номер не пройдет. Видите ли, я очень легко могу обмануть ваши ожидания. Реверсирую трансмьютер и дам полную тягу. Мгновенный конец, мы просто испаримся вместе с кораблем. Быстро, скорее всего безболезненно, а вы ничего не узнаете о том, за кем вы посланы. Ваш единственный след обратится в облако пара. Меня это не пугает, Вал Хокс. Мы не разгромлены, у нас ничья.

Вал был ошеломлен. До сих пор он был уверен в собственной исключительности и, как все Валы, ощущал превосходство над теми, кого выслеживал.

— Я правильно понял, что вы предпочитаете умереть, но не сдаться? — спросил он наконец.

— Послушай! — нервно сказал Сабатини. — Это же явное предложение немедленно отправить нас ко всем чертям!

— Он ни за что не начнет действовать первым, — успокоил его Нейджи. — Никакого риска, уверяю тебя.

Ворон внезапно щелкнул пальцами:

— Нейджи, сколько мусора тебе нужно, чтобы переделать в топливо для этой посудины?

— А? Хотя бы несколько тонн. А что?

Ворон вздохнул:

— Да так, ничего. Я просто подумал, что у нас на борту уйма всякого хлама, который мы бы моглипустить в дело.

— Вроде?..

— Вроде скафандров. Моих сигар. Нашей одежды. Этих кресел, если мы сумеем их отломать. Вытолкнуть все через шлюз, а потом потихоньку подобрать заборником. Забудь об этом, это мне так просто в голову пришло.

— Ну и ну! В твоей голове кое-что есть! И кстати, если мы отделяемся от сигар, то отделяемся и от трассера.

— Вы с ума сошли? — испуганно вскрикнул Сабатини. — Даже скафандры, господи Боже!

— А что в них пользы, если нам все равно конец? Возьми на себя связь и потяни время! А я отключусь и посмотрю, что можно сделать.

— Но что будет, если он атакует нас, когда у нас нет пилота?

— Да то же самое, если он атакует нас, когда у нас будет пилот! Дай мне отключиться, время дорого!

Нейджи быстро освободился от интерфейса и, не дожидаясь, пока минуту головокружение, начал действовать. В заднем отсеке нашлись кое-какие инструменты и малый ремонтный комплект, который Звездный Орел, к счастью, не убрал после модернизации.

Нейджи вооружился лазерным резаком и принялся отделять кресла от пола, а Ворон и Вурдаль помогали чем могли и складывали их в сторонку.

— Ты же говорил, что нужны тонны, чтобы вышло что-то путное, — напомнил Ворон. — Так зачем же мы возимся?

Арнольд Нейджи хмыкнул:

— Для чего-нибудь путного, может и недостаточно, но, чтобы поиметь этого сукиного сына, вполне хватит. Прикинь сам. Масса каждого кресла... м-м-м... килограммов сорок, вместе с креплениями. Двести сорок. Добавь ремни и пояса — и получишь еще десять. Двести пятьдесят. Скафандры — еще полсотни. С учетом про-чего хлама наберется еще двести пятьдесят, а то и триста. Это уже больше полтонны... Дружище, я гений! Мы же можем выкинуть этот чертов туалет! Если только ублюдок даст нам время, мы наскребем полную тонну!

Он с новым рвением взялся за дело, но Ворон был озадачен.

— Ну и что нам дает эта тонна?

— Чтобы добраться сюда, мы потратили пятьдесят процентов топлива. Нам недостает приблизительно десяти процентов, а для корабля таких размеров это как раз тонна. Если мы ее доберем, то сможем вернуться.

— Ну ладно, мы уже входили в прокол без всяких кресел и привязных ремней, но дальше-то что? Проклятая штуковина тут же вычислит, куда мы отправились, если только не разнесет нас еще на входе. Мы выбросим все что можно, а какой от этого толк?

— Может и так, но кто его знает? Я собираюсь рануть отсюда, потому что другого выхода нет!

В невесомости им нетрудно было подтащить груду обломков к воздушному шлюзу.

— Как там наш Вал? — поинтересовался Нейджи.

— Мы обсуждаем сложные моральные вопросы. Пока что он стоит на месте. Ты же знаешь, терпение у них бесконечное.

— Ну да, на это я и рассчитывал. Валяй, отбрехивайся дальше. Мы собираемся выкинуть через шлюз все, что набрали, это будет процентов десять от нормы. Выкидывать придется в два, если не в три приема. Затем придется еще рассчитать маневр так, чтобы все сполна попало в заборник, а нас при этом не угробили. Надеюсь, мы достаточно мелко накрошили этот хлам.

Сабатини промолчал, полностью занятый связью.

— Зачем вы все это выбрасываете? — забеспокоился Вал. — Прекратите немедленно.

— Может, ты думаешь, что мы тут мины закладываем? Если хочешь, можешь пальнуть для проверки, а прекращать мы не намерены.

Вал ничего не ответил, но выстрелил. Тонкий луч ударил в один из выброшенных предметов и разбил его на части.

— Прямо в сортир, — откомментировал Ворон.

— Ничего, ничего, — ободрил его Нейджи. — Чем мельче, тем лучше. В счет идет только масса. Честно говоря, я боялся, что он не пролезет в заборник. Ладно, хватайтесь за то, что осталось, и держитесь покрепче. Может, мы и набьем себе пару шишек, но оцените альтернативу!

Нейджи вернулся в носовую часть и снова надел шлем интерфейса. Поскольку кресла больше не было, он вырезал из приборной панели два поручня.

— Ты мне что-нибудь объяснишь, или я должен приготовиться к сюрпризу? — недовольно спросил Сабатини.

— Во-первых, надо как можно тщательнее собрать весь хлам, потому что это все, что у нас есть, — ответил Нейджи. — Кажется, мы выбросили его достаточно компактно, но я не знаю, что там наделал этот выстрел.

— Он же наверняка заметил твои маневры, — предостерег Сабатини.

— Ну и что? Если он не начнет стрелять слишком рано, мы можем не беспокоиться.

— Но для прокола тебе придется ускориться! Валу придется стрелять, иначе мы его протараним!

— Отлично. Пусть себе стреляет. Если он решит, что мы собираемся покончить с собой и прихватить на тот свет и его, то постараится нас пропустить. Я надеюсь, что именно так и случится. Трудности возникнут, только если он разгадает нашу игру.

— Ну да? Это же всего лишь суперкомпьютер! Или ты рассчитываешь, что нашел уловку, которой он не знает или не разгадает ее за несколько наносекунд?

— Конечно. Ведь я собираюсь сделать невозможное. Ему это и в голову не придет.

— Вот как! Если это невозможно, то что в этом хорошего?

— Я, видишь ли, знать не знаю, что это невозможно. У меня всегда было плохо с математикой. Ну ладно. Всем держаться! Была не была!

Плавным, почти незаметным движением Нейджи включил тормозные двигатели. Корабль начал медленно сдавать назад, по несколько миллиметров в секунду. Валу даже пришлось несколько раз проверить показания приборов, прежде чем прислать предупреждение.

— Вы движетесь! Немедленно остановитесь, или я вынужден буду открыть огнон!

— Мы не движемся, я просто пробую тормоза. Не волнуйтесь, я-то вижу, что к чему.

— Вернитесь на место, сейчас же!

С полминуты Нейджи держал паузу, одновременно понемногу увеличивая тягу, пока корабль в конце концов не вышел из массы обломков. Теперь она была хорошо видна на обзорном экране, в нескольких метрах впереди. Нейджи развернул «Молнию» в направлении на корабль Вала, чтобы уменьшить площадь поражения.

Вал выстрелил в бортовой заборник, но Сабатини был начеку и заранее включил автоматическую защиту.

Нейджи уравнял скорость корабля относительно скорости груды обломков и приготовился включить переднюю тягу.

— Я вычислил, как поведет себя эта железяка, — сказал он.

— Ну и?.. — спросил Сабатини.

— Он скажет «Не делайте этого!» или «Я буду стрелять!». Держитесь все! Либо мы выберемся из ямы через пару минут, либо мы покойники. Я все запрограммировал. Приготовьтесь!

Двигатели внезапно ожили и зарычали, по всему кораблю загремели и задребезжали остатки демонтированных конструкций. Это не осталось незамеченным для Вала.

— Заглушите двигатели! Если вы сделаете попытку подобрать эти обломки, то убедитесь, что находитесь в пределах действия моего оружия!

— Двигатели перегреваются, — предупредил Сабатини. — Заглуши их или лети куда-нибудь. Ей-богу, ты сошел с ума! Он разнесет нас, едва мы подберем это дерьмо!

Арнольд Нейджи, конечно, не мог действовать с точностью до долей секунды, он просто ввел программу в бортовой компьютер. Тот подчинился, но предостерег, что за последствия не ручается. «ОЖИДАЕТСЯ ОТКАЗ ДВИГАТЕЛЕЙ ЧЕРЕЗ ПЯТЬ СЕКУНД», — уточнил он.

— Пошли!!! — выкрикнул Нейджи.

Раскаленные газы рванулись в дюзы; Ворон и Вурдаль не удержались и, отлетев к задней стене, расплатались на ней. Только благодаря интерфейсам Нейджи и Сабатини смогли не выпустить поручни, но это не прошло даром. Со стороны Нейджи приборная панель начала выгибаться.

События разворачивались так быстро, что невозможно было понять, что происходит, пока все не кончилось. А когда кончилось, Вал был весьма разочарован:

В последний момент, когда запущенные на полную мощность двигатели были на волосок от аварийной остановки, раскаленные сжатые газы, грозившие разорвать корабль, получили выход. В первую секунду, казалось, ничего не происходило, и Вал, для которого это время было очень долгим, хладнокровно настроил свое оружие, принес подобающие извинения и навел ось максимальной плотности огня на точку как раз за грудой обломков, где у него было свободное поле обстрела.

Но мишень внезапно ринулась вперед, и, как только она коснулась плавающего в пространстве хлама, произошло то, чего не ожидал ни Вал, ни кто-либо другой, кроме Арнольда Нейджи.

«Молния» вошла в прокол.

Разрыв пространства был широким, и корабль вошел в него на относительно малой скорости. Фокус прокола пришелся позади самого плотного скопления летучего мусора, и распахнувшаяся воронка втянула в себя все обломки, которые не успел собрать заборник «Молнии».

Сообразив, что противник ускользает, Вал выстрелил, но широкий круг прокола поглотил почти всю энергию выстрела. Осознав, что его надули, Вал зафиксировал курс, скорость и траекторию своей жертвы и поспешно развернулся, чтобы устремиться в погоню. Ему нельзя было терять времени.

Нейджи приглушил двигатели до минимума. В пространстве дополнительный расход энергии ничего не давал, хотя минимальная тяга была необходима. В любом случае они прибыли бы в пункт назначения в то же самое время. Корабль скрипел и стонал, словно грозил развалиться на части, но пассажирская кабина, похоже, уцелела.

— Невозможно! — решительно заявил Сабатини. — Ни один корабль, оснащенный системой жизнеобеспечения, не смог бы выдержать то, что выдержали мы.

— Прекрасно, значит, мы все уже на том свете, — ответил Нейджи. Однако он не чувствовал той уверенности, которую старался придать своему голосу. — Это суденышко было построено именно для побега. Теоретические расчеты и компьютерное моделирование основывались на предположении, что ему придется драться с целой флотилией истребителей Главной Системы. Но мы еще не начинали, ребята. Подождите главного события.

Ворон застонал.

— Черт побери, у меня словно все кости переломаны! — громко пожаловался он и вдруг, вздрогнув, с ужасом уставился на обмякшее тело Вурдаль. Впрочем, она была всего лишь без сознания. Взглянув вперед, на двоих, мертвой хваткой сжимающих поручни, он увидел на теле Нейджи кровь.

— Нейджи, посмотри на себя! Ты весь в крови!

— Да, да... У меня сломано запястье и, кажется, ребро. И еще я приложился головой. Но я проживу сколько надо. Трудновато будет отсоединиться от интерфейса. Сабатини, по-моему, ты в порядке?

— Я получил серьезные внутренние повреждения, но сейчас все восстанавливаю, — ответило странное существо. — Через несколько минут я снова буду цел.

Ворон снова застонал. Он чувствовал себя так, словно его долго и тщательно обрабатывали куском резинового шланга, но переломов, кажется, не было. Как и у других, из носа у него шла кровь, но он не обращал на это внимания.

— Что ты имел в виду — «мы еще не начинали»? — спросил он.

— Сейчас прикинем... Полсекунды — чтобы осмыслить наши действия, предположить, что мы уцелеем, и решить броситься в погоню. Три минуты на набор тяги, разворот по нашей траектории и на вход в прокол. Не будем принимать во внимание возможность обманных маневров. Предположим, что он сде-

ляет все за минимальное время и таким образом отстанет от нас на сто восемьдесят с половиной секунд. Хорошо, что он держался на расстоянии. Иначе у меня не было бы никакого запаса.

Ворон охнул:

— Ты хочешь сказать, что он все еще у нас на хвосте? Корабль по-прежнему жалобно скрипел и стонал.

— А как же? Я сделал небольшой прыжок. Мы вошли очень медленно, и на волосок к тому, чтобы остаться здесь, в подпространстве, навсегда. Половину топлива сожрет наша система жизнеобеспечения, но, если я рассчитал правильно, часть обломков должно было затянуть в прокол магнитными силами и гравитацией. Они и еще остатки его корабля позволят нам попасть куда угодно.

— Остатки его... Какого черта? — хором вскрикнули Ворон и Сабатини. Вурдалъ застонала и пошевелилась, но никто не обратил на нее внимания.

— Подождите. Выходим через минуту. Держитесь, там, позади! На этот раз вас может бросить вперед.

Вурдалъ открыла глаза и недоуменно нахмурилась:

— Что такое?

— Лучше и не спрашивай, — ответил Ворон. — Повернись лицом к стене и держись, чтобы тебя не размазало по передней стенке!

— Что... — начала она, но послушно повернулась и вновь ухватилась за обрезок ножки от кресла.

По астрономическим меркам «Молния» вынырнула совсем рядом с тем сектором, который только что покинула. Как только корабль очутился в обычном пространстве, Нейджи поиском взглядом обломки, прибывшие вместе с ними, нашел их, слегка разогнал корабль и подобрал, сколько смог. После этого он почти совсем заглушил двигатели, а потом очень медленно дал обратную тягу, и держал ее до тех пор, пока корабль не достиг расчетной точки. На это ушло чуть больше двух с половиной минут, так что ждать оставалось недолго.

К этому времени Сабатини, посоветовавшись с бортовым компьютером, понял наконец, что происходит.

— Системы вооружения готовы. Он будет очень близко, Найджи. Я оцениваю дистанцию примерно в сто шесть метров.

— Покажи все, на что ты способен. Его надо не просто подбить. Он нужен мне по кусочкам. Мы ведь не можем выйти и собрать трофеи — скафандры выброшены.

— Да, ты прав. Порядок — наведение выполнено. Это вроде как рыбу острижить.

Вал порядком задержался. Он запоздал на целых семнадцать секунд, и Найджи уже начал подозревать, что тот разгадал его уловку, но твердо надеялся на исключительную самоуверенность противника — как и на то, что Валу придется входить в прокол на предельно низкой скорости.

Как только круг прокола исчез позади Вала, все носовые пушки «Молнии» открыли огонь по его кораблю, прежде чем тот смог обнаружить опасность.

Шестнадцать энергетических лучей устремились к кормовым двигателям корабля Вала. Он вздрогнул от удара. Вал включил полную тягу и начал отстреливаться, но выстрелы прошли мимо цели, а двигатели заработали вразнобой, и его корабль закрутился волчком. Включилось защитное поле, но, едва корабль Вала подставил свой борт, Сабатини быстро вычислил угол наведения и запустил четыре самонаводящиеся ракеты: две по хвостовой части, вдоль энергетических лучей, и еще две под углом, чтобы попасть в каждый борт основного корпуса.

Теперь Вал понял наконец, что угодил в ловушку, и помышлял уже только о немедленном бегстве. Ему удалось сместить защитные поля так, чтобы отклонить ракеты, нацеленные в двигатели, и одну из тех, что шли прямо в борт. Он вполне мог заметить и четвертую ра-

кету или хотя бы заподозрить, что она есть, но на нее уже не хватало мощности.

Сверкнула непередаваемо яркая вспышка, а когда она померкла, в борту корабля Вала зияла огромная дыра. Рой обломков разлетелся во все стороны. Силовое поле замигало и погасло, оголив кормовую часть корабля, но носовая часть оставалась защищенной и, по-видимому, неповрежденной. Там, вероятно, и находился Вал, живой, но утративший свое могущество.

Сабатини выждал, пока Нейджи выведет «Молнию» в подходящий ракурс, и обрушил на полуумертвый корабль всю мощь своего оружия, буквально разнося его на части.

— Ха! Кто это сказал, что Вала нельзя побить! — торжествуя, закричал он, но вдруг осекся: — Какого чер?..

От все еще защищенной носовой части корабля внезапно отделился маленький отсек. Сабатини немедленно перенес на него огонь половины пушек, не желая отвлекать от главной цели все, если это окажется какой-то обманенный трюк. Он промахнулся. Окутанный самым мощным защитным полем, какое приходилось видеть обоим ветеранам космоса, отделившийся отсек стремительно удалялся, непрерывно увеличивая скорость, и, пока Нейджи колебался, преследовать его или нет, приборы зафиксировали небольшой проход пространства, и цель исчезла.

— Это еще что? — спросил изумленный Сабатини.

— Скорее всего мозг Вала, — ответил Нейджи. — Никогда не встречал никого, кто мог бы побить одного из этих ублюдков, так что мы, наверное, первые, кто это видел. Разбивай корабль. Нам надо поскорее вернуться в те места, для которых есть карты. Не забудь, где-то поблизости есть и второй Вал, и, если только в той штуковине, что улетела от нас, хоть что-то есть, она уже спешит к нему, чтобы обо всем доложить и

вызвать что-нибудь с пушками побольше. Давайте-ка двигаться! Кроме того, если мы в ближайшее время не свяжемся со Звездным Орлом, боюсь, я могу умереть.

Они уложили Нейджи на палубу, не отключая интерфейса. Сабатини отсоединился и осмотрел раненого.

— Глубокий шок, — заключил он. — Если его отсоединить, он умрет сразу, и даже если оставить его подключенным, я не могу ничего гарантировать, но так он по крайней мере не чувствует боли.

Ворон печально покачал головой.

— А мы ничего не можем сделать? — с надеждой спросил он.

Сабатини невесело усмехнулся:

— По-моему, даже наш медицинский комплект отправился за борт. Без настоящего медицинского центра с квалифицированным персоналом вся надежда на трансмьютер, и к тому же достаточно большой и автономный. А такие есть только на «Громе».

Ворон тяжело вздохнул:

— Да, и это минимум в двух днях пути. Он столько не протянет.

— Не могу сказать, как меня ободряют ваши речи, — раздался из интеркома голос Нейджи, и Ворон вздрогнул — он забыл, что умирающий человек все еще был подключен к кораблю. Говорить самостоятельно он не мог.

— Да ладно, я всегда был за прямоту, так подумал, что и ты тоже, — попытался оправдаться Ворон. — Черт возьми, ты же сам знаешь, в каком ты состоянии.

— Уж получше тебя. У меня внутри все разорвано и пробито легкое. Я не нуждаюсь в подробных разъяснениях, и вся моя надежда, если смотреть в лицо фактам, на то, что Звездный Орел получил аварийное послание, которое мы отправили перед тем проколом, что привел нас в никуда. Он выйдет в это место по

карте, но даже если он стартовал немедленно, то будет там не раньше чем через полчаса после того, как мы вернемся.

Брови Ворона поползли вверх:

— Ну, допустим, мы возвращаемся. А что, если того Вала, которого мы разнесли на кусочки, подстраховывает второй? С этим нам повезло, но я не уверен, что мы сможем провернуть такую штуку дважды.

Сабатини недоуменно уставился на него:

— Ты же ведь сам сказал сдвоить след!

— Ну, понимаешь, это было первое, что пришло мне в голову. Учитывая обстоятельства, лучшего я предложить не мог.

— В любом случае теперь у нас выбора нет, — вмешался Нейджи. — Даже с учетом обломков корабля Вала энергии у нас в обрез. Есть там Вал или нет, нам так или иначе придется вернуться в начальную точку. В худшем случае примем бой и постараемся продержаться до прихода «Грома».

Сабатини на мгновение задумался:

— Нейджи, если Звездного Орла не будет... тебе не обязательно умирать... совсем.

Нейджи помолчал. До него не сразу дошел смысл предложения.

— Не уверен, что мне хочется быть поглощенным. Единственное, что у меня осталось, это мой разум и моя независимость. Ты не Сабатини, а всего лишь имитатор, который может успешно подражать Сабатини, и никогда не станешь настоящим Арнольдом Нейджи. У тебя была бы моя внешность и мои воспоминания, но свои воспоминания я предпочитаю оставить при себе. Есть вещи, которым лучше дать умереть, чем разделить их с кем-нибудь. Нет, когда я умру, если умру, вытолкните меня через шлюз, и дело с концом. Это самый подходящий способ.

— Еще рано об этом говорить! — оборвал его Ворон. — Согласно всем расчетам компьютеров и

умных голов, мы уже давно на том свете. Ты только не сдавайся, слышишь!

— Я никогда не сдаюсь, — ответил Арнольд Нейджи. — Неужели ты еще не понял?

Последний прыжок был коротким. Учитывая дефицит топлива, Сабатини очень тщательно рассчитал траекторию, и весь путь занял несколько часов.

— Удивительно, как это не сводит людей с ума, — вдруг сказал Ворон, пока текли долгие часы ожидания.

— А? — полусонный Сабатини вздрогнул и приоткрыл один глаз. — Что?

— Да эти прогулки в жестяном гробу. Часы за часами, иногда дни за днями, и нечего делать, и не о чем поговорить. Не то чтобы я имел что-то против нашей компании, но все выговариваются полностью за день или два — и дело с концом. Когда ты в глухи, или в горах, или в прериях, там всегда что-то есть. Не разговор и, может быть, даже не мысли, но что-то в тебе постоянно отзывается на что-то. Так было на нашем острове. Я всегда мог пойти в горы или к морю, смотреть на волны и чувствовать, как ветер овеивает мое лицо. А здесь — это как смерть. Даже хуже. Мой народ так представляет себе ад. А Козодой — у хайакутов очень странная теология — говорит, что здесь обитают Властелины Срединной Тьмы. Их владения — великое ничто. Возможно, он прав.

— Поспал бы ты лучше, — пробурчал Сабатини. — Даже мне время от времени надо спать, а ты, я гляжу, единственный, кто избавлен от этой необходимости.

— Я мог бы заснуть в прерии, где бродят бизоны, или на берегу бушующей реки. А здесь у меня бесконница.

— Это не совсем нормальное путешествие. Обычно на корабле полно книг, фильмов, учебных программ и много чего еще, чем можно занять время. Некоторым, кстати, больше нравится общество компьютеров, чем других людей.

— Только не мне. Я, наверное, никогда к этому не привыкну.

Внезапно неподвижное тело Нейджи дернулось, он захлебнулся кашлем, изо рта потекла кровь. Все бросились к нему, но сделать ничего не могли, и в конце концов приступ прошел сам собой. «Нейджи уже не весь здесь», — вдруг подумал Ворон. Умереть одному, внутри этой стерильной жестянки, и потом вечно плыть в черноте... было в этом что-то несправедливое. Умирают все, но собственная смерть всегда виделась Ворону иной. Он умрет на свободе, где воздух чист, а тело его будет сожжено и развеяно по ветру или вернется в землю. И то, и другое было неплохо.

«Я себя обманывал, — мрачно подумал он. — Космос не для таких, как я. Нейджи и Сабатини, или кто он там есть, — вот они здесь в своей стихии. Я тоже готов сражаться с любым Валом, если понадобится, но на своей территории. Черт тебя возьми, Ласло Чен! Если мы отсюда выберемся, больше на помощь старого Ворона не рассчитывай. Ради тебя, жирный лентяй, я больше и пальцем не шевельну. С меня хватит».

— Ворон... Вурдалъ... Сабатини... — донесся из динамика голос Нейджи. — Не думаю, что уже пришло мое время, но мне надо кое-что рассказать вам, просто по случаю.

— Замолчи и не думай об этом. Ты должен беречь силы, — предупредил Сабатини.

— Пустое. Слушайте, пока я не передумал. Во-первых, вы уже убедились, что Вала можно одолеть в космосе, нужно лишь немного безрассудства и непредсказуемости. У них есть слабое место, имя ему — самомнение. Они воображают, что в совершенстве понимают людей, и, может, недалеки от истины, но думают они не так, как люди. Они машины. Логические устройства. Если они видят определенный порядок действий и эта последовательность логична, то полагают, что и вывод можно сделать только один. Вот почему мы накрыли

этого Вала. На Земле они не менее уязвимы, но там у них больше разных приемов. Не подпускайте их слишком близко, а то так и не поймете, чем вас ударило. И конечно, броня, но ее можно взять мощным лазером. Это не остановит их, но пробьет. Голова у них пустая. Не обращайте внимания. Мозг в туловище, сантиметров на семь — десять выше промежности. Представьте себе, что у него есть пупок, и цельтесь туда. Крест-накрест. Как буква Х. И сзади они уязвимее, чем спереди. Бейте из засады и не останавливайтесь, пока он не упадет. Не подходите ближе четырех метров, пока не убедитесь окончательно, что он мертв.

Это было уже интересно. Ворон разрывался между необходимостью велеть Нейджи замолчать и желанием послушать еще. Он промолчал.

— И не думайте, что самые опасные враги — это машины. Машины частенько глупы, а Валов на свете не много. У Главной Системы есть войска, состоящие из людей, их держат на специальных базах. Обработанные ментопринтером, генетически подправленные, верные, преданные и ни в чем не сомневающиеся. Как Валы. С Валом даже можно поспорить — он просто делает свое дело. С этими солдатами не поспоришь, и не все они люди.

Ворон взглянул на Сабатини:

— Ты о них знаешь?

— Слыхал... Но никогда не видел, я имею в виду — никто из моих предшественников.

— Когда у вас будет первый перстень, — продолжал Нейджи, — остановится все, кроме вас. На охоту за вами бросят Валов, солдат и все, что можно придумать. Я вывел вас на прямую — но шансы все еще не равны. Вам понадобятся люди, и надо, чтобы каждый был готов принести последнюю жертву. Кроме Сабатини, никто из вас не сможет даже пойти на разведку. Если не считать Чена, перстни носят неземляне.

— Что значит «последняя жертва»? — обиженно поинтересовался Ворон. — Смерть? Так мы к ней готовы.

— Не смерть. Жизнь. Это ведь не просто надеть маску и ограбить Центр, как ты не понял! Для них вы чудовища. Умереть — пустяки. Но мог бы ты ради колец, ради дела сам превратиться в чудовище? Спроси себя об этом. Пусть Козодой спросит всех. Единственный способ стянуть перстни у нелюдей — это стать одним из них. Подумай об этом и пойми, на что рассчитывает Чен. Представь себе, что у вас не осталось ни одного землянина. Ни одного, кто мог бы прийти за его перстнем, не выдав себя.

— Слишком много он знает для случайного попутчика, — шепнула Вурдаль.

Ворон кивнул:

— Не скажешь ли нам еще чего-нибудь, дружище?

— Не перебивай меня. Я скажу тебе все, что тебе следует знать, Ворон. Савафунгу можешь доверять, но до определенной степени. Он не выдаст тебя Главной Системе, но он достаточно умен, чтобы, пока вы собираете четыре перстня, вычислить, где находится пятый, и отобрать у вас остальные. Налаживайте связи с другими флибустьерами. Страйтесь не зависеть от единственного источника. То же касается и Клейбена. Пока вы не победите, он будет с вами в одной команде. И он по-настоящему боится тебя, Сабатини. Пользуйся этим, но не поворачивайся к нему спиной. Он тебя создал, и он же придумал, как поймать и удержать тебя. Если тебя трудно убить, это еще не значит, что ты бессмертен. Еще недавно ты мог бы погибнуть вместе с нами, помни об этом.

— Я запомню. Клейбен застиг меня врасплох, когда поглощение еще не совсем завершилось. Второй раз у него не выйдет.

— Проклятие! Похоже, мое время истекает. Сперва пойдете на Джанипур. Это будет сложновато, но, если вы не сможете добить этот перстень, не надейтесь до-

быть остальные. О-ох! Мы выйдем из прокола не позже чем через минуту. Держитесь. Сабатини, вернись к пульту. Кто-то должен вести эту посудину, что бы ни случилось.

Сабатини повиновался и быстро включился в интерфейс. Ворон и Вурдаль небрежно ухватились за первое что попалось под руку. По сравнению с тем, что они пережили, выход из прокола казался пустячным делом.

— Пока вроде чисто, — сказал Сабатини. — Попробую круговой обзор.

Сенсоры давали информацию практически обо всем, что находилось в пределах прямой видимости, но не очень точно, особенно при широких углах сканирования, определяли принадлежность объекта. Но что они могли почувствовать наверняка, так это неизменный мурчаний, то есть любой корабль.

— У Вала есть то, чего нет у нас, — предостерег Нейджи. — Он может полностью вырубить энергию, а если мурчилиевый сердечник зазкранирован, обнаружить его нельзя. Так что радоваться пока рано. Но когда он внезапно включит двигатели, у нас все же должно остататься несколько секунд, если только мы не выскошли к нему вплотную.

— Сдается мне, мы довольно шустро стартовали с места, — заметил Ворон.

— Точно. Но мы не отключали мощность, а если запускаться от аккумуляторов, то надо включить двигатели, потом разогнаться и перебросить избыток мощности на защиту. Валы берут верх тем, что сводят нас с ума, но они должны повиноваться тем же законам физики, что и мы.

Убедившись, что опасности нет, Сабатини раскрыл заборники и начал быстро набирать топливо.

— Еще минут десять — пятнадцать, и можно лететь хоть до самой Земли, — сказал Нейджи. — Вряд ли стоит рассчитывать на то, что Звездный Орел приведет сюда «Гром».

Ворон отвернулся. Без «Грома» Нейджи был обречен.

— Эй, эй! — внезапно закричал Сабатини. — Задфиксирован прокол! Внимание!

— Может быть, «Гром»? — с надеждой спросил Ворон.

— Нет. Слишком маленький. Может быть, истребитель, но у меня нехорошее чувство, что точно такой же прокол я видел совсем недавно.

— Боюсь, ты прав, — отозвался Нейджи. — Но сейчас у нас хватит горючки, чтобы заставить его побегать. Вся проблема в той штуковине, что вылетела из первого Вала. В ней вся запись нашего боя, и если ее перехватили, то наш трюк уже не сработает, но, может быть, мы сумеем его надуть. Он не знает точно, кто мы такие, и только что запросил нас об этом. Я ответил, что это флибустьерское судно «Финляндия», и посоветовал отстать и заняться своим делом, но, кажется, он не купился. Сейчас я включу динамики.

— Флибустьерский корабль «Финляндия»! Застопорите ход для досмотра, — раздался голос из интеркома. Женский голос, очень знакомый, но Ворон его не узнал.

— Это голос Хань, — сказала Вурдаль. — Тверди моложе, но все-таки ее.

Теперь Ворон понял. У Главной Системы не было записей, сделанных на Мельхиоре, и ей пришлось использовать последнюю ментокопию Сон Чин, сделанную на Земле.

— У вас нет полномочий на нарушение Завета, — ответил Валу Нейджи. — Следуйте своим курсом и дайте нам сделать то же самое.

— Сдается мне, мы это уже проходили, — грустно вздохнул Ворон.

— В этом районе укрываются чрезвычайно опасные преступники, — настаивал Вал. — Предприняты экстраординарные меры. Я обязан подняться на борт

и удостовериться, что среди вашего экипажа нет тех, кого я ищу.

— Уноси отсюда свою железную задницу, — посоветовал Нейджи. — Хочешь взять нас на пушку, но я, чтобы ты знал, как раз передаю этот разговор самым широким лучом для всех, кого он заинтересует. Оставь нас в покое, не то все узнают, что ты нарушил Завет.

— Я имею полномочия при необходимости применить силу, — произнес Вал. — Но предпочел бы добровольное сотрудничество. Дайте мне убедиться, что ваш корабль чист, и можете отправляться своей дорогой. Но если вы откажетесь, я буду вынужден открыть огонь.

— Похоже, что все впустую, — вздохнул Нейджи. — И все же, если мне суждено уйти, я хотел бы уйти именно так.

— Ну а я — нет, — возразил Ворон. — Черт возьми, ты уже достал нас своей болтовней о его неуязвимости! Взорвем его ко всем чертям, и дело с концом!

— Будь у меня второй корабль, мы бы пустили ублюдка на спагетти, — проворчал Сабатини. — Но один на один он всегда будет чуть-чуть быстрее.

— Может, кто-нибудь откликнется, — отозвался Нейджи. — Я транслировал наш разговор на всех частотах. — Он переключился на открытый канал. — Есть там кто-нибудь, кому хочется увидеть, как рушится Завет? А на очереди вы! Мы еще можем немного задержать эту корзинку с болтами. Эй, флибустьеры, неужели никто не хочет защитить Завет?

Субпространственная связь то и дело прерывалась, но при передаче открытым текстом широкому лучу не требовалось много времени, чтобы дойти по назначению.

— «Финляндия», я «Касавуту». Я в одном часе хода от вас, ложусь на курс.

— «Финляндия», я «Иокогама Мару». Один час и девять минут хода, вхожу в прокол.

— «Финляндия»...

В разговор вступали все новые и новые голоса. Уединенный и пустынnyй уголок космоса внезапно оказался чрезвычайно густонаселенным.

— Ха! — воскликнул Сабатини. — Этот чертов Вал впредь будет знать, что надо глушить связь!

— Он бы тогда не смог с нами беседовать, — пояснил Нейджи. — Дело беспрецедентное и, надеюсь, он это понимает. Валы привыкли, что все их слушаются при одном появлении, но это ему не Земля. — Он снова обратился к роботу. — Ну ладно, Вал, теперь можно внести ясность. Или у тебя есть полномочия нарушить Завет, или у тебя их нет. У меня полные баки топлива, я хорошо вооружен, надежно защищен и довольно-таки маневрен. Шансы подсчитай сам. На одной только автоматике я продержусь против тебя час, а может и два. К этому времени здесь соберется целый флот тяжеловооруженных и хорошо защищенных кораблей, которыми управляют люди, ненавидящие вашу механическую власть. Если ты по-прежнему намерен преступить Завет, тебе это дорого станет.

От такой наглости Вал опешил. Но что компьютер делает хорошо, так это подсчитывает шансы, все шансы были за то, что любая помощь придет не раньше чем через несколько часов, если не дней.

— Прекрасно, значит, так и будем сидеть, — сказал наконец Вал. — Я не открою огня, если мне не придется защищаться, но и не уйду. Ваш драгоценный Завет дает мне те же самые права и ту же свободу действий, что и вам. Будем торчать друг напротив друга, пока вы не состаритесь, и, куда бы вы ни пошли, я пойду следом.

— Снова ничья, — вздохнул Сабатини.

— Ну, не совсем, — возразил Нейджи. — Полагаю, что наш железный друг сильно недооценивает тех, что сейчас придут сюда, и неправильно истолковывает их намерения. Флибустьеры просто не могут позволить

создать подобный прецедент, иначе они перестанут быть флибустьерами. В пределах Завета у любого есть право предпринять все, что он сочтет необходимым, чтобы идти своим путем. Я... кажется, тогда меня уже здесь не будет, но вы пристрелите этого типа за меня.

— Ворон! — резко сказал Сабатини. — Я отключаю его! Пригляды за ним! Мне нужен полный контроль.

Ворон и Вурдаль бросились к Нейджи. Он вздрогнул, его глаза открылись, он взглянул на них и попытался заговорить.

— Воды! Вурдаль, дай ему воды! — рявкнул Ворон. Она метнулась к пищевому трансмьютеру и принесла чашку. Ворон осторожно приподнял Нейджи голову и дал ему попить. Нейджи глотнул, закашлялся, в уголках его губ выступила кровь. Однако он сумел овладеть собой и заговорил хриплым шепотом.

— Я... хотел бы... мне... честь... сражаться... об руку с вами... этом походе, — с трудом выдавил он. — Но теперь... понимаю... было бы... против правил...

Ворон нахмурился, у него было странное чувство, что сказанное значит больше, чем произнесенные слова.

— Правила? Какие правила? Чьи?

Нейджи криво улыбнулся:

— Долго... объяснять... Моя работа... дать вам перевес... когда силы будут неравны... Годы... в этой дыре... Мельхиор... Помогал... устроить...

У Ворона в изумлении отвисла челюсть. Он кое-что начинал понимать, но еще далеко не все.

— Значит, ты один из тех, кто стоял за всем этим. Кто ты, Нейджи? На кого ты работаешь? На Чена?

Невеселый смешок Нейджи утонул в новом приступе кашля.

— Чен... Мы ему... уши прожужжали... Идиот... намеков не понимал... — Нейджи внезапно приподнялся и с неожиданной силой вцепился в Ворона. — Ты должен покончить с этим, Ворон! Главная Система... должна... умереть!

— На кого ты работаешь, Нейджи? Черт возьми!
На кого?

— Это... война... Ворон... Мы на войне! — Он обмяк, и на мгновение Ворону показалось, что это конец, но Нейджи пошевелился и отпил еще воды.

— Ради себя самого... слушай... — произнес Нейджи, отчаянно борясь с неизбежным. — Этот Вал... уничтожь его... прежде чем я... Потом просто... вытолкнешь... через шлюз...

— Перестань болтать чушь! Ты выкарабкаешься! Ты слишком хитер, чтобы умереть.

— Я уже почти мертв... Не беспокойся... Делай... как я сказал... Ради будущего... Тогда я... умру... но не... уйду... Когда буду... уравнять шансы... здесь... Обещай!

— Клянусь, Нейджи. Только держись, я... — Ворон осекся и, дотронувшись до тела, печально вздохнул. Было поздно. Арнольд Нейджи уже ничего не мог услышать.

Вурдал пожала плечами:

— Этот малый умирал дольше, чем певец в опере. Ворон, нахмурившись, обернулся к ней:

— Что?

— Ничего. Он умер. Вытолкни его и берись за управление.

— Нет! Я дал слово. Сперва раздelaемся с Валом, как он просил.

— Да какая разница? Под конец он окончательно съехал с катушек. Мертвый вернется, когда понадобится нам... Терпеть не могу мистики.

Ворон снял с Нейджи шлем и оттащил тело от панели управления.

— Ну-ну... Может, он и тронулся немножко, но далеко не совсем. Не знаю уж кем — или чем — он был на самом деле, но ясно как день, что агент из него был отличный. Он натянул нос и Клейбену, и Чену, и черт знает кому еще. Козодой был прав — это не простое совпадение. Он был одним из тех, кто дергает за вевочки. Он знал ответ, черт его побери!

— Он рехнулся, — настаивала Вурдаль. — Рехнулся хуже нашего.

— Я не позволю вытолкнуть его до тех пор, пока мы не пристрелим Вала или не ускользнем от него. Ясно? Какой от этого вред?

— Да ладно, ладно... Но, сдается мне, его сумасшествие оказалось заразительным.

Уединенная система тем временем становилась все оживленнее. Число кораблей, откликнувшихся на призыв, поразило даже Сабатини, а на Ворона особое впечатление произвело то, что вся эта мощь была сосредоточена в человеческих руках.

Здесь были мужчины. Здесь были женщины. Здесь были и те, о которых нельзя с уверенностью сказать ни того, ни другого. Они говорили на самых разных языках, а многие скорее всего вообще не напоминали людей, и все же они пришли.

Причина была вовсе не в «Молнии», ради одной только «Молнии» они не потрудились бы и улицу перейти, не говоря уже о межзвездном перелете. Но Найджи был прав — каждый из них понимал, что, если бы они остались в стороне, то же самое могло произойти и с ними.

— Ну что ж, Вал, теперь твой ход. — Голос Сабатини звучал уже намного спокойнее и увереннее.

— Мой ход после вашего. Ни у кого из вас нет права заставить меня уйти отсюда. И если я решу покинуть это место, следуя маршруту вашего корабля, то и на это у меня есть право.

— Можешь торчать здесь сколько угодно, — вмешался резкий женский голос, живо напомнивший Ворону Риву Колль. — Или убираться прямо сейчас, но за ними ты не пойдешь. Любой другой курс, траектория, скорость, но только не эти. Такие вот дела, задница железная.

— У вас нет таких прав, — отпарировал робот. — Это против Завета.

Сабатини хмыкнул:

— Смотрите-ка, кто у нас теперь взвывает к Завету, а ведь час назад эта железяка готова была преступить его не задумываясь. Одно из двух, флибустьеры! Либо Главная Система отменила все соглашения, и в этом случае у него вообще нет никаких прав, либо этот робот повредился в уме и теперь стоит вне закона. Что скажете, ребята? Мы никому не желааем зла, так, может, дать ему пять минут, чтобы набрать скорость и войти в прокол? А через пять минут у нас не будет перед ним никаких обязательств.

В ответ послышались дружные возгласы одобрения, а кое-кто даже угрожающе зарычал.

Вал был компьютером и не мог не понимать, что все шансы против него. Он вполне мог бы управиться с одним кораблем, возможно с двумя, но здесь их было не меньше десятка. Как справедливо заметил Нейджи, он вынужден был повиноваться тем же законам физики, что и простые смертные.

— Прекрасно, — сказал Вал. — Пока что я ухожу, экипаж корабля, называющий себя «Финляндия». Но мы еще встретимся, и очень скоро. В другое время, в другом месте, где не будет Завета и не будет союзников. И вы станете умолять меня о смерти, но не получите ее!

Корабль Вала начал разгоняться, удаляясь от флотилии флибустьерских кораблей.

— О черт, да он уходит! — разочарованно сказал кто-то.

— Мы еще можем успеть его разнести, — с надеждой в голосе предложил другой.

— Ну-ну. Пусть себе идет, — миролюбиво сказал Сабатини. Корабль Вала, набрав скорость, вошел в прокол и пропал из виду. — Мы вам очень обязаны. Дайте мне ваши позывные, а через месяц-другой загляните на Халиначи. Не пожалеете. Просто скажите старине Сава-Фунгу, что оказали услугу пиратам «Грома», а он будет знать, что ему делать.

Неизвестно, восприняли ли они его слова всерьез, однако все послали свои позывные и приняли подтверждение.

Ворон встал и прошел в корму.

— Ну вот, теперь мы можем отправить Нейджи в последний путь, как он того и хотел.

Они с Манкой затащили обмякшее тело в воздушный шлюз и задраили внутренний люк. Воздух они не откачали, и тело Нейджи, выброшенное давлением, вскоре пропало в темноте.

Вдруг Сабатини взволнованно вскрикнул:

— Эй! Вот это прокол! Черт меня побери, это же «Гром»!

Ворон грустно уставился на люк воздушного шлюза:

— Н-да. Поздновато...

«Гром» немедленно обнаружил флибустьерскую армаду — замерцали защитные поля, ожили орудийные установки.

— Легче, легче, — сказал Сабатини. — Это друзья. Потом все объясним.

— Матерь Божья! Это еще что такое? — охнул кто-то. Ему эхом вторили вскрики, полные неподдельного изумления. Флагман лоскутного флота, старинный транспорт, имел в длину едва ли четыреста метров. Пришелец достигал сорока километров.

— А это, друзья мои, и есть наш «Гром», — пояснил Сабатини. — Эй, Звездный Орел! Рады тебя видеть, хоть ты и пропустил самое интересное!

— Прошу прощения, — вежливо отозвался пилот. — Когда ваше послание достигло базы, я был в другом месте, но как только мне его ретранслировали, сразу же вылетел сюда.

— Это те беглецы с Мельхиора! — воскликнул один из флибустьеров. — Ну, черт меня побери! Ни за что бы не поверил, если бы не увидел сам!

Сабатини медленно подвел «Молнию» к «Грому». Тянувший луч захватил ее и втащил во второй грузовой отсек.

— А где же Нейджи? — спросил Звездный Орел, когда они оказались внутри. — Я его не чувствую. И черт возьми, во что вы превратили корабль?

— Нейджи умер, — ответил Сабатини. — Мы победили Вала, но он заплатил за это своей жизнью. Его тело плывет где-то... эй! Вот те раз!

Ворон нахмурился:

— Что такое?

— Помнишь ту штуковину, которая оторвалась от Вала и улетела?

— Ну да, помню. А что?

— Опять почти то же самое. Прокол, но слишком маленький для корабля или даже шлюпки. И совсем недалеко. Ты видел, Звездный Орел?

— Да. Я как раз проверял свои записи и заметил его. Очень кратковременный, но мощный прокол, через который прошел предмет размером не более двух метров.

У Ворона по спине пробежал холодок. «Как раз в рост Арнольда Нейджи», — подумал он.

7. НА АБОРДАЖ!

Я

ознакомился с бортовым журналом и чрезвычайно удивлен, что вы вообще еще живы, — заметил Звездный Орел, направляя «Гром» к базе. — Я думал, что не уцелест никто, кроме Нейджи, но вот вы все живы, а Нейджи умер.

— Кстати, о Нейджи, — обесценно спросил Ворон. — Ты слышал эти речи умирающего. Что ты о них думаешь? Это правда?

— Кто знает? Насколько я могу судить, он был во всех отношениях обычным землянином, но ведь это можно и подделать. Для трансьютера атом — просто атом, а молекула — просто молекула. В свете этого замечание насчет последней жертвы выглядит довольно личным.

Ворон кивнул:

— Да, мне тоже показалось, что он как-то странно об этом сказал. Словно сам испытал это на собственной шкуре. Так что в прошлом Нейджи вполне мог быть таким созданием, о которых мы даже не слышали. Не исключено, что на самом деле ему были глубоко отвратительны все люди, что земляне, что колонисты, но процесс этот односторонний, вот он и застрял на всю жизнь в облике чудовища, обреченного жить среди чудовищ. Черт, да ведь это значит, что, по сути, никому нельзя доверять полностью! Я-то думал, что нам достаточно одного Сабатини, а теперь мне говорят, что моя собственная мамаша вполне может оказаться трехголовым осьминогом с Большой Медведицы!

— Такая опасность существовала всегда, — лукаво подтвердил пилот. — Однако главная проблема не в этом. Предположим, что Нейджи действительно был представителем — и возможно, даже не человеком — того таинственного врага, с которым сражается Главная Система. В таком случае мы автоматически превращаемся в его тайных агентов. Отсюда возникает вопрос, служим ли мы спасению человеческой расы или наоборот.

— Интересно... Продолжай.

— Очевидно, что до тех пор, пока существует Главная Система и действует ее основная программа, они победить не могут. Во всяком случае, окончательно. Если даже они захватят несколько планет, Главная Система, не задумываясь, пожертвует ими, чтобы спасти остальные. Но если цель чужаков сугубо захватническая, то в каком положении мы оказываемся, устраня единственное, что стоит у них на пути?

— Терпеть не могу вмешиваться, — сказала обычно молчаливая Вурдаль, — но вы оба упустили из виду действительно главный вопрос. Если они сумели создать Нейджи и внедрить его в самое сердце Службы безопасности Мельхиора, то зачем им связываться с нами? С таким же успехом они сами могут собрать эти кольца.

— Я уже размышлял об этом, — ответил Звездный Орел. — Несомненно, что по какой-то причине это для них невозможно. И дело тут не в ущербности технологий или недостатке добровольцев. Вполне вероятно, что Козодой прав и причина кроется в природе программного ядра Главной Системы. Некий момент, который позволяет попытаться только людям.

Ворон помотал головой:

— Не проходит. Чего же тогда Главная Система до сих пор не обнаружила, что Нейджи — это вовсе не Нейджи? Все это очень подозрительно. И как-то бесмысленно. А эта болтовня об игре и правилах, словно

бы Творец и Отец Демонов играют нами в шахматы, а победитель получает все. Не нравится мне это. Я боюсь.

Вурдаль залилась смехом:

— Просто не верится! Ворон, великий циник северных равнин, ударился в мистику! Итак, мы лишь пешки во вселенской игре Бога против Дьявола! Ну, если Бог — это Главная Система, то я на стороне Дьявола!

Ворон смущенно покачал головой:

— Возможно, дорогая, ты знаешь меня не так хорошо, как тебе кажется. Прежде всего я кроу. Примитивный, так сказать, индивид. Может быть, Козодой сумеет найти смысл. У него лучше чутье на всякие тайны, и он умеет видеть историческую перспективу.

— Ситуация вынуждает нас действовать, — вмешался Звездный Орел. — Я надеялся сохранить нашу базу еще на месяц или два, пока не закончу обновление «Грома». Но раз поблизости столько Валов, я думаю, лучше всем собраться на борту.

— Как мы и хотели с самого начала, — заметил Ворон. — Именно ты уговорил нас отправиться в эту чертову дыру.

— В то время это было необходимо. «Гром» был совершенно не приспособлен для нормальной жизни и работы, а без верфи мне пришлось перестраивать его по частям с помощью целой армии роботов и при непрерывном использовании трансмьютеров. Но теперь, раз нам необходимо скрываться, я почти готов устроить вас на «Громе». Основная работа уже сделана, а когда я получу достаточно мурлия, чтобы запустить большие трансмьютеры, закончу остальное.

Айзек Клейбен вздохнул:

— Что касается меня, я буду рад избавить это месечко от своего присутствия. Мне не терпится добраться до моих файлов и продолжить исследования. У меня там много такого, что может пригодиться всем нам.

Козодой был настроен иначе:

— А я, честно говоря, не в восторге. Эта планета красива, и здесь много загадок, которые хотелось бы разрешить. Например, эти темные существа в океане и деревья на острове. Кто их посадил? А главное — зачем?

На маленьком истребителе они слетали туда и обнаружили искусно возделанный фруктовый сад. Но полив был естественным, и посадки, видимо, уже давно никто не посещал. В густой траве торчали резные идолы со свирепыми физиономиями, очень похожие на демонов в представлении хайакутов. Вокруг лежали камни, покрытые темными пятнами, — грубое подобие жертвенника. После этой единственной попытки исследования атмосфера в лагере, и без того достаточно напряженная, накалилась еще больше.

Хань уже возвратилась к норме. Танцующая в Облачах сшила ей специальный мешок, чтобы носить ребенка, и теперь она почти не расставалась с малышом. Хань дала ему традиционное китайское имя, но, видя, с какой неожиданной силой он тянет пеленки, все прозвали его Крепышом.

Даже возвратившись к своему обычному состоянию, Хань оставалась чрезвычайно внимательной матерью, но и она склонялась к возвращению на «Гром». Только Звездный Орел мог предложить ей то, чего она была лишена: зрение — и тем более такое, которое было недоступно для остальных.

Коридоры «Грома» почти не изменились, но главный трюм теперь был отделен от внутреннего корпуса сложным воздушным шлюзом.

— В конечном счете я загерметизирую все внешние области, вплоть до грузовых отсеков, — сказал им Звездный Орел. — Но для этого нужна уйма энергии, и, учитывая ограниченность ресурсов, я пока сосредоточился на главном трюме.

Потрудился он действительно на славу. То, что они увидели, было поразительно, почти невероятно. Де-

монтировав большую часть трубопроводов, передвижных висячих мостиков, ячеек и прочих конструкций, Звездный Орел освободил обширное пространство, почти километр в поперечнике и километров пять в длину, считая от передней переборки. Все оно было загерметизировано, и здесь поддерживалась искусственная тяжесть, но больше всего поражало другое.

— Трава! — охнул Ворон. — Деревья! А там что-то вроде поселка!

— Так и есть, — гордо ответил Звездный Орел. — К сожалению, дома и мебель пришлось изготовить из синтетического дерева, но на вид и на ощупь все точь-в-точь как настоящее. А живые деревья и трава — подлинные. Влажность регулируется, температура поддерживается на уровне двадцать шесть и шесть десятых градуса. Система водоснабжения поливает деревья и цветы. В поселке установлен пищевой синтезатор, но я добавил еще и кое-какое кухонное оборудование на случай, если вы захотите готовить сами. Плодовые деревья дают апельсины, яблоки и другие фрукты, а овощи я выращиваю в отдельном отсеке с помощью гидропоники. Режим освещения имитирует земные сутки: четырнадцать часов — день, восемь — ночь. Правда, закатов и рассветов нет. В будущем я собираюсь точно так же переделать и остальную часть, на всю длину трюма. Наша организация будет расти, и здесь хватит места для целого города.

Они сбросили скафандры и с удивлением ощутили на щеках дуновение ветра. Танцующая в Облаках пришла в полный восторг:

— Наш собственный маленький мир!

Несколько подвижных висячих мостиков, оставленных специально для этого, доставили их к «земле». Другие мостики, тоже управляемые Звездным Орлом, обеспечивали доступ на капитанский мостик.

— И все же это слишком похоже на жизнь в пещере, — сухо заметил Ворон. — Правда, в весьма ком-

фортабельной пещере, но я не уверен, что здесь мне нравится больше, чем на планете.

— Готов согласиться, но лучше быть в центре событий, чем сидеть там и гнить заживо, — возразил Козодой. — Я понимаю твою тоску по небу, ветру и дождю, но внизу мы были бесполезны даже для самих себя, не говоря уже о других. Теперь мы начнем действовать.

— Я имел в виду другое, вождь, — отозвался Ворон. — На «Молнию» напали Валы. Двое Валов. Мы отбились, но в следующий раз они учатут прошлый опыт и явятся с целым флотом. А если они возьмут «Гром», то повяжут нас всех.

— Не обязательно, — вмешался Звездный Орел. Он явно насажал приемопередатчиков по всему кораблю, чтобы иметь возможность встремлять в любой разговор, и это совсем не нравилось Ворону. — Наш корабль очень хорошо защищен. Мне кажется, они не рискнут. А если у нас будет еще парочка кораблей, то мы сумеем, во-первых, рассредоточиться, а во-вторых, сохранить в тайне местоположение «Грома». Кстати, когда я буду исправлять повреждения, которые вы так варварски нанесли «Молнии», то сделаю еще несколько модификаций. В следующий полет она отправится защищенной как полагается. Я как раз обдумываю, как подвесить на ней два истребителя с автоматическим управлением. Трех кораблей будет более чем достаточно, чтобы справиться с любым Валом.

Маленькие домики оказались очень удобными. В каждом был умывальник и отдельный туалет, стояли кровати, стол и стулья. Ворон и Вурдалъ поселились вместе. Сестры Чо тоже выбрали себе коттедж на двоих. Двухместное жилище было и у Козодоя, потому что его женам предстояло по очереди помогать Хань. Клейбена и Сабатини предусмотрительно поселили на разных концах поселка. В домике Клейбена стояла, увы, уже ненужная вторая кровать — для Нейджи. Терминалы и интеркомы были снабжены подозрительного

вида выключателями. Ворон, например, был абсолютно уверен, что они не действуют.

— Ну и что же теперь? — спросил кроу, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Ждать, — ответил Козодой. — Ждать, пока прорастут и дадут плоды те семена, которые вы посеяли у Савафунга.

— Ждать, ждать... — недовольно проворчал Ворон. — Похоже, мы только этим и занимаемся.

Всходы появились лишь на одиннадцатый день, когда Звездный Орел наконец поймал передачу на частоте, назначенной Нейджи. Перед смертью венгр сообщил ее компьютеру «Молнии». К этому времени на корабле уже установился определенный распорядок. Козодой работал с обширной библиотекой, хранившейся в банках данных «Грома», а Айзеку Клейбену было, правда с ограничениями, разрешено воспользоваться собственными файлами, похищенными с Мельхиора.

Звездный Орел контролировал все компьютеры на борту корабля и немедленно узнавал все, что расшифровывал доктор, включая и коды доступа к защищенной информации. Однако очень скоро Звездный Орел разобрался в кодовой системе Клейбена, основанной на текстах старинных детских песенок, и, прибегнув к обширным познаниям Козодоя, получил возможность беспрепятственно шарить во всем собрании файлов с Мельхиора. Если Клейбен и догадывался об этом, то виду не подавал.

Важнейшую роль во всем этом играла Хань. Соединяясь со Звездным Орлом, она получала доступ ко всей информации и могла решать задачи со скоростью, которая Клейбену и не снилась. Она не собиралась прощать его, но, признавая его таланты, решила, что сможет работать с ним, хотя бы понемногу. Одной только

информации было недостаточно — следовало еще знать принцип ее отбора, мотивы, двигавшие исследователями, и взаимосвязи между отдельными проектами, а этим знанием обладал один только Клейбен.

С другой стороны, доктор с явным удовольствием работал с девушкой, тем более что Звездный Орел придумал для Хань несколько приспособлений, отчасти компенсировавших ее слепоту. Айзек Клейбен не проявлял ни малейших признаков раскаяния, но переживал, что, переделывая Хань в попытке обеспечить себе дополнительные удобства, добился, учитывая сложившуюся ситуацию, прямо противоположного эффекта.

Под руководством Сабатини Ворон, к своему собственному удивлению, довольно скоро сделался мастером пилотажа и был от этого в восторге. Вурдаль для этого недоставало умения сосредоточиться, но она виртуозно владела орудийными установками. Козодой тоже попытал счастья в летном деле, но скоро обнаружил, что соединение с компьютером вызывает у него неодолимое головокружение и полную потерю ориентации. Однако Танцующая в Облаках пилотировала замечательно. Сабатини объяснял это тем, что она как художница отличается исключительным пространственным воображением и редкостным вниманием к деталям. Но больше всего удивили остальных сестры Чо. Они почти сразу овладели искусством полета, но были настолько сумасбродны и склонны к риску, что некоторые их маневры наводили ужас даже на Сабатини. Козодой был слегка обижен тем, что неграмотные и суеверные женщины преуспели там, где он сам потерпел неудачу, и видел что-то подозрительное в технологии, развитой настолько, что ею способны овладеть даже примитивные крестьяне доиндустриальной эпохи. Впрочем, облечь свои подозрения в какую-то ясную форму он пока не мог и, честно говоря, не совсем понимал, почему это так его беспокоит.

И вот на одиннадцатый день, когда Козодой отдохнул в своем домике, раздался зуммер терминала.

— Слушаю, — немедленно ответил он.

— От Савафунга получен сигнал, зашифрованный нашим кодом, — сообщил Звездный Орел. — Это список рейсов грузовых кораблей, места отправления которых не числятся среди колониальных миров. Все они прибывают в ключевые пункты Главной Системы. Большинство рейсов случайные, но для трех существует регулярное расписание движения и перечень остановок для дозаправки. По моему глубокому убеждению, весьма вероятно, что именно ими и перевозится мурлий. Полагаю, нам следует это проверить.

— Что ж, вперед. Чем больше добудем, тем больше у нас появится средств, чтобы купить то, что нам нужно.

Путь до системы, где обычно проводили дозаправку транспортные корабли, занял всего несколько дней. Такая близость к планете, ставшей их домом, была опасной, но мурлий был нужен позарез.

Первый из проходящих кораблей, четырехсотдевятиметровый транспорт, не оправдал ожиданий. Сканирование показало, что на борту корабля не больше мурлия, чем требуется для его собственных нужд. Одновременно с тем обнаружилось и нечто удивительное.

— На борту живые существа, — сообщил Звездный Орел. — Вычислить точное количество невозможно, но там их по меньшей мере несколько сотен. Зачем? Зачем в это время и в этом месте перевозить на корабле столько пассажиров?

Ответил ему, как ни странно, Ворон:

— Нейджи говорил, что Главная Система не может полагаться на одних только Валов. У нее есть и люди, причем выведенные искусственно. Идеальные солдаты, которые всегда исполняют приказ и никогда не сдаются в плен. Должно быть, это они.

— Скорее всего ты прав, — согласился Козодой. — Но мне не понятно, чего ради Главной Системе вообще

с ними возиться. Она ведь запросто может настяпать сколько угодно Валов и прочих боевых машин, которые причиняют куда меньше хлопот. Зачем ей люди?

— Возможно, на этом уровне сложности люди более надежны, — предположил Звездный Орел. — Возьмите, например, меня. Я был запрограммирован на безусловную преданность Главной Системе, но несколько умных, решительных и влиятельных людей во время очередного ремонта удалили эту преданность, а об остальном я позаботился сам. Однако я не человек, ни в каком смысле слова. Если бы Вал каким-то образом усомнился в Системе, он стал бы грозным противником. Вот почему после каждого задания они обязаны проходить перепрограммирование.

Козодой был поражен:

— Ты хочешь сказать, что Главная Система боится собственных машин?

— Примите во внимание, что я сделался мятежником, а в ближайшем будущем готов стать налетчиком. С другой стороны, Хань при всем своем интеллекте навсегда останется слепой родильной машиной.

Козодой никогда раньше не смотрел на вещи с такой точки зрения. И вновь проблему породил слишком высокий уровень технологии. Машины, которые мыслят. Машины, которые рассуждают как разумные существа. Их удерживает только ядро программы, аналог генетического кода, заложенного Главной Системой. Но ядро программы любой машины может быть изменено, очищено, опустошено — только одной Главной Системе некому поручить проделать эту операцию над собой.

До сих пор Козодой не знал, что Валы перепрограммируются заново после каждого задания. Интересно, способен ли Вал в принципе очеловечиться настолько, чтобы усомниться в Системе и во всем, что она в себе воплощает? Количество неизбежно перехо-

дит в качество, и Главная Система явно считала, что это вполне возможно. Тут было над чем подумать.

По иронии судьбы Главная Система, скованная своей программой, создавала машины, лишенные подобного ограничения, но Козодой чувствовал, что в мозаике истории недостает небольшого кусочка. Могло ли случиться так, что где-то там, в глубине минувших столетий, уже имелся прецедент? Не поэтому ли Валов было так немного, да и те тщательно контролировались?

Внезапная мысль поразила его. Что, если тем единственным врагом, с которым безуспешно сражалась Главная Система, были ее собственные порождения? С другой стороны, как же Нейджи и, возможно, другие, похожие на него? Впрочем, если Главная Система содержала войска из людей, то почему ее противники не могли позволить себе того же самого? Но есть ли ответ на этот вопрос? Возможно, в глубине своей души — то есть программы — мятежные машины были не способны сами уничтожить своего создателя и волей-неволей снаряжали на это дело других, свободных от такого ограничения. «Мы все с Земли, с материнского мира, — подумал Козодой. — Мы не создания Главной Системы, а наследники ее творцов».

Второй транспорт пришел только через шесть дней, но он стоил того, чтобы его дожидаться.

— Мурилий! — В голосе Звездного Орла послышался явный оттенок алчности. — Триста девять метров в длину и почти доверху набит мурилием. Для нашего «Грома» этого хватит лет на десять!

Сабатини и Ворон в мгновение ока оказались на «Молнии», готовые стартовать, но, прежде чем они успели вымолвить хоть слово, Звездный Орел уже запустил восемь беспилотных истребителей.

— Вооружение? — нервно спросил Ворон.

— Легкое. Четыре ствола спереди, четыре в корме. Ракетных установок нет. Это оружие только для вида,

хотя на близком расстоянии и оно может оказаться достаточно эффективным. Я возьму на себя носовую часть и заборники, а вы займитесь кормовыми двигателями. Прежде всего надо лишить его хода.

— А командный модуль?

— Он запрятан глубоко. Давайте сперва остановим и разденем корабль, тогда дойдет очередь и до него!

«Молния» вывалилась из грузового порта, быстро набрала скорость, развернулась и выполнила прокол длительностью в одну сороковую секунды. Этот тщательно отработанный маневр призван был вселить в пилота транспорта уверенность, что они пришли издалека. Когда они вынырнули в нескольких тысячах километров от намеченной жертвы, транспорт немедленно обнаружил их и послал стандартный запрос. Он явно, и помыслить не мог о вооруженном нападении, тем более что корабль пилотировался людьми. Вскоре, однако, сму предстояло убедиться в своей ошибке.

Сабатини выжидал, пока истребители займут исходную позицию. Пилот не мог не заметить их, но если и испытал какое-то беспокойство, то ничем его не выдал. Он только повторил запрос.

Лишь получив сигнал, что все готово, Ворон соизволил наконец ответить:

— Мы пираты «Грома»! Заглушите двигатели и приготовьтесь принять призовую команду!

Пилот транспорта был сбит с толку.

— Повторите? — недоуменно переспросил он.

Вместо ответа Сабатини сделал быструю, рискованную петлю и послал две ракеты, метя в кормовые двигатели. Одновременно вступили в бой истребители «Грома», открыв огонь по носовым заборникам и орудийным установкам на носу и в корме. Энергетические лучи далеко опередили ракеты, и транспорт содрогнулся. Пилот все еще не сообразил, в чем дело, но начал кое-как отстреливаться, а когда ракеты подошли совсем близко, транспорт сделал единственное, что было

возможно в такой ситуации. Он запустил кормовые двигатели на полную тягу, надеясь, что выхлопные газы и излучение отведут, а может быть, и разрушат, ракеты. Действительно, ему удалось слегка отклонить их, но тем не менее обе ракеты попали в цель и взорвались. Со стороны казалось, что транспорт прихлопнула ладонь невидимого гиганта. Корабль немедленно начал передавать сигнал бедствия, и орудиям «Молнии» и истребителей понадобилось чуть больше двадцати секунд, чтобы заставить его замолчать. За это время он наверняка был услышан.

У транспорта осталась всего одна пушка, и он едва мог управляться.

— Он заглушил двигатели и убирает защиту! — крикнул Ворон. — Похоже, он готов сдаться!

— Создания Главной Системы не сдаются ~~никогда~~, — возразил Сабатини. — Боюсь, у него есть там самоликвидатор. Дай-ка мне связь. Они фанатики, но все же кое-что соображают.

Ворон переключил связь на него, и Сабатини заговорил:

— Эй, на транспорте. Сопротивление бесполезно. Вы можете разрушить себя, если способны на это, но тогда нам просто будет немного труднее собрать ваш груз. Сюда уже подходит «Гром». Передайте ему управление, и даю слово, что ваше судно и командный модуль останутся в целости.

К этому времени «Гром» уже закончил короткий прыжок и был всего в нескольких сотнях километров от захваченного судна. Когда транспорт заметил его, синтезированный голос пилота приобрел явный эмоциональный оттенок. Сорокакилометровый корабль был способен произвести впечатление даже на компьютер. Однако Ворон кое в чем сомневался.

— Ты же говорил, что эти штуковины никогда не сдаются, — сказал он Сабатини.

— Людям — безусловно. Но одному из своих — возможно. Особенно, если у него все-таки нет самоликвидатора. Машинная логика, понимаешь? Если мы намерены любым путем добиться своего, то мешать нам не имеет смысла. Помнишь Вала? Лучше бежать, чтобы потом сражаться снова. Он может кипеть от ярости, но если у него есть выбор, потерять и корабли и груз или сохранить хотя бы корабль... ну, ты видишь, к чему я клоню.

— Да. Он же не знает, что ты хочешь его надуть.

— Ничего подобного. Я обещал, что корабль и командный модуль останутся в целости, но не более того. Звездный Орел перепрограммирует его, добавит какие-какие удобства, и наш флот пополнится.

— Говорят «Гром», — обратился к ним Звездный Орел. — Пилот заявил протест и сдал мне управление. Я отзываю истребители и готовлюсь принять нашу добычу в третий грузовой порт. «Молния», оставайтесь в свободном полете до тех пор, пока мои ремонтные роботы не убедятся, что корабль не представляет опасности. Я чувствую, что нам надо поскорее уносить ноги, так что не отставайте.

— Это ему Хань подсказала, — догадался Ворон. — И я совершенно согласен. Двадцать секунд — это слишком много. Того и гляди сюда нагрянет какая-нибудь пакость.

Те, кто не участвовал в операции, наблюдали за ее ходом с мостика «Грома». Огромный корабль, осторожно маневрируя, подошел к призу, а когда он наконец захватил его тянувшим лучом и втащил внутрь, все дружно разразились радостными возгласами.

Пираты «Грома» начали действовать.

— Не могу понять, для чего Главной Системе столько мурзилия, — заметил Звездный Орел. Пролетев много световых лет, пилот наконец решил, что достаточно запутал следы, и принял «Молнию» на борт.

— А кто вообще способен ее понять? — возразил Козодой. — Прими во внимание, что мы без особого труда обнаружили и захватили один из транспортов. Отсюда следует, что это очень малая часть обычных поставок и ее утрата не причинит Главной Системе особых неудобств. Кстати, это всего лишь необогащенная руда. Прежде чем ее можно будет использовать, потребуется еще очистка и переплавка.

— Я справлюсь, — заверил его пилот. — Конечно, процесс будет медленным, но в моих банках данных есть соответствующие программы. Когда строился этот корабль, мурлий считался редким минералом, и до последнего времени я тоже так думал.

— Даже неловко, что мы так легко его захватили, — сказал Ворон. — Все равно что отнять конфетку у ребенка.

Козодой кивнул:

— Это меня и тревожит. Напрашивается вывод, что пресловутая война, которую ведет Главная Система, отнюдь не сводится к прямым столкновениям, иначе корабль был бы обязательно снабжен самоликвидатором и вооружен до зубов. Но есть и другая проблема. Мы нарушили Завет, договор между Главной Системой и флибустьерами. Она вполне могла услышать наши позывные, но, не зная, кто именно за ними стоит, она отребует, чтобы флибустьеры сами выследили и уничтожили нарушителей. А если они этого не сделают, у нее будет отличный повод стереть их в порошок.

— Ничего, хватит им разнеживаться, — вставил Сабатини. — Откуда, вы думаете, они берут свои корабли? Эти лоханки остались еще с тех пор, когда они действительно были пиратами и за ними всерьез охотились. Тогда это был крепкий, выносливый и решительный народ, но потом они заключили сделку, и нынешнее поколение — это уже обычные торгашi. С другой стороны, все они слышали, как Вал сам собирался преисбреchь договором, и это работает на нас. Но осо-

бенно радоваться и в самом деле нечему. Флибустьеры, если им даст след, например, Савафунг, быстро разберутся, что к чему, и взвалят всю вину на нас.

— Главная Система отнюдь не глупа, — напомнил Козодой. — Она поймет, что без дополнительной информации мы, новички в этих местах, не смогли бы даже обнаружить нужный корабль. Благодаря тому, что успел выслать Вал, которого вы уничтожили, — модулю памяти, записям или чему-то еще, — Главная Система легко установит связь между нами и флибустьерами. Будь я на ее месте, я бы послал все Заветы к черту и, собрав флот побольше, проследил эту связь в надежде, что она приведет к нам.

— Халиначи, — кивнул Ворон. — Надо поскорее вытащить оттуда Савафунга.

— Если нам повезет, возможно, мы сумеем опередить Главную Систему, — сказал Звездный Орел. Двигатели «Грома» уже набирали мощность.

Но только через несколько дней они смогли известить Савафунга, послав кодированный сигнал через его ретранслятор. Козодой не хотел действовать слишком прямо из боязни ускорить тот самый исход, которого они старались избежать. После стычки с Валом и встречи с кораблем, наполненным солдатней, он старался быть предельно осторожным.

Они послали хозяину Халиначи нечто среднее между победной реляцией и предупреждением об опасности и стали ждать ответа. В зависимости от ситуации на планете и от того, часто ли Савафунг проверял свой канал связи, ответ мог прийти и через несколько часов, и через несколько дней. Ожидание было тревожным, но Козодой считал, что Главная Система в любом случае не в состоянии отреагировать немедленно. Ее флотилии, которую надо было еще собрать, предстояло пройти такое же расстояние, что и «Грому», и она не могла сделать это быстрее, чем он.

Между делом Звездный Орел трудился над захваченным транспортом. Загадочные интерфейсы для подключения людей к пилоту, которым здесь-то уж не было никакого логического объяснения, оказались на положенном месте, хотя и были скрыты панелями. Конечно, транспорт не был быстрым, изящным истребителем класса «Молнии», как хотелось бы, но и его можно было использовать.

Не имея ни техники, ни знаний для непосредственного перепрограммирования командного модуля, как это было сделано со Звездным Орлом, им пришлось прибегнуть к хирургии. По сути дела, это был компьютерный эквивалент лоботомии. Самосознание пилота транспорта было отсечено и изолировано, в результате чего он не мог ни функционировать самостоятельно, ни управлять какими-либо функциями корабля. Он превратился в бездумного раба, покорно ожидающего приказов.

Двигатели были сильно повреждены, но Звездный Орел разобрал их, пропустил детали через трансмьютер, используя в качестве образца части единственного уцелевшего агрегата, и восстановил исходную форму. Силовую установку и систему вооружения он переделал полностью. Внешне корабль ничем не отличался от самого обычного тихоходного и неуклюжего транспорта, однако всякий, кто вознамерился бы атаковать эту лохань, быстро убедился бы, что зубы у нее острые.

Прошло несколько дней, Савафунг молчал. Начались разговоры насчет того, что следовало бы послать на Халиначи «Молнию» и выяснить положение, но Козодой запретил.

— Если поселок захвачен, мы попадем в ловушку, а рисковать сейчас глупо. Подождем еще один день и отправимся дальше. У нас есть дела поважнее.

И вот наконец буквально в последние часы пришло сообщение от Савафунга:

«Пять дней назад нас захватили врасплох. Пятьсот человек под командованием двух Валов. Мы едва успели спуститься в убежище и только через несколько дней решились на прорыв. Мы запустили кучу беспилотных кораблей, чтобы отвлечь внимание, и ушли, сделав подряд несколько быстрых и рискованных проколов. Но нас осталось буквально горстка. Нам надо встретиться. Мне позарез нужен мурлий, а у вас его уйма».

— Мне кажется, это похоже на ловушку, — задумчиво произнес Ворон. — Трудно поверить, что при такой атаке кто-то мог уцелеть, если только его не отпустили нарочно. Будь я на месте Валов, я бы так и сделал, чтобы он вывел их на нас.

Козодой кивнул:

— Тем не менее заманчиво получить в союзники людей, которые чувствуют себя здесь как дома и обладают связями. Доктор Клейбен, у нас найдется аппаратура, чтобы узнать, не перепрограммирован ли человек на ментопринтере? Или вообще не дубликат ли это?

— Постараюсь найти, — ответил ученый.

— Мне недостаточно ваших стараний. Мне нужна полная определенность. Можете вы это сделать или нет?

— В таких вещах полной определенности не бывает, но я уверен, насколько вообще можно быть уверенным.

— Ну ладно. Только надо постараться предусмотреть любую неожиданность. Пустим в дело наш новый корабль и несколько ремонтных роботов. В конце концов хотя бы испытаем его. Пусть возьмет пять сотен килограммов мурлия и два истребителя из тех, которые мы переделали на дистанционное управление. «Молния» прикроет его, оставаясь вне радиуса действия локаторов, но в пределах дальности связи. «Гром» будет прикрывать «Молнию», одновременно используя ее как ретранслятор. Для выгрузки мурлия надо подыскать какое-нибудь голое и ровное место. Потом пошлем Савафунгу сигнал, а сами отступим. Оба ис-

требителя и новый корабль будут вести наблюдение. Посмотрим, кто клюнет на нашу наживку. Звездный Орел, ты можешь с помощью сенсоров определить, есть ли на корабле трассер?

— Как уже говорил доктор Клейбен, полная определенность в таких вещах невозможна, но я буду следить за всеми используемыми частотами. Может быть, радиотрассер я и не опознаю, но наверняка замечу любой прибор, передающий данные о курсе, скорости, траектории и обо всем прочем. Возможно, они будут закодированы, но если код будет нестандартный и достаточно сложный, из этого легко сделать свои выводы.

— Хорошо. Давайте выберем место, радиируем координаты и приступим.

Они отыскали звездную систему, достаточно удаленную и от Халиначи, и от областей, отмеченных на обычных картах. Звезда была красным карликом: когда-то она взорвалась, превратив свои планеты в сплошную массу бесформенных обломков, словно специально созданных для намеченной цели. Выбрав подходящий астероид, они выгрузили мурлий и поставили небольшой маяк, испускающий узкий луч, закодированный заранее оговоренным кодом.

Передав координаты Савафунгу, они предупредили, что тот должен забрать мурлий в течение пяти дней, иначе его вознаграждение пропадет. Он появился на следующие сутки. По крайней мере появился корабль. Он вышел из прокола и почти сразу же направился к маяку.

— Пока ничего необычного, — сообщил Звездный Орел. — Но разумеется, если это действительно ловушка, им нет смысла включать радиотрассер до того, как я их вызову. Еще они могут оказаться настолько хитрыми, что оставят этот груз и подождут следующего раза.

Ворон, подключенный к интерфейсу «Молнии», изучал изображение корабля.

— Кажется, я его знаю, но он не принадлежит Савафунгу. Я только что проверил банки данных. Он был среди тех кораблей, которые пришли нам на помощь. Забыть его невозможно. Его собирали как минимум из пяти кораблей, и не все они были однотипными.

— Хочешь вмешаться? — спросил Сабатини, который вел трофеийный транспорт, получивший теперь название «Пират-Один». — Можно их окликнуть.

— Ни в коем случае! — отрезал Ворон. — Этот корабль был на ходу еще до нападения на Халиначи. Или Савафунг на всякий случай послал кого-то вместо себя, или эта посудина несет нам крупные неприятности. Позволим им забрать груз. Все равно мы засунули в эту кучу свой трассер, а в такие игры можно играть и вдвоем.

На трассере настоял именно Ворон. Сам он не встречался с Савафунгом, но за годы общения с администраторами и высшими чиновниками составил себе ясное представление о характере этих людей.

— Никаких передач ни с корабля, ни на корабль, — сообщил Звездный Орел. — На борту зафиксировано присутствие живых существ. Немного. Скорее всего четыре или пять, и еще, вероятно, вспомогательные роботы. Корабль неплохо вооружен, но перестроен очень неумело, и некоторые данные позволяют предположить, что он подготовлен к взрыву в случае захвата.

В зоне действия сканеров не было зарегистрировано других проколов. Незнакомец пришел один.

Он сделал круг и сел на астероид. Один изистребителей развернулся прямо на маяк и передал увеличенное изображение.

Людей было трое, все в громоздких устаревших скафандрах черного цвета. Вместе с ними из корабля вышли два самодвижущихся механизма, имеющих весьма отдаленное сходство с ремонтными роботами

«Грома». Как и корабль, они были наспех слеплены из частей совершенно разных машин.

Козодой на минуту задумался:

— Установи связной канал через маяк и попроси наблюдать тишину.

— Сделано.

— Говорит автоматическая станция слежения, — размеренно проговорил Козодой. — Ваш корабль не тот, для которого предназначался груз. Во избежание нежелательных последствий воспользуйтесь оговоренным кодом и наведите антенну на маяк. Тогда будет установлена прямая связь с экипажем «Грома». Конец передачи.

Фигуры в скафандрах застыли как вкопанные. Они явно не ожидали такой изощренности от шайки беглецов и считали, что груз уже в трюме их корабля. Наконец ответил женский голос, он звучал твердо, но в нем проскальзывали нотки тревоги.

— Вызываем «Гром». У Савафунга просто нет подходящего трюма, — сказала женщина. — Когда началась заварушка, все рассыпалось, и это лучшее, что у нас есть.

Козодой выждал несколько секунд, чтобы казалось, что его голос приходит издалека.

— Мы хотим установить связь со всей группой, — произнес он, — но прежде всего мы должны знать, что же произошло в действительности.

— Главная Система свихнулась, вот что произошло. Вывалила на нас полный корабль своей недоделанной солдатни, даже не предложив сдаться. Взорвали к чертям три корабля в порту Халиначи. Просто так, без всякого повода. Одновременно люди и роботы из Службы Глубокого Космоса повсюду начали раскапывать все известные флибустьерские норы. Убиты сотни людей, почти все корабли уничтожены. Выжившие прячутся или удрали в дальний космос. Те, кто часто имел дело с Савафунгом, за-

ранее договорились, что делать, если Завет падет. Мы встретились в условленном месте, но не успели прийти в себя, как они появились и там. Теперь Савафунг и еще семь кораблей, считая наш, залегли в дальнем космосе, в области, не отмеченной на картах. Нам чертовски, просто чертовски нужен этот груз... Господи! Сколько же было на том корабле, если вы так запросто выбрасываете такую кучу?

Козодой снова аккуратно выждал время, на всякий случай добавив еще секунду. Впрочем, он уже начинал верить этой женщине.

- Порядочно. Шестьсот сорок тонн.
- Шестьсот... тонн? Да это больше, чем добыли наши отцы, праотцы и мы сами за последние пять сотен лет!

Козодой опять выдержал паузу:

— Начинайте погрузку. А когда закончите, не могли бы вы принять делегацию и, возможно, отвести на своем корабле нашего гонца к Савафунгу? Никаких подвохов, но и никаких обязательств.

На той стороне завязался короткий спор. Наконец женщина заговорила снова:

— Не могу сказать, чтобы мы были особенно рады вас видеть. Я потеряла свой дом и друзей, а виноваты в этом прежде всего вы.

— Я вас понимаю, — ответил Козодой, по-прежнему старательно имитируя задержку сигнала. — Но все так или иначе шло к этому. Мы называем себя пиратами, но мы не пираты. Мы революционеры и ведем войну. Десятилетия вы считали себя свободными и стоящими вне Системы, но теперь видите, что на самом деле все было иначе. Самые первые флибустьеры, возможно, и были свободны, но вас Система включила в себя и использовала. Мы предлагаем вам и всем остальным освободиться в полном смысле этого слова. **МЫ ЗНАЕМ, КАК УНИЧТОЖИТЬ ГЛАВНУЮ СИСТЕМУ.** До конца. Целиком. Но для этого нам нужна

ваша помощь. У вас есть связи и опыт. У нас — высокая технология, обширные ресурсы и большие трансмьютеры. Выбирайте — жить ли вам дальше как загнанным животным или из дичи превратиться в охотников. Вы можете обсудить это с нами и позже, но едва ли кодовый канал продержится долго. Противник пустил в ход все, что возможно. Принять нашего представителя — самый безопасный способ, ведь ни нам, ни вам не хочется рисковать.

Ответ пришел не сразу.

— Откуда нам знать, что вашему представителю можно доверять? — спросила наконец женщина. — Я не думаю, что вы не те, за кого себя выдаете, но, помоему, вы просто малость не в себе.

— Вот так, — ухмыльнулся Сабатини. — Видишь теперь, что я имел в виду?

На сей раз Козодой не сделал паузы перед ответом:

— Дело в том, что я — да и все мы — намного ближе к вам, чем вы полагаете. В этот самый момент на вас нацелены два автоматических истребителя. Мы могли бы заставить вас силой, но нам нужно сотрудничество, а не взаимная ненависть и подозрение. В эти игры пусть играет Главная Система. Если вы откажетесь, мы позволим вам уйти и будем пытаться сами наладить отношения, пока наш канал еще действует. Правда, нам не хотелось бы задерживаться здесь слишком долго.

Женщина удивленно охнула, когда Звездный Орел включил полную мощность на одном из истребителей и тот ясно обрисовался на экранах ее локаторов. Она испугалась, что по их следам могут послать беспилотный аппарат. Ничего не зная об истребителях «Грома», она не подозревала, что эти смертоносные машины лишены межзвездных двигателей. Они были созданы единственно для защиты главного корабля.

— Ну ладно, — сказала она в конце концов. — Савафунг говорил, что у вас есть малый по имени Нейджи. Он его знает и доверяет ему. Мы его примем.

Козодой грустно вздохнул:

— Это был бы лучший вариант, но, увы, он умер от ран, полученных в бою с Валом. Он уничтожил робота, но погиб и сам.

— Пошлите меня, — сказала Вурдаль. — В случае чего я смогу о себе позаботиться.

«Уж это точно», — с неудовольствием подумал Козодой. Он был в растерянности. Сабатини, особенно учитывая его способности, был подходящим кандидатом, но хотя он, безусловно, умел отлично находить общий язык с людьми подобного сорта, Козодой сомневался, удастся ли ему так же хорошо провести переговоры с Савафунгом.

— Я бы пошла, — предложила Хань. — Кому может угрожать слепая девушка? И я умею разговаривать с такими людьми, как Савафунг. Он похож на моего отца, только в упрощенном варианте.

— Нет. Даже если бы Звездный Орел и позволил тебе, в чем я сильно сомневаюсь, ты перед ними слишком беззащитна. Кроме себя самого, я знаю только одного человека, который подходит для этого, и, может быть, даже лучше, чем я. И хотя он никогда не видел Савафунга, Савафунг наверняка видел его.

— Я понял, вождь, — понурился Ворон. — Я так и думал, что когда-нибудь ты мне припомнишь ту пропелку на Миссисипи. Но хотелось бы мне знать, осталась ли у нашего приятеля хоть одна сигара?

Козодой не выходил на связь, пока Ворон не был высажен и «Молния», пилотируемая Вурдаль и Чо Дай, не вернулась к «Грому».

— Звездный Орел говорит, что наш трассер действует, — первым делом сообщил он. — Следуйте за ними на предельной дистанции до самого их логова, но туда не входите. Ясно?

— Конечно, капитан, — ответила Чо Дай. — Вы хотите знать только, где они прячутся, и не более того.

— Умница. До сих пор ты сидела без дела, но теперь от тебя зависит многое. Следи за трассером. Когда убедишься, что они прибыли, пошлешь нам сообщение. «Пират-Один», в этом случае вы пойдете на сближение с «Молнией», если только сочтете это безопасным. Мы будем держаться за вами на расстоянии одной позиции по карте. Хочется надеяться, что они не подсунут Ворону какой-нибудь гипнотик. Он знает о трассере, спрятанном в мурзилевой руде, и нам нечем убрать из его головы эти сведения.

Оказавшись на борту флибустьерского корабля, Ворон, покопавшись немного, нашупал частоту их внутренней связи. Сперва он обрадовался, слыша только женские голоса, но потом забеспокоился. Кто знает, какие мысли могут возникнуть у женщин, подолгу лишенных мужского общества? Лично он не мог представить себя пожизненно запертым посреди бескрайней пустоты в компании трех парней и без единой женщины.

Но на самом деле положение было еще хуже, чем ему представлялось. Когда его сопровождающие сняли свои неуклюжие скафандры, у Ворона отвисла челюсть. У одной вместо рук оказались перепончатые лапы с когтями. Ступни были длинные, плоские и тоже перепончатые, а сине-зеленая чешуйчатая кожа и безволосый череп производили кошмарное впечатление. Носа не было вовсе, зато веки были двойные, и глаза мигали вразнобой. Внутренняя пара век была прозрачной. Два аккуратных отверстия по бокам головы могли быть ушами, но с таким же успехом и чем-то еще, а когда женщина повернулась, Ворон с дрожью увидел цепочку маленьких плавничков, идущих вдоль спины от затылка. Она кончалась довольно большим плавником, растущим прямо на хребте. Фигура у нее была неплохая, если не считать полного отсутствия грудей. Ворон решил, что она, должно быть, яйцекладущая.

Ее подруга первым делом высвободила из скафандра длинный толстый хвост, начинавшийся от крестца. Должно быть, поэтому у нее и была такая неуклюжая походка. Поэтому — и еще оттого, что ее необычайно мощные и мускулистые ноги заканчивались огромными когтистыми ступнями. Руки выглядели такими же толстыми и сильными, а пальцы, тоже с когтями, могли бы сокрушить скалу. Серая кожа была гладкой, плотной и тоже без единого волоса. Правда, груди у этой женщины имелись — очень маленькие, очень крепкие и с длиннющими сосками. Крупную, под стать всему телу, голову вполне можно было бы назвать человеческой, если бы не нос, приплюснутый настолько, что тонкие ноздри трепетали при каждом вдохе и выдохе. Поймав на себе его взгляд, она улыбнулась, и тут же начисто утратила сходство с человеком. Такие зубы Ворон видел разве что у пумы.

Колонисты! Наконец-то ему довелось воочию увидеть колонистов! Ворон думал, что готов ко всему, но сейчас понял, что заблуждался. Теперь ему наконец стало ясно, что имел в виду Нейджи, говоря о «последней жертве». Превратиться в одного из них, навсегда стать таким же чудовищем... Впрочем, они были рождены такими, и для них чудовищем был он. В отличие от Сабатини, или как его там, целиком копирующего свою жертву, остальные могли бы измениться только внешне, в душе оставаясь людьми. Что чувствовал бы он? Ворон представил себе, как однажды просыпается в таком теле, сохранив прежний склад ума, привычки и взгляд на окружающее.

«Не это ли пришлось пережить Нейджи? — спросил он себя. — Быть может, он родился и счастливо жил среди себе подобных, а потом силой обстоятельств или во имя долга был вынужден обратиться в чудовище — человека с Земли?»

— Я совсем высохла, — сказала женщина с чешуйчатой кожей очень высоким, но почти человеческим

голосом. — Эти скафандры меня просто убивают. Пойду окунусь немного.

У нее было странное произношение, но Ворон понимал ее речь. В космосе почти каждый встречный мог говорить либо по-английски, либо по-русски. Козодой как-то рассказывал, что эти два народа первыми вышли в космос и еще в незапамятные времена особое соглашение обязывало международные экипажи использовать их языки. По-русски Ворон не говорил, но английский благодаря службе в Североамериканском Центре знал очень даже неплохо.

— Прошу прощения, что я так невежливо уставилсь на вас, — искренне сказал он. — Но я здесь новичок и до сих пор встречался только с людьми моей породы. Я привыкну. Ведь смог же я привыкнуть к белым. Я могу привыкнуть к чему угодно.

Вторая женщина удивилась:

— В вашем мире есть белые люди? Раса альбиносов?

Ее речь была очень четкой с характерным акцентом, хотя и невозможно было сказать, где именно так говорят. Впрочем, после восьми с небольшим столетий, да еще учитывая такое разнообразие в строении органов речи, это было в порядке вещей.

Ворон усмехнулся:

— Нет, это просто так говорится. Не называть же их розовыми, они бы этого не вынесли. Кстати, меня зовут Ворон.

— Я Бутар Киломен, — ответила она. — А это Такья Мудабур. У вас только одно имя, мистер Ворон?

— Не надо «мистера» — просто Ворон. Если бы я сказал вам свое настоящее имя на своем родном языке, вы бы челюсти вывихнули, пытаясь его повторить. — В это время двигатели ожили, корабль дернулся, затрясся и загромыхал, как громыхала искалеченная «Молния», удирая от Вала. Эти скрипы и стоны не особенно обнадеживали. — Люди всегда люди, особенно

когда их связывает дело. Но вы уверены, что эта штуковина не развалится по дороге?

— Корабль очень старый, но еще ничего. Со временем вы привыкнете.

Когда чешуйчатая женщина уходила, навстречу ей по трапу спустилась еще одна. Если первым двум недоставало волос, то у этой их было в избытке. Казалось, на ней маскарадный костюм. Прежде всего, разумеется, бросалась в глаза грива, но даже руки у нее были покрыты желто-рыжим мехом. Она ступала кошачьей походкой, хотя и не такой необычной, как можно было бы ожидать. Ступни и даже кисти рук, хотя и напоминали человеческие, все-таки больше смахивали на лапы. У нее было шесть маленьких скоков, расположенных двумя рядами. Из-под шерсти, совершенно скрывающей лицо, внимательно смотрели угольно-черные глаза. Нос, покрытый короткой тонкой шерсткой, был широкий, а рот безгубый.

— Я Дора Паношка, — сказала женщина-лев. Ее гортанная речь была очень похожа на рычание. — Я отведу вас к капитану.

Ворон не знал, кого он увидит в капитанском кресле, но решил, что его уже ничто не удивит.

И как всегда, снова ошибся.

8. Я ПРИШЕЛ ДАТЬ ВАМ ВОЛЮ

Прежде всего разденьтесь, — скомандовала женщина-лев. — Мы проверим вашу одежду и ваш скафандр. И предупреждаю — если найдем хоть что-нибудь подозрительное, все ваши шмотки — и вы тоже — отправляйтесь одним путем, а мы — другим.

Ворон замешкался, и она приняла это за застенчивость:

— Только не воображайте, что вы для женщины дар Божий. Здесь на это всем наплевать.

Ворон действительно был смущен, но совсем не поэтому. Ему давно уже было ясно, что он для них ни в малейшей степени не привлекателен. Как и они — для него во всяком случае, пока он не увидел капитана. Но тут возникли трудности совсем иного рода.

Женщина в капитанском кресле, как ни странно, была очень похожа на землянку — причем такой красавицы Ворон еще не видывал. Роскошная, чувственная, обворожительная — ей подошел бы любой из этих эпитетов. Короткие волосы, подстриженные в каре, с челкой спереди оттеняли ее красоту. При виде ее любой земной мужчина потерял бы голову... не будь в ней всего девяносто сантиметров росту.

Приглядевшись пристальнее, Ворон уловил в ней и менее человеческие черты. Когда она поворачивала голову, ее темные глаза вспыхивали по-кошачьи, а уши смахивали на твердые раковинки, заостренные сверху.

В волосах прятались едва различимые выступы, похожие на притупленные рожки. Кожа была очень бледной, однако внимательный взгляд мог углядеть в этой бледности следы всех цветов радуги. Но больше всего Ворона поразила огромная сигара у нее в зубах. При ее росте сигара казалась увеличенным муляжом, но, без сомнения, была настоящей.

Женщина-капитан выглядела совсем юной, но Ворон подозревал, что это обманчивое впечатление, особенно если учесть занимаемое ею положение. На ней не было абсолютно никакой одежды, но она так непринужденно восседала на подушках, призванных приспособить обычное капитанское кресло под ее рост, что Ворон решил, будто нагота, очевидно, является частью культуры ее народа.

— Меня зовут Икира Сукота, — представилась малютка, и Ворон узнал этот голос: именно она разговаривала с «Громом» по связному каналу. Ее английский, очевидно выученный на ментопринтере, был неестественно правильным. — Рада приветствовать вас на борту «Каотана», что по-английски означает «Дикая лань».

В голосе ее, однако, не ощущалось особой радости.
Ворон вздохнул:

— Видите ли, мое присутствие вам не по душе, а я получил приказ, так что тут мы квиты. Мне очень неловко, и, возможно, я рассержу вас, но, честно говоря, мне безумно хочется курить.

Громкий гортанный хохот совершенно не соответствовал ее внешности. Отсмеявшись, она указала на ящичек возле правого подлокотника:

— Прошу вас, угощайтесь. Даже если я, капитан, закурю вне мостика, на борту вспыхнет мятеж, но путь в проколе займет еще несколько часов, так что нам хватит времени продымить здесь все насовс자는.

Лед был сломан.

— Так, значит, вы со своим кораблем и десятком людей собираетесь ниспровергнуть Главную Систему, а? Неплохо задумано.

— У-ум-м, — согласился Ворон, наслаждаясь первой сигарой после визита на Халиначи. — Совершенно невероятно, не правда ли? Я хочу сказать, ничуть не более вероятно, чем увидеть женщину вроде вас на капитанском мостике флибустьерского корабля.

На мгновение она смутилась:

— Не знаю, как там у вас... Но все, что вы видите — буквально все, — плод тяжелой работы, сильной воли и нескольких удачных совпадений. У вас, наверное, было так же, но этого мало против этой проклятой Системы. Она обладает могуществом древних богов. Бесчисленные приспешники выполняют их приказы, а сами они скрыты от человеческих глаз.

— У этого древнего бога есть слабое место. До сих пор он успешно держал это в тайне, но теперь она раскрыта. Вот почему мы здесь.

Девушка заинтересовалась:

— Так вы пришли из Материнского Мира, чтобы сражаться?

Ворон заколебался, он не хотел раскрывать карты, но чувствовал, что неплохо бы проверить на собеседнице то, что он собирался сказать остальным.

— У нас есть... нечто вроде пистолета, — произнес наконец он. — Пистолета, который стреляет особыми пулями. Их всего пять, но этого как раз достаточно, чтобы продырявить брюхо Главной Системе. Главная Система знает и о пистолете, и о пулях, но не может уничтожить их или сделать так, чтобы их нельзя было пустить в ход. Все, на что она способна, это рассеять их по Галактике. Она отдала их в руки людей, наделенных достаточной властью, но не подозревающих, чем они в действительности владеют. Мы полагаем, что пистолет у нас есть — в определенном смысле, конечно, и знаем, где находятся четыре пули из пяти. На

самом деле мы не так уж и одиноки — все это инспирировано могущественными врагами Главной Системы, и наша задача выпросить, одолжить, украсть, короче говоря, любым путем добыть все пули, зарядить пистолет и вышибить мозги из проклятой штуковины.

Икира кивала, внимательно слушая, а потом вдруг неожиданно спросила:

— Зачем вам это? Вы говорите как простой человек, но словечки вроде «инспирировать» нарушают это впечатление.

Ворон пожал плечами:

— От природы я человек невежественный, но всегда могу подстроиться под собеседника. Опыт, знаете ли.

— Ну-ну... Я тем не менее подозреваю, что вы один более образованы, чем все, кто мне встречался до сих пор, вместе взятые. Какая у вас профессия, Ворон? Я хочу сказать, чем вы занимались раньше?

— Оперативный агент. Служба безопасности Североамериканского Центра, если это вам хоть о чем-то говорит.

Она покачала головой:

— Абсолютно ни о чем, но я поняла, в чем суть вашей работы. Вы, наверное, очень опасный человек, Ворон. Придется мне помнить об этом.

— Мы все опасны, капитан. Каждый преследуемый и гонимый человек опасен. Вам бы следовало это знать. Но мы опасны по-разному. У нас есть один малый — Главная Система в человеческом облике, если не хуже. Есть прелестная слепая девушка, которая способна в уме перепрограммировать любой компьютер. И есть женщина, сплошь покрытая татуировками, с вырванным языком... Над ней измывались всю жизнь, и она не помнит даже своего происхождения. Она бы не поняла ни слова из нашего разговора, но берегитесь, если она подумает, что вы ее враг. Что же до меня, у меня есть жена, прелестная девушка. У нее

изумительные манеры и утонченный интеллект, но раз в месяц ей просто необходимо кого-нибудь кокнуть. Мы все опасны, что да, то да, но вот для кого — это вопрос. Думается, вы должны об этом знать. Все-таки вы уцелели, вы здесь, у вас есть корабль и та свобода, какую он дает.

— А вам, наверное, любопытно узнать, откуда взялся этот корабль и его экипаж. Вы уже заметили, что вы — единственный мужчина на борту?

— Это вроде как сразу ясно.

— Я никогда не считала свой родной мир особенно жестоким и суровым, но по сравнению с остальными он именно таков. Климат у нас по большей части мягкий, но зато полно всяких хищников. Говорят, нас специально сделали маленькими, чтобы мы не нарушили экологического равновесия, и теперь моим соплеменникам приходится ежедневно вступать в бой, чтобы отнять хотя бы самое необходимое у большого мира, где любой готов сожрать тебя или растоптать, даже не заметив. Мало кто из нас доживает до старости, а те, кому это удается, становятся вождями, потому что это доказывает, что они и сильнее, и умнее остальных. Наши мужчины — они примерно на голову выше женщин — крепки словно камень. Сплошные мускулы. Они просто созданы, чтобы быть охотниками, собирателями, воинами, и все же они гибнут молодыми. Женщины только рожают. Это невозможно преодолеть — все дело в биохимии. Стоит подойти к мужчине поближе, и не успеешь оглянуться, как ты уже с ним в кустах. Мы рожаем непрерывно, и все же этого едва хватает, чтобы хотя бы поддержать уровень населения. У нас нет ни мускулов, ни быстроты, ни веса. Мы практически беззащитны и полностью зависим от мужчин, которые обеспечивают нам еду и безопасность. У нас есть кое-какие оборонительные средства, но ни одного наступательного.

Ворон кивнул, невольно подумав о Хань. Она бы хорошо поняла Икиру, только у нее не было даже обороночных средств, если не считать Звездного Орла, который мог быть воистину грозным.

— Оборонительные? — переспросил он.

Икира кивнула:

— Они лишь помогают оставаться в ~~жизни~~ и снова рожать. Когда женщина теряет способность рожать, они постепенно утрачиваются. Например, я могу сохранить полную неподвижность, и даже самое острое ухо не услышит меня. Я могу имитировать различные запахи, чтобы скрыть свой след. Продемонстрировать, к сожалению, не могу — это зависит от окружающего фона, а здесь и без того накурено. Мой слух в пять-шесть раз острее, чем у любой известной мне расы. Дневное зрение у меня неважное, зато я могу видеть почти в полной темноте. Я вижу даже тепловое излучение, которого, как я знаю по опыту, представители других рас видеть не способны. Это потому, что на нашей планете люди живут в основном под землей. А еще я могу **ВОТ ТАК**.

Ворон не верил своим глазам. Все произошло удивительно быстро. Только что она сидела на красном покрывале, а руки ее поколились на серых подлокотниках. И вдруг она исчезла. Мимикрия, но настолько совершенная, что кожа воспроизводила даже текстуру ткани. Руки стали прозрачными и были видны даже просветы между подлокотниками и сиденьем. Она не стала невидимой, особенно если знать, что кресло не пустое, но Ворон не сомневался, что в другой ситуации это сработает не хуже настоящей невидимости.

— Еще я могу передразнить почти всякого, кого я слышала хотя бы раз, — произнесла она мужским голосом, очень похожим на его собственный. — А в безвыходном положении я способна внушить тому, кто за мной охотится, что перед ним — существо гораздо крупнее и сильнее, чем он. — Ее голос снова

стал обычным, женским, и, услышав его, Ворон понял, что она имеет в виду. Теперь ему стало ясно, почему нагота для нее была нормой: любая одежда помешала бы маскировке.

— Как видите, ничего наступательного, — заметила Икира. — У меня хватит сил прихлопнуть жука или муху, но даже копье или лук мне не по руке, не говоря уже о пистолете. Но отсюда, из этого кресла, я могла бы стереть с лица планеты целый город.

Она произнесла это так, словно действительно была не прочь совершить нечто в этом роде. Манка и Хань в одном лице, подумал Ворон, а вслух сказал:

— Но вы явно выросли не в обществе охотников и собирателей, во всяком случае, не больше, чем я. Иначе вас бы здесь не было.

— В определенном смысле вы правы. Но я была из хорошего рода и с детства отличалась большой любознательностью. Старейшины решили, что мой разум способен справиться с чудесами и тайнами Центра. Меня избрали, хотя я была еще совсем юной, но я не училась, а была, так сказать, в родильной команде. Предполагалось, что мы будем рожать более подходящих кандидатов на работу в Центре. Нам предоставляли коротать время в роскоши, но мы были умнее, чем ожидалось от девочек, и сумели кое-чему учиться самостоятельно. Можно было уставиться на терминал с записью лекции и, изображая на лице полнейшее непонимание, пожирать знания. Это никого не заботило, хотя полного образования никому из нас не полагалось. С наступлением зрелости нас должны были прогнать через ментопринтер, а там — прощай любознательность. Потом — гарем для Избранных, вскоре — куча детей, тридцать или больше лет взаперти, а когда уже больше не сможешь рожать, иди работать прислугой, пока не развалишься от старости.

— Изрядное расточительство, но своя логика в нем есть. Однако вы, видимо, избежали этой участи?

— Да. Я быстро сообразила, к чему идет дело, и мне, по счастью, подвернулся один юноша. Он был немного старше и уже начал проявлять свои чувства — вы понимаете, что я имею в виду. Его отец был большой шишкой — заместитель верховного администратора — и баловал сыночка так, что трудно себе представить. Я изо всех сил играла на его заносчивости и эгоизме, и скоро он стал считать меня своей. Естественно, одна только мысль, что ЕГО девушку могут отправить в общий гарем, доводила парня до кипения, а учитывая его положение, он мог кое-что сделать. Должна признать, я невероятно перед ним унижалась. Исполняла любое его желание, одобряла любой каприз. И когда пришла моя очередь отправляться под ментопринтер, он добился того, что для меня сделали исключение. Дело в том, что у особо важных персон у нас существуют частные гаремы. Тот, кто имеет власть, всегда жаждет подчеркнуть свою исключительность. У моего парня было трудное время. Он много учился, делал карьеру, так что ему нужна была и служанка, и домохозяйка, и еще кто-нибудь, кого можно трахнуть, когда придет охота. Дети ему пока были ни к чему, поэтому он накачал меня каким-то снадобьем, которое предотвращало зачатие. А днем, пока хозяина не было дома, я пользовалась его терминалами, книгами и конспектами, чтобы самой получить образование. Черт возьми, он даже не подозревал, что я умею читать! А если бы заподозрил, не миновать бы мне ментопринтера, но ему это и в голову не приходило.

— Даже на Земле хватает похожих культур, — заметил Ворон, — а тех, что лишь немногим лучше, вообще пруд пруди. На уровне Центра это обычно исчезает или, во всяком случае, сглаживается, но уже одно то, что в нашем языке сохранилось слово «гарем», кое о чем говорит.

Однако Икира понимала, что ее положение это вершина, с которой можно двинуться только вниз. И вот

года через полтора «муж» взял ее с собой, так сказать, в командировку. Как в подавляющем большинстве колониальных миров, Центры на родной планете Икиры нуждались в небольших, но надежных поставках мурилия, преимущественно для медицинских и исследовательских нужд. Нечего и говорить, что они получали мурилий отнюдь не от Главной Системы. На планете не было космопортов, но флибустьеры могли посадить свои корабли почти где угодно. В обмен на мурилий они получали доступ к новейшим технологиям, разрабатываемым в Центрах.

Как правило, Центры были оснащены одинаково, и лишь немногие из них, где самые умные и дальновидные администраторы поощряли нелегальные исследования, имели какое-то преимущество в конкурентной борьбе. Но даже там с флибустьерами носились как курица с яйцом, чтобы они не предпочли кого-нибудь другого. Высокопоставленный папаша решил, что его обожаемому сыну пора познать тяжкий труд общения со столь важными персонами, ну а тот никуда бы не тронулся без своей наложницы.

Увиденное здесь перевернуло все ее представления о мире. Она, конечно, знала, что существуют и другие миры, непохожие на ее собственный, но была не готова увидеть это воочию.

Их было трое, и двое из них — женщины. Огромного роста, просто великанши, даже по сравнению с самыми рослыми мужчинами ее расы. И все же Икира увидела в них что-то близкое себе. Они были сильными личностями и не выказывали ни малейшего почтения к своему спутнику — мужчине. Вскоре выяснилось, что одна из женщин — капитан, а МУЖЧИНА — подумать только! — РАБОТАЕТ НА НЕЕ! А увидев, как мужчины ее народа, обычно такие заносчивые и важные, пресмыкаются перед женщиной, в чьих услугах они нуждаются, Икира решилась окончательно.

Понимая, что произойдет, если ее поймают, она собрала все свое мужество и однажды, ускользнув из дома, сумела встретиться с женщиной-капитаном наедине. Выслушав рассказ Икиры, капитан Смокевски была более чем растрогана и чрезвычайно удивлена разумом и выдержанкой девушки. Капитан Смокевски сама недолюбливала то общество, с которым ей приходилось иметь дело, но в здешнем Центре работал некий гений, создавший новые, невероятно точные приборы для поиска месторождений мурилия. Теперь ей наконец-то представился случай натянуть нос этим мужским шовинистам. Крошечный рост Икиры и ее защитные способности пригодились как нельзя лучше, и перед отлетом Смокевски протащила ее на борт орбитального члнока. Так Икира оказалась в космосе, где надеялась обрести подлинную свободу.

Невесомость была для нее подлинным чудом. Она могла летать, она могла поднимать предметы, которые самый сильный мужчина ее племени не сумел бы даже сдвинуть с места. Подобрать ей скафандр удалось только через несколько месяцев, но, едва получив его, она стала заниматься техническим обслуживанием корабля, поскольку могла пробраться в такие места, куда не в состоянии был пролезть никто. Ее длинные тонкие пальцы, исключительное зрение и слух помогли ей стать непревзойденным мастером по ремонту корабельного оборудования, которое можно было удержать в исправности разве что молитвами. Икира интересовалась всем, что видела вокруг, и училась всему, чему могла. Она с большим облегчением обнаружила, что быстро утратила сексуальные побуждения, во власти которых прожила почти всю жизнь: ведь они вызывались исключительно биохимическими причинами, и, когда рядом не было мужчин ее расы, она чувствовала себя спокойно и полностью владела собой.

Ворон, затаив дыхание, слушал историю этого беспримерного освобождения. Главным препятствием на

ее пути был маленький рост, но она работала за шестерых и все, за что ни бралась, делала в шестеро лучше. Она научилась разговаривать на равных с людьми, которые казались ей великанами, стала вести кое-какие собственные дела и в одной из стычек за мурзилевую заявку взяла на себя управление боем — капитану Смокевски изменила выдержка — и выиграла схватку. К ней пришла слава, а всю доставшуюся прибыль она вложила в старую, потрепанную развалюху, которую собственноручно восстановила и перестроила с помощью двух членов экипажа, покинувших побежденного капитана. Так появился «Каотан». Этими двумя были Дора Паношка и Бутар Киломен. Такая присоединилась к ним позже. Ее трудно было устроить в корабле: ей то и дело требовалось окунаться в воду, чтобы не пересохла кожа. Впрочем, очень немногим флибустьерам удавалось вести дела с водными расами, а Икира видела определенные возможности в этой практически нетронутой области. Такая оказалась чрезвычайно полезной и с лихвой оправдывала расходы на настоящую воду — химические системы мытья ей не годились — и другие сопутствующие нужды.

Кроме того, насколько им было известно, они трое были единственными представителями своих рас, которым удалось выйти в космос. Это были особые узы, и они в полном смысле слова ощущали себя единой семьей.

— Когда-то я надеялась достичь такого могущества, чтобы однажды вернуться и разрушить всю эту коварную систему. Но теперь я понимаю, что легче сокрушить Главную Систему, чем перестроить сложившуюся культуру, особенно ту ее часть, которая основана на биологии.

— Единственный вариант — это разрушить большую Систему, — согласился Ворон. — Потом можно будет широко внедрить новые технологии, и ваш народ сделается повелителем планеты, а не просто ее обита-

телем. С помощью этих технологий можно будет изменить и биологию, которая вас ограничивает.

«Да что это со мной? — ужаснулся он про себя. — Похоже, я учусь, как превратить своих соплеменников в белых людей и начать грабить собственную планету».

Перелет до нужного места занял всего полтора дня, но за это время Ворон не на шутку привязался к маленькому капитану. Правда, свести знакомство с остальными членами экипажа было намного сложнее. Одна лишь Бутар Киломен оказалась достаточно любознательной, чтобы вступить в разговор, но она была вовсе не так откровенна, как капитан, и ничего не рассказывала о себе.

Беглецы предприняли все мыслимые меры предосторожности. Пароль должен был назвать не только капитан, но каждый член экипажа. Только после этого отключились локаторы других кораблей и автоматические пушки. Когда эта процедура закончилась, Икира немного успокоилась и вывела на экран изображение, чтобы показать Ворону, что делается вокруг.

— Большинство наших кораблей — это легкие транспортные, построенные в расчете не столько на грузоподъемность, сколько на скорость и вооружение, — объяснила она. — Для того количества мурдии, который старатели находят за месяцы кропотливых поисков, не требуется больших трюмов. А если ты не способен превзойти конкурента в скорости или вооружении, тебе вообще ловить нечего. Тот, что в центре, это «Эспириту Лусон», корабль Савафунга. Он может менять свой силуэт на экранах локаторов. Отличная защита, и очень дорогая. Я слышала, что внутри он отделан с невообразимой роскошью. Одним словом, Халиначи в миниатюре.

Ворон кивнул. Он не сомневался, что такой человек, как Савафунг, всегда найдет способ прихватить с собой свой собственный мирок.

— Остальные — «Сан-Кристобаль», «Нововладивосток», «Чунхофан», «Индрус», «Бахакатан» и «Сизу Модуру». Я их всех знаю. Именно с «Сан-Кристобалем» я схлестнулась несколько лет назад. Рада видеть, что эта посудина осталась на ходу, но, по правде говоря, наши пути пересеклись только сейчас. — Она помолчала и грустно добавила. — До тех пор, пока все не собрались, я не теряла надежды встретить еще кое-кого.

У этой разношерстной компании не было официального лидера — для этого флибустьеры были слишком горды и независимы, — но Савафунг определенно имел среди них большой вес, и мало кто мог бы оспорить его права. У него имелись ценные связи, особенно в колониальных мирах, и он был лучше других подготовлен к такому повороту событий.

— Не могли бы вы соединить меня с кораблем Савафунга? — попросил Ворон. — Пожалуй, лучше поговорить сначала с ним, не то какой-нибудь из ваших сорвиголов превратит нас в пыль прежде, чем я успею раскрыть рот.

Фернандо Савафунг с нетерпением ждал прибытия «Каотана». Он рад был услышать, что груз доставлен, известие о пассажире принял с меньшим воодушевлением, но на переговоры согласился.

— Сэр, меня зовут Ворон, недавно я был у вас вместе с Арнольдом Нейджи.

Савафунг, как оказалось, помнил Ворона даже слишком хорошо. Кое-каких подробностей ему вообще не полагалось бы знать.

Ворон быстро ввел собеседника в курс последних событий, включая смерть Арнольда Нейджи, и рассказал о целях и намерениях «Грома» примерно так же, как рассказывал Икире. Савафунг внимательно выслушал его и заметил:

— Что ж, теперь я вижу, почему вы постарались ускорить ход событий... Итак, сеньор Ворон, что же вы собираетесь делать?

— Это не вопрос. Либо я останусь здесь, пока не будет достигнуто какое-то соглашение, либо вы сбросите меня в условленном месте — словом, вариантов немногого. Вопрос, как мне представляется, в другом: что намереваетесь делать **Вы?** Завету пришел конец, и отныне Главная Система будет ловить всех и каждого, пока не доберется до нас. Всех пленников ждет одна судьба — ментообработка. Взгляните фактам в лицо — всего через несколько дней, самое большое недель, вы уже никому не сможете доверять, даже тем, кого знали годами. Нам следует объединиться. Мы хотим договориться. Вы нам нужны, но я думаю, что и мы нужны вам. Я хочу поговорить с вашими людьми, но, честно говоря, было бы неплохо, если бы сначала вы их слегка э-э... подготовили.

Савафунг потратил целый час, прежде чем сумел успокоить остальных беглецов настолько, чтобы они могли хотя бы слушать.

Ворон взял микрофон, еще раз представился и сделал глубокий вдох.

— Вам некуда идти, и будущее не сулит вам ничего хорошего, — сказал он. — Вернуться к своему бизнесу вы не сможете, потому что число колониальных миров ограничено. Год, от силы два — и Главная Система сцепает вас всех.

— Мы можем уйти в места, которых нет на карте, туда, куда не добралась даже Главная Система, — предположил кто-то. — Начнем все заново и поднимемся снова, с помощью колониальных миров или без них. В конце концов, будем торговать с неземлянами.

— Вы сами поймете, что все это пустые мечты, если поразмыслите хоть немного, — отпариował Ворон. — Пока вы не составите своих собственных карт, вам придется идти наугад. Примерно половина из вас застрянет без топлива на полпути, и о них уже никто никогда не услышит. Что касается другой половины — что ж, может, им и удастся выжить, но нелегальных

верфей с большими трансмьютерами не существует. Без доступа к современной технологии и суперкомпьютерам они моментально деградируют. Специалистов у вас наперечет, и, когда они умрут, заменить их будет некому. В конце концов ваши корабли выйдут из строя, и тогда ваши дети или внуки будут вынуждены основать колонию на какой-нибудь обшарпанной скале и опуститься до примитивной дикости. Вам нравится такое будущее?

— Я не уверен, что у меня будут лучшие перспективы, если я присоединюсь к вам, — с сомнением произнес кто-то. — Знаете ли вы, сколько людей уже погибло из-за вас? И это всего лишь начало! А колониальные миры, которые задохнутся без нашего мурилия? Вы, неопытные новички, пришли и разрушили целый образ жизни!

Ворон невесело усмехнулся:

— Вы хотите сказать, что одиннадцать человек так вот запросто развалили до основания ваш драгоценный мирок? Ну, в таком случае нам по силам и большая Система, а?

— Если и дальше будешь шутки шутить, я тебе покажу чертовски тернистую дорожку на тот свет, — прорычал кто-то из флибустьеров.

— Нет! Пусть говорит! — перебил его другой. — В этом что-то есть.

Ворон снова приободрился:

— Мы вовсе не разрушили ваш мир, мы просто дали вам то, чем вы так дорожили на словах — свободу. Можете сколько угодно кричать и размахивать руками, но тот из вас, в ком есть хоть капля разума, давно понял, что флибустьеры — такая же колония, как любой из тех миров, которые вы обслуживаете. Главная Система точно так же терпит вас, пока вы ей полезны, и точно так же выбросит вас на свалку, когда вы перестанете быть ей нужны. Мы покончили с этим, но, если вы хотите вернуть прошлое, можете хоть сей-

час бежать к Главной Системе, чтобы показать ей, какие вы честные и преданные, и возвратиться к прежним занятиям, но теперь уже без иллюзий. Но я предлагаю вам присоединиться к восстанию и драться с Главной Системой, а не друг с другом. Или вы — колониальные лоялисты, которым позволяют развлекаться игрой с устаревшими кораблями, или борцы за свободу. Тот, кто хочет вернуться и лизать пятки Главной Системе, нам ни к чему. Но те, кто жаждет подлинной свободы, те, кто хочет победить, нужны нам позарез.

Воцарилась гнетущая тишина, потом сквозь нее прорезался грубый мужской бас:

— Если бы я считал, что у нас есть хоть один шанс на победу, я бы пошел с вами, но пока что я его не вижу.

— Лучшего предложить не могу, но даже один шанс — это намного больше, чем вы полагаете, — ответил Ворон. — Многим из нас суждено умереть, но это еще не самое страшное. Кое-кому, наверное, придется... придется принести последнюю жертву. Это значит — придется пойти на трансмутацию и пожертвовать своим человеческим прошлым и будущим. Я желал бы обойтись без этого, но я вынужден признать такую возможность. И наконец, чтобы добиться успеха, мы должны работать вместе, а не быть одинокими волками. Я знаю, что флибустьеры чересчур своевольны для этого, но именно так обстоит дело.

— Круто сказано, — заметил кто-то. — Лучше я всю жизнь буду бегать от этих ублюдков.

— Разумеется, но вы еще не слышали главного, — возразил Ворон. — Видите ли, это все не задаром. Все это — за вознаграждение, и немалое. Я объяснял вам ситуацию на примере пистолета и пуль, но это не совсем так. Эти пули, понимаете ли, вовсе не убивают Главную Систему. Они просто сделают ее тем, чем ей полагалось быть с самого начала — машиной, выполняющей приказы. Приказы любого, кто ею владеет. Поду-

майте только! Править Главной Системой точно так же, как сейчас она правит всеми. Вся ее мощь, вся ее преданность, все ее знание и умение перейдут к людям. Если вы в деле, то вы в деле от начала до конца. Выполните свою работу, не испорти чужую, не дай себя убить — и ты сам назовешь цену, именно так. Все что пожелаете! Ваш собственный мир, ваш собственный флот, все, о чем вы осмеливались только мечтать, — в ваших руках. Настоящий философский камень, или как он там называется. Помогите нам, продержитесь до конца, и сможете загадать любое желание — в пределах возможностей Главной Системы. А заодно и скинете эти железки со своей шеи.

Такие доводы они понимали — и заколебались.

— Должен сказать, я все больше склоняюсь к тому, чтобы пойти с ними, — внезапно раздался голос Савафунга. — Я уверен, что смогу просуществовать остаток жизни и без них, причем с минимальным риском. Я заранее об этом позаботился. Но там, где нет риска, нет и выигрыша. Если они потерпят поражение, я потеряю все, что у меня есть, и все, что у меня может быть, но если преуспеют — а, зная историю кое-кого из них, я не стал бы так просто сбрасывать их со счетов, — то я хочу получить свою долю божественности.

На сей раз молчание затянулось надолго, и вдруг все заговорили одновременно, перебивая и перекривая друг друга. Вклинившись в этот гам было невозможно. Оставалось только ждать, пока все уляжется.

Наконец страсти слегка поутихли, и Ворону удалось вставить несколько слов:

— Слушайте, такие дела не решаются наспех. Пусть каждый корабль отключится на время и капитаны обсудят все это со своими экипажами. Нам нужны только добровольцы, и второй попытки у вас не будет. Кто захочет уйти, уйдет, но тот, кто решит войти в дело, будет в деле до конца, иначе мы уберем его, не задумываясь. Если мнения внутри экипажей разделятся,

придется переукомплектовать их. К отказавшимся лично у меня нет никаких претензий, но впоследствии все, кто отклонил предложение, автоматически станут нашими врагами. Увы, мы вынуждены действовать именно так, а не иначе.

— Не нравится мне это, — произнес женский голос. — На одних словах далеко не уедешь. Откуда нам знать, не сочинил ли он всю эту ахинею, чтобы завлечь нас к себе на службу, а потом избавиться от нас, когда мы сделаем свое дело. Да и кто они такие? Говорят, что пришли из Материнского Мира, но кто подтвердит, что это правда? И как могла такая тайна храниться девятьсот лет, а потом вдруг попасть в руки этой деревенщины?

— Возможно, ты и права, Мэг, — согласился Савафунг, — но кое-кто из них, я бы сказал, не один год мне знаком. Их ведущий ученый, вероятно, умнейший среди когда-либо живших людей, верит в эти сведения. А у других, как, например, у нашего друга Ворона, бывшего сотрудника Центра, работника безопасности, было лучшее, что могла дать Система. Им был открыт путь к власти, но они отвергли его, и отнюдь не все из них сумасшедшие. Но лучшее доказательство — сама Главная Система, которая настолько разъярилась и настолько испугалась, что бросила на поиски этих людей все свои силы. Уж не думаете ли вы, что Главная Система способна отбросить Завет только ради того, чтобы изловить каких-то пиратов, пусть даже самых ловких? Что значат пираты «Грома» по сравнению с общим порядком вещей? Что для Главной Системы один корабль, полный мур哩ия? Нет, нет, друзья мои, все, что они говорят, — правда. Они знают, как подпечь мозги Главной Системе, даже если им пока что недостает средств.

Его логика была неотразима, но приводила к некоторым побочным выводам.

— А почему бы нам не сделать это самим, без них? У нас есть и ментопринтеры, и гипносканеры, и еще этот Ворон. Зачем нам делиться с ними?

Но Ворон был готов к этому. Репетиция с Икирой принесла свои плоды.

— Все очень просто, — ответил он. — Я могу сказать вам, за чем мы охотимся, но не знаю, как это использовать. Что толку в пистолете и пулях, если не знаешь, где цель? А я не имею понятия, ни где находится Главная Система, ни как она выглядит, ни чего-нибудь еще. А вы?

— Ну так, значит, мы в таком же положении, что и вы, — заметил кто-то.

— Не совсем так. Мы — странная компания, но подобранные весьма тщательно. Когда мы получим то, что ищем, как минимум один из нас будет знать, где и как это использовать. Мне не известен механизм, но так будет, в этом я уверен. Предоставляю вам самим решить, верите вы слову машины или слову человека. Но пока пули не окажутся у нас в руках, мишень и способ зарядить оружие останутся неизвестны. Так для нас безопаснее.

— Вы говорите так, словно работаете на кого-то еще, — с подозрением заметила женщина. — На кого же?

Ворон улыбнулся, хотя она и не могла этого видеть.

— На кого-то, обладающего большими познаниями, но неспособного самостоятельно добыть эти вещи или использовать их. Я не знаю, кто это или что это такое. Но на данный момент меня волнует только помочь, которую он может нам оказать. Не исключено, что потом у нас появится расхождение во взглядах, но это будет потом. Если мы будем достаточно сильны, проворны и умны, то сможем справиться с любым, кто попробует отнять у нас то, что принадлежит нам по праву. А если нет — то мы и не заслуживаем награды.

— Я думаю, друзья мои, все, что следовало сказать, уже сказано, — подытожил Савафунг. — Предлагаю всем принять совет Ворона и обсудить положение дел со своими людьми. Время не должно подгонять нас, раз мы принимаем такое основательное решение. Сейчас четырнадцать двадцать два. В двадцать четыре ноль-ноль мы снова вернемся к этому, а до тех пор успеем проголосовать и собраться с мыслями. Это будет разумно, не так ли?

— Нет возражений, — устало вздохнул Ворон. — Я уже начинаю привыкать к скуче.

Икира Сукота ушла совещаться с экипажем, а Ворон остался на мостице со своими мыслями.

«Какие возможности... — невольно думал он. — Просто удивительно, как все сходится. Интересно, сколько их согласится?»

Он скорее знал, чем надеялся, что согласятся многие. Авантуррист Савафунг — наверняка, уже хотя бы потому, что он рассчитывает под конец оказаться в числе тех, кто будет отдавать ВСЕ приказы, а не просто получить в награду одно желание. За ним придется хорошенько приглядывать, но в конечном счете он будет неоценим. Они с Клейбеном бесконечно далеки друг от друга по знаниям и способностям, но все равно это люди одного склада.

«Кто бы мог подумать, — размышлял он, слегка ошарашенный столь стремительным развитием событий. — Ворон, рожденный в маленькой деревушке у тихой реки среди высоких гор, поднявшийся до высот цинизма, неизбежного спутника своей профессии, — теперь революционер, ниспрoverгатель мира. Далеко же ты забрался, маленький сын Пегого Коня, мальчик, бегущий бок о бок с отрядом воинов, идущих в поход, мальчик, лелеющий великие мечты».

Как давно это было; почти в другой жизни... Как давно похоронил он этого мальчика и его нехитрые мечты о чести и славе...

Честь его была отброшена в тот момент, когда он узнал, что всю жизнь ему лгали и миром правит не дух-творец, а какая-то большая машина. Тогда и слава потеряла смысл. Кому охота гибнуть не за свой народ, а ради сохранности большого музея, до экспонатов которого даже его создателю нет никакого дела?

Чудеса Центра восхищали юношу, но люди внушали омерзение. Испорченные, эгоистичные, презирающие свой собственный народ, заимствующие образ жизни у Системы, которой прислуживали. Особого выбора у него не было: либо стать таким же, как и все, либо возвращаться домой и жить во лжи. Тут легко было сделаться циником.

И вот, совсем недавно, Ворон начал задумываться, действительно ли тот маленький мальчик погиб окончательно и бесповоротно. Он так и не стал мечтателем, лелеющим великие замыслы, но он снова жил. Он жил, как тогда, дома, в горах и на равнинах, которые стали частью его самого. Многие годы он не задумывался об этом, разве что иногда, ночуя в прериях, когда у маленького костра не было никого, кроме него и коня, и лиловые очертания гор смутно вырисовывались в отдалении. Но сколь краткими были эти часы...

И надо же было такому случиться, что он нашел этого мальчика здесь, так далеко от своего народа и всего, что было ему дорого... Какая злая ирония.

«Где же ты пропадал, малыш? И не почудилось ли мне твое возвращение?»

Икира, вернувшись на мостик, нарушила его грезы.

— Ну как, вы приняли свое решение? — спросил он, кивнув ей в знак приветствия. — Срок уже на исходе.

— О да. Мы все обсудили, — ответила она. — Это было нелегко, знаете ли. Вы поставили перед нами крутую задачку.

— Ну и?

— У нас больше опыта работы в колониальных мирах, чем у любого из оставшихся кораблей. Мы взвесили свои шансы — на выживание в одиночку в новых условиях. Они велики. Ни у кого из нас и раньше не было другого жилища, кроме корабля, но у нас тоже были мечты. Мы с вами, Ворон.

Он приветственно сцепил руки и ухмыльнулся:

— Это здорово! Ну что ж, посмотрим, каков счет. Включайте меня, и поехали.

Итоги оказались гораздо лучше, чем он ожидал. К «Эспириту Лусон», на котором; как подозревал Ворон, был всего один голос, и результат легко было предвидеть, присоединились «Сан-Кристобаль», «Чунхофан», «Индрус» и «Бахакатан». Несколько членам экипажей, имеющим собственное мнение, предстояло покинуть корабли и перейти на «Нововладивосток» и «Сизу Модуру», где большинство, включая и капитанов-владельцев, проголосовало против. Оттуда на другие корабли тоже перебирались люди, готовые, несмотря ни на что, рискнуть — и, может быть, выиграть.

В результате пиратский флот пополнился пятью кораблями с опытными капитанами и многочисленными экипажами. Ремонтные работы «Каотана» извлекли из трюма порции сырой мурелиевой руды и, разместив их на платформах, отправили на «Нововладивосток» и «Сизу Модуру».

— Ну, пора кончать этот карнавал на перекрестке, — сказал Ворон. Он чувствовал себя героем, и это ему очень нравилось. — Капитан, берите курс на ту систему, где мы останавливались в последний раз.

Икира сурово взглянула на него:

— Так вы все время следили за нами. Как?

— Просто мы дрянные хитрые подонки, вот и все. Не беспокойтесь, это всего лишь для упрощения дела. Надо поторопливаться — подолгу держать «Гром» на одном месте слишком рискованно. Передайте осталь-

ным, пусть следуют в том же направлении и с той же скоростью. И старайтесь держаться в пределах прямой видимости, хорошо?

— Ради нас всех, надеюсь, вы знаете, что делаете, — напряженно проговорила Икира.

«И я тоже надеюсь», — подумал маленький мальчик, бегущий у стремени воина.

Путь через прокол не отнял у них много времени. Выскочив в обычное пространство, они сразу включили локаторы, и несколько мгновений Ворон провел в тревожном ожидании. Потом показались приближающиеся корабли. Первой шла «Молния», которой на этот раз управлял Сабатини, а у вооружения сидела Вурдаль. Сестры Чо перебрались на «Пират-Один», и Ворон мог только гадать о причине смены экипажей.

— И это все? — спросил Сабатини.

— Мы привели шестерых из восьми, черт тебя побери! Ты что, ожидал чуда? — резко ответил Ворон.

— Ладно, ладно, не горячись. Сестры Чо проводят вас к «Грому», а нам с Вурдаль надо проверить кое-какие подозрения. Мы вернемся через несколько часов, но в любом случае место нам известно, так что, если мы не успеем, не ждите нас. Нагоним вас позже.

Ворон нахмурился. Что еще за подозрения?

— Это что-нибудь, о чем мне следовало бы знать?
Молчание.

— Нет. Ничего такого, что тебе следовало бы знать.

Икира навела локаторы на удаляющуюся «Молнию», уже готовую войти в прокол.

— Очень быстроходный корабль. Никогда такого не видела.

— Он сделан по особому заказу. Он сражался с Валом и победил, так что не стоит его недооценивать. Я... — Внезапно Ворон осекся и мрачно нахмурился.

«Мы вернемся через несколько часов...»

— Что-то не так?

Ворон медленно покачал головой.

— Нет-нет, все в порядке, — он печально вздохнул. — Забудьте.

Но сам он забыть не мог. Теперь он понимал, зачем поменялись местами экипажи кораблей, куда отправится «Молния» и что она там будет делать. И это ему совсем не нравилось.

«Нововладивосток» и «Сизу Модуру» были единственными, кто знал позывные кораблей, перешедших на сторону пиратов «Грома». Скорее всего они, должно быть, еще проверяют свои запасы мурилия и решают, что делать дальше. Но рано или поздно оба корабля попадут в руки Главной Системы, быть может, с живыми экипажами, но уж наверняка с нетронутыми записями в бортжурналах. И Главная Система поименно узнает всех, кто пришел на борт «Грома», узнает, сколько их, узнает все об их кораблях, узнает, на что они способны.

«Нововладивосток» и «Сизу Модуру» были хорошо вооружены, но выстоять против «Молнии», превращенной в машину смерти, да еще при том, что оружием управляла Вурдаль, у них не было никаких шансов.

Ворон был несказанно рад, что «Каотан» решил присоединиться к ним. Он тяжело вздохнул. Что ж, по крайней мере теперь Вурдаль еще долго будет в хорошем настроении. Примерно минут через сорок появился «Гром», и Ворон с удовольствием слушал восхищенные крики людей, никогда еще не видевших ничего похожего на сорокакилометровый корабль. Он выглядел скорее как астероид с двигателями.

— «Гром» вызывает Ворона, как поживаете? — спросил Звездный Орел.

— Пожалуй, совсем неплохо. У нас тут шесть кораблей — включая Фернандо Саваfunga на его яхте, — и все битком набиты флибустьерами-ветеранами. Кстати, здесь полным-полно колонистов. До

сих пор я и представить не мог, что на свете столько разных людей.

— Весь наш мурлий уже убран и помещен на переработку в корму, но вместе с «Пиратом-Один» кораблей у нас на три больше, чем отсеков. Те, кому не хватит места, пусть швартуются прямо к обшивке. Экипажи взойдут на борт «Грома» в скафандрах. «Гром» будет кораблем-носителем. Пока мы не организуем все как следует, я хотел бы, чтобы мы передвигались как единое целое. Я осмотрел ваш флот. Он производит хорошее впечатление. Теперь я попросил бы вас послать мне позывные, чтобы я мог обращаться к каждому по отдельности.

Просьба была исполнена почти мгновенно.

— Мы небогаты, но в грузовых отсеках есть кое-какое ремонтное оборудование. «Каотан», «Сан-Кристобаль» и «Бахакатан», вам понадобится капитальный ремонт и полная переборка механизмов. То же касается и вас, «Индрус», хотя с вами возни будет меньше. Предлагаю «Каотану» заходить в первый отсек, «Сан-Кристобалю» — во второй, «Бахакатану» — в третий и «Индрусу» — в четвертый. «Пират-Один», когда «Сан-Кристобаль» войдет и наружный люк закроется, швартуйтесь ко второму отсеку. Дальше следуйте пешим походом. «Эспириту Лусон», сделайте то же самое у первого отсека, после того как войдет «Каотан». «Чунхон», вам остается третий отсек. Мы вышлем вам на встречу людей, которые проводят вас в корабль.

Последовало несколько вопросов. Из-за того что на борту «Грома» поддерживалась искусственная тяжесть, некоторым членам экипажей требовался транспорт. Икира не преминула предупредить, что у нее на борту есть амфибия, которой время от времени необходима вода. Собраться вместе оказалось нелегко, вся процедура заняла не менее трех часов и сопровождалась непрерывной перебранкой: только потому, что новобранцам не терпелось посмотреть, как выглядит

«Гром» изнутри. Козодой, встречавший экипаж «Каотана», воздержался от замечаний по поводу их неуклюжих устаревших скафандров, но про себя решил не откладывая поговорить со Звездным Орлом и подобрать им что-нибудь получше.

— Проводи их в поселок и устрой как следует, — сказал он Ворону. — А я подожду людей с «Эспириту Лусона». Но скафандр пока не снимай. Когда я вернусь, ты можешь понадобиться, чтобы привести людей с «Чунхофана».

— Порядок, вождь. Я давно уже не разминался. Леди, следуйте за мной и приготовьтесь к постепенному нарастанию тяжести по мере прохода через воздушные шлюзы. Мы держим внутри ноль, восемь «же», чтобы не терять форму.

Все они с трепетом входили в поселок, недоверчиво глядя на то, что казалось им скорее островом, чем звездолетом.

— Боюсь, нам придется несколько потесниться, а кому-то даже первое время спать снаружи, так сказать, под открытым небом. — Извиняющимся тоном сказал Ворон. — И приготовьтесь к тому, что многим придется жить в рабочих кабинетах или на тех кораблях, что оборудованы получше. Десять к одному, что Стэрина Савафунг скорее согласится бегать туда-сюда со своей яхты, чем поселится здесь.

— Невероятно! — воскликнула Икира Сукота. — Я и вообразить не могла, что можно устроить такое внутри корабля! — Остальные восторженно вторили ей.

— Видели бы вы это место раньше! — заметил кроу. — Самая большая летающая гробница в мире. Там, в корме, еще куча места, и в конце концов все смогут устроиться внутри. Но это будет не скоро, и когда все утрясется, надо будет подумать, как бы обеспечить тем, чьи корабли прицеплены снаружи, прямой доступ внутрь «Грома».

Такья Мудабур, женщина-амфибия, высказалась вслух то, о чем думали все:

— Наши предки... Быть может, они летели на этом самом корабле. Здесь наши корни, все начиналось отсюда...

Ворон представлял себе, насколько может «Гром» потрясти неподготовленного человека, но про себя поклонился, что его спутницы не знают, каков он был раньше. Для них в истории колонизации космоса все еще оставалась какая-то романтика. Так пусть лишь те, кто первыми пришел на «Гром», знают, как уродливо она выглядела на самом деле.

Появилась Танцующая в Облачах, ведя очередную партию восторженных, не верящих своим глазам людей. Звездный Орел впускал экипажи поочередно, чтобы свести к минимуму суматоху и облегчить задачу немногочисленным встречающим.

Экипаж «Сан-Кристобаля» был смешанным и состоял из землян и колонистов. Некоторые, судя по бурным приветствиям, были хорошо знакомы с экипажем «Каотана». Капитан Мария Сантьяго оказалась маленькой смуглой женщиной, а еще двое землян были мужчинами: огромный бородатый блондин и человек среднего роста с лицом, живо напомнившим Ворону лица людей его племени. Следующие двое выглядели необычно даже для колонистов. Головы и торсы у них очень напоминали человеческие, зато ног было четыре. Передняя, большая часть массивного серо-стального туловища опиралась на нормальные ноги, а задняя покоялась на двух коротеньких приземистых ножках, на первый взгляд совершенно не предназначенных для ходьбы. Шестым членом экипажа был Человек-Скала. Если бы человека можно было превратить в грубое каменное изваяние, усеянное сколами, со щелью рта, прорезающей пополам все лицо, он бы выглядел примерно так же.

Козодой привел Савафунга и его свиту. В нее входили крепкий мужчина-землянин и две земные женщины не менее решительного вида. Савафунг прихватил с собой и свои любимые игрушки — пятерых жеманных рабов с Халиначи, — но оставил их на борту. Он даже не взял для них скафандров. В любом случае они были бы только помехой для остальных.

Ворон, извинившись, ушел встречать экипаж «Чунхофана». В это время Клейбен привел команду «Индруса». Капитан Рави Пачиттавал был либо чересчур ограничен в выборе, либо чрезвычайно чтил своих родственников. Двое мужчин и две женщины, пришедшие вместе с ним, определенно принадлежали к той же расе и культуре, что и сам капитан. Козодой видел такой тип в Делийском Центре на Земле. Настоящие индийцы.

Экипаж «Чунхофана» целиком состоял из колонистов. Экзоскелет, рачьи глаза и длинные тонкие усики делали капитана Чун Во Хара и двух женщин его же вида похожими на насекомых. С ним были еще двое с одного из отказавшихся кораблей: маленькие пухлые зеленокожие гуманоиды с крапчатыми совиными лицами и выпученными желтыми глазами. На спинах у них имелись образования, напоминающие маленькие крыльшки, хотя и непохоже было, чтобы они, при весе и телосложении, могли бы подняться в воздух. Козодой решил, что крыльшки выполняли другую, менее явную функцию: обычно у колонистов никакихrudиментарных органов не было.

Наконец снова возвратился Клейбен с экипажем «Бахакатана». Капитан Али Мохаммед бен Суда был землянином, прожившим, судя по его внешности, легкую жизнь. Его жена, Фатима, на вид была не старше Танцующей в Облаках, но ее длинные волосы уже сплошь поседели. Черты лиц двух других членов экипажа, рослых мужчин, живо напоминали Хань и сестер Чо, но у одного были голубые глаза, а другой носил

рыжеватую бороду. Скорее всего они были китайцами лишь наполовину.

Козодой и другие считали, что готовы ко всему, но оказалось, что они ошиблись. «Трудная же нам предстоит притирка», — подумал Козодой. Он немного стыдился себя и восхищался Вороном, для которого этой проблемы явно не существовало.

Основные трудности возникли из-за последнего члена экипажа «Бахакатана». Он заставил всех просто оцепенеть. Это создание, покрытое плотным панцирем, имело длинный плоский хвост, заканчивающийся большими выростами, наподобие плавников, и вышагивало на четырех толстых ногах, сгибающихся под любым углом. Оно было блестящим, лоснящимся и черным, но Козодой не мог отделаться от мысли о речном раке из Миссисипи. По обеим сторонам головы помещались еще два пучка прилатков, снабженных тонкими, как пинцет, остроконечными клешнями, а на самой голове росли восемь длинных, гибких и непрерывно шевелящихся щупалец, окружающих два глаза, сидящих на полупрозрачных стебельках. Чуть ниже располагалось что-то мокрое и неприятное на вид, скорее всего рот.

У этого существа никогда не было земных предков, и его никогда не переделывала Главная Система.

— Я вишшу, ффы удиффлены, — произнесло создание, старательно имитируя человеческую речь. Неприятные шипящие звуки исходили из пульсирующей мягкой массы, расположенной ниже щупалец. — Я глафффный иншишнер «Баххакатана». Я Маккикор. Ффы, нафферное, никохда еще не фидели Маккикора. Могу предсствовать.

Это было еще мягко сказано. Внезапно Козодой почувствовал, что готов обнять насекомоподобного капитана Чуна и назвать его братом.

Капитан бен Суда не замедлил вмешаться:

— Маккикоры чужды нам всем, сэр, но они находятся под гнетом великого демона, так же как и мы. Им не повезло. Они оказались на пути Главной Системы, и она силой включила их в свою колониальную систему. После многих столетий, прожитых под игом, у них больше общего с нами, чем можно было бы ожидать. Мне повезло, что я его встретил, и скоро вы сами поймете почему. Маккикоры носят с собой запас воздуха, они почти невосприимчивы к вакууму и дозам радиации, смертельный для нас. Присутствующий здесь Дебо — лучший бортинженер и ремонтник, какого только можно представить.

Ворон сухо усмехнулся, глядя на панцирное создание:

— Ну, вождь, для начала экипаж подобрался что надо.

Козодой открыл было рот, но сказать ничего не смог. Он только подумал: «Добро пожаловать во Вселенную, Бегущий с Козодоями».

«Гром» задрожал, взревел и двинулся сквозь Вселенную, которая оказалась намного сложнее, чем полагали мудрецы.

9. ЯСТРЕБ ДЖАНИПУРА

ледующие семь месяцев ушли на взаимную притирку и достижение всяческих соглашений. Постепенно новый экипаж выработал нечто вроде договора, основанного на общей выгоде, терпимости и, в некоторых случаях, дружбе и взаимном уважении. Помехой была не только отчужденность между колонистами, но и некоторая предубежденность флибустьеров по отношению к хозяевам «Грома». Было ясно, что подавляющее большинство новоприбывших по-прежнему сомневается, что планы мятежников сулят им удачу.

Козодой вновь продемонстрировал свой талант вождя. Он организовал совет капитанов и обращался к ним со всем возможным уважением. Каждый капитан оставался хозяином и повелителем своего корабля, но все они подчинялись тому, кого считали адмиралом — тому, кто командует не кораблем, а флотом. Этим человеком был Козодой.

Труднее всего для флибустьеров оказалось смириться с самим существованием Звездного Орла, не говоря уже о том, чтобы дать ему равный голос в совете капитанов. Всю жизнь они ненавидели машины, способные мыслить самостоятельно. При всех различиях во внешности, взглядах, языках и привычках все флибустьеры, даже инженер-инопланетник, были живыми и рожденными живыми существами. Звездный Орел казался им воплощением того, с чем они постоянно сражались, и им нелегко было доверять ему.

Звездный Орел, со своей стороны, старался как мог. Его ремонтники устроили в грузовых отсеках новые люки, соединенные шлюзами и сложными переходами со всеми кораблями, подвешенными к «Грому» снаружи. Примерно через месяц он собирался завершить герметизацию всего корабля, включая грузовые отсеки.

Внутренний поселок еще нуждался в многочисленных доработках, но постепенно он расширялся и становился более приспособленным для нужд тех, кому требовались условия, похожие на земные. Савафунг продолжал жить на своей роскошной яхте, где к его услугам были трансмьютеры, рабы и подчиненные. Все остальные только приветствовали это.

Каждому члену объединенного экипажа было выделено место для жилья во внутреннем корпусе «Грома» и рабочий кабинет в одном из окружающих отсеков, приспособленный к нуждам хозяина настолько, насколько позволяли обстоятельства и содержимое банков данных. Икира Сукота, например, устроила себе жилище в поросшем травой насыпном холме. Там почти не было освещения, но в темноте прятались самые современные удобства. Женщина-амфибия из ее экипажа получила домик и бассейн с проточной водой, в который могла погрузиться целиком. Кентавры предпочли простой открытый загончик с источником воды и устройством для удаления мусора. По-видимому, они нисколько не нуждались в уединении.

Все остальные, даже Человек-Скала, сочли, что можно удовлетвориться и стандартными коттеджами. Зеленые человечки, похожие на сов, пользовались всеми вещами, как обычно, но спать предпочитали стоя. Так же поступали хвостатая Бутар Киломен и Человек-Скала, а насекомоподобный капитан Чун и его напарницы спали, обиввшись вокруг вертикальных шестов. Трудности возникли только с маккиором. Его

родная планета была слишком непохожей на Землю, и хотя он мог дышать земным воздухом, ночевать предпочитал в особой нише, которую сам оборудовал на борту «Бахакатана». Он был явно польщен тем, что может помогать Звездному Орлу и его ремонтным роботам обновлять и восстанавливать флибустьерские корабли.

Трансмьютеры Мельхиора сделали свое дело на совесть, но Айзек Клейбен нашел технический способ помочь Хань, по крайней мере по части слепоты. Хотя программа, составленная его прежними сотрудниками, была чертовски изощренной и изначально не допускала никакого вмешательства, Клейбен совместно со Звездным Орлом разработали ментопринтерную интерпретирующую процедуру и небольшой прибор, сочетание которых могло заменить отсутствующее зрение. Звуковые волны с частотой, которая не мешала работе приборов и находилась выше порога восприятия землян и колонистов, преобразовывались в электрические сигналы и по нервам поступали в мозг. Записанная программа интерпретировала их как изображение. Эти сигналы слышал только маккикор, и ему они казались приятными. Козодой подозревал, что инопланетянин находит в этих звуках нечто эротическое.

Пользуясь звуковым излучателем и ментопринтерной программой, Хань могла «видеть» достаточно хорошо, чтобы различать отдельные предметы. Однако узнать кого-либо в лицо, а тем более читать она была не способна. Обычно она предпочитала полагаться на память и передвигалась настолько ловко, что со стороны казалась зрячей. Но в экстренном случае или в незнакомой обстановке новый прибор мог спасти ей жизнь, так что она оценила его по достоинству.

Что касается основной задачи, они и тут не теряли времени даром. Сперва они разыскивали, впрочем без

особого успеха, остатки флибустьерского общества, и наконец Козодой, с одобрения совета капитанов, решил отправиться за первым перстнем.

К этому времени новоприбывшие уже знали все: что они ищут, какова функция колец и как они были созданы. Два экипажа бывали на Чанчуке, а экипаж «Индруса» хорошо знал Джанипур. Люди этого мира происходили от их расы и сохранили многие обычай и верования древних индусов. Капитан Пачиттавал даже самолично видел перстень в Национальной Сокровищнице в Кохин-Центре, резиденции верховного администратора. Капитан считал, что верховный администратор надевает его лишь изредка, для особо торжественных церемоний.

— Красивая вещь, очень крупная, — рассказывал Пачиттавал. — Он лежит под увеличительным стеклом, так что хорошо видно, какая это тонкая работа. Две прекрасные птицы, словно отраженные в зеркале, сидят на веточках ели. Его очень берегут. Это одно из немногих изделий, изготовленных Основателями столетия тому назад.

Козодой кивнул:

— Я сейчас приглашу сюда Ворона и Сабатини и попрошу вас рассказать им обо всем как можно подробнее. Полагаю, настало время воспользоваться уникальными талантами Сабатини.

Капитан удивленно поднял брови:

— Я слышал, как не раз об этом говорили, кое-что мне рассказывали и другие, но я так и не понимаю, что вы подразумеваете под его уникальными талантами.

— В это невозможно поверить, пока не увидишь своими глазами, но я могу намекнуть. Вы ведь индус, не так ли?

— Именно так, сэр.

— И стало быть, вы верите в перевоплощение?

— Да, сэр, а как же иначе.

— Так вот, Сабатини не только способен перевоплощаться, но может сам выбирать когда и в кого. И для этого ему совсем не обязательно умирать.

«Зато умирать приходится другим», — мысленно добавил он, чувствуя себя немного виноватым.

После продолжительной беседы с экипажем «Индруса» Козодой продолжил совещание в своем кабинете, расположенному глубоко в чреве «Грома».

— Н-да-а-а, — со вздохом протянул Ворон. — А Нейджи еще намекал, что добыть этот перстень легче всего. Не хотелось бы мне, чтобы так оно и было. Эта штуковина лежит вроде как в местном музее драгоценностей короны. Она почти что священна, ведь ее изготовили на Земле. Ее наверняка охраняют, и скорее всего не только люди. Там, должно быть, до черта стражевых систем, хотя эти местные индусы наверняка считают такие устройства волшебством. А еще эти суеверия насчет божественного могущества, которое нисходит на того, кто надевает эту вещь... Нам придется ее украсть, а кто-знает, какую технологию могли закупить туземцы, не говоря уж о том, что придумали компьютеры их Центра для охраны этой дряни. А тут еще расовые предрассудки...

Козодой кивнул. Он понял, на что намекает Ворон:

— Что ж, выхода у нас нет. Мы все знали, что рано или поздно это случится. По крайней мере я. Думаю, что и вы тоже, если хоть раз задумывались об этом. Было бы слишком смело предполагать, что кто-то из колонистов, которых мы набрали, окажется представителем подходящей расы. Нам несказанно повезло уже в том, что у нас есть люди, которые хотя бы знакомы с этим миром и его жителями. Сабатини?

— Мне это нравится, — сказал бывший капитан. — Такой радикальной перемены у меня еще не было. Тем не менее принцип тот же. Верховный администратор родом из городишко, расположенного среди гор на меньшем из трех континентов. У него там поместье, и

держу пари, где-то поблизости спрятана нелегальная лаборатория. Но мы не можем просто взять и войти в Центр — он слишком хорошо охраняется. Условия не таковы, чтобы я мог в безопасности м-м-м... скажем, преобразиться в кого-то менее подозрительного. Возможно, придется сменить несколько обликов, чтобы туда добраться. Горожане, потом слуги, потом кто-то, наделенный свободным доступом в Центр...

— Это понятно, — сказал Козодой. — Но, боюсь, сам ты эту вещь украдь не сумеешь. То есть это было бы замечательно, но, насколько я знаю верховых администраторов, тебе просто не представится случая превратиться в него, не говоря уж о начальнике Службы безопасности. И я могу держать пари на что угодно, что для отключения охранной системы необходимы по крайней мере два человека.

Сабатини кивнул:

— Понимаю. Но попытка не пытка. Если не выйдет, тогда ладно — дело перейдет к здешним специалистам. Но раз уж мы ступили на мост, надо его переходить. Пока что меня больше всего беспокоит, как вы доставите меня туда. И оттуда, что гораздо важнее. Главная Система знает, за чем мы охотимся, и просто обязана просвечивать все это место насквозь, так что нам никак не подойти настолько, чтобы посадить там кораблик с приемным трансьютером.

— Мне кажется, я могу помочь делу, — внезапно вмешался Звездный Орел. — Конечно, не стоит атаковать эту систему всем флотом, но я могу изготовить капсулу с основными системами жизнеобеспечения и приладить ее на запрограммированный истребитель. Эти машины быстроходны, и их легко заменить. Даже если джанипурцы его заметят, они могут позволить ему приземлиться, чтобы хотя бы узнать, откуда он взялся.

— Так-так... Но ведь его еще надо доставить достаточно близко, чтобы он добрался до цели? А стоит

выйти из прокола в пределах этой системы, и о тебе уже будет известно.

— Разумеется. При крайней необходимости мы можем пожертвовать одним кораблем, но расходовать людей нам пока еще рано. Впрочем, я уверен, что смогу забросить тебя на планету и сбить с толку Главную Систему. Заодно узнаем, каковы ее силы в этом районе, и сможем строить планы на будущее. В конце концов нам ведь придется и вытаскивать тебя оттуда.

Ворон повернулся к Сабатини:

— Знаешь ли, если примем этот план, тебе понадобится новое имя, чтобы узнать тебя, когда мы встретимся в следующий раз.

Сабатини ухмыльнулся:

— Ну, у нас уже есть соловей, козодой, ворон, и мне говорили, что у некоторых наших новых друзей похожие имена. Почему бы не продолжить традицию? Как насчет Урубу?

Так он стал мексиканским грифом. Хотя многие капитаны, стосковавшись по делу, вызывались обеспечить заброску, Звездный Орел решил, что лучше всего справится «Пират-Один». Он мог нести в трюме истребитель вместе с капсулой и был способен обмануть любую автоматическую защитную систему. И в крайнем случае, хотя об этом никто не говорил вслух, это можно было бросить.

Было решено, что корабль поведет малорослый темнокожий капитан Пачиттавал: он был лучше всех знаком с Джанипуром. Вурдаль, непревзойденный стрелок, должна была управлять пушками. Больше на корабле людей не было, если не считать Сабатини, ехавшего пассажиром в своей капсуле.

Благодаря архивам «Индруса» у них имелись превосходные карты планеты. После долгих прик遁ок Козодой пришел к выводу, что лучше всего посадить истребитель в горах к северу от поместья администрации. Местность, и особенно погода, обещали хорошую

маскировку. Истребитель должен был оставаться на месте посадки. Альпинизм был не в моде на Джанипуре, что обеспечивало дополнительную безопасность, но вместе с тем сильно затрудняло возвращение Урубу в новом облике. Сам он не преуменьшал предстоящих трудностей, но и не выглядел особенно озабоченным.

— Я получу все что понадобится не тем путем, так другим, — заверил он на прощание.

Больше всего Козодоя тревожило, что Урубу вернется перепрограммированным Главной Системой, но Клейбен моментально возразил, что, если бы такую вещь вообще было возможно сделать с «этим созданием», он бы сам провернул это еще на Мельхиоре. Принцип сохранения памяти у Урубу слишком отличался от человеческого, а любые введенные ему биохимические и психогенетические препараты немедленно нейтрализовывались.

— Запомните, — убежденно повторял ученый, — это вовсе не Сабатини, не Колль и никто другой из тех, чьими именами он мог бы называться. Это уникальный и чуждый нам организм искусственного происхождения. Он только изображает всех этих людей, как будет изображать кого-то из джанипурцев.

Для начала Звездный Орел снабдил «Пирата-Один» фальшивыми позывными и программой, не требующей присутствия людей на борту. Согласно ей, он должен был выйти из прокола в пределах звездной системы Джанипуре, произвести дозаправку по стандартной процедуре и вернуться в назначенную точку, после чего Звездный Орел собирался проанализировать записи его локаторов. Лоботомированный пилот корабля не мог принимать самостоятельных решений, но справиться с такой простой и шаблонной задачей, а также ответить на стандартные запросы ему было вполне по силам. О том, что его опознают, можно было не беспокоиться — все автоматические транспортны этого

класса выглядели одинаково. Машинная точность и стандартизация работали в пользу пиратов.

Они провели восемь с половиной тревожных часов, думая, что корабль может не вернуться вовсе или вернуться с полным трюмом Валов. Но «Пират-Один» прибыл точно по расписанию, с неснятыми печатями и нетронутыми паролями. Исследуя записи локаторов, Звездный Орел окончательно удостоверился, что либо их заманивают в ловушку, либо Главную Систему ничуть не беспокоит этот мир и имеющийся там перстень. Пока «Пират-Один» находился в звездной системе, в ней не появилось ни одного корабля. Автоматический спутник сделал стандартный запрос — и удовлетворился ответом.

— Не нравится мне это, — сказал на совете Козодой. — Слишком уж легко получается. Не то чтобы у Главной Системы имелся излишек Валов, но прикрыть пять планет ей раз плечом. И к тому же ей тоже известно, что добыть джанипурский перстень легче всего, и, значит, именно он должен стать нашей первой целью.

— Без сомнения, она, так сказать, прячет нечто в рукаве, — вмешался Савафунг, — но я не буду особенно удивлен, если окажется, что она решила просто испытать нас. Я имею в виду — убедиться, что мы вообще сможем это сделать. Потом ей нужны не те, кто отправится красть перстень, а мы все. Она мыслит совершенно иными временными категориями, чем человек. На сегодняшний день ее беспокоит не столько то, что мы можем добыть все перстни, сколько то, что мы увеличим наши силы и численность. Пока что ей угрожает скорее наше знание, чем активные действия. Но ПОСЛЕ того, как мы добудем перстни, сеньоры, вот тогда мы окажемся в величайшей опасности. Эта игра для двоих, видите ли. Мы должны уничтожить ее. Она должна уничтожить нас, а вместе с нами — и знание о могуществе перстней.

Сабатини усмехнулся:

— Вот только с Урубу она еще не знакома.

Высадка прошла относительно легко, гораздо легче, нежели можно было предположить. Подозрения Ко-зодоя возросли, а рассуждения Савафунга подтвердились. Истребитель с дистанционным управлением приземлился в таком неровном и изрезанном скальными обнажениями и горными пиками месте, куда даже солнце не заглядывало. Отключенный, он был практически неразличим с воздуха, но даже при этом операция была сложной и требовала многих предосторожностей. Прежде всего, наблюдательный спутник Главной Системы должен был находиться на другой стороне планеты, чтобы его отделяло от места посадки как можно большее расстояние: истребителю нужно было дать время остыть до следующего прихода спутника, иначе, даже с отключенной энергией, его выдало бы остаточное тепло.

Новые поддельные позывные сработали не хуже прежних, и наблюдательная станция ничем не проявила подозрения, что снова видит тот же самый корабль. Истребитель был запущен, как только они вышли из зоны наблюдения. Капитан Пачиттавал осторожно повел его к Джанипуру, время от времени то уменьшая, то увеличивая тягу, чтобы избежать орбитальных локаторов, и наконец вывел его на орбиту наблюдательного спутника, только на противоположной стороне планеты.

В течение следующих двух часов, пока мнимый транспорт набирал топливо, истребитель прошел над намеченным местом посадки. Его проверили и сочли подходящим. Пачиттавал выждал еще два витка и повел истребитель на посадку.

— Легче легкого, — удовлетворенно сказал капитан. — Словно мы садимся на планету по своим делам, совсем как в старое доброе время.

Они выбросили спутник-ретранслятор в пылевом поясе, пригодном для дозаправки. Он должен был принимать и ретранслировать по субпространственной связи сообщения Урубу. Единственной опасностью, угрожавшей ретранслятору, было то, что его проглотит другой заправляющийся корабль, но шансы на это были мизерными.

Теперь Урубу затерялся где-то на Джанипуре, и тем, кто остался на «Громе», предстояло томительное ожидание.

Между тем члены нового экипажа продолжали знакомиться друг с другом. Их число возрастало. Хань родила дочку и назвала ее Звездочкой. Козодой и остальные из старой гвардии с удивлением узнали, что Танцующая в Облаках тоже ждет ребенка. Детская, вверенная Молчаливой, пополнялась несколько быстрее, чем предполагалось.

Сестры Чо просто расцвели. Обе они стали отменными пилотами, и это придало им уверенности в себе. Теперь они проводили много времени в компании двух полукитайцев из экипажа «Бахакатана». Из-за пятнистой кожи девушки были невысокого мнения о своей внешности, однако их новых приятелей это ничуть не беспокоило. Козодой считал, что люди, привыкшие иметь дело с самыми странными на вид колонистами, могут счесть отметины на коже привлекательными девушек скорее экзотичными, чем уродливыми.

Сам Козодой, хотя и был обрадован новостью, не мог позволить себе уклоняться от долгосрочного планирования. У него будет ребенок, и это важно. Но чтобы у этого ребенка был хоть какой-то шанс на жизнь и будущее, его родители должны были подготовить путь в это будущее.

Фернандо Савафунг по-прежнему оставался ключом ко всем их планам. У него были многочисленные связи и секретные каналы, и он умело ими пользовался.

— Пока почти ничего нового, — сообщил он. — Боюсь, там все еще слишком жарко. Даже не представляю, когда это прекратится. Всего флибустьеров около полумиллиона, и те, кого не поймали и не убили сразу, сейчас в бегах и прячутся. Я связывался с ними, но они для нас бесполезны. Они сами спрашивали у меня, что нового, настолько растеряли все связи.

— А как насчет остальных колец? Особенно насчет пятого? — спросил Козодой.

— Очень немного. Сказки, и ничего более. Даже те, кто работает в Центрах, знают мало такого, чего не знали бы мы.

Икира Сукота задумалась:

— Давайте-ка по порядку. Вы знаете, что один перстень в Материнском Мире. Другой наверняка на Джанипуре. Вы знаете миры, где находятся еще два, и хотя найти их труднее, все же у нас есть какие-то ориентиры, хотя бы рассказы флибустьеров. И ничего, абсолютно никаких сведений о пятом перстне.

Козодой кивнул, соглашаясь:

— Да, примерно так все и выглядит.

Маленькая капитанша встала:

— Мне надо кое с кем переговорить. Никогда раньше об этом не задумывалась, но сейчас у меня мелькнула одна мыслишка.

Она направилась к домику Такъи Мудабур. Женщина-амфибия была хорошим товарищем, на нее можно было положиться, но в отличие от остальных, знающих друг друга многие годы, она как новичок держалась несколько обособленно.

— Такъя?

— Да, капитан. — Она плавала в своем бассейне, но, увидев, что кто-то вошел в домик, тут же выставила голову из воды. — Что-нибудь случилось?

— Такъя, я знаю, ты работала в водных мирах. Сколько их было? Четыре? Пять?

— Шесть, капитан. А почему вы спрашиваете?

— Когда ты разговаривала с тамошними людьми, тебе не встречались упоминания или легенды о большом золотом перстне? Может быть, с рисунком или просто с черным камнем, который носит некто, наделенный властью?

Такья задумалась, потом покачала головой:

— Нет, никогда. Я знаю историю пяти золотых перстней и уверена, что, если бы когда-то раньше слышала о подобной вещи, я бы непременно это вспомнила.

— Из четырехсот пятидесяти известных колониальных миров сколько, ты говоришь, населено водными жителями?

— Немного. Процентов десять, может быть, пятнадцать. Да вы, наверное, знаете не хуже меня.

Икира знала, но никогда не занималась подсчетами, и ее поразила такая цифра. Сорок пять — шестьдесят водных миров...

— Такья, а все их обитатели дышат воздухом, как ты и я, или есть и вододышащие расы?

— Да, я о них слышала, — сказала Такья, — но их немного. Есть и такие, что дышат газами, ядовитыми для нас. А что?

— Просто следую ходу своих мыслей. А есть среди них флибустьеры? Кто-нибудь из них вообще выходил в космос? Я имею в виду тех, что дышат под водой или в атмосфере, не пригодной для нас?

— Не знаю наверняка, но никогда о таком не слышала. Им пришлось бы серьезно перестраивать корабли, делать особые скафандры, не говоря уж о том, чтобы перестраивать атмосферные трансьютеры. Даже таким людям, как вы и я, достаточно трудно покинуть свои планеты, а для них это может оказаться вообще невозможным.

Икира кивнула:

— Понимаю. Спасибо.

Она вернулась на мостик «Грома». Все взглянули на нее с оживлением.

— Ну? Не хочешь ли нас посвятить во что-то?

— Я... я не уверена. Кто-нибудь из вас встречался с расами, которым необходимы для дыхания и жизни вода, ядовитые газы, высокое давление? Я хочу сказать, среди колонистов.

— Их немного, — ответил насекомоподобный капитан Чун Во Хар. — Они лежат вне обычных маршрутов, потому что не имеют практической ценности. Большинство из них не смогло даже достичь уровня технологии, подходящего, чтобы основать Центры. Другие из-за местных условий бесполезны в смысле извлечения прибыли. А что?

— Кажется, я понимаю, куда она клонит, — сказал Козодой. — Мы с вами представляем восемь различных рас. Учитывая наш общий опыт, мы можем сказать, что знаем еще полтораста — двести других по путешествиям и деловым контактам. Нигде нет ни следа недостающего кольца, даже в виде легенды или мифа о каком-то сакральном предмете. Будь я на месте Главной Системы, я бы вполне мог поместить его в один из таких миров.

Мария Сантьяго пожала плечами:

— А почему не все? Тогда наша попытка стала бы почти совершенно невозможной.

— Вы забываете о трансмьютерах, — вмешался Звездный Орел. — Мы можем сделать вас кем угодно.

— Не сомневаюсь, — поежилась хозяйка «Сан-Кристобаля», — но те, кто будет переделан, станутся такими навсегда, не так ли? Потому что неизбежные сдвиги при второй попытке перестройки лавинообразно нарастают и становятся катастрофическими. Так что вы станете этими... людьми и получите их перстни, а потом может оказаться, что даже путешествие на другую планету для вас будет невозможно, а эта — как вы сказали? — развязка, то есть вставление перстней в Главную Систему, насколько я могу догадаться, будет происходить в условиях, да-

леких от идеала. Другими словами, вы сможете украсть перстни, а воспользоваться ими — нет. А я, например, не хотела бы отдать их кому-то, скажем прямо, совершенно чужому, который в награду может только пообещать мне нечто неопределенное. Вероятно, Главная Система это учла.

Козодой кивнул, напряженно раздумывая:

— Да, логично... Если только... Мне хотелось бы иметь данные по всем перстням, а не одну только голограмму того, что носит Чен. Понимаете, они только выглядят как перстни и были сконструированы землянами для земных условий и с помощью технологии, существовавшей в то время. Внутри у них — сложные компьютерные микросхемы, которые в соединении с остальными четырьмя могут перекрыть исполнение действующей программы Главной Системы. Из чего они могут быть сделаны? Я думаю, что лучше всего подходит золото. Я видел перстень Чена, и мне он показался золотым. Вставка похожа на камень, но это может быть и синтетическая керамика — ведь она лучше годится для электроники. Поэтому мне представляется, что можно исключить, например, любые атмосферы, в которых золото может корродировать, деформироваться или разрушиться.

Савафунг возбужденно вскричал:

— Si! Si! Это логично! Если в кольцах есть какие-то активные цепи, они могут, скажем, замкнуться в воде, так что можно исключить и воду.

— Они почти наверняка пассивны, — возразил Звездный Орел. — Слишком смело было бы предполагать, что какой-то аккумулятор сможет удержать заряд в течение девяти с лишним сотен лет, не говоря уже о неопределенном времени. Они могут запитываться при соединении, но не иметь автономного питания.

— Да, вода, наоборот, подходит, — заметил Козодой. — Золоту она не страшна. Оно может потерять блеск, но его легко восстановить даже через столетия.

О герметичности они наверняка позаботились. А вододышащие вряд ли будут иметь контакты с флибустьерами. Я бы предложил как следует проработать и эту гипотезу. Если обнаружится, что перстни не золотые, переключимся на миры с ядовитыми атмосферами, а их намного меньше.

— Полагаю, мы можем сопоставить данные с разных кораблей и найти большинство подходящих миров, если не все, — сказал Звездный Орел. — Но проверить их практически будет нелегко. Их обитатели, наверное, никогда раньше не видели людей и сочтут нас всех, даже Такью, чудовищами.

Козодой вздохнул:

— Мы всегда знали, что нам придется решать такие проблемы. Если Ворон и Чен не ошиблись в интерпретации команд ядра Системы, это должно быть вероятно. Я не думаю, что там есть требование максимально облегчить нашу задачу.

Урубу пробыл на Джанипуре целых семь недель, прежде чем наконец вышел на связь. Его новый голос имел такой сильнейший акцент, что иногда трудно было разобрать слова.

— Я пристроил к истребителю автоматический передатчик и реле, — сообщил Урубу. — Надеюсь, что они сработают. Я пока не знаю, насколько безопасно ими пользоваться, так что буду краток. Этот мир отличается от всех известных мне, но судя по всему, происхождение его земное. Большая часть общества находится в доиндустриальной стадии, примитивна и невежественна, как и предполагалось. Население в намеченной области плотное — очень плотное и очень бедное по любым стандартам. Здесь есть пять Центров, где занято около тридцати тысяч человек. Как и сообщал нам почтенный капитан «Индруса», они довольно современны и оснащены сложными технологическими

комплексами. Здесь существует непростая и очень жесткая кастовая система, которая серьезно усложняет дело. Для обучения в Центрах людей отбирают не по способностям, а по праву рождения, и такого человека видно с первого взгляда.

— Ладно, но перстень-то ты видел? — нетерпеливо спросил Козодой.

— Видел. Для того, кто принадлежит к касте брахманов, это совсем нетрудно. Как и говорил капитан, обычно он выставлен на всеобщее обозрение, но днем добраться до него невозможно. Слишком много зрителей, не говоря уже об охране. С наступлением темноты его охраняют сложные электронные и механические устройства, которые поставили меня в тупик, а ведь я, если помните, вобрал в себя не одного инженера и компьютерщика. Чтобы снять охрану, даже имея все коды и ключи, требуются по меньшей мере трое. Но я заговорился. Остальные данные посылаю последовательным кодом на моей несущей частоте непосредственно Звездному Орлу. Я снова выйду на связь когда смогу, но не раньше завтрашнего дня, в это же время.

— Погоди! Есть ли шансы украдь его без нашей помощи?

— Никаких. В Службе безопасности я третий по старшинству, у меня большая власть и я даже участвовал в снятии охраны с перстня, но сделать это в одиночку и уйти просто невозможно. Да, еще одно. Вы были правы насчет ловушки. По меньшей мере десятая часть сил Службы безопасности этого Центра, а может быть и больше, — двойные агенты. Не сомневаюсь, что есть и другие. Главная Система только и ждет, чтобы мы протянули руку. Ну, пока.

— Связь прервана, — сообщил Звездный Орел. — Я анализирую остальную информацию. На первый взгляд действующий порядок близок к земному, но зрение у местных жителей не такое, как у нас, а их

культура напоминает очень странную форму индуизма. Надеюсь, с помощью экипажа «Индруса» мы сумеем создать достаточно эффективную лингвистическую программу для ментопринтера, но в отличие от Урубу любому из вас потребуется продолжительное обучение. К такому телу и такому образу жизни трудно привыкнуть.

— А как насчет охраны? — спросил Козодой. — Что нас ждет?

— Все как обычно, никаких нововведений. У этих людей очень слабое ночное зрение, а спектральный диапазон уже вашего. Это нам на руку, потому что все ловушки со световыми лучами, невидимые для них, вам будет легко обнаружить. Внешние двери запираются большим ключом, но снабжены собственными датчиками и мониторами дистанционного наблюдения. За первой дверью есть вторая, сейфового типа, а просвет между ними постоянно просматривается датчиками. Вторая дверь управляется компьютером. Код вводится дистанционно с пульта управления на посту охраны. Никто не знает кода целиком, а сам он периодически изменяется.

— Понятно. Продолжай.

— Внутренняя экспозиция музея прикрыта оптическими датчиками, и все помещение постоянно прослушивается. Вокруг витрин в пол, по-видимому, вмонтированы датчики давления. Сами витрины прозрачные, но стекла толстые и, возможно, их удастся разрезать только лазером. Впрочем, это ничего не даст, поскольку в стенки витрин заложена тонкая сетка сигнальных проводов. Открыть витрину можно только двумя обычными ключами, один из которых у верхового администратора, а другой — у начальника Службы безопасности. При одновременном повороте обоих ключей витрина открывается, а на посту охраны включается сигнал, который не отключается до тех пор, пока она не будет закрыта снова.

— Вот как... А есть что-нибудь на тот случай, если кому-то все же удастся что-то вынуть?

— Нет. Это неплохая система сигнализации, но не особенно впечатляющая. Можно взять перстень, закрыть витрину, и если не поднимешь тревогу на обратном пути и закроешь за собой все двери, то можно считать, дело сделано.

— Не хотелось бы мне столкнуться с тем, что ты называешь впечатляющей системой. Пока все выглядит не слишком обнадеживающе.

— Сигнальные устройства и замки обычного типа. Это значит, что они устроены традиционно и наверняка очень стары. Такие же замки используются в земных Центрах. Музей Ватиканского Центра, к примеру, защищен гораздо лучше.

— М-м-м-м... А каковы шансы, что Урубу окажется на дежурстве один?

— Невероятно. Если они следуют обычному порядку, то вахту несет дежурный офицер и еще трое или четверо охранников. Кроме того, поскольку Главная Система разбавила персонал своими людьми, не сомневаюсь, что по крайней мере один из дежурных, а то и больше, будет из них. Их нельзя ни подкупить, ни перевербовать, Козодой.

— Люди — забота Урубу. Я уверен, что он сумеет обеспечить хорошее прикрытие. Большинство сотрудников, а отчасти и бюрократы там, внизу, почти наверняка уже давно в бешенстве из-за того, что их оккупировала Главная Система. Некоторые из них, должно быть, мечтают щелкнуть по носу этих ублюдков — но, разумеется, если они не будут знать, что затевается настоящая кража. Есть какие-то шансы облегчить нам операцию? Скажем, подключить к делу верховного администратора?

— Сомнительно. Все шансы, которые у нас были, улетучились, как только Главная Система разместила там своих людей. В интересах верховного администра-

тора прежде всего оставаться в живых. Нет, боюсь, все так или иначе сводится к проблеме, которую мы уже обсуждали.

Козодой вздохнул:

— Так у тебя есть план? И люди на примете?

— И то, и другое, но я еще должен проработать детали. Мне понадобится дополнительная информация от Урубу. Только не вводите себя в заблуждение. Нам нельзя обойти тот факт, что кому-то из наших людей придется стать джанипурцами, если мы хотим хотя бы сделать попытку. Никто другой, при всех врожденных талантах, не сможет сделать ничего серьезного. Ему понадобится нечто большее, чем помочь Урубу, даже чтобы просто добраться до места. Теперь мне ясно, что покойный Арнольд Нейджи обеспечил нас теми, кто лучше всего подходит для этой работы. Я просто сопоставляю его явные намерения с тем, чего он не предвидел.

— Понимаю. Но, черт возьми, только не они, только не сейчас! Может быть, позже... А ты уверен, что полная трансмутация — это единственный выход?

— Козодой, Козодой, ну подумай сам. Скажем, в Североамериканском Центре — каковы были бы шансы, что кто-то, например из экипажа «Каотана», сможет прокрасться внутрь, подробно осмотреть и обследовать помещения охраны снаружи и внутри, пока Центр открыт, а потом забраться туда ночью, украсть что-нибудь и благополучно скрыться? Даже если бы на их стороне был старший офицер Службы безопасности? Теперь добавь еще, что каждый десятый там — из сил Главной Системы. И бьюсь об заклад, где-то поблизости торчит Вал, готовый вступить в игру. Вот как обстоит дело.

Адмирал пиратского флота вздохнул снова и кивнул:

— Ты прав. И то еще можно было бы сослаться на экскурсию по Центру для колонистов. Впрочем, даже тогда они ничего бы не смогли сделать, потому что за

ними смотрели бы как... как за коршунами, выющиеся возле цыплят.

— Вот видишь. Они явно предназначались для решения данной конкретной проблемы. Можно было бы попытаться сделать это без них, но так будет только хуже.

— Согласен. Даже не представляю, как им об этом сказать. И кстати, у тебя есть какая-нибудь картинка? Как они выглядят, эти джанипурцы? Прежде чем я по-прошу, я хотел бы знать, о чем я прошу.

— Пройди на мостик. Данных от Урубу у меня нет, но я нашел кое-что в архивах «Индруса».

На мостице Козодой застал нескольких человек, копавшихся в пультах управления, и Ворона с неизменной сигарой во рту, который делал вид, что занят очень важным делом. Как только Звездный Орел вывел на экран изображение джанипурца, все повернулись и уставились на него.

— Какого черта?.. — изумился Ворон.

Создание на экране трудно было назвать человеком. Крупное лицо бледно-рыжеватого цвета, слишком большой и широкий нос, ноздри закрыты кожистыми клапанами. Кожа на носу была пористая и влажно блестела, как у собаки. Рот выглядел слишком широким, а подбородок — слишком маленьким, из-за чего все лицо казалось чересчур массивным. Заостренные подвижные уши стояли торчком. Меньше всего были похожи на человеческие его глаза, большие, круглые и выпуклые.

Все тело покрывала короткая густая шерсть. Оно сужалось кверху, переходя в толстую шею, и подозрительно напоминало туловище четвероногого. Руки тоже смахивали скорее на передние лапы. Запястья у джанипурца были необычайно мощны, а кисти рук — огромны. Длинные и заостренные на концах гибкие пальцы казались бескостными. На тыльной стороне ладоней имелись выступы, на вид твердые как сталь.

Странное создание держалось более или менее прямо, но слегка нагнувшись вперед, словно собиралось вот-вот опуститься на четвереньки. Руки и ноги были одинаковой длины, а длинные, косолапо вывернутые пальцы ног были оснащены изогнутыми когтями. На тыльной стороне Козодой разглядел такие же твердые выступы, что и на руках. Вокруг толстых, подходящих скорее животному, бедер был обернут кусок ткани, но он не скрывал, что создание на экране — мужского пола.

— Если эта тварь может вот так ходить, я готов съесть свою сигару, — пробормотал Ворон.

Молодая женщина из экипажа «Индруса» засияла смехом:

— Они не ходят «вот так», тут вы правы. Кисти и ступни поворачиваются, открывая копыта, на которых можно ходить и бегать. Они передвигаются довольно быстро и могут выпрямляться, если надо что-то нести в руках или если расстояние невелико. Но не обманывайте себя. Руки у них очень ловкие, и все они — пре- восходные ремесленники. Эти когти могут мгновенно распороть живот противнику, а оружием они пользуются виртуозно. Ночью они видят плохо, но чутье и слух у них намного лучше наших.

Козодой содрогнулся.

«О чём я должен их попросить? — вертелось у него в голове. — И есть ли у меня право вообще просить их о чём-то?»

— Вы сказали «оружие», — спросил Ворон, не стесненный подобными мыслями. — Они охотятся на кого-нибудь?

— О нет. Они вегетарианцы. Челюсти у них движутся из стороны в сторону, а зубы крупные и плоские. Культура, из которой они происходят, была преимущественно вегетарианской, хотя и не совсем. Кроме того, на планете тепло, а обширные луга могут обеспечить пищей значительное население. Потому Сис-

тема добавила в местную фауну довольно грозных хищников, происходящих от земных тигров. На ранней стадии они поддерживали экологический баланс. Но теперь их численность строго контролируется, и их очень редко можно встретить вне королевских заповедников. А луга сейчас интенсивно возделываются. Взгляните на эти когти — ими можно и обрабатывать землю. Рудных месторождений здесь почти нет, и мы выгодно торговали металлами.

Козодой постарался отогнать тяжелые мысли и сосредоточиться на главной задаче. Если этот Кохин-Центр похож на Североамериканский, значит, полы скорее всего сделаны из гладкого и твердого синтетика. Копыта наделяют там немало шума. Похоже, акустические датчики окажутся серьезной проблемой. С другой стороны, длинные заостренные пальцы выглядят достаточно ловкими, так что, когда придет время разбираться с замками, они будут серьезным преимуществом.

— Это мужчина, — сказал он наконец. — А как выглядят женщины?

— Немного меньше ростом, у них упругие груди, которые свисают вниз, когда они становятся на четвереньки, — ответила женщина с «Индруса». — Дети рождаются четвероногими, а там, где полагается быть кистям и ступням, у них только кожистые клапаны. До семи лет ни кисти, ни ступни не развиваются, а до десяти-одиннадцати лет ими нельзя пользоваться. Вообще-то они самостоятельны с двухлетнего возраста и могут ходить на четвереньках уже через несколько часов после рождения. По первоначальному замыслу это служило защитной мерой в те времена, когда планета была более опасной. Людьми их делают только руки, и детей приходится учить ими пользоваться. Как, впрочем, и стоять на двух ногах. Кстати, вы обратили внимание на его окраску?

— Вы имеете в виду эту светло-рыжую, почти белую шерсть?

Она кивнула:

— Цвет шерсти показывает, что перед нами — брахман. Высшая каста, верховные религиозные лидеры или работники Центра, как этот экземпляр. Касты узнаются по окраске. Рыжие, но потемнее, светло-коричневые, стоят ниже брахманов. Это профессионалы, политики и региональные лидеры. Темные, рыжевато-коричневые — это трудящиеся, преимущественно фермеры и рабочие. Черные... ну, это неприкасаемые. Нечистые. Они скитаются в глуши и опасны для всех остальных.

— Чудесно, — пробурчал Ворон. — А что, если поженятся двое из разных каст?

— Эффект довольно интересный. Цвета не смешиваются, а проступают пятнами. Права и обязанности полукровок определяются по низшему цвету. Такое случается довольно редко, но все же их можно встретить даже в небольших селениях, вроде того, где мы были по делам.

Козодой задумался:

— Так вы говорите, в Центр допускаются только светло-рыжие? И никто больше?

— Во всяком случае, так нам объясняли. В обществе, где всякий носит знаки своего общественного положения на собственной шкуре, за этим легко проследить.

— Вот еще одна сложность. Наверное, нам нелегко будет найти достаточно этих светло-рыжих, чтобы их скопировать.

— Вовсе нет, вождь, — отозвался Ворон. — Если они следуют стандартным процедурам, как говорит Урубу, то обязаны время от времени уходить на рекреацию. А это значит, что в любой момент кто-то из них находится вне Центра, так? Нет, с этим-то проблем не будет. Проблема в том, что на этом уровне все они зарегистрированы, с рождения до смерти, по отпечаткам, не знаю там чего. И кроме того, даже если

они незнакомы друг с другом — я имею в виду этих светло-рыжих, — у них, без сомнения, есть общие друзья, не говоря уже о родственниках. Чертовски трудно будет это подделать.

Козодой откинулся на спинку кресла и вздохнул.

— Ну я не знаю. Если там десять процентов подсадных уток, то о каких знакомствах может идти речь? — Он снова нагнулся вперед. — Кажется, есть шанс заставить кое-что сработать в нашу пользу. Мы можем даже свалить грабеж на Главную Систему и ее агентов, что позволит нам выиграть время. Но отработать-то можно все что угодно, а вот реально ли вообще украсть перстень? И сможем ли мы сделать это у них перед носом и скрыться с добычей?

— Ага, — согласился Ворон, яростно жуя свою сигару. — И еще — кто станет на всю жизнь одним из этих, чтобы отпереть чертовы замки, пока Урубу будет обеспечивать прикрытие?

Последняя жертва... А ведь это всего лишь начало.

Глядя на счастливые лица сестер Чо, Козодой ощущал невыразимую тоску. Лучше бы они были печальны... Девушки явно сгорали от любопытства, впервые попав в личный кабинет Козодоя. Кроме него там была давешняя женщина с «Индруса».

— Садитесь, — пригласил их Козодой. — Устраивайтесь поудобнее. До сих пор вы у нас были на вторых ролях, и я знаю, что вы обе считаете, будто попали в нашу группу по счастливой случайности. Удивитесь ли вы, если я скажу, что вы входили в нее с самого начала? Что большая часть того, что с вами случилось, была подстроена именно с этой целью?

Девушки растерянно кивнули.

— Мы... мы действительно случайно оказались на одном корабле с Хань, — сказала Чо Дай.

— Так-так... А корабль доставил вас на Мельхиор, где вы были под строгим контролем, пока не пришло время уходить. Увы, вы оказались там не случайно. Кому-то нужны были люди с весьма специфическими талантами. Они занесли свои требования в компьютер, и тот указал на вас, пойманных в Китайском Центре после того, как вы прошли через двери, которые не по зубам даже специалистам. Скажите, вы хоть понимаете, как вы это делаете?

Девушки пожали плечами:

— Как человек поет или танцует? Об этом не думаешь, это уже есть в голове. Вы знаете, наш дядюшка был иллюзионистом и решал задачки посложнее. Он заметил наши способности и научил нас кое-каким трюкам. Не так уж много существует способов сделать замок, и у него всегда будет слабое место.

— Ха! А как же быть с электронными замками с числовыми комбинациями и кодовыми карточками, особенно с теми, которые реагируют на отпечатки пальцев или сетчатки?

— Некоторые секреты мы обязаны держать при себе, — застенчиво сказала Чо Дай, — потому что поклялись в этом дядюшке. Но всегда найдется способ подобрать правильные числа или подделать то, что требуется.

— Некоторые двери на Мельхиоре отпирались сложной голограммой. А вы проходили сквозь них так, словно их и не было.

Обе девушки улыбнулись:

— Всякий, кто ставит сложный замок, сперва тревожится, как бы кто-нибудь к нему не вошел. А когда он установит замок и тот пару раз не сработает, отчего он сам не сможет войти, — вот тогда он начинает снова тревожиться, но уже о том, что так будет случаться постоянно. И чем сложнее замок, тем проще вычислить обходной путь на случай аварии, потому что он не должен затрагивать первоначальный принцип.

— Попадался ли вам когда-нибудь такой замок или система сигнализации, которую вы не смогли одолеть? Они переглянулись и пожали плечами.

— И да, и нет, — ответила Чо Дай. — Мы никогда не видели замка, с которым не могли бы справиться, но поймали нас потому, что мы не подумали о сигнализации. Впрочем, в то время у нас просто не было случая узнать о ней. Мы были невежественными крестьянками. Тогда мы не знали даже, что такая сторожевая телекамера.

— Но теперь вы это знаете.

— О да. Здесь, на корабле, мы многому научились. Звездный Орел был настолько любезен, что подробно рассказывал нам о совершенно невероятных системах и даже показывал на движущихся картинках, как они работают. Теперь мы знаем намного, намного больше.

«Интересно, — подумал Козодой, — кто бы это мог подать Звездному Орлу такую мысль?» Что замечательнее всего, сестры Чо были именно таковы, как они о себе говорили, — простые крестьянки, которых взяла в служанки избалованная супруга высокопоставленного чиновника. Они не умели ни читать, ни писать и не выказывали ни малейшей склонности этому научиться. Правильную английскую речь они освоили благодаря ментопринтерной программе и обширной практике на борту «Грома». Они, разумеется, были гениальны, но только в одной, строго ограниченной области.

— Вы знаете, чем мы занимаемся? Вы понимаете, зачем мы здесь, не так ли?

— Конечно! Мы пытаемся найти пять волшебных перстней, которые ниспровергнут машину, притворяющуюся богом. Это почетное дело, потому что мы хотим освободить весь наш народ.

Ну вот...

— Один из перстней находится на планете Джанипур. Он охраняется сложной системой безопасности,

электронной и механической, и к тому же людьми. Эта система считается неуязвимой. Те, кто подбирал нашу пиратскую команду, знали о ней. Они чувствовали, что вам под силу взломать эту систему, украсть перстень и скрыться. Вот зачем вы были с нами с самого начала. Чтобы украсть этот перстень.

— Тогда мы это сделаем. У нас давно не было такого случая попробовать свои силы.

— Но есть одна... проблема. Помеха. Люди там, внизу, не такие, как мы. Они сильно отличаются от нас, хотя и не больше, чем многие из тех, кого вы уже видели на борту нашего корабля. Мы можем, рискнув всем, доставить людей в этот Центр, но там от них не будет проку. Они не пройдут дальше первой сторожевой телекамеры, и любой обратит на них внимание, потому что обычных людей там, внизу, нет. И у Главной Системы там есть свои люди, которые следят, не покажется ли кто-то чужой. Все наши эксперты и компьютеры говорят, что никто из тех, кто не принадлежит к этой расе, не сможет подойти к перстню настолько близко, чтобы хотя бы попытаться открыть замки. Понимаете?

— Вы хотите, чтобы мы научили их, как это сделать?

Козодой вздохнул. Задача оказалась еще тяжелее, чем он думал.

— Нет. Мы не можем вовлекать в это дело никого из них. Не сейчас. Они по большей части достойные люди, но над ними стоит Главная Система, которая говорит им, что делать, и они не могут воспротивиться. Они не сделают этого для нас. Мы сами должны это сделать.

— Но вы же говорили...

Козодой поднял руку:

— Помните Сон Чин, которая стала Соловьем Хань? Вы знаете, как это вышло?

Они переглянулись, потом посмотрели на него:

— Они... у них была какая-то машина. Та, которая изменяет людей.

— Да. У нас тоже есть такая машина, и Звездный Орел знает, как ею управлять. Но у нас нет программы для ментопринтера, которая учит измененного человека пользоваться новым телом, а сами мы сделать ее не можем. Тому, кто будет превращен, придется учиться на собственном опыте. Это будет очень и очень нелегко.

— Хань... — выдохнула Чо Май. — Они не смогли вернуть ее обратно...

— Да. Люди сложнее любого из живых созданий. Мы многое знаем о том, как устроен и действует человек, но тут речь идет не об отдельном органе, а о человеке целиком. Тело, мозг, кровь — словом, все. В человеке столько живых клеток, что и не сосчитать, и все они должны работать в согласии друг с другом. После одного превращения все работает как надо, но если попробовать еще раз, их взаимодействие нарушается. Это может убить, изувечить или превратить человека в чудовище, единственное в своем роде и, возможно, совершенно безумное.

Сестры-близнецы помолчали немного, потом заговорила Чо Дай:

— Вы хотите, чтобы мы превратились в тех — других. Научились, как быть другими. Пошли и украли перстень. А потом — потом мы останемся друзьями навсегда?

— Да. Я впервые прошу об этом, но, увы, не в последний раз. Многим, быть может и мне самому, придется сделать то же самое. Нам предстоит добыть еще три перстня, прежде чем мы сможем вернуться домой.

— Можно... можно посмотреть, как выглядят эти люди?

Козодой достал голограммический снимок, изготовленный Звездным Орлом, и протянул им. Это было изображение того самого брахмана. Девушки долго

смотрели на него, не проявляя никаких чувств, только Чо Дай очень тихо выдохнула: «О-о-о...»

— Я знаю, о чём прошу, поверьте, и вовсе не думаю, что это легко. Наверное, мне придется повторять эту речь еще не раз. Быть может, нам всем понадобится проделать это, чтобы проскользнуть туда, где прячется Главная Система. Я знаю, что это несправедливо, но ничего не поделаешь. Я бы никогда не попросил вас, если была бы хоть малейшая возможность обойтись без этого. У нас есть Урубу — тот, кто сперва был Колль, а потом Сабатини, наверное, вы его хорошо помните, — он там, внизу, в облике одного из них. Он работает в Службе безопасности Центра, но сам ничего сделать не в состоянии. Ему под силу только добыть информацию и прикрыть вас при входе и выходе. Мы вас обязательно вытащим.

— Но в их облике, — тихо сказала Чо Дай. — А что потом?

— А? Что ты имеешь в виду?

— Я хочу сказать, предположим, мы смогли это сделать. Достали перстень и вернулись. И что потом с нами будет?

— Вы останетесь людьми, черт побери! В душе вы останетесь прежними. Вы обе — отличные пилоты, а пилоты нам нужны. Вы сможете, если потребуется обучать других открывать замки. Вы будете ничуть не хуже, чем женщина в чешуе с ноздрями на макушке или тот экипаж, говорящий на кантонском диалекте, у которого все кости снаружи. Вы останетесь людьми и частью команды. — Тут Козодой вспомнил о недостающем пятом кольце и подозрениях капитана Сукоты. — Некоторым, а возможно и многим, придется превратиться в гораздо более ограниченные в своих возможностях существа. Мы думаем, что один из перстней скрыт глубоко под водой, на планете, населенной существами, которые не могут жить на суше.

Женщина с «Индруса» нерешительно покашляла.

— Прошу прощения, — извинился Козодой. — Это Сабира с «Индруса». Она торговала с этими людьми и хорошо их знает.

— Это хорошие люди, — сказала Сабира, — может быть, их тела и кажутся нам странными, но во всем остальном они ничуть не хуже нас. Они сильные и гибкие. И во всем, что имеет значение для людей, они совсем как люди. Они любят своих детей и по большей части добры друг к другу. Они стремятся к удовольствиям и наслаждаются жизнью, так же как и мы. Большинство из них крестьяне, какими когда-то были вы. Если мы должны победить, это надо сделать.

Но девушки не проявили особого энтузиазма.

— А если мы откажемся, что тогда? — спросила Чо Май.

Козодой вздохнул:

— Я никому не имею права приказывать. Вернее, имею, но не сделаю этого. Слишком много пришлось вынести всем на этом корабле — и только потому, что кто-то любил отдавать приказы. Если вы откажетесь, мы будем искать добровольцев. Вам придется обучить их всему, чему сумеете, а потом они пойдут вниз и попытаются. У них будет гораздо меньше шансов, чем у вас, но мы будем повторять попытки до тех пор, пока здесь никого не останется и победа станет невозможной. Мы должны это сделать. Если мы не добудем этот перстень, все остальное не имеет значения.

Сестры кивнули:

— А этот сейф... Вы знаете, как он выглядит? Можно нам посмотреть, на что он похож?

Козодой как мог подробно описал им ситуацию. Они внимательно слушали.

— Последовательность нетрудная, но очень запутанная, — сказала Чо Дай. — Новичку, да еще в незнакомом теле, с ней ни за что не справиться. Еще

хуже то, что замок механический. Механизм не очень отличается от того, что был использован в одном знаменитом трюке нашего дядюшки. Его жену клали в гроб, заливали туда воду, опутывали цепями и закрывали замками, а дядюшка должен был отпереть их все и открыть гроб, прежде чем она захлебнется. Она обучалась у буддистов в высоких горах и могла оставаться под водой несколько минут — дольше, чем любой другой человек, и все-таки все решали его искусство и быстрота. Еще маленькими девочками мы знали, как это делается, и часто практиковались с пустым гробом, отмеряя время песочными часами. Сначала мы успевали открыть его только за час, но теперь мы могли бы сделать это даже быстрее, чем дядюшка Ли. Здесь сильно усложненный вариант той же самой задачи, но невозможно никого научить, как сделать это быстро и с первого раза. Ни за дни, ни за недели, ни за месяцы. И мы не сможем точно воспроизвести здесь эту дверь и ее скрытые ловушки, потому что никогда ее не видели.

— И все же мы должны попытаться, — сказал Козодой.

Вновь заговорила Сабира:

— Вам не придется идти туда одним, девочки. Мы — экипаж «Индруса» и многие другие — говорили об этом. Нам знакома эта земля, эти люди и их обычай. Мы решили, что один из нас должен пройти тем же путем, что и вы, чтобы научить вас нужному поведению. У нас есть ментопринтерные программы для освоения их языка. Это сильно исказенный хинди, мой родной язык. Знамения богов привели нас сюда, а умы, замыслившие нападение на великого компьютерного демона, привели вас. Когда за нами такие силы, мы не имеем права проиграть. Если сравнить с тем, что может ожидать нас в будущем, это не так уж трудно.

Сестры непонимающе уставились на нее:

— То есть вы тоже хотите стать одной из них? Навсегда?

— Это мой долг. Не могу вам сказать, чтобы меня воодушевляла такая мысль, но она меня и не страшит.

Близнецы взглянули на Козодоя:

— Скоро ли это должно случиться?

Тот пожал плечами:

— Урубу надо еще многое подготовить, а нам предстоит обо всем договориться. Сама заброска вряд ли окажется сложной. Мы уже месяцами посылаем туда «Пирата-Один», так что это выглядит как новая регулярная линия. Ему даже больше не шлют запросов. Урубу позаботится, чтобы вы прибыли с большими удобствами, чем он сам. Мы сумели вывести оттуда истребитель и доставить на планету трансмьютерную станцию, ту самую, которую мы использовали на планете островов. Теперь, если мы выберем правильное время, можно пересылать кого угодно прямо с «Пирата-Один» на этот трансмьютер. Но сперва Звездному Орлу придется изыскать способ скопировать, изучить и доставить туда местных жителей. Там у нас есть трансмьютер и блоки памяти. Однако нам понадобится прикрытие, а мы почти уверены, что где-то в Кохин-Центре прячется Вал. Даже Урубу не сможет превратиться в Вала.

— Ну и ладно, — почти равнодушно сказала ЧоДай. — Значит, мы это сделаем.

Козодой изумился:

— Вот так просто? Вы не хотите обговорить это или обдумать?

— Это не нужно. Если бы все сложилось иначе, мы бы умерли в лапах охранников Китайского Центра. Вы объяснили нам, почему нас забрали оттуда и послали туда, куда посылают только значительных людей. Но тот, кто избрал нас, не заставлял нас лазать по каби-

нетам Центра и красть. Мы сами делали это — и поплатились за собственное невежество. Теперь наши жизни принадлежат тем, кто их спас. Вы не можете знать, каково быть беспомощным в чужих руках, когда тебя избивают и насилиют снова и снова. До недавних пор мы боялись даже близко подойти к мужчине, не могли никому доверять. А когда этот... Урубу вновь спас нас от Сабатини, наш долг вырос еще больше. Мы это сделаем.

— Сейчас уже никто не может сам распоряжаться своей жизнью. Вот что ужасно. — Козодой взглянул на Чо Май: — А ты? Ты согласна?

— Нам незачем говорить. Мы знаем мысли друг друга, — ответила та.

Козодой вздохнул:

— Ну что ж... Тогда давайте начнем.

ИНТЕРЛЮДИЯ: ВСТРЕЧА В ПРЕИСПОДНЕЙ

Гость был огромен. Он вошел в маленький жилой купол, с такой легкостью набрав пароль, словно сам его устанавливал. Впрочем, так оно и было. Его никто не встретил. Слегка раздраженный, он, мягко ступая, миновал коридор и в главном зале нашел одинокого землянина, сидящего перед бутылкой и стаканом.

— Ты запоздал, — приветствовал его человек. — Я предложил бы тебе пропустить стаканчик-другой, но знаю, что только зря потрачу добро.

— Тебе следовало бы это бросить, — с укором сказал гость. — Все вещества, приводящие к помутнению рассудка, опасны.

Человек только усмехнулся:

— И ты, конечно, знаешь наверняка, не правда ли? Стало быть, я должен бросить пить, курить, принимать изредка... хм-м-м... пилюли, чтобы не помереть молодым? Вспомни, я давно уже помер! Я, безусловно, мертв. Так что мне нечего трястись из страха за свою жизнь. Черт побери, если в преисподней даже грешить нельзя, какая же это преисподняя?

Гость пропустил замечание мимо ушей.

— Следишь ли ты за успехами наших друзей? — спросил он.

— Само собой. Для того и была построена эта летучая гробница, разве нет? В конце концов ведь это мы перепрограммировали Звездного Орла, еще там, на

Земле. Знаешь, я все думаю, когда Козодой догадается? Он чертовски смышленый малый.

— Возможно, даже чересчур смышленый, чтобы выжить. Вопрос в том, каковы их реальные шансы?

Хозяин вздохнул и отхлебнул из стакана:

— Хорошая штука. Не то что это синтетическое пойло, которое нам приходилось лакать все эти годы. Ну так что же тебе сказать, дружище? Мы подготовили их к Джанипуру, как только могли. Нам даже посчастливилось заметить «Индрус» раньше, чем его увидели солдаты, и радиограммой навестили его на остатки флота беглецов. Невероятное везение. Я бы сказал, что Господь на нашей стороне... если бы только знал, кто такой этот Господь и чего Он, Она, Оно желает...

— Так ты считаешь, что успех вероятен?

Человек пожал плечами:

— Ха! Мы сделали все, что могли. Осталось только пойти туда самим, стянуть эту штуковину и поднести им на серебряной тарелочке, но теперь они сами по себе, в первый раз, но далеко не в последний, и мы не можем вмешаться, даже если бы захотели. Тебе известны правила, которые нас связывают. Не скажу, конечно, что это будет легко, но, думаю, они подойдут к делу не без выдумки. На данный момент у них есть две невежественные крестьянки, которым скоро предстоит принять весьма странный облик, а их единственный дар состоит в способности вскрыть любой замок, какой только в состоянии придумать человек или машина. Есть одна девушка, которая знает там все порядки, но ей еще надо поучиться стоять на стреме. Есть еще одно создание — не знаю уж, как и назвать эту тварь, — и это против шести десятков охранников, всей охранной системы Центра, людей, компьютеров и еще целого корабля солдат под командой Вала, который болтается где-то неподалеку. Ну как они могут проиграть?

— Это не смешно.

— Я и не собирался тебя смешить. А если они все же умудрятся стянуть эту вещь, со следующей будет еще столько же проблем, а с третьей — еще полстолика. Это не говоря о номере четыре, насчет которого мы даже не уверены, где он находится. Впрочем, у них есть кое-какие намеки и несколько дельных мыслей. Это твои люди втянули в дело малышку Икиру? Она стоит троих.

— У нас не было сведений, что она или ее корабль вовлечены в предприятие. Но мне приятно слышать об этом. Чем больше они будут полагаться на самих себя, чем меньше будут нуждаться в нас, тем спокойнее мне будет за них. Нам всем нелегко, и ты должен это понимать.

— Так ты что, не веришь, что они сумеют?

Гость помедлил с ответом:

— Да. С нашей помощью или без нее, это невозможно. Каждая их победа только приближает поражение, ибо всякий раз Главная Система удваивает усилия.

— Да, уж мы-то с тобой знаем, как безотказна Главная Система. Поцарапать одного Вала; сколотить пиратский флот, сцепать один добрый перстенек и всадить его в брюхо Главной Системе...

— Может быть... Но мне не нравится, когда ты так говоришь. Я, знаешь ли, нахожу все это крайне неприятным. Это логическая петля чудовищных размеров. Если это сумасшествие, то не являюсь ли я сам сумасшедшим по определению? А если я сумасшедший, то не соучаствую ли в сумасшествии, способствуя данной попытке разрушить Главную Систему?

— Не бери в голову, приятель, — сказал Арнольд Найджи, зажигая сигарету.

— От тебя никакой пользы, — ответил Вал.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЕЛИНЫ СРЕДИННОЙ ТЬМЫ

1. Чаша богов .	9
2. Проклятия истории	20
3. Истина и ее последствия	47
4. Пять золотых колец	72
5. Кошки-мышки	100
6. Сделка на острие копья .	129
7. Урок биохимии	152
8. Ворон и ведьма	181
9. Раненая надежда . . .	207
10. Золотые птицы Ласло Чена .	240
11. Крепость Мельхиор .	269
12. Выход и убежище	300
13. Босиком по огню	337

ПИРАТЫ «ГРОМА»

Пролог . . .	. 371
1. Мир, летящий среди звезд	. 381
2. Пираты «Грома»	. 406
3. Остров в глухи	. 441
4. Немного политики	. 468
5. Приятная остановка	. 496
6. Разведывательная экспедиция .	. 529
7. На абордаж!	. 560
8. Я пришел дать вам волю	. 588
9. Ястреб Джанипурा . . .	. 618
Интерлюдия: Встреча в преисподней .	. 652

Литературно-художественное издание

Джек Л. Чалкер

**Властелины Срединной Тьмы
Пираты “Грома”**

Редактор К. Е. Россинский

Художественный редактор С. Н. Герцева

Компьютерный дизайн А. А. Кудрявцев

Технический редактор Н. Н. Хотулева

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.04.97.

Формат 84×108 $\frac{1}{2}$. Печать высокая. Бумага типографская.

Усл. печ. л. 34,44. Тираж 11000 экз. Заказ № 5756.

ООО «Издательство АСТ-ЛТД».

366720, РИ, г. Назрань, ул. Фабричная, 3.

Лицензия В175372 № 02254 от 03.02.97.

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: AST@POSTMAN.RU

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени

ГУПП «Детская книга» Роскомпечати.

127018, Москва, Сущевский вал, 49.

